

**Въ продажѣ имѣются сочиненія прив.-доц. Имп. Спб.
Университета В. В. Сиповскаго:**

1) ИСТОРИЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ, ч. I, вып. 1-й, „Народная словесность“, изд. 3-е; вып. 2-й, „Исторія русской письменности отъ XI до XVIII в.“, изд. 3-е; ч. II, „Русская литература XVIII-го, начала XIX в.“, изд. 2-е; ч. III, вып. 1-й, „Пушкинъ, Гоголь и Бѣлинскій“; вып. 2-й, „Русская литература послѣ Пушкина и Гоголя“.

Ученымъ Комитетомъ М. Н. Пр. это сочиненіе допущено въ качество РУКОВОДСТВА въ старшіе классы мужскихъ и женскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ХРЕСТОМАТІЯ.

Первое изданіе было допущено Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пр. въ качество учебнаго пособія въ старшіе классы мужскихъ и женскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.

Томъ I-й, вып. 1-й, „Народная словесность“; вып. 2-й, „Русская литература до Петра“; вып. 3-й, „Русская литература отъ Петра до Карамзина“; томъ II, вып. I, „Русская литература XVIII—XIX в.“: Сентиментальное направленіе (Карамзинъ, Чулковъ, В. и А. Измайловъ, Кн. Шаликовъ); Народническое направленіе (Ив. Дмитріевъ, Нелединскій-Мелецкій, Н. Львовъ, Чулковъ, Аблесимовъ и др.); вып. 2-й, „Русская литература 20—30-ыхъ годовъ XIX ст.“: Романтическое направленіе (Каменевъ, Жуковскій); Классическое направленіе (Озеровъ, Батюшковъ); вып. 3-й, „Русская литература 20—30-хъ годовъ“: Реалистическое направленіе (И. Дмитріевъ, А. Измайловъ, И. Крыловъ, А. Грибоѣдовъ, Нарвѣжннй); Народническое направленіе (Мералковъ, Ершовъ, Растопчинъ); вып. 4-й, „Русская литература 20—40-хъ годовъ“ (Пушкинъ и Гоголь); вып. 5-й, „Русская литература 30—40-хъ годовъ“ (Кольцовъ, Лермонтовъ, Бѣлинскій); т. III, „Русская литература 40—70-хъ годовъ“ вып. 1-й (Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій); вып. 2-й (Л. Толстой и Достоевскій); вып. 3-й (Майковъ, Полонскій, Фетъ, Тютчевъ, Ал. Толстой, Некрасовъ); вып. 4-й (Ап. Григорьевъ, Страховъ, Добролюбовъ, Писаревъ и др.)—печатається.

3) ПУШКИНЪ, ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО. Содержаніе: Въѣсто предисловія: „Русская литература до Пушкина“; „Въ родной семьѣ“; „Въ Царскомъ Селѣ“; „Въ Петербургѣ“; „На югѣ“; „Въ селѣ Михайловскомъ“; „На волѣ“; „Въ тихой пристани“; „Русланъ и Людмила“; „Пушкинъ; Байронъ и Шатобрианъ“; „Полтава“ и „Борисъ Годуновъ“; „Исторія села Горохина“; „Онѣгинъ“, „Ленскій“, „Татьяна“. 617 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Сочиненіе это включено въ каталогъ книгъ, рекомендуемыхъ Мин. Нар. Пр. въ составѣ ученическихъ библиотекъ.

Къ веснѣ 1909 года выйдетъ сокращенное изданіе „Исторія русской словесности“, приуроченное къ программамъ реальныхъ училищъ, коммерческихъ училищъ, женскихъ гимназій, институтовъ и кадетскихъ корпусовъ.

1957

ИСТОРИЯ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Часть III.

ВЫПУСКЪ I.

(Исторія новой русской литературы XIX столѣтія).

(Пушкинъ, Гоголь, Бѣлинскій).

СОСТАВИЛЪ

В. В. Сиповскій,

примѣнительно къ новымъ программамъ ср. учебн. завед. М. П. Цр.
(мужскія гимназій, реальныя училища и женскія гимназій), а также
соотвѣтственно новымъ программамъ, принятымъ въ учебныхъ заве-
деніяхъ IV Отдѣл. Вѣдомства Императрицы Маріи.

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ БР. БАШМАКОВЫХЪ
1909.

Цена въ переплетѣ 1 руб. 20 коп.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Пушкинъ, Гоголь и Бѣлинскій—крупнѣйшія явленія въ исторіи нашей литературы. Они не только объясняютъ *все* въ ея *прошломъ*,—они, своей литературной дѣятельностью, даютъ ключъ къ разумѣнію всей *послѣдующей* русской литературы. Вотъ почему изученіе ихъ творчества особенно важно, такъ какъ оно даетъ возможность уяснить великій *историческій смыслъ* изученія послѣдовательнаго (не эпизодическаго) курса исторіи русской литературы. Оттого считалъ я цѣлесообразнымъ характеристикѣ этихъ трехъ великихъ русскихъ писателей отвести побольше мѣста въ своемъ учебномъ руководствѣ. Я постарался органически связать ихъ съ исторіей русскаго народнаго, письменнаго и книжнаго творчества предшествующихъ вѣковъ. Послѣдній (второй) выпускъ III-ей части моего руководства отведенъ выясненію тѣхъ литературныхъ результатовъ, къ которымъ привела русскую литературу въ XIX ст. дѣятельность трехъ названныхъ писателей.

Полагаю, что детальный анализъ произведеній Пушкина и Гоголя долженъ приучить учениковъ внимательнѣе относиться къ великимъ произведеніямъ русскаго литературнаго слова. Нѣтъ физической возможности составить руководство, въ которомъ съ такою же детальною анализированы были произведенія многочисленныхъ русскихъ лириковъ и романистовъ XIX столѣтія. Изъ попытки написать классное руководство съ такими

широкими планами вышло бы нѣсколько объемистыхъ томовъ, которые „руководствомъ“ быть, конечно, не могли бы. Вотъ почему, съ педагогической точки зрѣнія, я считаю полезнымъ приучать учениковъ къ литературному анализу на болѣе доступныхъ, по мысли и объему, произведеніяхъ Пушкина и Гоголя—съ тѣмъ, чтобы ученики самостоятельно могли примѣнять полученные „навыки“ къ анализу произведеній новѣйшихъ русскихъ писателей. Вотъ почему послѣдняя часть моего руководства которая охватитъ 40—60, отчасти 70-ые годы исторіи русскаго, творчества, представить собою — 1) сжатую характеристику главнѣйшихъ русскихъ литературныхъ направленій второй половины XIX в.,—2) выясненіе той генетической связи, которая соединяетъ важнѣйшія литературныя явленія XIX ст. въ одно органически-послѣдовательное развитіе,—3) указаніе на ту связь, которая русскую литературу этого періода неразрывно соединила съ идейнымъ содержаніемъ русской жизни XIX-го ст.

Я думаю, что такое „историческое“ освѣщеніе литературной жизни XIX-го столѣтія подыметъ у учениковъ интересъ къ изученію величайшихъ произведеній эпохи и оставитъ для ихъ *самостоятельности* широкій просторъ. Пусть въ ихъ рукахъ будутъ произведенія, историческій смыслъ которыхъ имъ ясенъ,—литературный анализъ произведутъ они сами, благодаря основательнымъ знакомствомъ съ Пушкинымъ, Гоголемъ и Бѣлинскимъ.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

СТРАН.

Предисловіе III

Пушкинъ въ Александровскую эпоху 1-2

Характеристика русскаго общества этой эпохи. 1-2
Сложность общественной жизни русскаго общества въ Александровскую эпоху — 1. Сложность литературной жизни — 1. Пушкинъ — итогъ всей предшествовавшей русской литературной жизни 2. — Биографія Пушкина 2-10
Отецъ и мать — 2. Литературныя вліянія въ дѣтствѣ — 3. Вліяніе няни — 3. Пушкинъ въ лицей — 3. Литературныя интересы лицействовъ — 3. Вліяніе Чаадаева — 4. Вліяніе Жуковскаго — 4. Впечатлѣніе отъ войнъ 1812-1814 гг. — 4. Настроенія Пушкина въ лицей — 4. Окончаніе лицея — 4. Настроенія русскаго общества той поры — 4. Пушкинъ въ обществѣ — 4. Ссылка поэта — 5. Пушкинъ на югѣ — 5. Кавказъ и Крымъ — 5. Кишиневъ — 5. „Міровая тоска“ Пушкина — 6. Одесса — 6. Столкновения съ Воронцовымъ — 6. Пушкинъ въ с. Михайловскомъ — 6. Примиреніе съ жизнью — 7. Пушкинъ „на волѣ“ — 7. Отношеніе русскаго общества и властей къ поэту — 7. Настроенія Пушкина — 8. Сватовство — 8. Кавказъ — 9. Женитьба — 9. Жена поэта — 9. Отношеніе къ поэту аристократіи — 10. Друзья — 10. Пушкинъ въ послѣдній періодъ жизни — 10. Дуэль — 10. Литературная дѣятельность Пушкина — 11-19. Періоды литературной дѣятельности Пушкина — 11. а) *Лицейскій періодъ творчества Пушкина* — 11-19. Французская „легкая поэзія“ — 11. Популярность ея у насъ въ XVIII в. — 11. Вліяніе этой поэзіи на Пушкина — 12. Творчество Пушкина въ лицей. Его философія — 12. Взглядъ на поэзію — 12. Содержаніе его поэзіи — 13. „Фантазія“ поэта — 13. Эпикурейзмъ Пушкина послѣ лицея — 14. Вліяніе войнъ 1812-1814 гг. на творчество Пушкина — 14. Элегическія мотивы въ поэзіи лицейскаго періода — 14. Реалистическій элементъ въ поэзіи этого періода — 14. „Городокъ“ — 15. „Сонъ“ — 15. Значеніе пушкинскихъ эпиграммъ — 15. Политическія стихотворенія — 15. „Къ Чаадаеву“ — 16. „Деревня“ — 16. „Вольность“ — 16. „Чернь“ — 16. „Русланъ и Людмила“ — 17. Литературная исторія поэмы — 17. „Народничество“ въ поэзіи XVIII в. — 17. Построеніе волшебнорыцарскихъ романовъ, иностранныхъ и русскихъ — 17. Построеніе поэмы Пушкина — 17. Пародіи на волшебнорыцарскіе романы — 17. Поэма Пушкина — пародія — 18. Достоинства поэмы — 18. Отношеніе русскаго общества къ поэму — 18.

1-58

Сочувственные отзывы о ней—18. б) Отрицательные—18. Въ чемъ „новизна“ поэмы“—18. б) *Пушкинъ на югѣ*—19-43. Психологическія основанія „мировой тоски“ у Пушкина—19. Историческія и литературныя основанія „мировой тоски“—19. „Рене“ Шатобриана—20. Поэзія Байрона—20. Пушкинъ и Шатобрианъ—20. Пушкинъ и Байронъ—21. „Погасло дневное свѣтило“ и „пѣснь Чайльд-Гарольда“—21. „Кавказскій Шѣнникъ“ и „байронизмъ“ этой поэмы—21. Характеристика героя—22. Автобиографическое значеніе поэмы—22. „Байронизмъ“ въ чертахъ героя—22. Вліяніе „Рене“—23. Героини поэмы Пушкина и повѣстей Шатобриана—23. Пушкинъ, Шатобрианъ и Байронъ—23. Отношеніе Пушкина къ своей поэмі—23. Отношеніе критики—24. Критика о вліяніи Байрона—24. Исторія созданія героя этой поэмы—24. „Вахчарайскій фонтанъ“—24. Вліяніе Байрона—24. Герой поэмы—25. Отношеніе критики—25. Предисловіе кн. Вяземскаго—25. Романтизмъ этой поэмы—25. „Братья-разбойники“—25. Сравненіе „байроническихъ“ поэмы съ „Русланомъ и Людмилой“—25. Лирическое творчество на югѣ—26. „Чаадаеву“—26. „Къ Чаадаеву“—26. Наполеонъ въ лирикѣ этого періода—26. Вліяніе Байрона (эготизмъ)—27. „Пѣсня о Вѣщемъ Олегѣ“—27. „Демонъ“—27. Литературное и автобиографическое значеніе этого произведенія—27. „Цыгане“—28. Любовь въ этой поэмі—28. Культурный человѣкъ въ перво-бытномъ обществѣ—28. Исторія Алеко—28. Алекопыганъ—29. Эготизмъ его—29. Отношеніе къ нему цыганъ—29. Развѣчиванье байронизма въ лицѣ Алеко—30. Отношеніе Байрона къ своимъ героямъ—30. Литературное вліяніе на эту поэму Байрона и Шатобриана—30. Отношеніе критики—31. „Евгеній Онѣгинъ“—31. Первоначальное отношеніе Пушкина къ герою—31. Байроническій типъ въ Евгеніи Онѣгинѣ—32. Начало романа—32. Воспитаніе Онѣгина—32. „Свѣтъ“—32. Содержаніе жизни Онѣгина—32. Причины его тоски—33. Деревня—34. Ленскій—34. Вѣзость Ленскаго къ Жуковскому—34. „Дружба“ Онѣгина и Ленскаго—35. Ларинъ—35. Ларинъ—35. Ларина—36. Ольга—36. Татьяна—36. Ея простонародный мистицизмъ—36. Чтеніе романовъ—37. Встрѣча съ Онѣгинымъ—37. Чувства, вызванныя этой встрѣчей—37. Разговоръ съ няней о любви—37. Любовь Татьяны—38. Отношеніе Онѣгина къ письму Татьяны—38. Ссора съ Ленскимъ—39. Смерть Ленскаго и судьба Онѣгина—39. Судьба Татьяны—40. Замужество Татьяны—40. Встрѣча съ Онѣгинымъ—40. Последній разговоръ Татьяны съ Онѣгинымъ—40. Татьяна - идеальный образъ русской женщины—41. Отношеніе публики къ первымъ главамъ романа—41. Описанія—41. „Поэзія прозы“—41. Сцены бытовья—41. Романъ - элегія—41. Литературныя вліянія—41. Сатира-элегія—42. Вліяніе „Новой Элоизы“—42. Вліяніе „Дельфины“—42. Соціальное значеніе пушкинскаго романа—42. Отношеніе критики къ роману—43. Вопросъ о „народности“ въ русской критикѣ—43. Отзывъ Полевого—43. Вопросъ о „байронизмѣ“ въ романѣ—43. Отзывъ Надеждина—43. с) *Михайловскій періодъ въ творчествѣ Пушкина*—43-55. Лирика этого періода—43. „Желаніе славы“—44. „Къ А. П. Кернѣ“—44. „Зимній вечеръ“—44. Интересъ Пушкина къ народной поэзіи—44. Интересъ Пушкина къ древне-русской письменности—45.

Интересъ Пушкина къ творчеству другихъ народовъ в эпоху—45. „Пророкъ“—45. Широкое знакомство Пушкина съ иностранной литературой—46. „Борисъ Годуновъ“—46. Содержание — 46. а. Вступление. Отношение къ Борису знати—46. Отношение народа къ избранію—47. Рѣчь Бориса—47. Ложь—основа жизненной трагедіи Бориса—47. в. Главная часть. Отношение народа—47. Монологъ Бориса—48. Отношение бояръ къ Борису—48. с. Заключение. Отношение народа—48. Состояніе души Бориса—48. Отношение народа къ вѣсти объ убіеніи дѣтей Бориса—49. Вставные эпизоды—49. Борисъ, какъ человекъ—49. Борисъ, какъ правитель—50. Борисъ, какъ преступникъ—50. Причины паденія Бориса—50. Василій Шуйскій—51. Дмитрій Самозванецъ—51. Происхожденіе драмы—52. Вліяніе Шекспира—52 (а. обрисовка характеровъ, в. „единства“, с. смѣшеніе комическаго и трагическаго, d. введеніе массъ, многихъ дѣйствующихъ лицъ. Дробность дѣйствія, е. драма-хроника, f. естественность дѣйствія). Раевскій о драмѣ Пушкина—53. Вліяніе Карамзина—54. Пушкинъ, какъ историкъ—54. Вліяніе произведеній древней письменности на драму—55. Вліяніе псевдоклассиковъ-драматурговъ—55. „Athalie“ Расина—55. „Мораль“ пушкинской драмы—56. „Идейный преступникъ“—57. Мораль драмы—57. Отношение Пушкина къ своей драмѣ—57. Независимость Пушкина, какъ писателя—57. Особенности драмы Пушкина—58. Отношеніе критики—58.

VIII *) Николаевскій періодъ русской литературы. . . 58—119

Характеристика русскаго общества этой эпохи—59. Либералы конца александровской эпохи—59. Императоръ Николай I, какъ политическій дѣятель—60. „Официальная народность“—60. Отношеніе массы русскаго общества къ политикѣ правительства—60. Развитие націонализма—законное историческое явленіе—61. Смѣшеніе націонализма съ консерватизмомъ—61. Особенности этого націонализма николаевской эпохи—61. Оппозиція этому национализму—61. Политика внутренняя и внѣшняя николаевской Россіи—62. „Перевоспитаніе“ русскаго общества—62. Мировоззрѣніе русскихъ „националистовъ“—62. Критика этого мирозерцанія—63. Идейное содержаніе жизни передового русскаго общества въ эту эпоху—64. Чаадаевъ—64. Отношеніе массы русскаго общества къ „письмамъ“ Чаадаева—66. „Апология сумасшедшаго“—66. Значеніе этихъ „писемъ“—66. Отношеніе къ Чаадаеву его идейныхъ противниковъ—66. Интересъ русскаго общества къ нѣмецкой философіи—67. Шеллингъ. Общій характеръ его философіи—67. Взглядъ его на исторію—68. Смыслъ прогресса—68. Гегель—68. „Мировой разумъ“—68. „Все дѣйствительное разумно“—69. Ученіе объ эволюціи—69. Взглядъ его на исторію—69. Эстетика Гегеля—70. Вліяніе обоихъ философскихъ ученій на русское общество—70. Кружокъ Станкевича—70. Станкевичъ—70. Герценъ о „гегелиствѣ“ русской молодежи—70. Значеніе этого увлеченія философіей—71. Герценъ и его друзья—71. Сенъ-Симонъ

*) Въ предыдущихъ частяхъ этой книги выяснены семь періодовъ исторіи русской литературы.

и его учение — 71. Его послѣдователи — 72. Столкновение Герцена съ Бѣлинскимъ — 72. Славянофильство въ русскомъ обществѣ — 72. Исторія славянофильства — 73. Особенности этой теоріи — 73. Дѣятели этой группы — 73. Взглядъ ихъ на Петра и русскую исторію — 74. Идеалы славянофильства — 74. „Западничество“ въ русскомъ обществѣ — 74. Критика славянофильства — 75. Критика современности — 75. d) *Литературная дѣятельность Пушкина въ николаевскую эпоху* — 76-119. Его міросозерцаніе — 76. Отношеніе къ Николаю I — 76. Любовь Пушкина къ людямъ, какъ одно изъ основаній примиренія его съ жизнью — 77. Пушкинъ и „официальная народность“ — 77. „Клеветникамъ Россіи“ — 77. „Бородинская годовщина“ — 78. Пушкинъ и Шеллингъ — 78. Взгляды Пушкина на „поэзію“ — 79. „Поэтъ“ — 79. „Чернь“ — 79. „Поэтъ“ — 80. Самостоятельность Пушкина въ этихъ стихотвореніяхъ — 80. „Эхо“ — 81. „Памятникъ“ — 81. Реализмъ, какъ художественный приемъ — 81. Лирика послѣдняго періода — 82. Элегія — а. любовныя — 82, б. взглядъ на жизнь — 82. „Въ началѣ жизни“ — 83. „19 Октября 1836 г.“ — 83. „Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ“ — 84. „Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье“ — 84. Борьба и страданіе въ поэзіи Пушкина — 84. Свобода въ поэзіи Пушкина — 85. „Изъ VI Лидедемонта“ — 85. Вліяніе древне-русской церковной поэзіи — 85. Античный міръ въ поэзіи Пушкина — 85. Восточная и западная поэзія въ творчествѣ Пушкина — 86. Русская природа въ творчествѣ Пушкина — 87. Народная поэзія въ творчествѣ Пушкина — 87. Вс. Миллеръ о „народничествѣ“ Пушкина — 87. Обработка народныхъ сказокъ въ стихи — 88. Оригинальность стихотворныхъ размѣровъ въ „народныхъ“ произведеніяхъ Пушкина — 88. Происхожденіе нѣкоторыхъ „народныхъ“ произведеній Пушкина — 88. Работа Пушкина надъ своимъ языкомъ — 88. Эпическія произведенія Пушкина въ этотъ періодъ — 89. „Полтава“ — 89. Мазепа — 89. Отношеніе Пушкина къ своему герою — 89. Петръ Великій — 90. Петръ, Карлъ и Мазепа — 91. Смысль поэмы — 91. Развѣнчиваніе личности въ поэмѣ — 92. Художественныя красоты поэмы — 92. Происхожденіе поэмы — 92. „Галубъ“ — 92. Идея поэмы — 92. „Мѣдный всадникъ“ — 93. Евгений — жертва исторической необходимости — 93. Евгений — представитель „захудалого“ дворянства — 94. Евгений — славянофилъ — 94. Петръ Великій въ поэмѣ — 94. Происхожденіе поэмы — 95. Сравненіе этихъ поэмъ съ прежними — 95. Историческія повѣсти Пушкина — 95. Вліяніе Вальтеръ-Скотта — 95. Н. А. Котляревскій объ историческихъ повѣстяхъ Пушкина — 96. Историческая повѣсть на Западѣ — 96. Историческая повѣсть въ Россіи до Пушкина — 96. „Арапъ Петра Великаго“ — 97. Русское общество въ повѣсти — 97. Петръ Великій — 97. Арапъ-Ибрагимъ — 97. „Капитанская дочка“ — 97. Русская жизнь и люди въ повѣсти — 97. Первая глава — „Дворянское гнѣздо“ XVIII-го столѣтія — 98. Вторая глава — Оренбургскій край — 98. Третья глава — Бѣлогорская крѣпость — 98. Четвертая-шестая главы — Любовь Гринева — 98. Шестая-тринадцатая главы — „Пугачевщина“ — 99. Четырнадцатая глава — развязка романа — 99. Старикъ Гринева — 99. Молодой Гринева — 100. Ключевскій о героѣ повѣсти — 100. Старикъ Мироновъ — 101. Мироновъ — 101. Иванъ Игнатьевичъ — 102. Василиса Григорьевна — 102. Маша Миронова — 103. Сравненіе этой ге-

роини съ Татьяной—104. Пугачевъ — 105. Хлопуша—105. Швабрингъ — 105. Императрица Екатерина — 106. Савельичъ—106. Литературная исторія повѣсти — 107. Вліяніе на повѣсть „Исторія Пугачевского бунта“—107. Литературныя вліянія на повѣсть—108. Бытовые романы Пушкина—108. „Дубровский“—108. Троекуровъ—108. Старикъ Дубровский — 108. Молодой Дубровский—108. Маша Троекурова — 109. „Повѣсти Вѣлкина“ — 109. „Выстрѣлъ“—109. „Метель“—109. „Гробовщикъ“—110. „Станціонный смотритель“—110. „Барышня-крестьянка“—110. „Исторія села Горохина“ — 110. Драмы Пушкина — 110. „Скупоу Рыцарь“ — 111. Герой-психопатъ — 111. Манія величія — 111. *Idée fixe* — 111. Манія преслѣдованія — 111. „Позвія золота“ — 112. Альберъ — 112. Происхожденіе драмы—112. „Моцартъ и Сальери“—112. Типъ героя—112. Сравненіе Сальери съ „скупымъ рыцаремъ“ — 112. Сложность душевной борьбы Сальери — 114. Моцартъ — 114. Литературная исторія драмы—114. „Каменный гость“—114. Донъ-Жуанъ — 114. Отношеніе его къ женщинамъ—115. „Позвія любви“ — 115. Отношеніе къ Донъ-Жуану — 115. *Couleur locale*—115. „Любовь“ въ этой драмѣ—115. Литературная исторія драмы—115. „Ширь во время чумы“—116. „Русалка“—116. Литературная исторія драмы—116. Пушкинъ, какъ личность, Его откровенность — 116. Впечатлительность — 116. „Многогранность“ его души — 116. Исторія его міросозерцанія — 116. Любовь къ людямъ — 117. Ширина этого чувства — 117. Любовь къ жизни — 117. Любовь къ свободѣ—117. Любовь къ правдѣ—117. „Свободомыслие“ Пушкина—118. Значеніе Пушкина—118.

Николай Васильевичъ Гоголь. . . . . 120—236

Биографія Гоголя — 120-138. Отецъ—120. Мать—120. Вліяніе малороссійской природы и народности—121. Гоголь въ дѣтствѣ—121. Гоголь въ Лицеѣ—122. Меланхолія Гоголя и ея причины — 122. „Исканія правды“—123. Гоголь—„загадочная натура“—123. „Честолюбіе“ Гоголя—123. Мечты о „служеніи родинѣ“—124. Лицейскія сочиненія Гоголя—124. „Гансъ Кюхельгартенъ“—124. Автобиографическій интересъ повѣсти—124. Гоголь—романтикъ—125. Гоголь въ Петербургѣ—125. Первые разочарованія—125. Поѣздка Гоголя за границу—126. Гоголь за границей—126. Идеалы древней Руси и міросозерцаніе Гоголя—127. Гоголь на службѣ—127. „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“—127. Работа Гоголя надъ повѣстями—127. Гоголь въ апогеѣ славы—128. Вліяніе Пушкина на—а) литературное, б) философское—и с) политическое развитіе Гоголя—128. Блестящій періодъ творчества Гоголя—129. Гоголь-профессоръ—129. „Ревизоръ“—130. Отношеніе Гоголя къ своему произведенію — 130. Объясненіе Гоголемъ смысла пьесы—131. Гоголь за границей—132. Жизнь въ Римѣ—133. Отношеніе къ родинѣ—133. „Мертвыя души“—133. Болѣзнь Гоголя—134. Смерть Пушкина—134. Смерть Вьельгорскаго—135. Лирическія мѣста 1-ой части; ихъ автобиографическое значеніе—135. Гоголь въ Россіи—135. Друзья Гоголя—136. Отношеніе цензуры—136. Болѣзнь Гоголя—137. „Выбранныя мѣста изъ переписки“—138. „Авторская исповѣдь“ — 138. Смерть Гоголя — 138. Литературная дѣятельность Гоголя—139-235. а) *Первый періодъ литературной дѣятельности Гоголя* — 139-187. „Гансъ Кюхельгар-

темъ—139. Содержаніе—139. Литературная исторія этого произведенія—140. Недостатки его—140. Вечера на хуторѣ близъ Князьки—141. Сочетаніе романтизма и реализма въ повѣстяхъ—141. Романтическій элементъ; фантастика романтизма и реализма—142-а) комическое-фантастическое—144, б) прекрасно-фантастическое—144, г) ужасно-фантастическое—145. „Дьяволъ“ въ этихъ повѣстяхъ—145. „Природа“ въ повѣстяхъ—146. „Веселый“ пейзажъ—146. „Мрачный“ пейзажъ—147. Особенность гоголевскихъ описаній природы—147. „Любовь“ въ повѣстяхъ—148. „Крестьяне“ въ повѣстяхъ—148. „Романтическое“ и „реалистическое“ міросозерцаніе—148. „Романтическая“ и „реалистическая“ манера письма—149. Реалистическій элементъ въ повѣстяхъ—149. Малороссійская жизнь въ повѣстяхъ—149. Простонародные типы въ повѣстяхъ—150. Пожилые женщины—150. Молодежь въ повѣстяхъ—151. „Иванъ Федоровичъ Шпонька—150. Содержаніе повѣсти. Герой—151. Тетушка его—152. Сторченко—152. Значеніе повѣсти—153. Отношеніе Гоголя къ крѣпостному праву—153. Происхожденіе этихъ повѣстей—153. Народный мистицизмъ—154. Значеніе народной пѣсни для повѣстей—155. Вліяніе легендъ на повѣсти—155. Литературныя вліянія (иноземныя и русскія)—156. Новалисъ. Гофманъ—156. Жуковский—156. Марлинскій—156. Пушкинъ—156. Источники гоголевскаго реализма—156. Квитка-Основьяненко—156. Нарѣжный—157. Рылѣевъ—157. Погодинъ—157. Отношеніе русской публики и критики къ повѣстямъ—158. Значеніе этихъ повѣстей въ исторіи русской литературы—159. „Миргородъ“—159. Отличіе повѣстей „Миргорода“ отъ „Вечеровъ“—160. „Вій“—160. а) Романтическій элементъ въ „Вій“—160. б) Реалистическій элементъ въ повѣсти—161. Хома Брутъ—162. Литературная исторія этого типа—162. Другіе герои повѣсти—163. Психологія въ повѣсти—163. „Старосвѣтскіе помѣщики“—163. Жизнь героевъ повѣсти—163. Безсодержательность этой жизни—163. „Незаконность“ этой жизни—164. Простота и чистота этой жизни—164. Отсутствіе въ ней „любви къ людямъ“—164. „Темнота“ этой жизни—164. Личныя причины симпатій Гоголя къ героямъ повѣсти—165. Осужденіе этой жизни Гоголемъ—165. Отношеніе Гоголя къ крѣпостному праву въ повѣсти—165. Идеиные недостатки повѣсти—165. Восторженность въ изображеніи жизни героевъ—166. Литературная исторія повѣсти—166. Происхожденіе повѣсти—166. „Повѣсть о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ—167. Жизнь уѣзднаго города временъ Гоголя—167. Безсодержательность этой жизни—167. Рассказчикъ—168. Иванъ Ивановичъ; его характеристика—а) какимъ онъ казался жителямъ Миргорода—169. „Богомольность“ и „доброта“ его—169. Человѣкъ „приличій“, душа общества—169. Отношеніе Ивана Ивановича къ себѣ—169. б) дѣйствительный Иванъ Ивановичъ—170. Иванъ Никифоровичъ—а) какимъ онъ казался жителямъ Миргорода—170. „Хорошій человекъ“—170. б) „дѣйствительный“ Иванъ Никифоровичъ—170. Судья—170. Городничій—170. Жизнь города—170. Сравненіе этой повѣсти съ „Старосвѣтскими помѣщиками“—171. Гуманность Гоголя въ этой повѣсти—171. Литературная исторія повѣсти—171. „Два Ивана“—повѣсть Нарѣжнаго—171. „Тарасъ Бульба“. Отношеніе Гоголя къ этому сюжету—172. Гоголь, какъ историкъ—172. Истори-

ческія ошибки Гоголя въ этой повѣсти—173. Малорос-
 сійское казачество—173. Разносторонность его жизни—174.
 Свобода этой жизни—174. Отношеніе казаковъ къ
 оемьѣ—174. Ихъ идеалы—174. Патриотизмъ—174. Націо-
 нальныя черты казаковъ въ герояхъ другихъ повѣстей
 Гоголя—174. Характеристика Тараса—174. Бульба-семья-
 нинъ: а) Отношеніе его къ женѣ—174. б) Отношеніе къ
 дѣтямъ—175. Бульба, какъ военачальникъ, дипломатъ, то-
 варищъ—175. Бульба, какъ человекъ—175. Остапъ—176.
 Андрій—176. Соединеніе въ повѣсти романтизма и реализ-
 ма—176—а) романтизмъ—176. б) реализмъ—177. Литератур-
 ная исторія повѣсти—177. Интересъ Гоголя къ исторіи Ма-
 лороссіи—177. Интересъ Гоголя къ народнымъ пѣснямъ—177.
 Отраженіе этихъ пѣсенъ въ повѣсти Гоголя—178. Влія-
 ніе исторіи на повѣсть—178. „Славнофильство“ въ по-
 вѣсти—179. Вальтеръ-Скоттъ и европейскій историческій
 романъ—178. Предшественники Гоголя въ созданіи русскаго
 историческаго романа—179. Нарѣжный—179. Мар-
 линскій—179. Загоскинъ—179. Лажечникъ—179. Отно-
 шеніе „Тараса Бульбы“ къ предшествующимъ произведе-
 ніямъ этого рода—179. „Арабески“—179. Статьи „Арабе-
 сокъ“ эстетическаго содержанія—180. Статьи „Арабе-
 сокъ“ историческаго содержанія—181. Взглядъ Гоголя на
 значеніе поэта—181. Гоголь о малороссійскихъ пѣс-
 няхъ—182. Гоголь объ исторіи Малороссіи—182. Гоголь о
 Пушкинѣ—182. Гоголь о реализмѣ—182. Беллетристиче-
 скія статьи въ „Арабескахъ“—183. „Портретъ“—184. „Чи-
 стое искусство“—184. Взглядъ Гоголя на сущность и пре-
 дѣлы художественнаго реализма—184. Религіозное значе-
 ніе искусства—184. Литературная исторія повѣсти—185.
 „Невскій проспектъ“—185. „Записки сумасшедшаго“—185.
 Поприщинъ—185. Проблемы общественной сатиры въ „за-
 пискахъ“—186. Сопоставленіе Поприщина съ Евгениемъ
 („Мѣдный всадникъ“) —186. Отношеніе критики къ „Мир-
 городу“ и „Арабескамъ“—186. Булгаринъ—186. Шевы-
 ревъ—186. Вѣлинскій—186. Значеніе критики Вѣлин-
 скаго для Гоголя—187. б) *Второй періодъ дѣятельности Го-
 голя—187-217.* Интересъ Гоголя къ театральному дѣлу—187.
 Значеніе Гоголя въ исторіи русскаго театра—187. „Игро-
 ки“—188. „Женитьба“—188. Кочкаревъ—189. Подколе-
 синъ—189. Агафья Тихоновна—189. Положительныя лица
 комедіи—189. Отношеніе критики—189. Н. А. Котляревскій
 объ „общечеловѣчности“ типовъ этой комедіи—189. Отно-
 шеніе Гоголя къ своей комедіи—190. Значеніе этой ко-
 медіи—190. Попытка Гоголя создать обличительную ко-
 медію съ общественнымъ содержаніемъ—190. „Вла-
 диміръ 3-ей степени“—190. Значеніе первыхъ дра-
 матическихъ опытовъ Гоголя—191. Общественное зна-
 ченіе комедіи Гоголя—191. Гоголь о русской „народ-
 ной“ комедіи—191. Гоголь о „смѣхѣ“—192. Основная
 идея комедіи „Ревизоръ“. Какъ ее понималъ Гоголь—192.
 Аллегорическое значеніе комедіи—193. Затруднительное
 значеніе критики при опредѣленіи идеи комедіи—193.
 „Темное царство“ въ комедіи—194. Герои комедіи—194.
 Городничій—194. Чиновникъ-хищникъ—194. Его самовла-
 стіе—195. Его практическая сметка—195. Его „двое-
 вѣріе“—195. Жена городничаго—195. Дочь—195. Его
 хвастовство—196. Фантазія—196. Тщеславіе и самодо-
 вольство—196. Безполезность—196. Легкомысліе—196.
 Психологическая ошибка чиновниковъ города—196.

Судья — 196. Попечитель богоугодныхъ заведеній — 196. Добчинскій и Бобчинскій — 196. Осипъ — 197. Русская комедія до Гоголя — 197. Комедіи Гоголя въ формальномъ отношеніи — 198. Комедіи Гоголя въ идейномъ отношеніи — 199. Сравненіе комедій Гоголя съ современными ей пьесами — 199. „Пріѣзжіи изъ столицы“, комедія Основьяненко и значеніе этой пьесы для „Ревизора“ — 199. Отношеніе русской критики къ „Ревизору“ — 200. Кн. Вяземскій о „Ревизорѣ“ — 200. Бѣлинскій — 201. Гоголь о „Ревизорѣ“ — 201. „Театральный разѣздъ“ — 202. Гоголь о „смѣхѣ“ — 202. Историко-литературное значеніе „Ревизора“ — 202. Повѣсти послѣдняго періода. „Шинель“ — 203. Основная идея повѣсти — 203. Характеристика героя повѣсти — 203. Отношеніе Гоголя къ герою повѣсти — 203. Художественная цѣнность повѣсти — 204. Другія дѣйствующія лица въ повѣсти — 205. Литературная исторія повѣсти — 206. Предшественники Гоголя въ изображеніи „маленькихъ людей“ — 206. Значеніе этой повѣсти для послѣдующей русской литературы — 206. Основная идея „Мертвыхъ Душъ“ — а) съ точки зрѣнія Гоголя — 207. б) съ точки зрѣнія критики — 209. Характеристика Чичикова, исторія его души и идеаловъ — 209. Дѣтство — 210. Недовольство дѣйствительностью — 210. „Деньги“ въ жизни — 210. „Карьера“ — 210. Отношеніе къ людямъ. Постепенное расширеніе идеаловъ Чичикова — 210. Пути къ этимъ идеаламъ — 211. Сила воли Чичикова — 211. Умъ — 211. Наклонности къ поэзіи — 211. Чичиковъ съ людьми — 211. Отношеніе Чичикова къ самому себѣ — 212. „Мелочность“ Чичикова — 212. „Сострадательность“ — 212. Сложность его натуры — 213. Оригинальность ума Чичикова — 213. Другія дѣйствующія лица въ повѣсти — 213. Собакевичъ — 213. Коробочка — 214. Плюшкинъ — 214. „Плюшкинъ“ и „Скупой Рыцарь“ — 215. Маниловъ; историческое значеніе этого типа — 215. Ноздревъ — 216. с) *Третій періодъ дѣятельности Гоголя* — 217-236. Идея второй части „Мертвыхъ Душъ“ — 217. Значеніе второй части для исторіи русской литературы — 217. Идеалы общественной жизни во второй части — 218. „Апопееозъ труда“ — 218. Исканіе Гоголемъ „русскаго человѣка“ — 219. Тентетниковъ — 219. Костанжогло — 220. Муразовъ — 220. Пѣтухъ — 220. Хлобуевъ — 221. Кошкаревъ — 221. Ширина гоголевскихъ типовъ — 221. Ихъ общечеловѣческое значеніе — 221. Чичиковъ — 221. Коробочка — 221. Ноздревъ; Тентетниковъ — 221. Психологія губернскаго города — 222. Психологія животныхъ — 222. „Описанія“ въ „Мертвыхъ Душахъ“ — 223. „Реализмъ Мертвыхъ Душъ“ — 223. Отношеніе Гоголя къ реализму — 224. Лирическія отступленія въ повѣсти — 224. Литературная исторія поэмы а) юморъ — 225. б) форма — 225. Реализмъ, предшествующихъ Гоголю и современныхъ ему писателей — 226. Пушкинъ — 226. Марлинскій — 226. Лермонтовъ; Герценъ; Одоевскій; Сологубъ; Загоскинъ; Даль; Гребенка; Основьяненко; Полевой; Павловъ; Булгаринъ; Сенковскій; Погодинъ — 226. Н. А. Котляревскій о реализмѣ „Мертвыхъ Душъ“ — 227. Русская критика о „Мертвыхъ Душахъ“ — 228. Булгаринъ — 228; Сенковскій — 228. Полевой — 228. Шевыревъ — 228. Аксаковъ — 228. Бѣлинскій — 228. „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“ — 229. Содержаніе — 230. Патриархальный складъ государственной жизни — 230. Помѣщикъ-дворянинъ, его значеніе въ государствѣ — 230. Апопееозъ „труда“ и работы надъ

„землей“ — 230. Русское общество въ пониманіи Гоголя — 231. Мысли Гоголя о значеніи церковной поэзіи для поэзіи новой русской — 231. Отношеніе Европы и Россіи — 231. Разнообразіе тона и стіля „писемъ“ — 232. Отношеніе русскаго общества къ этому произведенію — 232. „Авторская исповѣдь“ — 233. Гоголь, какъ личность; трагедія его жизни — 233. Трагедія Гоголя, какъ писателя — 233. Проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовскій о характерныхъ особенностяхъ таланта Гоголя — 234. Пушкинъ и Гоголь — 234. Историческое значеніе Гоголя; выводы — 235.

Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій . . . . . 237—255

Биографія его — 237-245. Отець его — 237. Мать — 237. Дѣтство Бѣлинскаго — 237. Литературные вкусы Бѣлинскаго въ юности — 237. Бѣлинскій въ университетѣ — 238. Драма его „Дмитрій Калининъ“ — 238. Кружокъ Станкевича — 238. Первые литературные опыты — 238. Значеніе кружка Станкевича въ жизни Бѣлинскаго — 238. Вліяніе нѣмецкой философіи на убѣжденія Бѣлинскаго — 239. „Все дѣйствительное разумно“ — 240. „Чистое искусство“ — 240. Журнальная дѣятельность Бѣлинскаго — 240. Вліяніе Герцена на міросозерцаніе Бѣлинскаго — 241. Бѣлинскій въ Петербургѣ — 241. Новые идеалы Бѣлинскаго — 241. Бѣлинскій о переменахъ своего міросозерцанія — 242. Требования, предъявляемые имъ теперь къ литературѣ — 242. Отношеніе къ Пушкину — 242. „Фанатизмъ“ Бѣлинскаго — 243. Бѣлинскій — въ интимномъ кругу друзей — 243. Бѣлинскій и славянофилы — 243. Бѣлинскій и „русская народность“ — 243. Успѣхъ Бѣлинскаго въ средѣ читателей — 244. „Современникъ“ — 244. Бѣлинскій заграницей — 244. Болѣзнь и смерть — 245. Личность Бѣлинскаго — 245. Литературная дѣятельность Бѣлинскаго — 245-255. а) *Первый періодъ* — 245-247. Надеждинъ и „скептическая“ школа въ Московскомъ университетѣ — 245. „Скептицизмъ“ въ литературѣ — 245. Литературныя мечтанія — 246. Опредѣленіе понятія „литература“ — 246. Опредѣленіе „народности“ — 246. Скептицизмъ Бѣлинскаго — 246. Манера письма — 247. Другія статьи этого періода — 247. Бѣлинскій о Гоголѣ — 247. б) *Второй періодъ дѣятельности Бѣлинскаго* — 247-251. Вліяніе Гегеля. „Менцель критикъ Гете“ — 248. „Очерки бородинскаго сраженія“ — 249. „Горе отъ ума“. Опредѣленіе „дѣйствительности“ — 249. Опредѣленіе „русской народности“ — 250. Взглядъ на русскую исторію и литературу — 251. Взглядъ на Пушкина — 251. в) *Третій періодъ дѣятельности Бѣлинскаго* — 251-255. Взглядъ Бѣлинскаго на смыслъ литературы — 252. Значеніе писателя — 252. Критика „историческая“ — 252. Взглядъ на Пушкина — 252. Взглядъ на народную поэзію — 252. Разнообразіе и пестрота содержанія сочиненій Бѣлинскаго — 253. Страстность статей Бѣлинскаго — 253. Акад. А. Н. Ждановъ о Бѣлинскомъ — 254. Русская критика до Бѣлинскаго — 254. Псевдо-классики и романтики — 254. Полевой-романтикъ — 254. Историческое значеніе Бѣлинскаго; выводы — 254. Заключение: Гоголь, Бѣлинскій и Пушкинъ — 255.

Пушкинъ въ Александровскую эпоху.

Во второй части моей „Исторіи русской словесности“ (стр. 187-193) я сдѣлалъ характеристику того любопытнаго времени, лучшимъ выразителемъ котораго былъ у насъ Пушкинъ. Я отмѣтилъ сложность культурной жизни этой эпохи, указалъ на пестроту ея общественныхъ настроеній, на разнообразіе интересовъ тогдашняго общества,—разнообразіе, доходившее до разительныхъ противорѣчій. Ясно все это противорѣчія сказались на личности самого Александра I: начавъ съ рѣчей о конституціи, онъ кончилъ тѣмъ, что отдалъ Россію въ руки Аракчеева, Магницкаго, Рунича и Фотія. Подобныя противорѣчія наблюдаются и въ русскомъ обществѣ: рядомъ съ консерватизмомъ Карамзина („Записка о древней и новой Россіи“, „Исторія Государства Россійскаго“) и его идеализаціей „Московской Руси“—развиваются и зрѣютъ либеральныя мечты русскихъ конституціоналистовъ, разбившіяся 14 декабря 1825 года о крѣпкіе устои самодержавія. На ряду съ интересами *политическими* въ тогдашнемъ обществѣ сильны были (особенно, подъ конецъ царствованія Александра I) интересы *религіозные*, выразившіеся, между прочимъ, въ усиленіи мистицизма (секты, масонство)—и, наконецъ, стали уже ясно опредѣляться интересы *философскіе* (вліянія нѣмецкой идеалистической философіи Шеллинга и Гегеля).

Въ области *литературной* надо отмѣтить такое же существованіе рядомъ самыхъ различныхъ настроеній. Вслѣдъ за *крайнимъ индивидуализмомъ оптимиста* Жуковскаго, который не признавалъ никакихъ общественныхъ интересовъ и сосредоточился исключительно въ созерцаніи своей „прекрасной души“, намѣчается такая-же индивидуалистическая *лирика*, но *пессимистическая* (Боратынскій) и, въ то же время, расцвѣтаетъ направленіе *чисто-*

Сложность общественной жизни русского общества въ Александровскую эпоху.

Сложность литературной жизни.

эстетическое (Батюшковъ), которое также было чуждо всякой политике и признавало *чистую красоту* единственнымъ содержаніемъ поэзіи. Въ то же время и *политическія* настроенія эпохи нашли себѣ выраженіе въ лирикѣ Рылѣева, Одоевского и др. *Реалистическое* направленіе выразилось въ творествѣ Крылова и Грибоѣдова; *народническое*, намѣченное еще XVIII-ымъ вѣкомъ, тоже развивалось, захватывало дѣятельность почти всѣхъ тогдашнихъ писателей, — крупныхъ и мелкихъ, старыхъ и молодыхъ, но не находило себѣ еще яраго выразителя.

Пушкинъ—
итогъ всей
предшество-
вавшей рус-
ской литера-
турной жизни.

Пушкинъ былъ любопытнымъ *итогомъ* всѣхъ этихъ „направленій“: въ теченіе недолгой своей литературной дѣятельности онъ, начавъ съ *псевдоклассицизма*, перешелъ къ *романтизму* и кончилъ *реализмомъ* и *народничествомъ*. Онъ былъ и индивидуалистомъ, который живетъ только интересами своей души, былъ и скорбникомъ-пессимистомъ, былъ и эстетикомъ-„жрецомъ“, служителемъ „чистой красоты“, былъ и политикомъ-судьей русскаго правительства... И не только настроенія изящной литературы XVIII-го — начала XIX-го вѣка были имъ пережиты, — ему болѣе, чѣмъ кому-либо изъ его предшественниковъ, удалось понять и выразить въ своемъ творествѣ духъ древней Руси и идеалы простого русскаго народа. Все это, вмѣстѣ взятое, заставляетъ видѣть въ Пушкинѣ *итогъ всей русской литературы*, не только новой, но и древней и даже народной словесности (см. 1 стр. I т. 1-го вып. моей „Исторіи русской словесности“). Вотъ почему извѣстное изреченіе Герцена: „Петръ Великій бросилъ вызовъ Россіи, и она отвѣтила ему Пушкинымъ“ — далеко не охватываетъ всего содержанія пушкинскаго творчества.

Биографія Пущ-
кина. Отецъ и
мать.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ родился 26 мая 1799 года, въ достаточной дворянской семьѣ. Воспитанія дома онъ не получилъ никакого. Отецъ его былъ пустой свѣтскій человекъ, актеръ-любитель, охотникъ разсказывать анекдоты и собирать сплетни; онъ гордился своей славой остряка, умѣвшаго сочинять каламбуры и экспромты. До старости онъ остался эгоистомъ, которому до семьи дѣла никакого не было. Жена его тоже жила только интересами свѣтской жизни. Какъ мужъ, она не занималась ни хозяйствомъ, ни дѣтьми. Но, кромѣ того, она была вспыльчива и несправедлива, — такъ, наприѣръ, она съ ранняго дѣтства не влюбила будущаго поэта — и эта «нелюбовь» сохранилась у нея навсегда. Домъ Пушкиныхъ представлялъ собой вѣчную толчею, — они были друзьями всей Москвы, и двери ихъ квартиры были открыты для всѣхъ, — «для званныхъ и незванныхъ, особенно изъ иностранныхъ». Вѣчно запутанные въ долгахъ, они являли собою примѣръ полной безалаберности.

Свѣтлой чертой С. Л. Пушкина была любовь къ литературѣ, — у него

была богатая библиотечка, составленная изъ французскихъ и русскихъ писателей XVIII в. Эта библиотечка въ жизни его знаменитаго сына сыграла большую роль: благодаря ей, онъ, еще ребенкомъ, познакомился съ литературой XVIII в. и рано взялся за перо: еще въ родительскомъ домѣ началъ онъ сочинять подражанія Мольеру и Вольтеру. Но особенно увлекала его «легкая поэзія» французовъ, съ ея жизнерадостными настроеніями, веселымъ, не всегда приличнымъ содержаніемъ. Обладая съ дѣтства феноменальной памятью, Пушкинъ «выучилъ наизусть» всю эту литературу, — оттого такъ сильны были ея вліянія на первыхъ опытахъ его собственнаго творчества. Познакомился Пушкинъ и съ произведеніями русскихъ писателей; нѣкоторыхъ онъ узналъ даже лично: И. И. Дмитріевъ, Н. М. Карамзинъ, В. А. Жуковский посѣщали домъ его отца. Но не только съ книгами знакомился А. С. Пушкинъ, — его няня Арина Родионовна рассказывала ему народныя сказки, пѣла пѣсни; она была хорошииъ знатокомъ пословицъ, прибаутокъ и сумѣла заинтересовать мальчика народной поэзіей, заставила его полюбить съ дѣтства народное творчество. Она привязалась къ забытому, нелюбимому ребенку и согрѣла его маленькое отзывчивое сердце своей любовью, спасла это сердце отъ ранняго холода и озлобленія. Сроднивъ его съ простонародной поэзіей, она защитила душу мальчика отъ того презрѣнія къ родинѣ, которое было присуще многимъ людямъ того времени ¹⁾ и которое было результатомъ нерусскаго воспитанія нашего дворянства. На всю жизнь сохранилъ поэтъ благодарность къ своей старой нянѣ. Зато французенки-гувернантки и французы-гувернеры совѣтъ не сумѣли овладѣть его «неуничивой» натурой: и вотъ, не зная родительской любви, почти не вѣдая надъ собой контроля, онъ росъ свободно и безпорядочно.

Литературныя вліянія въ дѣтствѣ на поэта.

Вліяніе няни.

Въ 1811-омъ году родители помѣстили его въ царскосельскій лицей, тогда только что открытый. Здѣсь Пушкинъ занимался неровно, — только тѣмъ, что его интересовало; педагогическимъ вліяніямъ своихъ лицейскихъ наставниковъ онъ совѣтъ не поддавался. Съ товарищами у него отношенія были тоже непрочныя. Вспыльчивый, неровный въ обращеніи, то назойливый, то обидчивый — онъ для многихъ изъ нихъ остался навсегда чуждымъ непонятнымъ. Сблизился онъ только съ Пушцинымъ и Дельвигомъ, которые сумѣли подъ несимпатичной оболочкой открыть его любящее сердце. Они привязались къ нему, и онъ на ихъ чувства отвѣтилъ такой-же неизбѣжной любовью.

Пушкинъ въ лицейѣ.

Особенное значеніе имѣлъ для Пушкина лицей въ томъ отношеніи, что здѣсь окончательно сложились его литературныя вкусы: онъ едѣлся центромъ литературнаго кружка тѣхъ товарищей, которые, какъ и онъ, подписывали стишки. Молодые поэты издавали и свои рукописныя журналы. Чтеніе тоже процвѣтало въ лицейѣ. Лицейсты выписывали всѣ лучшіе тогдашніе журналы и слѣдили за русской и иностранной литературой. Впрочемъ, Пушкинъ остался вѣренъ той «легкой» французской поэзіи, съ главными произведеніями которой онъ ознакомился еще дома. Вотъ почему и первые литературныя опыты его почти всѣ носятъ слѣды вліяній этой фивольной поэзіи.

Литературныя интересы лицейцевъ.

1) Самъ Пушкинъ уже въ зрѣломъ возрастѣ признавался, что, благодаря воспитанію, онъ французскій языкъ всегда зналъ лучше русскаго.

Вліяніе Чаадаева.

Пользуясь «свободой» лицейской жизни, Пушкинъ часто посѣщаль общество царскосельскихъ гусаровъ. Здѣсь онъ сблизился съ Нащокинымъ и Каверинимъ, — съ ними онъ кутилъ и повѣснячалъ; въ обществѣ гусаровъ подружился онъ и съ Чаадаевимъ. Этотъ образованный человекъ, «философъ-резвонникъ», въ веселомъ обществѣ гусаровъ былъ «загадкой». Пушкинъ заинтересовался имъ, и многіе вечера провелъ въ его кабинетѣ, слушая либеральныя рѣчи этого «мудреца-мечтателя». Можно думать, что либерализмъ Чаадаева былъ чисто-теоретическимъ, оторваннымъ отъ жизни, — тѣмъ не менѣе, онъ пѣвнилъ Пушкина. Подъ вліяніемъ его, Пушкинъ сталъ думать о томъ, чтобы «отчивнѣе посвятить души высокіе порывы», онъ сталъ мечтать, что наступитъ время, когда «звѣзды пѣвнительнаго счастья» разгорятся на роднѣи и воцарится «святая вольность». Въроятно, въ такомъ же либеральномъ духѣ были бесѣды Пушкина и съ Пущинимъ, который, еще лицейстомъ, сблизился съ будущими декабристами.

Вліяніе Жуковского.

Въ другомъ направленіи вліялъ на Пушкина Жуковский. Его прекрасная, «кристальная», свѣтлая душа дѣйствовала на мятежное, горячее сердце поэта успокаивающимъ образомъ; она просвѣтляла его и воодушевляла къ высокому и прекрасному. Самъ Пушкинъ признавалъ, что нѣжный голосъ «пѣвца Свѣтланы» обладалъ способностью «утѣшать» его «безмолвную печаль», а иногда его, слишкомъ «шумную, рѣвную, радость» смирялъ первой неясной «думой».

Жуковский имѣлъ вліяніе не только на его сердце, но и на творчество, — онъ ввелъ Пушкина въ интересы молодыхъ передовыхъ писателей, сгруппировавшихся въ «Арзамасъ», — этимъ онъ помогъ Пушкину скорѣе отдѣлаться отъ французскихъ псевдоклассическихъ вліяній.

Впечатлѣніе отъ войны 1812—1814 г.

Къ событіямъ этой эпохи, отразившимся на творчествѣ Пушкина, надо отнести также войну 1812 года. Лицейсты провожали войска, удивленія на войну, и въ 1814 году встрѣчали ихъ побѣдоносное возвращеніе; императоръ Александръ, «спаситель Россіи и всей Европы», вызывалъ въ нихъ впечатлѣтельной юной средѣ благоговѣніе.

Настроенія Пушкина въ лицей.

Въ личной жизни Пушкина событіями были различныя сердечныя увлеченія, самыя разнообразныя, — отъ мимолетныхъ, легкомысленныхъ — до болѣе глубокихъ, которыя приводили жизнерадостнаго лицейста-поэта въ настроенія то радостныя, то элегическія, то даже пессимистическія.

Окончаніе лицей.

Въ 1817 г. 9-го іюня онъ кончилъ лицей и вступилъ въ свѣтъ. Для жизни онъ былъ такъ же мало подготовленъ, какъ и тогда, когда изъ родительскаго дома вступалъ въ стѣны лицей: онъ оставался такимъ же неуравновѣшеннымъ человекомъ, отзывчивымъ, впечатлѣтельнымъ, равно способнымъ на добро и на зло, — все подъ вліяніемъ «минутой».

Настроенія русскаго общества той поры.

Русское общество этой поры жило самыми пестрыми впечатлѣніями: сверху надвигалась уже реакція, но значительная часть общества жило еще либеральными мечтами первыхъ дней александровскаго царствованія, — въ тому же общество было еще взволновано патріотическимъ подъемомъ 1812 года. Этанесогласованность настроеній уже выразилась въ столкновеньяхъ правительства и общества. Въ литературѣ обозначилась такая же борьба между консерватизмомъ «Бесѣды» и либерализмомъ «Арзамаса». Кромя того, въ широкихъ кругахъ русскаго общества царилъ самый беззаботный разгулъ. Пушкинъ въ обществѣ всей головой окунулся въ политическій и литературный либерализмъ эпохи

Пушкинъ въ обществѣ.

и, въ то же время, съ увлеченіемъ отдался свободной жизни тогдашней «золотой молодежи». Поэтъ точно старался обогатить себя самыми сильными и разнообразными впечатлѣніями. Въ его творчествѣ замѣчаемъ мы полное отраженіе его тогдашнихъ интересовъ: онъ разбрасываетъ злыя эпиграммы и памфлеты на тѣхъ дѣятелей, которые примкнули къ реакціи, онъ борется, вмѣстѣ съ арзамасцами, противъ членовъ «Весѣды» — онъ воспѣваетъ въ своихъ стихахъ разгулъ, беззаботное веселье и легкомысленныхъ красавицъ. И, рядомъ съ этими гимнами въ честь радостей жизни, онъ знаетъ и грустныя чувства: какое-то «чистое» увлеченіе отравило его жизне-радостность... Впрочемъ, такія увлеченія недолго имъ владѣли, — палетали мятежныя страсти, и онъ отдавался имъ всецѣло, легко забывая свою чистую любовь. Тогда онъ, не безъ задора, говоритъ о своемъ презрѣніи къ «черни», понимая подъ этимъ словомъ людей, не одобряющихъ его эпикуреизма, — людей, скованныхъ благоразуміемъ, или приличіями. Юноша-поэтъ скоро угорѣлъ въ чадѣ такой жизни и утомился. Ссылка подошла кстати: Ссылка поэта. за оду «Вольность», за свободное поведеніе — онъ былъ принужденъ оставить столицу. Заступничество Карамзина, Жуковского, Энгельгардта (бывшаго директора Лицея) сдѣлали то, что «сѣверъ» (Сибирь, или Соловки) замѣненъ былъ ему «югомъ», — и Пушкинъ былъ отправленъ въ Екатеринославъ служить подъ начало генерала Инзова.

Пріѣхавъ на мѣсто новаго служенія, онъ сейчасъ же захворалъ. Мико-ѣздою посѣтилъ его Н. Н. Раевскій, знавшій его по Царскому Селу. Онъ ѣхалъ съ семействомъ на Кавказъ и пригласилъ съ собою А. С. Пушкина. Инзовъ отпустилъ его, и поэтъ отправился на Кавказъ. Раевскіе были людьми передовыми, хорошо образованными; они сердечно отнеслись къ Пушкину, и въ ихъ кругу поэтъ отдыхалъ душой послѣ пережитыхъ тревоженій. Онъ наслаждался природою Кавказа и внимательно присматривался къ жизни казаковъ¹⁾. Съ Кавказа они перебрались въ Крымъ, въ Гурзуфъ. Здѣсь онъ интересуется татарами, ихъ пѣснями и, подражая имъ, сочиняетъ пѣсню татаръ въ «Бахч. Фонтанѣ». Изъ Крыма Раевскіе отправились въ свое имѣніе Каменку, а Пушкинъ — въ Бессарабію. Пользуясь добротой своего начальника, онъ неразъ посѣщалъ Раевскихъ въ ихъ имѣніи. Здѣсь онъ встрѣтился съ нѣкоторыми будущими декабристами и принималъ участіе въ ихъ горячихъ политическихъ бесѣдахъ.

Службой Инзовъ Пушкина не обременялъ, и поэту много свободного времени оставалось въ Кишиневѣ. Мѣстное общество не отличалось культурностью, и Пушкинъ повелъ себя по отношенію къ нему вызывающе — высмѣивалъ мѣстную знать, дрался нѣсколько разъ на дуэли. Въ низкой средѣ Кишинева онъ опять отдается низменнымъ интересамъ: угаръ петербургской жизни на него налетѣлъ еще разъ. Впрочемъ, онъ теперь не отдается ему всецѣло, — онъ много читаетъ, стараясь чтеніемъ восполнить пробѣлы своего образованія. Кромя того, онъ сближается съ нѣкоторыми передовыми офицерами южной арміи. Интересовался онъ также мѣстными нравами и обычаями, записывалъ пѣсни и сказанія; одно время увлекался онъ греческимъ возстаніемъ. Но все это не заполняло его души, и онъ здѣсь, на югѣ, скоро

Пушкинъ на югѣ.

Кавказъ и Крымъ

Кишиневъ.

¹⁾ Говорятъ, что изъ этой повѣдки вывелъ онъ нѣсколько пѣсенъ о Разинѣ, записанныхъ имъ лично.

„Міровая тоска“ узналъ приступы «міровой тоски»,—того чувства, которое прошло въ всѣмъ европейскому обществу, выразившись въ поэзіи Шатобріана, Байрона и многихъ другихъ большихъ и малыхъ «скорбниковъ». Ихъ вліянію поддавался и Пушкинъ, и въ творчествѣ его за эту эпоху замѣтно вліяніе обоихъ этихъ пѣвцовъ «разочарованія».

Одесса.

Истомившись въ полудикомъ Кишиневѣ, Пушкинъ перебрался въ Одессу служить подъ начало гр. Воронцова. На первыхъ порахъ жизнь въ шумной европейской Одессѣ плѣнила его,—онъ посѣщаетъ театры, завязываетъ знакомства, увлекается мѣстными красавицами, особенно г-жей Рязничъ. Но вскорѣ здѣсь его встрѣтили новыя неприятности: онъ не поладилъ со своимъ начальникомъ гр. Воронцовымъ, который требовалъ отъ подчиненныхъ исполнительности и корректности,—и тѣмъ, и другимъ Пушкинъ никогда не отличался; да, кромѣ того, онъ былъ избалованъ полной свободой, предоставленной ему въ Кишиневѣ Инзовымъ. Къ тому же Пушкинъ влюбился въ жену гр. Воронцова, и, кажется, встрѣтилъ взаимность. Хотя это было и вполнѣ чистое, возвышенное чувство, но, конечно, оно могло только ухудшить отношенія между гр. Воронцовымъ и поэтомъ. Оскорбленный презрительнымъ отношеніемъ графа, пренебреженіемъ къ его литературной славѣ, Пушкинъ пересталъ стѣсняться даже въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ начальствомъ. Тогда гр. Воронцовъ попросилъ убрать поэта изъ Одессы на сѣверъ. Это сдѣлать было рѣшено въ Петербургѣ еще до полученія просьбы гр. Воронцова, такъ какъ въ руки московской полиціи попало письмо, въ которомъ поэтъ писалъ, что «беретъ уроки атеизма»... Въ дни, когда правительственные круги отличались религіознымъ фанатизмомъ, такое заявленіе поэта сочтено было, конечно, ужаснымъ преступленіемъ,—и въ 1824 году онъ былъ отозванъ изъ Одессы и поселенъ въ имѣніи отца, селѣ Михайловскомъ Псковской губерніи.

Столкновѣніе съ Воронцовымъ.

Пушкинъ въ с. Михайловскомъ.

На первыхъ порахъ здѣсь, въ деревенскомъ затишьи, поэтъ тосковалъ страшно,—его тянуло на югъ, гдѣ и природа такъ прекрасна, и гдѣ остались дорогія его сердцу существа.

Но вскорѣ Пушкинъ обжился въ деревнѣ, сталъ посѣщать сосѣдей, особенно сблизился съ Осиповой, ея дочерьми и сыномъ, студентомъ Дерптскаго университета. Въ деревнѣ продолжалъ онъ заниматься самообразованиемъ,—рѣдкое письмо его не заключаетъ въ себѣ просьбы прислать ему книгъ. Онъ перечиталъ въ это время много произведеній иностранной литературы, слѣдилъ внимательно за современной русской, изучилъ русскую исторію, ознакомился даже съ русскими лѣтописями. Къ этому времени относится увлеченіе его Шекспиромъ, Вальтеръ-Скоттомъ и народной русской поэзіей. Особенно помогла ему въ этомъ отношеніи старушка-няня, съ которою ему пришлось коротать вдвоемъ долгіе зимніе вечера. Она пересказывала ему сказки и пѣла пѣсни, которыя когда-то онъ слышалъ отъ нея въ дѣтствѣ. Конечно, теперь онъ отнесся серьезно, тѣмъ въ дѣтствѣ, къ народной поэзіи, и самъ сталъ собирать и записывать народныя произведенія и всматриваться въ народныя обычаи ¹⁾.

Къ этому же времени относится возникновеніе у него интереса къ

¹⁾ Объ этомъ свидѣлствуютъ, хотя бы, его примѣчанія къ свадебнымъ пѣснямъ, записаннымъ имъ въ Псковской губ.

Св. Писанію, къ житіямъ святыхъ. Всѣ эти интересы отразились на его творчествѣ. Сказался на его произведеніяхъ также интересъ къ поэзіи чуждыхъ народовъ и эпохъ. Въ настроеніи Пушкина тоже произошли большія измѣненія: онъ успокоился и примирился съ жизнью, узнавъ ближе русскій народъ и его прошлое. 1).

Это новое міросозерцаніе его было чисто-философскимъ пониманіемъ жизни, признаніемъ въ ней наличности того добра, которое раньше имъ не понималось, не признавалось. На почвѣ такого новаго міросозерцанія развилось у Пушкина и новое пониманіе средствъ служенія обществу,—на прямыхъ, широкихъ и свободныхъ путяхъ. Вотъ почему онъ не примкнулъ къ декабрьскому мятежу, и 11-го мая 1825 года подалъ на имя государя прошеніе о снятіи съ него опалы. 28 августа онъ былъ спѣшно вызванъ въ Москву, 4-го сентября представленъ къ государю и былъ имъ прощенъ. Государь говорилъ съ нимъ долго и милостиво, обѣщавъ самъ цензуровать его сочиненія. Впрочемъ, поэту онъ, очевидно, не довѣрялъ, такъ какъ отдалъ его подъ надзоръ гр. Бенкендорфа, шефа жандармовъ. Это былъ человѣкъ исполнительный, но холодный и недоброжелательный: до процвѣтанія русской литературы ему дѣла никакого не было, и потому опека его надъ Пушкинымъ оказалась для поэта очень тяжелой. На первыхъ порахъ этого поэтъ не замѣтилъ и беззаботно наслаждался «волей».

Примиреніе
съ жизнью.

Пушкинъ
„на волѣ“.

Московское общество приняло Пушкина съ распростертыми объятіями: съ нимъ носились въ «свѣтѣ» и въ литературныхъ кругахъ. Онъ читалъ вездѣ свои произведенія (особенно «Бориса Годунова») и радовался отъ души тому, что его чтеніе вездѣ сопровождалось шумными успѣхамъ. Его радость была отравлена суровымъ выговоромъ Бенкендорфа за то, что онъ осмѣлился читать своего «Бориса Годунова», не испросивъ на это предварительнаго разрѣшенія Государя. Это замѣчаніе было оскорбительно

Отношеніе рус-
скаго о-ва и
властей къ
поэту.

1) За это „примиреніе“ Пушкина упрекали и современники, и нѣкоторые позднѣйшіе критики. Но упреки эти неосновательны. Пушкинъ на себя пережилъ то, что пережила современная ему европейская мысль. Гѣте началъ съ бурныхъ настроеній „Sturm und Drang“ а кончилъ „отреченіемъ“ (resignation) отъ мятежныхъ идеаловъ юности: онъ сталъ говорить о „смиреніи“, онъ говорилъ: „мнѣ всегда были противны апостолы свободы. Въ концѣ концовъ, каждый изъ нихъ искалъ только произвола для себя. Если ты „хочешь освободить многихъ, то сумѣй *служить* имъ“. Евангеліе отъ Іоанна, пишетъ онъ, я признаю моимъ Евангеліемъ и сущности всей мудрости своєю къ одному изреченію—дѣти, любите другъ друга!“. Вотъ, чѣмъ, разрѣшился его протестъ! Шиллеръ, начавшій съ „Разбойниковъ“, сталъ звать къ такому-же „смиренію“: „примкните къ человѣчеству, найти въ его вѣковомъ трудѣ маленькую область, маленький уголокъ и сосредоточить на этой скромной работѣ всю свою силу—это правило предлагалъ онъ къ свѣдѣнію „тому человѣку, который вынырнулъ съ кѣлой флюидомъ въ открытое море жизни и возвратился на одной спасательной лодкѣ въ тихую пристань“. „О *человѣчестѣ*, пишетъ онъ, ты никогда не можешь думать достаточно высоко,—какъ ты носишь эту идею въ твоей душѣ, такъ ты и выражаешь ее въ дѣйствіяхъ. Также и *человѣчку*, который встрѣчается съ тобою въ тѣсномъ кругу твоей жизни—простирай руку помощи, если онъ въ ней нуждается. Но о *благѣ* *человѣчества* *покольный*, другъ, пусть заботится, какъ вчера, такъ и сегодня—небо, какъ оно заботится о дождѣ и росѣ“. Во Франціи это „отреченіе“ отъ идеаловъ протеста выразилось въ возрожденіи религіознаго чувства (Шатобрианъ, Ламенъ, Ламартинъ, Нодде, де-Местръ). Всего характернѣе, что самъ Байронъ, подъ конецъ своего творчества, сталъ приближаться и къ смиренію, и къ отреченію. (Н. Котляревскій „Міровая скорбь“, 307—334).

для Пушкина и угнетающе подѣйствовало на его душу. Драма была представлена на высочайшій судъ, и государь пожелалъ, чтобы изъ нея были выкинуты всѣ народныя сцены, и она была обращена въ «романъ». Пушкинъ не согласился исполнить этотъ совѣтъ-приказаніе, и на нѣсколько лѣтъ запряталъ «подъ сукно» свою драму. Тяжелое настроеніе опять итъ овладѣло, и его потянуло въ деревенскую тишь. Бенкендорфъ ревниво опекалъ поэта, часто дѣлая ему замѣчанія; наприѣръ, по поводу словъ стихотворенія «19 октября»: «домъ опальный»¹⁾; то возбуждалъ цѣлое дѣло по поводу «вишетки», выбранной поэтомъ для его «Цыганъ». Подъ вліяніемъ такихъ неприяностей, Пушкинъ сталъ томиться жизнью: онъ нигдѣ не можетъ найти себѣ мѣсто, — живетъ то въ деревнѣ, то въ Петербургѣ. Онъ чуждъ былъ родной семьѣ, но, въ то же время, не могъ уже съ прежней юношескою жизнерадостностью отдаваться утѣхамъ холостой жизни, — онъ чувствовалъ себя неизмѣримо выше тогдашняго русскаго общества — и литераторскаго, и свѣтскаго; наконецъ, онъ создавалъ, что не исполнились его мечты о независимомъ существованіи, ради котораго принесено было столько жертвъ. Онъ постигъ себѣ цѣну, и жизнь была ясна ему, но, въ награду за эти великія пріобрѣтенныя знанія, онъ былъ обреченъ по-прежнему на неутихательную роль «поднадзорнаго». Немудрено, что онъ теперь нервничаетъ, дѣлается раздражительнымъ. Онъ проситъ разрѣшенія ѣхать за границу, но его не отпускаютъ; проситъ позволенія ѣхать на войну, но и это ему не разрѣшаютъ. Къ тому же начинаются неприятыя исторіи съ его прежними юношескими произведеніями. Они ходили въ рукописяхъ, иногда въ искаженномъ видѣ. Теперь полиція начала на ихъ слѣды; и, когда обнаружилось, что это стихи Пушкина, — онъ принужденъ былъ отвѣчать передъ судомъ.

Настроеніе
Пушкина.

Сватовство.

Утомившись одинокой холостой жизнью, поэтъ начинаетъ искать прочной любви, которая могла бы создать его семейное счастье. Съ этой цѣлью онъ пытался сблизиться съ нѣкоторыми барышнями московскаго и петербургскаго свѣта, но всѣ эти попытки долго оставались неудачными. И вотъ, судьба поставила ему на пути Наталью Николаевну Гончарову. Это была молоденькая, семнадцатилѣтняя дѣвушка, недалекая и малообразованная, но прекрасная собой, какъ Мадонна. У Пушкина, по его словамъ, «закружилась голова», когда онъ ее увидалъ, и онъ рѣшительно пошелъ къ развязкѣ, начавъ сватовство съ матерью плѣннившей его дѣвушки, кажется, не постаравшись заглянуть въ сердце и душу самой дѣвушки. Мать ея была человѣкомъ очень неприятымъ: набожность въ старомъ московскомъ духѣ и благоговѣніе передъ памятью Императора Александра не спасли ее отъ самодурства, деспотизма и, вообще, недоброжелательства къ людямъ. Она была, во всѣхъ отношеніяхъ, полною противоположностью Пушкину. Поэтъ, съ его славой вольнодумца религіознаго и политическаго, былъ ей антипатиченъ, но и дочь пристроить поскорѣе она была не прочь. Во всякомъ случаѣ, она дала Пушкину неопредѣленный отвѣтъ, который повергъ его въ такое отчаяніе, что онъ вдругъ почувствовалъ потребность бросить все — и Москву, и Петербургъ,

¹⁾ «Вовсе не нужно говорить о своей опалѣ, о несчастіяхъ, когда авторъ не былъ въ ономъ — пишетъ онъ Пушкину, — но былъ милостиво и отечески оштрафованъ».

и ударить куда-нибудь подальше, отъ знакомыхъ лицъ, отъ знакомыхъ людей... Въ неудачѣ своей готовъ онъ былъ видѣть наказаніе рока за свои старыя грѣхи. Не испрашивая никакихъ разрѣшеній, самъ не отдавая себѣ яснаго отчета зачѣмъ,—помчался онъ на Кавказъ. Полиція забила тревогу,—полетѣли вслѣдъ за поэтомъ секретныя бумаги, и на «вольномъ Кавказѣ» повсюду, куда ни появлялся поэтъ, согласно предписанію Бенкендорфа, учреждался за нимъ негласный надзоръ. Онъ, между тѣмъ, скакалъ въ дѣйствующую армію, гдѣ думалъ размыкать свое горе среди сильныхъ ощущеній войны. Всегда впечатлительный и увлекающійся, онъ вздохнулъ на Кавказѣ свободной грудью: какъ ребенокъ, наслаждался онъ красотами природы и картинами своеобразной кавказской жизни. Онъ принялъ дѣятельное участіе и въ военныхъ дѣйствіяхъ,—съ отвагой бросался въ первые ряды, гдѣ шла горячая свалка. Главнокомандующій Паскевичъ скоро выразилъ ему свое неудовольствіе по поводу того, что онъ не желаетъ слушать его совѣтовъ; кромѣ того, Паскевичъ былъ недоволенъ невниманіемъ поэта къ его любезности и сближеніемъ съ декабристами. Исполняя желанія Паскевича, Пушкинъ отправился восвояси на сѣверъ. На родинѣ его ждали выговоры Бенкендорфа и сухой пріемъ Гончаровыхъ. Тѣмъ не менѣе, въ ноябрѣ 1830 года онъ сдѣлался женихомъ Н. Н. Гончаровой; потокиъ начались между нимъ и будущей тещей нелады, которые чуть было не повели къ окончательному разрыву. Кажется, подъ конецъ, самъ Пушкинъ не прочь былъ отъ этого разрыва: отъ первыхъ очарованій немного оставалось въ его сердцѣ.

Кавказъ.

18-го февраля 1831 года свадьба поэта состоялась, и онъ съ молодой женой перебрался въ Петербургъ. На первыхъ порахъ онъ былъ почти внолнѣ счастливъ,—только заботы о деньгахъ тревожили его съ каждымъ днемъ все сильнѣе: онъ то хлопотеть о разрѣшеніи издавать оффиціальныи журналъ, то намекаетъ, что охотно занялъ бы вакантное послѣ Карамзина мѣсто «исторіографа»; то старается перехватить въ долги у друзей, взять впередъ за свои сочиненія... Его молодая жена совершенно безучастно относилась къ хозяйству,—великому поэту приходилось хлопотать относительно квартиръ, ругаться съ прислугой; попутно устраивалъ онъ запутаннныя дѣла своего безалабернаго, опустившагося отца и безшабашнаго брата Льва, и родственниковъ жены... Немудрено, что творчество поэта стало погасать. Къ этому времени относится вторичное принятіе его на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ; кромѣ того, съ разрѣшенія начальства, онъ занимался теперь въ архивахъ «Исторіей Петра Великаго».

Женитьба.

Въ угоду молодой красавицѣ-женѣ, Пушкинъ повелъ теперь широкій, свѣтскій образъ жизни. Онъ тщеславился своей женой и баловалъ ее на свою голову. Она, недавно еще скромная, тихая дѣвушка, патриархально-воспитанная, скоро втянулась въ шумную жизнь «большого свѣта».—Для этой жизни она не была вооружена ни умомъ, ни тактомъ, ни знаніемъ людей, и сразу стала дѣлать промахи, которые огорчали и смущали поэта,—въ письмахъ его къ женѣ встрѣтимъ мы по этому поводу рядъ совѣтовъ и пресѣбъ... Между тѣмъ, въ погонѣ за деньгами, поэтъ не зналъ покоя. Занимаясь исторіей Петра Великаго, онъ вдругъ увлекся пугачевскимъ бунтомъ и, желая изучить вопросъ на мѣстѣ, отправился странствовать въ Казань и Оренбургъ. Письма его къ женѣ полны тре-

Жена поэта.

вогъ за нее,—ревность уже наростала въ его сердца. Въ 1834 году Пушкина сдѣлали камеръ-юнкеромъ,—это придворное званіе было ему не по лѣтамъ, и онъ принималъ его, какъ оскорбленіе,—за то ликовала жена: она радовалась тому, что будетъ блистать на придворныхъ балахъ. Пушкина пошла теперь въ самый высокій кругъ русской аристократіи. Эта отношеніе къ поэту аристократіи.

дѣла никакого не было,—неудрено, что на Пушкина здѣсь смотрѣли только, какъ на «высочку», и истили ему тонкими и злыми выходками. Это бѣсило его, но его очаровательная Nathalie ничего не замѣчала и веселилась направо и налево. Настроенія поэта дѣлаются теперь все мрачнѣе... замираетъ его смѣхъ, порою омрачается его оптимизмъ... Онъ отдыхалъ душою только въ кругу избранныхъ друзей: Жуковский, Вяземскій, Го- Друзья.

голь,—вотъ, его друзья-литераторы; Нащокинъ, Соболевскій—его пріатели, съ которыми онъ дѣлился всѣми многочисленными горестями и рѣдкими радостями своей жизни... Хорошо чувствовалъ себя Пушкинъ также въ салонѣ Смирновой (урожденной Россетъ). Здѣсь собирались всѣ друзья Пушкина, сюда приходили иностранцы-дипломаты. Въ теплой, сердечной атмосферѣ этого интеллигентнаго общества Пушкинъ отдыхалъ душой, и свободно раскрывалъ самыя завѣтныя свои мысли. Сдѣлавшись теперь искреннимъ христіаниномъ, онъ много говорилъ о религіи; онъ обнаружилъ глубокое знакомство съ всемірной и русской исторіей,—въ оцѣнкѣ русской и западной литературы онъ не зналъ себѣ въ тогдашней Россіи соперника. Даже иностранцевъ поражалъ его «европейскій умъ, широкій и глубокій». Барантъ, французскій посланникъ, самъ извѣстный историкъ, говорилъ о немъ съ благоговѣніемъ, утверждая, что онъ—«великій мыслитель», что онъ «мыслить, какъ опытный государственннй мужъ»¹⁾.

Пушкинъ въ послѣдній періодъ жизни.

Дуэль.

Развязка въ жизни Пушкина приближалась: французскій эмигрантъ Дантесъ, принятый государемъ въ Кавалергардскій полкъ, сталъ слишкомъ явно угаживать за женой Пушкина,—та отъѣчала обычнымъ ей кокетствомъ... Поэтъ былъ увѣренъ въ своей женѣ, но, зная злобное отношеніе къ нему свѣта, боялся больше, чѣмъ слѣдовало, сплетенъ и слуховъ. Однажды онъ и его знакомые получили анонимные пасквили, въ которыхъ набрасывалось пятно на честь его и его жены. Поэтъ вспылѣлъ, позволилъ себѣ нѣсколько рѣзкостей и вызвалъ Дантеса на дуэль. Потому дѣло затянулось, но затѣмъ опять возникло, и 27 января 1837 г. состоялась между ними дуэль, на которой поэтъ былъ смертельно раненъ и скончался 29-го января. Много нашлось людей, искренне оплакавшихъ поэта, но въ высшемъ свѣтѣ нашлись и такіе, которые злорадствовали. По ихъ адресу направилъ Лермонтовъ свою страстную элегію-сатиру: «На смерть Пушкина».

¹⁾ Мицкевичъ въ некрологѣ Пушкина писалъ: «Пушкинъ удивлялъ слушателей живостью, тонкостью и ясностью ума; онъ обладалъ громадною памятью, вѣрнымъ сужденіемъ, изыскѣннымъ вкусомъ. Когда онъ разсуждалъ о политикѣ иностранной и внутренней, казалось, что говорить посѣдѣлый, дѣловой человекъ, питающійся ежедневно чтеніемъ парламентскихъ преній. Рѣчь его, въ которой можно было замѣтить зародыши будущихъ его произведеній, становилась болѣе и болѣе серьезной. Онъ любилъ разбирать великіе религіозные, общественные вопросы, самое существованіе которыхъ было, повидимому, неизвѣстно его соотечественникамъ».

Литературная дѣятельность Пушкина можетъ быть раздѣлена на три періода: а) *периодъ лицейскихъ произведеній*, б) *периодъ „мировой скорби“* и—с) *периодъ сближенія съ русской действительностью*. Съ такимъ дѣленіемъ совершенно совпадаетъ послѣдовательная смѣна увлеченія Пушкина различными художественными школами: а) *псевдоклассицизмомъ*, б) *романтизмомъ* и—с) *реализмомъ*¹⁾.

Періоды
литературной
дѣятельности
Пушкина.

а) *Лицейскій періодъ творчества Пушкина* (преобладаніе псевдоклассическихъ вліяній). Выше было указано, что въ родномъ домѣ мальчика окружали французскія вліянія: преклоненіе передъ Мольеромъ, Корнелемъ и Расиномъ и увлеченіе французской „легкой поэзіей“,—вотъ, атмосфера, въ которой воспитывались дѣтскіе литературные вкусы Пушкина. Объ этой „легкой поэзіи“ приходилось неразъ говорить выше²⁾. Ей отдали дань почти всѣ русскіе лирики - псевдоклассики, начиная съ Сумарокова. „Остроумная, слегка сентиментальная, и, въ то же время, часто прозрачно-циничная, эта поэзія, повторяя шутки древности, въ пастушескихъ эклогахъ, эпиграммахъ, насмѣшливыхъ эпитафіяхъ, красиво и граціозно воплотила забавы утонченнаго французскаго ума: подъ прикрытіемъ шалостей греческихъ пастуховъ и пастушекъ, Дафнисовъ и Хлой, или веселыхъ олимпійцевъ, рѣзвыхъ нимфъ и сатировъ—часто изображались дѣйствительныя похжденія тогдашнихъ маркизовъ и маркизъ“ (II, 57).

а) Лицейскій
періодъ.

Французская
„легкая по-
эзія“.

У насъ въ XVIII в. эта поэзія имѣла большой успѣхъ: и если „серьзная“ лирика (ода), уступаая натиску времени, теряла свой возвышенный, строго-величавый характеръ и, наполняясь новымъ содержаніемъ, приближалась къ „поэзіи дѣйствительности“, то еще большую свободу, въ этомъ направленіи, имѣла „легкая поэзія“.

Время Екатерины, время беззаботнаго, изысканнаго прожитанія жизни, вѣроятно, особенно способствовало популярности у насъ

Популярность
ея у насъ въ
XVIII в.

¹⁾ Впрочемъ, это дѣленіе должно быть, принято лишь условно: тогда, какъ, напримѣръ, у Вѣлинскаго смѣна настроеній была такъ радикальна, что, увлекаясь однимъ, онъ рѣшительно все прерывалъ съ другимъ,—Пушкинъ, при его разносторонности, въ періодъ классицизма, является иногда „реалистомъ“, а въ періодъ реализма могъ возвращаться и къ классицизму, и къ романтизму. Тѣмъ не менѣе, указанное мною дѣленіе можетъ быть принято, такъ какъ основано на преобладаніи (а не на исключительности) опредѣленныхъ художественныхъ міровоззрѣній у Пушкина въ извѣстный періодъ его жизни.

²⁾ См. мою Исторію русской словесности, ч. II, 29, 57, 117 и др. „Легкая поэзія (poésies légères, poésies fugitives, vers de société) стихотворныя шалости любовнаго, или шутливаго, характера (пѣсни Анакреона, Овидія, мадригалы, стансы, сонеты, триолеты, рондо); Хлой и Дафнисы, Психей и Амуры, Нимфы и Сатиры—любимые образы этой поэзіи. Во Франціи произведеніями въ такомъ родѣ особенно прославились Лафонтенъ, Шолье, Жакъ-Ватистъ-Руссо, Вольтеръ и Парни.

этихъ стихотворныхъ бездѣлушекъ, переводныхъ, подражательныхъ и оригинальныхъ. Такими „бездѣлушками“ увлекался и отецъ Пушкина, и дядюшка его Василій Львовичъ, небезызвѣстный, въ то время, поэтъ; въ отцовской библіотекѣ мальчикъ нашелъ почти полный подборъ подобныхъ произведеній; ими онъ зачитывался, ихъ выучилъ „наизусть“. Немудрено, что рано стали грезиться ему шаловливыя нимфы, фавны, сатиры... Поэзія олицетворилась для него въ видѣ античнаго бога Феба, — или „музы-вакханочки“: онъ бредилъ греческой міеологіей и легко усвоилъ избитые термины классической и псевдоклассической поэзіи: „лира“, „пою“, поэтъ-„жрецъ“ и пр.

Подъ влияніемъ этой жизнерадостной, беззаботной поэзіи, онъ даже въ сочиненіяхъ Вольтера не усмотрѣлъ серьезнаго содержанія, и оцѣнилъ только его остроуміе, его блестящій тонкій цинизмъ. За вольтеровскимъ смѣхомъ онъ не подмѣтилъ того безпросвѣтнаго пессимизма, который за нимъ скрывался. Да это и понятно: въ этотъ періодъ жизни Пушкинъ былъ далекъ отъ „пессимизма“: „эпикуреизмъ“ классической и вседоклассической поэзіи, — вотъ, что его плѣняло.

Онъ продолжалъ „творить“ и въ стѣнахъ лицей. Прекрасно усвоилъ онъ ученіе „эпикурейцевъ“ и неразъ въ своихъ раннихъ юношескихъ стихахъ рекомендуетъ себя поклонникомъ этой утѣшительной системы. За это онъ называетъ себя „мудрецомъ“, „апостоломъ мудрой вѣры“, „лѣнивымъ философомъ“, „потомъ сладострастья“, „сыномъ нѣги“... Охотно расточаетъ онъ наставленія, въ родѣ слѣдующихъ: „наслаждайся, наслаждайся! чаще кубокъ наливай, страстью пылкой утомляйся и за чашей отдыхай!“ „любви нѣтъ болѣ счастья въ мірѣ“, „безъ вина здѣсь нѣтъ веселья, нѣтъ и счастья безъ любви“; ловить „рѣзвое счастье“, расточать безъ боязни „жизни дни златые“, „играть“, забывая печали, искать истины „на днѣ бокала“, — вотъ, что совѣтовалъ друзьямъ юный „парнасскій волокита“. Этотъ „безпечный Пинда посѣтитель“ тогда легко смотрѣлъ на свою поэзію: муза его — „вакханочка“, его „пѣвица“ — „мечтаній сладостныхъ пѣвица“, его посланія „летучія“, стихи его „вѣтренные“, веселиться — его „законъ“... Онъ „только съ музой нѣжится молодой“, своимъ произведеніямъ онъ не придаетъ особаго значенія, — они „плоды веселаго досуга“, „не для безсмертья рождены, для самого себя, для друга, да для Темиры молодой“. Онъ самъ откровенно указываетъ, откуда пришли къ нему эти беззаботныя настроенія — онъ себя называетъ „наслѣдникомъ поэзіи“ Лафора, Шолье, Парни.

Вліяніе этой поэзіи на Пушкина.

Творчество Пушкина въ лицей. Его философія.

Взглядъ на поэзію.

Ихъ онъ именуетъ „врагами труда, заботъ, печали“; эти „сыны безопасности лѣнливой“ были ему „любезны“; „муза праздности счастливой вѣнчала ихъ“, „веселыхъ грацій персть игривый“ „оживлялъ ихъ младыя лиры“,—и нашъ молодой поэтъ, по его словамъ, увлекаемый ими, „крался вслѣдъ за ними“, покоренный ихъ легковѣсной славой ¹⁾. Изъ русскихъ писателей особенно увлекалъ юношу Батюшковъ, который въ первомъ періодѣ своего творчества былъ такимъ же беззаботнымъ пѣвцомъ эпикуреизма.

Цѣлый рядъ произведеній Пушкина, въ которыхъ дѣйствующими лицами являлись пастухи и пастушки, нимфы и сатиры, былъ результатомъ этого преклоненія передъ Парни и К⁰. ²⁾ Даже мрачной, холодной поэзіей Оссіана увлекся онъ въ передѣлкахъ Парни ³⁾. Произведенія автобіографическаго содержанія проникнуты такимъ же безоблачнымъ настроеніемъ: вино, любовь и дружба,—вотъ, единственные мотивы этихъ произведеній; къ нимъ относятся всѣ многочисленныя посланія его къ друзьямъ и красавицамъ, мимоходомъ плѣнявшимъ его легко-воспламеняющееся сердце.

Содержаніе егѣ
поэзіи.

Надо, впрочемъ, добавить, что многія изъ тѣхъ шумныхъ и широкихъ развлеченій, которыя воспѣвалъ Пушкинъ во время пребыванія своего въ лицей, относились къ области „фантазіи“. Онъ самъ неразъ признается, что въ ранней юности былъ большимъ „фантазеромъ-мечтателемъ“

Фантазія
поэта.

«Фантазія, тобою
Одной я награжденъ!»

—восклицаетъ онъ въ одномъ произведеніи; себя онъ называетъ „невольникомъ мечты молодой“, говоритъ, что „мечта—младыхъ пѣвцовъ удѣлъ“. Въ мечтахъ онъ обладалъ тогда „всѣми радостями земными“. Юношу тянуло въ очарованный міръ фантазіи, туда, „гдѣ міръ одной мечтѣ послушный“. Что это былъ за міръ,—мы видѣли: дѣйствительная жизнь была куда скучнѣе и скромнѣе,—тѣмъ „прекраснѣе“ былъ „міръ мечты“: онъ казался ему роскошнымъ садомъ, гдѣ не переводятся цвѣты—увядаетъ одинъ, расцвѣтаетъ другой... Хлои смѣняются Доридой, любовь—виномъ. Юноша-поэтъ, окрыляемый фантазіей, видѣлъ себя въ роскошномъ

¹⁾ Ср. стихи „Посланіе къ Галичу“, „Посланіе къ Ив. Ив. Пущину“, „Мое завѣщаніе“, „Городокъ“, „Къ Батюшкову“, „Гробъ Анакреона“, „Посланіе къ Юдипу“, „Моему Аристарху“.

²⁾ Ср. стихи: „Леда“, „Блаженство“, „Гробъ Анакреона“, „Фавнъ и Пастушка“, „Амуръ и Гименей“, „Фіалъ Анакреона“, „Торжество Вакха“.

³⁾ Ср. стихи: „Кольна“, „Эвлега“, „Осгаръ“.

хороводъ красавиць, въ кругу друзей, гдѣ царятъ тонкія анакреонтическія настроенія. Отуманенный этой оранжерейной атмосферой, не имѣвшей ничего общаго съ дѣйствительностью, онъ пѣлъ восторженную пѣснь безмятежному эпикуреизму...

Эпикуреизмъ
Пушкина послѣ
лицей.

Позднѣе, когда онъ кончилъ лицей и вступилъ въ жизнь, этотъ „эпикуреизмъ“ выразился въ самомъ безшабашномъ прожиганіи жизни, — тогда поэтъ пересталъ воспѣвать безтѣлесныхъ Хлой и Доридь, сталъ воспѣвать живыхъ женщинъ и живую любовь, мало общаго имѣющую съ тѣмъ отвлеченнымъ, фантастическимъ чувствомъ, съ которымъ онъ носился въ лицей.

Но, повторяю, никогда Пушкинъ не былъ въ исключительномъ подчиненіи у однихъ настроеній, — если „эпикурейскіе“ мотивы были типичными для этой эпохи, то нельзя умолчать и о другихъ, замѣтно опредѣлившихся въ этотъ періодъ въ его творчествѣ.

Вліяніе войны
1812—14 гг.
на творчество
Пушкина.

Отечественная война даже съ нѣжной лиры Жуковского сорвала нѣсколько могучихъ аккордовъ. Тѣмъ понятнѣе „героическія“ настроенія у болѣе разносторонняго и впечатлительнаго Пушкина. И вотъ, рядъ прочувствованныхъ патріотическихъ произведеній написано имъ въ честь войнъ 1812-го и 1814-го годовъ ¹⁾. Но эти попытки „парить“ во слѣдъ Державину остались въ его творчествѣ одинокими.

Элегическіе
мотивы въ по-
эзии лицейскаго
періода.

Необходимо отмѣтить также присутствіе въ его поэзии лицейскаго періода *элегическихъ* мотивовъ. Эти мотивы клиномъ врѣзаются въ его эпикурейскія настроенія. Они вызваны были чувствомъ чистой любви, которая впервые охватила Пушкина въ стѣнахъ лицей. Этому чувству посвящено нѣсколько произведеній, грустныхъ и возвышенныхъ по настроенію ²⁾. Несчастная любовь отравила его радость, — онъ теперь называетъ себя на жизненномъ пиру „гостемъ угрюмымъ“, „душа у него больная“; „одной слезы“ оказалось достаточно, чтобъ „отравить бокаль“; „уснувь лишь разъ, — на тернахъ“ онъ проснулся...

Реалистиче-
скій элементъ
въ поэзии этого
періода.

Характерно, что уже въ эту пору ранняго творчества начали опредѣляться у Пушкина симпатіи къ тому художественному *реализму*, который впоследствии упрочили за нимъ славу „поэта дѣйствительности“. Такъ, въ стихотвореніи „Городокъ“ поэтъ

¹⁾ „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“, „Наполеонъ на Эльбѣ“, „На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа въ 1814 году“.

²⁾ „Посланіе къ кн. Горчакову“, „Разлука“, „Уныніе“, „Элегія“, „Я думалъ“. Кроме того, объ этомъ чувствѣ говоритъ онъ въ стихотвореніяхъ: „Наѣдники“, „Желаніе“, „Осеннее утро“, „Разлука“, „Элегія“, „Наслажденіе“, „Окно“ и др.

сумѣлъ удачно изобразить трогательную прелесть русскаго заходистья: веселый садъ, съ старыми липами, цвѣтущей черемухой и березами, домикъ „въ три комнаты“, тишина, лишь изрѣдка прерываемая скрипомъ телѣгъ... И жизнь такъ же тиха, „безпорывна“ въ этой идиллической обстановкѣ, — рассказы словоохотливой старушки и добродушнаго инвалида-старика пріятно разнообразятъ эту „святую“ тишину. Въ этой жизни ничего нѣтъ напоминающаго мотивы и картины псевдоклассической поэзіи, — это — неприкрашенная русская правда, всю красоту которой Пушкинъ, очевидно, сумѣлъ почувствовать еще юношей.

„Городокъ“.

«Но вотъ ужъ полдень. Въ свѣтлой залѣ
Весельемъ круглый столъ накрытъ:
Хлѣбъ-соль на чистомъ покрывалѣ,
Дымятся щи, вино въ бокалѣ
И щука въ скатерти лежитъ...
Сосѣди шумною толпой
Взошли, прервали тишину...»

Въ другомъ стихотвореніи „Сонъ“ опять передъ нами чисторусскій деревенскій пейзажъ:

„Сонъ“.

«Какъ утро здѣсь прекрасно!
Въ тиши полей, сквозь тайну сѣнь дубравъ,
Какъ юный день сіяетъ гордо, ясно!
Свѣтлѣетъ все; другъ друга перегнавъ,
Журчатъ ручьи, блестятъ дуга безмолвны:
Еще роса подъ свѣжей муравой,
Златыхъ озеръ недвижно дремлютъ волны...»

Еще въ лицѣ Пушкинъ сталъ сочинять эпиграммы на различныя событія и дѣятели лицейской жизни. По окончаніи лицея эти эпиграммы юноши-поэта пріобрѣтаютъ болѣе серьезный характеръ, — ими онъ разитъ теперь не только личныхъ своихъ враговъ, — но и принципиальныхъ противниковъ его литературнаго и политическаго либерализма: поражая противниковъ „Арзамаса“ и враговъ Карамзина, онъ такъ же дерзко нападаетъ на тогдашнихъ вожаковъ русской государственной жизни — Аракчеева, Фотія, Голицына. Значеніе этихъ смѣлыхъ и злыхъ стиховъ громадно, — они были вѣрнымъ отраженіемъ того недовольства политикой императора Александра, которое созрѣвало въ сознаніи либеральной части русскаго общества. Но, кромѣ этихъ стихотворныхъ „проказъ“, написалъ Пушкинъ въ это время и три серьезныхъ политическихъ стихотворенія: „Къ Чаадаеву“, „Деревня“ и „Вольность“. Все они сло-

Значеніе пуш-
кинскихъ эпи-
граммъ.

Политическія
стихотворенія.

жились, очевидно, подъ живымъ впечатлѣніемъ чихъ-то горячихъ искреннихъ рѣчей, случайнымъ слушателемъ которыхъ удалось бытъ Пушкину. Отзывчивый, какъ всегда, Пушкинъ, въ минуты подъема, настраивалъ свою „изнѣженную“, шаловливую лиру на возвышенный ладъ, и тогда мечты о конституціи, объ освобожденіи крестьянъ, — мечты, модныя въ русскомъ обществѣ, находили у него прекрасное воплощеніе въ прочувствованныхъ стихахъ:

«Товарищъ! вѣрь, взойдетъ она,
Зара плѣнительнаго счастья,
Россія встрянетъ ото сна!..

„Деревня“.

Въ стихотвореніи „Деревня“ поэтъ тоскуетъ при видѣ „губительнаго позора, невѣжества русской деревни“; его возмущаютъ картины „рабства дикаго“ и „тощаго рабства“. Кончается это стихотвореніе прекраснымъ вопросомъ:

«Увижу-ль я, друзья, народъ неугнетенный,
И рабство, падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы
Взойдетъ-ли, наконецъ, прекрасная заря?

„Вольность“.

И шутивыя, и серьезныя политическія стихотворенія Пушкина ходили по рукамъ, переписывались, заучивались наизусть. Такая популярность указываетъ, что творчество поэта было вѣрнымъ „эхомъ“ тогдашней повышенной политической жизни. Съ нимъ пришлось считаться петербургскимъ властямъ, и ода „Вольность“ (сочинена въ періодъ отъ 1817 до 1819 г.) послужила предлогомъ для высылки поэта изъ столицы.

„Чернь“.

Но если реалистическіе и политическіе мотивы очень замѣтны въ творчествѣ Пушкина, — не они характерны для этой эпохи. Онъ, по преимуществу, остается еще „эпикурейцемъ“. „Черни презирай реэдивое роптанье“ — поучаетъ онъ въ одномъ стихотвореніи, понимая подъ черню всѣхъ „благоразумныхъ“ людей, которые не понимали его эпикуреизма. Такой-же „черню“ былъ для него и „высній свѣтъ“, весь олованный „приличіями“. По-видимому, готовъ онъ къ „черни“ отнести и литературныхъ „старовѣровъ“, — слишкомъ строгихъ Аристарховъ-псевдоклассиковъ.

Такимъ образомъ, уже въ этотъ первый періодъ опредѣлилось въ Пушкинѣ стремленіе къ независимости чувствъ и мысли, — „черню“, въ его глазахъ, была всякая среда, которая дерзала накладывать свое „veto“ на свободное пользованіе *всѣми благами* свободной жизни.

Преобладающими настроеніями лицейскаго періода пронивнуто первое крупное произведеніе Пушкина: „Русланъ и Людмила“ (начато въ 1817 году, окончено въ 1819 году).

„Русланъ и Людмила“:

По типу своему, это произведеніе принадлежитъ къ тѣмъ поэмамъ и Литературная романахъ конца XVIII-го и начала XIX-го вѣка, въ которыхъ ясно сказалось история поэмы. тяготѣніе къ творчеству въ «народническомъ» духѣ. Для полнаго осуществленія его—нужно было только *понять народъ*. Это сдѣлалъ Пушкинъ, но гораздо позднѣе, въ періодъ жизни въ селѣ Михайловскомъ. Теперь же онъ стоялъ такъ же далеко отъ пониманія народа, какъ Чулковъ, Поповъ, Карамзинъ и др. (см. II ч. моей «Исторіи русской словесности» стр. 293—298). Поэтому всѣ эти первыя «народническія произведенія» отразили на себѣ вліянія псевдоклассицизма и сентиментализма,—въ такой же мѣрѣ зависѣли они и отъ волшебнорыцарскихъ романовъ; истинная же «народность» русская очень слабо выразилась въ этихъ произведеніяхъ. Тѣмъ не менѣе въ тяготѣніи къ народному, въ интересѣ къ родному творчеству—великій смыслъ «народническаго» направленія. «Русланъ и Людмила» сложился пѣликомъ подъ вліяніемъ творчества этихъ писателей.

„Народниче-ство“ въ поэзіи XVIII в.

Такимъ образомъ, Пушкинъ былъ неправъ, называя содержаніе своей поэмы «быльми давно минувшихъ дней», «преданьями старины глубокой». Такъ опредѣляя свое произведеніе, онъ стоялъ на той обычной точкѣ зрѣнія, которая не только въ народныхъ былинахъ, но и въ романахъ Чулкова видѣла поэтическія воспоминанія о дѣйствительныхъ фактахъ русскаго прошлаго.

Мы видѣли уже, что волшебнорыцарскіе романы Чулкова и Попова и др. тѣсно прижимаютъ къ поэмамъ Аріосто, Воардо, къ романахъ-народнѣи Виланда («Оберонъ») и пр., съ тѣмъ только отличіемъ, что въ русскія подражанія вставлены имена русскихъ богатырей,—имена, взятая изъ былинъ, а иногда и вымышленныя.

Какъ всѣ волшебнорыцарскіе романы и поэмы («Амадисы», «Пальмерины», «Влюбленный Роландъ», «Неистовый Роландъ»), такъ и романы Чулкова и Попова построены на шаблонныхъ схемахъ: рыцари разыскиваютъ красавицъ, похищенныхъ чародѣемъ, или какимъ-нибудь насильникомъ. Для освобожденія красавицы нужно преодолѣть рядъ трудностей, испытаній, надо вооружиться особыми «талисманами», «волшебными мечами», «копьями» и пр. Подвигъ, конечно, удастся—чародѣй оказывается побѣжденнымъ, и благодарная красавица награждаетъ своею любовью избавителя-рыцаря. Здѣсь и добрые чародѣи, помогающіе герою совѣтомъ, или дѣломъ, здѣсь и волшебные замки, съ очарованными красавицами, и соблазны, и ужасы...

Построеніе волшебнорыцарскихъ романовъ, иностранныхъ и русскихъ.

Совершенно такъ же построена поэма Пушкина,—сравнительно съ романами Чулкова и Попова, въ ней нѣтъ ни одного новаго мотива, но зато она граціозна, удивительно свѣжа, вся пропитана тонкимъ остроуміемъ, блестятъ яркостью красокъ и легкой прихвѣсью изящнаго эпикуреизма, который такъ характеренъ для многихъ пушкинскихъ произведеній лицейскаго періода. Рыцарскіе авантюрные мотивы, которые у многихъ писателей разрабатывались серьезно, въ поэмѣ Пушкина разработаны шутивно: скептицизмъ XVIII-го вѣка, вліянія Вольтера, Виланда, Гамильтона, Лафонтена внесли въ юношескую поэму Пушкина эту своеобразную окраску,

Построеніе поэмы Пушкина.

Народіи на воли.-рыц. романы.

ВИБЛОТН
№ 59698

15446

Поэма Пушкина—народія. сближающую поэму Пушкина съ «народіями» на рыцарскіе романы. Такимъ образомъ, это *ироническое* отношеніе автора къ содержанію своего произведенія и, въ то же время, полное неумѣніе разобраться, что въ сказочныхъ мотивахъ народнаго происхожденія, что книжнаго,—помѣшали первому произведенію Пушкина сдѣлаться «народнымъ». Къ достоинствамъ поэмы надо отнести прекрасную форму этого произведенія, легкій, игривый стиль, бодрое, задорное настроеніе, которое пронизываетъ всю поэму, ярко и полно отразившую на себѣ идеалы и настроенія лицейскаго періода.

Отношеніе русскаго общества къ поэмѣ. Поэма была принята русской публикой восторженно—ясное доказательство того, что она пришлась по плечу русскому обществу,—въ ней увидѣли старое, извѣстное, но сказанное на новый ладъ, возведенное въ дѣйствительную красоту.

а) Сочувственныя отзывы о ней. Впрочемъ, критика русская раздѣлилась на два лагеря—одни восхваляли поэму, другіе ее осуждали. Жуковский, послѣ прочтенія поэмы, подарилъ Пушкину свой портретъ, съ надписью: «побѣдителю-ученику отъ побѣжденнаго учителя». Другой «арзамасецъ» Воейковъ написалъ длинный разборъ поэмы, въ которомъ ее превознесъ, какъ произведеніе, въ «романтическомъ» духѣ написанное; онъ нашелъ въ поэмѣ и нравственную цѣль, которая достигнута поэтомъ, такъ какъ злодѣйство оказалось наказаннымъ, а добродѣтель торжествующей... По Воейкову не удержался и отъ упрековъ, — онъ нашелъ, что поэтъ недостаточно цѣломудренъ: «онъ любитъ проговариваться, изъясняться двусмысленно, намекать, употреблять эпитеты: «нагіе», «полунагіе», говоря даже о холмахъ и сабляхъ—напр.: «холмы нагіе», «сабли нагія»; онъ безпрестанно томится какими-то желаніями, сладостными мечтами и пр.» Такъ наивно судилъ о поэмѣ Пушкина ея поклонникъ: онъ увидѣлъ въ ней «романтизмъ», котораго тамъ не было.—«нравоучительность», которая отсутствовала, и безнравственность тамъ, гдѣ была только игра молодой фантазіи. Еще курьезнѣе отзывы о поэмѣ ея противниковъ. Одинъ изъ нихъ хулилъ поэму съ точки зрѣнія псевдоклассицизма; попутно онъ высказывается и о народныхъ сказкахъ; ихъ онъ называетъ «плоскими шутками старины», несмѣшными, и незабавными, а отвратительными по своей грубости. Поэтому и поэма Пушкина показалась ему произведеніемъ вульгарнымъ, недостойнымъ печати. Онъ восклицаетъ: «позвольте спросить: если бы въ Московское Благородное Собраніе какъ-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможнымъ) гость съ бороδοю, въ армякѣ, въ лаптяхъ и закричалъ бы зычнымъ голосомъ: «здорово, ребята!»—неужели бы стали такимъ проказникомъ любоваться!». Такимъ же «неприличіемъ» показался ему литературный дебютъ Пушкина.

б) Отрицательныя. Въ чемъ «новизна» поэмы? Очень важно, что для стариковъ-псевдоклассиковъ поэма Пушкина показала «проказникомъ»,—это и было «новое слово», внесенное Пушкинымъ; за это превознесли его друзья-арзамасцы, за это на него напали старики. Вся сотканная изъ старыхъ поэтическихъ формулъ, поэма Пушкина была *нова* своимъ свободнымъ отношеніемъ къ литературнымъ традиціямъ; она не была романтическимъ произведеніемъ ¹⁾, но она

¹⁾ Фантастика поэмы не та, съ которой явился романтизмъ. Романтизмъ отно-

была «вызовомъ» творчеству «старому», связанному правилами, подчиненному морали,—тусклому и однообразному... Тотъ фактъ, что около этого юнаго произведенія въ русской критикѣ разгорѣлась ожесточенная полемика, доказываетъ всю важность поэмы.

в) *Пушкинъ на югъ* (періодъ мировой скорби). Пушкинъ на югѣ подчинился влиянію поэзии „мировой скорби“. Обстоятельства его жизни сложились такъ, что для пессимизма почва была хорошая. Неожиданно попавъ въ опалу, онъ, беззаботный и безмятежный эпикуреецъ, увидаль оборотную сторону жизни,—непрочность своего положенія, полную зависимость отъ властей; онъ убѣдился, что многіе „друзья“ отшатнулись отъ него, опального поэта, увидаль, что героини его легкихъ гѣсноплѣннй скоро забыли его... Все это были слишкомъ сильные удары для доврчиваго юноши, и разочарованіе въ людяхъ надвинулось на него. Знawalъ онъ и раньше приступы тоски, но тогда она лишь легкой тѣнью пронесилась надъ его эпикурействомъ,—теперь она, правда, ненадолго, едѣлалась господствующимъ настроеніемъ, опредѣлившимъ типичныя черты его творчества на югѣ.

в) Пушкинъ на югѣ. Поэтологическія основанія „мировой тоски“ у Пушкина.

«Мировая скорбь» коренится еще въ серединѣ XVIII-го вѣка. Вѣкъ французской философіи былъ эпохой блестящей, самодовольной цивилизаціи,—эпохой холодной и умной, но своимъ убѣжденіямъ, впрочемъ, не всегда глубокимъ и потому мягкимъ. Въ вожакахъ эпохи было мало любви и страсти,—«много логики». Этотъ вѣкъ, додумавшійся до безпросвѣтнаго матеріализма, человѣка представившій, какъ машину («L'homme machine»), умудрился не только на всю жизнь человѣка, всего государства, но и на жизнь міра смотрѣть такъ же просто и близоручо. Руссо, во имя забытаго «чувства», выразилъ свой протестъ,—онъ обрушился на эту холодную, разсудочную культуру,—онъ призналъ, что цивилизація дѣлаетъ людей «несчастливыми»... Это признаніе и было зерномъ, изъ котораго развернулась европейская «мировая скорбь». На первыхъ порахъ ученики Руссо попытались бороться съ разсудочностью вѣка, съ ложью и односторонностью цивилизаціи—во имя идеаловъ правды, простоты и любви. Въ Германіи эти сторонники Руссо создали настроеніе «Sturm und Drang'a», во Франціи—ту революцію, которая должна была перестроить всю жизнь на началахъ любви, на проведеніи въ жизнь идеаловъ «равенства», «братства» и «свободы». Въ Германіи это увлеченіе протестомъ, увлеченіе своей «свободной личностью», привело къ Вертеру, разочарованному юношѣ, который кончаетъ свои дни самоубійствомъ. На землѣ ему нѣтъ мѣста—или онъ долженъ смириться, какъ смирились Гете, Шиллеръ и другіе. Во Франціи разочарованіе выразилось еще сильнѣе,—революція показала, что апостолы прекрасныхъ словъ: «свобода», «равенство» и «братство» часто оказывались самыми обыкновенными

Историческія и литературныя основанія „мировой тоски“.

сится къ своимъ чудесамъ съ „вѣрой“ (ср. сочиненія Жуковского),—между тѣмъ, у Пушкина отношеніе къ фантастикѣ то, что мы встрѣчаемъ въ волшебныхъ сказкахъ XVIII-го вѣка—скептическое, пролическое.

тиранами, необузданными и свирѣпыми... Революція разбудила въ обществѣ всѣ темныя силы, и недавній гражданинъ-идеалистъ предсталъ звѣремъ. И вотъ, насколько прежде была безгранична въ людяхъ вѣра въ себя и въ ближняго, настолько теперь стало безгранично ихъ отчаянье. Онъ озлобился противъ людей, виновниковъ этого несчастія, сталъ презирать ихъ и ненавидѣть, отъ любви перешелъ къ враждѣ, къ холодному индифферентизму и кончилъ самымъ мрачнымъ осужденіемъ жизни... Его скорбь объ этомъ мірѣ дошла до крайнихъ предѣловъ,—она превратила его въ скептика и мизантропа. И революція, и имперія Наполеона одинаково вели къ этому антиобщественному настроенію. «Рене» Шатобриана, этотъ разочарованный эгоистъ, бросающій родину и уходящій отъ людей въ лѣса и степи Америки—лучшій представитель этого настроенія.

«Рене» Шатобриана.

Поэзія Байрона.

Поэзія Байрона была новымъ словомъ «мировой скорби». Если его предшественники-«скорбники» ограничивались жалобами, или удаленіемъ отъ людей, отъ цивилизованнаго міра,—то Байронъ выступилъ съ «протестомъ», съ «вызовомъ»... Апостолъ «свободы», защитникъ униженныхъ и оскорбленныхъ, слѣдовательно, человѣкъ гуманный—онъ часто знаетъ настроенія яркой мизантропіи—тогда онъ не находитъ для людей словъ любви. Въ такія минуты онъ создаетъ своихъ мрачныхъ титановъ-героевъ, сердца которыхъ полны ненависти къ человѣчеству, или холоднаго равнодушія. Такие герои отрицаютъ любовь и состраданіе считаютъ слабостью. И вотъ, изъ «эгоиста», на нашихъ глазахъ, вырастаетъ «эгоистъ», т. е. независимая личность, гордая, сильная, которой не надо людей, не надо общества,—это—титанъ-«сверхчеловѣкъ», стоящій выше людскихъ законовъ и обычаевъ. Такимъ образомъ, «байронизмъ»,—изъ всѣхъ видовъ «мировой скорби» является самымъ сложнымъ: онъ складывается изъ «разочарованія» въ жизни, въ людяхъ, въ культурѣ, изъ «протеста», который выразился въ проповѣди «свободы», и, наконецъ, изъ «культы личности», переходящаго въ крайній «эгоизмъ».

Съ поэзіей „мировой скорби“ Пушкинъ познакомился еще въ Петербургѣ: Шатобрианъ, съ его Рене, былъ ему давно извѣстенъ, и, быть можетъ, въ минуты утомленія отъ жизни, уже тогда отражался въ его радостномъ творчествѣ сѣрыми тонами. Теперь для этихъ настроеній почва была благодарная: Пушкинъ былъ оторванъ отъ прежней жизни, въ ней онъ имѣлъ основанія разочароваться; оставалась въ сердцѣ пустота,—лучшая почва для разочарованія. Любопытно, что подъ вліяніемъ литературныхъ образовъ, Пушкинъ сталъ воображать себя добровольнымъ изгнанникомъ, подобно Рене, но своей волею покинувшимъ прежнюю жизнь. Какъ разъ въ это время подошло увлеченіе Байрономъ,—этимъ гениальнымъ ученикомъ Шатобриана. Гордая муза англійскаго скорбника, полная презрѣнія, даже вражды къ человѣчеству, нашла отзвукъ въ впечатлительной душѣ поэта; онъ зналъ уже раньше первые приступы этого „презрѣнія“ къ „черни“ — теперь, когда судьба

Пушкинъ и Шатобрианъ.

оторвала его от толпы, когда онъ былъ далеко отъ нея, отъ ея вліяній,—онъ тѣмъ сильнѣе могъ ощутить это „презрѣніе“ къ людямъ, къ ихъ культурной жизни, къ чувствамъ „минутной дружбы“ и „минутной любви“... Спокойная жизнь въ радушной семьѣ Раевскихъ, живыя впечатлѣнія Кавказа и Крыма, пестрота кишиневскихъ и одесскихъ впечатлѣній ослабили остроту этого разочарованія, спасли сердце Пушкина отъ байроновскаго озлобленія, отъ его безпощадной жесткости. Впрочемъ, и сердце Пушкина, мягкое и любящее, было не байроновскаго склада — онъ могъ лишь „байронствовать“, но не могъ перевоплотиться въ Байрона. Даже тогда, когда онъ самъ считалъ себя послѣдователемъ Байрона, онъ, на самомъ дѣлѣ, шелъ за Шатобрианомъ и его „Рене“. Стоитъ сравнить элегію Пушкина „Погасло дневное свѣтило“, которую онъ самъ назвалъ „подражаніемъ Байрону“, съ прообразомъ ея, — „прощальной пѣсней“ Чайльдъ-Гарольда, — и мы сразу увидимъ, какъ далеко былъ Пушкинъ отъ Байрона, даже въ разгаръ его увлеченія англійскимъ поэтомъ.

Пушкинъ и Байронъ.

„Погасло дневное свѣтило“ и „Пѣснь Чайльдъ-Гарольда“.

Произведеніе Пушкина проникнуто чувствомъ тихой грусти: прощаясь съ родиной, онъ весь во власти «воспоминаній прошлаго»; вокругъ него летаютъ мечты, въ глазахъ его «родились слезы вновь»; онъ жалуется, что «отцвѣла его младость», и покидаетъ онъ родину съ «глубокими ранами любви». Не такъ прощается со своею родиной герой Байрона, — онъ прерываетъ все съ прошлымъ, воспоминаемымъ онъ не даетъ воли надъ собою, онъ не жалѣетъ о дняхъ счастья въ родной сторонѣ, ему не о комъ «сронить ни единой слезы», — «смиѣясь», онъ покидалъ свой край родной... Это смѣхъ недобрый, жесткій — и тяжело дѣлается отъ него на душѣ. Только маленькій пажикъ Чайльдъ-Гарольда, съ его искреннимъ плачемъ, смягчаетъ это холодное прощаніе. И, право, намъ Пушкинъ ближе по духу къ этому пажику, чѣмъ къ его господину — Чайльдъ-Гарольду-Байрону.

Въ 1821 году, окончилъ Пушкинъ поэму: „Кавказскій пльнникъ“.

„Кавказскій пльнникъ“ и „байронизмъ“ этой поэмы.

Это произведеніе тѣсно связано съ жизнью Пушкина. И опять-таки въ этомъ произведеніи специфически-байроновскаго очень немного: нѣтъ тутъ ничего «мрачнаго, богатырскаго, сильнаго»¹⁾ — нѣтъ и слѣда энергіи байроновскихъ героев: никогда Байронъ и его герои «подъ бурей» не поникали «томною главою» — бури дѣйствовали на нихъ возбуждающе. Между тѣмъ, въ словахъ «посвященія» къ «Кавказскому пльннику»: «Когда я погибалъ безвинный, безотрадный» — слышится жалоба, чуждая байроновской поэзіи...

Далѣе говорится о желанномъ успокоеніи на лонѣ дружбы:

¹⁾ Такими словами Пушкинъ въ одномъ письмѣ опредѣлялъ сущность байронизма.

«... друга друга мы любили
И бури надо мной свирѣлость утомили—
Я въ мирной пристани боговъ благословилъ.

Байронъ, въ періодъ расцвѣта своего творчества, никогда бы не благословилъ «мирной пристани», — онъ былъ, по собственному признанію, «врагомъ покоя»: онъ жаждалъ борьбы, гоненія судьбы ему были нужны, такъ какъ они воспламеняли его энергію.

Характеристика героя.

Все поведеніе пушкинскаго героя, съ начала его прибытія на Кавказъ до бѣгства, оттуда подтверждаетъ его признаніе, что онъ «вянетъ жертвою страстей», «безъ упованья, безъ желаній». Онъ живетъ прошлымъ, — слушая черкешенку.

«Онъ забывался: въ немъ тѣснились
Воспоминанья прошлыхъ дней.

«Слезы» катятся изъ его глазъ, такъ какъ на родинѣ осталось то существо, въ которое онъ былъ безнадежно влюбленъ. Отъ этой неудачной любви онъ «гаснетъ, какъ пламень дымный». Онъ хочетъ умереть «забытымъ, одинокимъ», «съ воспоминаніями, грустью и слезами». И такъ, герой Пушкина — юноша, только «напустившій» на себя холодъ душевный, но на дѣлѣ сохранившій и теплыя чувства, и надежды — онъ связанъ съ прошлымъ; «грусть», «слезы», «мечты» — все это знакомо ему; покоя онъ жаждетъ, а борьбы страшится.

Автобиографическое значеніе поэмы.

Стоитъ сравнить этотъ образъ съ тѣмъ, который вырисовывается изъ элегій: «Погасло дневное свѣтило», «Я пережилъ свои желанья» — и мы убѣдимся, что герой поэмы — отраженіе личности самого поэта, котораго своимъ сѣрымъ крыломъ коснулась «мировая скорбь». Это — юноша, покинутый вѣтренными друзьями шумной юности, — юноша, еще привязанный къ воспоминаніямъ прошлаго, потому тоскующій, — юноша, у котораго мягкое сердце, но мало энергіи, который легко изнемогаетъ въ борьбѣ, но легко и ободряется.

«Байронизмъ» въ чертахъ героя.

И такъ, въ образѣ героя нѣтъ ничего схожаго съ героями Байрона. Если есть въ немъ черты байронизма, то они лишь искусственно привязаны къ его облику. «Грозное страданіе», «бурная жизнь», т. е. тѣ «богатырскія», сильныя черты, которыя казались Пушкину характерными для поэзіи Байрона, — совсѣмъ не вяжутся съ образомъ плѣнника. Такимъ же неудачнымъ наслоеніемъ «байронизма» въ поэмѣ оказалась любовь къ «свободѣ»... Съ призракомъ свободы (и чтобы позабыть неудачную любовь?) онъ ѣдетъ на Кавказъ... Зачѣмъ? Чтобы убивать горцевъ?.. Но при чемъ же тогда «призракъ свободы»? Или герой Пушкина хотѣлъ «опроститься», жить съ горцами и дѣлится съ этими «свободными» сынами ихъ радости и печали? но тогда зачѣмъ же бѣжать отъ нихъ? и куда бѣжать?

«Гордое, одинокое страданіе» — тоже черта байроническая, — черта, которую мы находимъ и у пушкинскаго героя, —

«Тайль въ молчаньи онъ глубококомъ
Движенья сердца своего
И на челѣ его высококомъ
Не измѣнялось ничего.

Но и эта черта недолго удержалась за ним: у него, оказывается, и слезы градомъ льются; въ порывѣ восторга онъ даже «вопить»... Такимъ образомъ, глубокаго вліянія Байронъ не имѣлъ на созданіе героя «Кавказскаго Пльнника». Слѣдовательно, если Пушкинъ и увлекался въ это время произведеніями британскаго поэта, то увлеченіе это его не поработило, — онъ оставался самимъ собою, чуждымъ байроновской энергіи, далекииъ отъ гордости и титаническаго «эгоизма».

Гораздо ближе и герои Пушкина, и самъ онъ подходятъ къ Шатобриану. Этого французскаго писателя Пушкинъ зналъ еще до Байрона, и помнить его тогда, когда давно уже пересталъ говорить о Байронѣ: въ 1837 г. Шатобриана онъ называетъ «первымъ изъ современныхъ писателей, учителемъ всего пишущаго поколѣнія». Герой Шатобриана — совершенный «Кавказскій Пльнникъ»: онъ не возмущается, не ненавидитъ, не мститъ, — онъ жалуется, тоскуетъ, такъ какъ онъ — жертва, а не боецъ. Глубокая меланхолія, — вотъ, чувство, которымъ онъ живетъ. Онъ — юноша «sans force et sans vertu», бросившій родину въ слѣдствіе несчастной любви; среди цивилизованныхъ людей ему мало мѣста съ его безгърными эгоизмомъ. Рене бѣжитъ къ дикарямъ, но тоска, грусть слѣдуютъ за нимъ по пятамъ; теплая, самоотверженная любовь дикарки не вытѣсняетъ изъ его сердца думъ о той женщинѣ, которая осталась на родинѣ.

Героини обѣихъ повѣстей Шатобриана («Rene», «Atala») напоминаютъ героини поэмы Пушкина и повѣстей Шатобриана. Черкешенку изъ «Кавказскаго Пльнника»: Atala, влюбленная въ пльнника, появляется къ нему ночью, и съ тѣхъ поръ постоянно ходитъ тайкомъ къ юношѣ и ведетъ съ нимъ долгія бесѣды о любви. Потомъ она освобождаетъ его изъ плѣна и умираетъ въ борьбѣ съ своею любовью. Другая героиня Celuta, отдавшая всю жизнь Рене, услышала отъ него признаніе, что сердце его занято думой о другой женщинѣ; Celuta, потерявъ Рене, бросается въ рѣку.

Такимъ образомъ, говоря о настроеніяхъ „мировой скорби“, Пушкинъ, Шатобрианъ и Байронъ. которыя овладѣли творчествомъ Пушкина, мы должны признать, что онъ одинаково увлекался и Шатобрианомъ, и Байрономъ; хотя вліяніе перваго было болѣе сильнымъ, органическимъ, такъ какъ коренилось въ свойствахъ души самого Пушкина.

Самъ Пушкинъ очень строго отнесся къ своей поэмѣ вскорѣ послѣ ея окончанія. Онъ говоритъ въ одномъ письмѣ, что въ поэмѣ пытался создать „характерный типъ“ своего времени. „Я въ неѣ хотѣлъ изобразить это равнодушіе къ жизни и къ ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души, которыя сдѣлались отличительными чертами молодежи 19-го вѣка“¹⁾, но онъ признавалъ, что нарисовать „характеръ“ ему не удалось. Тѣмъ не менѣе, по его словамъ, онъ любилъ свою поэмѣ, такъ какъ въ ней были „стихи его сердца“.

¹⁾ Элегія: „Я пережилъ свои желанія“, написанная черезъ два дня послѣ окончанія „Кавказскаго пльнника“, прекрасно рисуетъ это настроеніе.

Отношеніе критики.

Критика не была такъ разборчива, какъ самъ авторъ. Если недостатки характера героя были замѣчены нѣкоторыми критиками, то они превознесли умѣніе поэта рисовать картины кавказской природы,—этотъ *couleur locale*, который въ этомъ произведеніи былъ введенъ, какъ художественный пріемъ...

Кромѣ того, критика совершенно справедливо оцѣнила большую содержательность этого произведенія, большую идейность, сравнительно съ «Русланомъ и Людмилой». Здѣсь была усмотрѣна попытка психолога разобратъ въ душѣ «героя времени». Здѣсь были и настроенія болѣе глубокія: «трогательное умнѣе, болѣе чувства, болѣе силы, болѣе возвышенной поэзіи»—какъ выразился одинъ критикъ.

Критика овліяніи Байрона.

Единодушнымъ хоромъ критика современниковъ признала, что на поэмѣ сказалось вліяніе Байрона: кн. Вяземскій указалъ на Чайльдъ-Гарольда, какъ на образецъ пушкинской поэмы. Характеры пушкинскихъ героев показались русскимъ критикамъ «чужеземцами-эмигрантами, переселившимися изъ байронова міра». На разные лады повторяетъ русская критика свои мнѣнія о «байронизмѣ» Пушкина, и еще въ 40-ыхъ годахъ Н. Полевой утверждалъ, что «Байронъ» возобладалъ совершенно поэтическою душою Пушкина, и это владычество на много времени лишило нашего поэта собственныхъ его вдохновеній». «Кавказскій Пльнникъ, по его мнѣнію, былъ рѣшительнымъ сколкомъ съ того лица, которое въ исполнскихъ чертахъ, грознымъ привидѣніемъ пролетѣло въ поэзіи Байрона». Эти категорическія утвержденія упрочили въ исторіи русской литературы ходячее мнѣніе о «байронизмѣ» Пушкина.

Тщетно нѣкоторые критики указывали на несходство Пушкина и Байрона, на самостоятельность русскаго генія (Булгаринъ, Фарнгагенъ-фонъ-Энзе, Надеждинъ, Бѣлинскій, Чернышевскій, Катковъ, Добролюбовъ); мнѣніе о полной подчиненности Пушкина Байрону,—мнѣніе, невѣрное вслѣдствіе своей односторонности, дожило до нашихъ дней.

Исторія созданія героя этой поэмы.

Образъ „Кавказскаго Пльнника“ складывался у Пушкина, очевидно, тогда, когда онъ еще ѣхалъ на югъ „въ ссылку“; Кавказъ, куда онъ пріѣхалъ съ Раевскими, подсказалъ для его картины фонъ; знакомство съ Байрономъ (въ семьѣ Раевскихъ) наложило на готовый образъ нѣсколько невѣрныхъ, чуждыхъ ему, чертъ. Когда поэма была написана, настроенія Пушкина уже далеко разошлись съ нею: оттого она ему не нравилась, какъ только была окончена.

„Бахчисарайскій фонтанъ“.

Подъ впечатлѣніемъ Крыма, его природы и преданій, написалъ Пушкинъ вторую свою поэму: „Бахчисарайскій Фонтанъ“.

Вліяніе Байрона.

Въ этой поэмѣ вліяніе Байрона сказалось въ попыткѣ заимствовать у англійскаго писателя манеру изображать южную природу, восточную жизнь,—словомъ, *couleur locale* и *couleur ethnographique*. «Слогъ восточный, пишетъ Пушкинъ, былъ для меня образцомъ, сколько возможно намъ, благороднымъ, холоднымъ европейцамъ. Европейецъ и въ употребленіи восточной роскоши долженъ сохранять вкусъ и взоръ европейца. Вотъ почему Байронъ такъ прелестенъ въ «Гяурѣ» и въ «Абидосской не-

вѣстѣ». «Бахчисарайскій фонтанъ», говорить Пушкинъ, отзывается чтеніемъ Байрона, отъ котораго я съ ума сходилъ». Дальше этихъ воздѣйствій на манеру письма вліянія Байрона не простирались,—ни одинъ изъ героевъ этой поэмы не можетъ быть отнесенъ къ «байроническимъ», ни одинъ не отличается даже чертами «Кавказскаго Пльнника». Впрочемъ, современники поэта умудрились увидѣть черты байронизма въ образѣ Хана-Гирея, который послѣ смерти Маріи и казни Заремы, сдѣлался мрачнымъ, и въ то же время, разочарованнымъ и тоскующимъ... Когда ему приходилось «въ буряхъ боевыхъ» носиться по бранному полю «мрачнымъ» и «кровожаднымъ», иногда «безотрадный пламень»; вспыхивалъ въ его сердцѣ и дѣлалъ его вдругъ безсильнымъ, — сабля, поднятая въ пылу битвы, оставалась тогда неподвижной, и могучій Гирей дѣлался слабѣе ребенка. Только упорное желаніе связать Пушкина съ Байрономъ могло находить эту поэму «байровической» по духу.

Критика съ восторгомъ привѣтствовала это произведеніе Пушкина, — всѣ были поражены удивительной картинностью произведенія, ея гармоническимъ стихомъ. Герой поэмы, Гирей и Зарема, показались нѣкоторымъ критикамъ до того близкими къ героямъ Байрона, что одинъ критикъ утверждалъ, будто «Ханъ-Гирей составленъ по героямъ Байрона настолько чувствительно», что «самыя движенія Гирея, самыя положенія подражательны». Гораздо справедливѣе были другія указанія на то, что въ этой поэмѣ только въ «манерѣ письма» Пушкинъ слѣдовалъ за англійскимъ писателемъ.

Гораздо больше нареканій въ русской критикѣ вызвало «предисловіе къ пушкинской поэмѣ», написанное кн. Вяземскимъ и представляющее собою защиту романтизма противъ нападенія классиковъ. Защита была не изъ сильныхъ, такъ какъ самъ Вяземскій не понималъ еще сущности «романтизма». Но онъ довольно вѣрно указалъ недостатки старой школы письма. Во всякомъ случаѣ, важно, что, начиная съ этого произведенія, Пушкинъ, такъ сказать, «официально», признанъ былъ «романтикомъ».

Это болѣе широкое и расплывчатое наименованіе вѣрнѣе подходитъ къ его поэмѣ, чѣмъ „байронизмъ“.

Въ такой же мѣрѣ, не „байроническимъ“, а „романтическимъ“ произведеніемъ можетъ быть названа третья поэма его: „Братья-разбойники“. Примыкая своимъ сюжетомъ къ „Шильонскому узнику“ Байрона (два брата заключены въ тюрьмѣ; болѣзнь и смерть младшаго на глазахъ у старшаго), произведеніе это, въ чертахъ героевъ, не имѣетъ ничего специфически-байроническаго. Какъ и въ Ханъ-Гирей, такъ и въ разбойникахъ, герояхъ этой третьей поэмы, — изображены личности крупныя, сильныя въ „романтическомъ вкусѣ“, — но „міровой скорби“ нѣтъ въ ихъ настроеніяхъ.

Всѣ эти поэмы, сравнительно съ „Русланомъ и Людмилой“, представляютъ явленія, болѣе сложныя, въ литературномъ отношеніи. Въ первой поэмѣ Пушкина нѣтъ ни разработки „характеровъ“ героя, нѣтъ драматизма, нѣтъ картинъ природы. Все это поя-

Герой поэмы.

Отношеніе критики.

Предисловіе кн. Вяземскаго

Романтизмъ этой поэмы.

„Братья-разбойники“.

Сравненіе этихъ поэмы съ „Русланомъ и Людмилой“.

вляется лишь въ указанныхъ трехъ произведеніяхъ. „Кавказскій плѣнникъ“ еще относится къ субъективному творчеству, такъ какъ Пушкинъ свои настроенія изобразилъ въ своемъ героѣ; остальные поэмы „объективны“ по манерѣ письма; при чемъ особой драматичностью отличается „Бахчисарайскій Фонтанъ“, — сцена появленія Заремы въ комнатѣ Маріи принадлежитъ къ первымъ удачнымъ опытамъ Пушкина въ драматическомъ родѣ. Въмѣсто пустой, шаловливой сказки („Русланъ и Людмила“) получились первые психологическіе очерки, указывающіе на быстрый ростъ художественныхъ интересовъ Пушкина.

Лирическое творчество на югѣ.

Лирическое творчество Пушкина, за время пребыванія его на югѣ, отличается разнообразіемъ и пестротой. Кромѣ указанныхъ („Погасло дневное свѣтло“, „Я пережилъ свои желанія“, прологъ къ „Кавказскому Плѣннику“), въ другихъ стихотвореніяхъ мы не найдемъ слѣдовъ „мировой тоски“, — напротивъ, нѣкоторые изъ нихъ свидѣтельствуютъ о душевномъ спокойствіи поэта, — такъ, въ „Чаадаеву“ стихотвореніи „Чаадаеву“ поэтъ прямо говоритъ, что въ его —

«...сердцѣ, бурями смиренномъ
Теперь и лѣнь, и тишина.

„Къ Чаадаеву“.

Оставивъ шумъ и суету культурной жизни, онъ теперь узналъ „и трудъ, и вдохновенье“. Въ другомъ посланіи къ „Чаадаеву“, противорѣча предисловію къ „Кавказскому Плѣннику“, онъ говоритъ:

«Оставля шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ о нихъ.
Для сердца новую вкушаю тишину, —
Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышленій...»

Музы, „богини мира“, явились теперь къ нему. Либеральныя настроенія его отразились въ немногихъ произведеніяхъ¹⁾. Много стихотвореній посвящено Крыму и его природѣ²⁾; немало было написано имъ стихотвореній, отражающихъ его тогдашнія сердечныя увлеченія³⁾.

„Наполеонъ“ въ лирикѣ этого періода;

Любопытны стихотворенія этой эпохи, посвященныя Наполеону⁴⁾. Еще недавно французскій императоръ казался Пушкину

1) „Кинжалъ“, „Отрывокъ“.

2) „Переида“, „Рѣдѣтъ облаковъ летучая града“, „Бахчисарайскому Фонтану“, „Желаніе“, „Въ Юрдуфѣ бѣдный мусульманъ“, „Таврида“.

3) „Мой другъ, забыты мной“, „Элегія“ („Простишь-ли мнѣ“, „Невѣстный день потухъ“, „Ночь“).

4) „Наполеонъ“, „Къ морю“.

только „преступникомъ“ — теперь, подъ вліаніемъ Байрона, онъ, вліаніе Байрона (эготизмъ) въ сознаніи Пушкина, выросъ до размѣровъ „титана“. Такимъ образомъ, прежде „поэзія міровой скорби“ понята была Пушкинымъ только со стороны *разочарованія, унынія* — въ результатѣ, получился герой „Кавказскаго Пльнника“. Теперь эта поэзія повернулась къ Пушкину другой своей стороною — гордымъ сознаніемъ „личности“ („эготизмъ“). Отсюда, изъ этого сознанія, вылилось нѣсколько стихотвореній, въ которыхъ чувствуется, что поэтъ ставитъ себя выше пошлой и мелочной толпы.

Особнякомъ стоятъ среди произведеній этой поры: „Пѣсня о Вѣщемъ Олгѣ“ и „Демонъ“.

Первое произведеніе, одно изъ лучшихъ произведеній Пушкина, по содержанію и по формѣ, является подражаніемъ „думѣ“ Рылѣва: „Олеѣ Вѣщій“, — стихотворенія, написаннаго раньше пушкинскаго и Пушкину извѣстнаго. Произведеніе Пушкина, въ ряду другихъ, совершенно одиноко по содержанію и по настроенію, — ясное доказательство того, что созданіе его не было результатомъ продолжительныхъ настроеній, или интересовъ, а было „случайнымъ“ произведеніемъ, написаннымъ подъ впечатлѣніемъ нечаянно-блеснувшей идеи. „Пѣсня о Вѣщемъ Олгѣ“.

Въ стихотвореніи „Демонъ“ современники Пушкина увидѣли отраженіе личности — А. Н. Раевского. Существуетъ разсказъ, что, познакомившись съ поэтомъ и желая подшутить надъ нимъ, онъ прикинулся всеотрицающимъ скептикомъ. Бесѣда съ нимъ произвела на поэта сильное впечатлѣніе и вылилась въ стихотвореніи „Демонъ“. Самъ Пушкинъ предлагалъ иное толкованіе своему произведенію, — онъ предлагалъ видѣть въ немъ „олицетвореніе человѣческаго сомнѣнія“, „олицетвореніе отрицанія“, ссылаясь даже на Гёте, который „вѣчнаго врага человечества назвалъ духомъ отрицающимъ“. Эта ссылка на Гёте, быть можетъ, указываетъ на литературное заимствованіе Пушкинымъ для своего произведенія нѣкоторыхъ чертъ отъ Мефистофеля. „Скептицизмомъ“ самъ Пушкинъ забавлялся наканунѣ ссылки на сѣверъ: онъ писалъ письмо, что беретъ уроки „атеизма“, отрицанія... Такимъ образомъ, произведеніе это, можетъ быть, въ равной мѣрѣ, литературнаго и автобіографическаго происхожденія; къ „байроническимъ“ оно не можетъ быть отнесено, такъ въ немъ нѣтъ никакихъ типичныхъ чертъ байроновской поэзіи. „Демонъ“, литературное и автобіографическое значеніе этого произведенія.

На югѣ началъ Пушкинъ сочинять „Цыганъ“ и „Евгенія Онегина“. Первое произведеніе, начатое въ 1823 г., окончено въ

1824 году (10 окт.), второе начато было въ 1822 и окончено въ 1831-омъ¹⁾.

Такимъ образомъ, обѣ поэмы писались въ одно время и окончаніе „Цыганъ“ почти совпало съ окончаніемъ 3-ей главы „Онѣгина“, — поэтому, и поэма эта, и начало романа должны быть отнесены къ періоду творчества Пушкина на югѣ. Оба они любопытны для характеристики отношеній поэта къ „байронизму“.

„Цыгане“.

Поэма *Цыгане*, въ равной мѣрѣ, является отраженіемъ личной жизни поэта и литературныхъ вліяній. Наблюденія надъ жизнью полувосточнаго Кишинева, знакомство съ бытомъ бессарабскихъ цыганъ, — все это заставило Пушкина всмотрѣться

Любовь въ этой
поэмѣ.

въ то своеобразное мѣстное пониманіе „любви“, которое было совершенно чуждо культурнаго человѣка²⁾. Оказалось, что среди цыганъ сохранилась еще та свобода любовныхъ отношеній, которая носитъ всѣ черты первобытнаго общества и въ культурномъ обществѣ давно замѣнена цѣпью зависимостей, — отъ писанныхъ законовъ до условій свѣтскаго „приличія“ влючительно. Изъ всѣхъ человѣческихъ чувствъ любовь, соединяющая мужчину и женщину, самое эгоистическое, и для всѣхъ враговъ „собственности“ всего труднѣе разрѣшить вопросъ о свободѣ и независимости этого чувства. Пушкинъ выбралъ этотъ самый трудный вопросъ для провѣрки героя, зараженнаго ядомъ „мировой тоски“ — врага культурной жизни, съ ея ложью... Мы видѣли, что всѣ „сворбники“ (Рене, герои Байрона, герой „Кавказскаго плѣнника“) проваливаютъ культурную жизнь, всѣ прославляютъ жизнь дикарей.. Выдержитъ-ли такой герой *осю* первобытную жизнь, со *всей* простотой ея быта, чистотой и свободой чисто-растительнаго и животнаго бытія? И герой поэмы „Цыгане“ не выдержалъ испытанія. Одной ненависти къ культурѣ оказалось недостаточнымъ для того, чтобы сдѣлаться дикаремъ *во всемъ*. Выросшій въ атмосферѣ эгоизма и насилія, культурный человѣкъ несетъ съ собой всюду, съ прекрасными словами и мечтами — эгоизмъ и насиліе.

Культурный
человѣкъ въ
первобытномъ
обществѣ.

Исторія Алеко.

Какъ Рене, какъ нѣкоторые герои Байрона, какъ герой «Кавказскаго Пленника», Алеко бросаетъ городъ и цивилизованныхъ людей, разочарованный ихъ жизнью. Онъ отказался отъ всѣхъ условій ихъ жизни, — и объ этомъ не жалеетъ. Молодой цыганкѣ Земфирѣ онъ говорить:

¹⁾ 1-ая глава начата 28 мая 1822 г.; 2-ая окончена 8 дек. 1823 г.; 3-ья—2 октября 1824 г.; 4-ая—въ январѣ 1825 г.; 5-ая въ 1825—6 г.; 6-ая въ 1826 г.; 7-ая въ 1827—8 г.; 8-ая глава—въ 1830—31 г.

²⁾ Этотъ интересъ Пушкина къ мѣстному пониманію „любви“ выразился также въ стихахъ: „Черная Шаль“, „Рѣжь меня, жги меня“.

«О чемъ жалѣть? Когда бѣ ты знала,
Когда бы ты воображала
Неволю душныхъ городов!—
Тамъ люди въ кучахъ, за оградой
Не дышать утренней прохладой,
Ни вешнимъ запахомъ луговъ;
Любви стыдятся, мысли гонять,
Торгуютъ волею своею,
Главу предъ идолами клонять
И просить денегъ да цѣпей.

Ему ненавистно все въ брошенной имъ жизни,—жизнь цыганъ его
пльняетъ, и онъ мечтаетъ, что сынъ его, выросши дикаремъ, не будетъ
никогда знать:

«...нѣгъ и пресыщенья
И пышной суеты наукъ...

за то онъ будетъ:

«безпеченъ, здравъ и воленъ,
Не будетъ вѣдать ложныхъ нуждъ;
Онъ будетъ жребіемъ доволенъ,
Напрасныхъ угрызений чуждъ.

Алеко «опростился», сдѣлался настоящимъ цыганомъ, водить ручного Алеко-цыганъ.
медвѣда и этимъ зарабатываетъ пропитаніе. Но онъ не слился съ этой
первобытной жизнью: какъ Рене, онъ временами тоскуетъ:

«Уныло юноша глядѣлъ
На опустѣлую равнину
И грусти тайную причину
Истолковать себѣ не смѣлъ.
Съ нимъ черноокая Земфира,
Теперь онъ—вольный житель міра,
И солнце весело надъ нимъ
Полуденной красою блещетъ.
Что жъ сердце юноши трепещетъ?
Какой заботой онъ томимъ?»

Но стоило ему убѣдиться, что его подруга Земфира ему измѣнила,— Эгоизмъ его.
въ немъ проснулся прежній эгоизмъ, выросшій въ условіяхъ культурной
«несвободной» жизни. Онъ убиваетъ измѣнницу-жену и ея любовника.
Таберь цыганскій бросаетъ его, и, на прощанье, старый цыганъ, отецъ Отношеніе къ
нему цыганъ.
убитой Земфиры, говорить ему знаменательныя слова:

«Оставь насъ, гордый человекъ,
Ты не рожденъ для дикой воли,
Ты для себя лишь хочешь воли.
Ужасенъ намъ твой будетъ гласъ:
Мы робки и добры душой,
Ты золь и смѣль—оставь же насъ.
Прощай! да будетъ миръ съ тобой!

Развѣчиваніе
байронизма въ
лицѣ Алеко.

Въ этихъ словахъ Пушкинъ указалъ полную несостоятельность «байроническихъ героевъ» — «эгоистовъ», которые слишкомъ живутъ *собою и для себя*¹⁾. Этихъ героевъ Пушкинъ теперь развѣчиваетъ, въ характеристикѣ, хотя бы, поэмъ Байрона: «Гяуръ» и «Донъ-Жуанъ» — въ нихъ, по его словамъ: —

«...отразился вѣкъ.
И современный человекъ
Изображенъ довольно вѣрно,
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безвѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствии пустомъ.»

Въ этихъ словахъ, — вся характеристика Алеко и ясное раскрытіе новыхъ отношеній поэта къ байронизму, — въ поэзіи Байрона увидѣлъ теперь Пушкинъ только «безнадежный эгоизмъ».

Отношеніе
Байрона къ
своимъ ге-
роямъ.

Алеко развѣчанъ Пушкинымъ: съ него смѣло сдернута маска, и онъ стоитъ передъ нами безъ всякихъ прикрасъ, наказанный и униженный. Байронъ никогда не развѣчивалъ своихъ героевъ, такъ какъ они — его любимыя созданья, выношенные на его сердцѣ, вскормленные его кровью, воодушевленные его духомъ. У него сюжетъ, положенный въ основу поэмы «Цыганъ», конечно, имѣлъ бы другой конецъ... Жаль, что въ своихъ, наиболѣе типичныхъ, поэмкахъ онъ никогда не подвергалъ своихъ героевъ такому испытанію, какому рискнулъ подвергнуть своего Алеко Пушкинъ.

У Байрона герой, проклиная людей, съ ихъ суетой, съ ихъ цивилизаціей, бросается на лоно природы, и, если духъ его не сливается всецѣло съ жизнью природы, такъ какъ нигдѣ не умиротворяется, — то всетаки никогда природа эта не становилась ему на дорогѣ въ видѣ той неумолимой, суровой силы, которая сломала Алеко.

Итакъ, Алеко — герой, который можетъ быть сопоставленъ съ героями Байрона, такъ какъ въ немъ чувствуется и энергія, и мрачность духа, оскорбленнаго въ борьбѣ съ людьми; въ немъ есть и манія величія, присущая истымъ созданіямъ байроновской фантазіи, но Алеко осужденъ Пушкинымъ, — онъ не окруженъ даже тѣмъ блѣднымъ ореоломъ мученичества, которое слабо мерцаетъ вокругъ чела «Кавказскаго Штѣнника». Алеко — уже не Пушкинъ, и байроническіе мотивы, звучащіе въ рѣчахъ героя «Цыганъ», не прошли сквозь сердце Пушкина, — онъ просто взялъ любопытный типъ, перенесъ его въ своеобразную обстановку и поставилъ въ столкновеніе съ новой интригой. Здѣсь было чисто-объективное творчество, характеризующее въ литературной жизни Пушкина переходъ къ *периоду этического творчества*.

Литературное
вліяніе на эту
поэму Байрона
и Шатобриана.

Литературныя вліянія, сказавшіяся въ созданіи этой поэмы, или со стороны Байрона и Шатобриана: первый помогъ поэту нарисовать «типъ», помогъ изобразить, *soleur locale*, далъ самую форму поэмы, перебивающуюся діалогами. Второй далъ нѣкоторыя детали въ обрисовкѣ героевъ, и, быть можетъ, помогъ разобратся въ душѣ героя.

¹⁾ См. выше стр. 7, подр. прим. 1, слова Гёте объ «апостолахъ свободы».

Мы видѣли уже, что за Алеко, какъ за Рене, тоска слѣдуетъ по пятамъ—это ихъ характерная черта. Затѣмъ въ романѣ Шатобріана встрѣчаемъ мы любопытный образъ патріарха индѣйскаго племени—Shaktas. Онъ знаетъ жизнь, съ ея бѣдами и печальми, много видѣлъ на вѣку,—онъ является судьей эгоизма и сердечной пустоты юноши Рене. Если Шактас не произносить такихъ энергичныхъ укоровъ, которые услышалъ Алеко отъ стараго цыгана,—тѣмъ не менѣе, зависимость пушкинскаго героя отъ шатобріановскаго вполне возможна. Сходство между произведеніемъ Пушкина и Шатобріана простирается до тождества замысла,—оба писателя сознательно развѣнчиваютъ своихъ героевъ, наказывая ихъ за пустоту души.

Русская критика и публика восторженно приняла новое произведение Пушкина. Всѣхъ плѣнили описанія цыганскаго быта, заинтересовала и драматизмъ поэмы; отиѣтила современная критика и самобытность Пушкина въ отношеніи къ герою, отиѣтила на зависимость отъ Байрона лишь въ «манерѣ письма». Критикъ «Московскаго Вѣстника» указалъ, что съ «Цыганъ» начинается новый, третій періодъ въ творчествѣ Пушкина, «русско-пушкинскій» (первый періодъ онъ назвалъ «итальяно-французскимъ», второй—«байроническимъ»). Совершенно справедливо отиѣтилъ критикъ: 1) наклонность Пушкина къ драматическому творчеству, 2) «соответственность съ своимъ временемъ», т. е. способность изображать «типичныя черты современности» и—3) стремленіе къ «народности».

Отношеніе критикъ.

Если въ „Цыганахъ“ Пушкинъ развѣнчивалъ байроническій типъ въ обстановкѣ бессарабскихъ степей, то въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ поэтъ осудилъ его въ другой обстановкѣ—въ шумѣ столичной жизни и въ тиши русской деревни.

Евгеній Онѣгинъ имѣетъ большое значеніе не только въ „Евгеніи Онѣгинѣ“ исторіи русскаго романа, но и какъ произведеніе, имѣющее автобіографическое значеніе. Образъ героя сложился въ воображеніи автора тогда, когда къ байронизму онъ относился уже вполне отрицательно. Но въ памяти его свѣжи были еще воспоминанія о своемъ недавнемъ увлеченіи англійскимъ поэтомъ. И вотъ, по его признанію, онъ пишетъ „сатирическое произведеніе“, въ которомъ имѣетъ цѣлью высмѣять „москвичей въ гарольдовыхъ плащахъ“—т. е. современныхъ ему юношей, корчившихъ изъ себя разочарованныхъ байроническихъ героевъ. Самъ Пушкинъ грѣшилъ этимъ еще недавно, и не скрылъ этой слабости въ своемъ романѣ.

„Евгеній Онѣгинъ“.
Первоначальное отношеніе Пушкина къ герою.

Поэмы Байрона: „Донъ-Жуанъ“ и „Беппо“, въ которыхъ и къ героямъ, и къ жизни авторъ относится съ легкимъ юморомъ, задали тонъ первымъ главамъ пушкинскаго романа,—въ началѣ своего произведенія Пушкинъ такъ же подтруниваетъ надъ Онѣгиннымъ, быть можетъ, не предвидя элегической развязки романа,—вѣдь самъ онъ впоследствии указывалъ, что въ началѣ „далъ свободнаго романа“, онъ „связь магическій кристалль еще неясно различалъ“.

Байроническій
„типъ“ въ Ев-
геніи Онѣгинѣ.

Если въ своихъ двухъ поэмахъ: „Кавказскій Шлѣнникъ“ и „Цыгане“ онъ далъ трагическую „развязку“ въ жизни русскаго „скорбника“, то въ романѣ „Евгеній Онѣгинъ“ онъ показалъ намъ всю жизнь этого типа, отъ дѣтства до того момента, когда въ жизни его наступаетъ крушеніе, „развязка“... Если въ двухъ первыхъ произведеніяхъ указаны лишь мелькомъ причины „разочарованія“ героевъ, то здѣсь онъ даетъ намъ полный психологическій очеркъ развитія этого чувства въ сердцѣ русскаго „байрониста“.

Начало романа.

Начинаетъ Пушкинъ свой романъ съ того, что сразу вводитъ читателя въ глубь холоднаго, эгоистическаго сердца героя, который торопится въ деревню за наслѣдствомъ къ умирающему дядѣ. Этотъ отталкивающий образъ поэтъ такъ скрашиваетъ своимъ свѣтлымъ, добродушнымъ юморомъ, что отнимаетъ у читателя всю силу негодованія. Затѣмъ онъ раскрываетъ намъ, какъ сложился характеръ этого юноши. Онъ выросъ безъ любви, не зналъ родительской ласки, на рукахъ наемныхъ воспитателей... Его готовили къ свѣтской жизни, ему прививали только свѣтскія добродѣтели—знаніе французскаго языка и хорошихъ манеръ, умѣнье вести легкую, салонную болтовню. «Ребенокъ былъ рѣзвъ, но милъ»—таково первое мнѣніе «свѣта» о героѣ: мнѣніе, не идущее въглубь его сердца, а касающееся только его внѣшнихъ качествъ.

Воспитаніе
Онѣгина.

„Свѣтъ“.

Когда онъ вступилъ въ «свѣтъ», онъ съ избыткомъ зналъ все, что требовалось условіями тогдашней «свѣтской» жизни:

«Онъ по-французски совершенно
Могъ изъясняться и писалъ,
Легко мазурку танцевалъ
И кланялся непринужденно...
Чего жъ вамъ больше?»

И свѣтъ вторично высказался въ его пользу: «онъ уменъ и очень милъ». Опять слово «милъ», и опять—ни слова объ его сердцѣ—его не нужно было для свѣтской жизни. Въ «свѣтѣ» Онѣгинъ сумѣлъ себя поставить такъ, что его вездѣ «замѣтили»—и въ кругу «золотой» молодежи, и среди «серьезныхъ» людей свѣта, ведущихъ за карточнымъ столомъ «важные споры», и въ кругу свѣтскихъ дамъ... Отдавая дань вѣку, Онѣгинъ интересовался модной тогда политической экономіей, и зналъ изъ сочиненій Адама Смита нѣсколько «ходячихъ истинъ». Это было «модно»,—это было признакомъ «хорошаго тона»...

Содержаніе
жизни Онѣ-
гина.

Но не это заполняло его жизнь,—ловля женскихъ сердець, вотъ, чѣмъ особенно прилежно занялся Онѣгинъ. И здѣсь ждалъ его успѣхъ. Пушкинъ помогаетъ намъ понять, откуда Онѣгинъ получилъ свои знанія:

«Люби насъ не природа учить...
...Мы алчемъ жизнь узнать заранъ
И узнаемъ ее въ романъ...
Онѣгинъ это испыталъ.»

И Пушкинъ указываетъ, какой романическій герой былъ образцомъ **Онѣгина**,—это ричардсоновскій Ловласъ, «побѣдитель женскихъ сердецъ». **Цѣль** его жизни—«покорять женскія сердца»; для этого онъ выработалъ **себѣ** опредѣленную тактику, изучилъ психологію женскаго сердца: легкія побѣды ему неинтересны; онъ любилъ «трудную борьбу»,—это для него своеобразный «спортъ»...

Жизнь Онѣгина катилась, безоблачная и спокойная, среди всевозможныхъ удовольствій—театры, балы, обѣды въ модномъ ресторанѣ, заботы о нарядности и костюмѣ заполняли его пустое и пошлое существованіе; Судьба надѣлила Онѣгина «умомъ» и «сердцемъ», не давъ ему ни образованія, ни воспитанія, не указавъ исхода его душевнымъ силамъ. Отъ такого несоотвѣтствія богатства силъ со скудостью содержанія души произошелъ въ немъ разладъ,—и немудрено, что онъ, скоро утомился и заскучалъ:

Причины его тоски.

«Рано чувства въ немъ остыли,
Ему наскучилъ свѣта шумъ,
Красавицы недолго были
Предметъ его привычныхъ думъ.
Измѣны утомить успѣли,
Друзья и дружба надѣли
И, хотъ онъ былъ повѣса пылкій,
Но разлюбилъ онъ, наконецъ,
И брань, и саблю, и свинець.

И вотъ имъ овладѣлъ «англійскій сидинъ», или русская хандра—да къ тому же и мода въ высшемъ свѣтѣ перемѣнилась, и «слава Ловласа обветшала». Тогда онъ подражаніе Ловласу смѣнилъ на подражаніе Чайльдъ-Гарольду,—сталъ «корчить чудака». Какъ Childe Harold, угрюмый, томный, въ гостинныхъ появлялся онъ...

Сердце было пусто, умъ былъ празденъ. Онъ попытался, было, заняться литературой, но трудъ упорный былъ ему тошенъ—и онъ бросилъ перо. Взялся онъ за книгу, но и «читать» онъ не былъ приученъ, къ тому же тогда, когда онъ извѣрился въ жизни, — не могъ онъ повѣрить книгѣ. «Читалъ, читалъ, а все безъ толку. Тамъ скука, тамъ обманъ и бредъ»... Свою «хандру» и «апатию»,—результатъ утомленія и пустоты душевной, онъ счелъ «разочарованностью» и охотно прикрылся, моднымъ тогда, плащомъ Чайльдъ-Гарольда. Недаромъ изъ всѣхъ книгъ онъ читалъ только творенія Байрона:

«Да съ нимъ еще два-три романа,
Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И современный человекъ
Изображенъ довольно вѣрно,
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмѣрно;
Съ его озлбленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ.

Онѣгинъ былъ яркимъ представителемъ того «полуобразованія», которое такъ характерно было для тогдашняго русскаго общества. Умъ не позволилъ Онѣгину на всю жизнь слиться съ этимъ обществомъ, но искать цѣлей бытія внѣ этого общества онъ не умѣлъ. И, въ результатѣ, въ его лицѣ получился въ русской литературѣ первый образчикъ «лишняго человѣка».

Книга была отброшена, и Евгенийъ остался безпомощнымъ въ жизни, «безъ руля» и «безъ вѣтриль», съ «рѣзкимъ, охлажденнымъ умомъ», страннымъ мечтателемъ безъ цѣли жизни, угрюмымъ — съ жалобами на злобу слѣпой фортуны, съ презрѣніемъ къ людямъ, съ язвительными рѣчами...

Онъ чуть, было, не отправился путешествовать, но извѣстіе о смертельной болѣзни деревенскаго дяди вызвало его въ деревню.

Деревня.

Въ деревнѣ Онѣгинъ сначала интересовался новизной жизни, необычными для него красотою тихой природы; онъ заинтересовался, было, участіемъ своихъ крѣпостныхъ, и облегчилъ ихъ существованіе, — «аремъ барщины старинной» замѣнивъ «легкимъ оброкомъ», — но вскорѣ онъ и здѣсь заскучалъ и повелъ уединенную жизнь, мизантропией отдаливъ себя своихъ сосѣдей. Наивные деревенскіе жители въ оцѣнкѣ героя не были такъ снисходительны, какъ петербургскій «свѣтъ» — они признали Онѣгина и вольнодумцемъ («фармазонъ», т. е. франкъ-масонъ), и «неучемъ»...

Ленскій.

Въ это время въ сосѣднюю деревню пріѣхалъ Ленскій. Это былъ человѣкъ другого душевнаго склада, чѣмъ Онѣгинъ: воспитанникъ нѣмецкой идеалистической философіи («съ душою прямо геттингенской»), — поэтъ, душа котораго была воспламенена поэтическимъ огнемъ Шиллера и Гете. Въ глушь русской провинціи привезъ онъ много страннаго:

«Вольнолюбивыя мечты,
Духъ пылкій и довольно странный,
Всегда восторженную рѣчь
И вудри черныя до плечъ.

Онъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ «прекраснодушныхъ» юношей, которыхъ много было тогда въ Германіи, и которые получили тамъ кличку: «die schöne Seele». Его сердце было чисто; онъ былъ полонъ вѣры въ искренность дружбы и чистоту любви. Онъ былъ мечтателемъ-мистикомъ, вѣрилъ въ сродство душъ, въ божественное призваніе избранныхъ вносить свѣтъ въ жизнь земли. Въ своихъ поэтическихъ опытахъ онъ воспѣвалъ только чистыя, возвышенныя чувства. И нравственный обликъ его, и мотивы его творчества удивительно напоминаютъ Жуковскаго:

Влнвость Лен-скаго въ Жуковскому.

«Онъ пѣлъ разлуку и печаль,
И нѣчто, и туману даль,
И романтическія розы.
Онъ пѣлъ тѣ дальнія страны,
Гдѣ долго въ лоно тишины
Лылись его живыя слезы...
Онъ пѣлъ поблеклый жизни цвѣтъ,
Безъ малаго въ восемнадцать лѣтъ.

Подобно Жуковскому, онъ былъ неисправимымъ оптимистомъ, который не допускалъ возможности роптать на «Провидѣніе»—все разумно и все необходимо, что происходитъ. Думая о смерти, онъ не отворачивался отъ нея—онъ восклицалъ:

«...правъ судьбы законъ!—

Паду ли я стрѣлой пронзенный,
Иль мимо пролетитъ она—
Все благо: бдѣнія и сна
Приходить часъ опредѣленный:
Благословенъ и день заботъ,
Благословенъ и тьмы приходъ!

Ленскій сошелся съ Онѣгинимъ, хотя они были совсѣмъ непохожи другъ на друга: «волна и камень, ледъ и пламень»,—вотъ, какъ ихъ характеризуетъ поэтъ. Но они сдѣлались друзьями «отъ дѣлать нечего»—оттого, что только они одни были «культурными людьми» въ этой «деревенской глуши»,—они понимали другъ друга и не скушали вмѣстѣ. Онѣгинъ не вѣрилъ ни одному слову Ленскаго, но его трогала наивная чистота юноши, и онъ щадилъ его вѣру, иногда удерживая себя отъ излишняго «скептицизма».

Ленскій ввелъ друга въ семью Лариныхъ: онъ съ дѣтства былъ влюбленъ въ ихъ младшую дочь Ольгу; ее онъ воспѣвалъ въ своихъ прочувствованныхъ стихахъ и ее хотѣлъ показать Онѣгину.

Ларины были простые, добродушные русскіе люди, которые жили тихой, растительной жизнью.

«Они хранили въ жизни мирной
Привычки мирной старины;
У нихъ на масляницѣ жирной
Водились русскіе блины,
Два раза въ годъ они говѣли,
Любили круглыя качели,
Подблюсны пѣсни, хороводъ.
Имъ квасъ, какъ воздухъ, былъ потребенъ..

Разсказъ о жизни Лариныхъ, праздникъ именинъ въ ихъ домѣ, деревенскій балъ въ этомъ тихомъ «дворянскомъ гнѣздѣ», типы помѣщиковъ-сосѣдей, отбѣздъ Лариныхъ изъ деревни въ Москву—все это прекрасныя, живыя картины русской дѣйствительности, написанныя Пушкинымъ въ добродушно-юмористическомъ тонѣ.

Когда Онѣгинъ знакомится съ ними, старика Ларина уже въ живыхъ не было: онъ «былъ простой и добрый баринъ», и краткая зпятафія на его памятникѣ прекрасно рисуетъ всю его жизнь, тихую, безпорывную:

«Смиранный грѣшникъ, Дмитрій Ларинъ,
Господній рабъ и бригадиръ
Подъ камнемъ симъ вкушаетъ миръ.

Позднѣ Гоголь въ «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ» напишетъ сходную идиллію изъ жизни захолустныхъ дворянъ, но, въ художественномъ

„Дружба“
Онѣгина и
Ленскаго.

Ларины.

Ларинъ.

отношеніи, нѣсколько строчекъ эпитафій, брошенныхъ вскользь Пушкинымъ, гораздо выше цѣлой повѣсти Гоголя, въ которой есть и каррикатурность, и тенденціозность.

Ларина.

Сама Ларина тоже простая женщина, когда-то бредившая романическими героями; выйдя противъ воли замужъ, она сперва потосковала, но потомъ свыклась съ новой жизнью и узнала тихое и вѣрное счастье.

«Привычка свыше намъ дана —
Зажьна счастію она..»

Ольга.

У Лариной двѣ дочери. Одна—Ольга, простая, недалекая дѣвушка, живая и немного сентиментальная. Только фантазія Ленскаго могла идеализировать эту дѣвушку, въ сущности, мало-оригинальную и мало-интересную. Пушкинъ говорить о ней—

«...любой романъ
Возьмите,—и найдете, вѣрно,
Бя портретъ: онъ очень милъ,
Я прежде самъ его любилъ,
Но надоѣлъ онъ мнѣ безмѣрно!..»

Татьяна.

Гораздо интереснѣе была старшая сестра Татьяна,—полная противоположность Ольгѣ и во внѣшности, и въ характерѣ. Она ребенкомъ еще жила въ родной семьѣ одиноко,—«казалась дѣвочкой чужой», дѣтскихъ игръ не любила и молча могла просиживать цѣлые дни у окна, погруженная въ мечты. Но, неподвижная и, повидимому, холодная, она жила сильной внутренней жизнью,—«страшные рассказы няни» сдѣлали ее фантазеркой, ребенкомъ «не отъ міра сего».

Чуждаясь наивныхъ деревенскихъ развлеченій, хороводовъ и игръ, она за то всей душой отдалась народному мистицизму, — ея наклонность къ фантазированью облегчила ей это.

Ея престо-
родный мисти-
цизмъ.

«Татьяна вѣрила преданьямъ
Простонародной старины:
И снамъ, и карточнымъ гадаваньямъ,
И предсказаніемъ луны.
Ее тревожили примѣты.
Таинственно ей всѣ предметы
Провозглашали что-нибудь,
Предчувствія тѣснили грудь.»

«...Вдругъ увидя
Младой двурогій ликъ луны
На небѣ съ лѣвой стороны,
Она дрожала и блѣднѣла.
Что-жь? тайну предельст находила
И въ самомъ ужасѣ она:
Такъ насъ природа сотворила,
Къ противорѣчію склонила.»

Отъ сказокъ няни она рано перешла къ романахъ.

Чтеніе рома-
новъ.

«Они ей заи́няли все,—

Она влюблялася въ романы

И Ричардсона, и Руссо...

Изъ фантазерки-дѣвочки она сдѣлалась мечтательной дѣвушкой, которая жила въ своемъ особомъ міру: она окружала себя героями своихъ любимыхъ романовъ, и чужда была деревенской дѣйствительности.

«Давно ея воображенье,

Сгорая нѣгой и тоской,

Алкало пищи роковой.

Давно сердечное томленье

Тѣснило ей младую грудь.

Душа ждала кого-нибудь.

Является Онѣгинъ. Въ толпѣ дикарей-помѣщиковъ онъ—слишкомъ Встрѣча съ крупная и оригинальная фигура—и Татьяна безъ труда увѣровала, что Онѣгинъ. это и есть ей давно-жданный герой—у ней —

«...открылись очи,

Она сказала: это онъ!

И вотъ, она бросается къ своимъ давно-перечитаннымъ романахъ, чтобы Чувства ея, вы- опять бесѣдовать съ любимыми героями— званныя ея встрѣчей.

«Теперь, съ какимъ она вниманьемъ

Читаетъ сладостный романъ,

Съ какимъ живымъ очарованьемъ

Пьетъ обольстительный обманъ.

Всѣ любимые ея романическіе герои—

«Всѣ для мечтательницы нѣжной

Въ единый образъ облеклись,—

Въ одножъ Онѣгинъ слились.

Себя она воображаетъ тоже героиней, подругой дорогихъ ей романическихъ героевъ — Клариссой, ¹⁾ Юліей ²⁾, Дельфиной ³⁾. Немудрено, что въ книгахъ она находитъ «свой тайный жаръ, свои мечты». Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ перечитанныхъ книгъ она сочиняетъ Онѣгину письмо, въ которомъ повторяетъ слова и даже фразы любовнаго письма Юліи къ С.-Прѣ.

Разговоръ Татьяны съ няней передъ сочиненіемъ этого письма принадле- Разговоръ съ няней о любви. житъ къ изумительнымъ сценамъ, по своей художественности и психологической правдивости. Въ бесѣдѣ восторженной дѣвушки со старукой сталкивается простонародное воззрѣніе на любовь съ искусственно-приподнятымъ романическимъ чувствомъ; сталкиваются наивная старость и наивная юность.

¹⁾ Героиня романа Ричардсона „Кларисса Гарловъ“ (См. выше кою Исторію Словесности ч. II, стр. 153).

²⁾ Героиня романа Руссо „Новая Элоиза“. См. выше „Исторію словесности“. ч. II, стр. 154.

³⁾ Героиня романа г-жи Сталь „Дельфина“.

Любовь

Татьяны

Поэтъ старается оправдать въ глазахъ читателей поступокъ Тани: съ мѣжнымъ чувствомъ умиленія склоняется онъ къ поэтическому образу своей героини и проситъ для нея снисхожденія. Она такъ чиста и такъ наивна. Въ ней нѣтъ ни тѣни кокетства, нѣтъ той лжи, которой вооружены свѣтскія красавицы—

«...въ милой простотѣ
Она не вѣдаетъ обмана
И вѣрить избранной мечтѣ.

Она «любитъ безъ искусства»; «послушная» влеченю чувства, она доверчива; къ тому же она—

«...отъ небесъ одарена
Воображеніемъ мятежнымъ,
Умомъ и волею живой,
И своенравной головой,
И сердцемъ пламеннымъ и нѣжнымъ.
Ужели не простите ей
Вы легкомысліе страстей?

Отношеніе Онегина къ письму Татьяны.

Онегинъ былъ «тронутъ» посланіемъ Тани, но онъ «привычкѣ милой не далъ ходу»: его пугала перспектива связать свою свободу «браккомъ» и опуститься до растительной жизни провинціи—«прозой» пахнуло на него отъ семейнаго счастья съ наивною, провинціальною дѣвицей. Ея неопытностью воспользоваться онъ не захотѣлъ—слишкомъ «неинтересна» была для него, «опытнаго охотника», вся эта несложная интрига: для него, ученика Ловласа, «борьба» была слишкомъ легка; кромѣ того, вѣдь онъ корчилъ въ это время Чайльдъ-Гарольда, а тотъ, какъ разъ, въ подобномъ случаѣ, отвергъ любовь героини, сказавъ:

«Флоранса! если бѣ сердце это
Я для любви не скоронилъ
Тогда бѣ, новѣрь, любовь поэта
Къ твоимъ ногамъ я положилъ,
Но ты не можешь быть моею—
У насъ различныя пути! («Чайльдъ-Гарольдъ»)

Приблизительно то же сказалъ Онегинъ Татьянѣ при личномъ свиданіи. Только онъ прибавилъ еще нравоученіе въ духѣ тѣхъ, которыя расточалъ Грандисонъ¹⁾, любившій читать нравоученія тѣмъ «неопытнымъ» дѣвицамъ, которыя предлагали ему свою любовь:

«Учитесь властвовать собой!
Не всякій васъ, какъ я пойметъ,—
Къ бѣдѣ неопытность ведетъ!

Не безъ юмора рассказываетъ Пушкинъ, какъ «проповѣдовалъ» Онегинъ, но онъ тутъ-же снѣшитъ добавить, что, въ этомъ случаѣ, онъ по-

¹⁾ Идеальный герой одного романа Ричардсона.

ступилъ «очень мило», онъ тутъ «явилъ души прямое благородство». Сама Татьяна впоследствии признавала, что въ этотъ «страшный часъ» онъ поступилъ «благородно». И, конечно, если онъ не любилъ Татьяны, онъ поступилъ прекрасно, но самъ Пушкинъ указываетъ, что онъ почти полюбилъ ее ¹⁾.. Онѣгинъ впоследствии самъ говоритъ, что былъ накануне этой любви: «привычкѣ милой не далъ ходу»—изъ эгоизма онъ убоялся потерять «свободу» и предпочелъ разыграть разочарованнаго Чайльд-Гарольда, разбивъ чистое и честное сердце Татьяны. Эта «игра» въ разочарованье была «ложью»,—она стоила счастья двухъ молодыхъ жиней, и потому вина Онѣгина велика.

Онъ пересталъ бывать у Лариныхъ, уединился у себя въ деревнѣ, гдѣ и повелъ спокойное, эгоистическое существованіе подражая въ образѣ жизни своему образцу—Байрону. Однажды, Ленскій убѣдилъ его прѣхать къ Ларинымъ на именины Татьяны, увѣривъ, что никакихъ гостей не будетъ. Онѣгинъ явился и былъ неприятно пораженъ при видѣ цѣлой кучи сосѣднихъ помѣщиковъ. Онѣгина взбѣсила перспектива сыграть въ ихъ глазахъ роль «жениха» и сдѣлаться предметомъ новыхъ сплетенъ и пересудовъ. Чтобы отомстить за обманъ, онъ рѣшился дразнить Ленскаго и сталъ Ссора съ Ленскимъ. ухаживать за Ольгой. Впечатлительный и доверчивый Ленскій увидѣлъ въ этомъ глубокое коварство Онѣгина и вызвалъ его на дуэль. Секундантомъ Ленскій выбралъ Зарѣцкаго, стараго бреттера. Этотъ вызовъ былъ неожиданностью для Онѣгина,—онъ сознавалъ, что былъ неправъ предъ Ленскимъ, но, выросшій въ чувствѣ страха передъ судомъ общества, онъ имѣлъ слабость бояться того, что о немъ будутъ говорить его сосѣди, которыхъ въ душѣ онъ презиралъ.

«И вотъ, общественное мнѣнье,
Пружина чести, нашъ кумиръ
И вотъ, на чемъ верится мнѣ—

— съ горечью восклицаетъ поэтъ.

«Дико-свѣтская вражда
Бойтся ложнаго стыда!

Дуэль состоялась, и Ленскій былъ убитъ. Онѣгинъ, мучимый совѣстью, Смерть Ленскаго и судьба Онѣгина. оставилъ деревню и пустился странствовать «безъ цѣли», нигдѣ не находя себѣ мѣста... Пушкинъ даетъ указаніе, что кровавая исторія его съ Ленскимъ вылечила его отъ страсти слѣдовать «модѣ»,—онъ уже не корчилъ изъ себя ни романческаго героя, ни «космополита», ни «патріота», ни «квакера», ни «ханжу» (Пушкинъ перечисляетъ всѣ «моды», которыя пережило русское общество ²⁾ при императорѣ Александрѣ I). Онѣгинъ раз навсегда сбросилъ съ себя модную мишуру лжи и сдѣлался тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, въ сущности, всегда—«добрымъ малымъ», какъ «цѣлый свѣтъ»... Страсть «маскироваться» прошла. Дорогой цѣной заплатилъ онъ за свое леченіе.

¹⁾ По крайней мѣрѣ, въ черновой рукописи есть строфа, въ которой говорится, что «скоро сталъ Евгенийъ, какъ Ленскій».

²⁾ См. мою Исторію русской Словесности ч. II, 192—3.

Судьба
Татьяны.

Между тѣмъ, и въ жизни Татьяны произошла перемена. Она не могла забыть Онѣгина, и, воспользовавшись его отъѣздомъ изъ деревни, пробралась въ его домъ и перечитала книги, имъ любимыя. Оказалось, онъ интересовался только Баброномъ, да романами, гдѣ выводились типы разочарованныхъ и озлобленныхъ людей.

Вчитавшись въ эти романы, Татьяна поняла, по какимъ рецептамъ жилъ ея Онѣгинъ, «чуждакъ печальный и опасный». И, вотъ, Татьяна спрашиваетъ себя—

«Что жъ онъ? Ужели подражанье?
Ничтожный призракъ, или еще—
Москвичъ, въ гарольдовомъ плащѣ,
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ,—
Ужъ не пародія ли онъ?»

Простая, деревенская барышня, доросшая до такого сознанія, поняла теперь лучше Онѣгина, но она не разлюбила его,—она простилась съ нимъ навсегда, полная сожалѣній, что счастье, столь близкое и возможное, не осуществилось потому, что «добрый малый» въ Онѣгинѣ былъ побѣжденъ «модю»... Вѣроятно, и въ сердцѣ Татьяны, послѣ первой ошибки, изсаяли ея романческія мечты,—и она сумѣла стряхнуть съ себя вліяніе книгъ, книжныхъ чувствъ и книжныхъ идеаловъ. Ея умственный кругозоръ расширился: теперь «ей открылся жѣръ иной»—сознательнѣе и проще стала она относиться къ жизни. Уступая желанію матери, она вышла замужъ за пожилого князя, въ то время извѣстнаго и почтеннаго дѣятеля... Татьяна вступила въ бракъ безъ любви, но полная чувствъ уваженія къ мужу; она смотрѣла теперь въ жизнь трезво и спокойно.

Вамужество
Татьяны.

Встрѣча съ
Онѣгинымъ.

Онѣгинъ встрѣтилъ ее въ Петербургѣ и былъ пораженъ переживной, съ ней происшедшей: вмѣсто навной, мечтательной и восторженной барышни передъ нимъ была спокойная, выдержанная великосвѣтская дама, закованная въ непроницаемую броню свѣтскихъ «приличій». Онѣгинъ влюбился въ нее безъ памяти,—теперь онъ никого уже не «корчилъ» изъ себя,—онъ былъ теперь просто «добрый малый», съ утомленнымъ, несчастнымъ сердцемъ... Онъ ничего не ждалъ для себя отъ своей любви, но онъ не смогъ справиться съ собой, написалъ Татьянѣ письмо, въ которомъ каждое слово было правдиво, и каждое было имъ выстрадано. Произошло послѣднее объясненіе героевъ.

Послѣдній
разговоръ
Татьяны съ
Онѣгинымъ.

Татьяна сбросила свою маску «великосвѣтскаго тона»,—она предстала передъ Евгениемъ простой, сердечной жейцаной, у которой навѣки разбито сердце. Она призналась Онѣгину, что несчастна, призналась, что любитъ его, но заключила свою рѣчь словами:

«Я другому отдана
И буду вѣкъ ему вѣрна!»

Такое глубокое пониманіе обязанностей жены освящаетъ высоко-правственный образъ Татьяны. Эти двѣ строчки бросаютъ яркій свѣтъ на ея сердце,—и все непонятное въ этой душѣ проясняется... Дикая и одинокая

дочка въ родной семьѣ, Татьяна оттуда, изъ нѣдръ хорошей, простой русской семьи, вынесла свои семейные идеалы, и свято сохранила ихъ въ ступолокѣ интернаціональной столичной жизни.

За эту вѣрность мужу русская критика признала Татьяну «идеальнымъ образомъ русской женщины». Конечно, странно утверждать, что Пушкинъ хотѣлъ изобразить идеальную героиню и создалъ Татьяну,— онъ просто рисовалъ русскую жизнь, съ одинаковой любовью относясь ко всемъ своимъ героямъ—и Онѣгину, и Ленскому, и Татьянѣ. Онъ изобразилъ на своихъ герояхъ, какое зло—та «ложь», которымъ жило русское общество, потерявшее связи съ русской родной основой. Татьянѣ нужно было разочароваться въ Онѣгинѣ, чтобы сумѣть воспитать въ своемъ сердцѣ зародыши той «правды», которая была вложена въ него влияніями русской жизни.

Татьяна—идеальный образъ русской женщины.

Историческое значеніе романа Пушкина велико—онъ попалъ въ руки русской публики, которая дочитывала еще сентиментальныя повѣсти Карамзина, которая увлекалась романтическими героями Марлинскаго, а изображенія русской жизни видѣла въ произведеніяхъ писателей, вроде Булгарина. Понятенъ тотъ восторгъ, съ которымъ русское общество встрѣчало каждую новую главу пушкинскаго романа. Въ прекрасныхъ стихахъ, въ перемежку съ лирическими отступленіями, нарисованы удивительно-художественно картины изъ русской жизни.. Юморъ и элегія, романтизмъ и реализмъ, правда и мечта—все въ этомъ романѣ сплелось въ одну причудливую цѣпь...

Отношеніе публики къ первымъ главамъ романа.

Описанія городской жизни Петербурга и Москвы, деревни (типы помѣщиковъ, семья Лариныхъ, зима, осень и весна въ деревнѣ),—все это было новшествомъ въ русской литературѣ—первымъ опытомъ нарисовать въ широкихъ предѣлахъ поэзію русской прозы... Никто до Пушкина не рискнулъ бы изобразить, напримѣръ, сцену разговора Татьяны съ няней. Въдѣ въ такой сестѣ было мало «интереснаго» для писателя, любящаго эффекты сентиментализма и романтизма,—только великій «поэтъ дѣйствительности» могъ понять красоту и поэзію этого маленькаго «неинтереснаго» эпизода. Нужно быть великимъ знатокомъ жизни и сердца человѣческаго, чтобы въ одной эпитафій на могилѣ старика-Ларина нарисовать всю душу его и всю его безпорывную, тихую жизнь.

Описанія.

„Поэзія прозы“.

Сцены чисто-бытовыя написаны въ романѣ широко и ярко: русская жизнь 20-хъ годовъ, и столичная, и деревенская, предстала передъ читателемъ, нарисованная мягкими, успокаивающими тонами,—здѣсь нѣтъ протеста, нѣтъ проповѣди, нѣтъ сатиры—«поэтъ любви» сумѣлъ любовными глазами посмотреть на современную жизнь ¹⁾ безъ всякой злобы,—только отъ легкаго чувства грусти отдѣлаться онъ не могъ,—оттого весь романъ, особенно благодаря лирическимъ отступленіямъ автора, производитъ впечатлѣніе огромной «элегіи». Это прекрасно передано Чайковскимъ въ его оперѣ...

Сцены бытовыя.

Романъ-элегія.

По формѣ своей, романъ Онѣгина напоминаетъ поэмы Байрона: «Чайльд-Гарольдъ», «Беппо» и «Донъ-Жуанъ». Въ этихъ произведеніяхъ «романъ

Литературныя вѣданія.

¹⁾ Единственнымъ диссонансомъ звучатъ строфы, посвященныя въ послѣднихъ главахъ романа «высшему обществу».

въ стихотворной формѣ» тоже переплетается съ лирическими отступленіями— такимъ образомъ, получилось лиро-эпическое произведеніе. Только въ настроеніи мало сходства между байроновскими произведеніями и пушкинскимъ. Судя по намѣреніямъ, съ которыми приступилъ Пушкинъ къ сочиненію своего романа, онъ сперва хотѣлъ изъ него сдѣлать «сатиру» на русскую жизнь; если бы это желаніе онъ осуществилъ,—получилось бы произведеніе, подходящее къ байроновскому «Донъ-Жуану»,—но Пушкинъ далъ, въ концѣ концовъ, не «сатиру», а «элегію», и внесъ въ свое твореніе столько любви къ героямъ, что далеко отошелъ отъ своихъ первичныхъ замысловъ.

Сатира-элегія. Вліаніе „Новой Элоизы“. Большое значеніе для «Евгенія Онѣгина» имѣли также романъ Руссо «Новая Элоиза» и романы г-жи Сталь. Руссо удалось романѣ изобразить *психологію любви*, и его произведеніе,—особенно *стиль* его, на много лѣтъ сдѣлались образцовыми для всѣхъ европейскихъ романистовъ, бравшихся за изображеніе чувствъ любви ¹⁾. На письмахъ Татьяны и Евгенія сказалось вліаніе стиля тѣхъ писемъ, которыми обмѣнивались герои Руссо—Юлія и С.-Прё ²⁾.

Вліаніе „Дельфины“. Очень близка Татьяна также къ Дельфинѣ, героинѣ одного романа г-жи Сталь—и по характеру, и по судьбѣ. Романъ г-жи Сталь есть не что иное, какъ картина женской души, картина подробная, мелочная. Такимъ образомъ, «психологія женской души»—главное содержаніе романа. Другая сторона въ этомъ произведеніи, «философская», не менѣе важна для насъ. Романъ посвященъ изображенію борьбы одинокой, талантливой личности съ безличной, безформенной, но страшной силой—«общественнымъ мнѣніемъ», составляющимся изъ разныхъ предрасудковъ, сплетень, мелкихъ интригъ. Въ лицѣ нашей Татьяны тоже изображена борьба личности со средой ³⁾. Жизнь Татьяны въ деревнѣ съ отрочества была нѣмымъ протестомъ противъ будничной, патриархальной жизни сытыхъ русскихъ помещиковъ. Татьяна «дика, печальна, молчалива»,—она чуждается беззаботнаго веселья свертлицъ; она жалуется, что ея «никто не понимаетъ»,—одинокая, она «должна молча гибнуть». Жизнь Татьяны въ Москвѣ, а потомъ въ петербургскомъ свѣтѣ, является такимъ же «нѣмымъ» протестомъ противъ «среды». Правда, Татьяна не смотритъ уже исподлобья на общество, которое ее окружаетъ, но въ душѣ она протестуетъ противъ всей этой «ветоши маскарада», «пестрой жизни мишуры»... Припомнимъ тѣ жалобы на «общественное мнѣніе», которыя слышатся неразъ отъ самого Пушкина (о воспитаніи Онѣгина, о жизни его въ свѣтѣ, въ разсказѣ о вызовѣ его на дуэль)—и мы должны будемъ признать, что на романъ Пушкина должны смотрѣть, какъ на художественное выраженіе протеста противъ деспотизма общественного суда. Конечно, это протесты еще очень слабыя, но, несомнѣнно, первые, раздавшіеся въ русской литературѣ. Въ этомъ «соціальное» значеніе Пушкинскаго романа ⁴⁾.

¹⁾ См. мою Исторію русской словесности, ч. II, 153—4.

²⁾ Подробнѣе см. въ моей работѣ: «Онѣгинъ, Ленскій и Татьяна» (въ соч. Пушкина, его жизнь и творчество. Спб. 1907).

³⁾ Детальное сравненіе Татьяны съ Дельфиной см. въ той-же статьѣ.

⁴⁾ Вопросъ объ отношеніи личности къ обществу слабѣ поставленъ въ «Кавказскомъ Пльвиникѣ» и «Цыганахъ».

Чѣмъ болѣе выросталъ Пушкинъ, тѣмъ болѣе отставала отъ него современная ему критика. Если первая главы романа и были приняты ею скорѣе сочувственно, то послѣднія встрѣтили почти единодушное порицаніе.

Отношеніе критики.

Во всякомъ случаѣ, важно, что русская критика признала жизненность героевъ романа. Булгаринъ заявилъ, что «Онѣгинныхъ» онъ встрѣчалъ въ Петербургѣ «джоннами»; Полевой призналъ въ героѣ «знакомаго» чело-вѣка, внутреннюю жизнь котораго онъ «чувствовалъ», но, безъ помощи Пушкина, «не умѣлъ объяснить». То же на разные лады говорятъ многіе другіе критики ¹⁾.

Затѣмъ важно, что по поводу романа возникъ вопросъ о томъ, что такое «народность» въ литературѣ: одни критики признавали за романомъ значеніе произведенія «національнаго», другіе усмотрѣли въ немъ неудачное подражаніе Байрону. Изъ спора выяснилось, что «народность» первые увидѣли не тамъ, гдѣ ее нужно было видѣть, а вторые просмотрѣли оригинальность Пушкина. Никто изъ критиковъ не оцѣнилъ это произведеніе, какъ «реалистическое», за то многие напали на форму его, указывали недостатки плана, несерьезность содержанія...

Вопросъ о «народности» въ русской критикѣ.

Изъ наиболѣе серьезныхъ отзывовъ о романѣ надо признать статью Полевого, — онъ увидѣлъ въ романѣ «литературно саргиссіо», образчикъ «шутливой поэмы», въ духѣ «Веппо», — онъ оцѣнилъ простоту и живость пушкинскаго разсказа. Онъ первый назвалъ романъ Пушкина «національнымъ»: «мы видимъ свое, слышимъ свои народныя поговорки, смотримъ на свои причуды, которыхъ всѣ мы не чужды были нѣкогда». Эта статья вызвала оживленную полемику. Въ образѣ «Татьяны» изъ современныхъ критиковъ только одинъ увидѣлъ полную самостоятельность пушкинскаго творчества; Татьяну онъ поставилъ выше черкешенки, Марин и Заремы.

Отзывъ Полевого.

Критики, доказывавшіе, что «Евгеній Онѣгинъ» — подражаніе байроновскимъ героямъ, все время утверждали, что Байронъ выше Пушкина, и что Онѣгинъ, «существо пустое, ничтожное и обыкновенное», ниже своихъ прототиповъ. Въ сущности, въ этомъ отзывѣ о героѣ Пушкина, — было больше похвалы, чѣмъ порицанія, — Пушкинъ нарисовалъ «живой» образъ, не идеализировавъ его, чего сказать о Байронѣ нельзя.

Вопросъ о «байроновствѣ» въ романѣ.

Надеждинъ не придавалъ серьезнаго значенія роману, — лучшимъ произведеніемъ Пушкина, по его мнѣнію, оставалась поэма «Русланъ и Людмила». На романъ Пушкина онъ предлагалъ смотрѣть, какъ на «блестящую игрушку», которую слишкомъ превозносить и порицать не стоитъ.

Отзывъ Надеждина.

е) *Михайловскій періодъ въ творчествѣ Пушкина.* Изъ стихотвореній этого періода автобиографическое значеніе имѣютъ слѣдующія: „Коварность“, „Сожженное письмо“, „Къ А. П. Кернъ“, „Желаніе славы“, „19 октября 1825 г.“, „Зимній вечеръ“. Изъ этихъ произведеній въ стихотвореніи „Сожженное письмо“ справедливо видятъ слѣды увлеченія Пушкина гр. Воронцовой: ²⁾

е) Михайловскій періодъ въ творчествѣ Пушкина. Лирика этого періода.

¹⁾ См. любопытную статью нѣвѣстнаго русскаго историка акад. Ключевскаго: „Евгеній, Онѣгинъ и его предки“ („Русск. Мысль, 1887 № 2), въ которой раз-бравъ герой, какъ историческій типъ.

²⁾ Во время пребыванія Пушкина въ Михайловскомъ, онъ, время отъ времени, полу-

„Желаніе
славы“.

въ стихотвореніи „Желаніе славы“, и въ посланіи „Къ А. П. Кернъ“ можно видѣть поэтическое выраженіе той страсти, которая завладѣла поэтомъ, когда онъ встрѣтился въ деревнѣ съ красавицей-Кернъ. Это чувство не было спокойнымъ,—оно на первыхъ-же порахъ надѣлило поэта разочарованіями, тревогами:

«Я наслажденіемъ весь полонъ былъ—я мнилъ,
Что нѣтъ грядущаго, что грозный день разлуки
Не придетъ никогда.. И что жер? Слезы, муки,
Измѣны, клевета,—все на главу мою
Обрушилося вдругъ..

Поэтъ весь полонъ былъ „желанія славы“ только для того, чтобы дорогая ему женщина была всечасно „окружена“ его славой,—

«...чтобъ громкою молвою
Все, все вокругъ тебя звучало обо мнѣ...

„Къ А. П.
Кернъ“.

Гораздо спокойнѣе другое стихотвореніе, посвященное той-же Кернъ: „Къ А. П. Кернъ“ („Я помню чудное мгновенье“...). Здѣсь нѣтъ мятежной страсти—здѣсь чисто-эстетическое наслажденіе отъ созерцанія чистой женской красоты, воплощенной въ прекрасномъ „мимолетномъ видѣніи“. „Геній чистой красоты“, съ „милыми“, „небесными чертами“, предсталъ предъ нимъ и наполнилъ его душу самыми высокими настроеніями, —

«И сердце бьется въ упоеньи
И для него воскресли вновь,
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь!..

„Зимній
вечеръ“.

Отношенія къ старухѣ-нянѣ выразились въ прочувствованномъ стихотвореніи: „Зимній вечеръ“. Поэтъ, заброшенный въ деревенское захолустье, скороталъ здѣсь много долгихъ зимнихъ вечеровъ, съ глазу на глазъ, со своей старухой-няней. Поэтъ именуетъ ее „доброй подружкой“ его „бѣдной юности“ и проситъ спѣть ему пѣсню о томъ, „какъ синица тихо за моремъ жила“, „какъ дѣвица за водой поутру шла“...

Интересъ
къ народной
поэзіи.

Изъ этихъ пѣсенъ старухи-няни выросъ его интересъ къ народной поэзіи, и во времени пребыванія его въ Михайловскомъ

часть письма съ юга, запечатанная печатью съ тѣми же знаками, что были вырѣзаны на его перстнѣ (см. стих. „Талисманъ“). Эти письма Пушкинъ сжигалъ сейчасъ же послѣ прочтенія.

относятся сдѣланныя имъ записи народныхъ пѣсень и сказоуь ¹⁾. Кромѣ простыхъ „записей“ онъ испробовалъ свои силы и въ „подражаніяхъ“: опыты эти оказались до такой степени удачны, что впоследствии Кирѣевскій, знатокъ народной русской пѣсни, безъ помощи поэта не былъ въ состояніи рѣшить, какія изъ этихъ „пѣсень“ только „записаны“ имъ, какія были „сочинены“ ²⁾.

Заинтересовался въ это время Пушкинъ и русскими лѣтописями, перечитывалъ житія святыхъ (въ Четьяхъ-Минеехъ и въ Киево-Печерскомъ Патерикѣ) и легенды.

Его вниманіе въ это время одинаково привлекаетъ къ себѣ творчество всѣхъ народовъ и всѣхъ временъ. Въ результатѣ, со- ^{Интересъ къ творчеству другихъ народовъ и эпохъ.} здались произведенія, вродѣ „Испанскаго романа“ („Ночной зефиръ“), переводы изъ Аріосто, „съ португальскаго“; подъ влияніемъ чтенія Корана, пишетъ онъ свои замѣчательныя „Подражанія Корану“; подъ влияніемъ чтенія Библии—создаетъ замѣчательное стихотвореніе „Пророкъ“ („Духовною жаждою томимъ“) и пишетъ подражаніе „Пѣсни пѣсней“.

Эти „библейскія“ произведенія, подражанія „Корану“, народныя пѣсни и творчество въ духѣ испанской поэзіи—это явленія одного порядка, указывающія лишь на разрастающуюся ширину и глубину интересовъ поэта, на окончательное отреченіе его отъ исключительнаго субъективизма юношескихъ лѣтъ, когда онъ творилъ только „изъ себя“ (лирика) и „про себя“ („субъективныя поэмы“). Поэтому и стихотвореніе „Пророкъ“ никакого отношенія не имѣло къ пушкинскимъ взглядамъ на поэзію,—это произведеніе представляетъ собою только удивительно-яркое, художественное воспроизведеніе библейской картины (превращеніе простого человѣка въ пророка) и больше ничего.

Изумительная способность проникать въ „духъ“ чуждыхъ народовъ, въ „настроенія далекаго прошлаго“—характерный признакъ романтизма, выставившаго, какъ извѣстно ³⁾, своимъ требованіемъ умѣніе понять *couleur locale, ethnographique* и *historique*.

Если на югѣ Пушкинъ постигъ „романтизмъ“ настроенія „міровой скорби“, то теперь онъ представляется намъ уже не

1) „Какъ за церковию, за нѣмецкою“, „Во дѣсахъ дремучихъ“, „Въ городѣ, то было, въ Астраханѣ“, „Какъ на утренней зарѣ, вдоль по Камѣ, по рѣкѣ“, „Во славномъ городѣ во Кіевѣ“.

2) Къ этимъ первымъ „опытамъ“ создать русскую пѣсню относятся слѣдующія: „Только что на проталинкахъ весеннихъ“, „Колокольчики звенать“, „Черный воронъ выбиралъ бѣлую лебедушку“, баллада „Женихъ“.

3) См. ч. II моей „Исторіи русской словесности“, стр. 203.

субъективистомъ-романтикомъ, а писателемъ-художникомъ, пользующимся „пріемами“ и „правилами“ романтической школы.

Широкое
знакомство
Пушкина съ
иностранной
литературой.

Въ этотъ періодъ жизни Пушкинъ особенно широко интересовался иностранными писателями, — раньше въ лицейскій періодъ и во время пребывания на югѣ у него были всетаки излюбленные писатели, которымъ онъ усиленно подражалъ (Парни, Вольтеръ, Шатобрианъ, Байронъ) — теперь число писателей западноевропейскихъ, упоминаемыхъ имъ въ письмахъ и замѣткахъ, сразу возрастаетъ. Имена Байрона, Вальтеръ-Скотта, Вергилія, Горация, Тибулла, Данте, Петrarки, Тассо, Аріосто, Альфьери, Мильтона, Шекспира, Саути, Мура, Руссо, М-ше Сталь, Беранже, Ротру, Делавиня, Ламартина, Гете, Шиллера и мн. др. — указываютъ, какъ разрослись литературные интересы и вкусы нашего поэта, — въ этомъ, еще неполномъ, списокѣ встрѣчаются писатели всѣхъ эпохъ, народностей и направлений.

„Борисъ
Годуновъ“.

Къ Михайловскому періоду относится созданіе „Бориса Годунова“: чтеніе „Исторіи Государства Россійскаго“ Карамзина и увлеченіе Шекспиромъ вдохновили Пушкина, внушили ему идею и форму его драмы.

Содержаніе.

Содержаніе драмы не разбито по дѣйствіямъ и явленіямъ: оно распадается на три части: прологъ, главную часть и заключеніе.

Къ прологу отнесены событія 1598 года (избраніе Годунова на царство; отношеніе къ этому факту бояръ и народа). Главная часть захватываетъ событія 1603-го года (бѣгство Григорія изъ монастыря; Борисъ Годуновъ въ періодъ зногья своей власти, но уже наканунѣ своего постепеннаго паденія; отношеніе къ нему бояръ и народа. Борисъ Годуновъ въ своей семьѣ; появленіе самозванца въ Польшѣ; его любовь къ Маринѣ). Эпизодъ, заключающій драму, захватываетъ событія 1604 года. (Борьба съ самозванцемъ. Смерть Годунова; смерть дѣтей Бориса).

а) вступленіе.
Отношеніе къ
Борису знати.

Въ первой части («прологъ») яркими штрихами очерчены отношенія къ Борису высшаго, родовитаго боярства и простого народа. Въ рѣчахъ коварнаго, злобнаго, но трусливаго Шуйскаго чувствуется затаенная, скрытая злоба именитыхъ бояръ противъ Бориса, — этого всеяльнаго «высочки», готоваго шагнуть на царскій престоль.

«Какая честь для насъ, для всей Руси!
Вчерашній рабъ, татаринъ, зять Малюты,
Зять палача и самъ въ душѣ палачъ,
Возьметъ вѣнецъ и бармы Мономаха!

Чувствуется, что здѣсь, въ средѣ этой аристократіи, уже зрѣетъ заговоръ противъ Годунова, хотя онъ не успѣлъ еще и сѣсть на престоль. Собесѣдникъ Шуйскаго, простодушный Воротынскій, на нашихъ глазахъ дѣлается врагомъ Годунова, благодаря этой хитрой рѣчи Шуйскаго.

Участіе народа въ избраніи Бориса на царство представлено чисто-пассивнымъ, безсознательнымъ... Очевидно, сторонники Годунова собрали толпу, ему сочувствующую; къ ней примкнули, отчасти изъ любви къ Богу, отчасти изъ страха люди, совсѣмъ не заинтересованные въ дѣлѣ Годунова. Въ этой пестрой толпѣ нѣтъ единого сердца, нѣтъ единой души... Привода разговоры, ведущіеся въ заднихъ рядахъ этой толпы, Пушкинъ даетъ понять, что эта толпа ненадежна, и «избраніе» сдѣлано не ею, а группой, — царь выбранъ, благодаря энергіи сторонниковъ, но не голосомъ народа.

Отношеніе
народа
къ избранію.

«Но вотъ появляется передъ нами и самъ новозбранный царь. Онъ говоритъ красивую рѣчь, въ которой обращается къ патриарху, боярству, народу.

Рѣчь Бориса.

«Ты, отче патриархъ, вы всѣ, бояре!
Обнажена душа моя предъ вами:
Вы видѣли, что я приѣмлю власть
Великую со страхомъ и смиреньемъ!
Сколь тяжела обязанность моя!
Да правлю я во славу свой народъ,
Да буду благъ и праведенъ..

«Мы не знаемъ, искренни, или лжива, эта рѣчь, — говоритъ ли передъ нами дѣйствительно-растроганный человѣкъ, или ловкій лицемеръ; намъ ясно лишь одно, что это — рѣчь заблуждающагося человѣка. Если Борисъ думаетъ обмануть своихъ слушателей, то тотъ, кто подслушалъ разговоръ Шуйскаго съ Воротынскимъ, народные толки на Дѣвчьемъ Полѣ, скажетъ, что обманывающимся является при этомъ онъ самъ, — этотъ искусный лицемеръ. Если же Борисъ не лицемеритъ, если онъ искренне говоритъ о себѣ, какъ о народномъ избранникѣ, то заблужденіе его выступаетъ еще ярче. Поэтому рѣчь царя, полная мира и любви, полная такихъ свѣтлыхъ надеждъ, оставляетъ въ насъ тяжелое, тревожное впечатлѣніе. Царь говоритъ:

Можетъ — основа
всей жизненной
трагедіи
Бориса.

«Да правлю я во славу свой народъ
Да буду благъ и праведенъ...

А намъ слышатся въ это время злобныя рѣчи Шуйскаго, слышится смѣхъ народной толпы...

Великій обманъ — таково общее впечатлѣніе, оставляемое въ насъ и сценой, гдѣ выступаютъ бояре, и сценой, гдѣ дѣйствуетъ народъ, и рѣчью царя. «Сѣмя жги, посеянное самымъ избраніемъ Бориса, рано, или поздно взойдетъ» (Ждановъ)...

Въ «главной части» уже обнаруживаются всѣ результаты этой лжи. Изъ тихой монастырской кельи лѣтописца Пимена выходитъ самозванецъ. Пимень, старикъ, чуждый мелкимъ интересамъ современности, возвысившійся надъ волной текущей жизни, произноситъ свой судъ Борису. Тѣмъ ужаснѣе этотъ судъ, тѣмъ онъ чище, свободнѣе отъ личныхъ интересовъ. Старый монахъ является воплощеніемъ народной совѣсти, возмущенной преступленіемъ царя и требующей возмездія. Такимъ образомъ, если недовольство бояръ и равнодушіе народа представляютъ собою историческія условія, благоприятныя для паденія Бориса, — то въ осужденіи

b) главная
часть. Отноше-
ніе народа.

его за содѣянное преступленіе, — осужденіи, очевидно, все растущемъ въ сознаніи народа — нарастаетъ новое, самое главное, условіе гибели Бориса — «нравственное». Изъ добродушно-безстрастнаго народъ дѣлается теперь строгимъ судьей Бориса, судьей неподкупнымъ, не поддающимся даже на то добро, которое Борисъ творитъ, какъ правитель. Монологъ Бориса: «Достигъ я высшей власти» — рисуетъ весь трагизмъ его положенія: повидимому, онъ достигъ апогея своего величія, но счастья не обрѣлъ, — онъ видитъ, что какая-то неумолимая, злая сила подтачиваетъ его благополучіе... Въ толпѣ, выликовавшей имя Бориса, не видно было любви къ нему, но не было и открытаго нерасположенія къ нему, — теперь мы узнаемъ, что народное настроеніе успѣло выясниться и опредѣлиться не въ пользу Бориса. Призракъ народнаго избранничества разсѣялся. Борисъ увидѣлъ передъ собой народъ, готовый вѣрить всякой сплетнѣ, всякой клеветѣ, если только эта клевета касалась его, Бориса» (Ждановъ).

Монологъ
Бориса.

Вотъ почему въ душѣ его нѣтъ покоя: къ тому же совѣсть мучитъ его за содѣянное злодѣяніе. Но онъ еще не понимаетъ, что и голосъ народа, и голосъ его совѣсти — это нарастающее возмездіе за преступленіе.

Отношеніе
бояръ къ
Борису.

Въ домѣ Шуйскаго собираются бояре. Въ рѣчахъ присутствующихъ чутся уже, что измѣна Борису готова; боярамъ рѣшительно нѣтъ дѣла до преступленія Бориса, — они руководятся только политическими соображеніями; чтобы свалить ненавистнаго имъ «высочку», они готовы мутить народъ и перейти на сторону самозванца. Событія разворачиваются все быстрѣе и быстрѣе. Но вотъ, сознаніе Бориса проясняется, — теперь онъ всѣ свои бѣды объясняетъ тѣмъ, что «прогнѣвилъ небеса», и онъ ждетъ кары, трепеща отъ мысли, что оно коснется и его дочери («Безвинная! Зачѣмъ-же ты страдаешь?»), и его сына (Ты невиненъ... А я за все одинъ отвѣчу Богу!).

е) Заключение.
Отношеніе
народа.

Въ заключительной части — развязка всѣхъ тѣхъ положеній, которыя намѣчены въ прологѣ: народъ по отношенію къ Борису принимаетъ явно-враждебное положеніе: потѣшается надъ его приказаніемъ предать «аначеевъ» самозванца («цускай себѣ проклинають; царевичу дѣла нѣтъ до Отрепьева»); устами юродиваго народъ въ лицо Борису говоритъ, что онъ «зарѣзалъ» Дмитрія. На эти слова Борисъ можетъ только простонать: «оставьте его. Молись за меня, бѣдный Николка». Двойная борьба — съ самозванцемъ — на окраинѣ государства — и со всей «землей» въ сердцѣ государства, въ Москвѣ, ему не подъ силу. Оттого, даже побѣда, одержанная имъ — надъ самозванцемъ, его уже не радуется: онъ чувствуетъ, что это торжество кратковременное, —

Состояніе
души Бориса.

«Онъ побѣжденъ — какая польза въ томъ?»

Даже попытка обратиться къ воинскимъ талантамъ Басманова не долго ласкаетъ его надеждой: родовитое боярство, съ его мѣстничествомъ, не уступитъ власти Басманову, да и народъ не окажетъ ему поддержки.

«Волшебный кругъ, обведенный судьбой вокругъ Бориса, замкнулся безысходно. Судьба можетъ оказать лишь одну милость несчастному царю — предупредить позоръ развѣнчиванья, потери власти». Борису не пришлось, дѣйствительно, склонить голову передъ «разстригой». Онъ

умираетъ. Но эта смерть—только начало конца. Мы должны еще увидѣть, какъ, со смертью Бориса, гибнетъ дѣло всей его жизни, гибнетъ его царственное наслѣдство». (Ждановъ).

Только что Борисъ закрылъ глаза, Васмановъ, съ которымъ такъ откровенно бесѣдовалъ Борисъ, на котораго онъ возлагалъ столько надеждъ, переходитъ на сторону Самозванца. На московской площади раздается крикъ:

«Народъ! народъ! въ Кремль! въ царскія палаты!

Ступай вязать Борисова щенка!»

Народъ (несется толпою)

«Вязать! топить! Да здравствуетъ Димитрій!

Да гибнетъ родъ Бориса Годунова!»

Этимъ могла бы закончиться драма. Мы узнали судьбу Бориса до конца. Но поэтъ даетъ еще одну заключительную сцену. Марія и Теодоръ Годуновы убиты сторонниками самозванца. Мосальскій объявляетъ: «Народъ! Марія Годунова и сынъ ея Теодоръ отравили себя ядомъ. Мы видѣли мертвые трупы».

Народъ въ ужасъ молчитъ. «Что же вы молчите?—продолжаетъ Мосальскій—Кричите: «да здравствуетъ царь Димитрій Ивановичъ!» *Народъ безмолвствуетъ*. Известно, что первоначально заключеніе пьесы было иное,—въ рукописи пьеса оканчивается народнымъ возгласомъ: «Да здравствуетъ царь Димитрій Ивановичъ!» На какомъ бы изъ этихъ двухъ вариантовъ мы ни остановились, сущность дѣла не мѣняется. Крикъ народа, который передъ тѣмъ «въ ужасъ молчалъ», не указываетъ, конечно, на перемѣну настроенія народной массы,—за этотъ вынужденный крикомъ кроется все тотъ же ужасъ, изъ котораго указываетъ и «народное безомовіе». Этотъ ужасъ, это безомовіе—нѣмой приговоръ самозванцу... «Народъ въ ужасъ молчитъ». Это молчаніе могло быть прервано развѣ рѣчью какого-нибудь яродиваго, который напомнилъ бы новому царю объ убійствѣ Борисова сына, какъ напомнилъ онъ Борису о гибели Димитрія... Приговоръ надъ самозванцемъ уже составленъ. Наступитъ день, приговоръ войдетъ въ законную силу и будетъ объявленъ въ окончательной формѣ» (Ждановъ).

Отношеніе народа къ вѣсти объ убіеніи дѣтей Бориса.

Вставными эпизодами въ это основное содержаніе драмы являются сцены: «Корчма на литовской границѣ», сцены, гдѣ дѣйствуетъ Самозванецъ и Марина (Краковъ, домъ Вишчевецкаго. Замокъ воеводы Мнишка въ Самборѣ. Сцена у фонтана. Граница Литовская. Равнина близъ Новгорода-Сѣверскаго. Сѣвскъ. Лѣсъ). Всѣ эти второстепенныя сцены нужны были Пушкину для обрисовки Самозванца, но онѣ совершенно излишни для развитія основной интриги.

Вставные эпизоды.

Отбѣтивъ въ душѣ Бориса главную черту—«честолюбіе», Пушкинъ, слѣдуя за романтиками-драматургами, не ограничился этой одной чертой,—онъ далъ всестороннее освѣщеніе его души, обрисовавъ его, какъ человѣка вообще и какъ правителя.

Борисъ, какъ человѣкъ

Борисъ, какъ человѣкъ—истинно-драматическое лицо, потому-что доброе и злое просто и правдиво перемѣшались въ его сердцѣ: онъ—не односторонній псевдоклассическій злодѣй, и не романтическій, съ присущей ему красивой позой,—онъ просто несчастный человѣкъ, котораго только страсть и случай толкнули на преступленіе. Онъ возбуждаетъ въ насъ жалость

потому, что въ немъ много добраго: съ того дня, какъ онъ совершилъ преступленіе,—совѣсть его мучить; эта страшная душевная борьба свидѣтельствуешь о неспорченности его натуры, о томъ, что преступленіе свое онъ искупаетъ въ теченіе многихъ лѣтъ... И этотъ медленный мучительный самосудъ обезоруживаетъ всякаго, кто хотѣлъ бы строго отнестись къ Борису, какъ къ преступнику. Кромѣ того, всякаго подкупаетъ сердечность его въ отношеніяхъ къ народу, къ своей семьѣ.

Борисъ, какъ
правитель.

Безразличными, въ моральномъ отношеніи, но, во всякомъ случаѣ, подкупающими качествами его души были—энергія, смѣлость, свѣтлый умъ. Это все достоинства, драгоценныя для «правителя». И, дѣйствительно, какъ правитель, онъ стоитъ высоко: обнаруживаетъ знаніе человѣческаго сердца, умѣніе управлять людьми, пониманіе истинныхъ нуждъ отечества: онъ уважаетъ образованіе, стоитъ за сближеніе съ западной культурой, рѣшительно высказывается противъ «мѣстничества». Но всѣ эти хорошія качества «правителя» не помогли ему сдѣлать Россію счастливой: не помогли ему ни его свѣтлый умъ, ни его житейская ловкость,—у него вѣтъ ни одного союзника: и небеса, и люди, простые и знатные, русскіе и поляки,—всѣ и все противъ него.

Борисъ, какъ
преступникъ.

Всѣ его административные таланты такъ же оказываются ему бесполезны, какъ и шекспировскому Макбету. Богато-одаренный отъ природы, съ широкимъ взглядомъ на жизнь, властолюбивый и честолюбивый, но безъ примѣси корыстнаго эгоизма, отъ всего сердца любящій родину и желающій ей блага и процвѣтанія, рѣшительный и энергичный, Борисъ достигъ престола, руководясь принципомъ: «цѣль оправдываетъ средства». Безнравственность этого принципа губить его.

Причины паденія
Бориса.

Народъ осудилъ въ его лицѣ преступника; народъ не далъ Борису себя купить,—и тогда онъ не сумѣлъ подавить въ себѣ чувства злобы къ этой «неблагодарной черни», не сумѣлъ понять, что мелкому эгоистическому чувству обиды не можетъ быть мѣста тамъ, гдѣ судьба произноситъ свой неуомлимый приговоръ. Подъ вліяніемъ этого чувства онъ дѣлается подозрительнымъ, врачнымъ, даже суровымъ: казни, пытки, шпіонство,—вотъ, къ чему прибѣгаетъ Борисъ для упроченія своего колеблющагося престола,—отъ прежняго, широкаго и свѣтлаго, пониманія своего положенія «царя-слуги народа»,—онъ переходитъ къ эгоистическимъ стремленіямъ удержать престолъ за сыномъ. Въ предсмертной рѣчи своей онъ даетъ сыну совѣтъ, какъ хитрѣе провести своихъ подданныхъ.

Дѣти Бориса погибли, какъ искупительная жертва за преступленія отца,—не обманъ народа и бояръ, не самозванецъ погубили его дѣло,—обманъ имѣлъ успѣхъ лишь, какъ орудіе той грозной силы, съ которою не поладилъ Годуновъ. А самозванство названнаго Дмитрія, по взгляду Пушкина, было ясно для всѣхъ. Цѣвникъ, на вопросъ Отрпьева:

«Ну, обо мнѣ какъ судятъ въ вашемъ станѣ?»

—отвѣчаетъ:

«А говорятъ о милости твоей,
Что ты, дескать, (будь не во гнѣвъ!), и воръ,
А молодець...».

Боярская среда, подготовившая падение Бориса и торжество Самозванцу, тоже совершенно никакой вѣры къ нему не питала (слова Вас. Шуйскаго, Пушкина и др.). Какъ только Бориса не стало, и сынъ его лишился престола—Самозванецъ сыгралъ свою роль. «Раньше, или позже, онъ долженъ былъ удалиться съ исторической сцены, снявъ свой театральнѣй костюмъ, захваченный изъ казны московскихъ государей. Убийство, совершенное рьяными сторонниками Самозванца, не замедлило обнаружить истинное народное настроеніе, скрывавшееся за кажущимся успѣхомъ мнимаго Дмитрія. «Народъ въ ужасѣ молчитъ». Въ этомъ указаніи Пушкина приговоръ надъ Самозванцемъ уже произнесенъ.

Интереснымъ лицомъ въ драмѣ является Василій Шуйскій, этотъ «лукавый царедворецъ», хитрый и коварный интриганъ — создание Смутнаго времени, которое приучало людей, ради собственнаго спасенія, лавировать среди всевозможныхъ случайностей тогдашней жизни. По отношенію къ Борису онъ ведетъ сложную и хитрую политику: онъ ваговорами и намеками, тайными злыми рѣчами возбуждаетъ ненависть въ средѣ русскаго боярства противъ Годунова,—и, въ то же время, онъ умѣетъ такъ вкратъся въ довѣренность Бориса, что тотъ, при всей своей подозрительности и недоброжелательствѣ къ Шуйскому, передъ смертью на него указываетъ сыну, какъ на такого совѣтника, котораго онъ долженъ приблизить къ себѣ. Ненавидя Годунова отъ всей души, называя его «вчерашнимъ рабомъ», «татариниомъ», «зятемъ палача»,—Шуйскій оказываетъ услуги Годунову и дѣлаетъ ему, чтобы, вкравшись въ его довѣріе, ловчѣе погубить его. Когда онъ чувствуетъ себя въ безопасности, онъ не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи тонко мстить Годунову: онъ подробно рассказываетъ ему о томъ, какой видъ имѣлъ убитый царевичъ; видя, что каждое его слово терзаетъ измученное сердце Бориса, онъ затягиваетъ свой рассказъ, наслаждаясь муками ненавистнаго человѣка. Это—местъ злобнаго раба, душа котораго чужда благородства, который не знаетъ милосердія, отъ котораго ждаты пощады нечего...

Василій
Шуйскій.

Совершенною противоположною Шуйскому представляетъ собою Самозванецъ. Это—смѣлый авантюристъ, которому душно и тѣсно въ монашеской кельѣ, котораго мечты влекутъ къ жизни шумной, полной всякихъ впечатлѣній... Ради этихъ впечатлѣній онъ смѣло вступаетъ на путь, который можетъ его привести къ плахѣ. Но смерти онъ не боится. Онъ беззаботно и смѣло смотритъ въ жизнь и старается отъ нея взять все, что можно, безъ всякихъ хитроумныхъ плановъ. Когда онъ беззаботно пируетъ въ замкѣ Мнишка,—онъ готовъ забыть всѣ свои затѣи,—и всей душой отдается веселію; когда онъ влюбляется въ Марину,—онъ не думаетъ ни о чемъ, кромѣ своей любви, и съ беззаботной смѣлостью открываетъ ей всѣ свои тайны. Пораженіе его не огорчаетъ въ такой мѣрѣ, какъ смерть его любимаго коня. Впрочемъ, эта самоувѣренность и безпечность—вѣрный залогъ его успѣховъ въ борьбѣ съ запуганными, истерзанными—морально Борисомъ.

Дмитрій
Самозванецъ.

Самозванецъ—«рыцарь минуты», орудіе рока, которому суждено было покарать Бориса и затѣмъ безслѣдно исчезнуть¹⁾, надѣленъ и умомъ, и бла-

1) „Мнѣніе митр. Платона о Дмитріи Самозванцѣ,—говоритъ Пушкинъ,—будто бы онъ былъ воспитанъ у иезуитовъ, удивительно дѣтское и романтическое. Всякій былъ

городною гордостью, и любовью къ родинѣ, и, кромѣ всего этого, той богатою фантазійею, которой былъ такой запасъ у гоголевскаго Хлестакова... Въ разговорѣ съ Мариной, онъ можетъ такъ увлечься своею ролью, что говорить съ нею языкомъ прирожденнаго царевича. Онъ понимаетъ ясно, что, въ рукахъ Польши и іезуитовъ, онъ только удобное оружіе противъ Россіи, и что до его самозванства имъ равно никакого дѣла нѣтъ; передъ сраженіемъ онъ мучится мыслію, что враговъ родины ведетъ проливать кровь своихъ единосмѣцевъ. Но всѣхъ этихъ качествъ мало для того, чтобы усидѣть на престолѣ, путь къ которому полить кровью.

Происхожденіе драмы.

О происхожденіи драмы самъ Пушкинъ даетъ рядъ цѣнныхъ указаній: «Изученіе Шекспира, Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей дало мнѣ мысль облечь въ формы драматическія одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ новѣйшей исторіи. Я писалъ въ строгомъ удивленіи, не смущаемый никакимъ чуждымъ вліяніемъ. Шекспиру подражалъ я въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ, въ необыкновенномъ составленіи типовъ и простотѣ; Карамзину слѣдовалъ я въ свѣтломъ развитіи происшествій; въ лѣтописяхъ старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени». Это обстоятельное и любопытное указаніе великаго поэта нуждается и въ объясненіи, и въ дополненіяхъ.

Вліяніе Шекспира.

Вліяніе Шекспира сказалося—1) въ обрисовкѣ характеровъ героевъ («необыкновенное¹⁾ составленіе типовъ»). Самъ Пушкинъ признаетъ, что лица, созданныя Шекспиромъ, не таковы, какъ у Мольера,—это не типы *одной* страсти, *одного* порока, но существа живыя, исполненныя *многихъ* страстей, *многихъ* пороковъ; обстоятельства развиваютъ передъ зрителями ихъ разнообразныя, многосложныя характеры. «У Мольера скупой—скупъ и только; у Шекспира Шейлокъ скупъ, смѣтливъ, мстителенъ, чадолубивъ, остроуменъ... У Мольера лицеѣръ волочится за женой своего благодѣтеля, лицеѣръ; принимаетъ живіе подъ храненіе, лицеѣръ; спрашиваетъ стаканъ воды, лицеѣръ». Съ этимъ одностороннимъ образомъ Пушкинъ сопоставляетъ болѣе сложный, а потому и болѣе правдивый, образъ шекспировскаго Анджело. «Истина страстей, правдоподобіе чувствованій въ предполагаемыхъ обстоятельствахъ—вотъ, чего требуетъ нашъ умъ отъ драматическаго писателя» — говоритъ Пушкинъ. Изъ характеристики дѣйствующихъ лицъ драмы мы видѣли, что нашъ писатель, дѣйствительно, пошелъ вслѣдъ за Шекспиромъ «въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ». 2) Вслѣдъ за Шекспиромъ, отвергаетъ онъ рѣшительнымъ образомъ правила ложноклассиковъ о «трехъ единствахъ». Единство *дѣйствія* нарушается введеніемъ въ драму исторіи Самозванца, его любви, сценой въ корчмѣ, сценами въ замкѣ воеводы Мнишка и пр. Единство *мѣста* нарушается такъ же легко: дѣйствіе переносится изъ Москвы въ Польшу, въ корчму, въ палаты царя, въ монастырь, въ домъ Шуйскаго и пр.; единство *времени* тоже не соблюдено: первая часть драмы связана съ 1598-ымъ годомъ, послѣдняя—съ 1604-ымъ. Такимъ образомъ, драма Пушкина написана не по правиламъ, тогда господствующимъ въ

а) обрисовка характеровъ.

б) „единства“.

годенъ, чтобы разыграть ту роль“. Говоря такъ, Пушкинъ хотѣлъ сказать, что не личность мнимаго Дмитрія, а обстоятельства того времени, сумма условий, воспоставшихъ и создавшихъ самозванца, обусловили ему успѣхъ.

1) Очевидно „обыкновеннымъ“ считалъ Пушкинъ то, что было принято у псевдоклассиковъ.

русской драмѣ. Чтеніе «драматургіи» Шлегеля, разъяснившего сущность построения драмы у псевдоклассиковъ и у Шекспира, помогло нашему поэту сознательно отнестись къ этому вопросу. Любопытно, что «Борисъ Годуновъ» написанъ за два года до появленія во Франціи первой романтической драмы Гюго: «Кромвель» (1827 г.), съ тѣмъ знаменитымъ предисловіемъ, которое совершило переворотъ въ исторіи французской драмы въ томъ же смыслѣ, въ какомъ драма Пушкина раньше сдѣлала переворотъ въ этой же области у насъ.

3) Кромѣ этихъ крупныхъ особенностей, взятыхъ у Шекспира, воспользовался Пушкинъ еще характернымъ приемомъ великаго англійскаго драматурга сѣивать «комическое» съ «трагическимъ». Въ этомъ отношеніи характерно внесеніе сценъ: «Корчма на Литовской границѣ», «Келья патриарха» и др. Это тоже было «новшествомъ» въ русской драмѣ, которая, слѣдуя указаніямъ псевдоклассической теоріи, до Пушкина строго различала «трагедію» и «комедію». Слѣдуя за Шекспиромъ (и Вальтеръ-Скоттомъ), Пушкинъ въ этихъ комическихъ «бытовыхъ» сценахъ воспользовался языкомъ «вульгарнымъ», что также нарушало правила псевдоклассицизма.

c) смѣшеніе комическаго съ трагическимъ.

4) Введеніе народныхъ массъ и большого числа дѣйствующихъ лицъ тоже должно быть признано результатами вліянія Шекспира. У него же позаимствовался Пушкинъ и приемомъ разбивать дѣйствіе пьесы на многочисленныя и короткія сцены. У Шекспира этотъ приемъ находился въ связи съ устройствомъ тогдашней сцены, подраздѣленной на отдѣленія. Такой сценарій — наслѣдіе средневѣковыхъ мистерій. Онъ пріучилъ и зрителей, и авторовъ пьесъ къ подвижности дѣйствія, легко переносимаго съ мѣста на мѣсто, потому что не требовалось перемѣны декорацій; такимъ образомъ, отдѣльныя сцены, связанныя съ разными мѣстностями, могли происходить даже параллельно одна другой. Это была одна изъ «условностей» театра Шекспира, которая не привилась на сценѣ новаго современнаго театра.

d) введеніе массъ, многихъ дѣйствующихъ лицъ. Дробность дѣйствія.

5) Вліяніе Шекспира сказалось на нѣкоторыхъ частныхъ заимствованіяхъ: слѣдуя англійскому писателю, Пушкинъ хотѣлъ въ своей пьесѣ дать драматическую «хронику», — вѣчто въ родѣ «трилогіи», въ которой «Борисъ Годуновъ» былъ бы лишь первой частью (за ней должны были слѣдовать — «Димитрій Самозванецъ» и «Василій Шуйскій»): Кромѣ того, согласно указаніямъ изслѣдователей, заимствовалъ Пушкинъ отдѣльные стихи и даже сцены изъ «Ричарда III», «Генриха IV», «Генриха V».

e) драматическая хроника.

6) Но не въ этихъ деталяхъ главное значеніе вліянія Шекспира. «Истина страстей, правдоподобіе чувствованій въ предлагаемыхъ обстоятельствахъ», «правдоподобіе положеній», естественность діалога — вотъ, «настоящіе законы трагедіи», по мнѣнію Пушкина, изучившаго Шлегеля и Шекспира. Это новшество и было главнымъ заимствованіемъ нашего великаго поэта у Шекспира.

f) естественность дѣйствія.

Н. Раевскій, заинтересованный пьесой Пушкина, еще до ея окончанія, давалъ поэту такіе совѣты-предсказанія: «ты сообщишь діалогу движеніе, которое сдѣлаетъ его положимъ на разговоръ, а не на фразы изъ словаря, какъ было до сихъ поръ. Ты доверишишь водвореніе у насъ простой и естественной рѣчи, которой еще наша публика не понимаетъ... Ты све-

Раевскій о драмѣ Пушкина.

дешь, наконецъ, позвію съ ходуль...». И Пушкинъ оправдалъ это предсказаніе прозорливаго друга.

Изъ взглядовъ самого Пушкина на свою «драму» видно, что онъ считалъ свое произведеніе «романтическимъ», себя—реформаторомъ русской драмы. Зная характерныя черты романтизма, допускавшаго даже то, что мы называемъ «натурализмомъ»¹⁾, мы, дѣйствительно, можемъ, вслѣдъ за Пушкинымъ, назвать его драму «романтической». Но, употребляя терминъ, который былъ ему еще невѣдомъ, мы съ бѣлымъ правомъ назовемъ его пьесу «реалистической».

Вліяніе
Карамзина.

О вліяніи «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина на драму Пушкина много говорено было въ русской критикѣ. Современники Пушкина готовы были видѣть въ его пьесѣ «отрывки изъ X и XI т. Исторіи, передѣланные въ разговоры». Несомнѣнно, въ происхожденіи драмы Исторія эта сыграла большую роль: X и XI томы, заключающіе въ себѣ эпоху Теодора Іоанновича, Бориса Годунова и Смутнаго времени вышли въ свѣтъ въ 1824-омъ году, т. е. за годъ до написанія «Бориса Годунова». Уже эта хронологическая близость позволяетъ утверждать, что интересъ къ личности Бориса у Пушкина сложился подъ вліяніемъ Карамзина. Такимъ образомъ, его «Исторія»—главный источникъ историческихъ свѣдѣній Пушкина. Оттого, слѣдуя за Карамзинымъ, Пушкинъ считаетъ Бориса виновникомъ смерти Дмитрія; изъ его «Исторіи» почерпаетъ онъ пониманіе характеровъ многихъ другихъ дѣйствующихъ лицъ. Слѣдуя за Карамзинымъ, усваиваетъ его морализующую точку зрѣнія на исторію: преступленіе наказывается, добродѣтель вознаграждается. Но великій поэтъ сумѣлъ спасти свое произведеніе отъ нехудожественности, которая явилась бы въ случаѣ слишкомъ односторонняго пользованія такой тенденціей,—объясняя причины паденія Бориса, онъ, кромѣ моральныхъ причинъ, внесъ и историческія, и психологическія (недовольство Борисомъ бояръ и народа, характеръ самого Бориса). Такъ же свободно использовалъ Пушкинъ историческіе матеріалы,—онъ настолько не былъ поработанъ «Исторіей»,—что, во многихъ отношеніяхъ, дополняетъ ее свѣдѣніями, почерпнутыми изъ другихъ источниковъ, которыми Карамзинъ не воспользовался²⁾.

Пушкинъ, какъ
историкъ.

Удержавшись отъ односторонности историка-моралиста, Пушкинъ, благодаря этому, сталъ неизмѣримо выше Карамзина въ пониманіи событій,—

¹⁾ См. мою Исторію русской словесности, ч. II, 203 и 204.

²⁾ Подробный расказъ Пшмена о смерти Теодора взятъ изъ „Житія царя Теодора Іоанновича“; подробности пораженія Самозванца (издыхающій конь), пропущенныя въ „Исторіи“ Карамзина, взяты изъ исторіи Щербатова; въ вопросѣ о закрѣпощеніи крестьянъ Пушкинъ отошелъ отъ Карамзина и примкнулъ къ мнѣнію Татишева; при описовкѣ Марини, Пушкинъ воспользовался „Краткою повѣстью о бывшихъ въ Россіи самозванцахъ“. Карамзинъ радужными красками изобразилъ избраніе народомъ Годунова на царство: ликованіе толпы, ликованіе бояръ,—такова картина этого избранія; тѣмъ непонятнѣе въ его изложеніи дѣлается крутая пере мѣна въ отношеніи народа къ Борису во вторую половину его царствованія. Пере мѣна въ поведеніи царя Карамзинымъ тоже не выяснена. Мы видѣли выше, что всѣ эти недостатки Карамзина Пушкинъ исправилъ, по своему разработавъ психологію бояръ, народа и Бориса (народъ при избраніи Бориса—бояре). Акад. Ждановъ указываетъ, кромѣ лѣтописей, на слѣдующія сочиненія, облегчившія Пушкину трудъ самостоятельно оцѣнивать изображаемую имъ эпоху: „Новый Лѣтописецъ“, „Сказаніе Авраама Палицына“, „Грамота объ избраніи Бориса Годунова“ и нѣк. др.

онъ выдвинулъ боярство въ дѣлѣ подготовки перваго самозванца, онъ, первый изъ русскихъ историковъ, указалъ на стихійное значеніе въ исторіи народныхъ массъ ¹⁾.

Наконецъ, самъ Пушкинъ указалъ на литературное значеніе лѣтописи для своей драмы. Образъ Пимена-лѣтописца весь сложился изъ этого изученія великимъ поэтомъ лѣтописей. Онъ самъ такъ говоритъ о своемъ лѣтописцѣ: «въ немъ собралъ я черты, плѣбившія меня въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ: умилительная кротость, младенческое и, вмѣстѣ, мудрое простодушіе, набожное усердіе ко власти царя, данной Богомъ, совершенное отсутствіе суетности, дышать въ сихъ драгоценныхъ памятникахъ время давно-минувшихъ, между коими озлобленная лѣтопись кн. Курбскаго отличается отъ прочихъ лѣтописей, какъ бурная жизнь Іоаннова изгнанника отличалась отъ смиренной жизни безмятежныхъ иноковъ».

Наряду съ чтеніемъ лѣтописей, должно быть поставлено чтеніе житій святыхъ, Четей-Миней, которыми увлекался Пушкинъ въ с. Михайловскомъ. Всѣ эти старинныя произведенія помогли ему уловить тотъ колоритъ исторической (couleur historique), который исчезаетъ въ изложеніи этой эпохи у Карамзина и другихъ тогдашнихъ историковъ. Очевиднѣе всего, это сказалось на стилѣ дѣйствующихъ лицъ: онъ пестритъ архаизмами: «сосудъ дьявольскій», «наряжены городъ вѣдать», «соборомъ положили», «по старинѣ пожалуемъ», «кладезь», «днесъ», «зане» и др.

Но, кромѣ этихъ «источниковъ» драмы, отмѣченныхъ самимъ поэтомъ, изслѣдователи указываютъ еще немало другихъ ²⁾. Такъ, рядомъ съ господствующимъ вліяніемъ Шекспира, умѣстился и вліяніе псевдоклассиковъ (напр., Расина). Мы видѣли уже, что Пушкинъ, какъ человѣкъ, всегда былъ очень разностороннимъ, — такими же особенностями отличался онъ, какъ писатель: онъ признавалъ большія достоинства за Корнелемъ и Расиномъ. «Я классицизму честь отдать» — говоритъ онъ самъ: «Каюсь, что я въ литературѣ скептикъ, сказалъ онъ однажды, и что всѣ ея секты для меня равны, представляя каждая свою выгодную и невыгодную сторону». «Односторонность есть пагуба мысли», писалъ онъ Катенину. «Поэзія бываетъ исключительною страстью немногихъ, рѣдкихъ поэтовъ, писалъ онъ. Она объемлетъ всѣ наблюденія, всѣ усилія, всѣ впечатлѣнія жизни». Этотъ «эклетицизмъ», умѣніе *ездь* находить интересное, заставили Пушкина, въ нѣкоторыхъ частностяхъ своей драмы, прикнудить къ Расину, который въ героинѣ своей трагедіи «Athalie» нарисовалъ образъ, аналогичный Годунову. Аталія приказала умертвить царевича Жоаса и сама завладѣла царствомъ Израиля. Престоль ея нетверда. Она заботится о народѣ, но онъ настроенъ противъ нея враждебно. Она это чувствуетъ,

Вліяніе произведеній древней письменности на драму.

Вліяніе псевдоклассиковъ-драматурговъ.

„Athalie“ Расина.

¹⁾ Совершенно фальшиво представленъ Карамзиннымъ „народъ“: „народы всегда благодарны: оставляя небу судить тайну Борисова сердца, Россіане искренно славляли царя, когда онъ, подъ личиною добродѣтели, казался имъ отцомъ народа, но, признавъ въ немъ тирана, естественно возненавидѣли его и за настоящее, и за минувшее; въ чемъ, можетъ быть, хотѣли сомнѣваться, въ томъ снова удостоверились, и кровь Дмитріева явнѣ означалась для нихъ“.

²⁾ Такъ, въ трагедіи Шиллера: „Димитрій Самозванецъ“ разговоръ Самозванца съ Одовадскимъ при переходѣ русской границы напоминаетъ разговоръ пушкинскаго Самозванца съ Курбскимъ. Монологъ Годунова: „Достигъ я высшей власти“ довольно близко, по настроенію и содержанію, подходитъ къ „думѣ“ Рыгѣва: „Борисъ Годуновъ“.

мучается отъ зловѣщаго сна, окружаетъ себя кудесниками и колдунами, прибѣгаетъ къ насильственнымъ мѣрамъ, но ничто не спасаетъ ея, — она погибаетъ. Шуйскій и Воротынскій находятъ себѣ прототипы въ нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицахъ этой трагедіи; роль, отведенная народу, тождественна въ обѣихъ пьесахъ, — это особенно характерно. Сходство наблюдается и въ томъ поученіи, которое выслушиваютъ царевичъ въ трагедіи «Athalie» и царевичъ въ «Борисѣ Годуновѣ». Но, кромѣ всѣхъ этихъ частныхъ, есть болѣе важныя основанія сближать Пушкина съ псевдоклассиками. Въ своей пьесѣ нашъ поэтъ изобразилъ лишь моментъ *кризиса*, какъ это было принято и въ классической трагедіи: передъ читателемъ нѣтъ постепеннаго зарожденія и развитія страсти въ душѣ героя, какъ у Шекспира. Кромѣ того, романтики, подражая Шекспиру, всегда старались выдвинуть интересъ дѣйствія внѣшняго, интересъ развитія сложныхъ и чрезвычайныхъ событій ¹⁾—въ Борисѣ Годуновѣ замѣчается простота построения. Кромѣ того, въ отличіе отъ Шекспира и романтиковъ, Пушкинъ приблизился къ псевдоклассикамъ и въ томъ отношеніи, что обнаружилъ въ своей пьесѣ стремленіе къ морализаціи.

„Мораль“
пушкинскаго
драмы.

Впрочемъ, мораль пушкинскаго произведенія гораздо интереснѣе съ этической стороны, чѣмъ нехитрый дидактизмъ псевдоклассиковъ. Впервые въ русской литературѣ, задолго до романа Достоевскаго «Преступленіе и наказаніе», Пушкинъ въ своей драмѣ поднялъ вопросъ о значеніи личности, о свободѣ того индивидуализма, который выступаетъ на борьбу съ условіями общественности ²⁾. Въ такой постановкѣ вопроса Пушкинъ далеко отходитъ отъ псевдоклассиковъ. Герой классической трагедіи—представитель «общечеловѣческихъ» свойствъ,—онъ страдаетъ, или наслаждается, гибнетъ, или побѣждаетъ въ предѣлахъ такихъ страстей, которыя, въ разной мѣрѣ, могутъ быть свойственны людямъ всѣхъ странъ и вѣремь. Романтики выдвинули «личность», какъ протестъ противъ общезавѣта,—оттого ихъ заинтересовалъ типъ реформатора, революціонера, заговорщика, узурпатора ³⁾. Борисъ—герой такого-же типа: онъ—идейный преступникъ, переступившій законы человѣческаго общежитія ради опредѣленной и высокой цѣли. Если имъ и владѣло властолюбіе, то, въ равной мѣрѣ, онъ мечталъ о власти для того, чтобы разумнымъ управленіемъ упрочить благосостояніе родной страны. Но, переступивъ законъ человѣческій, онъ находитъ кару въ собственномъ сознаніи. Въ такомъ же положеніи были нѣкоторые герои Гете и Шиллера ⁴⁾. Почти всѣ эти герои думали, что «цѣль оправдываетъ средства», что «нѣсколько капель человѣческой крови»—сущее ничто—и всѣ были наказаны муками совѣсти.

„Идейный
преступникъ“.

Мораль драмы. Такимъ образомъ, высокая мораль драмы Пушкина сводится къ мысли,

¹⁾ Въ этомъ отношеніи, болѣе въ романтическомъ духѣ развитъ характеръ Самозванца.

²⁾ Ср. постановку этого вопроса въ „Кавказскомъ Пльнникѣ“, „Цыганахъ“, „Евгеніи Онѣгинѣ“.

³⁾ См. мою „Исторію словесности“ II, 204.

⁴⁾ Гецъ—изъ гетевского „Гецъ-фонъ Верлихингенъ“, Фіеско—изъ шиллеровскаго „Заговоръ Фіеско“, Марино—изъ байроновскаго „Марино Фальери“, его же „Сарданапалъ“.

что счастье даже цѣлаго человѣческаго рода не можетъ быть куплено цѣной насильственной смерти «одного изъ малыхъ сихъ». Оптимистъ по натурѣ, Пушкинъ вѣрилъ въ неминуемое торжество правды, вѣрилъ что, по собственному его признанію, «лучшія и простѣйшія измѣненія суть тѣ, которыя приходятъ отъ одного улучшенія нравовъ, безъ насильственныхъ потрясеній политическихъ, страшныхъ для человѣчества». Въ это время, «примирившись съ жизнью», онъ былъ уже противникомъ всякой насильственности — безразлично — сверху, или снизу. Такимъ образомъ, въ своей драмѣ Пушкинъ опредѣленно сталъ за ограниченіе крайняго развитія индивидуализма ненарушимостью нѣкоторыхъ завѣтовъ и признаніемъ правъ за всякой личностью, какъ бы ни была она мала. Эта высокая идея — отблескъ той широкой, мировой любви къ человѣчеству, которая сдѣлалась въ послѣдній періодъ основой пушкинскаго міросозерцанія.

Въ этомъ отношеніи, Пушкинъ выше Шекспира, который совсѣмъ не задается этическими вопросами. Его Макбетъ совершаетъ преступленія, мучается ими, но продолжаетъ ихъ совершать... Для него преступленіе становится преступленіемъ только въ силу того зла, которое онъ причиняетъ людямъ — Дункану, Макдуффу и др., а не по отношенію къ нему самому. Пушкинъ же всѣ свои интересы переноситъ на душу самого преступника, какъ въ послѣдствіи Достоевскій — на душу Раскольникова ¹⁾.

Пушкинъ съ большимъ интересомъ относился къ своей драмѣ. «Писанная мною въ строгомъ уединеніи, говоритъ онъ, вдали охлаждающаго свѣта, плодъ добросовѣстныхъ изученій, постоянного труда, трагедія сія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю насладиться дозволено: живое занятіе вдохновенію, внутреннее убѣжденіе, что мною употреблены были всѣ усилія». Исследователямъ приходится только признать всю справедливость этихъ словъ, — драма Пушкина есть плодъ долгихъ и добросовѣстныхъ изученій. Она была «новымъ словомъ» въ русской литературѣ, и въ ней Пушкинъ сознательно выступалъ новаторомъ и реорганизаторомъ нашей драмы: онъ самъ говорилъ: «успѣхъ, или неудача моей трагедіи будетъ имѣть вліяніе на преобразование нашей драматической системы». Онъ опасался, что публика не пойметъ его произведенія, что ея «робкій вкусъ», скованный еще классицизмомъ, не стерпитъ такихъ «новшествъ», съ которыми выступалъ онъ. Вотъ почему онъ несразу и «съ отвращеніемъ рѣшался выдать ее въ свѣтъ»...

Отношеніе Пушкина къ своей драмѣ.

Изъ всего вышесказаннаго видно, какъ независимо отнесся Пушкинъ и къ Шекспиру, и къ Карамзину, и къ псевдоклассикамъ. Онъ старался выработать свое собственное пониманіе «драмы»: онъ стремился стать выше литературныхъ партій и школъ, признавая единственнымъ мѣриломъ оцѣнки произведеній искусства — свою художественную совѣсть. «Драматическаго писателя должно судить по законамъ, имъ самимъ надъ собою признаннымъ», — писалъ онъ Бестужеву. Мы видѣли, что онъ, во многихъ отношеніяхъ, критически относился къ классикамъ и романтикамъ, — такъ, онъ даже призналъ, что погоня за «правдоподобіемъ» лишила пьесы обѣихъ литературныхъ школъ естественности.

Независимость Пушкина, какъ писателя.

¹⁾ Ср. восклицаніе Сонечки Мармеладовой, обращенное къ Раскольникову: „что вы надъ собой сдѣлали!“

Особенности
драмы Пуш-
кина.

Подводя итогъ всему сказанному, мы признаемъ, что—1) отъ драмы Пушкинъ требовалъ соединенія психологическаго анализа съ историческою вѣрностью въ изображеніи эпохи (*couleur historique*); 2) не признавалъ правилъ о трехъ единствахъ, считая, что народныя законы шекспировскихъ пьесъ болѣе сродственны нашему театру; 3) въ обрисовкѣ характеровъ онъ слѣдовалъ за Шекспиромъ (сложность характеровъ героев); 4) въ построеніи пьесы онъ оказался оригинальнымъ, одинаково отойдя отъ Шекспира и классиковъ, и одинаково пользуясь тѣми и другими; 5) въ идейномъ отношеніи онъ сталъ выше Шекспира и классиковъ.

Отношеніе
критики.

Опасенія Пушкина, что его драма не будетъ понята русской критикой вполне оправдались: только немногіе избранные друзья поэта пришли въ восторгъ отъ его произведенія, да и то восторгъ этотъ не былъ связанъ съ глубокимъ пониманіемъ всего великаго значенія этой драмы. За то публика и критика обнаружили полное ея непониманіе. Графъ Бенкендорфъ, отъ имени государя, рекомендовалъ передѣлать драму въ романъ, въ родѣ вальтерскоттовскихъ. Критика назвала Бориса Годунова «убогой обновой», «школьною шалостью», собраніемъ нѣсколькихъ холодныхъ историческихъ сценъ, переложеніемъ «Исторіи Государства Россійскаго» въ діалогъ... Противники Карамзина поэтому сдѣлались и противниками пушкинской драмы. Надеждинъ отозвался о произведеніи Пушкина такъ: «ни комедія, ни трагедія, ни чортъ знаетъ что!»; находя достоинства въ обрисовкѣ нѣкоторыхъ лицъ, онъ всю пьесу обрекалъ на «сожженіе». Изъ критиковъ, болѣе снисходительныхъ, надо назвать Полевого, который призналъ въ драмѣ «шагъ къ настоящей романтической драмѣ»; несмотря на многочисленные «недостатки» драмы (близость къ Карамзину, несоблюденіе правилъ «романтической» драмы, историческія промахи) онъ рисунулъ признать «Бориса Годунова» произведеніемъ, наиболѣе типичнымъ для Пушкина, но, тѣмъ не мевѣе, и онъ не признавалъ за нашимъ великимъ поэтомъ права встать въ ряды «европейскихъ писателей».

VIII. Николаевскій періодъ русской литературы.

(30—50-ые годы).

Русское общество въ царствованіе императора Николая I. Выше были указаны тѣ громадныя историческія послѣдствія, которыя остались въ исторіи русскаго общественнаго самосознанія отъ первыхъ либеральныхъ начинаній юнаго императора Александра. Эти результаты были настолько глубоки, серьезны, что впоследствии, какъ правительственная реакція, такъ и общественная, смѣнившія либерализмъ, оказались не въ состояніи искоренить изъ сознанія русскаго общества зародившейся въ немъ мечты о правахъ личныхъ и гражданскихъ. Почти-объщанная императоромъ конституція Россіи дана не была,—аракчеевщина и мистицизмъ тяжелымъ гнетомъ легли на русское общество.

Русское общество въ царствованіе императора Николая I.

И вотъ, одни уступили этому гнету, другіе вступили въ борьбу съ правительствомъ, рѣшившись самостоятельно добиться того, что не даровано было свыше. Репрессіи правительства и уморный консерватизмъ большей части тогдашняго общества только обострили энергію и фанатизмъ тогдашнихъ либераловъ-конституціоналистовъ. То, что недавно еще было въ ихъ сознаніи только «мечтой», «утопіей»,—теперь, заостренное борьбой, стало искать себѣ выраженія въ жизни; теорія стремилась воплотиться въ практику... Военный мятежъ 14 декабря 1825 года былъ первой попыткой со стороны оппозиціонной части русскаго общества вступить въ открытую борьбу съ правительствомъ. Опытъ оказался очень неудачнымъ. Мятежъ былъ подавленъ безъ труда, потому что нѣсколькихъ десятковъ до фанатизма убѣжденныхъ людей оказалось недостаточнымъ для того, чтобы создать настроеніе среди такихъ массъ, которыя въ конституціи относились безъ всякаго сознанія и интереса, о правахъ личности еще не имѣли представленія, или либеральничали только потому, что это было тогда «модой»... Къ тому же въ средѣ русской интеллигенціи тогда очень силенъ былъ сознательный и стойкій консерватизмъ, сильный не Арачевыми, Фотіями, Магницкими и цензурой, — а сознательной любовью къ родной старинѣ (Карамзинъ, Шишковъ), искреннею вѣрой въ то, что «самодержавіе», «православіе» и «народность»—главныя основы русской исторіи, что не въ подражаніи западу сила Россіи, а въ поддержаніи, укрѣпленіи и развитіи этихъ «основъ», признанныхъ исключительно-народными.

Либералы конца александровской эпохи.

Энергичнымъ и убѣжденнымъ поклонникомъ такихъ взглядовъ явился

Николай I,
какъ поли-
тической дѣя-
тель.

императоръ Николай I. Онъ былъ, во многихъ отношеніяхъ, полной про-
тивоположностью Александру I. Это былъ человекъ, не знавшій коле-
баній, прямолинейный и рѣшительный, оставшійся вѣрнымъ своей поли-
тикѣ отъ востества на престолъ до смерти. Свою политику онъ построилъ
на томъ сознательномъ консерватизмѣ, лучшимъ представителемъ котораго
былъ въ царствованіе Александра Карамзинъ, — его «Исторія Государства
Россійскаго» и «Записка о древней и новой Россіи» — сдѣлались полити-
ческимъ Евангеліемъ Николая I.

Онъ энергично расправился съ фанатиками-либералами, — и изъ рус-
скаго общества были вырваны самые замѣтные его дѣятели, одухо-
творявшіе своими мечтами большую часть общества. Ихъ не стало, замеръ
въ обществѣ «духъ мятежный», — и уцѣлѣвшимъ либераламъ стало казаться,
что, послѣ развязки 14 декабря, развитіе Россіи отодвинулось за 50 лѣтъ
назадъ. Правительство, опираясь на Карамзина, дѣйствительно, потянулось
къ дореформенной, допетровской Россіи. Пытаясь уничтожить «зловред-
ныя» вліянія Запада, оно ставило крестъ на всемъ царствованіи Але-
ксандра I; оно критически относилось къ реформамъ императрицы Ека-
терины, отчасти даже Петра, — за то политическіе идеалы *старой* Москвы,
«третьяго Рима»¹⁾, теперь опять воскресли съ новой силой. «Самодержа-
віе», «православіе» и «народность» — сдѣлались лозунгомъ николаевскаго
правленія. Националистическое направленіе русскаго правительства этихъ го-
довъ носить, обыкновенно, названіе «официальной народности». Надо со-
знаться, что императоръ Николай сумѣлъ окружить себя ореоломъ мощи.
Это было большое моральное завоеваніе. Особенно ему, въ этомъ отноше-
ніи, помогла быстрая побѣда надъ декабристами.

Официальная
народность.

Немудрено, что массы общества, недавно равнодушныя ко всякой по-
литикѣ, или, слѣдуя модѣ, тяготѣвшія къ декабристамъ, теперь безъ
труда перетянулись на сторону правительства, покоренныя обаяньемъ его
правственной силы. Расшатанное при Александрѣ самодержавіе вновь укрѣ-
пилось въ сознаніи массъ. Императоръ Николай сумѣлъ взять рѣшительный,
энергичный и самоувѣренный тонъ въ разговорѣ не только со своими под-
данными, но и съ государствами Западной Европы, — и тамъ тоже надолго
уцѣлѣвали въ мощь самодержавной Россіи. Такъ создалось обаяніе личности
императора и русской непобѣдимости, — обаяніе, которое было разсѣяно
лишь Крымской кампаніей, изобличившей передъ всѣмъ міромъ слабость
необразованной Россіи, на видъ столь могущественной и всесильной...

Отношеніе
массы рус-
скаго обще-
ства къ по-
литикѣ пра-
вительства.

Но задолго до этого разочарованія, въ началѣ царствованія Николая I,
режимъ, имъ введенный, былъ очень популяренъ даже въ кругахъ рус-
ской интеллигенціи. Главной цѣлью этого режима было стремленіе лишить
самодѣятельности русское общество, распустившееся при Александрѣ I.
Теперь введена была строгая опека надъ русской жизнью. Общественныя
движенія эпохи Александра объяснялись теперь, какъ результатъ поверх-
ностнаго воспитанія молодежи, какъ вольнодумство, явившееся слѣдствіемъ
увлеченія тлетворными идеями западноевропейской жизни.

Чтобы впредь не повторялись подобныя тревоженія, правительство
рѣшило взять въ свои крѣпкія руки дѣло «перевоспитанія» русскаго об-

¹⁾ См. мою «Исторію русск. словесности» 2-ой вып. 1-ой части, стр. 137—9 и др.

щества и притоже на основахъ чисто-«народныхъ». Впервые, съ эпохи Московской Руси, заговорило русское правительство о русской «народности».

Съ исторической точки зрѣнія, это возрожденіе націонализма было явленіемъ вполнѣ законодѣрнымъ: выше, пересказывая судьбы русской литературы въ XVIII-омъ и въ началѣ XIX-го вѣка, я отмѣтилъ постепенное проясненіе націонализма въ русскомъ самосознаніи. Но уже въ эпоху Александра I этотъ націонализмъ изъ сферы чисто-литературной перешелъ въ сферу политическую, выставивъ противъ либеральныхъ начинаній императора такую консервативную общественную массу, которая вступила въ борьбу во имя ясно-сознанныхъ историческихъ идеаловъ. Такъ произошло скрещеніе и соединеніе «национализма» съ «консерватизмомъ». Теперь, въ эпоху Николая I, эти консервативно-националистическіе идеалы восторжествовали въ силу историческаго закона, по которому всякій моментъ интенсивнаго движенія впередъ всегда сопровождается моментомъ такого-же интенсивнаго стремленія назадъ. Такимъ образомъ, націонализмъ этихъ идеаловъ и въ царствованіе Александра, и въ царствованіе Николая I не созрѣлъ спокойно, какъ слѣдствіе мирной эволюціи общественнаго самосознанія, — онъ опредѣлился, какъ результатъ политической борьбы. Такой боевой, *полемическій* характеръ русскаго оффиціального націонализма придалъ его идеаламъ односторонность и ту страстность, которая не останавливается передъ неправдой. Увлеченные борьбой съ «западниками», наши «националисты» готовы были — 1) отвергать *всякій прогрессъ*, 2) считать *не природнымъ* для Россіи все, что видѣли на Западѣ. Отсюда реакціонный характеръ народническихъ идеаловъ русскаго правительства этой эпохи. Между тѣмъ, въ понятіе истиннаго «народничества» отнюдь не входилъ такой крайній консерватизмъ, какъ доказали это своими взглядами «славянофилы» этой-же эпохи.

Кромѣ этого воинствующаго характера, «оффиціальность народность» грѣшила еще тѣмъ, что, опираясь на историческія основанія русскаго прошлаго (односторонне-освѣщенныя Карамзинимъ), она, въ то же время, не понимала, что въ исторіи неподвижнаго вѣтъ, — все движется, все развивается, и потому историческія основы, на которыхъ, быть можетъ, дѣйствительно, строилось міросозерпаніе нѣкоторыхъ общественныхъ группъ старой Москвы, — не могутъ сдѣлаться основами общественнаго самосознанія Россіи XIX-го вѣка.

Вотъ почему уже многіе современники этой эпохи начали сомнѣваться въ благотворности такого «народнаго» характера новой политической системы. «Они соглашались, что она удовлетворяла преданіямъ массы, но утверждали, что, въ болѣе широкомъ смыслѣ, она вовсе не была народна, такъ какъ, по своей крайней исключительности, не давала никакого исхода для развитія умственныхъ и матеріальныхъ силъ народа, оставляя огромную долю самого народа въ рабствѣ, и, наконецъ, что даже въ способѣ ея дѣйствій господствовали взгляды, внушенные чужой, западной реакціей» (Пынинъ). Изъ такихъ мыслей стало складываться оппозиціонное настроеніе въ русскомъ обществѣ николаевской эпохи. Цензура строго слѣдила за русской печатной литературой, — но это только способствовало развитію рукописной литературы, которая и сдѣлалась выразительницей растущаго въ Россіи недовольства политикой императора Николая.

Одинъ изъ современниковъ такъ характеризуетъ внѣшнюю и внут-

Развитіе
націонализ-
ма — закон-
ное явленіе.

Смѣшеніе на-
ціонализма съ
консерватиз-
момъ.

Особенности
этого націо-
нализма
ніколаевской
эпохи.

Оппозиція
этому націо-
нализму

Политика
внутренняя
и внѣшняя
николаевской
Россіи.

ренною политику императора, видя въ ней продолженіе идеаловъ Священнаго Союза и развитіе идей Меттерниха: «поддержаніе существующаго порядка не только въ Россіи, но во всей Европѣ, даже въ Турціи, защита охранительнаго монархическаго начала повсюду, исключительная опора на силу войскъ, организація общественнаго воспитанія и развитіе административнаго элемента путемъ централизаціи власти, обрусѣніе иноплемennыхъ народовъ, стремленіе создать единство вѣроисповѣданія, законодательства и администраціи, строгій надзоръ за общественной мыслью»,— вотъ, главныя основанія внѣшней и внутренней политики русскаго правительства этого времени. Событія 1848-го года и польское возстаніе усилили еще болѣе этотъ режимъ, имѣвшій цѣлью объединить Россію и спасти ее отъ вліяній запада.

„Перевоспита-
ніе“ рус-
скаго обще-
ства.

Но «опека» правительства направлялась не только на искорененіе изъ русскаго сознанія чужихъ «ненародныхъ» идей, но и на воспитаніе тѣхъ идеаловъ, которые считались «истинно-народными». Въ этомъ отношеніи, правительство дѣйствовало очень умѣло, и, въ концѣ концовъ, создало въ русскомъ обществѣ преувеличенное понятіе о мировомъ значеніи своего отечества ¹⁾.

Мировозрѣ-
ніе русскихъ
„націонали-
стовъ“.

Послѣ вѣковаго рабскаго преклоненія передъ западомъ теперь массы русскаго общества прониклись презрѣніемъ къ этому западу; любовь къ родинѣ, вздутая стараніями правительства, теперь обратилась у многихъ въ національное самолюбіе, не желавшее видѣть у себя ничего плохого. «Сущность этого представленія состояла въ томъ, что Россія есть совершенно особое государство и особая національность, непохожая на государства и національности Европы. На этомъ основаніи она отличается и *должна* отличаться отъ Европы всѣми основными чертами національнаго и государственнаго быта; къ ней совершенно неприложимы требованія и стремленія европейской жизни. Въ ней господствуетъ наилучшій порядокъ вещей, согласный съ требованіями религіи и истинной политической мудрости. Европа имѣетъ свои историческія отличія: въ религіи — католицизмъ, или протестантство, въ государствѣ — конституціонныя, или республиканскія учрежденія, въ обществѣ — свободу слова и печати, свободу общественную и т. п.; она гордится ими, какъ прогрессомъ и преимуществомъ, но этотъ прогрессъ есть заблужденіе и результатъ французскаго вольнодумства и революціи, поправшей въ прошломъ столѣтіи религію и монархію, и хотя укрощенной, но оставившей слѣды своего пагубнаго вліянія и зародыши дальнѣйшихъ европейскихъ безпорядковъ и волненія умовъ. Россія осталась свободна отъ этихъ тлетворныхъ вліяній, которыя только разъ пришли возмутить ея общественное спокойствіе (14 декабря 1825 г.). Она сохранила въ цѣлости преданія вѣковъ и, будучи тѣмъ предохранена отъ безпокойствъ и обмановъ конституціонныхъ, не можетъ сочувствовать либеральнымъ стремленіямъ, какія обнаруживаются и даже

¹⁾ Эта „націоналистическая“ политика русскаго правительства имѣла и положительную сторону: послыла русскихъ молодыхъ ученыхъ въ западные университеты и славянскія земли, открытіе ученыхъ обществъ, этнографическихъ и историческихъ, — все это содѣйствовало быстрому развитію русской науки, этнографіи; благодаря поддержкѣ правительства выдвинулось теперь немало талантливыхъ ученыхъ этнографовъ-археологовъ. См. подробнѣе у Пышина „Исторія русской этнографіи“, ч. I и III.

находить снисхожденіе правительствъ въ разныхъ государствахъ Европы, и не можетъ не поддерживать, съ своей стороны, принципа чистой монархіи. Въ религиозномъ отношеніи, Россія также поставлена въ положеніе, несходное съ европейскимъ, исключительное и завидное.. Ея исповѣданіе заимствовано изъ византійскаго источника, вѣрно хранившаго древнія преданія церкви, и Россія осталась свободна отъ тѣхъ религиозныхъ волненій, которыя первоначально отклонили отъ истиннаго пути католическую церковь, а потомъ поселили распри въ ея собственной средѣ и произвели протестантизмъ, съ его безчисленными сектами. Правда, въ русской церкви также происходила несогласія, и часть невѣжественнаго народа ушла въ расколъ, но правительство и церковь употребляютъ всё убѣжденія къ возвращенію заблудшихъ и къ искорененію ихъ заблужденій».

«Россія и во внутреннемъ своемъ бытѣ непохожа на европейскіе народы. Ее можно назвать вообще «особою частью свѣта»; со своими особыми учрежденіями, съ древней вѣрой, она сохранила патріархальныя добродѣтели, мало-извѣстныя народамъ западнымъ. Таковы, прежде всего, — народное благочестіе, полное довѣріе народа къ предержавшимъ властямъ и безпрекословное повиновеніе; такова простота нравовъ и потребностей, не избалованныхъ роскошью и не нуждающихся въ ней. Нашъ бытъ удивляетъ иностранцевъ и иногда вызываетъ ихъ осужденія, но онъ отвѣчаетъ нашимъ правамъ и свидѣтельствуетъ о неспорочности народа; такъ, крѣпостное право (хотя и нуждающееся въ улучшеніи) сохраняетъ въ себѣ много патріархальнаго, — хорошій помѣщикъ лучше охраняетъ интересы крестьянъ, чѣмъ могли бы они сами, и положеніе русскаго крестьянина лучше положенія западнаго рабочаго. На этихъ основаніяхъ Россія процвѣтаетъ, наслаждаясь внутреннимъ спокойствіемъ. Она сильна своимъ громаднымъ протяженіемъ, многочисленностью племенъ и патріархальными добродѣтелями народа. Извнѣ она не боится враговъ; ея голосъ рѣшаетъ европейскія дѣла, поддерживаетъ колеблющіяся порядки; ея оружіе, миллионъ штыковъ, можетъ поддержать это влияние и ему случилось наказывать и истреблять революціонную крамолу. Есть недостатки въ практическомъ теченіи дѣла, но они происходятъ не отъ несовершенства законовъ и учреждений, а отъ неисполненія этихъ законовъ и отъ людскихъ пороковъ» ¹⁾. (Пыпинъ) Эта утопія была красивой и стройной системой, льстящей національному самолюбію, и потому она имѣла полный успѣхъ въ значительной части русскаго общества. Многие видные общественные дѣятели, литераторы и публицисты вдохновлены были ею и легко приспособились къ этимъ идеаламъ «официальной народности».

Лишь немногіе общественные дѣятели не поддались обаянію этой системы; они доказывали, что, вслѣдствіе примѣненія такой системы, русское общество лишено самостоятельности, и въ умственно-нравственномъ, и въ материально-экономическомъ отношеніи; охраняя «народную» самобытность, система эта не допускала въ Россію ни смѣлыхъ выводовъ европейской науки, ни желѣзныхъ дорогъ; «самобытность» кончалась умственною и материальною бѣдностью и отсталостью (Пыпинъ). Крымская война доказала спра-

Критика этого міросозерцанія.

¹⁾ Ср. слова Карамзина, что для Россіи нужна не конституція, а «добродѣтельные губернаторы».

ведливость такого критическаго отношенія къ показному блеску николаевской Россіи: отсутствіе гласности прикрывало злоупотребленія, вѣра въ добродѣтели русскаго народа не оправдалась фактами: при бюрократическомъ строѣ государства, дурныя инстинкты свободно торжествовали надъ добрыми; народъ коснѣлъ въ невѣжествѣ и бѣднѣлъ отъ солдатчины, бѣднѣлъ отъ того, что русская промышленность прозябала, торговля была въ рукахъ иностранцевъ, пути сообщенія были плохи. Но всѣ эти недостатки русской дѣйствительности замѣчались сперва лишь немногими дѣятелями,—они сдѣлались ясны всѣмъ, когда крымская война показала, что одной физической силы для процвѣтанія государству мало,—нужно образованіе, нужна гласность, самодѣятельность общества, взаимное уваженіе сословій и сознательная любовь къ родинѣ...

Идейное со-
держаніе
жизни пере-
догово рус-
скаго обще-
ства въ эту
эпоху.

На передовомъ русскомъ обществѣ отразились ярко послѣдствія новой политики правительства: такъ какъ сфера живыхъ общественныхъ интересовъ была закрыта, многіе прикнули къ идеямъ «официальной народности»—въ силу вѣры, искренняго убѣжденія, или по причинамъ чисто-эгоистическимъ (Шевыревъ, Погодинъ, отчасти Пушкинъ и Гоголь). Другіе же—или замкнулись въ сферѣ своей интимной, личной жизни (Дерматовъ), или сосредоточили свою дѣятельность въ области чистаго искусства (отчасти Пушкинъ), отвлеченной философіи (кружокъ Станкевича) и морали (Гоголь). Наконецъ, третьи—занились вопросами философско-политическими; хотя эти интересы и отличались отвлеченностью, но, всетаки, во многихъ своихъ взглядахъ на прошлое, настоящее и будущее Россіи эти политикотеоретики («славянофилы» и «западники») разошлись съ господствующими взглядами «официальной народности». Наконецъ, четвертые, несмотря на всю трудность своего положенія, отъ умствованій отвлеченныхъ переходили иногда къ живымъ вопросамъ современности, разрѣшая ихъ отнюдь не въ духъ правительства; ихъ можно отнести къ группѣ ярко-оппозиціонной по отношенію къ идеаламъ правительства и массы русскаго общества. (Герценъ, Вѣлинскій, отчасти Чаадаевъ).

Чаадаевъ.

Въ лицѣ Чаадаева «официальная народность» встрѣтила смѣлаго, откровеннаго противника. Въ самый разгаръ почти общаго упоенія чувствами патриотизма и народной гордости онъ выступилъ въ неблагоприятной роли непримиримаго скептика. Это былъ человекъ для своего времени очень образованный, съ философскимъ складомъ ума. Въ юности онъ былъ гусаромъ, принималъ участіе въ войнѣ 1812 г., побывалъ за границей и оттуда вернулся съ запасомъ идей и интересовъ; въ эпоху Александра онъ былъ либераломъ-теоретикомъ, въ тиши своего кабинета на книгахъ воспитавшимъ свои убѣжденія. Его интересовала философія, исторія и религія—практической дѣятельности онъ остался чуждъ. Замкнувшись въ свой интимный міръ политика-утописта, онъ остался чуждъ настроеній николаевской Россіи и неожиданно явился на судъ русской публики съ тѣми идеалами политическаго «космополитизма», которые были такъ характерны для эпохи предшествующей—александровской. Вотъ почему теперь онъ оказался совершенно одинокимъ дѣтелемъ,—новидимому, не понявшій настроеній современнаго общества и никѣмъ не понятый, далекій отъ всѣхъ общественныхъ группъ, онъ ни въ комъ не встрѣтилъ поддержки.

Его первое «Философическое письмо» появилось въ «Телескопѣ» въ

1836-омъ году; всѣхъ писемъ должно было быть 5—6, но не всѣ могли быть напечатаны и большинство изъ нихъ осталось въ рукописи. Въ первомъ письмѣ онъ говоритъ о необходимости религіи, какъ главнаго культурнаго фактора ¹⁾.

Будучи «крайнимъ» западникомъ, онъ преклонился передъ культурой запада и, въ основѣ этой культуры, подобно многимъ мыслителямъ западной Европы, увидалъ католицизмъ. Все это заставило его пессимистически отнестись къ русской исторіи: причины нашей «отсталости» онъ увидалъ въ томъ, что «мы никогда не шли вмѣстѣ съ другими народами; мы не принадлежимъ,—говоритъ онъ,— ни къ одному изъ великихъ семействъ человѣчества, ни къ западу, ни къ востоку, не имѣемъ преданій ни того, ни другого. Мы существуемъ, какъ бы внѣ времени, и всемірное образованіе человѣческаго рода не коснулось насъ... То, что у другихъ народовъ давно вошло въ жизнь, для насъ до сихъ поръ есть только умствованіе, теорія»... Обращаясь къ русскому прошлому, онъ не увидѣлъ тамъ ни одного момента сильной, страстной дѣятельности, когда создаются лучшія воспоминанія поэзіи и плодотворныя идеи. «Въ самоѣ началѣ у насъ было дикое варварство, говоритъ онъ, потомъ грубое суевѣріе, затѣмъ жестокое, унижительное владычество завоевателей,—владычество, слѣды котораго въ нашемъ образѣ жизни не изгладились совсѣмъ и донынѣ. Вотъ горестная исторія нашей юности».

«Существованіе темное, безцвѣтное, безъ силы, безъ энергіи»—вотъ, что увидѣлъ онъ въ прошломъ Россіи... «Нѣтъ въ памяти чарующихъ воспоминаній, нѣтъ сильныхъ наставительныхъ примѣровъ въ народныхъ преданіяхъ». Въ результатѣ, какое-то вялое, равнодушное существованіе, при полномъ отсутствіи идей долга, закона, правды и порядка... «Отшельники въ мірѣ, мы ничего ему не дали, ничего не взяли у него, не приобщили ни одной идеи къ массѣ идей человѣчества; ничѣмъ не содѣйствовали совершенствованію человѣческаго разумія и исказили все, что сообщило намъ это совершенствованіе». Мы остались въ сторонѣ отъ эпохи Возрожденія, крестовые походы не сдвинули насъ съ мѣста. Русское «христіанство», вслѣдствіе его культурной «инертности», онъ ставилъ на одну доску съ «абиссинскимъ».—Заключается письмо указаніемъ, что мы должны торопиться съ приобщеніемъ себя къ культурному міру Западной Европы. Въ слѣдующихъ письмахъ онъ въ апоэозѣ представляетъ католичество и папу, мечтаетъ объ единеніи всѣхъ народовъ подъ покровомъ католической церкви... Тогда, писалъ онъ, начнется мирное развитіе общечеловѣческой культуры,—для этого протестантамъ надо вернуться въ лоно

¹⁾ Этотъ интересъ къ культурной роли религіи (католической) былъ однимъ изъ результатовъ эпохи французской реставраціи (послѣ революціи) и романтизма, съ его идеализаціей среднихъ вѣковъ. Рядъ духовныхъ и свѣтскихъ писателей стали доказывать, что западноевропейская культура за все обязана должна быть католицизму. Ламенъ, Де-Местръ, Шатобрианъ („Génie de christianisme“), Мишю—вотъ, главные дѣятели французской литературы, превозносили католицизмъ. Усиленіе его вліянія въ Европѣ выразилось, между прочимъ, въ энергической дѣятельности іезуитовъ, которые и въ Россіи сумѣли оказаличить многихъ аристократовъ (Свѣчина, кн. Зинаида Волконская, Гагаринъ, Шуваловъ, Голицынъ). Великую культурную роль католичества превозносили даже нѣкоторые протестанты,—такъ, философъ Шеллингъ, явился его идейнымъ поклонникомъ. Чаадаевъ былъ лично знакомъ съ де-Местромъ и Шеллингомъ.

католичества, намъ отказаться отъ православія. Чаадаевъ договорился до того, что предложилъ отказаться отъ русскаго языка ради французскаго: «чѣмъ больше мы будемъ стараться амальгамироваться съ Европой, тѣмъ будетъ для насъ лучше»—заявляетъ онъ.

Отношеніе
массы русскаго общества
къ „письмамъ“
Чаадаева.

Взрывъ негодованія вызвалъ это сочиненіе Чаадаева въ широкихъ кругахъ русскаго общества: «люди всѣхъ слоевъ и категорій общества соединились въ одномъ общемъ воплѣ проклятія человѣку, дерзнувшему оскорбить Россію; студенты московскаго университета изъявляли желаніе съ оружіемъ въ рукахъ мстить за оскорбленіе націи». Чтобы смягчить впечатлѣніе скандала, произведеннаго статьями Чаадаева, правительство объявило его «сумасшедшимъ». Онъ написалъ въ свое оправданіе еще новое политическое сочиненіе: «Апологія сумасшедшаго», въ которомъ опять отстаивалъ свои идеи, хотя и въ смягченномъ видѣ. Онъ, не безъ примѣси легкаго презрѣнія, заговорилъ о «толпѣ», его осудившей: «общее мнѣніе (la raison générale) вовсе не есть абсолютно справедливое (la raison absolue); инстинкты большинства бываютъ безконечно болѣе страстны», болѣе узки, болѣе эгоистичны, чѣмъ инстинкты отдѣльнаго человѣка; «здравый смыслъ народа вовсе не есть здравый смыслъ вообще». Затѣмъ онъ указывалъ, что «любовь къ отечеству есть вещь прекрасная, но еще прекраснѣе любовь къ истинѣ». И, обращаясь къ исторіи своего отечества, онъ вспоминаетъ Петра, создателя русскаго «могущества», русскаго «величія»... Онъ пересоздалъ Россію благодаря общенію съ западомъ, благодаря порабощенію Россіи западу. Этотъ путь, по мнѣнію Чаадаева, былъ правильный. Затѣмъ онъ критикуетъ мнѣніе лицъ, утверждающихъ, что намъ незачѣмъ учиться у запада, что мы принадлежимъ востоку и что наше будущее на востокѣ. Попутно онъ высказывается рѣзко относительно идеализаціи старины,—этого возвращенія къ «старымъ сгнившимъ реликвіямъ, старымъ идеямъ, которыя пожрало время». Онъ говоритъ, что отечество свое любить не меньше своихъ критиковъ, оскорбленныхъ его сочиненіями. «Я не умѣю любить отечество съ закрытыми глазами, съ преклоненной головой, съ запертыми устами—говоритъ онъ. Я люблю свое отечество такъ, какъ Петръ Великій научилъ меня любить его. Признаюсь, что у меня нѣтъ этого блаженнаго (béat) патріотизма, этого дѣтскаго патріотизма, который устраивается такъ, чтобы видѣть все въ лучшую сторону, который засыпаетъ за своими иллюзіями».

Значеніе
этихъ
„писемъ“.

«Философскія письма» Чаадаева полны историческихъ ошибокъ и фантазій, но много было въ нихъ вѣрнаго, хотя слишкомъ страстно-высказаннаго. Но главное значеніе ихъ не въ историческомъ содержаніи, а въ томъ скептицизмѣ къ патріотическимъ «иллюзіямъ», которыми жило тогдашнее русское общество. «Письма» Чаадаева въ исторіи русскаго самосознанія сдѣлались тѣмъ мостомъ, который соединилъ свободную русскую мысль двухъ эпохъ—александровской и николаевской. Идеинные противники его «славянофилы» высоко цѣнили его, какъ благороднаго человѣка и какъ смѣлаго публициста. Хомяковъ въ 1860-омъ году въ такихъ словахъ поминалъ его: «просвѣщенный умъ, художественное чувство, благородное сердце—таковы тѣ качества, которыя всѣхъ къ нему привлекали; въ такое время, когда, повидимому, мысль погружалась въ тяжкій и невольный сонъ, онъ особенно былъ дорогъ тѣмъ, что онъ самъ бодрство-

Отношеніе
къ Чаадаеву
его идейныхъ
противниковъ.

вать и других побуждалъ... Есть эпохи, въ которыя это большая за-
слуга.

Уже Чаадаевъ выступилъ передъ русской публикой въ качествѣ по-
слѣдователя нѣмецкой идеалистической философіи, но философъ былъ въ
немъ побѣжденъ публицистомъ. Въ нѣкоторыхъ кругахъ русскаго обще-
ства, наоборотъ, это увлеченіе нѣмецкой философіей взяло верхъ надъ
живыми интересами современности. Здѣсь процвѣтало умозрительное от-
ношеніе къ вопросамъ жизни, здѣсь болѣе интересовались разрѣшеніемъ
мировыхъ вопросовъ, чѣмъ русскою дѣйствительностью,—прошлымъ и бу-
дущимъ—болѣе, чѣмъ настоящимъ. Это увлеченіе нѣмецкою философіею
тѣсно связано съ московскимъ университетомъ. Оно занесено было сюда
молодыми профессорами, учившимися въ заграничныхъ нѣмецкихъ уни-
верситетахъ.

Интересъ рус-
скаго общества
къ нѣмецкой
философіи.

Павловъ, поклонникъ Шеллинга, отчасти Надеждинъ, Шевыревъ и
Погодинъ, были первыми пионерами въ этомъ отношеніи,—они сумѣли
привести интересъ къ философіи студентамъ московскаго университета и
проложили дорогу увлеченію Гегелемъ, который у насъ скоро смѣнилъ
Шеллинга. Это увлеченіе русской молодежи нѣмецкой философіей не могло
быть глубокимъ; оба названные мыслители органически и неразрывно
связаны со своими предшественниками—Фихте, Кантомъ, даже Спинозой.
Чтобы понять ихъ во всей ихъ глубинѣ, надо было уйти въ вѣковую
исторію нѣмецкой философіи. Это было не подъ силу большинству рус-
скихъ юношей, которые взялись за изученіе философіи «съ середины».
Немудрено, что изученіе и Шеллинга, и Гегеля у многихъ не могло быть
глубокимъ и сводилось къ увлеченію нѣкоторыми разрозненными идеями,
доступными ихъ пониманію—такowymi оказались, главнымъ образомъ,
взгляды философско-историческіе и эстетическіе.

Шеллингъ предъстилъ русскихъ юношей широкимъ размахомъ своего
философскаго мировоззрѣнія. По его опредѣленію, философія есть наука
о бытіи. Такое широкое пониманіе этой науки позволило ему включить
въ кругъ своихъ изученій весь міръ отъ матеріи до Бога; онъ старался
систематизировать всѣ человѣческія знанія, осмыслить эти знанія объясне-
ніемъ ихъ взаимоотношеній: и искусство, и религія, и всевозможныя науки
(естественныя, математическія, гуманитарныя),—всѣ умѣстились въ той
широкой и увлекательной картинѣ человѣческой мудрости, которую сумѣлъ
онъ нарисовать благодаря силѣ своей фантазіи, наклонности къ синтезу,
оригинальному уму и широкому образованію. Его философія была цѣлой
энциклопедіей, которая шириной захвата, оригинальностью мысли, дѣй-
ствительно, могла плѣнить всякій, не столько логическій, сколько вос-
торженный, умъ. Самъ поэтъ въ душѣ и мистикъ, Шеллингъ своимъ уче-
ніемъ создавалъ «настроеніе» приподнятое... Его философія была торже-
ственной симфоніей, облагораживающей, успокаивающей и поднимающей
человѣка. Онъ пытался осмыслить жизнь всего міра (ученіе о «мировой
душѣ» и «матеріи»). Онъ бросилъ намекъ на то, что въ мірѣ природы
есть развитіе (эволюція).

Шеллингъ.
Общій харак-
теръ его фило-
софіи.

Онъ учалъ, что «мировой духъ» управляетъ исторіей; при такомъ
мировоззрѣніи, роль личности сворачивалась, выяснилось чѣго выводилось по-
нятіе о постепенности и безконечности развитія. Съ такой точки зрѣнія,

Взглядъ его
на исторію.

устанавливался спокойный взгляд на существование «зла» в жизни,— и зло, и неравенство оказывались неизбежными, как временные моменты мирового развития. Государство есть создание всего человеческого рода, но не отдельных личностей ¹⁾. Идеаль космополитического состояния, основанного на правде, есть цель истории, в которой «случайное» и «закономерное» действуют вместе, поскольку сознательное, свободное действие индивидуумов служит цели, предписанной мировым духом. Таким образом, люди, с их личными частными интересами, в то же время являются бессознательными сотрудниками всемирно-исторической драмы, которая ведет человечество по дорогам к совершенствованию.

Взгляд его на поэзию.

Шеллинг высоко ставил поэзию. Поэт, с его точки зрения, человек, наделянный даром благодати; эта божественная сила отличает его от всех людей, заставляет его высказывать и изображать то, в чем он сам не может отдать себе полного отчета и смысл чего безконечен. Поэзия—есть чудо, откровение; всякое эстетическое творчество абсолютно свободно,—в этом святость и чистота искусства; варварством считает Шеллинг требовать от художника *служения* не только материальным интересам, но даже моральным и научным. Художник должен быть освобожден от всякого служения.

Смысл прогресса.

Смысл прогресса, по мнению Шеллинга, заключался в смене *царства судьбы*, под властью которой человечество находилось в древнейшие времена, *царством предопределения*, которое должно наступить в будущем; в этом царстве божественного предопределения и должно было совершиться гармоничное примирение человеческой свободы и необходимости—и восторжествовать истинно-религиозное мирозерцание, одинаково далекое и от фатализма, и от атеизма. Только художнику было доступно, как бы предвкусение этого грядущего порядка—и момент художественного творчества, момент вдохновения, Шеллинг признал мимолетной, когда человек может заглянуть в «святой святых» жизни и почувствовать, что «абсолютное» ²⁾, не уничтожая его свободы и сознания, находит в нем и в его деятельности свое «откровение», так как вся история есть не что иное, как именно такое «обнаружение» абсолюта, т. е. выяснение того «основания», которым обусловлена вся жизнь. В конечном своем развитии он видел слияние поэзии и философии (религии и науки), как это было в период миеологии (синкретизм).

Гегель.

Подобно Шеллингу, и Гегель смотрел на философию, как на науку об *абсолютном*, т. е. о тех основаниях, на которых строится вся мировая жизнь. Только форма, которую дал философии Шеллинг кажется Гегелю ненаучной: вместо поэтического вдохновения и полета гениальной фантазии—приемов, которыми пользовался Шеллинг, он решил действовать только «размышляющим разумом».

„Мировой разум“.

Задачу всего действительного видит он в проявлении «мирового разума». Оттого истинная действительность, с его точки зрения, есть разум,—всякое бытие есть воплощение разумной мысли. Постепенное прояснение

¹⁾ Точка зрения совершенно противоположна карамзинской. Оттого Полевой, убежденный шеллингианец, сочинил свою „Историю русского народа“.

²⁾ Безконечное, безусловное мировое основание.

абсолюта («мирового разума») и есть тотъ великій міровой процессъ, который изучается философій. Этотъ процессъ представляется ему въ такомъ видѣ: абсолютъ существуетъ сначала, какъ система доміровыхъ понятій, спускается затѣмъ въ бессознательную сферу природы, пробуждается къ самосознанію въ человѣкѣ, воплощаетъ свое содержаніе въ общественныхъ установленіяхъ, чтобы, наконецъ, законченными и обогащенными возвратиться къ себѣ въ искусствѣ, религіи и наукѣ, т. е. достигъ болѣе высокой степени, чѣмъ та, на которой онъ стоялъ вначалѣ. Философія есть высшее произведеніе и цѣль этого мірового процесса.

Стоя на такой точкѣ зрѣнія, Гегель утверждалъ, что, если всякое явление воплощаетъ какую-нибудь мысль, то *все дѣйствительное разумно*, если міровой процессъ достигаетъ высшей ступени въ философій, то *все разумное дѣйствительно*. Такимъ образомъ, если у Шеллинга природа была представлена, какъ предметъ развитія, а искусство, какъ конечный пунктъ этого развитія, то у Гегеля предметомъ и цѣлью развитія является *появленіе, идея*.

Въ основу мірового процесса «обнаруженія абсолюта» Гегель положилъ идею «эволюціи». Съ его точки зрѣнія, все дѣйствительное есть развитіе, и побудительной силой въ этомъ развитіи (какъ міра, такъ и науки) служить противорѣчіе! (прогрессъ и реакція, добро и зло). Поэтому все дѣйствительное полно противорѣчій и, тѣмъ не менѣе, разумно.

Изъ двухъ противорѣчивыхъ явленій получается третье, болѣе широкое и болѣе богатое и вѣрное, созданное изъ взаимной провѣрки двухъ противорѣчій. Такимъ путемъ противорѣчій и примиреній надо идти къ истинѣ.

Исторія человѣчества, съ точки зрѣнія Гегеля, есть постепенное созданіе разумнаго государства; движущая сила этого развитія есть міровой духъ; его орудія—духъ отдѣльныхъ народовъ и великіе люди. Націи бываютъ «историческія» и «неисторическія». Первыя являются носительницами какой-нибудь исторической идеи, выражающей одну характерную сторону мірового духа; совокупныя усилія различныхъ культурныхъ, «историческихъ народовъ», проясняя отдѣльными частями идеи этого духа, наконецъ, исчерпываютъ все его идейное содержаніе. Тогда заканчивается великая культурная миссія одной группы народовъ—умираетъ одна цивилизація—ее сдѣлываетъ другая цивилизація—другой «духъ», выясненію котораго служить уже новая группа историческихъ народовъ. Такимъ образомъ, всемірная исторія есть всемірный судъ, который судитъ народы, оцѣниваетъ ихъ культурную работу и, въ зависимости отъ этого, раздаетъ народамъ почетныя права на званіе «историческихъ». Какъ вся исторія есть только матеріалъ для проясненія «мирового разума»,—такъ и великіе люди—только органы чего-то высшаго, чему они служатъ бессознательно; отъ нихъ скрыты ихъ собственные дѣянія, ихъ цѣль и объектъ. Такимъ образомъ, по ученію Гегеля, желѣзная и разумная необходимость господствуетъ въ исторіи. Но, въ то-же время, бессознательно служа высшимъ цѣлямъ, личность въ исторіи эволюционируетъ, только проясняясь въ борьбѣ съ обществомъ, становясь постепенно все свободнѣе. Поэтому исторія есть прогрессъ въ сознаніи свободы. Сперва только одна личность сознавала себя свободной, затѣмъ—нѣкоторыя, наконецъ—всѣ. Эти три

Все дѣйствительное разумно.

Ученіе объ эволюціи.

Взглядъ его на исторію.

періода въ исторіи освобожденія личности соотвѣтствуютъ тремъ ступенямъ развитія государственныхъ формъ: восточный деспотизмъ, греческая демократическая и римская аристократическая республика и, наконецъ, высшая форма—германская конституціонная монархія.

Эстетика
Гегеля.

«Прекрасное», съ точки зрѣнія Гегеля, есть абсолютное въ чувственномъ существованіи. Съ такой точки зрѣнія, онъ систематизировалъ искусство, опредѣливъ его три формы: а) символическую, б) классическую и с) романтическую (или—а) восточное, б) греческое и с) христіанское). Христіанское (или романтическое) искусство есть воплощеніе идеальныхъ, возвышенныхъ чувствъ рыцарскаго и религіознаго характера; оно умѣетъ даже мелкое и случайное облагородить своимъ вниманіемъ.

Вліяніе обѣихъ
ученій на
русское обще-
ство.

Обѣ философскія системы, особенно «гегелианство», пользовались у насъ большимъ успѣхомъ. Шеллингомъ проф. Велланскій увлекался еще въ 20-ыхъ годахъ; въ 30-ыхъ годахъ это ученіе исповѣдывали у насъ профессоръ Павловъ и Надеждинъ, проф. Галичъ ¹⁾, критикъ и историкъ Н. Полевой въ своемъ журналѣ «Московскій Телеграфъ»; отчасти этой же цѣли служилъ журналъ «Московскій Вѣстникъ», въ которомъ развивались эстетическіе взгляды Шеллинга. Поэтъ Веневитиновъ проводилъ ихъ въ своемъ творчествѣ.

Кружокъ
Станкевича.

«Гегелианство» захватило большее число послѣдователей, и дольше сохранило силу вліянія надъ русскими умами: оно глубоко захватываетъ даже 60-ые годы. При первомъ появленіи своемъ у насъ, оно культивировалось въ кружкѣ Станкевича. Этотъ кружокъ сперва, въ университетѣ, состоялъ изъ Станкевича, Константина Аксакова и Бѣлинскаго. Потомъ къ нему примкнули Вакуининъ, Катковъ, Василій Боткинъ и Грановскій. Кромѣ этихъ извѣстныхъ лицъ, въ кружокъ входило нѣсколько человѣкъ, менѣе выдающихся.

Станкевичъ.

Уже изъ одного перечня членовъ кружка видно, что онъ былъ собраніемъ лицъ различнаго душевнаго склада. Ихъ соединялъ прочно только Станкевичъ—личность свѣтлая, истинно-идеальная. Его вліяніе основывалось на красотѣ его нравственнаго существа: онъ, «не обладая литературнымъ и научнымъ талантомъ, былъ, тѣмъ не менѣе очень талантливою личностью просто, какъ человѣкъ. Одаренный тонкимъ эстетическимъ чутьемъ, глубокою любовью къ искусству, большимъ и яснымъ умомъ, способнымъ разбираться въ самыхъ отвлеченныхъ вопросахъ и глубоко вникать въ сущность всякаго вопроса, Станкевичъ давалъ окружающимъ могущественные духовные импульсы и будилъ лучшія силы ума и чувства. Его живая, умная и часто остроумная, бесѣда была необыкновенно плодотворна для всякаго, кто вступалъ съ нимъ въ близкое общеніе. Онъ всякому спору умѣлъ сообщать высокое направленіе, все мелкое и недостойное, какъ-то само собою, отпадало въ его присутствіи, какъ и въ присутствіи Бѣлинскаго.

Герценъ о
гегелианствѣ
русской моло-
дежи.

Станкевичъ и его друзья были страстными поклонниками Гегеля. Герценъ не безъ ироніи вспоминалъ объ этомъ обожаніи, доходившемъ до

¹⁾ Лицейскій учитель А. С. Пушкина, издавшій книгу по теоріи поэзіи, построенную на взглядахъ Шеллинга.

фанатизма: друзья зачитывали «до дыръ, до пятенъ, до паденія листовъ, въ нѣсколько дней всякую брошюрку о Гегелѣ, ссорились и расходились другъ съ другомъ вслѣдствіе несогласнаго толкованія идей Гегеля, требовали отъ всѣхъ поклоненія Гегелю»... Они жили въ какомъ-то особомъ отвлеченномъ мірѣ умозрительной философіи, и вся современность представлялась имъ только воплощеніемъ различныхъ философскихъ идей. Герценъ иронизировалъ по этому поводу: «всякое простое чувство было возводимо въ отвлеченныя категоріи и возвращалось оттуда безъ капли живой крови, блѣдной, алгебраической тѣнью. Во всемъ этомъ была своеобразная наивность, потому что все это было совершенно искренно. Человѣкъ, который шелъ гулять въ Сокольники, шелъ для того, чтобы отдаваться пантеистическому чувству своего единства съ космосомъ; и, если ему попадался по дорогѣ какой-нибудь солдатъ подъ хмѣлькомъ, или баба, вступавшая въ разговоръ, философъ не просто говорилъ съ ними, но опредѣлялъ субстанцію народности въ ея непосредственномъ и случайномъ явленіи».

Эта философія была нужна мыслящимъ русскимъ юношамъ, такъ какъ въ ней они нашли не только много глубокихъ идей, но и возможность осмыслить жизнь, дѣйствительность. Эта философія учила ихъ о первоосновахъ жизни, и то бессмысленное-случайное, что рѣзало имъ глаза, казалось теперь, въ философскомъ освѣщеніи, такимъ маленькимъ, случайнымъ и, въ то же время, имѣющимъ право на существованіе. «Для нихъ философія стала въ полномъ смыслѣ слова религіей, неразъ доводившей ихъ до состоянія прямого экстаза. Неудивительно, что чисто-научный интересъ отошелъ при этомъ совершенно на второй планъ. «Мы тогда въ философіи искали всего на свѣтѣ, кромя чистаго мышленія—говоритъ Тургеневъ въ своихъ воспоминаніяхъ». Такимъ образомъ, дѣло не въ томъ, правильно и глубоко, или нѣтъ понимали юноши философію Гегеля,—важно то, что ихъ увлеченіе было первымъ русскимъ чисто-умственнымъ теченіемъ.

Значеніе этого увлеченія философіей.

Въ то время, когда Станкевичъ и его друзья увлекались умозрительной философіей, эстетикой и литературой, ихъ современникъ Герценъ со своими друзьями всѣ свои занятія сосредоточилъ на жгучихъ вопросахъ политической современности: его интересовала тревожная, политическая жизнь Запада; изъ крупныхъ русскихъ дѣятелей онъ первый откликнулся на социалистическія идеи сенсимонистовъ. Всѣ эти интересы тоже довольно далеки были отъ русской дѣйствительности, и для Герцена, и для его друзей, они были на первыхъ порахъ умствованіями скорѣе отвлеченными,—но они все-таки связывались съ «землей», съ ея нуждами и потребностями; ихъ интересовали не философскія «идеи», не первоначала міровой жизни,—а человѣкъ, его печали и радости...

Герценъ и его друзья.

Выше было уже указано, что послѣ французской революціи началось реставрація христіанства въ видѣ возрожденія католичества. Сенъ-Симонъ, увлеченный этимъ стремленіемъ возстановить «христіанство», явился съ проповѣдью «новаго христіанства»; онъ и его единомышленники рѣзко обличали современную имъ европейскую жизнь (торжество капитала, образованіе пролетаріата, рабство людей отъ гнета устарѣлыхъ формъ жизни); доказывалъ, что ученіе Христа искажено формализмомъ церкви, что надо

Сенъ-Симонъ и его ученіе.

возстановить его чистоту, перестроить религію на принципахъ любви къ ближнимъ. Поэтому для него люди бѣдные, несчастные—главный предметъ вниманія. Онъ училъ, что только очищенная христіанская религія можетъ создать людямъ земное счастье... Равенство людей, уничтоженіе привилегій рожденія и широкія права «труду»—вотъ, основы его ученія. Последователи его—Базардъ и Энфантинъ развили его ученіе, и придали ему болѣе практическое значеніе. Они такъ же, какъ ихъ учитель, религію полагали въ основу своего ученія и не видѣли въ своихъ идеяхъ никакого подрыва политическимъ формамъ государства, полагая, что ихъ ученіе осуществимо независимо отъ образа правленія. Базардъ мечталъ о болѣе правильномъ распредѣленіи труда, объ учрежденіи банковъ, которые должны урегулировать отношенія капитала и труда. Вмѣстѣ съ Энфантиномъ, развивая взгляды Сень-Симона, онъ сталъ доказывать, что за женщинами надо призвать равноправіе въ жизни съ мужчинами (эмансипація женщины). Энфантинъ училъ, что язычество было культомъ природы, плоти; христіанство—культомъ духа, а «новое христіанство» (сенсимонизмъ) должно дать гармонію между «божественной плотью» и «божественнымъ духомъ»; это «обоженіе плоти», въ концѣ концовъ, привело къ тому, что «община сенсимонистовъ» была закрыта правительствомъ въ 1832 году.

Его последо-
ватели.

Стожикновеніе
Герцена съ
Бѣлинскимъ.

Герценъ очень интересовался этимъ ученіемъ и за сочиненія сенсимонистовъ, у него найденныя при обыскѣ, сосланъ былъ въ 1834-омъ году въ Пермь. Когда въ 1839-омъ году онъ вернулся въ Москву, онъ засталъ здѣсь разгаръ увлеченія «гегелианствомъ».

Исходя изъ положенія: «все дѣйствительное—разумно»¹⁾, друзья Станкевича, особенно Вакуинъ и Бѣлинскій, пришли къ примиренію съ существующимъ порядкомъ русской дѣйствительности, оправдывая даже существованіе крѣпостного права. Герценъ ужаснулся, видя, до какихъ философскихъ предѣловъ дошли его университетскіе товарищи. И вотъ, онъ самъ изучилъ философію Гегеля, и сумѣлъ доказать Бѣлинскому, что тотъ—1) слишкомъ узко понималъ Гегеля, и—2) что не въ умозрительныхъ построеніяхъ смыслъ жизни, а въ служеніи человѣку. Со свойственною ему страстностью, Бѣлинскій отъ гегелианства отказался ради политическихъ интересовъ и сенсимонизма. Уже въ 1841-омъ году онъ сдѣлался единомышленникомъ Герцена.

Изъ совокупныхъ воздѣйствій идей «официальной народности», философіи Гегеля и французскихъ политическихъ ученій сложились у насъ два характерныхъ философско-историческихъ міросозерцаній: *славянофильство* и *западничество*. Первые представители этихъ взаимно-противорѣчащихъ міросозерцаній вышли изъ одного гнѣзда—изъ кружка Станкевича.

Славянофильство было ученіемъ болѣе сложнымъ, чѣмъ теорія «офици-

Славянофиль-
ство.

¹⁾ Въ толкованіи этой формулы самъ Гегель нѣсколько путался; то онъ говорилъ, что «дѣйствительное» (wirklich) не значить «существующее». «Дѣйствительное» есть только то, въ чемъ проявляется «духъ»: вотъ почему человѣкъ, служащій идеѣ (независимо отъ ея ширины и глубины)—служить «дѣйствительности»: служба отечеству, сословію, городу, деревнѣ, семьѣ, любви—все это «дѣйствительность»; все же частное, случайное, неразумное есть «призрачность», есть противоположное дѣйствительности, какъ кажущееся, но не сущее. Когда же Гегелю указали, что его формула оправдываетъ крайній либерализмъ, онъ, консерваторъ по своимъ убѣжденіямъ, готовъ былъ суживать понятіе «дѣйствительное», прибавляя ему смыслъ «существующаго».

ціальной народности», хотя, несомнѣнно, между ними большое сходство. Главнымъ отличіемъ между ними были цѣли и средства. Цѣлью «официальной народности» было, какъ мы видѣли, внушить русскому обществу вѣру въ неподвижные идеалы старины; это было стремленіе чисто консервативное. Первые славянофилы проповѣдовали *свободное развитіе идеаловъ старины*; они были *прогрессисты-народники*. Главнымъ средствомъ для достиженія цѣли у «официальной народности» была «описка» надъ обществомъ и борьба съ протестомъ,—славянофилы же стояли за свободу мысли и слова. Но, по существу идеаловъ, обѣ теоріи во многихъ пунктахъ соприкасаются.

Возникло наше славянофильство, какъ результатъ—1) романтизма, пробудившаго націоналистическія стремленія у многихъ народовъ Европы,—2) наполеоновскихъ войнъ, которыя подняли патриотизмъ во всѣхъ странахъ Европы и идеалы французскаго космополитизма смѣнили стремленіемъ къ національному самоопредѣленію ¹⁾, 3)—философіи Шеллинга и особенно Гегеля, съ ихъ широкими взглядами на величественный ходъ міровой исторіи на началахъ развитія. Особенно плодотворна была идея Гегеля относительно того, что каждая историческая нація является носительницей какой-нибудь «идеи». Гегель остановился на грехахъ, римлянахъ и германцахъ. Славянофилы обратились къ «славянамъ»—4) Кромѣ того, къ родной старинѣ и народу славянофиловъ потянуло подъ вліяніемъ того чувства разочарованія, которое многими овладѣло при видѣ того, какое крушеніе потерпѣли западническіе идеалы Александра I въ Россіи, 5)—наконецъ, для народническихъ симпатій было основаніе и въ родной литературѣ: въ поэзіи Пушкина, Жуковскаго, позднѣе Лермонтова, уже сказались національно-патриотическія настроенія; въ ихъ твореніяхъ уже опредѣлялось исканіе родной культуры, выяснялись идеалы народа—семейные, государственные и религіозные.

Исторія славянофильства.

Въ поискахъ самостоятельнаго типа русской культуры славянофильство приобрѣло демократическій характеръ, склонность къ идеализаціи старины и тяготѣніе къ панславизму (мечты объ соединеніи всѣхъ славянъ подъ русской державой). Изъ этого видно, что славянофилы, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, близко подходили къ либеральной части русскаго общества (демократизмъ), въ нѣкоторыхъ—къ консервативной (идеализаціи старины).

Особенности этой теоріи.

Школа славянофиловъ сложилась около второй половины 30-хъ годовъ: братья Кирѣевскіе, Иванъ и Петръ, Хомяковъ, Дм. Валутевъ, Аксаковы, Константинъ и Иванъ, Юр. Самаринъ,—вотъ, самые видные дѣятели славянофильства, разработавшіе это ученіе въ философскомъ, религіозномъ и политическомъ отношеніяхъ. Сперва они дружили съ «западниками», но потомъ постепенно разошлись: философскія письма Чаадаева разорвали послѣднія связи,—особенно послѣ злобнаго памфлета Языкова.

Дѣятели этой группы.

Первые славянофилы были люди прекрасно-образованные, воодушевленные горячей вѣрой въ свое ученіе, независимые и потому смѣлые. Они вѣрили

¹⁾ Особенно рѣзко это проявилось тамъ, гдѣ народности пытались бороться за свою самобытность (возстаніе въ Ирландіи, Бельгіи, Венгріи, Польшѣ).

въ великое будущее Россіи, преклонялись передъ «Святой Русью», говорили о томъ, что Москва—«третій Римъ», что тамъ новая цивилизація смѣнитъ всѣ устарѣвшія культуры Запада, и этимъ «спасетъ» «гвіющій Западъ». Съ ихъ точки зрѣнія, Петръ совершилъ грѣхъ, задержавъ самостоятельное развитіе русскаго народа. Они изложили теорію о существованіи «двухъ міровъ»—*восточнаго*, греко-славянскаго, — и *западнаго*. Они указывали, что западная культура основывается на римской церкви, древне-римской образованности, и государственная жизнь основана на завоеваніи. Совсѣмъ иной порядокъ вещей видѣли они въ восточномъ греко-славянскомъ мірѣ, главнымъ представителемъ котораго являлся въ ихъ глазахъ русскій народъ. Восточное христіанство есть православіе, отличительная черта котораго есть неизмѣнное храненіе вселенскаго преданія. Православіе есть поэтому единственное истинное христіанство. Наша образованность византийскаго происхожденія; если она уступала западной во внѣшнемъ развитіи разума, то превышала ее глубокимъ чувствомъ живой христіанской истины. Въ государственномъ устройствѣ такая же разница: начало русскаго государства отличается отъ начала государствъ западныхъ тѣмъ, что у насъ не было завоеванія, а было добровольное призваніе. Этотъ основной фактъ отражается и на всемъ дальнѣйшемъ развитіи общественныхъ отношеній: у насъ не было насилія, соединеннаго съ завоеваніемъ, а потому не было феодализма, не было той внутренней борьбы, которая постоянно дѣлила западное общество; не было сословій; земля была не личною собственностью феодальной аристократіи, но принадлежала общинѣ. Этой «общинной» славянофилы особенно гордились: они говорили, что западъ только въ самое послѣднее время дошелъ до идеи создать «общину» (сенсимонизмъ)— институтъ, вѣками уже у насъ существующій въ деревнѣ. Такимъ образомъ, до Петра Великаго, по мнѣнію славянофиловъ, у насъ развитіе шло естественно; религиозное сознаніе было основной нравственной силой и руководствомъ въ жизни; народный бытъ отличался единствомъ понятія и единствомъ нравовъ. Государство было обширной общиной; власть принадлежала царю, представлявшему общую волю; тѣсная связь членовъ этой великой общины выражалась земскими *соборами*, всенароднымъ представительствомъ, смѣнившимся древнія вѣча. Съ такой либеральной идеализаціей старины (вѣче, соборы) связывалось самое восторженное преклоненіе передъ простымъ русскимъ народомъ—«богоносцемъ»; въ его жизни славянофилы увидѣли воплощеніе всѣхъ христіанскихъ добродѣтелей (любовь къ ближнимъ, смиреніе, отсутствіе эгоизма, благочестіе, идеальныя семейныя отношенія). Поэтому формула: *самодержавіе* (ограниченное земскими соборами), *православіе* (съ духовными соборами и полномочіями прихода) и *народность* (съ общиной, соборами и свободой развитія)— сдѣлалась лозунгомъ славянофильства. Стоя на такой точкѣ зрѣнія, они являлись часто строгими критиками русской современности, и потому если не всѣ, то многіе изъ нихъ, должны быть отнесены къ оппозиционнымъ дѣятелямъ этой эпохи.

Взглядъ ихъ на Петра и русскую исторію.

Идеалы славянофильства.

Западничество. Этой эпохи отличалось менѣе-опредѣленными чертами: оно захватывало слишкомъ много оттѣнковъ западнаго либерализма (отъ конституціонализма до республиканства и сенсимонизма). Самые видные западники эпохи, Бѣлинскій и Герценъ, выросли подъ впечатлѣніемъ событій

14 декабря 1825 года (Вѣлинскому было 15 л., Герцену 13—14). Оба признавали впоследствии, что это событие было одно изъ самыхъ сильныхъ юношескихъ впечатлѣній ихъ жизни; оба выросли въ суровую эпоху николаевского режима; оба прошли затѣмъ ту же школу гегелианства, основная идея котораго—«идея законосообразнаго развитія»—легла въ основу ихъ историческаго мировоззрѣнія. Это мировоззрѣніе внесло трагизмъ въ ихъ жизнь. Условія русской жизни этой эпохи мѣшали имъ проводить въ жизнь свои идеалы; даже легальнымъ путемъ этого сдѣлать было нельзя. Не мудрено, что порою они чувствовали себя «лишними» здѣсь въ Россіи. Сознаніе своей безпомощности заставляло нашихъ западниковъ—или интересоваться европейской жизнью, гдѣ въ это время, вкривь и вкось, шла политическая борьба,—или полемизировать съ «славянофилами»,—такъ какъ даже на писателей, представителей «официальной народности», цензура не разрешала имъ поднимать оружія. Тѣмъ злѣе и пристрастнѣе была ихъ критика «славянофильства».

Въ мирѣ византійскомъ западники видѣли упадокъ и застой, неограниченный деспотизмъ, поглощеніе личности государствомъ, государства—императоромъ; въ древней русской жизни они тоже не видѣли ничего привлекательнаго; въ пылу полемики они отходили отъ славянофиловъ въ другую крайность,—готовы были пренебрежительно отзываться о народной поэзіи, пролизировать надъ «славянами» и надъ ихъ «великой исторической миссіей»; они превозносили Петра и защищали западъ; мнѣніе славянофиловъ о томъ, что западъ «гнѣтъ», что онъ наканунѣ смерти,—западники считали абсурдомъ, увѣряя, что Сень-Симонъ и его единомышленники, выступившіе съ рѣзкими осужденіемъ западноевропейской жизни (торжество капитала, нравственный гнетъ устарѣлыхъ формъ человѣческой жизни и пр.), самъ же своимъ ученіемъ предлагаетъ и леченіе, которое воскреситъ, дѣйствительно, «большой западъ». Они выступили рѣшительными протѣвниками родового быта и излюбленной славянофилами «общины», такъ какъ въ ней «личность» была порабощена, не могла развиваться свободно ¹⁾. Западники въ «смирненіи» русскаго народа видѣли не добродѣтель, а недостатокъ,—слабость «личнаго начала»; мечты о великой культурной миссіи русскаго народа они называли «мистической фантазіей», такъ какъ ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ не видѣли основаній для такой восторженной вѣры. Русская дѣйствительность стояла передъ ними, слишкомъ обнаженной,—ея идеализировать они не могли: «я не могу молиться ни за волковъ, ни за медвѣдей,—писалъ Вѣлинскій,—ни за бѣшеныхъ собакъ, ни за русскихъ кунцовъ и мужиковъ, ни за русскихъ судей и квартальныхъ; но не могу питать къ тому или иному личной ненависти». Вотъ почему мечтою западниковъ сдѣлалось не сохраненіе и углубленіе національных добродѣтелей русскаго народа, а перевоспитаніе его на началахъ общечеловѣческаго прогресса.

Критика славянофильства.

Критика личности.

¹⁾ Славянофилы на это отвѣтили, что въ древней Руси личность, просвѣщенная греческою церковью, была свободна,—она обладала высокимъ даромъ самопожертвованія и добровольно переносила свою свободу на личность государя... Онъ выражаетъ собою состраданіе, благоволеніе и свободную индивидуальность. Каждый отказывался отъ личной самостоятельности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, спасалъ ее въ представителѣ личнаго начала—«государѣ».

Литературная
дѣятельность
Пушкина въ
николаевскую
эпоху.

Литературная дѣятельность Пушкина въ николаевскую эпоху. Пушкинъ остался нѣсколько въ сторонѣ отъ этой сложной умственной жизни эпохи; она только нѣкоторыми сторонами коснулась его. Мы видѣли уже, что къ концу царствованія Александра I онъ доросъ до полной умственной самостоятельности; его міросозерцаніе, политическое и эстетическое, сложилось уже прочно и навсегда. „Примиреніе“ съ жизнью, интересъ къ русскому прошлому и простому народу, любовь къ родинѣ, — вотъ, основы его новаго политическаго міровоззрѣнія; онъ отказался отъ оппозиціи, признавъ, что можетъ больше пользы принести отечеству, будя „добрыя чувства“, чѣмъ воспѣвая „свободу“ и высмѣивая ея враговъ. Развязка 14 декабря должна была сильно подѣйствовать на его впечатлительную душу: онъ превлонился передъ мощью власти; въ націоналистическихъ идеалахъ молодого императора онъ увидѣлъ сродство со своими вѣрованіями; слабость оппозиціи, обнаружившаяся при подавленіи мятежа 14 дек., и легкость, съ которою русское общество отъ поверхностнаго либерализма перешло къ консерватизму, убѣдили его, какъ неосуществимы и преждевременны были либеральныя мечты его друзей. Со свойственной ему способностью увлекаться, онъ сталъ сравнивать императора Николая I съ Петромъ Великимъ; онъ сдѣлался поклонникомъ не только сильной личности Николая ¹⁾, но и его націоналистической политики, — ему стало казаться (въ 1830 г.), что императоръ исправитъ „ошибку“ Петра Великаго, устроивъ „контръ-революцію“ (возстановленіемъ націонализма) его „революціи“. Но, при всемъ своемъ почитаніи Николая I, онъ далекъ былъ отъ того, чтобы закрывать глаза на всѣ отрицательныя стороны режима: впрочемъ, онъ готовъ былъ вину за многое сваливать на помощниковъ царя, его приближенныхъ ²⁾...

Его мировоззрѣніе.

Отношеніе къ
Николаю I.

¹⁾ „Стансы“ („Смотрю впередъ я безъ боязни...“); „Друзьямъ“ („Нѣтъ, я не льстецъ!..“).

²⁾ Послѣ прочтенія „философскихъ писемъ“ Чаадаева, Пушкинъ писалъ ему въ 1836-омъ году, что не можетъ съ нимъ согласиться почти ни въ чемъ: онъ находилъ, что Россія сыграла великую культурную роль, спасая собою западноевропейскую культуру отъ татаръ, — и это было причиной русской отсталости... Онъ говорилъ, что унижать русское православіе за то, что оно взято въ Византии нельзя, такъ какъ Евангеліе остается Евангеліемъ, откуда бы оно ни было взято, а на нравственность русскую жизнь Византии не оказала вліянія; духовенство русское до церковной реформы при Петрѣ пользовалось общими уваженіемъ... Онъ не соглашался съ Чаадаевымъ, что грешное Россіи ничтожно: „Петръ Великій, говорилъ онъ, есть самъ — цѣлая всемірная исторія“. И въ николаевской Россіи онъ видѣлъ „что-то величественное“, „поражающее“. „Хотя лично я сердцемъ привязанъ къ императору, писалъ онъ, но я далекъ отъ восхищенія всѣмъ тѣмъ, что меня окружаетъ... Но я клянусь Вамъ честью, что ни за какую цѣну не хотѣлъ бы мѣнять отечество, или имѣть не ту исторію, которую прожили наши предки“. Онъ соглашался, что не только въ управленіи страной, но и въ жизни русскаго общества много дурного (отсутствіе общественнаго мнѣнія, равнодушіе къ долгу, справедливости и истинѣ, циничное презрѣніе къ мысли и достоинству человѣка).

Онъ не отвернулся и отъ своихъ друзей-декабристовъ: въ стихахъ возславляя императора Николая, онъ, въ то же время, написалъ трогательное „Посланіе въ Сибирь“ къ друзьямъ-каторжникамъ. Такое равное сочувствіе ко всѣмъ людямъ и событіямъ, повидимому, не имѣющимъ между собой ничего общаго, было у Пушкина результатомъ примиренія его съ жизнью. Характернымъ въ этомъ отношеніи является его стихотвореніе на лицейскую годовщину (19 октября 1827 г.); въ немъ онъ привѣтствуетъ своихъ друзей:

«Богъ помочъ вамъ, друзья мои,
Въ заботахъ жизни, царской службы,
И на пирахъ разгульной дружбы,
И въ сладкихъ таинствахъ любви!
Богъ помочъ вамъ, друзья мои,
И въ буряхъ, и въ житейскомъ горѣ,
Въ краю чужомъ, въ пустынномъ морѣ
И въ мрачныхъ пропастьяхъ земли!

Этотъ широкій привѣтъ одинаково относится и къ друзьямъ-сановникамъ, и къ друзьямъ-каторжникамъ. Но не всѣ современники понимали истинное настроеніе поэта, а за его восхваленія императора многіе открыто обвиняли его даже въ „искательствѣ“. Эти обвиненія были, конечно, несправедливы: Пушкинъ всегда былъ правдивъ и поступалъ согласно убѣжденіямъ и чувствамъ своего честнаго сердца.

Къ стихотвореніямъ, въ которыхъ онъ выразилъ свои политическія вѣрованія, отделившись на современные событія, относятся его извѣстныя оды: „Клеветникамъ Россіи“, „Бородинская годовщина“. Оба произведенія написаны по поводу возстанія въ Польшѣ, и оба проникнуты такимъ патріотическимъ настроеніемъ, которое свидѣтельствуетъ и о народной гордости, владѣвшей тогда его сердцемъ, и о томъ чувствѣ обиды, которое было внушено сознаніемъ, что на Россію враждебно смотритъ западная Европа, сочувствующая полякамъ. Къ польскому вопросу Пушкинъ отнесся съ точки зрѣнія „официальной народности“. На историческую роль Россіи онъ взглянулъ съ точки зрѣнія славянофиловъ, — онъ увѣровалъ въ ихъ мечты, что современемъ въ „русское море“ сольются „славянскіе ручьи“, т. е. что Россія объединитъ всѣ славянскія племена. Мирный поэтъ, увлекаясь духомъ милитаризма, моднымъ въ николаевскую эпоху, готовъ былъ преувеличить военное могущество Россіи, грозя войною всей Европѣ, —

«Иль намъ съ Европой спорить ново?
Иль русскій отъ побѣдъ отвыкъ?»

Любовь ко
всѣмъ людямъ,
какъ одно изъ
основаній при-
миренія его
съ жизнью.

Пушкинъ и
„официальная
народность“.
„Клеветникамъ
Россіи“.

— задаетъ онъ вопросъ „клеветникамъ Россіи“, т. е. иностраннымъ журналистамъ, осуждавшимъ русскую политику... Набросавъ картину необъятности российскихъ предѣловъ, поэтъ задаетъ вопросъ: неужели —

«Стальной щетиною сверкая,
Не встанетъ русская земля?—
Такъ высылайте къ намъ, вити,
Своихъ озлобленныхъ сыновъ:
Есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи
Среди нечуждыхъ имъ гробовъ!

„Бородинская
годовщина“.

Въ другомъ стихотвореніи онъ выражаетъ восторгъ по поводу взятія Варшавы. Онъ иронизируетъ надъ мнѣніемъ западноевропейскихъ журналистовъ, будто Россія „большой, расслабленный колоссъ“ — и торжествующе вопрошаетъ:

«Вашъ бурный шумъ и хриплый крикъ
Смутили-ль русскаго владыку?
Скажите, кто главою поникъ?
Кому вѣнецъ: мечу, или крику?
Сильна-ли Русь?—Война и морь,
И бунтъ, и вѣшнихъ бурь напоръ
Ее, обснуясь, потрясали—
Смотрите-жь: все стоитъ она!
А вокругъ нея волненья пали,
И Польши участь рѣшена.

И въ этомъ стихотвореніи грозитъ онъ западноевропейцамъ гибелью на необозримыхъ поляхъ русскихъ:

«Тяжко будетъ имъ похмѣлье,
Дологъ будетъ сонъ гостей
На тѣсномъ, гладномъ новосельѣ
Подъ злагомъ сѣверныхъ полей!

Таковы были „стихотворныя отраженія“ новыхъ политическихъ убѣжденій Пушкина.

Пушкинъ и
Шеллингъ.

Существуетъ мнѣніе, что и философія Шеллинга коснулася его своими эстетическими теоріями. „Московский Вѣстникъ“, органъ московскихъ шеллингианцевъ, проводилъ взгляды нѣмецкаго философа на „поэзію“, какъ на „божественный даръ“, на поэта — какъ на „священнослужителя“, который стоитъ выше толпы, съ ея низменными потребностями; въ его вдохновенной душѣ — „святая святыхъ“, куда онъ можетъ не пускать непосвященныхъ. Поэтъ Веневитиновъ, другъ Пушкина, былъ убѣжденнымъ сторонникомъ такого взгляда на поэзію.

Къ стихотвореніямъ Пушкина этого рода относятся слѣдующія: „Поэтъ“ (1827), „Чернь“ (1828), „Поэту“ (1830).

Взгляды
Пушкина
на поэзію
„Поэтъ“.

Въ первомъ стихотвореніи Пушкинъ изображаетъ тотъ моментъ, когда потомъ овладѣваетъ вдохновеніе, когда Аполлонъ призываетъ его къ «священной жертвѣ»,—тогда поэтъ, еще недавно «малодушно» погруженный въ «заботы суетнаго свѣта» и «межъ дѣтей ничтожныхъ міра» быть можетъ, самый ничтожный,—преображается: ему душно въ мелочной людской толпѣ—

«Тоскуеть онъ въ забавахъ міра,
Людской чуждается молвы;
Къ ногамъ народнаго кумира
Не клонить гордой головы.

«Дикій и суровый» бѣжитъ онъ отъ людей къ природѣ.

Въ этомъ стихотвореніи «вдохновеніе» представлено, какъ «наитіе свыше», творчество—какъ священнодѣйствіе, принесеніе жертвы Аполлону...

Въ стихотвореніи «Чернь» изображено отношеніе къ поэту «толпы», холодной, непонимающей..

„Чернь“.

«Онъ пѣлъ—а хладный и надменный,
Кругомъ народъ непосвященный
Ему бессмысленно внималъ.

Слушая вольныя пѣсни поэта, «чернь» судила о томъ, какая будетъ «польза» ей отъ тѣхъ волненій, которыя пробуждались въ ея сердцѣ отъ слуханія этой пѣсни. На эту точку зрѣнія становятся всѣ утилитаристы, которые отъ знанія, отъ искусства, отъ всѣхъ человѣческихъ трудовъ, отъ гена и чернорабочаго—требуютъ только пользы, немедленно обнаруживающейся въ осязательныхъ результатахъ. Эстетическое отношеніе къ жизни чуждо такой узкой точки зрѣнія: «печной горшокъ», въ которомъ варятся щи, оказывается «полезнѣе», а потому и нужнѣе статуи Аполлона Бельведерскаго. Это—точка зрѣнія крыловскаго пѣтуха, который ячменное зерно предпочитаетъ жемчужному. Отъ поэзіи утилитаристы требуютъ только «служенія обществу: поэтъ могъ быть только «учителемъ», или «обличителемъ» своихъ современниковъ. Но пушкинскій поэтъ безотрадно смотритъ на такое «служеніе» обществу—онъ убѣжденъ, что такого общества не оживитъ гласъ его лиры; не мирному поэту учить и обличать то общество, которое себя учитъ «бичами», «темицами и топорами»... Да, къ тому же, у поэта есть другое, болѣе высокое призваніе:—онъ говорить:

«Во градахъ вашихъ, съ улицъ шумныхъ,
Сметаютъ соръ—полезный трудъ;
Но, позабывъ свое служенье,
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы-ль у васъ метлу берутъ?..
Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битъ—
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

„Поэту“.

Въ третьемъ стихотвореніи Пушкинъ утѣшаетъ поэта, оскорбленнаго непостоянствомъ и легкомысліемъ толпы:

«Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ,
Услышишь судъ глуша и смѣхъ толпы холодной.»

По мнѣнію Пушкина, поэтъ, тѣмъ не менѣе, долженъ остаться «твердъ, спокоенъ и угрюмъ»; по его словамъ, поэтъ—царь; онъ долженъ «дорогою свободной» идти туда, куда влечетъ его «свободный умъ»; не толпѣ судить его, а потому и судъ ея не долженъ его тревожить.

Самостоятельность Пушкина въ этихъ стихотвореніяхъ.

Всѣ три произведенія, дѣйствительно, соприкасаются со взглядами Шеллинга на значеніе поэта,—но большой ошибкой было бы считать эти три произведенія навѣянными знакомствомъ Пушкина съ нѣмецкой философіей—1) противопоставленіе „поэта“ и „толпы“ встрѣчается даже въ лицейскихъ стихотвореніяхъ Пушкина, повторяется и въ позднѣйшихъ¹⁾; 2) всѣ три произведенія имѣютъ автобіографическое значеніе,—они вызваны столкновеніемъ Пушкина съ русской критикой, гр. Бенкендорфомъ, державшимъ подавать совѣты Пушкину, какъ надо исправлять его произведенія,—наконецъ, съ русской публикой,—охладившей къ поэту; 3) въ литературѣ до ознакомленія съ идеями Шеллинга Пушкинъ встрѣчалъ уже представленіе поэта, какъ существа, высоко стоящаго надъ толпой. Такъ, подражая Гете (прологъ къ Фаусту), онъ еще въ 1824-омъ году написалъ: „Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ“,—произведеніе, въ которомъ намѣчены уже всѣ идеи названныхъ произведеній²⁾. Такимъ образомъ, къ тому времени, когда Пушкинъ познакомился со взглядами Шеллинга на поэта, у него самого сложилось уже сходное представленіе.

Но не слѣдуетъ забывать того, что всѣ эти три произведенія не только не исчерпываютъ взглядовъ Пушкина на поэзію, но даже представляютъ недостаточно вѣрно ихъ сущность: они всѣ созданы подъ вліяніемъ чувства обиды, чувства горечи отъ столкновенія съ толпой,—оттого въ нихъ такъ много тревоги, вызванной оскорбленнымъ самолюбіемъ. Поэтому не въ нихъ только надо искать выраженіе взглядовъ Пушкина на поэзію.

¹⁾ „Добрый совѣтъ“ (1817); „Жуковскому“ (1818), „Деревня“ (1819), „кн. А. М. Горчакову“ (1819), „Погасло дневное свѣтило“ (1820), „Чаадаеву“ (1821), „Пирующіе студенты“ (1814), „Посланіе къ Галичу“ (1815), „Посланіе къ Юдину“ (1815), „Я говорилъ предъ хладною толпой“ (1822), „Свободы свѣтель пустынный“ (1823).

²⁾ Эпиграфомъ къ стихотворенію „Поэтъ и чернь“ онъ взялъ изъ Горация: „Procul este, profani“—указаніе, свидѣтельствующее о томъ, что и въ римской лирикѣ онъ подслушалъ мотивы противопоставленія „поэта“ и „черни“.

Гораздо спокойнѣе, а, слѣдовательно, и правильнѣе высказался онъ въ другихъ произведеніяхъ. Въ стихотвореніи „Эхо“ поэзія представлена зеркаломъ, отражающимъ всю жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ, — грозныхъ и мирныхъ: поэтъ, подобно „эхо“, на все откликается въ силу прирожденной ему отзывчивости, — онъ, какъ эхо, не имѣетъ власти выбирать изъ жизни то, или другое, — онъ долженъ откликаться на *все*. Такой широкой отзывчивостью, отличалось, какъ разъ, творчество Пушкина. Но безотрадно смотреть онъ на результаты пѣсни поэта: какъ на эхо, такъ и на эту пѣсню, нѣтъ отзыва, — только сознаніе полной отчужденности отъ современнаго общества могло вызвать такіа строки.

„Эхо“.

Но есть стихотвореніе у Пушкина, въ которомъ онъ опровергаетъ идеи всѣхъ выше-разобранныхъ произведений. Здѣсь Пушкинъ всего ближе подходит къ опредѣленію истинныхъ цѣлей поэта и болѣе правильной самооцѣнѣ. Это стихотвореніе — „Памятникъ“. Поэтъ отиѣтилъ въ немъ великое культурное значеніе своей гуманной поэзіи.

„Памятникъ“.

«И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ;
Что въ мой жестокий вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ!»

Это признаніе совершенно противорѣчитъ тому гнѣвному отвѣту, который поэтъ далъ „черни“, обратившейся къ нему съ просьбой „исправлять сердца собратій“, — явное доказательство, что въ этомъ страстномъ, тревожномъ стихотвореніи („Чернь“), отразившемъ минутныя настроенія, поэтъ говорилъ противъ совѣсти, самъ отрицалъ истинную сущность своего призванія, настоящую цѣну своихъ заслугъ...

Не будучи поэтомъ „дидактическимъ“, не обращая своихъ произведеній въ „нравоученія“, Пушкинъ объективно рисовалъ „добро“ въ жизни, — и въ этомъ великое значеніе его гуманной поэзіи. Въ стихотвореніи „Памятникъ“ нѣтъ презрѣнія къ черни, нѣтъ самовозвеличенія поэта-жреца, нѣтъ и пониманія поэзіи, какъ „художественнаго зеркала“, въ которомъ фатально отражается все, — здѣсь, въ этомъ стихотвореніи, поэзія — есть любовь къ людямъ, къ падшимъ, къ рабамъ, къ „униженнымъ и оскорбленнымъ“... Таково *идейное* значеніе поэта, но Пушкинъ опредѣлилъ и *художественное* значеніе его.

Въ цѣломъ рядъ произведений (съ лицейскаго періода) онъ шелъ опредѣленно къ *реализму* творчества и въ стихотвореніи

Реализмъ, какъ художественный приѣмъ.

„Шалость“ достигъ высшей степени проясненности этого реализма. Изображать жизнь, какъ она есть, не идеализировать ея, не закрывать глазъ на безотрадную дѣйствительность, въ ней умѣть найти настроенія и идею, — вотъ, завѣтъ, который оставилъ Пушкинъ русской литературѣ. Итакъ, *любовь ко всемъ проявленіямъ дѣйствительной жизни*, — вотъ, смыслъ всей поэзіи; въ этой „любви“ и въ изображеніи „дѣйствительности“ видѣлъ онъ свое значеніе, какъ художника.

Лирика
последняго
періода.

Хотя лирическое творчество Пушкина значительно ослабло въ этотъ второй періодъ его творчества, смѣнившись творчествомъ эпическимъ, тѣмъ не менѣе, и теперь, время отъ времени, выражалъ онъ въ прекрасныхъ лирическихъ произведеніяхъ жизнь своей души.

Элегія.
а) любовныя.

Такъ, въ цѣломъ рядѣ прочувствованныхъ „элегій“ онъ помянулъ свои прежнія увлеченія (напр. „Воспоминанія“): — Ризничъ („Элегія“ — „Подъ небомъ голубишь“, „Заклинанье“ „Для береговъ отчизны дальней“), — гр. Воронцовою („Ангель“, „Талисманъ“, „Разставаніе“), — А. П. Кернъ („Когда твои младыя лѣта“). Немало лирическихъ стихотвореній посвятилъ онъ и чувствамъ новой любви, овладѣвавшей его увлекающимся сердцемъ (напр... „Нѣтъ, нѣтъ не долженъ я“). Таковы стихотворенія, посвященныя А. А. Олениной („Примѣты“, „Въ Альбомѣ“, „Я васъ любилъ“, „Ты и вы“), — Е. И. Ушаковой („Когда бывало“, „Вы избалованы природой“, „Въ отдаленіи отъ васъ“, „Я васъ узналъ“), — Н. Н. Гончаровой („Мадонна“, „Красавица“, „Когда въ объятія мои“).

Изъ этихъ стихотвореній особенной красотой отличаются тѣ, которыя посвящены памяти Ризничъ и стихотвореніе: „Я васъ любилъ“. Въ этомъ произведеніи Пушкинъ возвысился до такой чистоты чувства, что любимой женщинѣ высказалъ пожеланіе быть любимой другимъ „такъ искренно и нѣжно“, какъ любилъ ее онъ. Любовь, чувство самое эгоистическое по существу своему, у рѣдкихъ людей можетъ подниматься на такія высоты самоотреченія, когда любящій человѣкъ любимому существу желаетъ счастья путемъ самопожертвованія.

б) взглядъ на
жизнь.

Большая группа произведеній посвящена изображенію тѣхъ настроеній поэта, которыя были слѣдствіемъ — или воспоминаній о его прошломъ, или печальныхъ столкновеній съ дѣйствительностью; въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ, глубокихъ по идеѣ, выразилъ онъ свои взгляды на жизнь.

Въ стихотвореніи «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ» Пушкинъ съ горечью поминаетъ свою прошлую жизнь, полную ошибокъ... Посѣтивъ въ 1829 году Царское Село, припомнивъ свою юность, онъ, какъ «блудный сынъ», какъ—

„Воспоминанія
въ Царскомъ
Селѣ.“

«...отрокъ Библии, безумный расточитель,
До капли истощивъ раскаянья фіалъ,
Увидѣвъ, наконецъ, родиную обитель,
Главой поникъ и зарыдалъ!»

Вся жизнь пронеслась въ его воспоминаніи, припомнилъ онъ, какъ «много расточилъ сокровищъ сердечныхъ» за «недоступныя мечты», какъ долго «блуждалъ» онъ въ жизни, «раскаяньемъ горя, предчувствуя бѣды!». Въ другомъ стихотвореніи: «Въ началѣ жизни школу помню я...»—онъ вспоминалъ, что съ юныхъ лѣтъ въ его творчествѣ перебивались два противорѣчивыхъ состоянія—одно возвышенное, духовное,—другое чувственное, плотское. Поэтъ рассказываетъ, что изображенія двухъ языческихъ боговъ были ему дороги:

„Въ началѣ
жизни“...

«Одинъ (Дельфійскій идолъ)—ликъ молодой,
Былъ гнѣвенъ, долонъ гордости ужасной,
И весь дышалъ онъ силой неземной.
Другой—женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеалъ,
Волшебный демонъ—лживый и прекрасный».

Обращаясь отъ прошлаго къ настоящему, поэтъ чувствовалъ, что много было имъ прожито, юность и мечты улетѣли (19 окт. 1831 г.)—

«Мы возмужали; рокъ судилъ
И намъ житейски испытанья
И смерти духъ средь насъ ходилъ,
И назначалъ свои закланья».

Въ другомъ стихотвореніи, тоже посвященномъ лицейской годовщинѣ (19 октября 1836 г.) онъ говоритъ:

„19 октября
1836 г.“

«Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался...

Теперь не то: разгульный праздникъ нашъ
Съ приходомъ лѣтъ, какъ мы, перебѣсился.
Онъ присмирѣлъ, утихъ, остепенился...

И рѣже смѣхъ средь пѣсенъ раздается,
И чаще мы вздыхаемъ и молчимъ».

Но это спокойствіе души не приводитъ поэта къ холодному равнодушію; озаренное чувствомъ тихой грусти, оно полно всепрощенія къ людямъ и всей жизни, полно любви ко всему міру, къ его законамъ, смѣняю-

щимъ день ночью, жизнь—смертью, старость—юностью. Еще устами Лескаго высказалъ онъ такой взглядъ на жизнь:

«Все благо! бдѣнія и сна
Приходить часъ опредѣленный.
...Благословенъ и день заботъ,
Благословенъ и тьмы приходъ.»

„Брожу-ли я
вдоль улицъ
шумныхъ“.

Въ «Стансахъ»: «Брожу-ли я вдоль улицъ шумныхъ»—Пушкинъ прекрасно выразилъ это чувство примиренія съ жизнью. Безъ злобы, безъ тѣни эгоизма смотритъ поэтъ на жизнь, быстро летящую мимо него,—онъ привыкъ спокойно думать о смерти и, лаская младенца, онъ думаетъ о будущемъ человѣкѣ, который, въ лицѣ этого младенца, смѣнитъ его въ жизни. И онъ безъ зависти смотритъ на него, любовно уступаетъ ему мѣсто, убѣжденный, что всему свое время и свои права...

«Мнѣ время тлѣть, тебѣ—цвѣсти!»—говорилъ онъ... Любовью къ жизни, къ молодости, къ природѣ звучатъ заключительныя слова его «Стансовъ»,—

«...И пусть у гробового, входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красею вѣчною сіять»...

Онъ знаетъ, что молодость, по существу своему, эгоистична, что природа равнодушна,—и все это не мѣшаетъ его любящему сердцу даже изъ могилы тянуться къ жизни ¹⁾).

„Безумныхъ
лѣтъ угасшее
веселье“.

Примиряясь со смертью, онъ не отворачивался отъ жизни: въ своей «Элегіи» («Безумныхъ лѣтъ...») онъ выразилъ свои отношенія къ жизни: прошлое ему было тяжело, какъ «смутное похмѣлье»,—настоящее было безотрадно:

«Мой путь унылъ. Сулятъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнующее море».

Но все-таки жизнь была для него счастьемъ:

«...Но не хочу, о други, умирать!
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать».

Борьба и
страданіе въ
поэзии
Пушкина.

Въ юности Пушкину смыслъ жизни представлялся въ „наслажденіи“; потомъ смыслъ жизни сосредоточился въ „борьбѣ“; теперь смыслъ жизни увидалъ онъ въ „страданіяхъ“, которыя будятъ „мысль“, поднимаютъ энергію, очищаютъ душу, наполняя ее сочувствіемъ къ такимъ же страдальцамъ. Аскетъ любить „страданія“ съ эгоистической точки зрѣнія: спасеніе души и гордое сознаніе своей силы,—вотъ, основы этой любви; гуманный человѣкъ

¹⁾ Совершенно такія же чувства выражены въ стихотвореніи „Опять на родинѣ“. Видя, какъ молодая поросль молодыхъ сосенъ эгоистично закрыла собой старыя деревья, Пушкинъ, безъ чувства горечи, плетъ привѣтъ этому молодому лѣску: „Здравствуй, племя молодое, незнакомое“, и любовно представляетъ себѣ своихъ внуговъ, которые смѣнятъ его на землѣ, заслоняя собою...

любить страданья, потому что только они учат его сочувствовать ближнему, — мудрый любитъ страданья потому, что, благодаря имъ, человѣкъ постигаетъ цѣну счастья.

Главнымъ условіемъ счастья въ глазахъ Пушкина была „свобода“: съ дѣтскихъ лѣтъ до могилы боролся онъ за независимость своей личности: онъ отстаивалъ ее отъ своихъ родителей, гувернеровъ, лицейскихъ педагоговъ; увлеченный своими друзьями-декабристами, онъ отстаивалъ политическую свободу родины; онъ боролся за художественную свободу вмѣстѣ съ арзамассцами, а потомъ самостоятельно и единолично почти противъ всей русской критики, не понявшей его „Бориса Годунова“ и послѣдующихъ произведеній. Въ 1836-омъ году, незадолго до смерти, изнемогая отъ гнета тѣхъ зависимостей служебныхъ, общественныхъ и семейныхъ, которыя давили его свободолюбивую душу, онъ попытался выяснитъ, какая „независимость“ *теперь* казалась ему самой разумной, самой необходимой.

Свобода въ
поэзіи
Пушкина.

Въ стихотвореніи <Изъ VI Пиндемонте> онъ говоритъ, что не въ политическихъ правахъ, не въ формѣ правленія—счастье личности человѣческой.

„Изъ VI
Пиндемонте“.

«Иныя, лучшія мнѣ дороги права,
Иная, лучшая, мнѣ дорога свобода.
Зависть отъ властей, зависть отъ народа—
Не все ли намъ равно? Богъ съ ними!.. Никому
Отчета не давать; себѣ лишь самому
Служить и угождать; для власти, для ливреи
Не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи.
По прихоти своей скитаться здѣсь и тамъ,
Дивясь божественнымъ природы красотамъ,
И предъ созданьями искусствъ и вдохновенья.
Безмолвно утопать въ восторгахъ умиленья—
Вотъ счастье! вотъ права!»

Стихотвореніе это очень важно для пониманія тревожныхъ настроеній Пушкина въ послѣдній годъ его жизни, но оно отнюдь не характерно для его общаго міросозерцанія.

Уже въ Михайловскій періодъ творчества Пушкинъ испробовалъ впервые свои силы надъ изображеніемъ чувствъ и міросозерцаній другихъ народовъ, восточныхъ и западныхъ.

Мы видѣли уже, какъ увлекался Пушкинъ эстетической и идейной стороной церковной поэзіи: онъ въ это время зачитывался Евангеліемъ, Библіей и Псалмами царя Давида, легендами, житіями святыхъ. Благодаря этому, онъ постигъ душу русскихъ людей XVII-го вѣка, сумѣлъ сродниться съ ихъ міросозерцаніемъ и

Вліяніе
древне-русской
церковной
поэзіи.

въ своемъ творествѣ отделился на тѣ религіозно-поэтическія настроенія, которыми жила древняя Русь ¹⁾.

Хотя этотъ интересъ къ церковной поэзіи не умиралъ у насъ въ теченіе XVIII-го вѣка (Ломоносовъ, Державинъ, Дмитріевъ и мн. др.),—но только въ лицѣ Пушкина онъ выразился особенно полно и ясно.

И въ свѣтской письменности древней Руси онъ сумѣлъ найти для себя интересное чтеніе: „Слово о П. Игоревѣ“ онъ зналъ наизусть, по лѣтописямъ сумѣлъ опредѣлять религіозно-поэтическіе мотивы родной старины, и потому на Пушкина можно смотрѣть, какъ на перваго русскаго поэта, близко подошедшаго къ основнымъ настроеніямъ древне-русской письменности.

Многія лирическія произведенія этого періода представляютъ собою переводы произведеній древне-греческихъ лириковъ: Анакреона, Аеенея, Ксенофона, Иона, Горація, Каталла. Высокое значеніе Пушкина, какъ цѣнителя античнаго міра, выяснено русской критикой ²⁾.

Ни одинъ изъ русскихъ поэтовъ до Пушкина не проникалъ такъ глубоко въ настроенія классической поэзіи. Начавъ съ псевдоклассицизма (*poésie légère*), который изъ настроеній античнаго міра сумѣлъ усвоить почти только одно—эпикуреизмъ, Пушкинъ перешелъ къ „неоклассицизму“ и въ своихъ „переводахъ“, особенно въ „подражаніяхъ“, сумѣлъ подняться до истинно-античнаго мировоззрѣнія на жизнь, природу и искусство. Въ этомъ отношеніи, на него можно смотрѣть, какъ на итогъ русскаго классицизма, прояснявшагося въ теченіе XVIII вѣка.

Встрѣчаются среди лирическихъ произведеній этого періода также произведенія, которыя вѣрно выражаютъ мотивы восточной поэзіи („Не пой, красавица, при мнѣ“, „Отрывокъ“, „Изъ Гафиза“, „Стамбуль гауры нынче славятъ“, „Подражаніе арабскому), — испанской („Я здѣсь, Инезилья“, „Предъ испанской благородной...“, „Альфонсъ“, „Родригъ“), — итальянской („Ты знаешь край“, „Подражаніе Данте“, „Подражаніе итальянскому“), — англійской („Пью за здравіе Мери“, „Шотландская пѣсня“) и польской („Конрадъ Валленродъ“, „Воевода“, „Будрысь“).

¹⁾ Къ удачнымъ произведеніямъ послѣдняго періода, навѣянному поэзіей Св. Писанія относятся отрывокъ: „Юдинокъ“, переложеніе великопостной молитвы Ефрема Сирина („Отцы-пустынники“) указываетъ, что и поэзія святоотеческихъ твореній была ему доступна и понятна.

²⁾ Черняевъ П., „А. С. Пушкинъ, какъ любитель античнаго міра“ К. 1899. Любимудровъ, „Античный міръ въ поэзіи Пушкина“. М. 1899.

Античный
міръ въ поэзіи
Пушкина.

Восточная и
западная
поэзія въ
творествѣ
Пушкина.

Этотъ интересъ къ поэзіи другихъ народовъ, это стремленіе постигнуть ихъ „духъ“, ихъ „психологію“, уловить *couleur locale* было той данью, которую Пушкинъ заплатилъ романтизму. На этой же почвѣ романтическихъ требованій развился его интересъ къ исторіи (*couleur historique*) и къ народной русской поэзіи.

Большая группа лирическихъ и мелкихъ эпическихъ произведеній посвящена изображенію русской природы („Зимняя дорога“, „Зима, что дѣлать намъ въ деревнѣ?“, „Зимнее утро“, „Бѣсы“, „Осень“, „Опять на родинѣ“), сценамъ изъ русской простонародной жизни („Утопленникъ“, „Въ полѣ чистомъ серебрится“, „Сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ“), событіямъ русской исторіи („Пиръ Петра Великаго“, „Опричникъ“). По прежнему интересовался Пушкинъ и народной пѣсней. Цѣлый рядъ „подражаній“, имъ сочиненныхъ, указываетъ, до какой степени сроднился онъ съ народнымъ творчествомъ, его приѣмами, духомъ и міросозерцаніемъ народа. Къ этимъ „подражаніямъ“ относятся слѣдующія произведенія— „Кормомъ, стойлами, надзоромъ“, „Начало сказки“, („Какъ весенней теплою порою“, „Свать Иванъ, какъ пить мы станемъ“, „Одинъ то былъ у отца, у матери единый сынъ“, „Другъ мой милый, красно солнышко мое“)...

Русская природа въ творчествѣ Пушкина.

Народная поэзія въ творчествѣ Пушкина.

Извѣстный ученый этнографъ Вс. Миллеръ говоритъ: «яркимъ примѣромъ удивительнаго процесса полного усвоенія народнаго духа и склада являются два отрывка — подражанія народнымъ стихамъ, сохранившіеся въ рукописяхъ Пушкина—начало сказки о медвѣдицѣ и нѣсколько стиховъ о вылетѣ первой весенней пчелки.

Вс. Миллеръ о „народности“ Пушкина.

«Передъ нами, какъ будто, запись подлинной народной пѣсни, но, всматриваясь въ нее пристальнѣе, мы замѣчаемъ, что это попытка къ художественному воспроизведенію, руководимая замысломъ сохранить весь колоритъ народности, незлобивый юморъ, мѣткія характеристики, типическій стихъ,—попытка, дающая, какъ справедливо выразился Анненковъ, «впечатлѣніе деревенской пѣсни, пропѣтой великимъ мастеромъ». Сказка задумана изъ русскаго животнаго міра и начинается разсказъ о событіи, случившемся въ лѣсномъ царствѣ—въ семьѣ медвѣда-боярина. Нашъ бурый Мишка всегда пользовался народной симпатіей и своими свойствами—неуклюжестью, лакомствомъ, человѣко-подобными позами—служилъ мишенью народному юмору. Въ сказкѣ Пушкина медвѣдъ представленъ «бояриномъ лѣснымъ» въ моментъ горя: умерла у него сударушка-медвѣдица, и звѣри собираются къ нему выразить свое сочувствіе. Это предоставляетъ Пушкину возможность набросать краткія въ народномъ духѣ характеристики звѣрей: онъ зналъ, что «животный міръ, извѣстный русскому крестьянину—и звѣри, и рыбы, и даже насѣкомыя—даетъ обильную пищу его наблюдательности, вызываетъ въ него воображеніи сравненіе съ міромъ людей и возбуждаетъ тотъ благодушный юморъ, въ которомъ чувствуется симпатія ко всему живому. Онъ могъ знать извѣстную нынѣ во многихъ

записяхъ «старинку» о птицахъ и звѣряхъ, содержащую характеристику болѣе 30 представителей животнаго царства».

«Въ сказкѣ о медвѣдицѣ мы видимъ скорѣе такое же художественное собраніе въ одинъ фокусъ народныхъ красокъ, запечатлѣвшихся въ богатой памяти поэта, какъ въ его знаменитомъ прологѣ къ «Руслану и Людмилѣ» — этому дивномъ калейдоскопѣ русскихъ сказочныхъ мотивовъ».

Обработка
народныхъ
сказокъ въ
стихи.

Къ этому же періоду относятся обработки народныхъ сказокъ въ стихи: 1) о рыбацѣ и рыбкѣ, 2) о царѣ Салтанѣ, 3) о попѣ и работникѣ его Балдѣ 4) о мертвой царевнѣ и — 5) о золотомъ пѣтушкѣ. Кромѣ того, изъ записанныхъ имъ нѣсколькихъ сказокъ (вѣроятно, еще въ Михайловскій періодъ) онъ далъ Жуковскому свою записку „сказки о царѣ Берендеѣ“ — и Далю „о Георгіи Храбромъ и сѣромъ волкѣ“. Очевидно, Пушкинъ не только самъ интересовался, но старался привлечь вниманіе и другихъ привлечь къ народному творчеству.

Оригиналь-
ность стихо-
творныхъ
размѣровъ въ
„народныхъ“
произведеніяхъ
Пушкина.

Вс. Миллеръ указываетъ на разнообразіе и оригинальность стихотворныхъ размѣровъ, которыми пользовался Пушкинъ для своихъ „сказокъ“: на примѣръ, для сказки о Царѣ Салтанѣ онъ избралъ совершенно особый размѣръ, которымъ раньше ничего не писалъ; причѣмъ трудно себѣ представить размѣръ, ближе соотвѣтствующій отрывистому слогу народныхъ сказокъ¹⁾. Въ „Сказкѣ о попѣ и его работникѣ Балдѣ“ Пушкинъ удачно подражаетъ той рубленой, но снабженной римами, прозѣ, которую мы читаемъ на старинныхъ лубочныхъ картинкахъ. Наконецъ, въ знаменитой сказкѣ: „О рыбацѣ и рыбкѣ“ поэтъ отказывается отъ рими и ведетъ рассказъ южно-славянскимъ стихомъ, съ которымъ познакомился онъ въ сербскихъ пѣсняхъ изъ сборника Караджича и который вполне соотвѣтствуетъ спокойному эпическому ходу повѣствованія.

Происхожденіе
нѣкоторыхъ
народныхъ
произведеній
Пушкина.

Не всѣ „сказки“, обработанныя Пушкинымъ, чисто-русскаго происхожденія: такъ, „сказка о рыбацѣ и рыбкѣ“, „сказка о мертвой царевнѣ“ — сказки нѣмецкія по происхожденію. Нужно было знать и понимать русскую народную поэзію такъ, какъ Пушкинъ, чтобы изъ чуждаго-заимствованнаго создать чисто-русское и даже просто-народное. То же онъ сдѣлалъ позднѣе и съ сюжетомъ, взятымъ изъ нѣмецкой сентиментальной оперы: „Das Donauweibchen“, переработавъ его на русскій ладъ въ своей „Русалкѣ“.

Работа
Пушкина надъ
своимъ
языкомъ.

Сближеніе съ творчествомъ и жизнью народа заставили Пушкина обратить особое вниманіе на свой, не только литературный

¹⁾ Этимъ размѣромъ позднѣе воспользовался Ершовъ для своего „Конька-Горбунка“.

но и разговорный языкъ. Въ письмахъ его это сказалось лучше всего: съ каждымъ годомъ его рѣчь дѣлается проще, народнѣе: онъ, словно, щеголяетъ простонародными выраженіями, знаніемъ пословиць... Къ этому онъ шелъ сознательно и упорно. „Сказка сказкой, однажды сказалъ онъ, а языкъ нашъ—самъ по себѣ, и ему нигдѣ нельзя дать этого русскаго раздолья, какъ въ сказкѣ. А какъ это сдѣлать?... Надо бы сдѣлать, чтобы выучиться говорить по русски и не въ сказкѣ.. Да нѣтъ трудно, нельзя еще! А что за роскошь, что за смыслъ, какой толкъ въ каждой поговоркѣ нашей! Что за золото! А не дается въ руки, нѣтъ!“.

Къ важнѣйшимъ *эпическимъ* произведеніямъ этого періода относятся поэмы: „Полтава“ (1828), „Галубъ“ (1829), „Мѣд-Эпическія произведе- нія Пушкина въ этотъ періодъ. ный всадникъ“ (1833); романы и повѣсти—окончаніе „Евгенія Онѣгина“ (съ V-ой главы), „Арапъ Петра Великаго“ (1827), „Повѣсти Вѣльгина“ (1830), „Дубровский“ (1832), „Капитанская дочка“ (1833).

Поэма „Полтава“ явилась результатомъ интересовъ Пушкина къ Петру Великому и малороссійскимъ преданіямъ, съ которыми „Полтава“. познакомился онъ во время пребыванія своего въ имѣніи Раевскихъ въ „Каменкѣ“. Самъ Пушкинъ и его друзья большое художественное значеніе придавали этому произведенію, усматривая въ немъ много литературныхъ достоинствъ.

Въ поэмѣ нѣтъ единства содержанія,—здѣсь развертываются двѣ темы: 1) любовь, связавшая Мазепу съ Маріей, и—2) столкновение Петра съ Карломъ. Обѣ темы связаны только личностью Мазепы.

Мазепа, въ отношеніяхъ къ Маріи и къ Петру, представленъ эгоистомъ, Мазепа. который ради своихъ личныхъ радостей и личнаго счастья, готовъ жертвовать другими. Въ этомъ отношеніи, и Марія, и Петръ оттѣняютъ собою этотъ эгоизмъ Мазепы,—Марія—своей самоотверженной любовью, Петръ—своимъ пониманіемъ общаго блага и неизмѣннымъ служеніемъ этому благу. И потомство расплатилось съ хищнымъ эгоизмомъ Мазепы,—его проклинаютъ въ церквахъ, тогда какъ трогательный образъ загубленной имъ дѣвушки сдѣлался предметомъ народныхъ пѣсень, а въ честь Петра воздвигся монументъ.

Въ обрисовкѣ характера Мазепы Пушкинъ не пожалѣлъ мрачныхъ красокъ. «Однакожь, какой отвратительный предметъ!—воскликаетъ онъ, всматриваясь въ образъ своего героя: ни одного добраго, благосклоннаго чувства! ни одной утѣшительной черты! Соблазнъ, вражда, измѣна, лукавство, малодушіе, свирѣлость!» У Пушкина это единственный образъ, для котораго поэтъ не нашелъ ни одной симпатичной черты. Объясняется это, быть можетъ, тѣмъ, что онъ долго не всматривался въ душу Мазепы, а написалъ ее подъ вліяніемъ «думъ» Рылѣева ¹⁾,—тамъ Мазепа

Отношенія Пушкина къ своему герою.

¹⁾ „Войнаровский“, „Мазепа“, „Палѣй“ и др.

представленъ безпросвѣтнымъ злодѣемъ-титаномъ. И это увлекло Пушкина. «Сильные характеры и глубокая трагическая тѣнь, набросанныя на всё эти ужасы,—вотъ, что увлекло меня—говорить Пушкинъ. «Полтаву» написалъ я въ нѣсколько дней, далѣе не могъ бы ею заниматься и бросилъ бы все!» Последнія слова очень характерны,—они свидѣтельствуютъ о томъ, что долго въ героевъ «Полтавы» Пушкинъ не вдумывался, не изучалъ ихъ, что написаны они «порывомъ», вѣроятно, подъ влияніемъ Рылѣева. Если бы поэтъ самъ подошелъ къ этому образу, онъ, конечно, избѣжалъ бы слишкомъ неопредѣленныхъ и, въ то же время, сплошь темныхъ красокъ въ описаніи Мазепы. Поэтъ не обрисовалъ бы героя такими общими чертами:

...онъ не вѣдаетъ святыни,
 ...онъ не помянуть благостыни,
 ...онъ не любить ничего!
 ...кровь готовъ онъ лить, какъ воду,
 ...презираетъ онъ свободу,
 ...нѣтъ отчизны для него».

Повторяя характеристики, сдѣланныя Рылѣевымъ, Пушкинъ называетъ Мазепу «неукротимымъ», «старикомъ надменнымъ», «дерзкимъ хищникомъ», «губителемъ», «Лудой», «злодѣемъ», «скрытнымъ», съ душой «коварной», «мятежной», «ненасытной»... Слѣдуя за Рылѣевымъ, онъ рассказываетъ о «черныхъ думкахъ» Мазепы, объ его «злой волѣ», объ «угрызеньяхъ его жиѣной совѣсти», объ его терзаньяхъ какой-то страшной пустотой, о томъ «кипучемъ ядѣ», который переполняетъ его сердце. Въ описаніи наружности Мазепы Пушкинъ не падитъ такихъ же красокъ: у Мазепы «блестящій», «впалый взоръ»; онъ «суровъ», «блѣденъ», «угрюмъ», онъ «молча скрежеталъ», у него «коварныя сѣдины», онъ «сверкаетъ очами». Стремительность его неукротимаго духа и у Рылѣева, и у Пушкина выражается въ томъ, что Мазепа постоянно то «чтится», то «несется» на конѣ. Однимъ словомъ, въ лицѣ Мазепы Пушкинъ изобразилъ довольно шаблоннаго романтическаго злодѣя; только прекрасная сцена разговора его съ Маріей смягчаетъ этотъ напыщенный и неестественный образъ.

Петръ.

Неизбѣримо выше, въ художественномъ отношеніи, обрисованъ образъ Петра, выношенный въ душѣ поэта, давно имъ любимый, имъ изученный и понятый... Чтобы обрисовать Петра, ему не пришлось обременять его образъ громкими эпитетами, — онъ нарисовалъ только два момента: въ его настроеніяхъ—1) на полѣ полтавской битвы—и 2) пирующимъ послѣ побѣды. Въ первомъ случаѣ передъ нами замѣчательное описаніе вѣшняго облика императора. Это описаніе реально, правдиво,—и, въ то же время, оно полно божественной красоты. Десятки эпитетовъ, которыми Пушкинъ надѣлилъ Мазепу, желая представить его титаномъ зла, блѣднѣютъ передъ слѣдующими немногими строками:

«... Его глаза
 Сіяютъ. Лицъ его ужасенъ.
 Движенья быстры. Онъ прекрасенъ.
 Онъ весь—какъ Божія гроза...»

«... И онъ промчался предъ полкамъ
Могущъ и радостенъ, какъ бой!
Онъ поле ножираетъ очами...

Въ этихъ словахъ Пушкину удалось представить Петра «полубогомъ», создать ему апофеозъ, не прибѣгая къ искусственнымъ романтическимъ эффектамъ.

Другой моментъ въ настроеніяхъ Петра—ликованіе его по поводу побѣды:

«Пируетъ Петръ. И гордь, и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его,
И царскій пиръ его прекрасенъ.

Это—торжество великаго человѣка, празднующаго не свою личную удачу, а новую эру въ историческихъ судьбахъ своего народа. Оттого такимъ величіемъ и спокойствіемъ полна его радость. Здѣсь нѣтъ мѣста мелкому тщеславію, эгоизму, злорадству. Оттого въ своемъ шатрѣ онъ угощаетъ не только своихъ вождей, но и чужихъ—

«И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

Передъ этимъ величіемъ государя, постигнаго духъ своего народа и Петръ, Карлъ и Мазепа.
прозрѣвшаго его великія задачи, жалкими кажутся эгоистическое тщеславіе и честолюбіе Карла и Мазепы... И судьба наказала ихъ за то, что они служили, прежде всего, *себѣ*, своимъ желаніямъ... Изъ царскаго шатра, въ которомъ царитъ чисто-оливишское величіе и радость, поэтъ ведетъ насъ въ «глушь степенъ нагихъ»: такъ—

«Король и гетманъ мчатся оба.
Бѣгутъ. Судьба связала ихъ.

Они бѣгутъ, «поникнувъ головою», бѣгутъ навстрѣчу смерти и невѣдомымъ могиламъ въ чужомъ краю...

Весь смыслъ поэмы раскрывается въ эпилогѣ:

Смыслъ поэмы.

«Прошло сто лѣтъ—и что жъ осталось
Отъ сильныхъ, гордыхъ сихъ мужей,
Столь полныхъ волею страстей?
Ихъ поколѣнье миновалось—
И съ нимъ исчезъ кровавый слѣдъ
Насилій, бѣдствій и побѣдъ.
Остатки разоренной сѣни,
Три углубленныя въ землѣ
И жкомъ поросшія ступени
Гласятъ о шведскомъ королѣ.

Такова судьба великихъ людей, которые въ исторіи преслѣдуютъ свои маленькія, личныя цѣли. Между тѣмъ—

«Въ гражданствѣ сѣверной державы,
Въ ея воинственной судьбѣ,
Лишь ты воздвигъ, герой Полтавы,
Огромный памятникъ себѣ!

—это награда отъ благодарнаго потомства великому слугѣ своего народа.

Развѣнчиваніе личности въ поэмѣ.

Такимъ образомъ, «Полтава», какъ «Цыгане», какъ «Евгеній Онѣгинъ», какъ, отчасти, «Борисъ Годуновъ» — есть развѣнчиваніе «личности». Мы видѣли и въ жизни самого Пушкина это освобожденіе отъ эгоизма.

Художественныя красоты поэмы.

Поэма «Полтава», имѣющая большіе недочеты въ «построеніи», отличается обиліемъ отдѣльныхъ сценъ и картинъ, написанныхъ гениально. Таковы, напримѣръ, сцены: разговоръ Мазепы съ Маріей, Орлика и Кочубея, появленіе сумасшедшей Маріи, описаніе украинской ночи и полтавской битвы.

Происхожденіе поэмы.

Какъ указано было, поэма отразила на себѣ—1) давно зрѣвшій у Пушкина интересъ къ личности Петра—и 2) вліяніе «думъ» Рылѣва; въ нихъ Рылѣвъ раньше Пушкина началъ ходить вокругъ того художественнаго замысла, который воплощенъ «въ Полтавѣ»: въ «думахъ» его выведены почти всѣ лица, которыя повторяются потомъ въ «Полтавѣ»; кромѣ того, нѣкоторыя отдѣльныя картины, даже стихи Рылѣва повторены въ «Полтавѣ» (черты характера Мазепы, картина привала утомленныхъ бѣглецовъ Карла и Мазепы, пророческія видѣнія Мазепы, анаематствованіе въ церкви, казнь Кочубея, появленіе Маріи, у Пушкина разившіяся въ цѣлыя картины, прощанье съ родной землей)—все это, занимавшее Пушкина, имъ перерабатывается и достигаетъ высокой степени совершенства,—3) многіе факты изъ жизни Мазепы взяты Пушкинымъ изъ его «жизнеописанія», приложеннаго къ «думѣ» Рылѣва—«Войнаровский», и принадлежащаго перу Корниловича.

„Галубъ“.

Неоконченная поэма „Галубъ“ интересна тѣмъ замысломъ, который положенъ въ ея основаніе.

Въ семью дикаго Галуба возвращается сынъ его Тазитъ, отданный отцомъ на воспитаніе отшельнику, повидимому, тайному христіанину. Тазитъ, просвѣтленный свѣтомъ христіанства, тяготится суровой жизнью родного аула: онъ оторванъ отъ интересовъ своей дикой родни, онъ не понимаетъ идеаловъ отца,—не рѣшается онъ ограбить беззащитнаго купца-армянина, рабу отца онъ даетъ возможность убѣжать изъ неволи, изъ сожалѣнія не рѣшается мстить убійцѣ брата, приводитъ въ свое оправданіе, что:

«Убійца былъ

Одинъ, израненъ, безоруженъ!

Отецъ прогоняетъ изъ дома Тазита, прокладываетъ его, считая сына недостойнымъ носить имя чеченца.

Изъ сохранившагося въ бумагахъ Пушкина плана поэмы видно, что Тазитъ долженъ былъ отказаться не только отъ родного дома, но и отъ любимой дѣвушки; онъ сближается съ монахомъ, дѣлается миссіонеромъ.

Отрывокъ этой поэмы отличается необыкновенными красотою: описаніе похоронъ горца поразительно своей простой красотой; суровый образъ старика-Галуба отличается цѣльностью и полнотой.

Идея поэмы.

Идея поэмы—великое культурное значеніе христіанства, свидѣтельствуется о томъ интересъ, съ которымъ Пушкинъ относился къ исторіи христіанской религіи. О великомъ цивилизующемъ ея значеніи въ началѣ

XIX-го столѣтія говорилось немало и на западѣ (Шатобрианъ «Le génie de christianisme», Ламенна, Шеллингъ), и у насъ (напр., Чаадаевъ)¹⁾.

Въ поэмѣ „Мѣдный Всадникъ“, какъ въ „Полтавѣ“, опять „Мѣдный всадникъ“. ставится вопросъ о томъ, что выше — счастье личное, или благо государственное. Опять въ лицѣ Петра представленъ великій дѣятель, служившій только благу родины. Для его вѣщаго взора, провидящаго будущее, ясна была необходимость „въ Европу прорубить окно“ и, „ставъ ногою твердою у моря“, создать Петербургъ, колыбель новой исторической жизни. Великое дѣло Петра потребовало много жертвъ у современниковъ. Большинство этихъ жертвъ было неизбежно и необходимо, такъ какъ безъ нихъ никогда не можетъ обойтись ни одно великое событіе. Но и тогда, когда событіе еще только совершалось, и тогда, когда уже развертывались всѣ великіе положительные результаты его — могли обнаруживаться, рядомъ съ нимъ, такіа отрицательныя частности этого событія, отъ которыхъ попутно страдали отдѣльныя личности. Эти страданія могли быть и бесполезны для общаго блага. Но передъ необъятнымъ благомъ всего народа, въ глазахъ историка, мало цѣны имѣютъ эти случайныя несчастья, даже гибель отдѣльныхъ личностей. Это жестоко, но это неизбежно. Весь трагизмъ этой суровой бессмысленной необходимости прочувствованъ Пушкинымъ и выраженъ имъ въ его поэмѣ: „Мѣдный всадникъ“.

Мазена въ «Полтавѣ» является эгоистомъ, приносящимъ все въ жертву своимъ суетнымъ желаніямъ, — онъ и погибаетъ вслѣдствіе этого. Герой поэмы «Мѣдный Всадникъ», мечтающій только о личномъ благополучіи, не ниспугаетъ ничьей жизнью, не вторгается въ исторію, — онъ только дрожитъ надъ своимъ маленькимъ счастьемъ. Но судьбѣ было угодно погубить это счастье, — и онъ погибъ, какъ случайная жертва великаго дѣла Петра, — погибъ отъ наводненія, которымъ особенно подверженъ Петербургъ вслѣдствіе своего неудачнаго географическаго положенія. Передъ нами одна изъ «бессмысленностей» исторіи, одна изъ тѣхъ ненужныхъ, бесполезныхъ капель крови, которыхъ много разрызвано по пути ея медленнаго величаваго шествія. Неумолимая и желѣзная, она идетъ впередъ, не зная состраданія, не считая своихъ жертвъ. И каждая такая жертва, особенно ненужная и бесполезная, внушаетъ къ себѣ только безмѣрную жалость. Пушкинъ прочувствовалъ это и написалъ глубоко-трогательную исторію одной такой жертвы: наводненіе разбиваетъ мечты Евгенія, — его возлюбленная погибаетъ, и онъ сходитъ съ ума.

Евгеній — жертва исторической необходимости.

Но Пушкинъ не ограничился этимъ: онъ къ этой грустной исторіи прибавилъ еще одну черту: жертва не сразу подчиняется судьбѣ, — она ропщетъ: во имя своихъ личныхъ, эгоистическихъ чувствъ, Евгеній дерзаетъ святотатственно порицать того Петра, который былъ, въ его глазахъ, глав-

1) См. выше стр. 61.

нымъ виновникомъ его несчастья. И этотъ жалкій вызовъ сумасшедшаго Евгенія, брошенный гиганту на бронзовомъ конѣ, лишаетъ несчастнаго значительной доли нашего сочувствія: безропотное страданіе внушаетъ къ себѣ неизмѣримо больше сочувствія. И жалкій муравей, возставшій противъ исполина, жестоко наказанъ,—всадникъ, съ разгнѣваннымъ лицомъ, на бронзовомъ конѣ, преслѣдуетъ его по пятамъ...

Евгеній—пред-
ставитель за-
худалаго дво-
ранства.

Любопытно что Пушкинъ усложнилъ образъ Евгенія еще нѣсколькими чертами: передъ нами не только человѣкъ, потерявшій «но вѣкъ Петра» свое личное счастье,—онъ, кромѣ того, принципиальный врагъ Петра за то, что тотъ унижилъ своими реформами русское дворянство. Евгеній, по происхожденію, принадлежалъ къ захудалой дворянской фамиліи, считавшей въ прошломъ въ своихъ рядахъ немало славныхъ именъ. Петръ своею «табелю о рангахъ» далъ дорогу «новымъ людямъ», и прилеглимъ происхожденія потеряли свою цѣну. Въ любопытномъ отрывкѣ: «Родословная моего героя», относящемся къ поэмі, Пушкинъ прямо выражаетъ сожалѣніе по поводу постепеннаго паденія русской родовой, но обидлившей аристократіи. Самъ Пушкинъ принадлежалъ къ ней, самъ гордился своей генеалогіей, и тяготился униженнымъ состояніемъ своего рода. Отсюда, изъ этихъ настроеній, вышли нѣкоторыя произведенія его, въ которыхъ онъ высмѣиваетъ «высшій свѣтъ», въ значительной своей части состоящій изъ «новыхъ людей», выдвинувшихся только въ XVIII-омъ вѣкѣ.

Евгеній—сла-
вянофилъ.

Но, кромѣ такихъ «сословныхъ» причинъ вражды Евгенія къ Петру, Пушкинъ представилъ его и еще націоналистомъ-славянофиломъ, который въ великомъ преобразователѣ усмотрѣлъ «насилъника» надъ русской національностью. Собственно, въ дошедшемъ до насъ неоконченномъ текстѣ поэмы нѣтъ указанія на это «славянофильство» Евгенія, но кн. Вяземскій, въ чтеніи самого Пушкина, слышалъ монологъ Евгенія (въ 30 стиховъ), въ которомъ осуждался Петръ за его крайнее западничество и энергически звучала ненависть къ европейской цивилизаціи.

Во всякомъ случаѣ, въ художественномъ отношеніи, поэма проиграла бы, если бы Пушкинъ подчеркнулъ сословную вражду Евгенія къ Петру и включилъ бы еще его славянофильство: ослабился бы трагизмъ судьбы Евгенія и померкла бы основная идея поэмы.

Петръ
въ поэмі.

Петръ Великій, какъ въ «Полтавѣ», представленъ «полубогомъ»: его самого въ поэмі нѣтъ, но онъ присутствуетъ, какъ воспоминаніе, какъ ясный историческій образъ, связанный съ Невой и Петербургомъ.

«На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ онъ, думъ великихъ полнъ,
И вдаль глядѣлъ...

Черезъ сто лѣтъ онъ присутствуетъ здѣсь-же въ видѣ мѣднаго исполина:

«Ужасенъ онъ въ окрестной мглѣ!
Какая дума на челѣ!
Какая сила въ немъ сокрыта!
А въ семь конѣ какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И гдѣ опустишь ты копыта?...

О, мощный властелинъ судьбы!
Не такъ ли ты надъ самой бездной,
На высотѣ, уздой желѣзной
Россію вздернулъ на дыбы.

И затѣмъ, этотъ же бронзовый гигантъ, въ видѣ ужаснаго призрака, чтобы покарать дерзкаго пигмея-Евгенія за его эгоизмъ и мелкую злобу, несется за нимъ ночью по улицамъ столицы.

«И озаренъ луною блѣдной,
Простерши руку въ вышинѣ,
За нимъ несется Всадникъ Мѣдный
На звонко-скачущемъ конѣ...»

Поэма богата прекрасными картинами—къ такимъ надо отнести, на- Происхожденіе
примѣръ, картину Невы до основанія Петербурга и Неву при Пушкинѣ, поэмъ.
описаніе наводненія... Написана поэма подъ впечатлѣніемъ тѣхъ разска-
зовъ, которые услышалъ Пушкинъ отъ очевидцевъ наводненія, и вычиталъ
въ тогдашнихъ журналахъ и газетахъ. Картина Невы до основанія Петер-
бурга заимствована изъ сочиненія Батюшкова; «Прогулка въ академію
художествъ». Образъ оживленной статуи Петра, говорить, взята Пуш-
кинымъ изъ ходячаго тогда разсказа о снѣ кн. Голицына: въ 1812-омъ
году ему привидѣлось, будто статуя Петра скакала по улицамъ Петербурга
и нѣбла бесѣду съ императоромъ Александромъ.

Всѣ эти три разобранныя поэмы неизмѣримо богаче, въ идей- Сравненіе
номъ отношеніи раннихъ юношескихъ поэмъ, — тамъ интересъ автора этихъ поэмъ съ
сосредоточенъ на характеръ героевъ, на описаніяхъ своеобразной прежними.
природы юга, — здѣсь все вниманіе устремлено на выясненіи глу-
бокихъ историческихъ идей: поэтъ интересуется великая культур-
ная цивилизующая роль христіанства („Галубъ“), его захватываетъ
вопросъ о моральныхъ обязанностяхъ личности въ исторіи („Пол-
тава“), объ ирраціональномъ элементѣ въ исторіи, выражающемся
въ бесполезности случайныхъ жертвъ. („Мѣдный Всадникъ“).

Историческія повѣсти Пушкина: „Арапъ Петра Великаго“ и Историческія
„Калитанская дочка“ — обѣ вышли изъ историческихъ интересовъ повѣсти.
Пушкина къ Петру и Пугачеву. Какъ извѣстно, онъ занимался
въ архивахъ сначала исторіей Петра, потомъ перешелъ къ Пу-
гачеву. Результатомъ его увлеченія исторической работой была
„Исторія Пугачевского бунта“, двѣ названныя повѣсти и, отчасти,
такія произведенія, какъ „Полтава“, „Мѣдный Всадникъ“, „Ширь
Петра Великаго“.

Историческія повѣсти Пушкина отразили на себѣ вліяніе, по- Вліяніе Валь-
пулярныхъ тогда у насъ, романовъ Вальтеръ Скотта. Но это вліяніе теръ-Скотта.
сводилось только къ тому, что, слѣдуя за англійскимъ писате-

лемъ, Пушкинъ испробовалъ свои силы надъ новымъ для него литературнымъ жанромъ— „историческимъ романомъ“. Въ манерѣ письма онъ остался самостоятельнымъ и въ своихъ двухъ опытахъ явилъ образцы *реалистическаго* историческаго романа, что было диковинкой и для Запада, гдѣ этотъ жанръ оставался еще *романтическимъ* (погоня за яркими картинами, за интересными героями, приподнятость стиля) — у насъ такимъ романистомъ-романтикомъ былъ старшій современникъ Пушкина — Бестужевъ-Марлинскій.

Н. А. Котляревскій объ историческихъ повѣстяхъ Пушкина.

Н. А. Котляревскій говоритъ о повѣстяхъ Пушкина слѣдующее: «Оба памятника стоятъ совершенно одиноко въ нашей литературѣ тѣхъ годовъ. Мы не найдемъ имъ предшественниковъ ни у насъ въ Россіи, ни даже на Западѣ. Все, что до Пушкина писано въ этомъ родѣ на русскомъ языкѣ, ничтожно и не возвышается надъ уровнемъ литературной посредственности: все, что писано на Западѣ—при всѣхъ красотахъ выполнения—не достигаетъ той художественной простоты, той ясности въ замыслѣ и той жизненной правдивости въ рѣчахъ и поступкахъ дѣйствующихъ лицъ, которая такъ поражаетъ насъ въ историческихъ романахъ Пушкина... Не сравнимъ мы съ ними ни сентиментальныхъ нѣмецкихъ романовъ Лафонтена, или Мейснера, въ которыхъ много чувствительности и мало правды, ни французскихъ романовъ типа Гюго, Виньи, или Дюма—гениально-колоритныхъ и патетическихъ, но всегда сбивающихся на сказку, ни, наконецъ, романовъ англійскихъ—даже такихъ, какъ романы Вальтеръ Скотта, или Бульвера, въ которыхъ воображенія неизмѣримо больше, чѣмъ въ пушкинскихъ разсказахъ, но въ которыхъ, опять-таки, нѣтъ психологической правды въ душевныхъ движеніяхъ, настолько сильной, чтобъ обратить историческую личность въ нашего собесѣдника и насъ—въ его современниковъ. А именно всѣми этими качествами и блещутъ историческія повѣсти Пушкина... Прошедшее становится для насъ дѣйствительностью, и, почти безъ усилія фантазій, мы начинаемъ себя чувствовать людьми иного вѣка, потому что видимъ предъ собой живыхъ людей и живую обстановку, въ которыхъ соблюдены всѣ условія реальной дѣйствительности. Пушкинъ обладалъ этимъ даромъ заставлять читателя жить прошлою жизнью, и только одинъ изъ всѣхъ нашихъ писателей имѣлъ эту власть надъ временемъ, пока «Война и Миръ» не указали намъ въ лицѣ графа Л. Толстого его законнаго наслѣдника».

Историческая повѣсть на западѣ.

Историческая повѣсть въ Россіи до Пушкина.

Итакъ, русская историческая повѣсть до Пушкина была сентиментальная, или романтическая. Къ этимъ двумъ основнымъ настроеніямъ въ началѣ XIX в. стали прибѣживать элементъ *мнимо-народный*. Онъ проявляется во всѣхъ этихъ произведеніяхъ, всегда въ одинаковыхъ видахъ: «прославленіе православія и самодержавія, перечень разныхъ добродѣтелей, свойственныхъ русскимъ, исчисленіе и, виждь съ тѣмъ, извиненіе кое-какихъ пороковъ, археологическая реставрація обстановки, костюма и, по мѣрѣ силъ, самой рѣчи, иногда экскурсіи въ область міеологии и народныхъ преданій—вотъ, самые распространенные мотивы и приемы, при помощи которыхъ авторъ стремился придать своему разсказу исторической и народный характеръ».

Романы Загоскина, Лажечникова, Марлинского, Мосальского, Вельтмана, Зотова, Кувольника.—вотъ, представители такого вида творчества. Одиноко среди нихъ стоять повѣсти Пушкина, какъ «Борисъ Годуновъ»—среди тогдашнихъ русскихъ трагедій, крикливыхъ, въ патриотическомъ духѣ...

Въ повѣсти „Арапъ Петра Великаго“ Пушкинъ обрисовалъ просто и правдиво русское общество петровскаго времени.

„Арапъ Петра Великаго“.
Русское общество въ повѣсти.

На фонѣ широко-нарисованной картины тогдашнихъ нравовъ и обычаевъ высшаго свѣта, онъ нарисовалъ типы людей стариннаго склада, враждебно настроенныхъ къ нововведеніямъ Петра (бояринъ Ржевскій)—и типы людей, въ той или другой мѣрѣ, усвоившихъ новые взгляды (Ибрагимъ, Корсаковъ). Не безъ юмора, но безъ всякой карикатурности, нарисовалъ Пушкинъ въ своей повѣсти рядъ характерныхъ сценокъ изъ тогдашней жизни (семейный бытъ русской знати, придворная ассамблея и т. д.). Центральное мѣсто въ повѣсти занимаетъ Петръ Великій, представленный въ обстановкѣ частной, интимной жизни. Пушкинъ представилъ его благожелательнымъ по отношенію къ своему крестнику арапу-Ибрагиму, изобразилъ благодушнымъ хозяиномъ на придворномъ балу, сердечнымъ, простымъ и грубоватымъ въ обращеніи. Такимъ образомъ, идеализаціи въ обрисовкѣ его Пушкинъ себѣ не позволилъ,—нарисовалъ его просто и правдиво. Гораздо блѣднѣе вышелъ у Пушкина арапъ-Ибрагимъ, который, судя по заглавію повѣсти, долженъ былъ занимать здѣсь первое мѣсто. Онъ представленъ сначала въ кругу парижской аристократіи, любовникомъ свѣтской дамы; затѣмъ онъ возвращается въ Россію и, по желанію Петра, дѣлается женихомъ Ржевской. Повѣсть осталась неоконченной, и потому характеръ главнаго героя остался непроясненнымъ: намѣчены лишь вскользь простота и благородство его души, способность къ сильной страсти, но, въ то же время, ничѣмъ не доказана сила его воли, —слишкомъ легко подчиняется онъ Петру. Повидимому, въ Ибрагимѣ Пушкинъ хотѣлъ представить человѣка, преданнаго Петру «безъ лести», рядового сотрудника и исполнителя его воли, крестникъ, «не мудствуя лукаво», повинувшійся долгу и личной привязанности, идеть вслѣдъ за нимъ. За эту простоту, трудолюбіе и исполнительность Петръ, повидимому, и любилъ своего арапа.

Петръ Великій.

Арапъ-Ибрагимъ.

Если разобранная повѣсть вышла изъ интересовъ Пушкина къ Петру и къ его эпохѣ, то „Капитанская Дочка“ есть результатъ его увлеченія „пугачевщиной“. Созданію повѣсти предшествовали архивныя занятія поэта, выпускъ въ свѣтъ капитальнаго историческаго изслѣдованія „Исторія пугачевского бунта“ и поѣздка въ Оренбургскій край—въ тѣ мѣста, гдѣ развернулась одна изъ самыхъ кровавыхъ страницъ русской исторіи.

„Капитанская Дочка“.

Исходя изъ центрального пункта своей работы — «пугачевщины», Пушкинъ въ своей повѣсти до такой степени расширилъ предѣлы своей картины, что бунтъ Пугачева явился только эпизодомъ на фонѣ свободно и широко-нарисованной русской жизни XVIII-го вѣка—той провинціальной, русской жизни и люди въ повѣсти.

которая мирно текла въ тогдашнихъ «дворянскихъ гнѣздахъ», и на окраинахъ русской земли, въ заолустныхъ «фортеціяхъ» Оренбургскаго края. Множодомъ рисуется поэтъ уголокъ придворной жизни и военной среды. Онъ выводитъ много лицъ, самыхъ разнообразныхъ, но всегда характерныхъ и исторически-вѣрныхъ: передъ нами, кромѣ главныхъ героевъ, выведены и русскіе помѣщики-дворяне, и гарнизонные офицеры, и бунтующіе крестьяне, и мятежные казаки, и Пугачевъ, и императрица Екатерина, и незабвенный Савельичъ, мелькаютъ и мастерски-очерченные типы француза Бодре, оренбургскаго коменданта Рейндорна, армейскаго кавалериста Зурина и многихъ другихъ. Вся эта масса лицъ и событій, крупныхъ и мелкихъ, трагическихъ и комическихъ, включена въ рамки «семейной хроники». Петръ Андреевичъ Гриневъ, герой романа, словно въ назиданіе своимъ дѣтямъ, просто и безхитростно повѣствуетъ имъ исторію своей жизни, воспитанія, службы, женитьбы... Тонъ этого повѣствованія выдержанъ Пушкиннымъ отъ начала до конца,—онъ умѣло скрываетъ себя за своимъ героемъ, и, благодаря этому, въ результатѣ, создаетъ произведеніе, объективное въ высшей степени.

Первая глава—
«дворянское
гнѣздо» XVIII в.

Въ первой главѣ романа представлена жизнь въ «дворянскомъ гнѣздѣ» конца XVIII-го вѣка, характеризуется та обстановка, та среда, которая тогда воспитывала радovýchъ служилыхъ дворянъ, на своихъ плечахъ вынесшихъ всю русскую исторію XVIII-го столѣтія. Вся эта глава рассказана съ легкою примѣсью юмора,—Гриневъ вспоминаетъ свое дѣтство, нѣсколько подсмѣиваясь надъ собою и надъ своимъ воспитаніемъ, но, въ то же время, эта первая глава проникнута сочувствіемъ и любовью къ изображаемому въ ней быту.

Вторая глава—
Оренбургскій
край.

Вторая глава изображаетъ первыя впечатлѣнія того края, съ которыми судьба связала молодого Гринева. Картина бурана въ степи, встрѣча съ таинственнымъ вожатымъ и пророческій сонъ Гринева являются предлюдей къ тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя здѣсь его ожидали. «Сонъ Гринева имѣлъ значеніе эпизода, прекрасно дополняющаго картину бурана и сцену перваго появленія Пугачева, который сдвигался въ представленіи молодого Гринева, виѣсть съ вьюгой и ея мглой, въ одно своеобразное и стихійно-грозное цѣлое» (Черняевъ). Сцена въ корчмѣ, споръ Савельича изъ-за тулупа и денегъ, встрѣча героя съ недалекимъ оренбургскимъ губернаторомъ Рейндорномъ—сцены, проникнутыя истиннымъ комизмомъ.

Третья глава—
Вѣлгорская
крѣпость.

Обликъ Пугачева, хотя и мелькомъ начерченный въ этой главѣ, врѣзывается въ память читателя.

Третья глава знакомитъ насъ съ жизнью Вѣлгорской крѣпости, съ семьей коменданта крѣпости—съ его женой и дочерью. Жизнь здѣсь отличается комичною патриархальностью. Всѣми несложными дѣлами крѣпости правитъ жена коменданта,—она налагаетъ дисциплинарныя наказанія. Самъ капитанъ Мироновъ, предоставивъ административныя и хозяйственныя хлопоты энергичной супругѣ, занимается специально-военнымъ дѣломъ—обученіемъ строю старыхъ инвалидовъ, составляющихъ весь гарнизонъ «фортеціи».

Четвертая—шестая
главы—
любовь Гринева.

Четвертая и шестая главы представляютъ собою узелъ романа: молодой Гриневъ сближается съ Машей Мироновой; ихъ взаимная любовь вызываетъ ревность и зависть Швабрина. Между ними, и Гриневымъ, на

этой почвѣ, разыгрывается ссора, кончающаяся дуэлью. Поправившись от ранъ, молодой Гринева сватается къ Машѣ, получаетъ согласіе, но отецъ его, согласія на его бракъ не даетъ. Въ этой главѣ вполнѣ опредѣляются всѣ главные герои повѣсти, раскрывается горячій и благородный нравъ Гринева, обрисовывается простая, возвышенная и любящая натура Маріи Ивановны; тѣмъ отратительнѣе, представляется эгоизмъ Швабрина. Здѣсь же, въ этой главѣ, дорисовываются другія второстепенныя лица романа: жена Миронова, Савельичъ, Иванъ Игнатьевичъ.

Шестая—тринадцатая главы—Пугачевщина.

Слѣдующія, съ шестой по тринадцатую, главы посвящены «пугачевщинѣ», и во всѣхъ этихъ главахъ фигурируетъ Пугачевъ: онъ представленъ въ роли «императора», обрекающаго на казнь «государевыхъ ослушниковъ», и въ пьяномъ обществѣ «енараловъ»-сообщниковъ, и въ качествѣ защитника несчастной Маши, и въ роли великодушнаго, признательнаго покровителя Гринева... Въ этихъ главахъ развертывается все содержаніе повѣсти; здѣсь сосредоточены всѣ главныя событія жизни Гринева и Маши Мироновой.

Послѣдняя четырнадцатая глава содержитъ въ себѣ развязку романа: судъ надъ Гриневымъ, жизнь Маши въ ивѣнн Гриневыхъ, побѣдка ея въ Петербургъ; перенесеніе дѣйствіе изъ захолустной деревенской жизни въ обстановку дворцоваго величія съ императрицей Екатериной въ центрѣ, является величественнымъ аккордомъ, заключающимъ исторію героическихъ страданій героев романа.

Четырнадцатая глава—развязка романа,

Скромные, малозамѣтные герои повѣсти получаютъ отъ судьбы все заслуженное ими счастье, и высокими духомъ примиренія съ жизнью вѣдутъ отъ нихъ простой, правдивой исторіи.

Старикъ Гринева обрисованъ удивительно мастерски: «Это—яркій представитель лучшей части нашего помѣстнаго дворянства, организованнаго и воспитаннаго Петромъ Великимъ въ суровой школѣ военныхъ походовъ и иныхъ «несносныхъ трудовъ» и жертвъ, которыми строилась и крѣпла имперія». (Черняевъ). Онъ—слуга отечеству и государю,—эту службу онъ понимаетъ, какъ свой дворянскій долгъ, и въ такомъ духѣ воспитываетъ онъ сына. Человѣкъ самостоятельный, даже упрямый, честный и негибкій въ жизни, онъ не ужился на военной службѣ, вышелъ рано въ отставку и повелъ замкнутую жизнь въ своей деревушкѣ. Дѣйствіе романа застаётъ его уже пожилымъ человѣкомъ, лѣтъ за шестьдесятъ, но сохранившимъ всю бодрость духа, всю ясность ума. Человѣкъ, нѣсколько суровый, даже деспотическій, онъ, въ то же время, былъ справедливымъ и сдержаннымъ. Къ женѣ, сыну и къ крѣпостнымъ относится онъ съ той патріархальной и «разумной» строгостью, которую рекомендовалъ русскимъ людямъ «Домострой»,—но его и любили, и уважали. Пушкинъ подчеркиваетъ наличность въ его душѣ значительной доли «аристократизма»: къ крестьянамъ относится онъ, какъ «баринъ»,—родословною своей гордится. Эта гордость дворянина, традиціей котораго, изъ вѣка въ вѣкъ, была «служба» родной землѣ, воспитала въ немъ сознаніе долга передъ родиной и государемъ. Отправляя сына на службу, даетъ онъ ему характерный совѣтъ: «служи вѣрно, кому присягаешь; на службу не напрашивайся, отъ службы не отказывайся; не гоняйся за лаской начальника; береги платье съ нова,

Старикъ Гринева.

а честь съ молодуд!»¹⁾ Вотъ почему слухъ объ измѣнѣ сына поражаетъ его больнѣе, чѣмъ поразила бы вѣсть объ его смерти. «Честь—главный двигатель всѣхъ чувствъ и поступковъ Гринева. Руководствуясь всегда и во всемъ честью, онъ умѣлъ цѣнить ее и въ другихъ. Исповѣдую культъ чести, какъ вѣрности служебному и сословному долгу, старый Гриневъ невольно и безсознательно привилъ этотъ культъ своему сыну и тѣмъ самымъ спасъ его отъ паденія и ошибокъ въ Бѣлогорской крѣпости и при столкновеніи съ Пугачевымъ. Старикъ, несмотря на свою суровость, отличался и своеобразной добротой. Это видно изъ отношеній его къ Машѣ, которую онъ, несмотря на предубѣжденіе, пріютилъ у себя.

Молодой Гриневъ.

Молодой Гриневъ—«плоть отъ плоти и кость отъ кости своего отца». (Черняевъ). Онъ представляетъ собой типъ, во многихъ отношеніяхъ напоминающій своего отца: только суровость старика смѣняется у него мягкостью сердца, даже чувствительностью... На нашихъ глазахъ, въ два года вырастаетъ онъ изъ ребенка, пускающаго змѣя и поѣдающаго пѣвки съ варенья—въ самостоятельнаго человѣка, съ достоинствомъ выходящаго изъ затрудненій очень опасныхъ. «Гриневъ былъ однимъ изъ благороднѣйшихъ представителей дворянства второй половины XVIII вѣка. Какъ и всѣ люди его поколѣнія, онъ началъ жить очень рано и достигъ умственной и нравственной зрѣлости въ такіе годы, когда люди нашего времени смотрятъ на себя, какъ на школьниковъ» (Черняевъ).

Ключевскій о герояхъ повѣсти.

Любопытна характеристика Гринева, сдѣланная проф. Ключевскимъ: «Среди образовъ XVIII в. не могъ Пушкинъ не отмѣтить «недоросля», и отмѣтилъ его безпристрастнѣе и правдивѣе Фонвизина. У послѣдняго Митрофанъ сбивается на карикатуру, обращается въ комическій анекдотъ. Въ исторической дѣйствительности недоросль—не карикатура и не анекдотъ, а самое простое и всѣдневное явленіе, къ тому же нелишенное довольно почтенныхъ качествъ. Это—самый обыкновенный, нормальный русский дворянинъ средней руки. Высшее дворянство находило себѣ пріютъ въ гвардіи, у которой была своя политическая исторія въ XVIII в., впрочемъ, болѣе шумная, чѣмъ плодотворная. Скромнѣе была судьба нашихъ Митрофановъ. Они всегда учились понемногу,—сквозь слезы при Петрѣ I,—со скукой при Екатеринѣ II, не дѣлали правительствъ, но рѣшительно сдѣлали нашу военную исторію XVIII в. Это—армейскіе офицеры, которые пропутали славный путь отъ Кунерсдорфа до Рымника и до Нови. Они, съ русскими солдатами, вынесли на своихъ плечахъ дорогіе лавры Миниховъ, Румянцевыхъ и Суворовыхъ. Пушкинъ отмѣтилъ два вида недоросля, или, точнѣе, два момента его исторіи: одинъ является въ Петрѣ Андреевичѣ Гриневѣ, невольномъ пріятелѣ Пугачева, другой—въ наивномъ беллетристѣ и лѣтописцѣ села Горохина—Иванѣ Петровичѣ Бѣлкинѣ».

Отъ отца унаслѣдовалъ Гриневъ взглядъ на смыслъ своей жизни, на свои обязанности,—отъ матери—мягкость ея сердца. Жизнь помогла развиться этимъ добрымъ задаткамъ, полученнымъ еще изъ вліяній родной семьи. Благодаря стараньямъ отца, онъ пріобрѣлъ дома кое-какія свѣдѣнія, и скудный запасъ ихъ онъ пополнялъ охотно,—это была одна изъ причинъ

¹⁾ Старикъ Гриневъ напоминаетъ нѣсколько кн. Волконскаго (старика), одного изъ героевъ „Войны и Мира“.

его скорого сближенія съ Швабринымъ, который покорилъ его своею образованностью и начитанностью.

Рано обнаруживаетъ онъ умѣнїе жить своимъ умомъ; онъ дѣлалъ промахи, но не совершилъ ничего постыднаго. Обыгранный не совѣтъ чисто Зуринымъ, онъ съ негодованіемъ отвергаетъ предложеніе Савельича «не платить проигрыша»,—и это негодованіе обнаруживаетъ въ юношѣ, только что вырвавшемся изъ-подъ родительской опеки, тонкость чувства чести. Онъ доврчивъ и наивенъ, но мужества у него—не занимать—стать,—исторія со Швабринымъ это доказала. Чистота его юношескаго сердца, его отзывчивость на все хорошее, простота и благородство души, завоевали ему любовь Маши Мироновой, золотое сердце которой было скрыто ея скромностью, смиреніемъ, ея провинціальною застѣнчивостью, даже дикостью. Его юное благородство, храбрость и искренность покоряютъ ему даже жесткое сердце Пугачева,—Гринева становится въ человѣческія отношенія къ нему, и, только благодаря этому, пританцовшія въ душѣ Пугачева добрые инстинкты открываются.

Поэтъ сумѣлъ своего «простого» героя и нарисовать «просто» — онъ не идеализировалъ его, не придавалъ ему красивыхъ позъ и не вложилъ ему въ уста патетическихъ рѣчей. Гринева ничто «романтическаго» въ себѣ не имѣетъ,—это образъ, написанный кистью художника-реалиста. Эпиграфомъ ко всей повѣсти Пушкинъ выбралъ изреченіе: «береги честь смолоду», желая этимъ подчеркнуть ту основную черту въ характерѣ Гринева, которую онъ вынесъ изъ воспитанія, полученнаго дома.

Во главѣ, посвященной характеристикѣ Мироновыхъ, Пушкинъ эпиграфомъ беретъ фразу изъ «Недоросля»: «старинные люди, мой батюшка»,—опредѣляя этимъ, что Мироновы живутъ въ кругу старозавѣтныхъ традицій, что даже Гринева стоятъ гораздо ближе ихъ къ новшествамъ культурной жизни. Гринева—представители захудалаго, но родовитаго дворянства, Мироновы—бѣдные, служилые люди, попавшіе въ дворяне, благодаря петровской табели о рангахъ.

Старики Мироньки.

Старикъ Мироновъ сорокъ лѣтъ тянетъ солдатскую ламку; онъ участвовалъ во многихъ походахъ—и противъ пруссаковъ (семилѣтняя война), и противъ турокъ. Онъ плохо знаетъ военные артикулы и, несмотря на всю любовь свою къ военному дѣлу, не можетъ своихъ инвалидовъ научить различать правую ногу отъ лѣвой; онъ не знаетъ и законовъ военныхъ,—всѣмъ въ «крѣпости» распоряжается его властолюбивая супруга, которая даже въ засѣданіи «военнаго совѣта» принимаетъ горячее участіе. Но изъ своей многотрудной жизни онъ вынесъ спокойное мужество, вѣрность солдатскому долгу и равнодушіе къ смерти. Въ послѣднія минуты своей жизни онъ явилъ примѣръ истиннаго героизма и выказалъ всю красоту своей безхитростной и кроткой, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, в мужественной, благородной души». (Чернышевъ). Рѣшившись на борьбу съ Пугачевымъ, онъ звалъ, что идетъ на смерть,—и участь семьи не останавливаетъ его: онъ просто прощается съ подругой жизни, просто благословляетъ дочь. «Въ его послѣднихъ словахъ къ дочери сказывается вся сила его вѣры и вся искренность его безхитростной, простой, чисторусской морали: «Ну, Маша, молись Богу, будь счастлива. Онъ тебя не оставитъ. Коли найдется добрый человекъ—дай вамъ Богъ, любовь да совѣтъ. Живите такъ, какъ жили мы съ Ва-

Мироновъ.

сились Егоровной». Къ солдатамъ своимъ онъ обращается съ рѣчью простой, чуждой аффектаціи: «что же вы, дѣтшки, стоите? умирать, такъ умирать—дѣло служивое!». Въ немъ много комизма, но въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ обнаруживается его величавое, чуждое всякой театральности чисто-русское мужество, онъ вселяетъ къ себѣ глубокое уваженіе, и вы преклоняетесь передъ нимъ, какъ передъ истиннымъ героемъ, ни мало не уступающимъ тѣмъ героямъ древней Греціи и древняго Рима, которымъ мы привыкли удивляться со школьной скамьи». (Тамъ же). Иванъ Кузьмичъ—изъ разряда тѣхъ смиренныхъ, незамѣтныхъ героевъ, которыми такъ интересовался Л. Толстой въ своихъ «Севастопольскихъ разсказахъ» и въ «Войнѣ и Мирѣ». ¹⁾

Иванъ Игнатьевичъ.

Рядомъ съ Мироновымъ стоитъ близкій ему по духу Иванъ Игнатьевичъ. Въ этомъ кривомъ поручикѣ-старикѣ еще больше комизма, чѣмъ въ его начальникѣ,—онъ еще простодушнѣе, еще безхитростнѣе капитана Миронова, но у него такое-же мужественное сердце и довольно здравого смысла. И Швабринъ, и даже Гриневъ не прочь посмѣяться надъ этимъ смѣшнымъ старикомъ, который безропотно исполняетъ всѣ приказанія капитанши—помогаетъ ей мотать нитки, по ея приказанію, нализываетъ грибы для сушенія. Но у него оказывается свои взгляды на жизнь и смерть... Онъ, напримѣръ, чуждъ предрассудковъ «культурнаго общества» и на дуэль смотритъ съ чисто-народной точки зрѣнія. Когда Гриневъ его пригласилъ быть секундантомъ онъ сказалъ: «помилюте, Петръ Андреечъ. Что это вы затѣяли! Вы съ Алексѣемъ Иванычемъ побрались! Велика бѣда! Брань на вороту не виснетъ! Онъ васъ побранилъ, а вы его выругайте; онъ васъ—въ рыло, а вы его въ ухо, въ другое, въ третье—и разойдитесь; а мы ужъ васъ помиримъ. А то, доброе-ли дѣло заколотъ своего ближняго, смѣю спросить? И добро бы ужъ закололи вы его: Богъ съ нимъ, съ Алексѣемъ Иванычемъ, я и самъ до него не охотникъ. Ну, а если онъ васъ просверлитъ? На что это будетъ похоже? Кто будетъ въ дуракахъ, смѣю спросить?» Онъ оуждаетъ дуэль и съ точки зрѣнія христіанской, и съ точки зрѣнія здраваго смысла. Для него это только грѣхъ и нелѣдность,—«рыцарства» въ поединкѣ онъ не понимаетъ и даже, вопреки начальнымъ требованіямъ «приличія», не считаетъ нужнымъ скрывать вѣренную ему тайну. Умираетъ онъ такъ же просто, повторая передъ Пугачевымъ слова своего единственнаго авторитета въ жизни—капитана Миронова. Въ эти слова онъ вноситъ только свое добродушіе, сказавъ самозванцу: «ты, *дядюшка*, воръ и самозванецъ!»

Василиса Егоровна.

Характерной парой къ Ивану Кузьмичу была его жена Василиса Егоровна. Эта словоохотливая, прямодушная женщина отличалась властнымъ характеромъ; передъ ней пасовалъ ея, обстрѣлянный въ бояхъ, супругъ,—но, относясь къ нему немного свысока, она умѣла уважать въ немъ честнаго друга и честнаго воина. Она до такой степени сжилась съ нимъ, что жизнь у нихъ была общая. «Мы ужъ сорокъ лѣтъ на службѣ»,—говоритъ она о мужѣ. Всѣ дѣла мужа поэтому считаетъ она въ одинаковой степени своими. Она обладаетъ мужественнымъ характеромъ и на воен-

¹⁾ Тушинъ, Тимохинъ и др.

ножь совѣтъ является рѣшительной сторонницей сопротивленія Пугачеву. Она была настоящимъ другомъ своему мужу и въ могилу не хочетъ отпустить его одного. Поэтому она отказывается спасаться бѣгствомъ изъ крѣпости: «нечего мнѣ подъ старость лѣтъ разставаться съ тобой да искать одинокой могилы на чужой сторонѣ,—виѣсть жить, виѣсть и умерать!»—говоритъ она. «Она была необразована и, по вѣншиности, нѣсколько грубовата, но въ ея душѣ таился неисчерпаемый родникъ любви, соединенный съ отвагой и выносливостью человѣка, закаленного въ опасностяхъ и трудахъ боевой и походной жизни. Василиса Егоровна—такой же свѣтлый и привлекательный типъ стараго вѣка, какъ Иванъ Кузмичъ, Иванъ Игнатьевичъ, Савельичъ и старикъ Гриневъ съ женою» (Чернышевъ).

Марія Ивановна подстать Гриневу,—несразу увидишь черты великой души и великаго сердца въ этой простой и незамѣтной дѣвушкѣ. А постигаютъ ее сразу или люди-сердцевѣдцы, какой представлена въ романѣ императрица Екатерина, или инстинктивно чуютъ величье ея души люди безхитростные: Савельичъ называлъ ее «ангеломъ Божьимъ». Образованія она не получила никакого,—бѣдность не позволила родителямъ ея дать ей ни свѣтскаго доска, ни блестящаго воспитанія: «они окружили ее атмосферой честной бѣдности и несложныхъ, но возвышенныхъ и твердыхъ взглядовъ на жизнь и людей»... Подобно многимъ русскимъ дѣвушкамъ древней Руси, она все воспитаніе получила въ религіи, да въ семьѣ. «Церковь сдѣлала ее христіанкой въ истинномъ смыслѣ этого слова; отчій дождь поддерживалъ и укрѣпилъ въ ней то настроеніе, которое она вынесла оттуда и прочно привилъ къ ней несложные, но добрые навыки и убѣжденія, на которыхъ держалась старинная Русь». Впечатлительная и женственная, она отличается чуткостью сердца и тонкимъ, какимъ-то, смирненнымъ самолюбіемъ. Но, роняя тихія слезы самолюбія во время беззащитнаго разговора матери объ ея бѣдности, падая въ обморокъ отъ шума битвы и при видѣ Пугачева, она могла быть рѣшительна и смѣла въ своихъ поступкахъ: никакія мученія не заставляютъ ее подчиниться волѣ Швабринна: безъ колебанія идетъ она въ трудный путь,—ходатайствовать передъ императрицей за своего ни въ чемъ неповиннаго жениха. Запнута въ себя и скрытная, она жила внутренней жизнью и, мало говоря, не выдѣляясь изъ массы людей, сумѣла выработать въ себя знаніе людей и научилась въ нихъ разбираться (отношеніе ея къ Швабрину). Рисоваться она не умѣла, всякая аффектація ей чужда. Искренняя и простая, она не любитъ выставлять на показъ своихъ чувствъ. Даже просталась она съ могилами родителей одна, чтобы дорогой ей человѣкъ не былъ свидѣтелемъ ея горя. Насколько сильны надъ ней древне-русскія возрвнія на жизнь, видно, хотя-бы, изъ того, что, узнавъ о нежеланіи родителей Гринева прислать ему благословеніе на свадьбу, она готова подчиниться волѣ Божьей и отказывается отъ мечты соединить свою сиротскую долю съ судьбой дорогаго ей человѣка. «Нѣтъ, Петръ Андреичъ, говоритъ она, я не выйду за тебя безъ благословенія твоихъ родителей. Безъ ихъ благословенія не будетъ тебѣ счастья. Покорись волѣ Божьей, Коли найдешь себя суженую, коли полюбишь другую—Богъ съ тобою, Петръ Андреичъ, а я за васъ обоихъ буду Богу молиться!». Великодушная безъ мѣры, дѣвушка готова

молиться за будущую супругу дорогого ей чоловіка; она думаетъ только объ его счастья; «безъ ихъ благословія не будетъ *тебѣ* счастья» — говоритъ она. Подобно своимъ родителямъ, подобно кривому поручику, подобно этимъ «стариннымъ людямъ», она не живетъ модными идеалами, вычитанными изъ книгъ: Она осуждаетъ дуэль, видя въ ней проявленіе злого легкомыслія и эгоизма,—для нея не «правила чести», не приличія свѣтскихъ людей,—а внутренняя, «божеская правда» выше всего на свѣтѣ. «Марья Ивановна прекрасно себѣ усвоила значеніе Евангельскихъ словъ: «будьте кротки, какъ голуби, и мудры, какъ змѣи»; она всецѣло была проникнута величавою народною мудростью, сложившеюся подъ вліяніемъ перкви и ея ученія». Она не кончила своей жизни, какъ Лиза Калитина монастыремъ,—она сдѣлалась счастливой матерью и преданной женой.

Сравненіе этой героини съ Татьяной.

Образъ Маши Мироновой гораздо полнѣе и чище образа Татьяны Лариной. «Кроткое лицо Марьи Ивановны окружено ореоломъ чистоты и поэзіи и, даже можно сказать, святости. Марья Ивановна, съ гораздо большимъ основаніемъ, чѣмъ Татьяна, можетъ быть названа идеаломъ русской женщины, ибо въ ея натурѣ, въ ея стремленіяхъ, и во всемъ складѣ ея ума и характера не было ничего нерусскаго, вычитаннаго изъ иностранныхъ книгъ и, вообще, навѣяннаго иноземными вліяніями. Всѣми своими помыслами и влеченіями Марья Ивановна связана съ русскимъ спасъ образъ героини, этого «ангела во плоти»—отъ фальши. Онъ такъ прикрѣпилъ ее къ землѣ, къ средѣ, къ эпохѣ, что эта идеальная героиня спасена была отъ той «идеализаціи», которая многихъ героевъ стараго, до-пушкинскаго романа, обратила въ какихъ-то манекеновъ, живущихъ по правиламъ прописной морали.

Пугачевъ.

Удивительное мастерство обнаружилъ Пушкинъ и въ обрисовкѣ Пугачева. Въ пору романтизма, когда писатели особенно дорожили риторикой и эффектами, Пушкинъ сумѣлъ въ Пугачевѣ повѣсть и нарисовать не мелодраматическаго героя—а, престо, чоловіка, съ человѣческими слабостями и достоинствами. Пугачевъ, въ его толкованьи, тѣмъ интереснѣе для насъ, что къ обрисовкѣ его души Пушкинъ приготовился долготѣннымъ изученіемъ историческихъ матеріаловъ, записокъ и устныхъ преданій. Такимъ образомъ, въ характеристикѣ самозванца сказался не только поэтъ-художникъ, истиннымъ прозрѣвающимъ человѣческую душу, но и добросовѣстный ученый-историкъ. Благодаря такому соединенію точекъ зрѣнія, образъ Пугачева получился полный: Пушкинъ не умолчалъ о преступныхъ чертахъ его души (напр., о кровожадности), но сумѣлъ въ немъ найти широкія черты отваги, удалства и способность отдаваться благороднымъ порывамъ; въ немъ онъ уловилъ и добродушіе, и плутоватый престо-народный юморъ. «Пушкинскій Пугачевъ представляетъ соединеніе богатскаго размаха съ плутоватостью янцакаго казака, прошедшаго огонь и воду, съ повадками разбойника... Не уменьшая крупныхъ размѣровъ Пугачева, Пушкинъ не дѣлалъ изъ него мелодраматическаго злодѣя, или байроновскаго героя; онъ ни на минуту не забывалъ о тѣхъ историческихъ условіяхъ, которыя породили Пугачева и пугачевщину». Не широкіе политическіе замыслы, а «прыткость, бодрость молодецкая и хвѣлинушка кабацкая»—какъ поется въ пѣснѣ, выдвинули Пугачева. Смѣлый, отваж-

ный, всегда полагающийся на «авось», этот «герой безвременья», умѣющій напугать, когда нужно, ужасъ, можетъ хототать отъ души заразительнымъ, добродушнымъ смѣхомъ. Г. Черняевъ совершенно справедливо указываетъ, что казнь Мироновыхъ была необходимою для Пугачева послѣ того, какъ они всенародно называли его «воронъ» и «самозванцемъ». Помиловать ихъ послѣ этого было бы опасно для Пугачева слабостью—онъ уронилъ бы себя въ глазахъ своей кровожадной свиты безвозвратно. Казнь эта была нужна, кромѣ того, и для того, чтобы терроризовать власти.

Простой человѣческой разговоръ Гринева подкупаетъ его и помогаетъ ему установить откровенныя, почти-пріятельскія отношенія. Онъ даже раскрываетъ свои честолюбивыя замыслы юношѣ-Гриневу: «Какъ знать! говорить онъ. *Авось* и удастся! Гришка Отрепьевъ вѣдь покарствовалъ же надъ Москвою!» Такимъ образомъ, ему хочется только *покарствовать*,—онъ знаетъ, что судьба Гринекъ Отрепьевыхъ непрочна, но путь къ ней интересенъ,—а Пугачевъ, въ изображеніи Пушкина—именно незаурядная личность: онъ поэтъ-мечтатель,—«съ какимъ то дикимъ вдохновеніемъ» рассказываетъ онъ Гриневу сказку о томъ, что воронъ живетъ триста лѣтъ, потому что питается падалюю, а орелъ—недолго, но за то пьетъ живую кровь... И Пугачевъ готовъ жить недолго, да бурно, мятежно,—эту жизнь онъ предпочитаетъ спокойной, трудовой... Пушкинъ сумѣлъ подслушать поэтическія настроенія не только въ душѣ Пугачева, но и у его дикихъ сообщниковъ: они—такіе же «орлы»-авантюристы, знаютъ, что часъ расплати не за горами. На Гринева производятъ сильное впечатлѣніе разбойничья пѣсня: «не шуми, мати, зеленая дубравушка», которую пѣли товарищи Пугачева: «Невозможно рассказать, говорить онъ устами Гринева, какое дѣйствіе произвела на меня эта простонародная пѣсня про висѣлицу, распѣваемая людьми, обреченными висѣлицѣ. Ихъ грозныя лица, стройные голоса, унылое выраженіе, которое придавали они словамъ, в безъ того выразительнымъ,—все потрясло меня какимъ-то пингическимъ ужасомъ! Поэтъ сумѣлъ въ этой сценѣ раскрыть всю психологію разбойничества, проникнуть въ духъ той поэзіи, которая создана была этимъ широкимъ размахомъ личности, вырвавшейся на свободу! 1).

Удался Пушкину и другой типъ «разбойника»—Хлопуши, сообщника Пугачева. Это—образецъ «древнерусскаго разбойника-богатыря, имѣвшаго, своего рода, рыцарскіе взгляды на свою профессію». Съ презрѣніемъ онъ относится къ медкому преступнику Вѣлбородову: «Конечно, говорить онъ, и я грѣшнъ, и эта рука повинна въ пролитой христіанской крови. Но я губилъ супротивника, а не гостя; на вольномъ перепуты, да въ темномъ лѣсу,—не дома, сидя за печкою; кистенемъ и обухомъ, а не бабьимъ наговоромъ». «Въ этомъ отвѣтѣ открывается весь Хлопуша, съ его суровою и дикою храбростію, съ его отвращеніемъ къ коварству, наущничеству и къ изворотамъ, и съ его своеобразными понятіями о разбойничьемъ благодѣствѣ».

Если въ обоихъ разбойникахъ сумѣлъ Пушкинъ найти что-то подку-

Хлопуша.

Швабрицъ.

1) См. мою Исторію русской словесности вып. I, ч. I. Пушкинъ очень интересовался разбойничествомъ,—онъ началъ съ собранія пѣсень о Степкѣ Разинѣ, а затѣмъ перешелъ къ Пугачеву. Валлада его „Женихъ“ тоже относится къ этой группѣ.

пающее, то въ лицѣ Швабринна не нашелъ онъ ни одной привлекательной черты. Злой, хитрый, даже коварный интриганъ, для котораго нѣтъ ничего святого въ жизни, онъ не отличается и храбростью и, оттого не видя смысла въ жизни, онъ трусливо цѣпляется за эту жизнь. Его умъ, и образованіе не спасаютъ въ немъ «человѣка» — и образъ его въ повѣсти заклейменъ позоромъ. Онъ презираетъ вѣру дѣдовъ и отцовъ; ему чужды понятія о чести и долгѣ, — понятія, которыми жили Гриневы, — но этого хорошаго-старога онъ не замѣняетъ хорошимъ-новымъ. Это какаѣ-то «пустота» — отрицательная величина, первый русскій «нигилистъ», выросшій на русской почвѣ благодаря плохо-понятому французскому скептицизму.

Писатель не рассказалъ намъ его прошлаго, — въ дѣйствіе вводитъ онъ Швабринна, словно для контраста съ Гриневымъ, — въ его сердцѣ, какъ разъ, нѣтъ ничего свѣтлаго, — нѣтъ понятія обязанностей по отношенію къ отечеству и ближнимъ; у него нѣтъ чести, не только дворянской, но и человѣческой. Онъ трусливъ, мелоченъ, жстятеленъ и даже, единственно-смягчающее этотъ образъ, чувство — любовь къ Машѣ рисуетъ его сердце съ самой отрицательной стороны.

Императрица
Екатерина.

Небольшую роль играетъ въ повѣсти императрица Екатерина, — но въ этомъ эскизѣ гениально намѣчены ея характерныя черты. Во время перваго свиданья съ Машей «незнакомая дама» поражаетъ насъ какимъ-то «царственнымъ» благодушіемъ; затѣмъ оно сдѣлается вниманіемъ, въ которомъ сквозитъ сердечность. Это милостивое отношеніе къ Машѣ сдѣлается вспышкой сдержаннаго гнѣва и, наконецъ, въ послѣднемъ свиданьи Екатерина предстаетъ передъ Машей въ ореолѣ холоднаго блеска, — монархиней, награждающей добродѣтель. Каждый изъ этихъ душевныхъ моментовъ удивительно вѣрно передаетъ историческія черты императрицы — и это умѣніе говорить просто, хотя и безъ той сердечной теплоты, которая носитъ характеръ фамиллярности, и эта способность отдаться гнѣву, но не безобразному, незнающему предѣловъ, — и это умѣніе очаровать величіемъ своей царственной улыбки, награждающей и прощающей, — все это, дѣйствительно, нѣсколько художественныхъ портретовъ Екатерины.

Савельичъ.

Въ лицѣ Савельича Пушкинъ изобразилъ типъ крѣпостнаго слуги, который легко носитъ ярмо своего рабства, такъ какъ онъ прожилъ всю свою жизнь въ патриархальной семьѣ Гриневыхъ, гдѣ, очевидно, омерзительныя стороны крѣпостничества не проявляли себя рѣзко, гдѣ возможны были добрыя, задушевные отношенія между господами и крестьянами. Мы видѣли уже, что старикъ Гриневъ управлялъ домою, семьей и имѣніемъ почти по рецепту Домостроя; онъ былъ «домовладыкой», но не былъ «палачемъ» — въ его глазахъ рабы были «домочадцами» (чадо, дѣтя), т. е. почти родными... Къ нимъ онъ относился строго, но справедливо. Только такія патриархальныя отношенія скрашивали въ нѣкоторыхъ «дворянскихъ гнѣздахъ» жизнь крѣпостныхъ, и русская литература оставила намъ немало указаній на существованіе, даже въ крѣпостное право, такихъ своеобразныхъ, хотя и грубоватыхъ, но всетаки человѣческихъ отношеній. Особенно посчастливилось въ нашей литературѣ типу старога слуги, душой и тѣломъ преданнаго своему барину. Отрицательно относясь къ крѣпостному праву, Пушкинъ не могъ вычерки-

вать изъ жизни такихъ явленій, какъ его нянюшка Арина Родіоновна;—онъ облюбовалъ этотъ типъ и изобразилъ его въ нянѣ Татьяны, въ Савельичѣ...

«Внутренній міръ Савельича простъ и несложенъ, но онъ озаренъ свѣтомъ безпристрастной и чистой души. Бѣдная деревенская церковь, родное село, да барская усадьба—вотъ, что воспитало Савельича, вотъ, чѣмъ онъ жилъ весь «свой» вѣкъ. Не мудрствуя лукаво, не разсуждая о томъ, имѣють-ли помѣщики нравственное право владѣть крѣпостными, онъ по-христіански несъ выпавшій на его долю жребій. Онъ родился и умеръ рабомъ, но не былъ рабомъ лѣнивымъ и лукавымъ; онъ служилъ своимъ господамъ «не за страхъ, а за совѣсть», и не тяготился своимъ подневольнымъ положеніемъ. Въ немъ нѣтъ и тѣни холопства,—онъ независимо держится и по отношенію къ своему воспитаннику, и даже къ старому барину (письмо его изъ крѣпости). Очевидно, онъ не чувствуетъ гнета крѣпостничества, и считаетъ себя членомъ семьи, съ которою сроднился до того, что и радости, и горести этой семьи — наполняютъ всю его одинокую, самоотверженную жизнь». (Черняевъ) Онъ—вѣрный рабъ, который свято исполняетъ свой *домъ дядьки* дворянскаго недоросля. Недалекій и безтолковый, онъ не понимаетъ, что обязанности дядьки ибняются съ годами питомца, и это ставитъ неразъ его, и его питомца въ комическія положенія. Но этотъ комизмъ забывается, когда мы видимъ Савельича, готоваго жертвовать своей жизнью за барчука (Пугачева предлагая свою голову взаимѣнъ барской). Мораль у Савельича своеобразная: понятія о «чести» у него свои. Узнавъ о проигрышѣ питомца, онъ совѣтуетъ ему не платить долга. «Скажи, говоритъ онъ, что родители тебѣ и тратить-то, окромя какъ на орѣхи, запретили». Онъ уговариваетъ своего барина поцѣловать руку Пугачева: «не упрямся! щепочетъ онъ. Плюнь! да поцѣлуй у злод... тьфу! у него руку!» Упрямый и ворчливый, онъ добродушенъ и уступчивъ, и, если своей суетливостью и излишнимъ вниманіемъ ставилъ Гринева неразъ въ смѣшныя положенія, тѣмъ не менѣе, ему его баринъ за многое былъ обязанъ во время тѣхъ пердрагъ, которыя выпали на его долю.

Наброски «Капитанской дочки», сохранившіеся въ бумагахъ Пушкина, свидѣтельствуютъ о томъ, какъ много думалъ онъ о своемъ произведеніи. Сначала онъ предполагалъ героемъ повѣсти сдѣлать историческое лицо—Шванчича, — офицера, передавшагося Пугачеву и потомъ прощенному императрицей. Этотъ Шванчичъ—прототипъ Швабрина. Въ этомъ первоначальномъ наброскѣ еще нѣтъ ни Гриневыхъ, ни Мироновыхъ, ни Савельича. Затѣмъ во второй редакціи повѣсти Пушкинъ героемъ дѣлаетъ Башарина, молодого дворянина, отразившаго на себѣ нѣкоторыя черты Гринева, — онъ, впрочемъ, тоже является измѣнникомъ. Въ этомъ наброскѣ есть уже намеки на любовь героя; бытовая сторона тогдашней русской жизни тоже намѣчается яснѣе. Башаринъ — тоже историческое лицо, о которомъ упоминается въ «Исторіи пугачевского бунта». Впоследствии Пушкинъ замѣнилъ его Буланинымъ и, наконецъ, Гриневымъ,—фамиліей тоже исторической.

Связь съ «Исторіей Пугачевского бунта» въ повѣсти вообще очень замѣтна: описаніе бѣлгородской крѣпости, ея гарнизона съ исторической точки зрѣнія вѣрно; жалкое, но героическое сопротивленіе, оказанное Пу-

Литературная
исторія
повѣсти.

Вліяніе
на повѣсть
«Исторія»

гачеву офицерами, вѣрными императрицѣ, тоже срисовано съ дѣйствительности; детали расправы съ ними Пугачева, пониманіе Пугачева, — все основывается на фактическомъ матеріалѣ «Исторіи».

Литературныя
вліянія на
повѣсть.

Кромѣ такихъ историческихъ вліяній, на «Капитанскую дочку» были вліянія и литературныя. Съ каразинскихъ повѣстей: «Вѣдная Лиза» и «Флоръ Силингъ» въ русскую литературу вошло обыкновеніе рисовать малозамѣтныхъ героев; въ ихъ сердцахъ русскіе литераторы любили отмѣчать неожиданныя, на первый взглядъ, черты тонкихъ и высокихъ чувствъ. Во многихъ тогдашнихъ журналахъ вплоть до Пушкина помѣщались не только сентиментальныя повѣсточки на такія темы, но даже въ отдѣлѣ «сообщеній» изъ разныхъ городовъ рассказывались различные подобные случаи героизма и добродѣтели мужиковъ, солдатъ, мелкихъ чиновниковъ и пр., — словомъ, людей такихъ, съ которыми псевдоклассицизмъ никогда не связывалъ героизма. Дѣйствительный случай съ дѣвушкой, которая пришла изъ Сибири въ Петербургъ подавать императору Александру I прошеніе о помилованіи ея ссыльнаго отца поддержалъ эту литературную «моду». Этотъ подвигъ скромной провинціальной дѣвушки рассказывался съ подробностями во многихъ тогдашнихъ журналахъ — онъ же вдохновилъ извѣстнаго французскаго писателя Ксавье-де-Местра на сочиненіе повѣсти: «La jeune Sibirienne» и Н. Полевого: «Параша-Сибирячка». И дѣйствительный подвигъ Параша, и рассказъ Ксавье-де-Местра, и модныя тогда повѣсти о смиренныхъ людяхъ, оказавшихся героями, несомнѣнно, отразились на «Капитанской дочкѣ». Только сентиментальность, и даже «мелодраматичность» всѣхъ этихъ произведеній, Пушкинъ сумѣлъ замѣнить спокойнымъ реализмомъ.

Бытовые
романы
Пушкина.

Къ „бытовымъ“ романамъ Пушкина надо отнести повѣсть „Дубровскій“, написанную еще до „Капитанской дочки“ въ 1832 году и „Повѣсти Вѣлика“.

„Дубровскій“.

Въ повѣсти «Дубровскій» Пушкинъ изобразилъ современную ему Россію: жизнь дворянъ въ ихъ помѣстьяхъ, недостатки тогдашней администраціи, въкоторыя черты крѣпостничества.

Троекуровъ.

Яркими красками обрисовалъ писатель старика-Троекурова, богача-помѣщика, въ душѣ котораго благородное странно перемѣшалось съ отвратительнымъ: крѣпостное право, богатство, и произволъ администраціи сдѣлали его деспотомъ-самодуромъ, который, ради прихоти, или изъ оскорбленнаго самолюбія, можетъ принести въ жертву и дружбу, и любовь къ дочери. Привольная жизнь Троекурова въ его имѣніи, его развлеченія, отношенія къ мелкимъ дворянамъ и уѣздной администраціи, — все это представлено въ повѣсти мастерски.

Старикъ-Дубровскій.

Не менѣе удачно изобразилъ Пушкинъ и старика-Дубровскаго: это — излюбленный писателемъ типъ — представитель захудалаго дворянства, у котораго отъ блестящаго прошлаго ихъ рода осталась только родословная, маленькое помѣстье и тонкое чувство чести, даже тщеславія... Пушкинъ самъ былъ не чуждъ этихъ чувствъ и неразъ ихъ изображалъ («Родословная моего героя», Гриневъ-старикъ.). Менѣе удачными оказались молодые герои. Дубровскій-сынъ, благородный юноша, подобно отцу, воодушевленный высо-

Молодой-Дубровскій.

кимъ уваженіемъ къ дворянской чести, дѣлается «романтическимъ разбойникомъ» въ духѣ моднаго тогда романическаго героя Ринальдо-Ринальдини, грабить только богатыхъ, не прочь иногда наградить добродѣтель и наказать порокъ, — лицо, съ современной точки зрѣнія — неестественное. Его чистая и высокая привязанность къ Машѣ Троекуровой заставляетъ его отказаться отъ мести ея отцу; эта привязанность заставляетъ его отказаться и отъ личнаго счастья. Подобный типъ благороднаго разбойника-рыцаря, — очень популяренъ въ тогдашнихъ романахъ, переводныхъ и русскихъ. Впрочемъ, намъ людямъ ХХ-го вѣка, опасно говорить о *неестественности* такихъ типовъ; воспитанные на романической литературѣ, люди пушкинскаго времени были и въ жизни «романтиками», какъ бывали и байронистами-Онѣгинными... Тѣмъ болѣе это возможно, что предлогомъ къ написанію повѣсти былъ дѣйствительный случай: другъ Пушкина рассказывалъ ему объ одномъ дворянинѣ, который сдѣлался разбойникомъ послѣ того, какъ его сосѣдь не по праву завладѣлъ его имѣніемъ.

Маша Троекурова — образъ, блѣдно очерченный. Это — мечтательница, любительница романовъ, тихое и кроткое существо, которое безсилно и противъ самодурства отца, и противъ любви Дубровскаго; она придерживается искони-русскаго почитанія святости брака, хотя бы противъ воли заключеннаго.

Маша Троекурова.

Гораздо живѣе обрисованы второстепенные типы: гости Троекурова, чины уѣздной полиціи, мужики... Всѣ эти типы представляютъ собой яркій и сложный фонъ, разработанный искусно. Въ «Евгенія Онѣгина», на примѣръ, дѣйствуютъ только герои, — здѣсь же дѣйствуетъ *масса*, при томъ простонародная, — это было новинкой для русской литературы того времени.

„Повѣсти Бѣлкина“ представляютъ собою соединеніе различныхъ рассказовъ, различныхъ по настроенію и даже по стилю, очевидно, написанныхъ въ разное время. Пушкинъ соединилъ ихъ подъ общимъ названіемъ „Повѣсти Бѣлкина“, не желая, какъ извѣстно, подписывать своей фамиліи. Слишкомъ обострены были его отношенія къ тогдашней русской критикѣ.

„Повѣсти Бѣлкина“.

Повѣсть «Выстрѣлъ», начинающая собою «Повѣсти Бѣлкина» — самая слабая по идеѣ и по выполненію. Дѣйствіе повѣсти развертывается въ военной средѣ. Герой ея — Сильвіо, какой «таинственный незнакомецъ», разочарованный, съ чертами байронизма, питающій долготѣльную месть въ сердцахъ, оказывается, на дѣлѣ очень чувствительнымъ, благороднымъ человѣкомъ, прощающимъ врага изъ сожалѣнія къ его женѣ.

„Выстрѣлъ“.

Въ повѣсти «Метель» рассказанъ курьезный случай о томъ, какъ дворянская дѣвица по ошибкѣ обвинялась съ чужимъ, ей незнакомымъ юношей, и какъ она, только на четвертый годъ, встрѣтила своего мужа. Въ повѣсти выведенъ сентиментально-романтической герой Владимиръ и такая же героиня Марья Гавриловна. Чисто-русскимъ въ романѣ является выраженное въ немъ уваженіе къ святости обряда бракосочетанія: и героиня, и ея мужъ, незнакомые другъ съ другомъ, въ теченіе четырехъ лѣтъ считаютъ себя связанными той клятвой, которую они произнесли у алтара.

„Метель“.

„Гробовщикъ“. Повѣсть «Гробовщикъ» — веселая шутка, съ примѣсью фантастики, во вкусѣ модныхъ тогда повѣстей. Съ тонкимъ, почти гоголевскимъ юморомъ, охарактеризованъ герой повѣсти и его сосѣдь, нѣмецъ Шульцъ. Единственный разъ, въ этой повѣсти, Пушкинъ заглянулъ въ жизнь русскаго ремесленника.

„Станціонный Смотритель“. Повѣсть «Станціонный Смотритель» представляетъ собою трогательную исторію изъ жизни «маленькихъ людей». Съ теплымъ сочувствіемъ рассказываетъ Пушкинъ о тяжелой жизни станціонныхъ смотрителей, о горѣ, постигшемъ его героя, когда его любимая дочь Дуня покинула его скромный домикъ, увлекшись проѣзжимъ. Старикъ спился съ горя и умеръ. Сочувствіе къ «униженнымъ и оскорбленнымъ», которое впоследствии нашло у насъ выразителя въ лицѣ Достоевскаго, впервые художественно выражено было Пушкинымъ. И до него сентиментальные писатели, вродѣ Карамзина, изображали страдающихъ героевъ, стараясь вызывать къ нимъ состраданіе, — но эта «надуманность» ихъ произведеній, этотъ сентиментализмъ, выражающійся въ навязываніи читателю своихъ чувствъ, слащавый тонъ, — все это дѣлаетъ ихъ произведенія нехудожественными въ глазахъ современнаго читателя. Пушкинъ, великій писатель — *реалистъ*, тѣ же чувства состраданія къ «униженнымъ и оскорбленнымъ» возбуждаетъ у читателя объективнымъ и правдивымъ изображеніемъ жизни. Та же идея, но другая манера письма.

„Барышня-крестьянка“.

Повѣсть «Барышня-крестьянка» вводитъ насъ въ жизнь современныхъ Пушкину «дворянскихъ гнѣздъ». Передъ нами нехитрая любовь молодого барина Алексѣя Берестова и сосѣдней барышни — Лизы Муромской. Оба героя настроены на романтической ладъ, но это не мѣшаетъ имъ быть очень жизнерадостными. Русская деревня, помѣщичья жизнь обрисованы здѣсь добродушно и любовно, — въ повѣсти нѣтъ такихъ выпуклыхъ и мрачныхъ картинъ этой жизни, какъ въ «Дубровскомъ».

„Исторія села Горохина“.

«Исторія села Горохина» представляетъ собою остроумную шалость Пушкина: онъ высѣялъ въ своемъ разсказѣ манеру письма нѣкоторыхъ историковъ. Впрочемъ всего, онъ мѣтилъ на сочиненіе Полевого: «Исторія русскаго народа». Разсказъ ведется отъ имени Бѣлкина. Это добродушный, недалекій человѣкъ, съ самыми поверхностными званіями, но обуреваемый зудомъ писательства. Онъ не можетъ отличить существеннаго отъ несущественнаго и о самыхъ пустыхъ и мелкихъ событіяхъ и лицахъ деревенской жизни повѣствуетъ съ паеосомъ. Жизнь деревни, съ комической стороны, представлена Пушкинымъ очень удачно. Живыя лица крестьянъ, въ своеобразномъ освѣщеніи Бѣлкина, проходятъ передъ нами.

Драмы Пушкина.

Къ послѣднему періоду творчества Пушкина относится сочиненіе имъ небольшихъ драмъ, или, вѣрнѣе, драматическихъ сценъ. Большинство ихъ написано въ 1830-омъ году въ селѣ Болдино, гдѣ Пушкинъ жилъ во время холеры и отсюда выбраться долго не могъ вслѣдствіе карантинныхъ. „Скупой Рыцарь“, „Моцартъ и Сальери“, „Каменный Гость“, „Пиръ во время чумы“ — всѣ относятся къ 1830-му году Ранѣе въ 1826-омъ году была написана имъ „сцена изъ „Фауста“, и позднѣе — въ 1832-омъ году „Русалка“. Всѣ эти драмы, въ сущности, очень похожи, по ком-

позиціи, на „Бориса Годунова“, представляют собою отдѣльные психологическіе моменты, но не дают картины развитія страсти.

Передъ нами выведены характеры, воплощающіе общечеловѣческія страсти. На нѣсколькихъ страницахъ, въ двухъ-трехъ монологахъ, Пушкинъ рисуеъ удивительно сложные характеры. Въ этомъ—ихъ психологическій интересъ,—но эта способность великаго поэта въ немногихъ словахъ сказать многое лишаетъ его драмы всякаго сценическаго интереса.

«Скупой Рыцарь» представляет собою, по глубинѣ психологическаго анализа, по яркости образа, по ширинѣ художественнаго замысла, всесторонне исчерпывающаго во всѣхъ подробностяхъ общечеловѣческой типъ скупца, истинно-шекспировское произведеніе.

Въ изумительномъ, по силѣ и содержательности, монологѣ «Скупого Рыцаря» Пушкинъ сумѣлъ изобразить, пожалуй, даже не типъ скупца, а типъ *психопата*, покореннаго «маніей величія», «маніей преслѣдованія», подчиненнаго «навязчивой идее» (*idée fixe*) и переступившаго уже за предѣлы нормальнаго взгляда на жизнь. Это—мономанъ, который наслаждается «позвѣіемъ зла». Онъ понимаетъ предельность убійства: «есть люди, говорятъ онъ,—

«Въ убійствѣ находящіе пріятность,—
Когда я ключъ въ замокъ влагаю, то же
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, вонзая въ жертву ножъ: пріятно...
И страшно виѣсть...»

Его «манія величія» выражается въ томъ, что онъ, владѣлецъ несмет-
ныхъ богатствъ, воображаетъ себя владыкой міра; онъ «царствуетъ»,
полагая, что ему покорны и любовь, и добродѣтель, и поэзія, и зло-
дѣйство... Но это—бредъ сумасшедшаго человѣка, который началъ съ соби-
ранія денегъ, быть можетъ, съ мечтами устроить свое бытіе блестящимъ,
и кончилъ тѣмъ, что деньги, *средство* для такого бытія, сдѣлалъ *целью*.
Онъ—не владыка, деньги—«не слуги и не друзья» его, а господа, и онъ
служитъ имъ, по словамъ его сына, «какъ алжирскій рабъ, какъ песъ
дѣльной». Его «*idée fixe*»—наполнять свои сундуки: теперь передъ нимъ
вся забота, вся дѣль жизни—наполнить «седьмой сундукъ, еще неполный».
Онъ обожаетъ свое золото психопатическою страстью («Какъ молодой
повѣса...»). Онъ знаетъ исторію своихъ монетъ и съ наслажденіемъ
преступника-психопата вслушивается въ ужасныя ихъ повѣствованія.

Онъ страдает «маніей преслѣдованія», такъ какъ ему кажется, что
его сынъ, жизнерадостный и беззаботный Альберъ, у котораго атласные
карманы не держатъ золота—хочетъ завладѣть его деньгами. Онъ готовъ
клеветать на него герцогу; онъ готовъ думать, что Альберъ мечтаетъ
объ его смерти, что онъ готовъ его обокрасть... Страдая маніей преслѣ-
дованія, онъ вбрызгиваетъ истиннѣ своихъ подозрѣній—исчадію бреда. Троста-
тельной чертой, смягчающей искаженный, нечеловѣчскій обликъ старика,
является проблескъ и въ его черствой душѣ прежняго рыцарскаго бла-
городства, и потому на слова Альбера: «баронъ, вы лжете!»—отвѣчаетъ
вызовомъ.

„Скупой
Рыцарь“.

Герой-
психопатъ.

Манія величія

Idée fixe.

Манія преслѣ-
дованія.

„Поэзія
золота“.

Пушкину въ дологѣ помѣшаннаго скупца удалось изобразить мрачную «поэзію золота». Оно—могущественное зло; оно ведетъ за собой сумасшествіе, преступленія, оно пропитано слезами и кровью, оно несетъ униженіе и рабство тѣмъ, у кого оно отсутствуетъ,—но оно не падаетъ и того, къ кому оно летитъ рѣкой. Скупой рыцарь говоритъ о тѣхъ лишеніяхъ, о тѣхъ страданіяхъ, которыхъ оно ему стоило: благороднаго рыцаря, слугу отечества и ближайшаго друга герцога оно превратило въ мрачнаго преступника, помѣшаннаго, клеветника и палача. Золото отнимаетъ у него жизнь. Передъ лицомъ герцога оно отомстило ему за его ужасную страсть, и онъ умираетъ рабомъ, съ крикомъ: «ключи мои! Ключи!».

Альберъ.

Совершенною противоположностью старику-рыцарю представленъ его сынъ—Альберъ. Это—живнерадостный, добродушный юноша, полный любви въ развлеченіяхъ и утѣхамъ земной жизни. Онъ честенъ и благороденъ,—ни одна черная мысль не грызетъ его сердца. Онъ говоритъ свое аменъ, на пожеланія Соломона скорѣе получить наслѣдство, съ беззаботной шуткой, не вдумываясь въ смыслъ того, что онъ сказалъ. Альберъ полонъ рыцарскихъ понатій о чести.—слушая клевету отца, онъ не протестуетъ, когда тотъ говоритъ объ намѣреніяхъ сына убить его, но онъ не выдерживаетъ позорящихъ обвиненій въ попыткѣ обокрасть отца.

Происхожденіе
драмы.

Литературное происхожденіе драмы неясно. Во многихъ литературахъ удалось найти типы «скупцовъ», но никому изъ изслѣдователей не удалось доказать, что Пушкинъ зналъ именно эти произведенія. Если допускать литературныя вліянія на образъ скупого рыцаря, то, всего вѣроятнѣе, можно эти вліянія отыскать въ сочиненіяхъ Байрона,—ихъ, по крайней мѣрѣ, Пушкинъ читалъ навѣрно. Въ «Донъ-Жуанѣ» Байрона есть нѣсколько строфъ, посвященныхъ психологическому анализу скупости и отчасти «поэзіи золота».

„Моцартъ и
Сальери“ Типъ
героя.

Въ другой драмѣ: «Моцартъ и Сальери» Пушкинъ въ лицѣ героя—Сальери вывелъ образъ, вѣсколько напоминающій стараго барона. Сальери—тоже мономанъ, для котораго музыка—все въ жизни; ей служатъ онъ съ дѣтства, надъ ней онъ дрожитъ, какъ баронъ надъ своимъ золотомъ; онъ наслаждается ею такъ же, какъ баронъ своимъ золотомъ—тайкомъ, «про себя»—онъ творитъ и сжигаетъ свои произведенія. Какъ для скупого барона каждый дублонъ полонъ смысла, полонъ краснорѣчивыхъ разсказовъ,—такъ для Сальери каждый музыкальный звукъ есть предметъ изученія, каждый звукъ полонъ значенія: «музыку» онъ «разъяслять, какъ трупъ, повѣривъ алгебры гармонію»...

Сравненіе
Сальери съ
скупымъ
рыцаремъ.

Наконецъ, онъ достигъ счастья: достигъ совершенства, и слава ему улыбнулась—по его словамъ, онъ былъ счастливъ и «наслаждался мирно своимъ трудомъ, успѣхомъ, славой»... И на пути ему вдругъ всталъ Моцартъ. Такъ мирно наслаждается своимъ накопленнымъ золотомъ скупецъ-баронъ, и такой же разхадъ въ его радость вноситъ мысль о наслѣдникѣ,—живнерадостномъ, легкомысленномъ юношѣ, къ которому перейдутъ его богатства... Скупой баронъ не пощадитъ никого, кто посягнулъ бы на его золото,—онъ даже сына готовъ погубить, только спасая свои сокровища, — такъ и Сальери убиваетъ своего друга, гения Моцарта, за то, что тотъ овладѣваетъ тайной музыкальнаго творчества,—овладѣваетъ безъ труда, безъ заботъ, благодаря гениальности своей натуры..

Онъ легко овладѣваетъ тѣмъ, къ чему всю жизнь стремился Сальери и чѣмъ онъ еще не овладѣлъ. Сальери упорно шелъ къ своей цѣли: онъ, какъ старый баронъ, «выстрадалъ» свое богатство безсонными ночами, дневными заботами, обузданными страстями: вотъ почему Сальери возмущается видомъ беззаботнаго, жизнерадостнаго Моцарта, «гуляки празднаго», который безъ всякаго «благоговѣнія» относится къ музыкѣ, — его видъ доставляетъ Сальери тѣ же муки, которыя терзаютъ сердце стараго барона, возмущеннаго мыслью о томъ, какъ въ его святилище ворвется его наслѣдникъ:

«Безумецъ, расточитель молодой,
Развратниковъ разгульныхъ собесѣдникъ!

Оттого Сальери видитъ въ Моцартѣ такого-же «богохульника», какъ баронъ — въ Альберѣ.

Съ ужасомъ баронъ думаетъ о томъ, какъ, послѣ его смерти, Альберъ —

«Сундуки со смѣхомъ отпереть, —
И потекутъ сокровища мои
Въ атласные дырявые карманы.
Онъ разобьетъ священные сосуды,
Онъ грязь елеемъ царскимъ напоить...»

За такое-же легкое отношеніе къ «святости» музыки Сальери возненавидѣлъ Моцарта. Онъ убиваетъ его потому, что видитъ въ этомъ свой долгъ; онъ поступаетъ, какъ фанатикъ, который убиваетъ святотатца, оскверниваго святыню. Этотъ фанатизмъ — есть уже мономанія, сумасшествіе. Таковъ Сальери въ изображеніи Пушкина.

Но онъ, кромѣ того, и завистникъ, — онъ «глубоко, мучительно завидуетъ» этому гению, который доказалъ ему его бездарность. Такъ завидуетъ скупой баронъ тому игроку, которому улыбнулось счастье, и онъ грудями загребаетъ золото — въ то время, когда ему, скущцу-страдалицу, приходится только «по горсти бѣдной» приносить свою дань «богу золота». Положеніе Сальери тѣмъ трагичнѣе, что онъ — другъ Моцарта, что онъ преклоняется передъ нимъ, какъ передъ гениемъ, — въ немъ, слѣдовательно, не умерли еще человѣческія чувства, какъ въ душѣ скупого барона, въ душѣ котораго даже родственныя чувства погасли. И вотъ, чтобы заглушить эти человѣческія чувства, Сальери старается увѣрить себя, что онъ «долженъ» убить Моцарта потому, что этотъ необъятный гений тѣмъ больше горя принесетъ людямъ, чѣмъ больше будетъ развертываться.

«Нѣтъ! не могу противиться я долѣ
Судьбѣ моей: я избранъ, чтобъ его
Остановить — не то, мы всѣ погибли,
Мы всѣ, жрецы, служители музыки!
Что пользы, если Моцартъ будетъ живъ
И новой высоты еще достигнетъ?
Подыметъ-ли онъ тѣмъ искусство? Нѣтъ! —
Оно надетъ опять, какъ онъ исчезнетъ;

Наслѣдника намъ не оставитъ онъ!
Что пользы въ немъ? Какъ нѣкій херувимъ,
Онъ нѣсколько занесъ намъ пѣсенъ райскихъ
Чтобъ, возмутивъ безкрылое желанье
Въ насъ, чадахъ праха, послѣ умереть!»

Сложность
душевной
борьбы
Сальери.

Такимъ образомъ, образъ Сальери гораздо сложнее, чѣмъ образъ стараго барона: въ его душѣ — мономанія (преклоненіе передъ музыкой), манія величія (онъ готовъ былъ считать себя «геніемъ») усложняются борьбой оскорбленнаго самолюбія (сознаніе своего ничтожества), чувствомъ обиды за несправедливость къ нему небесъ (онъ, труженикъ, ниже «празднаго гуляки»), чувствами зависти и дружбы къ Моцарту и восхищеніемъ передъ его геніемъ («Ты Моцартъ — богъ!»). Изъ этой путаницы психологической онъ выходитъ путемъ софизмовъ, прикрывающихъ его преступленіе.

Моцартъ.

Какъ въ «Скупомъ Рыцарѣ», рядомъ съ барономъ, выведенъ его сынъ Альберъ, человѣкъ здоровый, нормальный, — такъ и въ драмѣ «Моцартъ и Сальери» Моцартъ — образъ человѣка, въ которомъ все уравновѣжено — и плоть, и духъ, у котораго ясный и простой взглядъ на міръ. Какъ «поэтъ» Пушкина, онъ можетъ затеряться въ толпѣ, можетъ оказаться ничтожнѣе всѣхъ «ничтожныхъ земли», и можетъ, въ моментъ вдохновенія, уйти въ міръ идеаловъ, міръ грезъ и звуковъ...

Литературная
исторія драмы.

Литературная исторія этой драмы не выяснена. Впрочемъ, опера Моцарта «Донъ-Жуанъ», поставленная около 30 года на петербургской сценѣ, возбудила интересъ Пушкина къ біографіи Моцарта; объ этомъ интересѣ свидѣлствуютъ записки Смирновой. Знакомство съ жизнью Моцарта привело Пушкина къ образу Сальери, — и онъ драматизировалъ появившійся въ біографіи Моцарта любопытный слухъ объ его насильственной смерти.

„Каменный
Гость“.
Донъ-Жуанъ

Драма «Каменный Гость» отличается отъ обычныхъ разобранныхъ пьесъ. Герою ея является жизнерадостный Донъ-Жуанъ, — это олицетвореніе беззаботной юности. Юноша, полный любви къ жизни, онъ подкупаетъ читателя своею молодостью, своимъ безстрашіемъ, искренностью и способностью увлекаться. Черты Альбера и Моцарта въ этомъ образѣ нашли развитіе и углубленіе. Донъ-Жуанъ никого не боится («Я никого въ Мадридѣ не боюсь!») — восклицаетъ онъ безъ всякаго хвастовства). Онъ, весь яркое воплощеніе жизни, не боится смерти, — ей онъ глядитъ прямо въ глаза...

«Что значить смерть? За сладкій мигъ свиданья
Безропотно отдамъ и жизнь!»

И онъ доказываетъ справедливость этихъ словъ: онъ знаетъ, что придетъ на его свиданье статуя командора, и онъ, всетаки, идетъ на это свиданье, идетъ на встрѣчу статуѣ, безстрашно протягиваетъ ей руку и погибаетъ, призывая имя той женщины, которая въ тотъ моментъ владела его сердцемъ!

Самъ легко относясь къ своей жизни, онъ не церемонится и съ жизнью другихъ и свой путь со смѣхомъ уснаетъ тѣлами убитыхъ.

Въ отношеніяхъ къ женщинамъ Донъ-Жуанъ всегда искрененъ; онъ Отношеніе къ женщинамъ. увлечается постоянно, и всякое новое увлеченіе кажется ему *настоящей любовью*. Въ своей небольшой піесѣ Пушкинъ обрисовалъ два только увлеченія, — и въ обоихъ его герой рисуется во весь ростъ: его пламенные рѣчи, полныя искренней страсти, его безумная отвага, полное отсутствіе думъ о прошломъ («Недолго насъ покойницы тревожатъ»), и о будущемъ—таковъ этотъ обаятельный юноша, служащій «поззіи любви» съ „Поззіи любви“ такимъ же самозабвеніемъ, съ какимъ скупой рыцарь служитъ «поззіи золота», Сальери—«поззіи музыки». Въ противоположность обоимъ этимъ мрачнымъ героямъ, Донъ-Жуанъ всегда счастливъ: когда ему общаю свиданье, онъ счастливъ, какъ ребенокъ: «Я счастливъ! Я пѣть готовъ, я радъ весь міръ обнять!»—воскликаетъ это обаятельное дитя, опасное своимъ дѣтскимъ эгоизмомъ, своей беззаботностью...

Ему подъ-пару Лаура, которая хочетъ жить только настоящимъ, ко- Отношеніе къ Донъ-Жуану. торая о будущемъ думать не хочетъ,—для нея Донъ-Жуанъ—«вѣрный другъ, вѣтреный любовникъ»; она ни въ чемъ не упрекаетъ его, такъ какъ сама наслаждается только настоящимъ. Но не такъ относятся къ этому «ребенку» люди, серьезно смотрящіе на жизнь, люди, знающіе муки прошлаго и страхъ предъ будущимъ: устами Донъ-Карлоса они называютъ его «безбожникомъ» и «мерзавцемъ». Въ этихъ словахъ осуждается Донъ-Жуанъ за отсутствіе «принциповъ», за непризнаваніе «законовъ» божескихъ и человѣческихъ, за незнаніе тѣхъ самоограниченій, которыми люди, живущіе въ обществѣ, связали себя, ограждаясь другъ отъ друга.

Еще другой взглядъ высказывается въ піесѣ о Донъ-Жуанѣ устали Доны Аны,—она повторяетъ «ходячее мнѣніе» о немъ; онъ «хитеръ», онъ—«демонъ», онъ—«безбожный развратитель». Это мнѣніе—сужденіе толпы, которая не всмотрѣлась въ сердце Донъ-Жуана.

Пушкинъ дѣйствию своей пьесы приурочилъ къ Испаніи, страсть, ко- Couleur locale. торая создала вѣчный типъ Донъ-Жуана. Онъ сумѣлъ въ монологѣ Лауры:

«Приди... Открой балконъ. Какъ небо тихо!
Недвижимъ теплый воздухъ...
Ночь лимонноъ
И лавромъ пахнетъ!..»

— нарисовать дивный пейзажъ южной ночи. Пушкинъ сумѣлъ и «любовь» „Любовь“ въ этой драмѣ. изобразить въ этой піесѣ своеобразную, непохожую на увлеченія дикарки Земфиры, на страсть Заремы, на мечтательную любовь Татьяны, на чистую преданность Маши Мировой... Пушкинъ сознательно изобразилъ этотъ «couleur locale» во вкусѣ романтиковъ,—его не удовлетворялъ «Донъ-Жуанъ» Мольера, въ которомъ «любовь» героя потеряла, по его мнѣнію, всѣ испанскія черты. Образъ Донъ-Жуана ему нарисовать было нетрудно, потому что и въ немъ, какъ въ Альберъ и въ Моцартъ, онъ могъ чувствовать кое-какія свои собственныя черты.

Происхожденіе драмы необходимо связать съ интересомъ Пушкина къ Литературная оперѣ Моцарта «Донъ-Жуанъ», съ большимъ успѣхомъ шедшей въ 30-хъ годахъ въ Петербургѣ. Существуетъ мнѣніе, что даже содержаніе драмы во многихъ деталяхъ соприкасается съ либретто оперы (соч. абб. де-Понте).

„Пиръ во время чумы“.

«Пиръ во время чумы» представляет собою вольный переводъ трагедіи Вильсона: «The city of the plague». Общество молодежи собирается пировать на улицахъ зачумленнаго города; молодежь потеряла надежду на спасеніе и хочетъ послѣднія минуты земной жизни провести радостно, среди гробовъ и стоновъ умирающихъ, съ бокаломъ вина въ рукахъ, глядя въ глаза безобразной смерти. Пушкинъ въ свой переводъ ввелъ удивительно-сильный «гимнъ» въ честь чумы, котораго нѣтъ въ оригиналѣ.

„Русалка“.

Драма «Русалка», написанная въ 1832-омъ году, стоитъ особнякомъ отъ всѣхъ разобранныхъ. Это—любопытная попытка создать русскую драму, опирающуюся на народныя пѣсни, на народныя обряды и чисто-народный бытъ.

Особенно типичнымъ нарисованъ въ драмѣ старикъ-мельникъ. Это—мужикъ «себѣ на умѣ», грубоватый и падкій на золото; онъ на жизнь смотритъ практически до цинизма. Но горе дочери и его сломило,—онъ сходить съ ума послѣ ея самоубійства. Образъ князя и дочери мельника обрисованы не такъ ярко, не такъ выпукло... Прекрасна картина свадебнаго пиршества: здѣсь много движенія, много жизни. Чисто-русскими чертами обрисованы всѣ здѣсь дѣйствующія лица.

Литературная исторія драмы.

Литературная исторія драмы «Русалка» выяснена акад. Ждановымъ. Это—русификація нѣмецкой оперы «Das Donauweibchen» Генслера, которая въ русскомъ переводѣ, подъ названіемъ «Русалка», шла съ успѣхомъ на петербургской сценѣ. Интересъ Пушкина къ литературно-народной поэзіи выразился въ созданіи этой пьесы.

Пушкинъ, какъ личность.

Пушкинъ замѣчательнъ не только какъ писатель, но и какъ чловѣкъ, какъ «личность»... Въ своихъ произведеніяхъ онъ выразилъ всѣ свои нравственныя черты, всѣ настроенія, всю исторію своего міровоззрѣнія. Среди русскихъ писателей нѣтъ другого писателя, болѣе откровеннаго и искренняго, чѣмъ Пушкинъ. Быть можетъ, только Левъ Толстой, и то отчасти, походить на него. Эта откровенность и искренность сдѣлала то, что въ распоряженіи биографа оказывается масса наблюдений относительно Пушкина,—наблюдений, въ которыхъ много противорѣчивыхъ показаній.

Его откровенность.

Отличаясь необыкновенной впечатлительностью, всегда «преданный минутѣ» (слова самого Пушкина), онъ слишкомъ подчинялся всевозможнымъ воздѣйствіямъ извнѣ; обладая широкой, всеобъемлющей душой, онъ въ ней находилъ отзвукъ на всѣ эти впечатлѣнія. Его лирика и письма лучше всего рисуютъ намъ съ этой стороны нашето великаго писателя: онъ заразъ могъ жить самыми разнообразными интересами, хорошо себя чувствовать въ обществѣ различныхъ друзей. Такая широкая отзывчивость и «многогранность» его души спасли его отъ односторонности: оттого въ жизни, и въ творествѣ онъ такъ существенно отличается отъ такихъ, напримѣръ, одностороннихъ писателей, какъ Жуковский, Лермонтовъ, Байронъ и под. Но эти-же особенности его долго мѣшали ему выработать опредѣленность идеаловъ,—нравственныхъ, политическихъ, религиозныхъ и эстетическихъ. Лишь ко второй половинѣ его жизни (въ селѣ Михайловскомъ) опредѣляются его взгляды на жизнь и творчество. Во всякомъ случаѣ, исторія «скитаній его мысли» очень поучительна: путемъ ошибокъ, исправленій, страданій онъ достигъ высокаго просвѣтлѣнія своей души. Этому «просвѣтлѣнію» помогла основная черта пушкинской души—

Впечатлительность.

„Многогранность“ его души.

Исторія его міросозерцанія.

Отличаясь необыкновенной впечатлительностью, всегда «преданный минутѣ» (слова самого Пушкина), онъ слишкомъ подчинялся всевозможнымъ воздѣйствіямъ извнѣ; обладая широкой, всеобъемлющей душой, онъ въ ней находилъ отзвукъ на всѣ эти впечатлѣнія. Его лирика и письма лучше всего рисуютъ намъ съ этой стороны нашето великаго писателя: онъ заразъ могъ жить самыми разнообразными интересами, хорошо себя чувствовать въ обществѣ различныхъ друзей. Такая широкая отзывчивость и «многогранность» его души спасли его отъ односторонности: оттого въ жизни, и въ творествѣ онъ такъ существенно отличается отъ такихъ, напримѣръ, одностороннихъ писателей, какъ Жуковский, Лермонтовъ, Байронъ и под. Но эти-же особенности его долго мѣшали ему выработать опредѣленность идеаловъ,—нравственныхъ, политическихъ, религиозныхъ и эстетическихъ. Лишь ко второй половинѣ его жизни (въ селѣ Михайловскомъ) опредѣляются его взгляды на жизнь и творчество. Во всякомъ случаѣ, исторія «скитаній его мысли» очень поучительна: путемъ ошибокъ, исправленій, страданій онъ достигъ высокаго просвѣтлѣнія своей души. Этому «просвѣтлѣнію» помогла основная черта пушкинской души—

«любовь къ людямъ» — черта, которая красной нитью проходитъ въ его поэзіи съ лицейскихъ стихотвореній до послѣдняго періода.

Пушкинъ могъ быть несправедливъ, могъ придирчиво относиться къ людямъ, могъ сердиться на обидчиковъ, но это все были вспышки его страстной натуры, — къ *людямъ вообще*, къ *человѣчеству* онъ относился всегда только съ глубокимъ чувствомъ гуманности. Онъ могъ ѣдко и обидно ругаться въ своихъ эпиграммахъ, но онъ никогда съ такимъ враждебнымъ равнодушіемъ не относился къ людямъ, какъ Лермонтовъ, — онъ не брался учить ихъ, какъ Гоголь; — онъ *просто любилъ людей*, любилъ *жизнь*, — и эта любовь была великою воспитывающею силою, которая привела самого Пушкина къ примиренію съ жизнью, къ признанію, что надо прощать въ ней зло за наличность добра.

Любовь къ людямъ.

Его любовь — душа эгонизма. Оттѣнки ея не поддаются учету: и къ друзьямъ, и къ женщинамъ, и къ молодежи, и къ природѣ, и къ Богу, и къ императору Николаю, и къ декабристамъ онъ сумѣлъ отнестись любовно. Пѣвецъ земли, — онъ полюбилъ и тотъ міровой порядокъ, который управляетъ земной жизнью.

Ширина этого чувства.

«Все благо. Правъ судьбы законъ».

Эта жизнь развернулась передъ нимъ полная страданій, но онъ все-таки хочетъ жить, «чтобъ мыслить и страдать». И въ то же время онъ смерти смотритъ прямо въ глаза: лаская младенца, онъ спокойно думаетъ, что долженъ уступить мѣсто на землѣ подрастающему поколѣнію.

Любовь къ жизни

«Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти!..» — говоритъ онъ младенцу. Равнодушіе природы къ жизни и смерти — и молодежи къ старости не наполняетъ его ненавистью, — онъ чуждъ даже зависти. Въ этомъ — великая философія Пушкина, выросшая изъ его чувства «любви». Оттого Пушкинъ услоаиваетъ такъ, какъ ни одинъ другой поэтъ.

Другой чертой его души было неумиряющее въ ней стремленіе къ «свободѣ». Онъ съ дѣтства отстаивалъ свою «личность» отъ посягательства воспитателей, друзей, свѣта и правительства. Въ этомъ отношеніи онъ былъ неуступчивъ, и до могилы оставался «неумячивымъ». За эту «свободу» онъ положилъ свою жизнь, такъ какъ жилъ въ обществѣ, которое давило его личность предрасудками, злобой, политическимъ гнетомъ... Это стремленіе къ свободѣ, освященное любовью, вызвало съ его лиры немало вдохновенныхъ звуковъ: «въ жестокой вѣкѣ» онъ «славилъ свободу» и будилъ «чувства добрыя» въ своихъ слушателяхъ. Онъ былъ пѣвецъ «правды», — художественной (реализмъ) и жизненной: онъ самъ былъ всегда правдивъ передъ собой и передъ слушателями. Во имя этой правды онъ казнилъ Алеко, Онегина, Годунова, Мазепу, Швабрину, — и превознесъ Татьяну, Машу Миронову.

Любовь къ свободѣ.

Если онъ сказалъ, что въ жизни —

«Тьмы низкихъ истинъ намъ дороже
Насъ возвышающій обманъ». («Герой»).

Любовь къ правдѣ.

То онъ говорилъ только о «возвышающемъ» обманѣ, т. е. томъ, который подымаетъ челоѣка въ область «идеаловъ», ведетъ въ область красоты и истины — область, которой на землѣ, пожалуй, и не отыщешь.

Пѣвецъ «правды», онъ потому рѣшительно возсталъ противъ всякой «ложной мудрости», сказать:

«Да здравствуютъ музы, да здравствуетъ разумъ!

Ты, солнце святое, гори!

Какъ эта лампада блѣднѣетъ

Предъ яснымъ восходомъ зари,

Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ

Предъ солнцемъ бессмертнымъ уна.

Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!»

(«Вакхич. пѣсня»).

Свободомысліе

Пушкина.

Пушкинъ не могъ сдѣлаться «фанатикомъ»: его стремленіе къ свободѣ личности, мѣшало ему поработиться какой-нибудь одной идеѣ; исканіе «правды» заставляло избѣгать всякой односторонности. Оттого онъ не сдѣлался ни декабристомъ, ни крайнимъ монархистомъ; оттого онъ въ религіозномъ отношеніи не былъ церковникомъ, и, всегда любя Бога, могъ въ юности вольно отзываться о лицахъ св. Писанія; въ художественномъ отношеніи онъ былъ также «свободомыслящимъ», сдѣлавшись электикомъ, который отозвался на всѣ литературныя направленія, всѣ ихъ перебралъ, и многимъ отъ всѣхъ воспользовался. Это «свободомысліе» (въ широкомъ значеніи этого слова) сдѣлало его жизнь особенно тяжелой въ эпоху николаевской Россіи, съ ея формализмомъ.

Значеніе

Пушкина.

Значеніе Пушкина заключается въ томъ, что онъ—

1) подвелъ итоги всей предшествовавшей ему русской литературѣ,— всѣ литературныя направленія XVIII-го вѣка нашли откликъ въ его творчествѣ.

2) Онъ первый изъ русскихъ писателей сумѣлъ опредѣлить поэтическую цѣнность древнерусской письменности и народнаго творчества. Въ этомъ отношеніи, глубоко справедливо изреченіе Герцена, что «Петръ Великій бросилъ вызовъ Россіи, и она отвѣтила ему Пушкинымъ».

3) Россія въ Пушкинѣ раскрыла всѣ свои душевныя силы, въ немъ нашла равновѣсіе въ борьбѣ двухъ противорѣчивыхъ настроеній. Древняя Русь отвернулась отъ плоти (аскетизмъ) и христіанство поняла, какъ умерщвленіе плоти; восемнадцатый вѣкъ, жившій послѣдними отзвуками Возрожденія, отвернулся отъ христіанства въ сторону *плоти*, въ сторону «свѣтскаго житія», увлекся преклоненіемъ предъ *земной* жизнью. Пушкинъ помирилъ *плоть* и *духъ* въ великомъ чувствѣ любви къ жизни, къ землѣ, къ ближнимъ... Онъ—поэтъ земли, поэтъ любви, сумѣвшій опредѣлять *духъ* въ *плоти*. Такимъ образомъ, въ исторіи русскаго самозванія онъ воплощаетъ собою моментъ истинно-христіанскаго пониманія жизни—христіанства, очищеннаго отъ византійскихъ средневѣковыхъ искаженій. Реформа Петра заставила русскій народъ жить въ теченіе XVIII-го вѣка интенсивной жизнью и придти къ *самоопредѣленію*. Пушкинъ и былъ результатомъ этого самоопредѣленія.

4) Но Пушкинъ не только подвелъ итоги прошлой литературной жизни,—онъ намѣтилъ и все содержаніе послѣдующей. Поэтому изреченіе Герцена можно измѣнить такъ: «Пушкинъ бросилъ Россіи вызовъ, и она

Пѣвецъ «правды», онъ потому рѣшительно возсталъ противъ всякой «ложной мудрости», сказавъ:

«Да здравствуютъ музы, да здравствуетъ разумъ!

Ты, солнце святое, гори!

Какъ эта лампада блѣднѣетъ

Предъ яснымъ восходомъ зари,

Такъ ложная мудрость мерцаетъ и тлѣетъ

Предъ солнцемъ бессмертнымъ ума.

Да здравствуетъ солнце, да сгроется тьма!»

(«Вакхич. пѣсня»).

Свободомысліе
Пушкина.

Пушкинъ не могъ сдѣлаться «фанатикомъ»: его стремленіе къ свободѣ личности, мѣшало ему поработиться какой-нибудь одной идеѣ; исканіе «правды» заставляло избѣгать всякой односторонности. Оттого онъ не сдѣлался ни декабристомъ, ни крайнимъ монархистомъ; оттого онъ въ религіозномъ отношеніи не былъ церковникомъ, и, всегда любя Бога, могъ въ юности вольно отзываться о лицахъ св. Писанія; въ художественномъ отношеніи онъ былъ также «свободомыслящимъ», сдѣлавшись электикомъ, который отозвался на всѣ литературныя направленія, всѣ ихъ перебралъ, и многимъ отъ всѣхъ воспользовался. Это «свободомысліе» (въ широкомъ значеніи этого слова) сдѣлало его жизнь особенно тяжелой въ эпоху николаевской Россіи, съ ея формализмомъ.

Значеніе
Пушкина.

Значеніе Пушкина заключается въ томъ, что онъ —

1) подвелъ итоги всей предшествовавшей ему русской литературѣ, — всѣ литературныя направленія XVIII-го вѣка нашли откликъ въ его творчествѣ.

2) Онъ первый изъ русскихъ писателей сумѣлъ опредѣлить поэтическую цѣнность древнерусской письменности и народнаго творчества. Въ этомъ отношеніи, глубоко справедливо изреченіе Герцена, что «Петръ Великій бросилъ вызовъ Россіи, и она отвѣтила ему Пушкинымъ».

3) Россія въ Пушкинѣ раскрыла всѣ свои душевныя силы, въ немъ нашла равновѣсіе въ борьбѣ двухъ противорѣчивыхъ настроеній. Древняя Русь отвернулась отъ плоти (аскетизмъ) и христіанство поняла, какъ умерщвленіе плоти; восемнадцатый вѣкъ, жившій послѣдними отзвуками Возрожденія, отвернулся отъ христіанства въ сторону *плоти*, въ сторону «свѣтскаго житія», увлекся преклоненіемъ предъ *земной* жизнью. Пушкинъ помирилъ *плоть* и *духъ* въ великомъ чувствѣ любви къ жизни, къ землѣ, къ ближнимъ... Онъ — поэтъ земли, поэтъ любви, сумѣвшій опредѣлять *духъ* въ *плоти*. Такимъ образомъ, въ исторіи русскаго самосознанія онъ воплощаетъ собою моментъ истинно-христіанскаго пониманія жизни — христіанства, очищеннаго отъ византійскихъ средневѣковыхъ искаженій. Реформа Петра заставила русскій народъ жить въ теченіе XVIII-го вѣка интенсивной жизнью и придти къ *самоопредѣленію*. Пушкинъ и былъ результатомъ этого самоопредѣленія.

4) Но Пушкинъ не только подвелъ итоги прошлой литературной жизни, — онъ намѣтилъ и все содержаніе послѣдующей. Поэтому изреченіе Герцена можно измѣнить такъ: «Пушкинъ бросилъ Россіи вызовъ», и она

отвѣтила ему Гоголемъ, Тургеневымъ, Гончаровымъ, Л. Толстымъ, Достоевскимъ и другими великими и малыми писателями XIX-го вѣка».

5) Онъ сумѣлъ поэзію сдѣлать вѣрнымъ зеркаломъ своей личной и русской общественной жизни.

6) Онъ нашелъ *поэзію въ прозѣ*, прочувствовалъ «поэзію дѣйствительности». Этимъ онъ необъятно расширилъ предѣлы русской литературы.

7) Проникнувъ въ *духъ* русской народности, не только въ народную поэзію, но и въ разныхъ слояхъ (дворяне, крестьяне) прошлой и современной ему жизни,—онъ создалъ національную, оригинальную русскую литературу; до него въ XVIII-мъ вѣкѣ она почти сплошь была заимствованной, или подражательной,—она только пробивалась къ національности.

8) Съ нимъ связана реформа русскаго поэтическаго языка и художественныхъ пріемовъ. Будучи художникомъ-электикомъ,—онъ никогда надолго не подчинялся одной опредѣленной литературной школѣ: отъ классиковъ онъ взялъ изящество и чувство мѣры, отъ романтиковъ—интересъ къ *духу* различныхъ народовъ и эпохъ, умѣніе соблюдать *couleur locale, historique et ethnographique*, любовь къ старинѣ, къ народной поэзіи, свободу творчества, художественный реализмъ. Въ исторіи *европейскаго* романтизма онъ занимаетъ почетное мѣсто (его «Ворысь Годуновъ» предшествуетъ «Кромвелю» Гюго).

9) У насъ онъ былъ первымъ пѣвцомъ «свободной личности», не уединенной въ «прекраснодушіе» Жуковского, а стоящей лицомъ къ лицу съ жизнью своего времени.

10) Онъ внесъ «идейность» въ русскую литературу. Онъ увидѣлъ ясно въ жизни добро и зло. Реалистъ, по манерѣ письма, онъ былъ идеалистомъ въ выборѣ сюжетовъ и обрисовкѣ героевъ: изъ дѣйствительности настоящей и прошедшей онъ выбиралъ всегда наиболѣе красивое, или хорошее,—даже въ «злѣ» онъ умѣлъ находить искры добра. Въ его безмѣрной благожелательности къ «землѣ» тонутъ его немногочисленныя обличенія «зла», выраженные въ сатирахъ и эпиграммахъ.

11) «Идейность» его произведеній была не только моральнаго характера; онъ, человекъ 20-ыхъ годовъ, сумѣлъ заглянуть въ тѣ интересы, которыми русское общество стало интересоваться позднѣе. Такъ, онъ первый изъ нашихъ писателей отвѣтилъ на нѣкоторые вопросы соціальной жизни (отношеніе человека къ обществу, свобода личности, «идейное преступленіе»); онъ первый изъ русскихъ литераторовъ далъ образы героевъ-психопатовъ. Въ этомъ отношеніи онъ беретъ разрѣшатель труднѣйшія задачи новѣйшей русской литературы (Достоевскій). Не зная философіи Гегеля, онъ самъ пришелъ въ своемъ творчествѣ къ проповѣди «примиренія», оправданія «дѣйствительности». Независимо отъ Шеллинга, онъ подошелъ къ пониманію его эстетики (взглядъ на поэзію). Все это указываетъ на геніальную прозорливость Пушкина. Онъ былъ «великимъ сыномъ» не только своей родины, но и своего вѣка.

Николай Васильевичъ Гоголь.

(1809—1852 г.).

Биографія Го-
года.

Николай Васильевичъ Гоголь родился 19-го марта 1809 г. въ достаточной малороссійской помѣщичьей семьѣ. Раннее дѣтство его протекло въ небольшомъ имѣніи отца Полтавской губерніи — Васильевкѣ, или Яновщинѣ. Отецъ будущаго писателя былъ человѣкъ добрый и сердечный, надѣленный живымъ умомъ. Онъ былъ талантливый рассказчикъ, самъ былъ нечуждъ литературныхъ занятій, — хорошій знатокъ малороссійской жизни и народной поэзіи, онъ сочинилъ нѣсколько веселыхъ бытовыхъ комедій-шутковъ¹⁾. Онъ вообще интересовался театральнымъ дѣломъ: былъ самъ хорошимъ актеромъ и режиссеромъ въ домашнемъ театрѣ своего сосѣда и далекаго родственника (по женѣ) — богача-магната Трощинскаго, екатерининскаго вельможи, который доживалъ свои пышные дни въ деревнѣ. Благодаря широкому гостепрѣимству, Трощинскій былъ постоянно окруженъ толпой сосѣдей, родственниковъ, друзей и прихлебателей. Сюда, въ деревню, угасающій вельможа занесъ привычки блестящаго двора Екатерины: постоянныя увеселенія, музыка, театръ, гулянья создали изъ его дворца мѣсто утонченныхъ развлеченій. Для захолустныхъ помѣщиковъ-сосѣдей его имѣніе было «Афинами» — мѣстомъ, гдѣ развивались ихъ умственные интересы и эстетическіе вкусы. Подъ живымъ впечатлѣніемъ театральныхъ развлеченій въ этихъ «Афинахъ», и отецъ Гоголя взялся за сочиненіе своихъ пьесъ изъ народной малороссійской жизни. Мать Н. В. Гоголя была женщина очень добрая — «золотого сердца», впечатлительная до болѣзненности и очень религіозна; она сумѣла эту черту своей души рано привить и своему сыну. Такимъ образомъ, отъ отца унаслѣдовалъ онъ наклонность къ сочинительству, отъ матери — тотъ религіозный складъ мировоззрѣнія, который, съ годами, все замѣтнѣе развивался въ немъ, покоряя всѣ другія черты его многосторонней, сложной души²⁾. Весело и беззаботно текли дѣтскіе годы Гоголя въ мирной, сча-

Мать.

¹⁾ Послѣ его смерти была напечатана его комедія: „Простакъ“; кромѣ того, сочинилъ онъ еще комедію: „Собака-овца“, — но она до насъ не дошла.

²⁾ Впрочемъ, религіозность матери отличалась тѣмъ своеобразнымъ характеромъ, который такъ типиченъ былъ для міросозерцанія людей древней Руси, — безотраднѣмъ аскетизмомъ вѣдало отъ этой религіи. Власть надъ міромъ наивно дѣлилась между Богомъ и дьяволомъ, и человѣкъ дѣлался какой-то игрушкой въ ихъ рукахъ: „воля

стливой семейной обстановкѣ. Впечатлительный и живой мальчикъ всматривался жадно въ жизнь окружающихъ его людей—дворянъ-помѣщиковъ и крестьянъ, а также въ картины своеобразной малороссійской природы. Онъ рано полюбилъ родные малороссійскіе обычаи, пѣсни, даже пляски... Въ домѣ Трошинскаго онъ съ дѣтства полюбилъ театр. Вѣроятно, и самый обликъ Трошинскаго заинтересовалъ его.

И природа, и народъ, воспитавшіе Гоголя, отличаются своеобразными чертами. «Есть какая-то затаенная грусть въ малороссійской природѣ», говоритъ Н. А. Котляревскій; въ ней нѣтъ ни строгости, ни энергическаго величія природы сѣверной, ни жгучей, страстной красоты настоящаго юга; ея красота, по преимуществу, томная, мечтательная, какъ греза, безъ ясныхъ очертаній и сильнаго движенія. Народъ, живущій издавна среди этой природы, одаренъ и соответствующими чертами характера — идиллическимъ настроеніемъ души, переходящимъ иногда въ волеву слабость, грустною мечтательностью, которая всегда споритъ съ весельемъ, и живой, но не грандіозной фантазіей. Природа надѣлила малорусскій народъ, кромѣ того, особымъ даромъ—юморомъ, столь типичнымъ для всѣхъ, даже скромныхъ, представителей этой національности. Трудно опредѣлить точно, въ чемъ этотъ даръ заключается; иногда это просто комическая жилка, способность отнѣнать въ предметъ, или въ вопросъ его смѣшную сторону, чтобы позабавиться—такъ, для невинной потѣхи; иногда—это своеобразный взглядъ на вещи, ищущій въ насмѣшкѣ противовѣса грусти и ограждающій себя смѣхомъ отъ слишкомъ печальныхъ выводовъ и размышленій». Уже въ ребенкѣ Гоголѣ ясно сказались типичныя племенные черты малоросса: съ наклономъ отдаться иногда чувствамъ сентиментальной мечтательности, онъ соединялъ способность порою смотрѣть на жизнь съ точки зрѣнія юмориста. И сентиментальность, и юморъ свидѣтельствуютъ о томъ, что человѣкъ, надѣленный этими качествами, живетъ, обыкновенно, своей собственной жизнью, можетъ среди людей жить уединенно въ «своемъ мірѣ». Таковъ былъ Гоголь уже въ дѣтствѣ: скрытность, умѣніе маскировать свои настроенія—черты, ему тоже присущія, вытекали изъ основныхъ особенностей его души. Съ дѣтства привыкъ Гоголь интересоваться не только настоящимъ, но и прошлымъ Малороссіи; это прошлое было полно поэзій и жизни: Малороссія имѣла свою бурную исторію, и воспоминавія объ ея прошлой жизни съ дѣтства занимали и увлекали его. «Эхъ, старина, старина!—восклицаетъ Гоголь, что за радость, что за разгулье падеть на сердце, когда услышишь про

Вліяніе малороссійской природы и народности.

Гоголь въ дѣтствѣ.

Интересъ къ старинѣ.

Бога* направляла жизнь человѣка на „неисповѣдимые пути“, и личная воля человѣка парализовалась такимъ пониманіемъ жизни; награда, или наказаніе за гробомъ,—вотъ исходъ человѣческаго бытія. Гоголь на всю жизнь запомнилъ разговоръ матери о страшномъ судѣ: „одинъ разъ я просилъ васъ рассказать мнѣ о страшномъ судѣ, и вы мнѣ, ребенку, такъ хорошо, такъ понятно, такъ трогательно рассказали о тѣхъ благахъ, которыя ожидаютъ людей за добродѣтельную жизнь, и такъ разительно, такъ страшно описали вѣчныя муки грѣшныхъ, что это потрясло и разбудило во мнѣ всю чувствительность; это заронило и произвело впоследствии во мнѣ самыя высокія мысли!“ Очевидно, религиозные идеалы древней Руси не были вытравлены изъ русскаго самосознанія XVIII-ымъ и XVIII-омъ столѣтіями,—они дожили въ сердцахъ русскіхъ людей (особенно въ провинціи) до XIX в. и создали такихъ людей, какъ мать Гоголя, дали матеріалъ для нѣкоторыхъ типовъ Островскаго, для тургеневской Лизы Калитиной.

то, что давно-давно, и года ему и мѣсяца нѣтъ, дѣялось на свѣтѣ!» Интересъ Гоголя къ исторіи Малороссіи отчасти объясняется тѣмъ, что предки его играли нѣкоторую роль въ ея прошломъ.

Такимъ образомъ, воспитаніе Гоголя очень отличалось отъ того, которое получилъ Пушкинъ, — тотъ воспитывался на французскій ладъ, въ кругу интернаціональныхъ интересовъ и идей и лишь позднѣе самъ подошелъ къ народу русскому — Гоголю пришлось въ жизни поступить наоборотъ: выросши на впечатлѣніяхъ чисто-національныхъ, онъ лишь потомъ пытался, отчасти подъ вліяніемъ Пушкина, войти въ кругъ общечеловѣческихъ идей.

Десяти лѣтъ отъ роду Гоголь былъ отданъ въ полтавскую гимназію, а затѣмъ, черезъ два года, его отдали въ Нѣжинскій институтъ.

Гоголь
въ лицѣѣ.

Школа эта (съ 1821—1828) для талантливаго мальчика не была въ тягость; здѣсь природы его не ломали, — онъ росъ здѣсь свободно, и долго, не выдаваясь ничѣмъ, незамѣченный никѣмъ, свободно развивалъ свои дарованія въ кругу товарищей. Науками занимался Гоголь немного, зато въ послѣдніе годы пребыванія въ лицѣѣ весь свой досугъ отдавалъ литературнымъ занятіямъ, рисованью и развлеченіямъ театральнымъ¹⁾. Кромѣ того, интересы дома онъ перенесъ въ школу и сумѣлъ здѣсь вокругъ себя создать цѣлый кружокъ молодыхъ любителей литературы и театра. Особенно сошелся онъ съ А. С. Данилевскимъ, сосѣдомъ по ижнѣю, съ Высоцкимъ и братьями Прокоповичами. Друзья Гоголя слѣдили за всѣми новинками русской литературы, завели даже свою особую бібліотеку, издавали журналъ, подъ названіемъ «Звѣзда», и устроили въ лицѣѣ театръ, который привлекалъ даже жителей г. Нѣжина. Такимъ образомъ, совершенно справедливо указаніе на то, что если жизнь въ Нѣжинѣ мало дала положительныхъ знаній Гоголю, то все же содѣйствовала его общему развитію. Какъ общество товарищей въ Царскосельскомъ лицѣѣ помогло Пушкину развить его душевныя силы, создавъ среду, для этого благоприятную, такъ и для Гоголя жизнь въ кругу сочувствующей ему молодежи помогла расширить его кругозоръ, развить и углубить его поэтическіе и вообще художественныя интересы. Если онъ мало учился, зато онъ много читалъ. Кромѣ того, найдя въ товарищахъ «публику», которая съ удовольствіемъ поощряла его остроумныя выходки, онъ далъ теперь полную свободу своей наблюдательности и своему природенному юмору. Въ его уцѣлѣвшихъ школьныхъ опытахъ-сатирахъ и памфлетахъ — сохранились слѣды его критическаго, лукаво-смѣшливаго отношенія и къ лицейскому начальству, и къ жителямъ города Нѣжина, и къ хохламъ-мужикамъ, чѣмъ-нибудь привлекавшимъ его глазъ.

Меланхолія
Гоголя и ея
причины.

Но уже на школьной скамьѣ зналъ Гоголь и томительныя, тоскливыя настроенія той грусти, которая навсегда сдѣлалась спутникомъ этого, самаго веселаго, русскаго писателя. Источникъ этой юношеской грусти скрывался въ томъ серьезномъ отношеніи къ труднымъ вопросамъ жизни, которые уже съ юношескихъ лѣтъ стали волновать его душу. Живой, веселый и насмѣшливый въ кругу друзей, — Гоголь наединѣ съ собою дѣ-

¹⁾ Онъ выступалъ съ большимъ успѣхомъ въ роляхъ „старухъ“. Лучшая его роль была роль Простаковой.

лся инымъ. Въ раннихъ его письмахъ, писанныхъ изъ лица, обрисовывается онъ, какъ «искатель правды», какъ моралистъ, съ строгимъ взглядомъ на жизнь. Эти полудѣтскія, полуюношескія «исканія правды» выражены въ его письмахъ такимъ дѣланнымъ, неестественнымъ стилемъ, что можно усумниться, дѣйствительно ли эти вопросы серьезно мучили сердце юноши, не были ли однимъ только кокетничаньемъ съ самимъ собой и съ высокими чувствами... Но такое «исканіе правды» не угасало у Гоголя съ годами,—напротивъ, все глубже вросло въ его душу. Это обстоятельство заставляетъ серьезно относиться къ его дѣтскимъ «тревогамъ», признать ихъ искренность и серьезность. Незадолго до окончания курса въ лицѣ писалъ онъ своей матери письмо, въ которомъ представляетъ себя «загадочной натурой», говоритъ о томъ, сколько горя Гоголь—«зага- онъ вынесъ въ жизни, какъ хорошо знаетъ онъ обратную сторону жизни. дочная натура» Въ это было преувеличеніемъ, такъ какъ дѣйствительнаго горя Гоголь въ тѣ годы еще не зналъ, но онъ въ своемъ сердцѣ, очевидно, выстрадалъ много *воображаемаго* горя, — и это свидѣтельствуетъ о необыкновенной сложности и, дѣйствительно, загадочности его сердца. Онъ сумѣлъ отъ людей скрыть трагедію своей души и лишь передъ самимъ собою, да передъ матерью старался представить эту трагедію мучительнѣе и выразительнѣе. «Преувеличивать Гоголь любилъ и позднѣе: ему всегда казалось, что жизнь на него смотреть гораздо болѣе страшными глазами, чѣмъ это было на самомъ дѣлѣ; но эти раннія жалобы на одиночество, на неловкое, трудное, страдательное положеніе среди людей—показатели, хотя и неопредѣленнаго, но всетаки весьма вдумчиваго отношенія юноши къ тому, мимо чего мы, обыкновенно, въ юности проходимъ, то есть къ общему смыслу жизни, который для большинства теряется за раздробленными впечатлѣніями отдѣльных минутъ и частныхъ будничныхъ столкновеній» (Котляревскій).

Уже на школьной скамьѣ Гоголь развилъ въ себѣ чувство честолюбія. Онъ понялъ очень скоро, что головой стоитъ выше своихъ товарищей; привычка высмѣивать чужія слабости могла только содѣйствовать развитію въ немъ этого самолюбія. Все это сказалось очень курьезно въ тѣхъ поученіяхъ, которыя онъ въ своихъ письмахъ расточалъ своей матери; это выразилось и въ тѣхъ тщеславныхъ мысляхъ, что онъ, особенное существо, имѣетъ какую-то особую миссію—служить великую службу отечеству ¹⁾. Это самолюбіе Гоголя, съ другой стороны, унижало, въ его глазахъ, всѣхъ окружавшихъ его. «Какъ тяжело быть зарыту вѣстѣ съ созданіями низкой неизвѣстности въ безмолвіе мертвое!»—писалъ онъ другу. «Ты знаешь всѣхъ нашихъ существователей,—всѣхъ, населившихъ Нѣжинъ!»—воскликаетъ онъ далѣе.—Они задавили корою своей земности, ничтожнаго самодовольствія, высокое назначеніе человѣка. И между этими существователями я долженъ пресмыкаться! Изъ нихъ не исключаются и

¹⁾ Нѣкоторые биографы Гоголя объясняютъ эти мечты также и тѣмъ обстоятельствомъ, что Гоголь въ лицѣ увлекался изученіемъ «естественнаго права». Талантливый учитель его. Вѣлюсовъ сумѣлъ развить въ немъ жажду общественной дѣятельности, которая и представлялась юношѣ, какъ борьба за право, борьба съ неправосудіемъ и съ тѣми людьми, которые своими пороками вносили зло въ жизнь.

Мечты
о „служеніи
родинѣ“.

дорогіе наставники наши! Если въ этихъ словахъ и высказывается недовольство пошлостью жизни, это недовольство слишкомъ замѣтно переходитъ въ самоувѣіе... Не подозрѣвая, въ чемъ будетъ заключаться его настоящее дѣло служенія родинѣ, онъ съ увѣренностью говоритъ о томъ, что совершитъ «трудъ важный, благородный, на пользу отечества, для счастья гражданъ, для блага жизни подобныхъ»... «И долготѣ нервительный, неуверенный въ себѣ, продолжаетъ онъ, я вспыхиваю огнемъ гордаго самосознанія—черезъ годъ вступаю я въ службу государственную!» Онъ не мечталъ совсѣмъ о карьерѣ писателя,—ему казалось, что чиновничество тамъ, въ Петербургѣ,—поприще, на которомъ легко сразу облагодѣтельствовать отечество. Если мы припомнимъ, что это время было эпохой крайней централизаціи власти,—мы поймемъ, почему Петербургъ провинціаламъ той поры казался мѣстомъ, откуда можно управлять всей Россіей¹⁾. Быть можетъ, эти мечты выдвинулись на служебномъ поприщѣ нашихъ для своего развитія благопріятную почву въ дѣтскихъ впечатлѣніяхъ отъ величественнаго образа Троицкаго.

«Уже ставлю мысленно себя въ Петербургѣ,—мечталъ въ одномъ письмѣ Гоголь,—въ той веселой комнаткѣ, окнами на Неву, такъ какъ я всегда думалъ найти себѣ такое мѣсто. Не знаю, сбудутся ли мои предположенія, буду ли я точно жить въ такомъ райскомъ мѣстѣ, или неумолимое веретено судьбы зашвырнетъ меня съ толпою самодовольной черни (мысль ужасная!) въ самую глушь ничтожности, отведетъ мнѣ черную квартиру неизвестности въ мірѣ!»

Изъ произведеній Гоголя, написанныхъ имъ во время пребыванія въ лицѣ, сохранились немногія—большинство извѣстно лишь по названію. Кромѣ мелкихъ сатирическихъ произведеній, осмѣивающихъ товарищей, учителей, или жителей Нѣжина («Нѣчто о Нѣжинѣ, или дуракамъ законъ не писанъ»), къ этому юношескому періоду его творчества относятся произведенія болѣе крупныя, отразившія характерныя черты его юношескихъ настроеній. Изъ этихъ произведеній мы узнаемъ, что, въ бытность свою въ лицѣ, Гоголь находился подъ вліяніемъ Жуковскаго и Марлинскаго,—т. е. отдалъ дань всѣмъ видамъ русскаго романтизма. Къ произведеніямъ въ духѣ Жуковскаго относится его большая идиллія «Ганцъ Кюхельгартенъ»,—которую онъ самъ цѣнилъ такъ высоко, что счелъ возможнымъ отдать въ печать. Этому произведенію біографы Гоголя съ полнымъ правомъ придаютъ автобіографическое значеніе, въ героѣ ея, «прекраснодушномъ юношѣ», усматривая отраженіе настроеній юноши-Гоголя, тоскующаго въ тѣсныхъ рамкахъ семьи и жизни уѣзднаго города. Къ романтической группѣ произведеній относится несохранившаяся трагедія «Разбойники», вѣроятно, подражаніе драмѣ Шиллера, историческая повѣсть, въ духѣ произведеній Марлинскаго—«Братья Твердиславичи», романъ «Гетманъ»—произведеніе, отличающееся фантастичностью, патетическимъ стилемъ и романтическими эффектами. Сюда же должны быть отнесены и отрывки повѣсти изъ народной жизни: «Страшный кабанъ». Это произведеніе, развивающее фантастическое народное преданіе, напоминаетъ собою,

Лицейскія
сочиненія
Гоголя.

„Ганцъ Кюхельгартенъ“
Автобіографическое
значеніе.

¹⁾ Въ романахъ Гоголя („Мертвыя души“), Гончарова „Обломовъ“ и „Обыкновенная Исторія“ выведены юноши, такъ же смотрящіе на Петербургъ.

по типу своему, многія повѣсти, вошедшія впоследствии въ составъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки».

Всѣ перечисляемые произведения и нѣкоторые мелкіе безымянные отрывки доказываютъ, насколько сильно былъ Гоголь захваченъ романтизмомъ: всѣ виды этого направленія ¹⁾ его захватили, — зналъ онъ и идеалистическія настроенія «прекрасной души», увлекался онъ, подобно многимъ романтикамъ (напр. Марлинскому), и образами крупныхъ героевъ, превышающихъ своей душой размеры обыкновеннаго человѣка («Разбойники», «Гетманъ»). Наконецъ, слѣдуя романтикамъ, съ наслажденіемъ почерпалъ онъ сюжеты для своихъ произведеній изъ исторіи и области народныхъ преданій, особенно суевѣрныхъ разсказовъ, извлекая оттуда фантастическое, сверхъестественное...

Гоголь-романтикъ.

Въ 1828 году Гоголь пріѣхалъ въ «завѣтный» Петербургъ, куда его такъ тянуло съ дѣтства. «Здѣсь дѣйствительность сразу рядомъ тяжелыхъ ударовъ умѣряетъ горячій пылъ его юношескихъ мечтаній: «вмѣсто квартиры съ окнами на Неву, какъ мечталъ Гоголь, приходится довольствоваться скромнымъ помѣщеніемъ въ верхнемъ этажѣ густонаселеннаго дома въ одной изъ весьма прозаическихъ улицъ» (Шенрокъ). Дороговизна столичной жизни его ошеломила; рекомендательныя письма Троичинскаго не принесли ему той пользы, на которую рассчитывали онъ и его мать. Юношѣ, избалованному довольствомъ домашней жизни и лаской нѣжнолюбящей матери, пришлось узнать лишенія: всю зиму принужденъ онъ былъ «отхватать» въ лѣтней шинели и отказать себѣ въ удовольствіи посѣщать театръ. Его, наивнаго провинціала, поразили холодъ и эгоизмъ столичныхъ обывателей ²⁾. «Скажу вамъ, — пишетъ онъ матери, — что Петербургъ мнѣ показался вовсе не такимъ, какъ я думалъ. Я его воображалъ гораздо красивѣе, великолѣпнѣе, и слухи, которые распускали другіе о немъ, также лживы. Жить здѣсь несравненно дороже, нежели думали. Это заставляетъ меня жить, какъ въ пустынѣ: я принужденъ отказываться отъ лучшаго своего удовольствія — видѣть театръ». Не понравился ему и люда петербургскіе: они не имѣли ничего типическаго ³⁾; иностранцы, живущіе здѣсь, слишкомъ обрусѣли, — русскіе «объиностранились». «Тишина (въ Петербургѣ), — разсказываетъ онъ, — необыкновенная, никакой духъ не блеститъ въ народѣ, — все служащіе, да должностные; всѣ толкуютъ о своихъ департаментахъ, да коллегіяхъ, — все погрязло въ трудахъ, въ которыхъ безплодно издерживается жизнь ихъ». Очевидно, и чиновничья карьера, въ глазахъ Гоголя, потеряла теперь весь ореолъ «великаго служенія родинѣ» и обратилась въ «безплодное», сѣрое существованіе. Это было новое разочарованіе для молодого энтузіаста. Съ лихорадочной поспѣшностью ищетъ онъ себѣ новаго поприща дѣятельности, и ненадолго останавливается на мысли поступить въ актеры. Онъ даже рискнулъ подвергнуться испытанію, «но его чтеніе,

Гоголь въ Петербургѣ.

Первыя разочарованія.

1) См. мою книгу „Исторія русской слов.“, ч. II, главу о романтизмѣ.

2) Ср. разочарованія Тентетникова, Обломова и Адуева въ Петербургѣ.

3) Это замѣчаніе Гоголя очень любопытно; очевидно, онъ еще юношей научился отыскивать типичныя черты у людей, отмѣчать у нихъ наиболѣе яркія черты. Очевидно, въ провинціи онъ имѣлъ больше матеріала для наблюденія.

выразительное, совершенно естественное и чуждое всякой ложной аффектации, произвело неблагоприятное впечатлѣніе на тогдашнихъ театральныхъ аристарховъ. Гоголь замѣтилъ это самъ, и послѣ испытанія не явился за отвѣтомъ» (Шенрокъ). Затѣмъ онъ рѣшился испробовать счастья на поприщѣ литературномъ и выпустилъ на свой счетъ въ свѣтъ свою идиллію «Ганцъ Кюхельгартенъ», скрывъ свою фамилію подъ псевдонимомъ «В. Алова» ¹⁾. Произведеніе было встрѣчено критикою очень враждебно, и юный авторъ уничтожилъ свое первое «дѣтище», отобравъ изъ магазиновъ нераспроданные экземпляры. И напечатаніе этой слабой поэмы, и сожженіе ея,—все очень характерно для пониманія Гоголя: съ одной стороны, видно и самолюбіе его, выразившееся въ переослѣнкѣ своего таланта,—съ другой стороны, болѣзненное самолюбіе, не терпящее осужденія. Онъ надѣялся, что «Ганцъ Кюхельгартенъ» сразу выдвинетъ его въ ряды замѣтныхъ писателей.—этому произведенію онъ, очевидно, придавалъ очень большое значеніе. Попятно поэтому, что неудача «Ганса» сильно потрясла его; онъ даже внезапно рѣшился покинуть Россію и уѣхать за границу. Это рѣшеніе было такъ неожиданно для него самого и его родственниковъ, что впоследствии, затрудняясь самъ дать себѣ ясный отчетъ въ своемъ поступкѣ, онъ рѣшился даже оправдать его вымышленными фактами. Впрочемъ, въ томъ характерномъ письмѣ къ матери, въ которомъ онъ объяснилъ ей свое бѣгство изъ Россіи необходимостью спасти себя отъ какой-то безнадежной любви, слышатся искреннія страданія юнаго безпокойнаго сердца, все еще не примиряющагося съ мелочной, прозаическою жизнью обыкновенныхъ «существователей». Неудача своихъ первыхъ шаговъ на житейскомъ поприщѣ релігіозный юноша объясняетъ даже проявленіемъ мудрой воли Божьей. «Я чувствую налегшую на меня справедливымъ наказаніемъ тяжкую десницу Всемогущаго!»—писалъ онъ матери. Волей Бога объяснялъ онъ и свою неожиданную поѣздку на чужбину: «Онъ указалъ мнѣ путь въ землю чуждую, чтобы я тамъ воспиталъ свои страсти въ тишинѣ, въ уединеніи, въ шумѣ вѣчнаго труда и дѣятельности, чтобы я самъ по нѣсколькимъ ступенямъ поднялся на высшую, откуда бы былъ въ состояніи разсѣвать благо и работать на пользу міра». Онъ опять повторяетъ, что не хочетъ «пресмыкаться» въ жизни. Онъ утѣшаетъ свою мать, говоритъ, что ему нужно «передѣлать себя», переродиться, оживиться новою жизнью, «расцвѣсть силою души въ вѣчномъ трудѣ и дѣятельности», чтобы найти не личное счастье, а возможность посвятить свою жизнь для счастья и блага себѣ подобныхъ». Мы видѣли уже, что съ этими же «мечтами» носился Гоголь еще въ бытность свою въ Нѣжинѣ.

Поѣздка
Гоголя загра-
ницу.

Гоголь
заграницей.

Гоголь заграницей выжилъ только мѣсяць,—онъ соскучился по родиנѣ, изъ которой бѣжалъ, да и тоска попрежнему его мучила здѣсь: его юную душу попрежнему мучилъ разладъ. Въ письмѣ изъ-заграницы онъ пространно исповѣдывается передъ матерью. Онъ сѣтуетъ, что Богъ, «создавъ такое единственное, или, по крайней мѣрѣ, рѣдкое въ

¹⁾ Въ предисловіи, отъ имени какихъ-то несуществовавшихъ издателей, Гоголь имѣлъ нескромность заявить, что они (издатели) „гордятся тѣмъ, что, по возможности, способствовали свѣту ознакомить съ созданіемъ юнаго таланта“.

миръ сердце, какъ его, создавъ такую душу, пламенѣющую жаркою любовью ко всему высокому и прекрасному, облекъ ее въ такую грубую оболочку». Это бореіе тѣла и духа, такъ мучительно выразившееся въ юной душѣ Гоголя,—было главнымъ содержаніемъ духовной жизни древней Руси; многихъ оно вело тогда къ аскетизму, подвижничеству, отреченію отъ земли. Это роковое наследіе досталось въ удѣлъ Гоголю. Юношей, еще мало вѣдающимъ жизнь, онъ узналъ уже тѣ духовныя страданія, которыми жила и питала свою душу подвижники древней Руси. Подобно имъ, Гоголь-юноша больше всего интересуется своей душой, копаются въ ней, бичуетъ себя за ея недостатки. Онъ спрашиваетъ Бога, зачѣмъ Онъ допустилъ въ его душѣ такую страшную смѣсь противорѣчій, упрямства, дерзкой самонадѣянности и самаго униженнаго смиренія...

Идеалы древней Руси и міросозерцаніе Гоголя.

Душевная борьба помѣшала ему заинтересоваться заграничной жизнью, и потому никакихъ особыхъ впечатлѣній его поѣздка ему не принесла. Вернувшись въ Петербургъ въ первыхъ мѣсяцахъ 1830 года, онъ поступилъ на службу въ департаментъ удѣловъ. Эта казенная служба слишкомъ отличалась отъ того «служенія» родинѣ, о которомъ мечталъ Гоголь,—естественно, что онъ не чувствовалъ себя удовлетвореннымъ. Даже жалованья чиновничьяго ему не хватало на существованіе. Приходилось давать частныя уроки, заниматься гувернерствомъ и заказной литературной работой. Въ поискахъ средствъ къ существованію, Гоголь остановился на счастливой мысли пустить въ литературный оборотъ свои знанія малороссійской жизни. Онъ замѣтилъ, что петербургская читающая публика, подъ вліяніемъ господствующихъ въ тогдашней литературѣ романтическихъ вкусовъ, обнаружила интересъ къ знакомству съ жизнью различныхъ народовъ («souleur locale»),—она узнала кавказскихъ горцевъ по Марлинскому, Пушкину и Лермонтову, крымскихъ татаръ и бессарабскихъ цыганъ—по Пушкину. Немного познакомилась она съ Малороссіей по произведенію Пушкина: «Полтава». Гоголю суждено было полнѣе и глубже ознакомиться съ поэтической стороной жизни Украйны. Въ поискахъ «хлѣба», принялся онъ за сочиненіе своихъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки»—и, неожиданно для себя, завоевалъ этими веселыми поэтическими рассказами не только «хлѣбъ», но и «славу»... Этими рассказами онъ никогда не придавалъ большого значенія, такъ какъ его мучительная душевная борьба въ нихъ не отразилась,—ему дороже былъ его неудачный «Гансъ Кюхельгартенъ»—произведеніе, въ которое онъ вложилъ всю свою душу.

Гоголь на службѣ.

„Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“.

Впрочемъ, если онъ самъ мало интересовался своими бытовыми рассказами, онъ писалъ ихъ очень добросовѣстно: онъ не довольствовался своими знаніями Малороссіи, своей богатой фантазіей,—для своихъ рассказовъ онъ старательно собиралъ факты и матеріалы; мать его, друзья и знакомые, оставшіеся на родинѣ, доставляли ему въ столицу свѣдѣнія, пополняющія его знанія малороссійской жизни¹⁾. Эти матеріалы, дѣйстви-

Работа Гоголя надъ повѣстями.

1) Какъ образецъ подобныхъ просьбъ, можно привести отрывокъ изъ письма Гоголя къ матери: „Вы много знаете обычай и нравы малороссіянъ нашихъ и потому вы не откажетесь сообщить мнѣ ихъ въ нашей перепискѣ. Это мнѣ очень, очень нужно... Я ожидаю отъ васъ описанія полнаго наряда сельскаго дьячка, отъ верхняго платья до самыхъ сапоговъ, съ поименованіемъ, какъ это все называлось у самыхъ

тельно, сослужили Гоголю большую службу,—они придали его веселым рассказам ту этнографическую полноту и содержательность, которая отмечены были сразу русской критикой.

Гоголь въ апогеѣ славы.

Высокую художественность гоголевскихъ рассказовъ оцѣнили выдающіеся русскіе писатели того времени: Жуковский, Пушкинъ, Плетневъ, Дельвигъ. Они сблизились съ нимъ и ввели его въ кругъ тогдашнихъ русскихъ литераторовъ. Попалъ Гоголь и въ салонъ фрейлины Смирновой, гдѣ собирались лучшіе русскіе умы того времени и выдающіеся иностранные дипломаты. Пушкинъ былъ душой этого салона. Подружился онъ съ Вильгорскими. Въ 1832 году Гоголь ѣздилъ на родину и по дорогѣ остановился въ Москвѣ; здѣсь онъ сошелся съ Погодинымъ, Шевыревымъ, семьей Аксаковыхъ. «Послѣ долгихъ неудачъ Гоголь вдругъ испыталъ какое-то фантастическое, волшебное счастье: онъ сразу почувствовалъ себя перенесеннымъ въ высшія сферы литературнаго міра» (Шенрокъ). Несомнѣнно, подъ впечатлѣніемъ удачи, Гоголь забылъ надолго свои душевные страданія,—къ тому же онъ всецѣло подпалъ подъ вліяніе Пушкина¹⁾, который съ любовью занялся литературнымъ и умственнымъ развитіемъ талантливаго «самородка». Онъ указывалъ Гоголю, что надо прочесть, объяснялъ Гоголю характерныя черты его таланта и рѣшительно повелъ его на путь художественнаго реализма. «Изображеніе отрицательныхъ сторонъ русской дѣйствительности»—вотъ, дорога, которую указала Гоголю Пушкинъ.

Вліяніе Пушкина на а) литературное развитие Гоголя;

Въ уравновѣшенной душѣ нашего великаго поэта не было мѣста для той борьбы, которая мучила Гоголя: мы видѣли, что Пушкинъ сумѣлъ и въ жизни, и въ творчествѣ примирить плоть и духъ. Неизвѣстно, открывалъ ли Гоголь передъ Пушкинымъ тайники своей души, но, несомнѣнно, если бы онъ это и сдѣлалъ, онъ не встрѣтилъ бы сочувствія себѣ со стороны «пѣвца земли». Вѣроятно, оказалъ вліяніе Пушкинъ и на политическое міровоззрѣніе Гоголя. «Националистъ» по убѣжденіямъ, вѣрящій въ Россію и примирившійся съ русской дѣйствительностью, Пушкинъ такіе же взгляды привилъ Гоголю. Сдѣлать это тѣмъ болѣе было легко, что Гоголь самъ шелъ къ такому міросозерцанію. И вотъ, взгляды «официальной народности», отчасти «славянофильство» были прочно усвоены Гоголемъ. Вѣра въ неизблемость «православія, самодержавія и народности» вошла въ его міросозерцаніе. Впрочемъ, подобно Пушкину, онъ не примкнулъ дѣлкомъ ни къ правительству, ни къ славянофиламъ, не сдѣлался пропагандистомъ ихъ взглядовъ, по крайней мѣрѣ, въ первый

б) философское;

в) политическое.

закоренѣлыхъ, самыхъ древнихъ, самыхъ наименѣе перемѣнившихся малороссіянъ. Еще обстоятельное описаніе свадьбы, не упуская ни малѣйшихъ подробностей... Еще нѣсколько словъ о колядкахъ, о Иванѣ Купалѣ, о русалкахъ. Если есть, кромѣ того, какіе-либо духи, или домовые, то о нихъ подробнѣе, съ ихъ названіями и дѣлами. Множество носится между простымъ народомъ повѣрій, страшныхъ сказаній, преданій, разныхъ анекдотовъ и пр.". Въ этомъ интересѣ къ народной жизни сказалась одна изъ характерныхъ особенностей романтизма—погона за couleur ethnographique. Интересуютъ его и древнія монеты, рѣдкости, старопечатныя книги; онъ проситъ высылать ему стародавнія рукописи про времена гетманщины. Этотъ интересъ къ старинѣ—тоже черта романтиковъ, увлекавшихся сознательнымъ желаніемъ вѣрно воспроизводить couleur historique.

¹⁾ Въ „Запискахъ Смирновой“ не разъ рассказывается, съ какимъ благоговѣніемъ слушалъ Гоголь все, что говорилъ Пушкинъ. Многія изъ его замѣчаній и сужденій Гоголь немедленно записывалъ въ записную книжку.

периодъ своей жизни. Нѣсколько въ сторону остался Гоголь отъ философскихъ и политическихъ настроеній эпохи. Подъ вліяніемъ своихъ новыхъ петербургскихъ друзей-писателей, онъ съ головой окунулся въ литературную жизнь; онъ сталъ теперь серьезно смотрѣть на занятія литературой; издавъ свои «Вечера» въ свѣтъ въ 1831 году, подъ псевдонимомъ «Рудаго Панька», онъ въ 1832 году, по совѣту Пушкина, берется за сочиненіе большой бытовой комедіи изъ русской жизни. Кромѣ того, старательно изучаетъ русскую литературу, старается выяснитъ себѣ сущность и цѣли искусства, занимается исторіей ¹⁾.. Вообще семь лѣтъ (1829—1836), проведенныя имъ въ Петербургѣ въ обществѣ Пушкина, были блестящей порой его жизни и творчества: въ этотъ періодъ времени развернулся его талантъ, — онъ написалъ «Вечера на хуторѣ», въ 1835 году «Арабески», «Миргородъ» (въ этотъ сборникъ вошла и повѣсть «Тарасъ Бульба»), «Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ», «Старосвѣтскіе помѣщики», «Записки сумасшедшаго», «Женитьбу», «Ревизора» (написанъ въ 1835 г., поставленъ на сцену 19 апрѣля 1836 г.), задумалъ и началъ «Мертвыя души», критическія и теоретическія статьи о русской литературѣ и искусствѣ, — словомъ, сказалъ почти все, что онъ имѣлъ сказать, и затѣмъ только передѣлывалъ, передумывалъ и дополнял сказанное или задуманное раньше» (Котларевскій). Его творческій геній роковымъ образомъ померкъ со смертью Пушкина.

Влсташій
періодъ твор-
чества Гоголя.

Въ эти семь лѣтъ многое пережилось въ жизни Гоголя, — онъ изъ чиновника сдѣлался педагогомъ — преподавателемъ исторіи въ Патриотическомъ институтѣ, потомъ даже профессоромъ всеобщей исторіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ. Этотъ выборъ карьеры оказался очень неудачнымъ, — къ отвѣтственнымъ обязанностямъ профессора Гоголь былъ не подготовленъ, одного таланта и блестящаго воображенія было мало тамъ, гдѣ не было знанія, — немудрено поэтому, что годъ его профессорства былъ очень ему тяжелъ. Эта новая неудача была большимъ ударомъ для впечатлительнаго самолюбія писателя. Но она имѣла и хорошіе результаты, — она приковала Гоголя къ литературѣ. Онъ испробовалъ нѣсколько путей, вездѣ терпѣлъ неудачи: оставался одинъ — писательство. Но любопытно, что не своими литературными успѣхами недоволенъ былъ онъ: друзья-писатели, петербургскіе и московскіе, носили его на рукахъ; публика читала нарасхватъ его произведенія; критика русская, вообще недоброжелательная, тоже заинтересовалась новымъ свѣтиломъ, — но Гоголю всего этого было мало. Судя по его письмамъ, онъ все еще мечталъ о какомъ-то «большомъ дѣлѣ» ²⁾. Пушкинъ указывалъ ему, что это

Гоголь-про-
фессоръ.

1) Мысли, имъ выработанныя въ это время, нашли себѣ выраженіе въ тѣхъ статьяхъ, которыя вошли позднѣе въ составъ его сборника „Арабески“.

2) Онъ съ презрѣніемъ отзывался о своихъ первыхъ произведеніяхъ, которыя принесли ему славу: „да обречутся они неизвѣстности, — писалъ онъ о „Вечерахъ на хуторѣ“, — покаместъ что-нибудь увѣистое, великое, художническое, не изыдетъ изъ меня!“ Съ этимъ „великимъ“ онъ хотѣлъ связать то „большое дѣло“, о которомъ онъ мечталъ.. „Я вижу яснѣе и лучше многое, нежели другіе, — писалъ онъ матери въ 1833 году, — Я изслѣдовалъ человѣка отъ его колыбели до конца, и отъ этого яичуть не счастливѣе. У меня болитъ сердце, когда я вижу, какъ заблуждаются люди. Толкуютъ о добродѣтели, о Богѣ и, между тѣмъ, не дѣлаютъ ничего. Хотѣлъ бы,

„Ревизоръ“

«большое дѣло» можно было сдѣлать литературой, что обличеніе недостатковъ родной русской жизни—тоже дѣло немаловажное, но, должно быть, ему не удалось разубѣдить Гоголя. Вотъ почему и «Ревизоръ»¹⁾, имѣвшій большой успѣхъ и въ то же время вызвавшій озлобленіе въ широкихъ кругахъ русской публики, принесъ Гоголю больше горя, чѣмъ радости. Произошло это потому, что «на сцену Гоголь смотрѣлъ не какъ авторъ заурядной театральной пьесы, котораго полное торжество заключается въ радушномъ приѣмѣ и рукоплесканіяхъ публики, но съ затаеннымъ страхомъ и глубокою скорбью за судьбу своего созданія, въ которое онъ положилъ свою душу, свои лучшія, благороднѣйшія стремленія» (Шенрокъ). Театръ ломился, когда давали «Ревизора», но многіе осуждали пьесу за дерзкую критику русской жизни. Гоголь былъ пораженъ тѣмъ, какое впечатлѣніе произвела на русское общество его пьеса: «Господи Боже!—жаловался онъ.—Ну, если бы одинъ, два ругали, ну, и Богъ съ ними, а то всѣ, всѣ!» Измученный и потрясенный своей «неудачей», Гоголь уѣзжаетъ за границу, чтобы тамъ отдохнуть и успокоиться. Онъ убѣдился теперь, что та публика, которой онъ съ юности рвался «служить», не понимала его, относилась къ нему враждебно... Къ тому же, и самъ Гоголь разочаровался въ той пьесѣ, которая недостаточно ясно выразила егѣ основную мечту,—онъ хотѣлъ «проповѣдывать», «морализировать», когда писалъ своего «Ревизора», а оказался «обличителемъ». Произошло это потому, что «великій художникъ,—воспитанникъ Пушкина, побѣдилъ въ Гоголѣ «моралиста». Увлеченный сюжетомъ «Ревизора», сюжетомъ, который былъ ему подаренъ Пушкинымъ, Гоголь предоставилъ свободу своему юмору,—и, въ результатѣ, получилась сатира, поражавшая въ сердце всю тогдашнюю русскую дѣйствительность, съ ея централизаціей, съ ея чиновничествомъ и произволомъ²⁾. Гоголь не мѣтилъ такъ глубоко,—онъ ничего не имѣлъ противъ строя тогдашней русской жизни,—онъ хотѣлъ лишь изобличить пороки отдѣльныхъ лицъ, которыя своими личными недостатками вносили дисгармонію въ систему, вообще превосходную, не нуждающуюся въ реформахъ. Говоря словами Крылова, онъ «тоялъ на той точкѣ зрѣнія, которая утверждала, что «законы святы, да исполнители—лихіе супостаты», что вся бѣда не въ порядкахъ, а въ душевныхъ качествахъ отдѣльныхъ людей. Эта точка зрѣнія на русскую жизнь проводилась и Карамзиннымъ, и Жуковскимъ, и отчасти Пушкиннымъ... Жанدارмъ, появившійся въ концѣ комедіи съ извѣстіемъ, что настоящій ревизоръ пріѣхалъ и зоветъ къ отвѣту порочныхъ чиновниковъ, игралъ въ глазахъ Гоголя слишкомъ большую роль,—онъ оправдывалъ строй русской жизни, указывалъ, что порокъ наказывається и въ Россіи. Но эта мораль пьесы оказалась слишкомъ блѣдна,—ея никто не замѣтилъ, ея не поняли,—и это было больно Гоголю.

Отношеніе
Гоголя къ
своему произ-
веденію.

кажется, помочь имъ, но рѣдкіе, рѣдкіе изъ нихъ имѣютъ свѣтлый, природный умъ, чтобы увидѣть истину моихъ словъ“. Гоголь даже одно время бросилъ совсѣмъ писать, мучаясь тѣмъ, что его великіе замыслы не находятъ себѣ великаго воплощенія, «мелкаго (писать),—говоритъ онъ,—не хочется, великое не выдумывается“.

¹⁾ Въ 1-ый разъ поставленъ на сцену 19 апрѣля 1836 г.

²⁾ Это понялъ императоръ Николай Павловичъ, присутствовавшій на первомъ представленіи комедіи. „Ну, песка!—сказалъ онъ—всѣмъ досталось, а больше всѣхъ мнѣ!“

Въ развязкѣ «Ревизора» онъ самъ объяснилъ истинный смыслъ своей комедіи. Въ уста «перваго комическаго актера» вложилъ онъ свои мысли, свои взгляды. «Нѣтъ такого города на Руси, говорилъ Гоголь его устами, гдѣ бы всѣ чиновники были порочны. Слѣдовательно, не надо буквально понимать всего изображеннаго, не надо угадывать живыхъ людей въ изображенныхъ герояхъ. Авторъ изобразилъ «душевный городъ»—т. е. чело-вѣческую душу вообще, и всѣ «чиновники», и жители этого города—это олицетворенія пороковъ, съ которыми долженъ бороться чело-вѣкъ,—иначе ждетъ чело-вѣка страшная кара. «Будто не знаете, кто это ревизоръ? Что прикидываться? Ревизоръ этотъ—наша проснувшаяся совѣсть, которая заставитъ насъ вдругъ и разомъ взглянуть во всѣ глаза на самихъ себя. Передъ этимъ ревизоромъ ничто не укроется, потому что по Именному Высшему повелѣнію онъ посланъ». Совѣсть—«настоящій ревизоръ»—«Хлестаковъ»—вѣтреная свѣтская совѣсть, продажная, обманчивая совѣсть; Хлестакова подкупать какъ разъ наши же, обитающія въ душѣ нашей, страсти... Не съ Хлестаковымъ, но съ настоящимъ ревизоромъ оглянемъ себя! Клянусь, душевный городъ нашъ стѣдитъ того, чтобы подумать о немъ, какъ думаетъ добрый государь о своемъ государствѣ. благородно и строго, какъ онъ изгоняетъ изъ земли своей лихоимцевъ, изгонимъ нашихъ душевныхъ лихоимцевъ! Есть средство, есть бичъ, которымъ можно выгнать ихъ. Смѣхомъ, мои благородные соотечественники! Смѣхомъ, которого такъ боятся всѣ низкія наши страсти! Смѣхомъ, который созданъ на то, чтобы смѣяться надъ всѣмъ, что позоритъ истинную красоту чело-вѣка. Возвратимъ смѣху его настоящее значеніе! Отнимемъ его у тѣхъ, которые обратили его въ легкомысленное свѣтское кощунство надъ всѣмъ, не разбирая ни хорошаго, ни дурнаго!.. Не возмутимся духомъ, если бы какой-нибудь разсердившійся городничій, или, справедливѣе, самъ нечистый духъ, шепнулъ его устами: «что смѣетесь? надъ собой смѣтеся!»¹⁾ Гордо скажемъ ему: «Да, надъ собой смѣтеся, потому что слышимъ приказанье Высшее быть лучшими другихъ!.. Не пустой я какой-нибудь скоморохъ, созданный для потѣхи пустыхъ людей, но честный чиновникъ великаго Вождяго государства, и возбудилъ въ васъ смѣхъ,—не тотъ беззубный, которымъ пересмѣхаютъ въ свѣтѣ чело-вѣкъ чело-вѣка, который рождается отъ бездѣльной пустоты празднаго времени, но смѣхъ, родившійся отъ любви къ чело-вѣку. Дружно докажемъ всему свѣту, что въ Русской землѣ все, что ни есть, отъ мала до велика, стремится служить Тому же, Кому всѣ должны служить на землѣ,—несется туда, вверхъ, къ Верховной вѣчной красотѣ».

Понятно, какъ оскорбительно было Гоголю сознать, что *никто* въ авторѣ «Ревизора» не увидѣлъ «честнаго чиновника великаго Вождяго государства»—проповѣдника добра,—а усмотрѣли или скомороха-шута, потѣшника толпы, или либерала-обличителя, или просто суроваго и несправедливаго судью-самозванца. Онъ убѣдился, что его опять не поняли читатели, и онъ сталъ защищать себя отъ многочисленныхъ и разнообразныхъ обвиненій,—особенно, отъ обвиненій въ томъ, что хотѣлъ уни-

Объясненіе
Гоголемъ
смысла пьесы.

Значеніе
смѣха.

¹⁾ Смыслъ этой фразы обращенной въ комедіи, словно къ публикѣ, дѣйстви-тельно, загадочный, разъясняется только этими словами Гоголя.

зять Россію ¹⁾. «Если бы это была правда,—писалъ онъ Прокоповичу,—то хуже («Ревизора») на Руси мнѣ никто не могъ нагадить. Но, слава Богу, это—ложь... Мнѣ страшно вспомнить обо всѣхъ моихъ мараньяхъ. Они въ родѣ грозныхъ обвинителей являются глазамъ моимъ. Забвенья, долгаго забвенья просить душа. И если бы появилась такая моль, которая съѣла бы всѣ экземпляры «Ревизора», а съ ними «Арабески», «Вечера» и всю прочую чепуху, и обо мнѣ въ теченіе долгаго времени ни печаталь, ни изустно не произносилъ никто ни слова, я бы благодарилъ судьбу». Онъ охладѣлъ къ «Ревизору», какъ прежде къ «Гансу Кюхельгартену», и успокоеніи искалъ, какъ и раньше, въ заграничномъ путешествіи.

«Пророку нѣтъ славы въ отчизнѣ»—писалъ онъ Погодину незадолго до отъѣзда, выражая въ этихъ словахъ все свое самомнѣніе и презрѣніе къ русской «черни». Но его все не оставляла мысль, что онъ совершитъ нѣчто великое: называя всѣ свои сочиненія (въ томъ числѣ и «Ревизора») «ученическими», онъ восклицалъ: «пора, пора, наконецъ, заняться дѣломъ!».

Гоголь
заграницей.

Гоголь заграницей, въ періодъ 1836—1841 гг.—«большая загадка, которую, вѣроятно, не разъяснятъ никакіе біографическіе матеріалы и даже личныя признанія поэта. Въ этой сложной душѣ, полной противорѣчій, совершалось за этотъ періодъ времени то таинственное бorenіе, которое художника, въ концѣ концовъ, обратило въ моралиста и богослова, и въ юмористъ-бытописателѣ заставило вновь проснуться съ подновленной силой старое романтическое міросозерцаніе. Это было бorenіе сначала очень радостное, полное вдохновеннаго восторга, а въ концѣ совѣмъ болѣзненное, истомившее художника и физически, и нравственно» (Котляревскій).

Заграницей онъ искалъ только впечатлѣній эстетическихъ,—онъ холодно относился къ западно-европейской культурѣ, къ современной жизни Европы, даже къ исторической старинѣ,—чаще всего оставался онъ одинъ, съ глазу на глазъ, со своей душой, мятежной и жаждущей. Къ Германіи, Швейцаріи и Парижу отнесся онъ равнодушно; только Италія нравилась ему. Она успокаивала его больные нервы; свѣтомъ, тепломъ и красотой ласкала его больное сердце. «Кто былъ въ Италіи, тотъ скажи «прощай» другимъ землямъ»,—писалъ Гоголь друзьямъ,—«кто былъ на небѣ, тотъ не захочетъ на землю. Европа, въ сравненіи съ Италіей, все равно, что день пасмурный въ сравненіи съ днемъ солнечнымъ». «Душенька моя! моя красавица Италія!—восклицалъ онъ,—никто въ мірѣ ея не отниметъ у меня! Я родился здѣсь... Россія, Петербургъ, снѣга, подлещи, департаментъ, каеэдра, театр,—все это мнѣ *стилось*... О, если бы въ взглянули только на это ослѣпляющее небо, все тонущее въ сіяніи! Все прекрасно подъ этимъ небомъ». Особенно увлекался Гоголь Римомъ: «Здѣсь только тревоги не властны и не касаются души,—писалъ онъ...—Кромѣ Рима, нѣтъ Рима на свѣтѣ,—хотѣлъ было сказать—счастья и радости, да Римъ больше, чѣмъ счастье и радость!».

¹⁾ Это онъ сдѣлалъ не только въ частныхъ бесѣдахъ и письмахъ, но и въ нѣсколькихъ объяснительныхъ статьяхъ, посвященныхъ „Ревизору“: „Отрывокъ изъ письма, писаннаго авторомъ послѣ перваго представленія „Ревизора“ къ одному литератору“, въ „Предувѣдомленіи для тѣхъ, которые хотѣли бы сыграть, какъ слѣдуетъ, „Ревизора“ и въ комедіи „Театральный разъѣздъ послѣ представленія новой комедіи“ (1842), „Развязка Ревизора“.

Въ Римѣ Гоголь жилъ въ обществѣ молодыхъ русскихъ художниковъ— слѣдовательно, въ кругу утонченныхъ эстетическихъ удовольствій. Особенно сблизился онъ съ известнымъ энтузіастомъ-художникомъ Ивановымъ, который всю свою жизнь отдалъ созданію одной картины: «Явленіе Христа народу» (находится въ Москвѣ въ Третьяковской галереѣ). Религіозное мистическое настроеніе Иванова было сродни Гоголю, высокое пониманіе миссіи художника тоже связывало обоихъ. Понятна изъ этого ихъ дружба, взаимное вліяніе ихъ и углубленіе въ душѣ обоихъ религіознаго мистицизма.

Къ этой порѣ пребыванія Гоголя въ Италіи относится увлеченіе Гоголя католицизмомъ. Гоголь, какъ художникъ, былъ побѣжденъ красотою католической службѣ, великолѣпіемъ храмовъ, набожностью вѣрующихъ католиковъ. «Только въ одномъ Римѣ молятся,—говорилъ онъ,— а въ другихъ мѣстахъ показываютъ только видъ, что молятся». Русскіе аристократы, друзья Гоголя, измѣнившіе православію ради католичества, прилагали усилія, чтобы и Гоголя заставить сдѣлать то же; для этого было организовано постепенное систематическое склоненіе великаго писателя въ католицизмъ. Онъ это замѣчалъ, но этому не противился,—говорилъ даже, что «позволяетъ втирать въ себя нѣсколько хорошихъ мыслей». Впрочемъ, если Гоголь отъ православія и не уклонился, то, несомнѣнно, охотно слушалъ разговоры о «божественномъ»,—вѣдь это было такъ близко основнымъ интересамъ его жизни!.

Любопытно, что въ эту пору полной эстетической и религіозной жизни, когда писателю, удаленному отъ родины, она казалась далекимъ «сномъ»,—творчество его работало интенсивно и все въ томъ же направленіи, которое далъ ему Пушкинъ. Гоголь «жилъ» Италіей, и, въ то же время, «грезилъ» Россіей,—и грезы эти были такъ ясны, такъ мучительно-живы, были облечены въ такую осязательную «плоть»,—что перо Гоголя быстро рисовало одинъ русский типъ за типомъ: Чичиковъ, Ноздревъ, Собакевичъ,—все это было такъ далеко отъ Италіи, отъ духовныхъ интересовъ Гоголя,—но все это росло передъ нимъ, окрашивалось ярко и жизненно¹⁾.

Въ «Мертвыхъ Душахъ» Гоголь задумалъ опять «великое» произведеніе. Сперва, впрочемъ, онъ не придавалъ серьезнаго значенія своему труду: для Гоголя сначала это произведеніе было только смѣшнымъ анекдотомъ, «карикатурой». Но его поразило, что чтеніе первыхъ главъ романа въ 1835 г. произвело на Пушкина такое впечатлѣніе, что онъ, смѣявшійся при началѣ чтенія, становился все сумрачнѣе и, наконецъ, когда чтеніе кончилось, сказалъ: «Боже! какъ грустна наша Россія!» «Меня это изумило,—говоритъ Гоголь,—Пушкинъ, который такъ зналъ Россію, не замѣтилъ, что все это карикатура и моя собственная выдумка!» Тѣмъ не менѣе, скоро и самъ Гоголь понялъ, что изъ «смѣшного анекдота можетъ выйти большая картина». Послѣ смерти Пушкина, въ 1837 году, отношеніе Гоголя къ начатому произведенію еще разъ мѣ-

Жизнь
въ Римѣ.

Отношеніе
къ родитѣ.

„Мертвыя
души“.

¹⁾ „Я живу около года въ чужой землѣ,—писалъ онъ одному другу,—вижу прекрасныя небеса, міръ, богатый искусствами и человѣкомъ; но развѣ перо мое приняло описывать предметы, могущіе поразить каждаго? Ни одной строки не могъ я послать чуждому. Непреодолимою цѣпью прикованъ я къ своему, и нашъ бѣдный, земной міръ, наши курныя избы, обнаженныя пространства предпочелъ я небесамъ чуждымъ, привѣтливо глядѣвшимъ на меня“.

няется. Для него трудъ, завѣщенный ему великимъ учителемъ, сдѣлался въ его глазахъ «священнымъ». И чѣмъ болѣе онъ углублялся въ него, тѣмъ шире разрастались его художественные замыслы. Не сдерживаемый Пушкинымъ, покоренный своими мистическими настроеніями, онъ задумалъ, наконецъ, изъ «карикуры» и «выдумки» сдѣлать *поэму*. Подобно Данту, изобразившему въ своей «Божественной Комедіи»: «Адъ», «Чистилище» и «Рай»—исторію человѣческой жизни,—и Гоголь задумалъ написать исторію воскресенія человѣческой души: первая часть его романа должна была соотвѣтствовать дантовскому «Аду», вторая—«Чистилищу», третья—«Раю». Въ этомъ произведеніи Гоголь хотѣлъ изобразить всю Россію,—все зло и добро ея жизни, и съ жаромъ принялся за работу. «Всѣ оскорбленія, всѣ непріятности посылались мнѣ высокимъ Провидѣніемъ на мое воспитаніе,—говорилъ онъ,—я чувствую, что неземная воля направляетъ путь мой... Мнѣ ли не благодарить пославшаго меня на землю! Какихъ высокихъ, какихъ торжественныхъ ощущеній, невидимыхъ, незамѣтныхъ для свѣта, исполнена жизнь моя! Клянусь, я что-то сдѣлаю, чего не дѣлаетъ обыкновенный человѣкъ. Львиную силу чувствую я въ душѣ своей!» Съ такой вѣрой въ себя принялся онъ за свое «великое» произведеніе; и въ то время, когда картины русской жизни рисовалъ онъ живыми, сочными красками и земные образы оживали передъ нимъ,—въ это время его личныя настроенія и выраженіе ихъ въ письмахъ его принимаютъ все болѣе и болѣе торжественный характеръ; онъ начинаетъ даже говорить библейскимъ стилемъ, усваиваетъ стиль ветхозавѣтныхъ пророковъ: «Горе кому бы то ни было, не слушающемуся моего слова!»—говорить онъ въ письмахъ друзьямъ. «Никто изъ моихъ друзей не можетъ умереть, потому что онъ вѣчно живетъ со мною!»—Друзья недоумѣвали, читая такія изреченія, и, мало-по-малу, у многихъ стала зарождаться тревожная мысль, что Гоголь сдѣлался ненормальнымъ.

Волѣныя
Гоголя.

Нервы Гоголя были, дѣйствительно разбиты; онъ самъ чувствовалъ, что боленъ, ждалъ смерти и боялся ея, такъ какъ хотѣлъ сказать людямъ то, чего онъ еще не могъ сказать... Онъ то примиряется съ мыслью о близкой смерти, видя въ этомъ проявленіе мудрой воли Бога, то боится одной мысли о смерти, хватается за жизнь, лечется, молится...

Смерть
Пушкина.

Страшное впечатлѣніе на него произвело извѣстіе о смерти Пушкина. «Все наслажденіе моей жизни—говорилъ онъ, все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта, ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его передъ собой. Что скажетъ онъ, что замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое—вотъ, что меня только занимало и одушевляло мои силы... Воже! нынѣшній трудъ мой («Мертвыя души»), внушенный имъ, его созданіе... я не въ силахъ продолжать его». «Моя жизнь, мое высшее наслажденіе умерло съ нимъ. Когда я творилъ, я видѣлъ передъ собой только Пушкина. Ничто мнѣ были всѣ толки, я плевалъ на презрѣнную чернь: мнѣ дорого было его вѣчное и непреложное слово. Все, что есть у меня хорошаго, всѣмъ этимъ я обязанъ ему. И теперешній трудъ мой есть его созданіе. Онъ взялъ съ меня клятву, чтобы я писалъ». «О, Пушкинъ, Пушкинъ, какой прекрасный сонъ удалось мнѣ видѣть въ жизни,—и какъ печально было мое пробужденіе!»

Въ такихъ искреннихъ жалобахъ великій художникъ оплакивалъ своего гонимъ-вдохновителя и хранителя — Пушкина. Умеръ Пушкинъ, и вдохновителемъ изсякло... Для Гоголя, по его словамъ, вся русская дѣйствительность казалась «сномъ» (см. выш.). Теперь и Пушкина онъ называетъ «сномъ»... Съ его смертью пересталъ Гоголь видѣть «сны»... «Печально было мое пробужденіе!» — восклицаетъ онъ. Это было, дѣйствительно, «почальнымъ пробужденіемъ!»... Жизнь вела Гоголя къ этому пробужденію, смерть Пушкина ускорила это. Въ Гоголѣ умеръ великій художникъ-жанристъ, ученикъ Пушкина, — остался Гоголь больной, измученный *человѣкъ*, мястикъ и фанатикъ, съ мыслями о смерти, о загробныхъ мукахъ, — *человѣкъ*, съ каждымъ днемъ уходившій отъ земли въ таинственный міръ своихъ смутныхъ и неясныхъ идей... Характерно, что «снами» называлъ онъ свои живыя впечатлѣнія земной жизни, — а «пробужденіемъ» — отреченье отъ всего земного, углубленіе въ свой внутренней міръ, въ мысли «неземныя», чуждыя людей...

Сильное впечатлѣніе произвела на него также смерть юноши-друга Іосифа Вьельгорскаго, умершаго въ Италіи отъ чахотки. По словамъ Вьельгорскаго. Смерть Вьельгорскаго. людей, близко знавшихъ этого юношу, юноша этотъ былъ надѣленъ всѣми дарами души и сердца... Позднѣе вѣсть отъ этого молодого лика! И этотъ юноша умеръ на рукахъ Гоголя, Гоголь пережилъ съ нимъ вѣсть всю ужасную трагедію его медленнаго умиранія. Гоголь былъ потрясенъ этой смертью, — онъ говорилъ, что смерть — удѣлъ всего прекраснаго въ Россіи; онъ говорилъ, что теперь боится смотрѣть на «прекрасное»: «я ни во что теперь не вѣрю, и если встрѣчаю это прекрасное, то жмурую глаза и стараюсь не глядѣть на него. Отъ него мнѣ несетъ запахомъ могилы»¹⁾.

Кромѣ «Мертвыхъ душъ», въ этотъ періодъ времени Гоголь написалъ повѣсть «Шинель» и занимался переработкой прежнихъ повѣстей: «Портретъ», «Тарасъ Бульба» и толкованіемъ своего непонятаго «Ревизора» («Театральный развѣздъ»). Работая надъ 1-ой частью «Мертвыхъ душъ» надъ изображеніемъ этого «русскаго Ада», Гоголь мечталъ о послѣдующихъ частяхъ, — и эти мечты отразили на себѣ его тогдашніе этические, патріотическіе и релігіозные взгляды въ тѣхъ лирическихъ отступленіяхъ, которыя, кстати и некстати, прерываютъ въ той части объективное изображение отрицательныхъ сторонъ русской жизни. Эти лирическія мѣста и отступленія (напр. «Русь, Русь! вижу тебя...», «не такъ ли ты, Русь, что бойка необгонима тройка, несешься»). «Другая судьба писателя, дерзнувшаго вызвать наружу все, что еженинотно передъ глазами...») — оазисы, на которыхъ отдыхалъ писатель-идеалистъ, задыхавшійся среди тѣхъ уродовъ, рисовать которые былъ онъ обреченъ въ силу своего таланта. Въ 1839 — 1840-омъ и въ 1841 — 1842-омъ году Гоголь пріѣзжалъ въ Россію. Но эти возвращенія не приносили ему счастья и успокоенья. Здоровье его таяло²⁾; онъ все дальше уходилъ отъ всѣхъ въ свой собственный міръ, а ему въ это время приходилось устраивать денежные дѣла свои и своей семьѣ, хлопотать о себѣ, о правитель-

Лирическія мѣста — части ихъ автобіографическое значеніе.

Гоголь въ Россіи.

¹⁾ „Ночи на виллѣ“ — произведеніе, въ которомъ Гоголь изображалъ смерть Вьельгорскаго.

²⁾ Особенно серьезно заболѣлъ онъ въ Вѣнѣ въ 1840 г.

ственной субсидіи, объ изданіи своихъ сочиненій... Онъ ничего не имѣлъ, онъ даже въ денежномъ отношеніи зависѣлъ отъ своихъ пріятелей, которые помогали ему, — но духовно онъ отъ всѣхъ оторвался и считалъ себя человѣкомъ, далеко ихъ всѣхъ опередившимъ въ духовномъ отношеніи ¹⁾. Они не понимали состоянія его души и шли къ нему съ непрощенной дружбой, совѣтами, сожалѣніями, указаніями, даже требованьями... Московскіе славянофилы—семья Аксаковыхъ, братья Кириѣвскіе, Погодинъ и Шевыревъ,—представляли собой тотъ кругъ москвичей, въ которомъ преимущественно вращался Гоголь; они считали Гоголя «своимъ» ²⁾, они считали даже, что имѣютъ на него не только влияние, но и «правъ». Это тяготило Гоголя, но бороться съ этимъ онъ не былъ въ силахъ. Но если онъ раздѣлялъ многіе излюбленные взгляды «славянофиловъ», онъ не былъ ими поработченъ. Это видно, хотя бы, изъ того, что онъ пытался, было, установить свои отношенія съ людьми другого лагеря — съ «западниками»; такъ ненадолго сблизился онъ съ Вѣлинскимъ, которому даже поручилъ представить въ цензуру рукопись первой части «Мертвыхъ душъ».

Друзья Гоголя.

Отношеніе
цензуры.

Хлопоты съ цензурой тоже доставили Гоголю много испытаній,—они доказали ему лишній разъ, что и это произведеніе его не будетъ понято такъ, какъ хотѣлось ему. Московская цензура не пропустила въ печать «поэмы» Гоголя: 1) потому что самое названіе «Мертвыя души» отзывается ересью, такъ какъ *душа* не можетъ быть мертвая; 2) въ романѣ усмотрѣно было нападеніе на крѣпостное право; 3) высказано было замѣчаніе, что покушка мертвыхъ душъ—уголовное преступленіе, можетъ въ Россіи вызвать подражаніе, и—4) потому, что цѣна, которую Чичиковъ даетъ за «душу»—«два съ полтиною»—«возмущаетъ душу» ³⁾.

Понятно, какъ чуждъ былъ Гоголь всѣхъ этихъ друзей и недруговъ, когда оставался одинъ, съ самимъ собою. Опять потянуло его въ Италію... «Если бы ты зналъ, какъ тягостно мое существованіе здѣсь, въ моемъ отечествѣ! Жду—не дождусь весны и поры ѣхать въ мой Римъ, въ мой рай»,—писалъ онъ другу. «Съ того времени, какъ только вступила моя нога на родную землю—писалъ онъ въ другомъ письмѣ—мнѣ кажется, какъ будто я очутился на чужбинѣ. Вижу знакомыя, родныя лица; но они,

¹⁾ Онъ чувствовалъ себя духовно-близкимъ лишь къ Жуковскому, который, подъ старость такъ же, какъ и Гоголь, совсѣмъ ушелъ отъ жизни и ея интересовъ въ свой собственный міръ; онъ, подобно Гоголю, тоже сдѣлался мистикомъ. Близокъ былъ Гоголь и со Смирновой, которая увлеклась религіей.

²⁾ „Для своихъ московскихъ друзей Гоголь на склонѣ лѣтъ являлся живымъ воплощеніемъ ихъ сердечныхъ чаяній. Малороссъ, который пишетъ по-русски и любитъ Москву, человѣкъ религіозный и большой патриотъ, гениальный художникъ, въ развитіи своего таланта ничѣмъ не обязанный Западу, мыслитель, задумавшій сказать свое глубокое, Богомъ вдохновенное слово о Россіи,—слово, которое должно открыть русскимъ глаза на свягую добродѣтель и великое призваніе ихъ родины—такой человѣкъ долженъ былъ быть принятъ москвичами (славянофилами) какъ великій залогъ того, на что Россія способна безъ посторонней помощи“ (Котляревскій).

³⁾ „Человѣческое чувство вопіетъ противъ этого“, сказалъ одинъ „гуманный“ цензоръ. „Хотя, конечно, эта цѣна дается за одно имя, написанное на бумагѣ, но все же это имя—душа, душа человѣческая; она жила, существовала. Этого ни во Франціи, ни въ Англии и нигдѣ нельзя позволить. Да послѣ того ни одинъ иностранецъ къ намъ не прійдетъ!“

мнѣ кажутся, не здѣсь родились, а гдѣ-то я ихъ въ другомъ мѣстѣ, кажется, видѣлъ». Опять Россія стала казаться ему «сномъ», даже «кошмаромъ»...

Его укрѣпляла только вѣра въ то, что его «великій трудъ» будетъ законченъ и новымъ «откровеніемъ» явится для родины. Себя онъ называетъ теперь «старую, полуразбитую вазой, наполненной драгоценнымъ содержаніемъ». «Неотразимая вѣра моя въ свѣтлое будущее и невѣдомая сила говорятъ мнѣ, что дадутся мнѣ средства окончить трудъ мой!»— писалъ онъ друзьямъ. «Онъ важенъ и великъ, и вы не судите о немъ по той части, которая готовится теперь предстать на свѣтъ. Это больше ничего, какъ только крыльцо къ тому дворцу, который во мнѣ строится и разрѣшится, наконецъ, загадку моего существованія!»

Попрежнему, въ интимныхъ своихъ письмахъ пишетъ онъ пророческимъ тономъ, даетъ совѣты, чуть не изрекаетъ предсказанія. «Если что въ жизни смутитъ тебя, наведетъ безпокойство, сумракъ на мысли, вспомни обо мнѣ—пишетъ онъ другому пріятелю—и при одномъ уже твоёмъ напоминаніи отдѣлится сила въ твою душу». На себя онъ начинаетъ смотреть теперь точно на какой-то источникъ благодати, и щедро изливаетъ ее на друзей¹⁾. Онъ мечтаетъ теперь о монашествѣ, о поѣздкѣ въ Іерусалимъ.

Въ 1842 году онъ уѣхалъ опять за границу. Здоровье его все слабѣло,—плоть разрушалась, а духъ все дальше и дальше уносился отъ земли въ сферы внутренней жизни. «Съ каждымъ днемъ становился свѣтлѣй и торжественнѣй въ душѣ моей,—писалъ онъ Жуковскому,—не безъ цѣли и значенія были мои поѣздки, удаленія и отлученія отъ міра, что совершалось незримо въ нихъ воспитаніе души моей, что я сталъ далеко лучше того, какимъ запечатлѣлся въ священной для меня памяти друзей моихъ, что чаще и торжественнѣе льются душевные мои слезы и что живетъ въ душѣ моей глубокая, неотразимая вѣра, что небесная сила поможетъ взойти мнѣ на ту лѣстницу, которая предстоитъ мнѣ, хотя я стою еще на низайшихъ и первыхъ ея ступеняхъ. Много труда и пути и душевнаго воспитанія впереди еще! Чище горнаго снѣга, свѣтлѣе небесъ должна быть душа моя, и тогда, только тогда я приду въ силы начать подвиги и великое поприще,—только тогда разрѣшится загадка моего существованія. Грѣховъ, указанія грѣховъ желаетъ и жаждетъ теперь душа моя! Еслибъ вы знали, какой теперь праздникъ совершается внутри меня, когда открываю въ себѣ пороки, дотолѣ не прижѣтанны мною!»

Такіе подъемы настроенія нерѣдко смѣнялись паденіемъ энергій, страхомъ, душевнымъ безсиліемъ,—рѣдко выдавались періоды сравнительно спокойные, когда Гоголь могъ отрывать отъ своей души и продолжать свой трудъ. Конечно, написанное имъ въ періодъ одного настроенія не удовлетворяло его тогда, когда душой овладѣвало иное настроеніе.

¹⁾ Онъ шлетъ благословенія матери, сестрамъ, друзьямъ. Пресвященному Иннокентію онъ тоже шлетъ благословеніе: „Жму заочно вашу руку, — пишетъ онъ и силою вашего же благословенія благословляю васъ! Неослабно и твердо протекайте пастырскій путь вашъ. Всемогущая сила надъ нами. Ничто не совершается безъ нея въ мірѣ: и наша встрѣча была назначена свыше. Она — залогъ полной встрѣчи у гроба Господня“.

„Выбранный
мѣста изъ
переписки“.

Это мучило Гоголя и приводило его въ отчаяннѣ; въ одинъ изъ такихъ припадковъ отчаянья въ 1847 г. рѣшилъ онъ обратиться ко всей русской публикѣ съ исповѣдью-проповѣдью, путемъ опубликованія «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями». Боязнь скорой смерти, страхъ увести съ собой за могилу свои мысли и чувства, не высказанныя всѣмъ русскимъ людямъ, сознаніе того, что не хватаетъ силъ эти мысли выдолбить въ томъ «великомъ произведеніи», которое онъ хотѣлъ сдѣлать изъ «Мертвыхъ душъ», — вотъ, причины появленія этихъ интимныхъ писемъ въ печати. Въ нихъ Гоголь отдавалъ родинѣ все дорогое ему, — все имъ пережитое и прочувствованное. «Человѣкъ не отъ міра сего», для котораго родина была «сномъ», Гоголь не считался ни съ условіями тогдашней русской жизни, ни съ интересами современной жизни. Человѣкъ малообразованный, отставшій отъ жизни русской интеллигенціи, Гоголь въ своей книгѣ выступилъ рѣшительнымъ консерваторомъ. — онъ защищалъ крѣпостное право, враждебно относился ко всякимъ новымъ вѣяніямъ въ области мысли и внутренней политики. Какъ истый сынъ «древней Руси» — онъ заботился только о «душевномъ дѣлѣ», о спасеніи души, проповѣдовалъ аскетизмъ, отреченіе отъ земли и нравственное самосовершенствованіе такому обществу, въ которомъ все сознательнѣе дѣлалась потребность коренныхъ реформъ жизни — подготавлились 60-ые годы. На него многіе привыкли ошибочно смотрѣть, какъ на врага отрицательныхъ сторонъ русской жизни, а онъ вдругъ выступилъ ихъ рѣзкимъ, фанатическимъ защитникомъ. То, что у Гоголя было внутренней «правдой», съ дѣтства выроставшей въ его сердцѣ, то людямъ, не знавшимъ его, какъ человѣка, казалось ложью, «измѣной прежнимъ либеральнымъ убѣжденіямъ». Его недавніе поклонники обвинили его теперь и въ искательствѣ, и въ неискренности. Никто изъ современниковъ не могъ примирить противорѣчій между мыслями автора — и тѣмъ смысломъ его произведеній, который, обыкновенно, съ ними связывался. Его книгу безпощадно урѣзала цензура, такъ какъ онъ заговорилъ о многомъ такомъ, о чемъ говорить вообще было непринято у насъ; ее высмѣяла публика, жестоко обругала критика, и Гоголь остался попрежнему одинъ, съ непонятой, истерзанной душой... Потрясенный новой неудачей, Гоголь пишетъ свою «Авторскую исповѣдь» и въ 1848 г. ѣдетъ на поклоненіе въ Св. Землю. Послѣдніе годы своей жизни проводитъ онъ на родинѣ, медленно угасая и уходя тѣлесно и духовно въ другой міръ. Молитвы и посты сдѣлали теперь изъ него совершеннаго аскета. Особенно развитію въ немъ аскетизма помогъ одинъ ржевскій священникъ о. Матвѣй Константиновскій; его мрачное мистическое міросозерцаніе покорило большую душу Гоголя; бесѣды съ этимъ священникомъ производили на него потрясающее впечатлѣніе. «Довольно! мнѣ слишкомъ страшно!» — перебилъ онъ однажды рѣчь о. Матвѣя. Передъ смертью онъ совершенно ушелъ отъ міра и его интересовъ, сжегъ свои рукописи и, между ними, вторую часть своихъ «Мертвыхъ душъ». Гоголь скончался 21-го февраля 1852 г. почти отъ голодной смерти, истощенный постами, измученный душевными муками...

„Авторская
исповѣдь“.

Смерть Гоголя.

Литературная дѣятельность Гоголя распадается на три періода. Первый захватываетъ всё юношескія произведенія его и „Вечера на хуторѣ. Это періодъ, по преимуществу, *романтичскій*. Ко второму періоду, по преимуществу *реалистическому*, относясь всё лучшія произведенія его. Третій періодъ, съ конца сороковыхъ годовъ (послѣ 1837 г.) до смерти—періодъ мистицизма.

а) Первый періодъ литературной дѣятельности Гоголя.

а) *Первый періодъ дѣятельности Гоголя.*

Первымъ печатнымъ произведеніемъ Гоголя была, сочиненная имъ еще въ лицѣ, идиллія „Ганцъ Кюхельгартенъ“. Историко-литературнаго значенія это произведеніе не имѣетъ, но оно очень любопытно для біографа Гоголя, какъ краснорѣчивый и ясный показатель его внутренней жизни въ юношескій періодъ. „Эта странная греза, съ ея героемъ изъ нѣмцевъ и съ обстановкой нерусской, была, въ сущности, страницей изъ жизни самого автора, который скрылся подъ псевдонимомъ. Гоголь вложилъ много души въ эту сентиментальную повѣсть, которая причинила ему затѣмъ столько огорченій“ (Котляревскій).

„Ганцъ Кюхельгартенъ“.

Содержаніе идилліи слѣдующее: тихо и мирно живетъ семья деревенскаго пастора. Украшеніемъ этой семьи была дочь Луиза, «рѣзвая, свѣжая, любящая, какъ ангель-хранитель, озаряющая закатъ его дней». Единственной тѣнью въ этомъ счастливомъ бытій является женихъ Луизы—Ганцъ. Онъ ее любитъ, но любовь эта не въ силахъ разогнать его тоски, не въ силахъ всецѣло овладѣть его сердцемъ... Онъ обнаруживаетъ всё симптомы романтическаго душевнаго расстройства... Онъ живетъ въ вѣкахъ прошлыхъ, очарованъ чудесной мыслью, сидитъ подъ сумрачной тѣнью дуба и простираетъ руки къ какой-то тайной тѣни. Онъ страдаетъ отъ прозы жизни, его тянетъ вдаль—вдаль, вдаль не только пространства, но и времени. Онъ вздыхаетъ по древней Греціи, по ея свободѣ, славнымъ дѣламъ и прекраснымъ созданіямъ искусства» (Котляревскій). И, побѣжденный своимъ томительнымъ «стремленіемъ», Ганцъ тайкомъ покидаетъ предметъ своей любви и отправляется страдать по свѣту. Въ его отсутствіе, его печальная Луиза, вѣрная своей любви, изучаетъ своего жениха по тѣмъ книгамъ, которыя ему были особенно дороги, которыя были тайными двигателями его жизни, непонятной для другихъ. Перечень этихъ книгъ имѣетъ большую біографическую цѣнность,—очевидно, любимыя книги Ганца были въ свое время любимыми книгами самого Гоголя ¹⁾.

Содержаніе

¹⁾ А. Котляревскій говоритъ слѣдующее: „Подборъ книгъ чрезвычайно любопытный. Это бібліотека, составленная изъ сочиненій лучшихъ выразителей тѣхъ поэтическихъ мотивовъ, которые преобладаютъ въ повѣи самого Гоголя. *Платонъ* и *Шиллеръ*, какъ пѣвцы того міра идей, тоска по которымъ не покидала нашего писателя во всё моменты его жизни. *Петрарка*, какъ пѣвецъ невозможной любви, влюбленный въ воздушный женскій обравъ, которымъ бредила и разгораченная фантазія нашего

Два года скитался Ганцъ; за это время умеръ старый пасторъ, осиротѣла Луиза... Но отчаянье и ропотъ не овладѣли ея сердцемъ; она все любитъ своего Ганца, ждетъ его и часто ходитъ на могилу отца. Наконецъ, Ганцъ возвращается. Онъ растерялъ свои мечты и надежды, утомился жизнью и пришелъ къ сознанию, что лучше жить мирной жизнью маленькихъ людей, чѣмъ гоняться по свѣту за какимъ-то неяснымъ великимъ дѣломъ. Онъ женится на Луизѣ, и оба ведутъ счастливую уединенную жизнь, чуждую треволненій большого свѣта.

Литературная
исторія этого
произведенія.

Критики-ислѣдователи литературной дѣятельности Гоголя видятъ на этомъ первомъ его опытѣ вліяніе нѣмецкой идилліи Фосса „Луиза“ и баллады Жуковского „Теонъ и Эсхинъ“¹⁾. Изъ перваго произведенія взято, какъ фонъ, изображеніе нѣмецкой жизни, взято сентиментальное настроеніе идиллическаго, мѣщанскаго существованія, — изъ втораго произведенія заимствованъ образъ героя, идеалиста-романтика, съ его неяснымъ, но непобѣдимо-могучимъ стремленіемъ „куда-то“ вдаль, прочь изъ этой мирной, спокойной обстановки провинціальной идилліи. Мы видѣли уже, что такіа неясныя стремленія были родственны юношѣ-Гоголю, котораго тоже тянуло прочь изъ общества нѣжинскихъ „существователей“. Такое совпаденіе авторскихъ стремленій и стремленій „героя“ его юношескаго произведенія—конечно, имѣютъ большое значеніе и придаетъ особую цѣну этому первому печатному произведенію.

Недостатки
произведенія.

Къ главнымъ недостаткамъ этого юношескаго произведенія, объясняющимъ его неудачу, относятся промахи стиха и стиля. Гоголь никогда не научился свободно владѣть стихомъ, а въ первомъ его произведеніи это неумѣніе выразилось такъ ярко и замѣтно, что картины „грандіозныя“ и „страшныя“ вышли у него комичными²⁾. Немудрено поэтому, что и критика, и публика отнеслись къ произведенію Гоголя заслуженно-строга. Кромѣ того,

---

поэта; *Аристофанъ*—Гоголь Аѳинской республики. *Винкельманъ*—восторженный жрецъ античной красоты и, наконецъ, *Тикъ*,—средневѣковый палладинъ-кудесникъ, живущій въ такомъ ладу со всѣми привидѣніями“.

1) Кромѣ того, указаны слѣды вліянія Байрона, Пушкина („Евгеній Онегинъ“), Батюшкова („Странствователь и Домосѣдъ“).

2) Въ поэмѣ встрѣчаются такіа строки:

„Подымается протяжно
Въ обломъ саваѣ мертвецъ;
Кости пыльныя ояъ важно
Отираетъ, молодецъ“.

Или:

„И остальная жизнь моя—
Заплата (т. е. *плата*) малая моя
За прежней жизни злую повѣсть“.

нѣкоторые промахи его произведенія объясняются тѣмъ, что онъ взялся изображать нерусскую жизнь, нерусскую природу, самъ ничего, кромѣ Малороссіи, не зная: по однимъ книгамъ невозможно было вѣрно представить жизнь нѣмецкой провинціи.

Повѣсти, извѣстныя подъ общимъ именемъ: „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“, представляютъ собою сборникъ, составленный изъ двухъ частей,—въ *первую* вошли повѣсти: „Сорочинская ярмарка“, „Вечеръ наканунѣ Ивана Купала“, „Майская ночь, или утопленница“. Во *вторую* часть вошли—„Ночь передъ Рождествомъ“, „Страшная Местъ“, „Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька и его тетушка“, „Заколдованное мѣсто“. Всѣ онѣ представляютъ много сходства и много различія. Сходство заключается въ томъ, что почти во всѣхъ этихъ повѣстяхъ (кромѣ повѣсти „Иванъ Ѳедоровичъ Шпонька“) мы найдемъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, всѣ главные признаки романтическаго и реалистическаго направленія. Въ этомъ отношеніи повѣсти Гоголя очень напоминаютъ произведенія Марлинскаго ¹⁾: на фонѣ, написанномъ очень реально, развертываются событія самаго фантастическаго свойства ²⁾: воображеніе автора не знаетъ предѣловъ,— оно уноситъ его и читателя въ своеобразный міръ народной мечты,— темный міръ суевѣрій, примѣтъ, преданій, легендъ, міръ сказки и мифа... Авторъ взялъ этотъ міръ у малороссійскаго народа и силою своего духа расширилъ его и углубилъ: фантастическое и невозможное онъ представилъ реальнымъ и дѣйствительнымъ. Онъ такъ слилъ мечту съ правдою, вымыселъ съ дѣйствительностью, что художественное міросозерцаніе его—заразъ и романтическое, и реалистическое; произведенія же его порою производятъ впечатлѣніе какой-то пестрой галлюцинаціи, въ которой прихотливо слетена хитрая неправда съ безхитростной правдой. Такою же пестротою отличаются и тѣ настроенія, которыя пронизываютъ эти произведенія: къ міру чертей и вѣдьмъ, къ мистическому міру нездѣшной, потусторонней жизни Гоголь относится то съ веселымъ, радостнымъ юморомъ, то съ ужасомъ человѣка, который безсилень передъ этимъ страшнымъ сонмомъ мрачныхъ явленій, властвующихъ надъ людьми, надъ ихъ радостями и печалями... Въ зависимости отъ этихъ настроеній, и освѣщеніе картинъ природы мѣняется до неузнаваемости: она повертывается къ человѣку то съ прекрасной

„Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“.

Сочетаніе романтизма и реализма въ повѣстяхъ.

¹⁾ См. выше, ч. II моей „Исторіи“.

²⁾ См. выше, II ч. моей „Исторіи“, главу о романтизмѣ. Фантастическій элементъ—одинъ изъ существенныхъ признаковъ романтизма.

стороны,—представляется тѣмъ поэтическимъ фономъ, на которомъ происходятъ событія чудесныя, но свѣтлыя, радостныя, иногда даже смѣхотворныя,—то она дѣлается грозной и мрачной, про-
изывается ужасомъ автора-ясновидца...

Въ повѣстяхъ, въ которыхъ преобладаетъ реалистическое по-
ниманіе жизни,—эта жизнь и фонъ ея,—природа представле-
на безъ всякой фантастики—просто и безхитростно, но въ то же
время художественно-просто и правдиво.

Такимъ образомъ, повѣсти, входящія въ составъ „Вечеровъ
на хуторѣ близъ Диканьки“, по характеру своему, дѣлятся на
двѣ группы: 1) *съ преобладаніемъ романтизма* и—2) *съ пре-
обладаніемъ реализма*. Въ первую группу входятъ произведенія,
въ которыхъ фантастика романтизма представлена: а) въ свѣтломъ,
радостномъ освѣщеніи и—б) въ мрачномъ, вызывающемъ ужасъ.
Къ произведеніямъ, по преимуществу романтическимъ, относятся:
веселыя повѣсти—„Сорочинская ярмарка“, „Майская ночь, или
утопленница“, „Пропавшая грамота“, „Ночь передъ Рождествомъ“,
„Заколдованное мѣсто“. Къ произведеніямъ романтическимъ, фан-
тастика которыхъ мрачна,—относятся: „Вечеръ наканунѣ Ивана
Купала“, „Страшная мѣсть“. Къ произведеніямъ чисто-реалисти-
ческимъ относится бытовая повѣсть „Иванъ Федоровичъ Шпонька
и его тетушка“.

Романтическій
элементъ въ
повѣстяхъ;
фантастика
повѣстей.

а) *Романтическій элементъ* въ этихъ повѣстяхъ выразился,
прежде всего, въ выборѣ сюжетовъ. Гоголь въ своихъ повѣстяхъ
съ особеннымъ вниманіемъ останавливался на различныхъ расказахъ
о событіяхъ и происшествіяхъ чудеснаго характера¹⁾. Въ
„Сорочинской ярмаркѣ“ такимъ происшествіемъ представлено по-
явленіе чорта на ярмаркѣ, разыскивающего свою „красную свитку“;
эта свитка приноситъ людямъ несчастье; ея исторія и составляетъ
ту основу расказа, къ которой искусно прикрѣплены всѣ смѣшныя
эпизоды этой повѣсти. Въ повѣсти „Вечеръ наканунѣ Ивана Ку-
пала“ живо передано народное повѣрье о томъ, что напоротникъ,
расцвѣтающій въ эту ночь, можетъ помочь человѣку отыскивать
клады. Колдунъ Басаврюкъ и вѣдьма завладѣваютъ при помощи
этого цвѣтка душой бѣдняка Петра; они заставляютъ Петра убить
рѣбенка, маленькаго брата его невѣсты, и за это дѣлаютъ его
богачемъ, мужемъ любимой дѣвушки. Но отъ мученій совѣсти онъ

¹⁾ Онъ пользовался при этомъ не только произведеніями чисто-народной мало-
російской фантазіи, но черпалъ сюжеты и изъ литературы, особенно нѣмецкой роман-
тической поэзіи.

сходить съ ума и погибаетъ страшною смертью. Жена его идетъ въ монастырь замаливать великій грѣхъ мужа ¹⁾). Въ повѣсти „Майская ночь, или утопленница“ развито поэтическое повѣрье о русалкахъ, ихъ ночныхъ играхъ при лунѣ; кромѣ того, въ этой же повѣсти встрѣчаемся мы опять съ вѣрой въ существованіе вѣдьмъ. Въ повѣсти „Пропавшая грамота“ опять изображена народная вѣра въ существованіе колдуновъ, вѣдьмъ: опять передъ нами вырисовывается герой, душа котораго принадлежитъ дьяволу. Нечистая сила въ этой повѣсти представлена съ такимъ размахомъ необузданной фантазіи, что читатель остается въ недоумѣніи, не вѣрить и самъ авторъ своимъ рассказамъ. Повѣсть „Ночь передъ Рождествомъ“ — сродни „Сорочинской ярмаркѣ“; здѣсь все сверхъестественное представлено съ самой мирной, смѣшной стороны, — оттого и вѣдьма-Солоха, и чортъ, ея возлюбленный, и колдунъ Пацюкъ, не вызываютъ ни ужаса, ни отвращенія; ихъ вмѣшательство въ дѣла людскія никому не причиняетъ горя и страданія. Зато въ повѣстяхъ „Заколдованное мѣсто“ и, особенно, въ „Страшной мести“ — сверхъестественное, чудесное опять принимаетъ гигантскіе размѣры какого-то безумнаго ужаснаго бреда. Въ повѣсти „Заколдованное мѣсто“ выражена народная вѣра въ то, что „нечистая сила“ оберегаетъ „клады“ отъ человѣка, напуская на него разные страхи. Въ повѣсти „Страшная месь“ художественно передана исторія одного колдуна, который полюбилъ свою дочь и захотѣлъ ею обладать. Это ему не удалось; онъ убилъ зятя, убилъ дочь, но самъ былъ наказанъ страшною казнью. Въ этой повѣсти ужасы громоздятся неисчислимою толпою; образы отвратительные смѣняются другими, еще болѣе отталкивающими; оттого произведеніе это переходитъ границы художественности.

Такимъ образомъ, „чудесное“, фантастическое, имѣетъ въ повѣстяхъ Гоголя самыя различныя оттѣнки — отъ комическаго до ужаснаго. Какъ примѣръ *комическаго-фантастическаго*, можно привести хотя бы участіе чорта въ повѣсти „Ночь передъ Рождествомъ“.

Комическое
фантастическое.

«Морозъ увеличился, и вверху такъ сдѣлалось холодно, что чортъ перевергивалъ съ одного копытца на другое и дулъ себѣ въ кулакъ, же-

¹⁾ Кромѣ народнаго повѣрія о цвѣтахъ папоротника, о колдунахъ и вѣдьмахъ, въ этой повѣсти мы встрѣчаемъ отраженіе легенды о продажѣ души дьяволу изъ-за любви къ женщннѣ. (См. 2-ой вып. 1-ой части „Исторій“ „Чудо о прельщенномъ отроцѣ“ и др.).

лая сколько-нибудь отогрѣть мерзнувшія руки. Немудрено, однакожь, и озябнуть тому, кто толкался отъ утра до утра въ аду, гдѣ, какъ извѣстно, не такъ холодно, какъ у насъ зимою, и гдѣ, надѣвши колпакъ и ставши передъ очагомъ, будто въ самомъ дѣлѣ кухмистръ, поджаривалъ онъ грѣшниковъ съ такимъ удовольствіемъ, съ какимъ, обыкновенно, баба жаритъ на Рождество колбасу...

... Вѣдьма сама почувствовала, что холодно, несмотря на то, что была тепло одѣта; и потому, поднявши руки кверху, отставила ногу и, приведши себя въ такое положеніе, какъ человѣкъ, летящій на конькахъ, не сдвинувшись ни однимъ суставомъ, спустилась по воздуху, будто по ледяной покатои горѣ, и прямо въ трубу.

... Чортъ такимъ же порядкомъ отправился вслѣдъ за ней. Но такъ какъ это животное проворѣе всякаго франта въ чулкахъ, то немудрено, что онъ наѣхалъ при самомъ входѣ въ трубу на шею своей любовницы, и оба очутились въ просторной печкѣ между горшками».

Какъ примѣръ *прекрасно-фантастическаго* можно привести разсказъ о появленіи русалки („Майская ночь“):

«Неподвижный прудъ подулъ свѣжестью на усталого пѣшехода и заставилъ его отдохнуть на берегу. Все было тихо; въ глубокой чащѣ лѣса слышались только раскаты соловьевъ. Непреодолимый сонъ быстро сталъ смыкать ему зеницы; усталые члены готовы были забыться и онѣмѣть, голова клонилась... «Нѣтъ, этакъ я засну еще здѣсь!» говорилъ онъ, подымаясь на ноги и протирая глаза. Оглянулся. Ночь казалась передъ нимъ еще блистательнѣе. Какое-то страшное, упительное сіяніе примѣшалось къ блеску мѣсяца. Никогда еще не случалось ему видѣть подобнаго. Серебряный туманъ палъ на окрестность. Запахъ отъ цвѣтущихъ яблонь и ночныхъ цвѣтовъ лился по всей землѣ. Съ изумленіемъ глядѣлъ онъ въ неподвижныя воды пруда; старинный господскій домъ, опрокинувшись внизъ, виденъ былъ въ немъ чистъ и въ какомъ-то ясномъ величіи. Въмѣсто мрачныхъ ставней глядѣли веселыя стеклянныя окна и двери. Сквозь чистыя стекла мелькала позлота... И вотъ почудилось, будто окно отворилось. Притаивши духъ, не дрогнувъ и не спуская глазъ съ пруда, онъ, казалось, переселился въ глубину его и видитъ: прежде выставился въ окно бѣлый локоть, потомъ выглянула привѣтливая головка, съ блестящими очами, тихо свѣтившими сквозь темнорусяя волны волосъ, и оперлась на локоть. И видитъ: она качаетъ слегка головою, она машетъ, она усмѣхается. Сердце его вдругъ забилось... Вода задрожала... Длинные рѣсницы ея были полуопущены на глаза. Вся она была блѣдна, какъ полотно, какъ блескъ мѣсяца, но какъ чудна, какъ прекрасна! Она засмѣялась...».

Грандіозно-фантастическое.

Какъ примѣръ *грандіозно-фантастическаго*, можно привести описаніе чудеснаго витязя-призрака, заснувшаго волшебнымъ сномъ на вершинахъ Карпатъ:

«Но кто среди ночи,—блещутъ, или не блещутъ звѣзды, ѣдетъ на огромномъ ворономъ конѣ? Какой богатырь съ нечеловѣческимъ ростомъ скачетъ нождъ горами, надъ озерами, отсвѣчивается съ исполнскимъ ко-

немъ въ недвижныхъ водахъ, и безконечная тѣнь его страшно мелькаетъ по горамаъ? Блещутъ чеканенныя латы; на плечѣ пика; гремитъ при сѣдлѣ сабля; шоломъ надвинутъ; усы чернѣютъ; очи закрыты; рѣсницы опущены—онъ спитъ и, сонный, держитъ поводъ; и за нимъ сидитъ на томъ же конѣ младенецъ-пажъ, и также спитъ и, сонный, держится за богатыря. Кто онъ? Куда, зачѣмъ ѣдетъ? Кто его знаетъ? Не день, не два уже онъ переѣзжаетъ горы. Блеснетъ день, взойдетъ солнце,—его не видно; изрѣдка только замѣчали горцы, что по горамаъ мелькаетъ чья-то длинная тѣнь, а небо ясно, и туча не пройдетъ по немъ. Чуть же ночь наведетъ темноту, снова онъ виденъ и отдается въ озерахъ, и за нимъ, дрожа, скачетъ тѣнь его. Уже проѣхалъ много онъ горъ и взѣхалъ на Криванъ. Горы этой нѣтъ выше между Карпатами: какъ царь, подымается она надъ другими. Тутъ остановился конь и всадникъ, и еще глубже погрузился въ сонъ, и тучи, спустился, закрыли его».

Какъ примѣръ *ужасно-фантастическаго* можно привести раз- Ужасно-фантастическое.
сказъ о смерти колдуна изъ той же повѣсти „Страшная Местъ“:

«Ухватилъ всадникъ страшною рукою колдуна и подыалъ его на воздухъ. Вмигъ умеръ колдунъ и открылъ послѣ смерти очи; но уже былъ мертвецъ и глядѣлъ, какъ мертвецъ. Такъ страшно не глядитъ ни живой, ни воскресшій. Ворочалъ онъ по сторонамъ мертвыми глазами, и увидѣлъ поднявшихся мертвецовъ отъ Кіева, и отъ земли Галицкой, и отъ Карпата, какъ двѣ капли воды схожихъ лицомъ на него.

Блѣдны, блѣдны, одинъ другого выше, одинъ другого костистѣй; стали они вокругъ всадника, державшаго въ рукахъ страшную добычу.

Еще разъ засмѣялся рыцарь, и кинулъ ее въ пропасть. И всѣ мертвецы вскочили въ пропасть, подхватили мертвеца и вонзили въ него свои зубы. Еще одинъ всѣхъ выше, всѣхъ страшнѣе, хотѣлъ подняться изъ земли, но не могъ, не въ силахъ былъ этого сдѣлать—такъ великъ выросъ онъ въ землѣ...

Слышится часто по Карпату свистъ, какъ будто тысяча мельницъ шумитъ колесами на водѣ,—то въ безвыходной пропасти, которой не видалъ еще ни одинъ человѣкъ, мертвецы грызутъ мертвеца»...

Съ такимъ же разнообразіемъ очерчены въ этихъ повѣстяхъ и тѣ лица, которыя играютъ главную роль во всѣхъ этихъ фантастическихъ происшествіяхъ. Особенно выдающуюся роль играетъ въ нихъ дьяволъ, затѣмъ колдуны и вѣдьмы.

Дьяволъ представленъ то въ видѣ безшабашнаго еутилы-парня, который пропиваетъ все, даже свою свитку („Сорочинская Ярмарка“), то въ видѣ чудовища, или цѣлаго сонма безобразныхъ чудовищ¹⁾ („Пропавшая Грамота“), то въ видѣ франта-любез-

Дьяволъ въ повѣстяхъ.

¹⁾ „...И всѣ, сколько ни было ихъ тамъ, какъ хмельныя, отпласывали какого-то чертовскаго трешака. Пыль подыали, Боже упаси, какую! Дрожь бы проняла крещенаго человѣка при одномъ видѣ, какъ высоко скакало бѣсовское племя... Только завидѣли дѣда—и турнули къ нему ордою. Свиныя, собачьи, козляныя, дрофяныя, лошадиныя рыла,—все повытигивались, и вотъ такъ и лѣзутъ цѣловаться“.

нига, подшучивающаго съ людьми и легко попадающаго впросакъ ¹⁾ („Ночь передъ Рождествомъ“), то въ видѣ „нечистой силы“, морочащей людей и пугающей ихъ ²⁾ („Заколдованное мѣсто“).

Природа въ повѣстяхъ.

Природа въ этихъ повѣстяхъ Гоголя тоже изображается въ самыхъ различныхъ освѣщеніяхъ, въ зависимости отъ настроенія разсказа. Если разсказъ веселый, природа представлена свѣтлой и ликующей, — когда событіе изображается въ повѣсти мрачное, — сгущаются краски и въ тѣхъ ландшафтахъ, которые служатъ фономъ для развертывающихся событій.

Веселый пейзажъ.

Какъ примѣръ залитаго солнцемъ пейзажа, дышащаго лѣтнимъ жаромъ, истокою и лѣтнюю, — пейзажа, представляющаго собою словно увертюру къ веселой, свѣтлой повѣсти („Сорочинская Ярмарка“), можно привести описаніе лѣтняго дня въ Малороссіи:

«Какъ уютеленъ, какъ роскошенъ лѣтній день въ Малороссіи. Какъ томительно-жарки тѣ часы, когда полдень блещетъ въ тишинѣ и зноѣ, и голубой, неизмѣримый океанъ, сладострастнымъ куполомъ нагнувшійся надъ землею, кажется, заснулъ, весь потонувши въ нѣгѣ, обнимая и сжимая прекрасную въ воздушныхъ объятіяхъ своихъ! На немъ ни облака; въ полѣ ни тѣни. Все какъ будто умерло; сверху только, въ небесной голубизнѣ, дрожитъ жаворонокъ, и серебряныя пѣсни летятъ по воздушнымъ ступенямъ на влюбленную землю, да изрѣдка крикъ чайки, или звонкій голосъ перепела отдается въ степи. Лѣтнюю и бездумно, будто гуляющие безъ цѣли, стоятъ подоблачные дубы, и ослѣпительные удары солнечныхъ лучей зажигаютъ цѣлыя живописныя массы листьевъ, накидывая на другія темную, какъ ночь, тѣнь, по которой только при сильномъ вѣтрѣ прыщеть золото. Изумруды, топазы, яхонты зѣрныхъ насѣкомыхъ сплются надъ пестрыми огородами, осѣняемыми статными подсолнечниками. Сѣрыя скирды сѣна и золотые снопы хлѣба станомъ располагаются въ полѣ и кочуютъ по его неизмѣримости. Нагнувшіяся отъ тяжести плодовъ широкія вѣтви черешень, сливъ, яблонь, грушъ; небо, его чистое зеркало—рѣка

¹⁾ „...Спереди совершенно нѣмецъ: узенькая, безпрестанно вертѣвшаяся и ижевшая все, что ни попадалось, мордочка оканчивалась, какъ у нашихъ свиней, кругленькимъ пятячкомъ; ноги были такъ тонки, что, если бы такія имѣлъ яресковскій голова, то онъ переломалъ бы ихъ въ первомъ казачкѣ, но вато сзади онъ былъ настоющій губернской страпчій въ мундирѣ, потому что у него висѣлъ хвостъ такой острый и длинный, какъ теперешнія мундирныя фалды; только развѣ по козлиной бородѣ подъ мордой, по небольшимъ рожкамъ, торчавшимъ на головѣ, и что весь былъ не бѣлье трубочиста, можно было догадаться, что онъ не нѣмецъ и не губернской страпчій, а просто чортъ“.

²⁾ „...Со страхомъ оборотился дѣдъ... Воже ты мой, какая ночь! ни звѣздъ, ни мѣсяца; вокругъ провалы; подъ ногами круча безъ дна; надъ головою свѣсилась гора, и вотъ-вотъ, кажись, такъ и хочетъ оборваться на него! И чудится дѣду, что изъ-за нея мигаетъ кака-то хара: у! у! носъ—какъ мѣхъ въ куницѣ; ноздри—хоть по ведру воды влей въ каждую! губы, ей-Богу, какъ двѣ колоды! Красныя очи выкатились наверхъ, и еще языкъ высунула и дразнить... Вотъ чудится ему, что пень дерева шхтитъ и дуется, показываются уши, наливаются красныя глаза, ноздри раздулись, носъ аноморщился, и вотъ, такъ и собирается чизнуть“.

въ зеленыхъ, гордо поднятыхъ рамахъ... Какъ полно сладострастія и нѣги малороссійское лѣто!»

Какъ примѣръ мрачнаго пейзажа, можно привести картину **Мрачный пейзажъ.**
Днѣпра въ повѣсти „Страшная Месть“:

«...глухо шумитъ внизу Днѣпръ, и съ трехъ сторонъ, одинъ за другимъ, отдаются удары мгновенно пробудившихся волнъ. Онъ не бунтуетъ,— онъ, какъ старикъ, ворчитъ и ропщетъ; ему все немило; все пережвнилось около него; тихо враждуетъ онъ съ прибрежными горами, лѣсами, дугами, и несетъ на нихъ жалобу въ Черное море...»

Изъ повѣсти „Пропавшая Грамота“:

«...Что-то подирало его по кожѣ, когда вступилъ онъ въ такую глухую ночь въ лѣсъ. Хоть бы звѣздочка на небѣ. Темно и глухо, какъ въ виноножъ подвалѣ. Только слышно было, что далеко-далеко вверху, надъ головою, холодный вѣтеръ гулялъ по верхушкамъ деревь, и деревья, что охмѣлѣвшія казакія головы, разгульно покачивались, шопоча листьями пьяную молвь. Какъ вотъ завѣяло такимъ холодомъ, что дѣдъ вспомнилъ и про овчинный тулупъ свой, и вдругъ, словно сто молотовъ, застучало по лѣсу такимъ стукомъ, что у него зазвенѣло въ головѣ... Глядь, между деревьями мелькнула и рѣчка, черная, словно ворононая сталь... Долго стоялъ дѣдъ у берега, поглядывая на всѣ стороны... На другомъ берегу горитъ огонь и, кажется, вотъ-вотъ готовится погаснуть, и снова отсвѣчивается въ рѣчкѣ, вздрагивавшей, какъ польскій шляхтичъ въ казачьихъ лапахъ...»

„Описаній природы (исключительно малороссійской) въ повѣстяхъ очень много. Гоголь изобразилъ и лѣтній день („Сорочинская ярмарка“), и вечеръ („Майская ночь“, „Ночь передъ Рождествомъ“), и ночь (тамъ же дважды); описалъ онъ и Днѣпръ („Страшная Месть“), и его берега („Страшная Месть“), лѣсъ ночью („Пропавшая грамота“), волшебный замокъ („Страшная Месть“), горы (тамъ же), видъ земли сверху („Ночь передъ Рождествомъ“). Всѣ эти „описанія“ отличаются своеобразіемъ манеры письма. Они проникнуты субъективизмомъ автора, они передаютъ не столько самую картину, сколько „настроенія“, получаемыя отъ ея созерцанія. Авторъ не скупится на различныя поэтическія приемы для усиленія впечатлѣнія,—оттого у него гиперболы, олицетворенія, самыя смѣльныя метафоры¹⁾, громоздятся одна на другую. Но цѣли своей Гоголь этими „описаніями“ достигаетъ, — подымаетъ на-

Особенность Гоголевскихъ описаній природы.

¹⁾ Особенно ярко сказывается эта манера письма въ общезвѣстномъ описаніи Днѣпра („Чуденъ Днѣпръ...“). Здѣсь гиперболы бьютъ въ глаза (...рѣдкая птица долетать до середины его...); метафоры порой вызываютъ недоумѣніе (напр.: „сыплется громъ“).

строение читателя, *настраивает* его на тотъ тонъ, въ которомъ ведется рассказъ.

Любовь въ повѣстяхъ.

Къ элементамъ романтизма у Гоголя принято относить также изображеніе имъ чувствъ любви. Онъ охотно берется за изображеніе этого чувства, которое онъ влагаетъ въ сердца идеальныхъ героевъ своихъ повѣстей. Но любовь, имъ изображаемая,—не живое, настоящее чувство, которое можетъ быть доступно героямъ изъ простонародья,—въ изображеніи Гоголя это чувство представляется приподнятымъ, идеализированнымъ. Его герои, особенно героини, представляются ему неземными созданиями, которыя всё похожи на одно лицо, не отличаются индивидуалистическими и національными чертами ¹⁾. Любовныя рѣчи, которыми они обмѣниваются, отличаются риторизмомъ и приподнятостью тона,—тѣмъ лирическимъ пафосомъ, которымъ Гоголь позаимствовался не изъ жизни, а изъ народной малороссійской пѣсни.

Крестьяне въ повѣстяхъ.

Вліяніе литературныхъ пріемовъ романтической школы въ этихъ повѣстяхъ нѣкоторые критики видятъ и въ изображеніи самой жизни малороссійскихъ крестьянъ,—эта жизнь представлена исключительно съ поэтической и декоративной стороны. Крестьяне Гоголя пляшутъ, поютъ пѣсни, влюбляются, потѣшаются... Ихъ жизнь представлена вѣчнымъ праздникомъ; о трудовой сторонѣ ихъ жизни читатель не догадается по повѣстямъ Гоголя; на крѣпостное право нѣтъ ни одного намека въ произведеніяхъ, посвященныхъ описанію жизни крестьянъ. Такая идеализація жизни, или, вѣрнѣе, художественная односторонность, была результатомъ литературной манеры романтиковъ, искавшихъ и въ природѣ, и въ исторіи, и жизни—только *интересныхъ* картинъ, событій и героевъ.

Романтическое и реалистическое міросозерцаніе.

Поэтому въ поискахъ „оригинальнаго“, „красиваго“—писатель, съ романтическимъ міросозерцаніемъ, обращалъ вниманіе на то, что болѣе поражало его избалованное воображеніе,—крупныя личности, красоты народной поэзіи, своеобразные народные обычаи, оригинальный костюмъ, проявленіе въ народѣ высокихъ чувствъ,—вотъ, что его особенно привлекаетъ. Писатель-реалистъ, смѣшившій романтика, наоборотъ, постарался заглянуть въ будничную жизнь человѣка, постарался правдиво изобразить обратную сторону его жизни. Съ такимъ *литературнымъ міросозерцаніемъ* нельзя смѣшивать *литературной манеры* письма. Вотъ почему

Романтическая и реали-

1) Въ изображеніи этихъ героевъ и героинь Гоголь измѣнялъ пріемамъ письма романтической школы. Онъ изображалъ этихъ героевъ такъ отвлеченно, какъ изображали своихъ героевъ псевдоклассики и особенно сентименталисты.

писатель, съ романтическимъ міросозерцаіемъ, можетъ пользо- стическаан
манера письма.
ваться реалистической манерой письма. Это и было съ Марлин-
скимъ,—это особенно замѣтно и на нервныхъ повѣстяхъ Гоголя.
Оттого въ самыхъ романтическихъ его повѣстяхъ очень силенъ
реалистическій элементъ.

б) *Реалистическій элементъ въ этихъ повѣстяхъ* выразился Реалистиче-
скій элементъ
въ повѣстяхъ.
въ обрисовкѣ бытовыхъ сценъ малороссійской жизни, въ обрисовкѣ
нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ. Этотъ реалистическій элементъ
пронизываетъ, въ большей, или меньшей степени, всѣ повѣсти,
входящія въ составъ „Вечеровъ“, но въ одной повѣсти онъ
является исключительнымъ („Иванъ Федоровичъ Шпонька“). Мы
видѣли уже, что Гоголь очень старательно готовился къ сочиненію
своихъ повѣстей: недовольный своимъ прекраснымъ знаніемъ про-
винціальной жизни Малороссіи, онъ старался отовсюду собирать
достоверныя свѣдѣнія о жизни и обычаяхъ малороссовъ. Пере-
давая все это въ своихъ повѣстяхъ, Гоголь не прикрашивалъ
этого романтизмомъ,—оттого малороссійская жизнь оказалась пред- Малороссій-
ская жизнь
въ повѣстяхъ.
ставленной у него живо и правдиво. Въ „Сорочинской ярмаркѣ“
онъ набросалъ яркую картину сельской ярмарки ¹⁾, вывелъ нѣ-
сколько типичныхъ лицъ (Черевикъ и его жена Хивря). Въ повѣсти
„Майская ночь, или утопленница“ живо изображена жизнь деревни—
шумныя потѣхи деревенскихъ молодцовъ, типичные образы головы,
винокура, Каленика. Въ повѣсти „Ночь передъ Рождествомъ“
изображена жизнь деревни зимой, развлеченія молодежи (колядо-
ванья) и людей пожилыхъ, выведены яркіе типы Чуба, кума,
дьячка, Солохи, Оксаны. Въ повѣсти „Иванъ Федоровичъ Шпонька“
Гоголь обстоятельно рассказалъ намъ жизнь мелкаго малороссій-
скаго „пана“—дворянина Шпоньки, тихаго и скромнаго юноши,
потомъ офицера и, наконецъ, помѣщика. Рядомъ съ нимъ выри-
совывается типичный образъ его тетуски, энергичной, добродуш-
ной старухи, и помѣщика Сторченко, прототипа Ноздрева. Нако-
нецъ, въ повѣстяхъ „Пропавшая грамота“ и „Заколдованное
мѣсто“ живо и ярко представляются личности самихъ рассказ-

¹⁾ „...Шумъ, брань, мычаніе, бляканіе, ревъ—все сливается въ одинъ нестройный
говоръ. Волю, мѣшки, сѣно, цыгане, горшки, бабы, пряники—все ярко, пестро, нестройно,
мечется кучами и снуется передъ глазами. Разноголосыя рѣчи потопляютъ другъ
друга, и ни одно слово не выхватится, не спасется отъ этого потопа; ни одинъ крикъ
не слышится ясно. Только хлопанье по рукамъ торгашей слышится со всѣхъ сторонъ
ярмарки. Ломается возъ, ввенять желѣзо, гремать сбрасываемыя на землю доски, и
закуржившаяся голова недоумѣваетъ, куда обратиться...“ и т. д. Еще описаніе ярмарки
въ повѣсти: „Пропавшая грамота“—изображенъ другой моментъ.

чиковъ-фантазёровъ, которые съ такимъ жаромъ, съ такою вѣрою передають различныя небылицы про себя, что и „вралями“ ихъ называть нельзя, хотя и повѣрить имъ невозможно.

Простона-
родные типы
въ повѣстяхъ.

Простонародные типы, представленные Гоголемъ въ его повѣ-
стяхъ, не отличаются особенною сложностью. Онъ выводилъ или
равнодушныхъ ко всему, флегматичныхъ и лѣнливыхъ хохловъ, въ
родѣ Солопія Черевика („Сорочинская Ярмарка“), или „кума“
изъ „Ночи передъ Рождествомъ“, подчеркивалъ онъ въ своихъ
герояхъ другую характерную малороссійскую черту—упрямство
(Чубъ—изъ повѣсти „Ночь передъ Рождествомъ“; дѣдъ—въ
„Заколдованномъ мѣстѣ“). Хохлацкую „лѣнность“ онъ воплотилъ
въ образъ колдуна Пацюка, который даже ѣсть лѣнится по че-
ловѣчески. Въ лицѣ „головы“ (изъ повѣсти „Майская ночь“) Гоголь
изобразилъ типичное деревенское „начальство“; „голова“
полонъ самомнѣнія и упрямства,—въ деревнѣ, вдали отъ комис-
сара, онъ живетъ „царькомъ“, самовластно накладываетъ подати
на односельчанъ, умѣетъ ими властвовать; онъ только съ моло-
дежью деревенской да со своей свояченицей не можетъ справиться.
Рядомъ съ нимъ выведенъ живой образъ винокура. Это хитрый
деревенскій торгашъ, умѣющий провести всякаго, и, въ то же
время, человѣкъ, поработенный народнымъ мистицизмомъ,—онъ
вѣритъ примѣтамъ, боится „нечистой силы“ и во всемъ видитъ
ея присутствіе и проявленіе.

Пожилыя жен-
щины.

Типы „старухъ“ и „пожилыхъ женщинъ“ въ повѣстяхъ всё
довольно однообразны,—Гоголь представлялъ ихъ всегда въ коми-
ческомъ освѣщеніи—сварливыми, любительницами сплетенъ и ссоръ.
Исключеніемъ изъ этихъ шаблонныхъ образовъ является Солоха—
типъ хитрой, разбитной деревенской бабы, умѣющей всёхъ про-
вести. Насколько удачны бывали нѣкоторыя характеристики, имъ
сдѣланныя, лучше всего видно изъ портрета кумовой жены (въ
повѣсти „Ночь передъ Рождествомъ“) ¹⁾.

¹⁾ „Кумова жена была такого рода сокровище, какихъ немало на бѣломъ свѣтѣ. Такъ же, какъ и ея мужъ, она почти никогда не сидѣла дома, и почти весь день пресмыкалась у кумушекъ и важничныхъ старухъ, хвалила и ѣла съ большимъ аппети-
томъ и дралась только по утрамъ со своимъ мужемъ, потому что въ это только
время и видѣла его иногда. Хата ихъ была вдвое старѣе шароваровъ волостного пи-
сара; крыша въ нѣкоторыхъ мѣстахъ была безъ соломы. Плетня видны были одни
остатки, потому что всякій, выходявшій изъ дому, никогда не бралъ палки для со-
бакъ, въ надеждѣ, что будетъ проходить мимо кумова огорода и выдернетъ любую
изъ его плетни. Печь не топились дня по три. Все, что ни запрашивала нѣжная су-
пруга у добрыхъ людей, прятала, какъ можно подальше отъ своего мужа и часто само-
управно отнимала у него добычу, если только онъ не успѣвалъ ее пропить въ шинкѣ.
Кумъ, несмотря на всегданнее хладнокровіе, не любилъ уступать ей, и оттого почти

Молодежь въ повѣстяхъ тоже изображена довольно однообразно; особенно это однообразіе замѣтно тамъ, гдѣ Гоголь хотѣлъ изобразить любящую пару, или нарисовать красавицу-дѣвушку, или красавца-молодца. Простыя малороссійскія деревенскія дѣвушки идеализированы имъ до того, что представляются какими-то поэтическими отвлеченностями (напр. Ганна изъ „Майской ночи“, Пидорка изъ „Вечера наканунѣ Ивана Купалы“): онѣ окутаны поэтической дымкой, онѣ нѣжны и сентиментальны, ихъ рѣчи многословны и воодушевлены такимъ лирическимъ краснорѣчіемъ, какимъ, конечно, въ жизни простая деревенская „дѣвушка“ не могла обладать. Наибольше жизненнымъ образомъ изъ „дѣвушекъ“ Гоголя является кокетливая, задорная Оксана, избалованная деревенская красавица—предметъ любви кузнеца Вакулы.

Совершенно въ сторонѣ отъ разобранныхъ повѣстей Гоголя стоитъ его интересный рассказъ: „Иванъ Ѳеодоровичъ Шпонька и его тетушка“. Прежде всего, это единственный рассказъ, въ которомъ совсѣмъ нѣтъ мѣста фантастикѣ романтизма, — который является „реалистическимъ“ отъ начала до конца. Затѣмъ, это единственный рассказъ въ „Вечерахъ“ изъ жизни мелкопомѣстныхъ дворянъ, тѣхъ „существователей“, о которыхъ не безъ значительной доли презрѣнія отзывался Гоголь еще въ юности. Этотъ рассказъ потому и цѣненъ, въ глазахъ историка литературы, что онъ является словно переходнымъ ко всѣмъ дальнѣйшимъ повѣстямъ Гоголя, въ которыхъ великій писатель уже не касается никогда болѣе міра народныхъ вѣрованій и быта народа, а весь уходитъ въ сѣрый міръ такихъ „существователей“, какимъ былъ Иванъ Ѳеодоровичъ Шпонька.

Иванъ Ѳеодоровичъ былъ въ дѣтствѣ «преблагонравный и престарательный мальчижъ»; способностями Богъ его обдѣлилъ, зато онъ былъ настолько послушенъ, тихъ, скромнень, внимателенъ и вѣжливъ, — что учителя его очень цѣнили и сдѣлали даже наблюдающимъ за успѣхами товарищей. Разъ только провинился Шпонька — проголодавшись, онъ взялъ съ одного лѣвтя взятку блиномъ, былъ изловленъ во время ѣды и высѣченъ. Это увеличило его робость.

Не кончивъ училища, онъ сдѣлался офицеромъ пѣхотнаго полка, но и здѣсь, въ веселой и свободной семьѣ офицеровъ, остался одинокъ со своей робкой, кроткой и доброй душой; не принималъ участія въ шумныхъ развлеченияхъ товарищей, сидѣлъ больше дома и занимался самими

всегда уходилъ изъ дому съ фонарями подъ обоими глазами, а дорогая половина, охая, плелась рассказывать старушкамъ о безчинствѣ своего мужа и о претерпѣнныхъ ею отъ него побояхъ..“

мирными занятіями: «то чистилъ пуговицы, то читалъ гадательную книжку, то ставилъ мышеловки по угламъ своей комнаты, то, наконецъ, скинувши мундиръ, лежалъ на постели».

Тетушка его.

Его маленькимъ имѣніемъ и восемнадцатью душами его крѣпостныхъ управляла его тетушка Василиса Каитаровна, сильная и энергичная старуха, которая никому спуска не давала ¹⁾. Она при всемъ томъ была добродушна и нѣжко любила своего племянника, даже нѣсколько благоговѣла передъ его чиномъ подпоручика. Хорошая хозяйка, она довела маленькое имѣніе Шпоньки до процвѣтанія и, наконецъ, выписала его самого въ деревню. По полученіи ея письма, Шпонька, безъ колебанія, подалъ въ отставку и пріѣхалъ въ родное захолустье. Здѣсь его кроткую душу обвѣяло идиллической тишиной и безоблачнымъ счастьемъ спокойной растительной жизни. Даже трудная жизнь крѣпостного рабочаго люда повернулась къ сентиментальному Шпонькѣ съ самой идиллической стороны ²⁾.

Сторченко.

Еще по дорогѣ домой въ деревню, познакомился онъ съ соседомъ своимъ по имѣнію Сторченкомъ. Этотъ помѣщикъ представлялъ собою полную противоположность Шпонькѣ: рѣзкій и грубоватый въ обращеніи, ругатель ³⁾ и порочный плутъ, онъ, въ то же время, не былъ обдѣленъ добродушіемъ. Въ лицѣ его Гоголь изобразилъ словно прообразъ Поздрева, отчасти Собакевича. Своей рѣшительностью онъ совершенно поработилъ робкаго Шпоньку, между тѣмъ Шпонькѣ нужно было вернуть одно завѣ-

¹⁾ Пляницу мельника, который совершенно былъ ни къ чему негоденъ, она собственною своею мужественною рукою, дергая каждый день за чубъ, умѣла сдѣлать золотомъ, а не человѣкомъ. Ростъ она имѣла почти исполинскій, дородность и силу совершенно соразмѣрную. Казалось, что природа сдѣлала непростительную ошибку, опредѣливъ ей носить темно-коричневый, по буднямъ, капотъ съ мелкими сборками и красную кашемировую шаль въ день Свѣтлага Воскресенья и своихъ именинъ,—тогда какъ ей болѣе всего шли бы драгушскіе усы и длинные ботфорты. Зато занятія ея совершенно соответствовали ея виду: она каталась сама на лодкѣ, греба весломъ искуснѣе всякаго рыболова, стрѣляла дичь, стояла неотлучно надъ косарями, знала наперечетъ число дынь и арбузовъ на баштанѣ, брала пошанину по пяти копѣекъ съ воза, проѣзжавшаго черезъ ея греблю; влѣзала на дерево и трусѣла груши; была лѣнливыхъ вассаломъ своею страшною рукою и подносила достойнымъ рюмку водки тою же грозною рукою. Почти въ одно время она бранилась, красила пряжу, бѣгала на кухню, дѣлала квасъ, варила медовое варенье и хлопотала весь день и вездѣ поспѣвала.

²⁾ „...Онъ неотлучно бывалъ въ полѣ при жнецахъ и косаряхъ, и это доставляло наслаждение неизяснимое его кроткой души. Единодушный взмахъ десятка и болѣе блестящихъ косъ; шумъ падающей стройными рядами травы; ирѣдка заливающаяся иѣсны жнивь, то веселая, какъ встрѣча гостей, то заунывная, какъ разлука; спокойный, чистый вечеръ,—и что за вечеръ! какъ воленъ и свѣжъ воздухъ! какъ тогда оживлено все: степь краснѣетъ, синѣетъ и горитъ цвѣтами; перепелы, дрофы, чайки, кузнечики, тысячи наѣкомыхъ, и отъ нихъ свистъ, жужжаніе, трескъ, крикъ и вдругъ стройный хоръ; и все не молчитъ ни на минуту; а солнце садится и кроется. У! какъ свѣжо и хорошо! По полю, то тамъ, то сямъ, раскладываются огни и ставятся котлы, и вокругъ котловъ садятся усталые косари; паръ отъ галушекъ несется; сумерки сѣрбуютъ... Трудно рассказать, что дѣлалось тогда съ Иванъ Федоровичемъ. Онъ забывалъ, присоединяясь къ косарямъ, отвѣдать ихъ галушекъ, которыя очень любилъ, и стоялъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, слѣдя глазами пропадавшую въ небѣ чайку...“

³⁾ Впрочемъ, „ругателемъ“ онъ являлся только по отношенію къ своимъ крѣпостнымъ. Характерна сцена угощенія Шпоньки. Когда онъ отказался взять „стегнышко“, Сторченко заставилъ лакея стать на колѣни и просить Шпоньку: „Становись, подлецъ, на колѣни! Говори сейчасъ: „Иванъ Федоровичъ, возьмите стегнышко!“— „Иванъ Федоровичъ, возьмите стегнышко!“—проревѣлъ, ставъ на колѣни, **оффиціантъ съ блюдомъ“**.

шаніе, припрятанное Сторченкомъ. Видя, что прямо завѣщанія не вернуть, тетушка рѣшила женить племянника на сестрѣ Сторченка, въ надеждѣ получить завѣщанное въ качествѣ приданого. Съ ужасомъ узналъ объ этомъ рѣшеніи робкій Шпонька, но онъ не осмѣлился спорить съ тетушкой и ограничился тѣмъ, что впалъ въ полное смущеніе и отчаянье,— даже сны стали видѣться ему все «про жену». Съ будущей сунругой своей онъ не зналъ, о чемъ говорить ¹⁾.

Повѣсть кончается разсказомъ объ одномъ такомъ „снѣ“, и читатель остается въ неизвѣстности, женился ли Шпонька, получилъ ли онъ свое завѣщаніе, или нѣтъ.

Но отъ этого цѣнность повѣсти не проигрываетъ. Передъ нами мастерской набросокъ нѣсколькихъ лицъ изъ того круга, изъ котораго вышелъ самъ Гоголь. Съ юморомъ и безъ всякой злобы, даже съ чувствомъ симпатіи, нарисовалъ онъ намъ этихъ провинціальныхъ „существователей“, цѣль жизни которыхъ ничтожна, но жизнь которыхъ полна содержанія: они тоже волнуются, страдаютъ, у нихъ свои интересы...

Значеніе повѣсти.

Любопытно, что въ этой повѣстукѣ Гоголь коснулся и крѣпостного права, но ничего безобразнаго въ мудрыхъ расправахъ тетушки и въ отношеніяхъ Сторченка къ лакеямъ онъ не замѣтилъ. Онъ, несомнѣнно, одобрялъ „тетушку“ за то, что она своей властной дворянской рукой сдѣлала пьяницу „золотомъ“; въ ругани Сторченка и колѣнопреклоненной просьбѣ официанта „взять стегнышко“, онъ увидѣлъ только комическое.

Отношеніе Гоголя къ крѣпостному праву.

О происхожденіи этихъ повѣстей пришлось уже говорить выше. Гоголь занялся ихъ сочиненіемъ потому, что ему хотѣлось въ Петербургѣ пожить впечатлѣніями дѣтства и юности—вспомнить Малороссію, ея жителей и природу ²⁾; къ этому примѣшались и матеріальные соображенія,—въ разгаръ романтическихъ настроеній русской литературы интересъ къ Малороссіи и поэтическому содержанію ея жизни былъ въ русскомъ читающемъ обществѣ очень великъ,—и Гоголь рѣшился эксплуатировать его въ свою пользу.

Происхожденіе этихъ повѣстей.

1) „...Молчаніе продолжалось около четверти часа. Барышня все такъ же сидѣла. Наконецъ, Иванъ Федоровичъ собрался съ духомъ: „Лѣтомъ очень много мухъ, сударыня!“—произнесъ онъ полудрожающимъ голосомъ.

— „Чрезвычайно много!“—отвѣчала барышня.—„Вратецъ нарочно сдѣлалъ хлопку изъ стараго маменькина башмака, но все еще очень много“.

Тутъ разговоръ опять прекратился.

2) Это „писаніе“ издадека, какъ результатъ радостныхъ дѣтскихъ воспоминаній, и внесло ту идеализацію въ описанія природы и жизни малороссійской, которая такъ очевидна въ „Вечерахъ на хуторѣ близъ Диканьки“.

Материалы для своих повѣстей Гоголь почерпалъ изъ воспоминаній дѣтства,—очевидно, ему самому приходилось неразъ слышать различныя народныя сказки, преданія и веселыя, и страшныя („страховинны казочки“) ¹⁾. Эти дѣтскія воспоминанія освѣжались онъ, какъ мы видѣли, рассказами и матеріалами, которые, живучи уже въ Петербургѣ, собиралъ на родинѣ при помощи матери и знакомыхъ ²⁾. Въ результатъ, источники его матеріаловъ оказались очень разнообразными—народная малороссійская фантазія въ сказкахъ и преданіяхъ, въ суевѣрныхъ представленіяхъ жизни, дала ему богатый матеріалъ для созданія типа чорта, вѣдьмы, колдуна, оборотней. Увлеченный этой фантазіей, Гоголь, одаренный и самъ богатымъ воображеніемъ, весь ушелъ въ своеобразный міръ народныхъ суевѣрій. Но у народа къ этому міру замѣчается двойное отношеніе—съ одной стороны, ужасомъ мрачной вѣры вѣтеть отъ многихъ народныхъ преданій и суевѣрныхъ представленій,—съ другой стороны, очень часто народъ умѣетъ съ юморомъ относиться къ этимъ созданіямъ своей фантазіи. Оттого и народныя произведенія фантастическаго содержанія распадаются на двѣ группы: въ одной этотъ міръ народныхъ представленій рисуется съ трагической стороны, въ другихъ—съ комической. Въ народныхъ сказкахъ герои неразъ за панибрата обращаются съ „нечистой силой“, надуваютъ ее, обыгрываютъ въ карты, даже поволачиваютъ. Такое двойное, чисто-народное отношеніе къ „не-

Народный
мистицизмъ.

¹⁾ „...Каганецъ, дрожа и всхливая, какъ бы пугаясь чего, свѣтилъ намъ въ хатѣ. Веретено жужжало; а мы всѣ, дѣти, собравшись въ кучку, слушали дѣда, не слѣзавшаго отъ старости болѣе пяти лѣтъ съ своей печки. Но ни дивныя рѣчи про давнюю старину, про наѣзды запорожцевъ, про ляховъ, про молодѣцкія дѣла Подковы, Полторакожуха и Сагайдачнаго не занимали насъ такъ, какъ рассказы про какое-нибудь старинное чудное дѣло, отъ которыхъ всегда дрожь проходила по тѣлу, и волосья ерошились на головѣ. Иной разъ страхъ, бывало, такой заберетъ отъ нихъ, что съ вечера все показывается, Богъ знаетъ, какимъ чудищемъ. Случится, ночью выйдешь за чѣмъ-нибудь изъ хаты, вотъ такъ и думаешь, что на постели твоей ужался снакъ выходецъ съ того свѣта... И принималъ часто издали собственную свитку, положенную въ головахъ, за свернушагося дьявола“.

²⁾ Впрочемъ, при всей добросовѣстности Гоголя въ этомъ отношеніи, онъ неразъ погрѣшалъ противъ правды. Его „повѣсти“ уже современными критиками разобраны были съ этнографической точки зрѣнія и обнаружили въ Гоголѣ человѣка, который обо многомъ говорилъ съ чужого голоса. Какъ на одинъ изъ яркихъ примѣровъ его етупилей отъ правды малороссійскаго быта, указываютъ, напримѣръ, на свадьбу Грицка съ Параской въ „Сорочинской ярмаркѣ“. Народная свадьба сопровождается многими и длинными обрядами и такъ скоро не могла быть закончена, какъ рассказываетъ Гоголь. Такъ же неправдоподобной, по указаніямъ этнографовъ, является сцена вызванія дѣвушки изъ дома при помощи игры на бандурѣ. Этотъ примѣръ глѣтъ „серенады“ подъ окнами возлюбленныхъ въ Малороссіи не практикуется. Совершенно противорѣчить патріархальнымъ обычаямъ деревни и сочиненіе про отца такой пѣсни, какую сложилъ Левко („Майская ночь“). „Переряживаніе“, къ которому онъ прибѣгаетъ, тоже противорѣчитъ обычаямъ деревни,—рядятся въ деревнѣ только на Святкахъ.

чистой силѣ“ встрѣчаемъ мы и у Гоголя. Его дьяволь, колдунъ, вѣдьма, являются мрачными (напр. чортъ и вѣдьма въ „Вечерѣ наканунѣ Ивана Кушалы“, колдунъ въ „Страшной Мести“), то глуповатыми и смѣшными¹⁾ (напр. чортъ въ „Ночи передъ Рождествомъ“, Пацюкъ, вѣдьма въ „Пропавшей Грамотѣ“).

Народная пѣсня малороссійская тоже оказала сильное вліяніе на эти повѣсти, главнымъ образомъ, на лирическія мѣста, моно-логи любящихъ, или тоскующихъ героевъ, на описаніе красавицъ и красавцевъ. Приводя ихъ разговоры, Гоголь иногда прямо перифразируетъ слова пѣсни, пересказываетъ ее своими словами, удерживая самое типичное, характерное²⁾.

Значеніе на-
родной пѣсни
для повѣстей.

Кромѣ сказокъ и пѣсень, воспользовался Гоголь широко и полупереховными легендами, которыя явились результатомъ скрещенія творчества церковнаго съ народнымъ³⁾. Иногда онъ нѣ-

Вліяніе
легендъ на
повѣсти.

¹⁾ Въ этомъ послѣднемъ случаѣ Гоголю удается удивительно и мастерски сочетать реализмъ съ фантастикой. Какъ удивительно реально изображена имъ, напримеръ, игра въ карты съ вѣдьмой и чертами въ аду: „Козырь!“ вскричалъ онъ, ударивъ по столу картою такъ, что ее свернуло коробомъ; та, не говоря ни слова, pokryla восьмеркою масти. „А чѣмъ ты, старый дьяволъ, бьешь?“ Вѣдьма подняла карту: подъ нею была простая шестерка. „Вишь, бѣсовское обморачиванье!“—сказалъ дѣдъ и съ досады хватилъ кулакомъ что силы по столу. Къ счастью еще, что у вѣдьмы была плохая масть; у дѣда, какъ нарочно, на ту пору—пары. Сталъ набирать карты изъ колоды,—только мочи вѣтъ; дрянъ такая лѣзветъ, что дѣдъ и руки опустил. Въ колодѣ ни одной карты. Пошелъ уже такъ, не глядя, простою шестеркою; вѣдьма приняла. „Вотъ тебѣ на! это что? Э, вѣ вѣрно, что-нибудь да не такъ!“ Вотъ, дѣдъ карты потихоньку подъ столъ и перекрестилъ; глядь—у него на рукахъ тузъ, король, валетъ козырей, а онъ, вмѣсто шестерки, спустилъ королю. „Ну, дурень же я былъ! Король козырей! что? приняла? А? кошачье отродье! А туза не хочешь? Тузъ! валять!“ Громъ пошелъ по пеклу...

²⁾ Напр. „Ивасю, мой любый! бѣги къ Петрусю, мое золотое дитя, какъ стрѣла изъ лука; расскажи ему все: любила съ его карія очи, цѣловала бы его бѣлое личико, да не велитъ судьба моя. Не одинъ ручникъ вымочила я горючими слезами. Тощо мнѣ, тяжело на сердцѣ. И родной отецъ—врагъ мнѣ: неволитъ идти за нелюбого лаха. Скажи ему, что и свадьбу готовить, только не будетъ музыки на нашей свадьбѣ: будутъ дьяки пѣть, вмѣсто кобзъ и сопилокъ. Не пойду я танцевать съ женихомъ своимъ,—повесутъ меня... Темная, темная будетъ хата! изъ кленоваго дерева и, вмѣсто трубы, крестъ будетъ стоять на крышѣ“. Такое пользование народной пѣсней было у Гоголя вполнѣ сознательнымъ. Онъ пѣснѣ народную придавалъ очень большое значеніе, считая, что пѣсня для историка важнѣе документовъ. Въ „Арабескахъ“ онъ говорилъ слѣдующее: „Историкъ не долженъ искать въ нихъ показателя дня и числа битвы, или точнаго объясненія мѣста, вѣрной реляціи. Но когда онъ захочетъ узнать вѣрный бытъ, стихію характера, всѣ изгибы и отгѣнки чувствъ, волненій, страданій, веселій изображаемаго народа, когда захочетъ выпытать духъ минувшаго вѣка, общій характеръ всего цѣлаго и порознь каждаго частнаго, тогда онъ будетъ удовлетворенъ“.

³⁾ Напр., летаніе Вакулы на чортѣ есть народная обработка эпизода изъ житія св. Іоанна Новгородскаго, который леталъ на дьяволѣ въ Іерусалимъ. Къ областн. легендѣ“ относится рассказъ Левко о той лѣтницѣ, которая соединяетъ небо и землю“ („Майская ночь“).

сколько легендъ и сказаній соединяетъ въ одно; иногда самостоя- тельно ихъ развиваетъ.

Очевидно, и лирическія преданія, богато окрашенныя народ- ной фантазіей, тоже вдохновляли Гоголя на сочиненіе нѣкото- рыхъ повѣстей ¹⁾.

Литератур-
ныя вліянія
(иноземныя
и русскія).

Новалисъ,
Гофманъ.

Жуковский.

Марлинскій.

Пушкинъ.

Наконецъ, несомнѣнны надъ повѣстями Гоголя и литератур- ныя вліянія. Нѣмецкій романтизмъ, какъ мы видѣли выше, вы- двинулъ цѣлую группу писателей, которые особенно охотно раз- работывали фантастику народнаго творчества. Такъ, Новалисъ, особенно Гофманъ, модный у насъ во времена Гоголя писатель, дали въ своихъ произведеніяхъ образцы, которымъ подражали и русскіе романтики. Изъ нихъ Жуковский, съ его колдунами, вѣдь- мами и дьяволами, оказалъ на Гоголя несомнѣнное вліяніе ²⁾. Модный, въ то время, Марлинскій нѣкоторыми своими произве- деніями (напр. „Страшное гаданіе“) тоже могъ поддержать стре- мленіе Гоголя творить въ этой же области романтической фан- тастики. Даже у Пушкина найдемъ мы нѣсколько произведеній такого же рода: баллада „Утопленникъ“ и „Гусаръ“ являются, въ этомъ отношеніи, типичными. Въ польской литературѣ, хотя бы въ сочиненіяхъ Мицкевича, Гоголь тоже могъ встрѣтить разра- ботку такихъ же фантастическихъ народныхъ преданій. Въ рус- ской литературѣ ближайшимъ предшественникомъ Гоголя надо признать Дала („Сказки казака Луганскаго“), который подошелъ къ произведеніямъ народной фантазіи съ той же точки зрѣнія, что и Гоголь ³⁾.

Источники
Гоголевскаго
реализма.

Квитка.

И реализмъ первыхъ гоголевскихъ повѣстей тоже имѣетъ за собой богато-разработанную почву. Малороссійская сказка дала ему ярко-обрисованные типы упрямаго, лѣниваго хохла, богато надѣленнаго и хитростью, и юморомъ. Эта же сказка дала ему живой образъ сварливой бабы-сплетницы. Оба эти характерные типа еще въ XVII в. изъ сказки попали въ народную комедію („интермедіа“ и „интерлюдія“, „вертепъ“), а затѣмъ и ту ко- медію, которую усердно разработывали малороссійскіе писатели въ родѣ Гоголя-отца, Котляревскаго, Квитки-Основьяненко, Арте-

¹⁾ Напр. народныя преданія о развалинахъ какого-нибудь стараго замка могли лечь въ основу повѣсти „Страшная Мель“. Воспоминанія пана Данилы о казацкихъ подвигахъ тоже относятся къ этой области.

²⁾ Напр. продажа Громобоемъ души дьяволу и страхъ его въ послѣднюю ночь напоминаетъ эпизодъ изъ „Пропавшей Грамоты“.

³⁾ Вслѣдствіи Тургеневъ, въ его повѣсти „Вѣжнъ Лугъ“, опять введетъ насъ въ этотъ міръ народной фантазіи.

мовскаго-Гулака ¹⁾ и др. Кромѣ того, большое значеніе для повѣстей Гоголя имѣли и такіе талантливые бытописатели, какъ Нарѣжный. Его умѣніе рисовать жизнь Украины и ея типы отразилось на повѣстяхъ Гоголя. Въ русской литературѣ, конечно, ближайшимъ предшественникомъ и учителемъ Гоголя былъ Пушкинъ, который сумѣлъ въ своихъ произведеніяхъ нарисовать жизнь разныхъ слоевъ русскаго общества, — между прочимъ и захолустнаго, провинціального, не безъ юмора обрисовавъ интересы и идеалы русскихъ деревенскихъ дворянъ. Въ своей „Полтавѣ“ онъ набросалъ яркую картину малороссійской жизни и природы.

Нарѣжный.

Рылѣва тоже называютъ учителемъ Гоголя; для своихъ историческихъ „думъ“ онъ очень часто бралъ сюжеты изъ жизни Малороссіи; въ ея прошломъ онъ сумѣлъ найти немало героическихъ образовъ, высокихъ проявленій патріотизма и гражданской доблести.

Рылѣва.

Наконецъ, русскіе критики указываютъ на Погодина, какъ на писателя, котораго тоже, съ нѣкоторымъ правомъ, можно назвать предшественникомъ Гоголя. Среди русскихъ литераторовъ своего времени онъ былъ „одинъ изъ первыхъ, который попытался въ „картину нравовъ“ включить описаніе быта низшихъ слоевъ нашего общества. Онъ сдѣлалъ больше; онъ не только описывалъ, но изображалъ этихъ намъ тогда мало знакомыхъ людей, изображалъ ихъ чувствующими и думающими, а также разговаривающими и при томъ довольно естественною рѣчью. Содержаніе повѣстей оставалось въ большинствѣ случаевъ романтическимъ, но въ выполненіи проступалъ наружу довольно откровенный реализмъ“ ²⁾ (Котляревскій).

Погодинъ.

Въ рассказахъ своихъ онъ рисовалъ драмы маленькихъ людей, — драмы, которыя разыгрывались въ купеческомъ быту („Суженный“, „Черная немочь“), мелкопомѣстномъ дворянствѣ („Невѣста на ярмаркѣ“), опускался онъ даже до вертепа людей надшихъ, чтобы показать читателямъ, что и въ сердцахъ воровъ и мошенниковъ теплится искра добра; касался онъ и жизни крѣ-

¹⁾ На это знакомство Гоголя съ подобными „комедіями“ указываютъ, хотя бы, тѣ эпиграфы, которые онъ поставилъ въ нѣкоторыхъ главахъ „Сорочинской Ярмарки“. Объ украинской литературѣ до Гоголя см. соч. Петрова „Очерки украинской литературы“.

²⁾ Въ II ч. моей „Исторіи“, въ главѣ, посвященной характеристикѣ „романтизма“, указано, что реализмъ былъ тѣсно связанъ съ романтизмомъ, даже вытекалъ изъ него, какъ одно изъ главныхъ требованій романтической школы. Оттого такое сличеніе двухъ направленій встрѣчаемъ мы и у Вальтеръ-Скотта, и у Гюго, и у Виньи, и у русскихъ романтиковъ — Марлинскаго, Загоскина, Лажечникова, Погодина и у Гоголя.

постного люда. Наконецъ, есть у него повѣсть изъ малороссійскаго быта, — это трогательный рассказъ о томъ, какъ Петрусь-бѣднякъ любилъ Наталку, какъ гордый ея отецъ не хотѣлъ отдать дочь за бѣдняка, какъ Петрусь отправился зарабатывать деньги, но, вернувшись съ деньгами, засталъ свою Наталку замужемъ за другимъ, но больную и разоренную. Петрусь отдалъ ей всѣ свои деньги.

Отношеніе
русской пу-
блики и кри-
тики къ
повѣстямъ.

Успѣхъ „Вечеровъ“ въ русской публикѣ былъ большой; даже придиричивая русская критика, въ общемъ, осталась довольна новой книгой. Публика русская оцѣнила въ этихъ повѣстяхъ не только яркость изображенія малороссійской жизни и природы, но и тотъ живой и искренній комизмъ, которымъ вообще не отличалась современная русская литература. Чѣмъ-то свѣжимъ, жизнерадостнымъ, неудержимо-веселымъ и молодымъ повѣяло въ русской литературѣ съ появленіемъ книги Гоголя. Съ такой точки зрѣнія похвалили ее Пушкинъ. Воейкову онъ писалъ: „Сейчасъ прочелъ „Вечера на хуторѣ“. Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами какая поэзія, какая чувствительность! Все это такъ необыкновенно въ нашей литературѣ, что я доселѣ не образумился!“ Не всѣ критики были такъ доброжелательны, — большинство постаралось, прежде всего, найти недостатки. Одинъ критикъ отмѣтилъ, что повѣсти страдаютъ излишнимъ реализмомъ, доходящимъ до „грубости“ („парни ведутъ себя совсѣмъ, какъ невѣжи и олухи“), что особенно бросается въ глаза рядомъ съ чрезмѣрной идеализаціей другихъ образовъ и высокопарнымъ пафосомъ тѣхъ рѣчей, которыми обмѣниваются иногда дѣйствующія лица. Полевой, не зная еще настоящаго автора этихъ повѣстей, заподозрилъ его въ стараніяхъ поддѣлаться подъ народность. „Этотъ пасичникъ — москаль, — писалъ онъ, — и притомъ горожанинъ; онъ неискусно воспользовался кладомъ преданій; мазки его несвязны“... Сочувственнѣе отнеслись къ Гоголю Надеждинъ и Булгаринъ. Первый указывалъ на отсутствіе въ повѣстяхъ вычурности и хитрости, естественность дѣйствующихъ лицъ и положеній, неподдѣльную веселость и невыкраденное остроуміе. Особенно нравилась ему въ повѣстяхъ выдержанность „мѣстнаго колорита“. Булгаринъ хвалилъ Гоголя за стремленіе уловить духъ малороссійской и русской народности. Онъ ставитъ Гоголя выше Погодина, выше Загоскина. Особенно охотно сравнивали Гоголя съ Марлинскимъ. Это сопоставленіе особенно любопытно потому,

что въ то время Марлинскій считался первымъ русскимъ романистомъ, — сравненіе съ нимъ Гоголя указываетъ, на какую высоту онъ сразу поднялся въ русскомъ самосознаніи и кого онъ долженъ былъ смѣнить, кто былъ его ближайшимъ предшественникомъ въ глазахъ русской читающей публики.

Въ исторіи русской литературы „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“ занимаютъ почетное мѣсто. Несмотря на всѣ недостатки этихъ повѣстей, онѣ были первымъ наиболее полнымъ и художественнымъ опытомъ нарисовать жизнь простонародья, заглянуть въ душу простого человѣка, посмотреть на жизнь и природу глазами народа, заглянуть въ тотъ своеобразный міръ, міръ мистицизма, темнаго и, въ то же время, не лишенаго красоты, о которомъ пришлось мнѣ говорить въ первыхъ главахъ 1-ой части 1-го выпуска этой книги. Если Гоголь отнесся къ изображаемому только какъ художникъ, какъ поэтъ, — то его ближайшіе послѣдователи-литераторы (особенно Григоровичъ и Тургеневъ) отнеслись къ простонародной жизни не только съ художественной стороны, — они оживили эту жизнь сознаниемъ общественныхъ дѣятелей, понимающихъ эту жизнь не съ показной, но съ оборотной стороны. Такое расширение идейнаго содержанія картины не должно умалять того факта, что всетаки учителемъ обоихъ нашихъ писателей былъ Гоголь.

Значеніе этихъ повѣстей въ исторіи русской литературы.

Повѣсти, вошедшія въ составъ второго гоголевскаго сборника „Миргородъ“, по характеру своему и содержанію очень близко подходятъ къ тѣмъ повѣстямъ, которыя составили его первый сборникъ „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“. Мы увидимъ здѣсь такое же смѣшеніе романтизма и реализма, увидимъ, что и сюжеты, разрабатываемые Гоголемъ въ этомъ сборникѣ, берутся изъ тѣхъ же областей малороссійской жизни, которыя раньше дали богатый и пестрый матеріалъ для его „Вечеровъ“: въ повѣсти „Вій“ Гоголь возвращается въ кругъ народныхъ суевѣрныхъ сказаній; въ повѣстяхъ „Старосвѣтскіе помѣщики“ и „Повѣсть о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“ — въ области мелкой жизни провинціальныхъ „существователей“; въ повѣсти „Тарасъ Бульба“ Гоголь изобразилъ героическое прошлое своей родины, — взялъ тему, тоже уже затронутую въ нѣкоторыхъ повѣстяхъ изъ сборника „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“ („Страшная месть“, „Ночь наканунѣ Ивана Купала“).

„Миргородъ“.

Отличие повестей „Миргорода“ отъ „Вечеровъ“.

Такимъ образомъ, отличаются эти повѣсти отъ болѣе раннихъ—не содержаніемъ и характеромъ, а болѣею яркостью красокъ, болѣею тонкостью рисунка и болѣею вдумчивостью, съ которою авторъ отнесся къ изображаемой имъ жизни. Такимъ образомъ, эти произведенія свидѣтельствуютъ о болѣе зрѣлости Гоголя, какъ художника и мыслителя, оцѣнивающаго жизнь. Такому быстрому развитію въ немъ „художника“ и „судьи жизни“, конечно, способствовало сближеніе съ Пушкинымъ и другими выдающимися писателями русскими того времени.

„Вій“.

Повѣсть „Вій“ представляетъ собою произведеніе, въ которомъ опять романтизмъ неразрывно смѣшивается съ реализмомъ: жанровыя картины смѣняются фантастическими, образы вымышленные,—какія-то мистическія чудовища, порожденіе испуганнаго воображенія народа и самого автора, стоятъ рядомъ съ самими обыкновенными людьми. Картины природы идиллически-мирной перемѣшаны съ пейзажами, полными мистическаго ужаса и тревоги.

Романтическій элементъ въ „Вій“.

а) *Романтическій элементъ* въ повѣсти выразился, прежде всего, въ развитіи народнаго вѣрованія въ существованіе какого-то таинственнаго Вія, въ существованіе вѣдьмъ и въ возможность ихъ общенія съ обыкновенными людьми. Красавица-панночка, дочь сотника, обладаетъ способностью обращаться въ собаку и въ старуху; она пьетъ кровь у людей, особенно у дѣтей; она носится на плечахъ у тѣхъ парней, которые ей нравятся, и замучиваетъ ихъ. Объ ней много страшныхъ исторій знаютъ дворовые ея отца. Она находится въ общеніи и съ представителями «нечистой силы»—съ темными силами земли, которыя олицетворены въ видѣ чертей-демоновъ, и «Вія—котораго самъ Гоголь называетъ «начальникомъ гномовъ»¹⁾.

Пристрастіе романтиковъ къ пользованію волшебными мотивами народнаго творчества было присуще, какъ мы видѣли, и Гоголю. Ему достаточно было намекъ для того, чтобы его собственное воображеніе легко и свободно начинало творить въ этой области. Гоголь тяготѣлъ къ этому міру фантазіи и потусторонней жизни, вѣроятно, потому, что, нервный и впечатлительный съ дѣтства, онъ самъ не чуждъ былъ мистицизма²⁾.

¹⁾ Въ подстрочномъ примѣчаніи къ повѣсти Гоголь говоритъ слѣдующее: „Вій— есть колоссальное созданіе простонароднаго воображенія. Такимъ именемъ называется у малоросіянъ начальникъ гномовъ, у котораго вѣки на глазахъ вдутъ до самой земли. Вся эта повѣсть есть народное преданіе. Я не хотѣлъ ни въ чемъ измѣнить его и рассказываю почти въ той же простотѣ, какъ слышалъ“.

²⁾ Объ этомъ свидѣтельствуетъ, хотя бы, его собственное признаніе, что страшныя сказки въ дѣтствѣ его очень занимали и волновали. Въ повѣсти „Старосвѣтскіе помѣщики“ Гоголь въ одномъ мѣстѣ вспоминаетъ, какъ часто въ дѣтствѣ онъ слышалъ таинственный голосъ, его звавшій по имени. „Признаюсь, говоритъ онъ, мнѣ всегда былъ страшенъ этотъ таинственный зовъ. Я помню, въ дѣтствѣ я часто его слышалъ: иногда вдругъ позади меня кто-то явственно произноситъ мое имя. Я, обыкновенно, тогда бѣжалъ съ величайшимъ страхомъ и занимавшимся дыханіемъ изъ саду...“.

Вотъ почему все то ужасное, что творилось по ночамъ въ церкви, около гроба вѣдьмы, описано имъ въ такихъ яркихъ, живыхъ краскахъ, что производитъ впечатлѣніе кошмара, горячей галлюцинаціи. Въ русской литературѣ не было картины ужаснѣе этой, въ которой, необузданная до болѣзненности, фантазія писателя-романтика такъ изумительно сочеталась съ описательной силой художника-реалиста.

До какой болѣзненной проникновенности въ «фантастическое» доходить Гоголь въ этой повѣсти, лучше всего видно, хотя бы, изъ описанія той волшебной ночи, которую пережилъ Хома Бруть, бѣгущій съ вѣдьмой на плечахъ ¹⁾.

Даже изъ краткаго описанія той «ночи чудесъ», — мистической ночи, когда совершаются чудеса, когда все спитъ «съ открытыми глазами» и молча говоритъ великія тайны, — видно, что все это пережито Гоголемъ, перечувствовано имъ самимъ ясно до ужаса ²⁾.

Невозможно реальнѣе представить «волшебное». Это опять какая-то галлюцинація, — рассказъ о своемъ, когда-то видѣнномъ, снѣ.

Какими блѣдными, «нестрашными», мертвецами кажутся тѣ, которые такъ часто встрѣчаются въ сочиненіяхъ Жуковского, если сравнить ихъ съ реалистическимъ описаніемъ мертваго лица красавицы-вѣдьмы, съ ея мертвыми, неведящими очами!

б) *Реалистическій элементъ* повѣсти выразился въ описаніи быта старой дореформенной кievской бурсы, въ обрисовкѣ типичныхъ бурсаковъ и дворовыхъ пана-сотника.

b) Реалистическій элементъ въ повѣсти.

Бурса была своеобразной школой, въ которой только «избранные», — люди съ выдающимися способностями и научными интересами, пріобрѣтали образованіе, — большинство же ничему не научивалось, но зато выносило оттуда характеры, вполне подходящіе къ потребностямъ того жесткаго, суроваго времени. Учениковъ тамъ жестоко драли, держали впроголодь, и ученики, въ свою очередь, занимались больше всего избіеніемъ другъ

1) „Лѣса, дуга, небо, долины — все, казалось, какъ будто спало съ открытыми глазами; вѣтеръ хоть бы разъ вспорхнулъ гдѣ-нибудь; въ ночной свѣжести было что-то влажно-теплое; тѣни отъ деревьевъ и кустовъ, какъ кометы, острыми клинами падали на отлогую равнину; такая была ночь, когда философъ Хома Бруть скакалъ съ непонятнымъ всадникомъ на спинѣ...“

2) „...Онъ чувствовалъ какое-то томительное, неприятное и вмѣстѣ сладкое чувство, подступавшее къ его сердцу. Онъ опустилъ голову внизъ и видѣлъ, что трава, бышшая почти подъ ногами его, казалось, росла глубоко и далеко, и что сверхъ ея находилась прозрачная, какъ горный ключъ, вода, и трава казалась дномъ какого-то свѣтлаго, прозрачнаго до самой глубины, моря; по крайней мѣрѣ, онъ видѣлъ ясно, какъ онъ отражался въ ней вмѣстѣ съ сидѣвшею на спинѣ старухою. Онъ видѣлъ, какъ, вмѣсто мѣсяца, свѣтило тамъ какое-то солнце; онъ слышалъ, какъ голубыя колокольчики, наклоня свои головки, звенѣли; онъ видѣлъ, какъ изъ-за осеки выплывала русалка... Видеть ли онъ это, или не видитъ? Наяву ли это, или снится? Но тамъ что? вѣтеръ, или музыка? звенять, звенять и вьется, и подступаетъ, и вонзается въ душу какую-то нестерпимую трелью.

„Что это?“ думалъ философъ Хома Бруть, глядя внизъ, несясь во всю прыть... Онъ чувствовалъ бѣсовски-сладкое чувство, онъ чувствовалъ какое-то томительно-страшное наслажденіе...“

друга, да заботой о собственномъ пропитаніи. Развлеченія тамъ были грубы и суровы. Немудрено, что, послѣ такого воспитанія, многіе шли прямо въ Запорожскую Сѣчь, искать тамъ «лыцарской чести» и вольной жизни внѣ всякихъ законовъ.

Хома Брута
Національнiя
малоросiйскiя
черты въ немъ.

Героємъ повѣсти «Вій» Гоголь выставилъ «философа» ¹⁾ Хому Брута. Этотъ юноша представляетъ собою образъ, въ которомъ собрано много типичныхъ чисто-малоросійскихъ народныхъ чертъ. Онъ былъ до преизбытка надѣленъ душевнымъ равнодушіемъ, которое окрашивалось порою юморомъ, порою—просто флегмой и лѣнью. «Чему быть, тому не миновать»—обычная его поговорка, съ которою онъ готовъ идти безъ борьбы навстрѣчу самому чорту. Такой фатализмъ очень скоро приводитъ его въ душевное равновѣсіе, изъ котораго вывести его трудно. Послѣ своего приключенія съ вѣдьмой, Хома плотно закурилъ въ корчмѣ и сразу успокоился, «глядѣлъ на приходившихъ и уходившихъ хладнокровно, довольными глазами и вовсе уже не думалъ о своемъ необыкновенномъ происшествіи». Въ церкви онъ, глядя на страшную вѣдьму, самъ успокаиваетъ себя магическимъ: «ничего!»; когда жуть прокрадывается ему въ сердце—онъ прогоняетъ ее такимъ же магическимъ напоминаніемъ себѣ, что онъ—«казакъ», что ему стыдно «бояться» чего бы то ни было. Послѣ первой страшной ночи въ церкви онъ, послѣ сытнаго ужина, сразу начинаетъ чувствовать себя спокойнымъ и довольнымъ. «Философъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которыхъ, если накормятъ, то у нихъ пробуждается необыкновенная филантропія. Онъ, лежа съ своей трубкой въ зубахъ, глядѣлъ на всѣхъ необыкновенно сладкими глазами и непрерывно поплеывалъ въ сторону. Послѣдъвъ отъ ужасовъ второй ночи, Хома, на разспросы о томъ, что происходитъ ночью въ церкви, хладнокровно отвѣчаетъ: «много на свѣтѣ всякой дряни водится! А страхи такіе случаются... Ну...» и больше ничего не сказалъ. Готовясь къ третьей, послѣдней ночи, онъ старается взять отъ жизни послѣднюю радость и пускается въ такую плясъ, что всѣ на него смотрять съ изумленіемъ. Характерный образъ Хома, казака-философа, фаталиста и флегматика, неразъ рисовался Гоголемъ и до этой повѣсти, и послѣ нея. Старики-разсказчики, въ уста которыхъ вкладываетъ Гоголь свои «страховинны казочки», почти всѣ отличаются у него этимъ же хладнокровіемъ. «Экая невидальщина! Кто на своемъ вѣку не знался съ нечистымъ!», спокойно разсуждаетъ одинъ. Друзья погибшаго Хома Брута—такіе же «философы». «Такъ ему Богъ далъ!» спокойно заявляетъ фаталистъ Халыва: «Пойдемъ въ шинокъ, да помянемъ его душу!» Другой пріятель Тиберій спокойно заявляетъ: «Я знаю, почему пропалъ онъ: оттого, что побоялся; а если бы не побоялся, то бы вѣдьма ничего не могла съ нимъ сдѣлать. Нужно только, перекрестившись, плюнуть на самый хвостъ ей, то ничего и не будетъ! Я знаю уже все это. Вѣдь у насъ въ Кіевѣ всѣ бабы, которая сидятъ на базарѣ, всѣ вѣдьмы». Не желаніемъ сосрѣтить, хвастнуть, прилгнуть проникнуты эти слова,—непоколежимой вѣрой

Литературная
исторія
этого типа.

¹⁾ «Философомъ» онъ названъ потому, что былъ въ предпоследнемъ классѣ академіи. Въ последнемъ классѣ преподавалось только «богословіе» — и ученики носили названіе «богослововъ»; въ предпоследнемъ классѣ преподавалась «философія» — и ученики назывались «философами».

въ истину своихъ словъ и невозмутимымъ спокойствіемъ... Это—черта удивительная, проникающая многія повѣсти Гоголя,—черта, быть можетъ, національная, малороссійская. Реалистъ, по міросозерцаію, малороссъ все полшебное, фантастическое въ своихъ сказкахъ и преданіяхъ умѣетъ представить реально. И только, при этомъ условіи, волшебное, даже ужасное, можетъ быть представлено юмористически ¹⁾.

Къ «реалистическому» элементу повѣсти надо отнести еще бѣглыя, но мастерски-сдѣланныя характеристики пріятелей Хомы Брута и дворовыхъ сотника. Особенно удалось Гоголю изображеніе пьяной бесѣды подгулявшихъ сторожей Хомы,—изъ отдѣльныхъ отрывистыхъ фразъ, которыми они обмѣниваются, ясно и опредѣленно вырисовывается фізіономія каждаго.

Другіе герои повѣсти.

Въ «психологическомъ» отношеніи эта повѣсть тоже представляетъ большой интересъ: Гоголю удалось изобразить постепенное нарастаніе страха въ безстрашномъ, спокойномъ сердцѣ бурсака-богатыря.

„Психологія“ въ повѣсти.

Въ повѣстяхъ: „Старосвѣтскіе помѣщики“ и „Повѣсть о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“ Гоголь воспроизвелъ, на основаніи личныхъ воспоминаній и наблюденій, нѣсколько сценъ изъ жизни тѣхъ „существователей“, которые окружали его съ дѣтства, которыхъ онъ оцѣнилъ и понялъ уже въ ранней юности, будучи еще ученикомъ Нѣжинскаго лицея.

Въ повѣсти: „Старосвѣтскіе помѣщики“ Гоголь отмѣтилъ, что въ этой жизни казалось ему *симпатичнымъ*. Зная Гоголя, его консервативныя наклонности, мы безъ труда поймемъ, что онъ всегда готовъ былъ „идеализировать“ старину; это онъ и сдѣлалъ въ своей повѣсти, выводя героями людей „старосвѣтскихъ“, т. е. представителей прошлаго, отживающаго поколѣнія.

„Старосвѣтскіе помѣщики“.

Съ добродушнымъ юморомъ и теплой любовью рисуетъ онъ патриархальную жизнь двухъ любящихъ, нѣжныхъ стариковъ, которые доканчиваютъ свое безобидное, безвредное, но, увы, и бесполезное для человѣчества и родины существованіе на маленькомъ кусочкѣ земли,— кусочкѣ, отдѣленномъ отъ всего міра «частоколомъ». Старички за этимъ частоколомъ остаются чужды всякой «борьбы за существованіе», не знаютъ высокихъ чувствъ общественности и патриотизма, они словно не знаютъ даже о томъ, что гдѣ-то льются человѣческія слезы,—но они не знаютъ и тѣхъ дурныхъ чувствъ, которые рождаются отъ столкновенія чловѣка съ чловѣкомъ—ненависти, зависти, честолюбія... Чѣмъ меньше желаній, тѣмъ меньше разочарованій,—тѣмъ больше душевной тишины, больше *счастья*. Вотъ

Жизнь героевъ повѣсти. Безсодержательность этой жизни.

¹⁾ Какъ образчикъ такого страннаго смѣшенія ужаснаго съ смѣшнымъ можно привести рассказъ одного изъ дворовыхъ сотника о судьбѣ Микитки, влюбившагося въ вѣдму-панночку: „воротился едва живой, и съ той поры взохнулъ весь, какъ *чума*; и когда разъ пришли на конюшню, то, вмѣсто его, лежала только куча *воли* и пустое ведро,—сгорѣлъ совсѣмъ, сгорѣлъ самъ собою“.

„Незаконность этой жизни.“

почему древніе философы учили, что счастливъ тотъ, кто умѣетъ ограничить свои желанія. Но это будетъ счастье эгоистическое, — для чело-
вѣка, живущаго въ государствѣ, въ обществѣ, нельзя замыкаться только въ кругу своей личной жизни! Гоголь не отмѣтилъ «незаконности» такого эгоистическаго счастья; но, нарисовавъ такихъ «счастливицевъ», подчеркнувъ, что жизнь ихъ незапятнана зломъ, — онъ, со своей личной точки зрѣнія, осудилъ ея безсодержательность, только *отдыхать* могъ Гоголь въ обществѣ добродушныхъ старичковъ, но *жить* здѣсь онъ не могъ, — ему не хватало здѣсь воздуха... Ихъ жизнь однообразна и пуста, — всѣ интересы ихъ сводились къ ѣдѣ и спанью, къ заботамъ о кухнѣ, кладовой, — ихъ меньше занимали поля съ хлѣбомъ и лѣса съ дубами, чѣмъ огородъ, садъ и птичій дворъ: это все было ближе къ нимъ, все это было нужнѣе имъ, — людямъ съ маленькими потребностями (и къ тому же чуждыми корыстолюбія), чѣмъ крупное хозяйство, которое требуетъ извѣстной ширины экономическаго пониманія.

Простота и чистота ихъ жизни.

Старички отличались и положительными качествами — они были очень просты, просты «до святости», невзыскательны, добродушны и общительны, — ждали для гостей — по словамъ Гоголя. Они были чисты, какъ дѣти, наивны и доврчивы. Эта «чистота» ихъ старческихъ сердець — удивительно подкупающая черта. «Любопытство» старичковъ не было живой любознательностью, ихъ гостепріимство и любовь не были проявленіемъ любви къ людямъ. Въ общепринятомъ смыслѣ, любовь къ людямъ тѣсно связывается съ «служеніемъ человѣчеству»; эта любовь всегда стремится проявиться въ *дѣлѣ*, — оно есть чувство *активное*, по существу. Этой «активностью» не отличались чувства старичковъ, и Гоголь не указалъ намъ ни одного добраго дѣла, которое сдѣлали бы эти «добрые», ласковые, гостепріимные, любезные старички. Въ ихъ душѣ вѣтъ мѣста злу, но нѣтъ мѣста и добру. Ихъ казнить не за что, но и идеализировать тоже не стоитъ. И мы не стали бы обвинять Гоголя въ такой неумѣстной идеализаціи, если бы онъ, рядомъ съ ними, не выставилъ карикатурныхъ реформаторовъ — помѣщиковъ, которые наслѣдовали имѣніе старичковъ и разорили его. Вслѣдствіе такого сопоставленія, выгоднаго для «старосвѣтскихъ помѣщиковъ», есть полныя основанія говорить о попыткѣ нашего писателя идеализировать своихъ героевъ — старичковъ.

Отсутствіе любви къ людямъ.

Въ ихъ лицѣ Гоголь превозноситъ доброе старое время, уже отошедшее въ прошлое, и казнить людей новыхъ, — хищниковъ и эксплуататоровъ, часто безтолковыхъ, недорожившихъ стариной¹⁾.

„Темнота“ этой жизни.

Между тѣмъ, Гоголь отмѣтилъ еще черту ихъ жизни, — черту, которая, въ сущности, тоже должна была помѣшать такой идеализаціи. Люди непросвѣщенные и не желающіе себя просвѣщать, старички были окружены мракомъ невѣжества, — они стояли на той же ступени развитія, на которой стояли ихъ крѣпостные, съ ихъ мистицизмомъ язычества. Темный міръ суевѣрій, примѣтъ окружалъ со всѣхъ сторонъ обоихъ старичковъ, — онъ владѣлъ ихъ жизнью и смертью, и бороться съ нимъ они не могли. Стоило

¹⁾ Въ одномъ мѣстѣ повѣсти Гоголь прямо осуждаетъ этихъ „новыхъ людей“ съ чисто дворянской сословной точки зрѣнія.

Пульхерія Ивановна убѣдился, что ея кошечка къ ней не вернется, она пришла къ нелѣпой мысли, что, въ видѣ кошки, приходила за ней смерть, — и что она умретъ. Аванасій Ивановичъ услышалъ голосъ, его зовущій. Онъ рѣшилъ, что это его зоветъ Пульхерія Ивановна и что онъ умретъ. И оба они умерли. Умерли отъ самовнушенія, отъ непоколебимой вѣры въ то, что какія-то темныя силы властвуютъ надъ бессильнымъ человѣкомъ и что бороться не стоитъ. Да и не могли они бороться, — они не знали, *во имя чего* должны они бороться за жизнь; у нихъ не было сильныхъ интересовъ въ жизни, они не знали ея *смысла*, — они жили и умерли, какъ деревья, какъ растенія... Жили они безъ душевныхъ потрясеній. Умерли безъ ропота, спокойно и безболѣзненно, ничего собою въ жизнь не внеся, ничего не унеся въ могилу...

Быть можетъ, вся симпатія Гоголя къ этимъ старичкамъ проистекала изъ чисто-эгоистическаго чувства. Онъ, съ его вѣчной тревогой душевной, съ его боязнью остаться въ мирѣ только «существователемъ», слишкомъ метался въ этой жизни, ища себѣ жизненныхъ путей. Мы знаемъ, что онъ утомлялся и разочаровывался, что его тянуло въ милую Украину «отдохнуть», «сойти на минуту въ сферу этой необыкновенно уединенной жизни»... И вотъ, съ точки зрѣнія такого «утомленнаго страдальца», этотъ «полусонъ», «минута» отдохновенія въ обществѣ старичковъ могла показаться ему «раемъ», который полонъ «неизъяснимой прелести». «И онъ представилъ эту жизнь «раемъ», хотя добросовѣстность его не позволила ему закрыть глаза на крупныя недостатки этой жизни. Но Гоголь не замѣтилъ, что главный ея недостатокъ — отсутствіе «общественнаго самосознанія», — отмѣтилъ другіе, какъ-то: душевную скудость старичковъ, ихъ непроглядное невѣжество, онъ даже подъ конецъ повѣсти усумнился въ истинности ихъ взаимной любви. «Долгой, медленной, почти безчувственной *привычкой*» называетъ онъ любовь Аванасія Ивановича; на «привычку» смахиваютъ и чувства Пульхеріи Ивановны, которая, умирая, заботилась о томъ, чтобы Аванасію Ивановичу готовилось то, что онъ любить, чтобы бѣлье, ему подаваемое, всегда было чисто и пр.

Изображая «патріархальную помѣщичью жизнь», сытую и безоблачную, Гоголь не коснулся жизни крестьянъ; отрицательныя стороны «крѣпостнаго права», которое дало возможность героямъ повѣсти, безъ труда, безъ «борьбы за существованіе», «безъ зла», провести всю долгую жизнь, совершенно обойденъ Гоголемъ. Онъ даже постарался доказать, что, подъ патріархальнымъ управленіемъ «старосвѣтскихъ помѣщиковъ», и крестьяне блаженствовали, — были сыты; «дѣвки» объѣдались фруктами и вареньями, приказчикъ богатѣлъ, но отъ этого не бѣднѣли и помѣщички... Стоило появиться въ деревню помѣщикамъ-реформаторамъ, какъ блаженство деревни кончилось: все очень скоро оказалось разореннымъ. Позднѣе такую же патріархальную помѣщичью идиллію, съ полнымъ сознаніемъ причинъ, оснований и послѣдствій ея безнравственности, изобразилъ Гончаровъ въ разсказѣ о жизни обывателей Обломовки и ея питомца Ильи Обломова.

Такимъ образомъ, это произведеніе Гоголя, при всей художественности его картинъ, страдаетъ нѣкоторыми недостатками. Причинъ ихъ коренится въ самомъ авторѣ: онъ не достаточно сознательно отнесся къ изображаемой жизни; его отношеніе къ героямъ повѣсти страдаетъ неопредѣ-

«Личныя»
причины сим-
патія Гоголя
къ героямъ
повѣсти.

Осужденіе
этой жизни
Гоголемъ.

Отношеніе
Гоголя къ
«крѣпостному
праву» въ
повѣсти.

Идея
недо-
ста-

ленностью: начавъ съ идеализаціи, онъ переходитъ постепенно къ осужденію этой жизни. Рассказъ радостный, безоблачный, оканчивается печально: словно, авторъ, подъ конецъ повѣствованія, увидѣлъ самъ всю пошлость, всю мелочность своихъ героевъ. Сквозь «смѣхъ» пробились «слезы»...

Всесторон-
ность въ изо-
браженіи
жизни героевъ.

Своихъ безобидныхъ героевъ Гоголь сумѣлъ обрисовать всесторонне: онъ далъ намъ ясное представленіе о томъ, какой видъ извнѣ имѣлъ ихъ домикъ, каковы были комнаты этого домика. Онъ обрисовалъ намъ Аванасія Ивановича и Пульхерію Ивановну въ обществѣ ихъ самихъ, въ обществѣ знакомыхъ, въ отношеніяхъ къ крестьянамъ и приказчику. Онъ далъ намъ понятіе о томъ, какъ безалаберно вели они свое хозяйство, какъ ихъ обкрадывали и обманывали. Ни одна характерная деталь ихъ быта не ускользнула отъ внимательнаго глаза Гоголя. И вся совокупность этой удивительно-пестрой кучи разныхъ смѣшныхъ, трогательныхъ и печальныхъ подробностей даетъ намъ два ясныхъ старческихъ облика.

Литературная
исторія
повѣсти.

Эта повѣсть Гоголя можетъ быть связана и съ литературой XVIII вѣка; среди произведеній этой поры была очень распространена „идиллія“ — жанръ, въ которомъ изображались всегда идеальныя герои, связанные чувствами идеальной любви или дружбы. Гоголь воспользовался избитой канвою, внесъ реализмъ, „прикрѣпилъ къ землѣ“ сюжетъ, который, обыкновенно, разрабатывался внѣ земныхъ отношеній. „Писатели очень любили такія благодарныя темы, какъ исторія двухъ любящихъ сердецъ, занятыхъ исключительно своимъ чувствомъ, — „Старосвѣтскіе помѣщики“ были удачною попыткой замѣнить въ этой темѣ романтическіе элементы — реальными и бытовыми. Въмѣсто прежнихъ пустынныхъ мѣстъ — малороссійская деревня, вмѣсто разочарованныхъ героевъ и томныхъ, или страстныхъ героинь — старикъ и старуха“ (Н. А. Котляревскій). Самъ Гоголь намекаетъ намъ на возможность такого сближенія его произведенія съ старыми „идилліями“, называя въ одномъ мѣстѣ повѣсти своихъ старичковъ именами двухъ идеальныхъ героевъ старой идилліи — „Филемономъ и Баввидю“.

Происхожденіе
повѣсти.

Исторія происхожденія повѣсти вполне выясняется изъ указаній автора, что она основана на воспоминаніяхъ его дѣтства. Когда, въ шумѣ и суетѣ городской жизни, Гоголь вспоминалъ эти два образа, — ему „мерещилось былое“. „Вереница воспоминаній“ возникала въ его душѣ, когда онъ вспоминалъ „поющія двери“ ихъ деревенскаго домика. Когда лѣтомъ 1832 г., послѣ столичной суетолюки, неудачъ житейскихъ, Гоголь съѣздилъ на родину, онъ, очутившись въ обществѣ различныхъ старичковъ-помѣщиковъ, очевидно, чувствовалъ себя такъ, какъ объ этомъ говоритъ въ началѣ своей повѣсти. Но отъ этой жизни онъ былъ оторванъ уже своей жизнью въ Петербургѣ, дружбой съ Пушки-

нымъ, — онъ не могъ уже жить этой жизнью, и онъ осудилъ ее такъ, какъ не могъ бы ее осудить, если бы не пожилъ культурной жизнью столицы. Кипучая жизнь столицы умудрила его, — и онъ, благодаря этому, сумѣлъ лучше оцѣнить недостатки провинціальной жизни.

Замѣтишь, несомнѣнное осужденіе этой жизни сказалось въ другой повѣсти этого сборника — „Повѣсти о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“. Въ этомъ произведеніи жизнь захолустной провинціи совершенно лишена того смягчающаго освѣщенія, которое въ повѣсти „Старосвѣтскіе помѣщики“ явилось результатомъ личныхъ симпатій и воспоминаній Гоголя.

Здѣсь онъ рисуетъ не «дворянское гнѣздо», а во всей наготѣ представляетъ безотрадную жизнь провинціальныхъ «существователей» уѣзднаго города. И эта жизнь не озарена никакими высшими интересами; и здѣсь люди, живущіе растительной и животной жизнью, — словно особая порода людей, которая пресмыкается въ предѣлахъ «частокола», отграничивающаго ихъ отъ жизни болѣе содержательной, болѣе идейной. Но здѣсь нѣтъ и слѣда той подкупающей простоты и сердечности, которой озарена жизнь старосвѣтскихъ помѣщиковъ, — въ этомъ произведеніи изображено существованіе изломанное, скованное приличіями, порабощенное сплетнѣ и злобѣ... Это — тихое болото, котораго не стоитъ ворошить, — иначе со дна подымется грязь! Въ «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ» выведена пара существователей, у которыхъ одна душа, одно сердце, однѣ привычки, — здѣсь передъ нами толпа существователей, съ самыми различными сердцами и привычками... Имъ нужно обезопасить себя другъ отъ друга, и потому здѣсь развиты какія-то своеобразныя «приличія», курьезныя понятія о чести и достоинствѣ человѣка. Имъ не прожить такъ мирно своей жизни, какъ прожили герои первой повѣсти, хотя жизнь, которую ведутъ въ этомъ уѣздномъ городкѣ, по существу, мало чѣмъ отличается отъ жизни Аванасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны.

Эта жизнь такая же мелочная и праздная. Всѣ интересы ея обывателей сводятся къ ѣдѣ, снани, къ праздному болтовнѣ. Въ этой безсодержательной жизни всякая мелочь представляетъ огромное значеніе — отсюда любовь къ сплетнямъ, мелкимъ кляузамъ, отсюда развитіе у обывателей города такихъ мелкихъ чувствъ, какъ зависть, подозрительность, обидчивость... Въ такой сферѣ нѣтъ мѣста глубокимъ и прочнымъ чувствамъ, — пустяка бываетъ достаточно для того, чтобы дружба обратилась во вражду.

Человѣку, даже обжившемуся въ этомъ мірѣ, всетаки порою дѣлается скучно, и тогда онъ цѣпляется за всякую сплетню, за всякое вырвавшееся слово, за всякій намекъ, чтобы раздуть въ себѣ «новыя» чувства, ими заполнить свою праздную жизнь. Такова психологическая идея этой смѣшной и печальной повѣсти Гоголя. Съ этой точки зрѣнія осудилъ онъ и жизнь «старосвѣтскихъ помѣщиковъ», и въ вѣхъ праздной, мелочной жизни «ничтожныхъ событій» оказалось достаточно для

„Повѣсть о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“.

Жизнь уѣзднаго города время Гоголя.

Безсодержательность этой жизни.

того, чтобы ими вызваны были «великія событія» — смерть обоихъ героев¹⁾. Въ повѣсти — о ссорѣ двухъ друзей оказалось достаточнымъ одного слова «гусакъ», чтобы два друга, «честь и украшеніе Миргорода», поссорились на всю жизнь и обрѣли каждый цѣль и смыслъ жизни — въ судебной тяжбѣ, упорной, разорительной и непримиримой...

Разсказчикъ.

Разсказъ въ повѣсти ведется отъ лица какого-то обывателя города Миргорода; изъ его повѣствованія вырисовывается его личность: онъ — глуповатый, наивный, словоохотливый человѣкъ, весь живущій жизнью Миргорода, и съ обывательской точки зрѣнія смотрящій на все, здѣсь происходящее.

Характеристика героевъ, описаніе ихъ жизни, описаніе другихъ жителей города Миргорода, ихъ занятій, развлеченій, представляетъ собою нѣчто замѣчательное именно потому, что въ ней обрисовываются не только Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ, — но и самъ разсказчикъ. Эта характеристика обличаетъ въ немъ человѣка, живущаго сплетнями миргородской жизни, не умѣющаго отличить мелкое отъ крупнаго, — существенное отъ незначительнаго. Въ результатѣ, сравненіе двухъ характеровъ, въ его устахъ представляетъ собою нагроможденіе безъ системы и плана всевозможныхъ душевныхъ и тѣлесныхъ качествъ обоихъ героевъ; черты душевныя смѣшиваются съ физическими примѣтами, привычками, даже съ особенностями костюма²⁾. Всѣ эти подробности, порою взятыя, любопытны и уясняютъ не только двухъ героевъ, ихъ жизнь, привычки, убогое содержаніе ихъ души, но также и прочихъ миргородскихъ обывателей, которые отъ скуки, отъ праздности изучили другъ друга до малѣйшихъ подробностей. Они знаютъ, что скажетъ каждый изъ ихъ знакомыхъ, подавая другъ другу табакерку, знаютъ, что принято говорить еврею, продающему элексиръ противъ блохъ... Это жизнь, одурачивающая своимъ однообразіемъ, своею скудостью. Въ этой средѣ рождаются невозможные слухи (напримѣръ, будто Иванъ Никифоровичъ родился съ хвостомъ), которые до того популярны, что ихъ приходится серьезно оспаривать. Это среда совершенно безпомощна въ оцѣнкѣ нравственныхъ качествъ человѣка, — она можетъ добрымъ и «богомольнымъ» считать человѣка черстваго, — «прекраснымъ» она можетъ считать человѣка зажиточнаго; эта среда вѣритъ еще въ авторитетъ комиссара и время считаетъ такими историческими событіями, какъ поѣздка какой-то Агаѳи Федосѣевны въ Кіевъ. По словамъ разсказчика, Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ — «честь и украшеніе Миргорода» — отсюда мы можемъ заключить о желаніи автора въ лицѣ этихъ двухъ типичныхъ «существователей» изобразить «лучшихъ» людей

1) Гоголь ошибается, говоря слѣдующее: „По странному устройству вещей, всегда ничтожныя причины родили великія событія и, наоборотъ, великія предпріятія оканчивались ничтожными слѣдствіями“: 1) Гоголь путаетъ причины съ „поводами“, а 2) ничтожныя причины только въ жизни пустой и мелкой производятъ „великія“ (1) событія, — въ жизни большого размѣра ничтожныя причины остаются незамѣченными.

2) Напр.: „Иванъ Ивановичъ нѣсколько беззливаго характера. У Ивана Никифоровича, напротивъ того, шаровары въ такихъ широкихъ складкахъ, что если бы раздуть ихъ, то въ нихъ можно бы помѣстить весь дворецъ съ амбарами и строеніемъ“. Къ хорошимъ качествамъ души онъ относитъ такія обстоятельство, что у одного изъ нихъ удивительныя яблони, что онъ любитъ дыни, что его уважаетъ комиссаръ.

Миргорода; въ нихъ, какъ въ фокусѣ, собрано все характерное, все своеобразное, къ чему присмотрѣлся мѣстный обыватель, съ чѣмъ онъ сроднился, но что поражаетъ свѣжаго человѣка...

Наивность разсказа выдержана Гоголемъ мастерски: она позволяетъ автору скрыть осужденіе этой жизни, позволяетъ ему удержаться отъ карикатурности, отъ того субъективизма, который только въ концѣ повѣсти прорывается въ восклицаніи автора: «скучно жить на бѣломъ свѣтѣ, господа!»

На Ивана Ивановича Гоголь обратилъ особое вниманіе. Онъ ему отводитъ большую самостоятельную характеристику и говоритъ о немъ немало, сравнивая его съ Иваномъ Никифоровичемъ. Прежде всего, онъ, по мнѣнію жителей Миргорода, «прекрасный человѣкъ». Но рассказчикъ напрасно напрягаетъ всѣ свои усилія, чтобы доказать эту мысль: онъ говоритъ и о томъ, что у Ивана Ивановича удивительная бекеша, и что домъ его и садъ очень хороши, и что дыни-то онъ любитъ и самое удовольствіе ихъ кушать умѣетъ обставить церемоналомъ: записываетъ день и число, когда съѣдена дыня. Повидимому, это бесполезное занятіе, показывающее только, что у Ивана Ивановича слишкомъ много празднаго времени,—въ глазахъ рассказчика, обозначало большую склонность героя къ порядку и хозяйственности. Затѣмъ прекрасныя качества души героя рассказчикъ старается доказать его богомольностью и добротой. Но изъ дальнѣйшаго выясняется, что «богомольность» сводилась къ тому, что онъ по праздникамъ подтягивалъ басомъ хору пѣвчихъ, а «доброта» выражалась въ томъ, что онъ разспрашивалъ нищихъ на паперти объ ихъ несчастіяхъ, хотя никогда не давалъ никому ни гроша. Изъ дальнѣйшаго повѣствованія мы узнаемъ, чѣмъ очаровалъ жителей Миргорода Иванъ Ивановичъ,—онъ былъ «душой» мѣстнаго общества: умѣлъ витіевато говорить, любилъ щегольнуть и зналъ, какъ держать себя; онъ соблюдалъ свое достоинство, какъ никто въ городѣ; онъ умѣлъ со всѣми уживаться и всѣмъ говорить пріятное... Правда, «приличія»—вещь относительная,—въ разныхъ слояхъ общества подъ «приличіями» понимается различное, и Гоголь далъ нѣсколько образчиковъ смѣшного и уродливаго толкованія этого понятія въ Миргородѣ: верхомъ приличія здѣсь считалось, напримѣръ, отказываться до трехъ разъ отъ предложеннаго чая, и Иванъ Ивановичъ съ такимъ достоинствомъ умѣлъ ломаться передъ поставленной чашкой, что у наивнаго рассказчика вырывается восторженное восклицаніе: «Господи Боже! Какая бездна тонкости бываетъ у человѣка! Нельзя рассказать, какое пріятное впечатлѣніе производятъ такіе поступки!.. Фу, ты пропасть! Какъ можетъ, какъ найдется человѣкъ поддержать свое достоинство!»

Это умѣніе «поддерживать свое достоинство» основывалось у Ивана Ивановича на томъ уваженіи, которое онъ имѣлъ къ себѣ,—къ своему маленькому чину и званію. Къ тому же онъ совершенно серьезно считалъ себя «прекраснымъ человѣкомъ», угоднымъ Богу и заслуживающимъ уваженія со стороны людей. Это «фарисейство» Ивана Ивановича—характерная его черта. Онъ не былъ сознательнымъ «тартюфомъ»—онъ жилъ *намытымъ лицемеромъ* и умеръ довольный собой, съ полной вѣрой въ себя, не омраченный сомнѣніями, не обезпеченный внутренней борьбой, которая рождается въ душѣ человѣка, сознательно смотрящаго въ жизнь.

Иванъ Ивановичъ; его характеристика:

а) какимъ онъ казался жителямъ города. «Прекрасный человѣкъ».

«Богомольность» и «доброта».

Человѣкъ «приличный» «душа» общества.

Отношеніе Ивана Ивановича къ себѣ.

б) „Дѣйстви-
тельный“
Иванъ Ивано-
вичъ.

И, между тѣмъ, этотъ «богомольный» и «добрый» человѣкъ полжизни отдалъ на тягбу съ другомъ-сосѣдомъ изъ-за слова «гусакъ»; онъ при-
бѣгалъ и къ лжи, и къ клеветѣ, и къ подкупамъ,—онъ обнаружилъ въ
своей «праведной» душѣ бездну дряни. Итакъ, *хорошихъ* качествъ души
Ивана Ивановича онъ не доказалъ—передъ нами человѣкъ ничтожный
и потому мелочно-самолюбивый, праздный, любопытный, скупой, черствый
и пустой, съ большимъ самомиѣніемъ. И читатель растаетъ съ нимъ,
окончательно разувѣрившись въ томъ, что это—«прекрасный человѣкъ».

Иванъ Ники-
форовичъ
а) какимъ онъ
кавался
жителямъ
Миргорода.
„Хорошій
человѣкъ“.

Меньше мѣста отводить рассказчикъ Ивану Никифоровичу. Этотъ
«обыватель» не отличался свѣтскими достоинствами Ивана Ивановича, но,
съ точки зрѣнія согражданъ, онъ былъ тоже «хорошій» человѣкъ, хотя бы
потому, что грузный и неподвижный, въ полусонномъ состояніи проле-
жалъ у себя большую часть своей жизни, ничѣмъ не интересуясь, никого
не трогая. Въ маленькомъ городкѣ и это уже большое достоинство, когда
человѣкъ не дѣлаетъ зла другимъ людямъ; вѣдь здѣсь, въ этой мелоч-
ной сферѣ, изъ пустяка могутъ разыгратъ «великія событія»! Но даль-
нѣйшее повѣствованіе о жизни Ивана Никифоровича объ его столкнове-
ніяхъ съ бывшимъ другомъ обличаютъ и въ его душѣ массу мелкихъ,
злыхъ качествъ. Это существо, почти полу-животное, оказывается и
скупымъ, и упрямымъ, и великимъ сутяжникомъ. Приливъ злости даже
даетъ ему силы и энергію на веденіе судебного дѣла. И мы убѣждаемся,
что не любовь связывала друзей, а «привычка»,—только благодаря слу-
чайности ихъ «дружба» была такъ продолжительна и благодаря случай-
ности (пріѣздъ къ Ивану Никифоровичу Агафьи Федосѣевны, которая
окончательно рассорила друзей) вражда сдѣлалась упорной... Немудрено,
что Гоголь, освѣщенный интересами высшей культурной жизни, не могъ
глядѣть на своихъ героевъ глазами «рассказчика», глазами Миргорода,—
ему грустно дѣлалось за тѣ миллионы человѣчества, которые вездѣ, не
только у насъ въ Россіи, ведутъ жизнь Миргорода, и у него вырвалось
горькое восклицаніе: «скучно на этомъ свѣтѣ, господа!»

б) „Дѣйстви-
тельный“
Иванъ Ники-
форовичъ.

Судья.

Кромѣ двухъ друзей Гоголь вывелъ въ повѣсти еще нѣсколько типич-
ныхъ образцовъ. Судья, который, во время судебного разбирательства,
разговариваетъ о дроздахъ и не слушая дѣла, его подписываетъ и беретъ
взятки обѣими руками; городничій, выслужившійся изъ солдатъ, добро-
душный грабитель, который каждый день спрашиваетъ квартальныхъ, не
нашлась ли пуговица отъ его мундира, потерянная имъ уже два года;
чиновники и обыватели города, отъ самыхъ сановитыхъ до мелкихъ—все
это обрисовано мастерски. Всѣ эти образы, сцены изъ жизни города (по-
вѣтовый судъ, ассамблея въ домѣ городничаго)—фонъ безотрадной пошлости
и мелочности, на которомъ такъ ярко выдѣляются два друга—«честь и
украшеніе Миргорода». Если въ «Старосвѣтскихъ помѣщикахъ» подкупала
читателя голубиная чистота героевъ, отсутствіе у нихъ претезій, то въ
этой повѣсти пошлость жизни не прикрывается ничѣмъ. Простота без-
сознательности смѣнилась здѣсь смѣшнымъ искаженіемъ прежней патриар-
хальной жизни новыми понятіями о чести, о достоинствѣ дворянина и
чиновника—понятіями смутными, неосновательными, уродливыми, которыя
еще яснѣе, еще очевиднѣе и безотраднѣе представляютъ бездну пош-
лости, сказывающейся за этими претезіями.

Городничій.

Жизнь города.

Такимъ образомъ, если мы сравнимъ эту повѣсть съ повѣстью «Старосвѣтскіе помѣщики», мы убѣдимся, что ни тѣни сочувствія къ этой жизни незамѣтно въ отношеніяхъ къ ней автора. Здѣсь Гоголь послѣдовательно и сознательно осудилъ «пошлость пошлаго человѣка». Здѣсь впервые опредѣленно сказалась его способность «вызывать наружу все, что ежеминутно передъ очами и чего не зрятъ равнодушныя очи,— всю страшную потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину колодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ характеровъ». Такимъ образомъ, въ этой повѣсти мы должны отмѣтить наличность характерной особенности гоголевскаго смѣха,—смѣхъ сквозъ слезы». Здѣсь нѣтъ той поэтической идеализаціи жизни, которую мы встрѣчаемъ въ «Вечерахъ на хуторѣ»,—не съ праздничной, а съ будничной, пошлой стороны рисуетъ Гоголь въ этихъ очеркахъ свою Украйну. Это уже не тотъ беззаботный юморъ, которымъ освѣщены многія повѣсти «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки»,—это горькій смѣхъ человѣка, тоскующаго о духовной скудости человѣка. Для Гоголя, какъ человѣка, сочиненіе такой повѣсти очень характерно: если юношей онъ рвался изъ этой сферы пошлыхъ обывателей въ какой-то другой лучшей міръ «истинныхъ людей», то теперь, озаренный идеалами этихъ лучшихъ людей, Гоголь спустился въ міръ «существователей», чтобы разобраться въ ихъ душахъ, посмотрѣть на нихъ «не равнодушными очами», а взоромъ человѣка, настроеннаго гуманно. Вотъ почему въ обрисовкѣ героевъ Миргорода нѣтъ сатиры, нѣтъ обличенія, нѣтъ суда,—есть только сожалѣніе къ нимъ, жалость къ человѣчеству вообще...

Сравненіе этой повѣсти съ «Старосвѣтскими помѣщиками».

Гуманность Гоголя въ этой повѣсти.

Литературная исторія этой повѣсти вполне ясна. Живыя впечатлѣнія захолустной малороссійской жизни, собранныя Гоголемъ въ 1832 г., когда онъ побывалъ на родинѣ, дали ему краски для обрисовки тѣхъ образовъ, ничтожность которыхъ онъ чувствовалъ еще юношей. Уже до него Нарѣжный въ повѣсти «Два Ивана, или страсть къ тяжбамъ» взялъ сюжетомъ сутяжничество, которое свойственно человѣку, живущему мелочными интересами. То обстоятельство, что и у Гоголя выведены въ лицѣ героевъ два Ивана и изображено то же явленіе, очевидно, характерное въ мароссійскомъ захолустѣ—страсть къ тяжбамъ—позволяетъ утверждать, что повѣсть Гоголя, въ литературномъ отношеніи, зависѣла отъ произведенія Нарѣжнаго. Но стоитъ сравнить оба произведенія, чтобы убѣдиться, что для Гоголя повѣсть Нарѣжнаго была только темой,—канвой, по которой онъ расписалъ самостоятельныя рисунки,—намекъ у него обратился въ художественное произведеніе¹⁾.

Литературная исторія повѣсти.

„Два Ивана“—повѣсти Нарѣжнаго.

1) „Займствованіе“ Гоголемъ у Нарѣжнаго особенно сказалось въ слѣдующемъ выводѣ: у Нарѣжнаго одинъ изъ Ивановъ поджигаетъ мельницу врага,—у Гоголя Иванъ Ивановичъ поджигаетъ гусиный хлѣвъ Ивана Никифоровича. Психологія обоихъ героевъ, ночью выполняющихъ свои „адскіе замыслы“, приблизительно сходно развиты

„Тарасъ Вульба“.
Отношеніе
Гоголя къ этому
сюжету.

Человѣкъ, съ опредѣленными стремленіями идеализировать старину,—Гоголь, вѣроятно, съ особой любовью писалъ повѣсть „Тарасъ Вульба“. Современная жизнь Украины казалась ему сѣрой и скучной¹⁾,—здѣсь не было мѣста для размаха его воображенія, не было людей „интересныхъ“ въ романтическомъ вкусѣ; не видалъ здѣсь Гоголь, повидимому, никого кромя „существователей“, прозябающихъ безсознательной жизнью. Этотъ недостатокъ (неимѣніе цѣлей въ жизни, непониманіе ея смысла) всегда особенно возмущалъ Гоголя. Вотъ почему его больше настоящаго интересовало *прошлое* Малороссіи — то время, когда она жила бурной исторической жизнью, когда полна „смысломъ“ была жизнь всякаго казака, когда не было ненавистныхъ ему шляховъ, а были „борцы“ за родину, за вѣру. Оттого, сочиняя своего „Тараса Вульбу“, Гоголь, вѣроятно, отдыхалъ душой,—сѣрая дѣйствительность окружающей жизни не тормозила его воображенія,—и свободно создавало оно героическіе образы и картины, возвышающія душу. Благодаря этому, Гоголю удалось въ своей повѣсти создать „эпопею казачества“. Въ самомъ дѣлѣ, размахъ его творчества въ этой повѣсти чисто-эпической,—цѣлую эпоху народной жизни сумѣлъ онъ воплотить въ грандіозномъ обликѣ Тараса; въ лицѣ своего героя ему удалось уловить яркія національныя черты своего народа. Въ нѣкоторыхъ частностяхъ этой повѣсти (описаніяхъ, сравненіяхъ) Гоголь подымается до приемовъ эпического творчества²⁾.

Гоголь, какъ
историкъ

Оцѣнивая съ этой точки зрѣнія произведеніе Гоголя, Н. А. Котляревскій называетъ автора «не историкомъ, а слагателемъ новой быliny, у которой онъ иногда даже заимствуетъ обороты».

Но это замѣчаніе едва ли вполне вѣрно: будучи поэтомъ-художникомъ, который былъ воодушевленъ народными преданіями и пѣснями и оттуда вынесъ свое проникновеніе въ духъ народа, въ его силы и героизмъ,

у обоихъ писателей (см. о Нарѣжномъ во II ч. моей „Исторіи“). Кромѣ того, позанимствовались Гоголь кой-чѣмъ, вѣроятно, у другихъ писателей XVIII и XIX в.,—такъ образъ прихлебателя, котораго целкаютъ ради потѣхи въ носъ, напоминаетъ собою и героя стараго романа „Злосчастный Никаноръ“, и одного вводнаго героя въ романѣ А. Измайлова „Евгеній“.

¹⁾ Сравни заключительныя слова повѣсти о томъ, какъ поссорились „Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“.

²⁾ Напр., въ описаніи боя казаковъ съ поляками встрѣчаемъ мы „эпическое повтореніе“: три раза повторяетъ Тарасъ свое обращеніе къ казакамъ: „что, паны? есть еще порохъ въ пороховницахъ? не ослабѣла ли казачка сила; еще не гнутса казаки?“ Пространное сравненіе Андрія съ „молодымъ, борзымъ поэмъ отзывается Гомеромъ. Сравненіе его же съ „хлѣбнымъ колосомъ“, съ „молодымъ барашкомъ“, сравненіе битвы съ „шумнымъ пиромъ“ и многія другія частности, характерныя признаки „поэмы“, позволяютъ видѣть въ повѣсти Гоголя произведеніе, въ которомъ эпическій элементъ очень силенъ.

Гоголь, конечно, въ то же время, былъ и историкомъ. Интересъ къ исторіи Малороссіи былъ у него чѣмъ-то органическимъ: среди юношескихъ его опытовъ встрѣчаемъ мы уже начало повѣсти изъ жизни казаковъ; эти казаки постоянно фигурируютъ въ его «Вечерахъ», то подымаясь до героическаго образа пана Данилы (въ повѣсти «Страшная мѣсть»), то опускаясь до комическихъ очертаній Чуба и др. Какъ настоящій историкъ, всматривался Гоголь и въ причины, создавшія казачество, и старался оцѣнить тѣ слѣдствія, которыя неизбѣжно вытекали изъ этого сложнаго явленія. Мы знаемъ, что Гоголь собирался написать даже обширную исторію Малороссіи; въ своихъ «Арабескахъ» характеризуетъ «малороссійскія пѣсни», онъ много говоритъ о тѣхъ историческихъ условіяхъ, которыя создали богатырскій размахъ русской души, выразившійся въ образованіи Запорожской Сѣчи. Да и въ повѣсти «Тарасъ Бульба» неразъ Гоголь отклоняется въ сторону исторіи,—многіе факты изъ жизни своихъ героевъ объясняетъ условіями тогдашней жизни. Какъ историкъ, Гоголь добросовѣстно изучалъ прошлое Украины и по ученымъ трудамъ, и по источникамъ, и по народнымъ произведеніямъ, и по запискамъ современниковъ. Если, тѣмъ не менѣе, онъ многое невѣрно повялъ въ прошломъ Малороссіи, то это еще небольшая вина, — при тогдашнемъ состояніи науки даже исторія великой Руси не была еще истолкована сколько-нибудь удовлетворительно.

Главная ошибка Гоголя, какъ историка, заключалась въ томъ, что онъ внесъ романтическую окраску въ историческую жизнь Украины: такихъ «полковниковъ», какъ Бульба, онъ представилъ какими-то феодальными рыцарями, которые имѣютъ свои «полки», сами рѣшаютъ вопросы войны и мира. Въ то время полковники были «выборные» и надъ своимъ полкомъ не имѣли той власти, которую впоследствии помѣшники приобрѣли надъ своими крѣпостными. Такимъ образомъ, отношеніе господъ къ крѣпостнымъ Гоголь перенесъ въ XV в., произвольно придавъ этимъ отношеніямъ феодальный характеръ, что было ошибкой. Очевидно, что романтическая литература, съ ея замками, феодалами и самовластными средневѣковыми баронами, оказала, въ этомъ отношеніи, чрезмѣрное вліяніе на Гоголя и искадила историческую вѣрность его повѣсти. Такая же тенденція придать казачеству характеръ рыцарскаго ордена замѣчается и въ изображеніи жизни Запорожской Сѣчи.

Романтизмъ помѣшалъ Гоголю и вѣрно представить психологію нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ. Если безукоризненно нарисованъ Тарасъ и его сынъ Остапъ, то совершенно фальшиво представленъ Андрій. Казакъ грубаго XV вѣка представленъ какимъ-то «романтическимъ любовникомъ», съ самыми тонкими настроеніями изящной, чувствительной души. Но историческая цѣнность повѣсти, несмотря на присутствіе историческихъ промаховъ, всетаки велика. Въ образѣ Тараса Гоголю удалось изобразить дѣйствительно-національный типъ.

Историческій смыслъ малороссійскаго казачества заключался въ борьбѣ за народность и вѣру. Эта борьба съ турками, татарами и поляками закалила народный характеръ, придала людямъ Украины черты желѣзной энергіи, которая часто то задерживалась и скрывалась подъ личиной хитрости и престодушнаго лукавства, даже флегматичности и лѣни,—то вдругъ вы-

Историческія
ошибки Гоголя
въ этой по-
вѣсти.

Малороссійское
казачество;
историческій
смыслъ
казачества

Разносторонность жизни.

рывалась на свободу и принимала широкіе размѣры стихійной силы, не знавшей удержу и предѣловъ. Жизнь была сложна—приходилось бороться и хитростью, и силой, приходилось быть и дипломатомъ, и солдатомъ... Нужды времени требовали и многихъ другихъ практическихъ знаній: каждый казакъ долженъ былъ быть и землепашецъ, и охотникомъ, и скотоводомъ, и садовникомъ, и врачомъ, и ремесленникомъ. Это развивало разносторонность, находчивость, предприимчивость, но не привязывало человѣка къ какому-нибудь одному определенному дѣлу. Постоянная готовность идти на встрѣчу опасности, неуверенность въ завтрашнемъ днѣ пріучали равнодушно смотрѣть въ глаза смерти, не дорожить своей головой, но не стѣсняться и чужой судьбой...

Свобода жизни

Отношеніе къ семьѣ.

Безупутно и безалаберно шла здѣсь жизнь: семья и домашній очагъ были казаку ненужны; эти привязанности замѣнялись у нихъ духомъ «товарищества», связавшимъ ихъ въ вольную дружину удальцовъ-«лыцарей», собиравшихся въ Запорожской Сѣчи. Суровая жизнь, полная опасности, развивала въ ихъ суровыхъ сердцахъ духъ удалства и, въ то же время, умѣніе на всѣ опасности глядѣть съ равнодушнымъ спокойствіемъ, даже съ юморомъ. Для нихъ «святымъ» въ жизни было немногое, — христіанская вѣра, родина да чувство товарищества. Эти немногіе и простые идеалы однако наполняли ихъ жизнь смысломъ, очищали облагораживали ихъ существованіе, дѣлали ихъ «лыцарями», какъ они сами себя называли, оправдывали, въ ихъ собственныхъ глазахъ, и разбойничьи набѣги на берега Чернаго моря, и жестокія расправы съ евреями и католиками.

Идеалы.

Патріотизмъ.

Патріотизму они служили беззаветно,—онъ былъ главнымъ идеаломъ ихъ жизни—идеаломъ суровымъ и жестокимъ, затемнявшимъ всѣ другія привязанности и стремленія (къ семьѣ, къ женщинѣ, къ мирнымъ занятіямъ). Многие изъ этихъ чертъ сохранились въ душѣ малороссовъ и до временъ Гоголя, и въ своихъ «Вечерахъ», въ «Віѣ» онъ собралъ всѣ эти измельчавшіе остатки прежнихъ чувствъ, скованныхъ блестящимъ прошлымъ, но уже не находящихъ себѣ объясненія въ настоящемъ... Въ «Тарасѣ Бульбѣ» Гоголь объяснилъ, откуда взялось у малороссовъ это лѣнивое равнодушіе, эта флегматичность, этотъ юморъ и упрямство,—всѣ тѣ національныя черты, которыя собраны и воплощены имъ въ дѣйствующихъ лицахъ его героической повѣсти: что въ современной жизни казалось смѣшнымъ, даже карикатурнымъ, то, въ историческомъ освѣщеніи героической повѣсти, приобрѣло серьезный и глубокой интересъ. Вотъ почему и сама повѣсть, и главный герой ея имѣютъ большое историческое значеніе.

Национальныя черты казаковъ въ герояхъ другихъ повѣстей Гоголя.

Характеристика Тараса.

Тарасъ Бульба является посетителемъ всѣхъ типичныхъ сторонъ казачества. Человѣкъ, полный энергіи, не выносящій мирной, домашней жизни, до сѣдыхъ волосъ увлекающійся бурной жизнью, полной опасностей и тревогъ, онъ рисуется во весь ростъ, какъ семьянинъ, какъ военачальникъ, какъ человѣкъ вообще.

Бульба — семьянинъ.
а) Отношеніе къ женѣ.

Это—суровый мужъ и суровый отецъ. Съ презрѣніемъ относится онъ къ женѣ, которая, по его словамъ, только «баба», т. е. существо, безконечно ничтожное. Она, въ его глазахъ, не пользуется никакимъ авторитетомъ, и смысломъ своихъ онъ пріучаетъ не подчиняться ея влиянію. Мягкость

женской души, въ его глазахъ, большая опасность для удалого казака, если онъ поддастся чарамъ любви женщины,—все равно даже материнской, — онъ можетъ «обобиться», сдѣлаться «мазунчикомъ» и погибнетъ для великаго дѣла служенія родинѣ. Какъ отецъ, Бульба представляется такимъ же суровымъ,—онъ не допускаетъ въ отношеніяхъ съ сыновьями ласки и мягкости и предпочитаетъ стать съ ними сразу въ отношенія старшаго товарища. Вотъ почему онъ, при первой же встрѣчѣ съ вернувшимися домой сыновьями, вступаетъ въ кулачную драку съ старшимъ, чтобы узнать его темпераментъ и силу, т. е. опредѣлить цѣнность въ немъ будущаго боевого товарища. Когда приходится ему рѣшать, чтó для него выше—любовь и жалость отца къ сыну, или любовь гражданина къ родинѣ, онъ безъ колебаній и сомнѣній, съ рѣшительностью истаго римлянина ставитъ послѣднее чувство выше перваго и убиваетъ своею рукою Андрія, измѣнчившаго родинѣ.

Какъ военачальникъ, Бульба энергиченъ, неутомимъ, предприимчивъ; онъ не знаетъ страха, усталости... Своихъ удалцовъ - «лыцарей» онъ знаетъ прекрасно, умѣетъ вліять на нихъ и словомъ, и дѣломъ: когда надо—онъ пошутитъ, когда—зажжетъ ихъ сердца воодушевленной патристической рѣчью, а иногда ихъ удаля умѣетъ воспламенить и лишней бочкой «горячки». Онъ хитеръ и прозорливъ,—въ Запорожской Сѣчи онъ ведетъ себя, какъ истый дипломатъ: ловко управляя психологіей казаковъ, онъ легко добивается назначенія новаго кошевого. Во время примиренія казаковъ съ поляками, онъ оказывается дальновиднѣе всѣхъ. Къ своимъ ратнымъ товарищамъ относится онъ по-братски, со всею нѣжностью, на которую онъ только былъ способенъ. Въ немъ глубоко развитъ духъ товарищества: умирая мучительною смертью, онъ думаетъ не о себѣ, а о своихъ ратныхъ товарищахъ и, изнемогая отъ мученій, находитъ въ себѣ довольно силъ, чтобы казакамъ, уносящимъ свои головы, указать пути спасенія.

Какъ человѣкъ, Бульба является воплощеніемъ тѣхъ національныхъ чертъ, которыя намѣчены Гоголемъ въ различныхъ герояхъ его повѣстей. Только у Бульбы эти черты представлены въ крупномъ видѣ. Упрямство казака Чуба упрямство глупое и смѣшное, потому что направлено на вздоръ, — у Тараса вырастаетъ въ упорство титана, воодушевленного патриотизмомъ. Равнодушіе и лѣнвая флегматичность комическихъ холодовъ различныхъ повѣстей Гоголя — вырастаетъ въ лицѣ Тараса въ героическое спокойствіе передъ лицомъ дѣйствительной смерти... Юморъ его суровъ и не смѣшонъ, — отъ него пахнетъ смертью. Самъ Тарасъ—изъ стали отлитая фигура, въ то же время страстная, мятежная. Но, жестокой и суровой въ дѣлѣ расправы и мести, Тарасъ-великодушенъ, когда надо отплатить за содѣянное добро: онъ щадитъ Янкеля за ту помощь, которую онъ оказалъ когда-то его брату. Гордый и непреклонный, онъ умѣетъ на-время смириться, унижить свое «лыцарское достоинство» и, подъ покровительствомъ Янкеля, подъ кирпичами ѣхать въ Варшаву, чтобы повидать своего богатыря-сына, приговореннаго къ смерти... Онъ ѣхалъ къ нему не какъ отецъ, а какъ его ближайшій другъ и ратный товарищъ, чтобы прибавить силы нравственной въ его мужественное сердце. Но честь казачества была дороже для него этой «това-

б) Отношеніе къ дѣтямъ.

Бульба, какъ военачальникъ, дѣлаетъ, товарищъ.

Бульба, какъ человѣкъ.

рической любви» къ Остапу, и не выдержавъ онъ брани по адресу казакъ, — выругался самъ, не побоявшись поставить на карту свою голову и свиданіе съ сыномъ. Въ моментъ казни Остапа, когда мужество стало покидать юношу и онъ воскликнулъ: «Ватю! гдѣ ты? слышишь ли ты все это?» — онъ воодушевилъ его своимъ желѣзнымъ крикомъ: «Слышу!» — и мужество сына-героя было спасено!...

Остапъ.

Подъ стать Тарасу его старшій сынъ Остапъ: еще сидя на школьной скамьѣ въ кievской бурсѣ, онъ закалilъ свой характеръ — наслѣдіе, полученное отъ отца. Изъ этой суровой школы вынесъ онъ презрѣвіе къ физической боли, и духъ товарищества, нелюбовь къ наукѣ и страсть къ вольной жизни. Онъ здѣсь выросъ свободный, вполне готовый къ жизни и явился въ родной домъ безъ всякихъ нѣжныхъ чувствъ къ отцу, какъ къ отцу, — онъ уважалъ въ немъ казака, доблестнаго «лыцаря», и охотно пошелъ къ нему «въ науку». Запорожская Сѣчь, съ ея правами и законами, а затѣмъ бурная бранная жизнь въ короткое время сдѣлала изъ него истаго запорожца, который и драться умѣлъ безъ страха, и умереть безъ стона. Какъ Тарасъ, онъ съ презрѣніемъ относился къ женщинѣ, — она не нужна была его юношу, но уже суровому сердцу. И Тарасъ, и Остапъ — герои малороссійскихъ «думъ», пѣсень о доблестныхъ защитникахъ родины и вѣры.

Андрій.

Не таковъ былъ его братъ Андрій. Это — казакъ-романтикъ, это герой любовныхъ малороссійскихъ пѣсень, который умѣетъ приласкать женское сердце, найдетъ много ласковыхъ именъ для милой дѣвушки... Это — Левко изъ «Майской ночи», паробокъ изъ «Сорочинской ярмарки». Это — нѣжная натура, откликающаяся на призывъ матери, на любовь женщины... Но это натура страстная и сильная, которая можетъ рѣшиться на многое.

Еще на школьной скамьѣ Андрій отличался большимъ воображеніемъ и мечтательностью. Къ предпріятіямъ товарищей онъ относился, какъ поэтъ, — не достиженіе цѣли ему было дорого, а тѣ настроенія, которыя волновали его. Когда онъ дрался съ поляками, — ему дороги были не цѣли этой драки, а самая битва, — «позвія битвы», ея настроенія... Вотъ почему идеалы казачества не могли глубоко овладѣть его пылкой, поэтической душой; вотъ почему, побѣжденный новыми «настроеніями», онъ легко перешелъ на сторону поляковъ...

Образъ Андрія — слишкомъ тонокъ и сложенъ для той суровой казачьей среды, изъ которой вывелъ его Гоголь. Вотъ почему можно съ полнымъ правомъ сомнѣваться, правдивъ ли этотъ образъ въ историческомъ отношеніи.

Соединеніе
въ повѣсти
романтизма
и реализма.
в) романтизмъ.

Повѣсть Гоголя представляетъ собой соединеніе романтическаго и реалистическаго элементовъ: а) *Романтическій элементъ* въ повѣсти сказанъ въ нѣкоторой произвольной подкраскѣ малороссійской исторической жизни. Идеализація старины (особенно среднихъ вѣковъ) была излюбленнымъ приѣмомъ романтиковъ-историковъ. Такой писатель, какъ Вальтеръ-Скоттъ, далъ, въ этомъ отношеніи, самые характерные образцы. Гоголь пошелъ по его слѣдамъ. Вотъ почему, несмотря на всѣ достоинства историческія, повѣсть «Тарасъ Бульба» остается, все-таки, по существу своему, однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ памятниковъ нашей романтики.

Это повѣсть о герояхъ и ихъ подвигахъ, и сами герои, и ихъ дѣянія переходятъ нерѣдко за черту возможнаго и правдоподобнаго. Грандіозность размѣровъ въ очертаніи характеровъ дѣйствующихъ лицъ, равно и въ описаніи событій, бросается въ глаза всякому при первомъ же взглядѣ. «Читатель не получаетъ отъ разсказа впечатлѣнія эпически-спокойнаго и ровнаго. Онъ все время тревожно настроенъ: такъ подымаетъ его настроеніе самъ авторъ полетомъ собственнаго лиризма, или торжественнаго пафоса»¹⁾ (Котляревскій). Эта грандіозность образовъ и патетичность описаній — характерныя признаки романтизма. Читая многія страницы повѣсти, «чувствуешь себя, говоритъ Н. А. Котляревскій, невольнымъ участникомъ дѣяній какого-то сказочнаго міра, — міра преданій, или мифа». Романтическій элементъ отбѣтили мы и въ обрисовкѣ Андрія, и въ исторіи его любви къ прелестной полячкѣ.

б) *Реалистическій элементъ* въ повѣсти всецѣло отнесенъ на бытовую ея сторону. Описаніе домашней обстановки и жизни казака, военная и мирная жизнь Сѣчи, голодный городъ, лагерная жизнь, типы казаковъ и евреевъ, описаніе Варшавы, особенно еврейскаго квартала, — все это перлы художественнаго реализма.

б) Реализмъ въ повѣсти.

Литературная исторія повѣсти очень сложна и до сихъ поръ еще не выяснена съ достаточной полнотой. Прежде всего, интересъ къ прошлому Малороссіи, и особенно къ казачеству, какъ самому яркому явленію ея исторіи, былъ силенъ у Гоголя съ юности. Онъ мечталъ то объ исторической трагедіи изъ жизни старой Украины, то объ исторіи Малороссіи, „въ шести малыхъ, или въ четырехъ большихъ томахъ“. Для этой исторіи онъ даже собиралъ матеріалы, по его словамъ, — „около пяти лѣтъ“. Матеріалы эти очень разнообразны — лѣтописи малороссійскія, записки, пѣсни, повѣсти бандуристовъ, дѣловыя бумаги, „Исторія Малой Россіи“ Вантыша-Каменскаго была тоже пособіемъ, ему хорошо извѣстнымъ. Но изъ всѣхъ этихъ „пособій“ и „матеріаловъ“ Гоголь вскорѣ особое вниманіе остановилъ на „народныхъ пѣсняхъ“. „Моя радость, жизнь моя, пѣсни! — писалъ онъ собирателю ихъ Максимовичу — Какъ я васъ люблю! Чтѣ всѣ черствыя лѣтописи, въ которыхъ я теперь роюсь, передъ этими звонкими, живыми лѣтописями! Я не могу жить безъ пѣсенъ... Вы не можете представить, какъ мнѣ помогаютъ въ исторіи пѣсни, — онѣ всѣ даютъ по новой чертѣ въ мою исторію!“ — „Каждый звукъ пѣсни мнѣ говоритъ живѣе

Литературная исторія повѣсти.

Интересъ Гоголя къ исторіи Малороссіи.

Интересъ Гоголя къ народнымъ пѣснямъ.

¹⁾ Ср., напр., описаніе того момента, когда Бульба сгнѣшилъ на выручку Остапа: „Какъ молнія, ворочаясь во всѣ стороны его запорожцы. Бульба, какъ гигантъ какой-нибудь, отличался въ общемъ хвостъ. Свирѣпо наносилъ онъ свои хрѣпкіе удары, воспламеняясь болѣе и болѣе отъ омывавшихся на него. Онъ сопровождалъ все это дикимъ и страшнымъ крикомъ и голосъ его, какъ отдаленное ржаніе жеребца, переносила звонкія поля. Наконецъ сабельные удары посыпались на него кучею; онъ грянулся лихеннымъ чувствъ. Толпа стиснула и смала, кони растоптали его, покрытаго прахомъ“.

о протекшемъ, нежели наши вялыя и короткія лѣтописи“, — писалъ онъ Срезневскому. „Пѣсни—это народная исторія, живая, яркая, исполненная красокъ, истины, обнажающая всю жизнь народа, — писалъ онъ въ „Арабескахъ“ о малороссійскихъ пѣсняхъ. „Въ этомъ отношеніи пѣсни, для Малороссіи — все: и поэзія, и исторія, и отцовская могила“. Гоголь говоритъ далѣе, что чуткій историкъ по пѣснямъ можетъ узнать „быть, стихію характера, всѣ изгибы и отгѣнки чувствъ, волненій, страданій, веселій народа, духъ минувшаго вѣка, общій характеръ всего цѣлаго, такъ что исторія разоблачится передъ нимъ въ ясномъ величіи“. Всѣ эти указанія, идущія отъ самого автора, затѣмъ рядъ изслѣдованій, сдѣланныхъ учеными критиками, доказываютъ, что пѣсни оказали большое вліяніе на повѣсть (особенно въ первой ея редакціи); онѣ отразились на *стиль* повѣсти, — особенно на *лирическихъ* ея *мѣстахъ*: описаніяхъ битвъ, характеристикъ Тараса и Остапа, въ любовной исторіи Андрія. Мѣстами самый языкъ повѣсти принимаетъ складъ пѣсни, — переходитъ въ размѣръ народной пѣсни. Пониманіе казачества, его идеалы — все это навѣяно пѣснями.

Отраженіе пѣсенъ на повѣсти Гоголя.

Вліяніе исторіи на повѣсть.

Изъ историческихъ сочиненій Гоголь позаимствовался нѣкоторыми фактами: жизнь Сѣчи, ея обычаи и нравы, различныя детали изъ вѣковой борьбы казачества съ Польшей, — все это взято изъ историческихъ сочиненій.

„Славянофильство“ въ повѣсти.

Внесъ Гоголь въ свою повѣсть и свои заветныя стремленія и идеалы: въ уста Тараса Бульбы вложилъ онъ горячую рѣчь, прославляющую Русь и русскаго человѣка. Вліяніе друзей-славянофиловъ сказалось ясно въ этомъ апофеозѣ русской души: „нѣтъ, братцы, такъ любить, какъ можетъ любить русская душа, — любить не то, чтобы умомъ, или чѣмъ другимъ, а всѣмъ, чѣмъ далъ Богъ, что ни есть въ тебѣ — а!.. нѣтъ! — такъ любить никто не можетъ!“...

Вальтеръ-Скоттъ и европейскій историческій романъ.

Гоголь имѣлъ себѣ предшественниковъ и въ иностранной, и въ русской литературѣ. Отцомъ историческаго романа считается Вальтеръ-Скоттъ: онъ первый сумѣлъ сочетать знаніе исторіи съ занимательностью поэтическаго разсказа; онъ первый научилъ въ историческомъ романѣ правдоподобіе разсказа строить на вѣрной передачѣ *couleur locale* (*couleur historique* и *couleur ethnographique*). Цѣлая плеяда историковъ-романистовъ пошла по его стопамъ: Викторъ Гюго, Виньи, у насъ Пушкинъ, были наиболѣе видными представителями этого жанра. Гоголь применилъ въ этому почетному списку.

Менѣ замѣтнымъ романистомъ былъ у насъ Нарѣжный, который написалъ немало историческихъ повѣстей, сентиментальныхъ и патриотическихъ. Выше его стоитъ популярный у насъ Марлинскій; его рассказы изъ русской исторіи отличаются вѣднѣйшей исторической правдой, — онъ старательно изображалъ историческую вѣрность обстановки, — декораціи, но не вникалъ въ духъ прошлаго. Оттого его герои древней Руси говорятъ и мыслятъ, какъ люди XIX столѣтія. Романъ Загоскина „Юрій Милославскій“ въ свое время, былъ крупнымъ литературнымъ событіемъ, но впоследствии критика развѣчала это произведеніе; фальшивый патриотизмъ, приведшій къ крайней идеализаціи всего русскаго и къ карикатурному высмѣиванью польскаго — главная черта этого романа. Историческій элементъ въ повѣсти слабо выдержанъ и носитъ дубочный характеръ. Популярны были и романы Лажечникова, но и въ нихъ было немало обычныхъ романтическихъ ужасовъ, восторговъ сентиментальности въ любовныхъ приключеніяхъ и фальшиваго патриотизма въ основномъ освѣщеніи.

Всѣ эти произведенія Марлинскаго, Загоскина, Лажечникова и др. принадлежали къ группѣ романтическихъ историческихъ романовъ; „Тарасъ Вульба“ применилъ къ нимъ. Такимъ образомъ, „новыхъ путей“ въ созданіи историческаго романа Гоголь не указалъ, но старое довелъ до совершенства. Въ „Тарасѣ Вульбѣ“ онъ избѣжалъ всѣхъ антихудожественныхъ условностей, не понижая общаго романтическаго тона всей повѣсти: „сентиментальную любовную интригу онъ не довелъ до приторности, героизмъ въ обрисовкѣ дѣйствующихъ лицъ не повысилъ до фантастическаго“ (Котляревскій). Его патриотизмъ не былъ тенденціознымъ, и морали въ своей повѣсти онъ не навязывалъ никакой. Кроме того, въ деталяхъ своего рассказа онъ сумѣлъ остаться строгимъ реалистомъ. Вотъ почему, въ художественномъ отношеніи, его романъ неизмѣримо выше романовъ его предшественниковъ, но онъ ниже „Капитанской дочери“ Пушкина — произведенія, въ которомъ великому поэту удалось найти новый жанръ — чисто „реалистическій историческій романъ“.

Въ одно приблизительно время съ «Миргородомъ» выпустилъ Гоголь въ свѣтъ свой другой сборникъ: «Арабски». Сюда вошли его статьи историческаго, эстетическаго, критическаго, философскаго, педагогическаго и беллетристическаго содержанія. Гоголь всегда нѣсколько преувеличивалъ въ себѣ «мыслителя» засчетъ «художника». Это сказалось и на отношеніи Гоголя къ тѣмъ статьямъ, которыя онъ помѣстилъ въ этотъ сборникъ. Судя по его предисловію, онъ самъ признавалъ, что не все, судя

Предшественники Гоголя въ созданіи русскаго историческаго романа: Нарѣжный. Марлинскій.

Загоскинъ.

Лажечниковъ.

Отношеніе „Тараса Вульбы“ къ предшественнымъ произведеніямъ этого рода.

Арабски.

вошедшее, заслуживаетъ печати, но въ то же время, не безъ доли самоувѣренія, онъ заявлялъ, что всетаки считаетъ нужнымъ выпустить въ свѣтъ все безъ изъятія, полагая, что русской публикѣ полезно будетъ узнать нѣкоторыя его мысли: «если сочиненіе заключаетъ въ себѣ двѣ, три еще не сказанныя истины, то уже авторъ не въ правѣ скрывать его отъ читателя,—и за двѣ, три вѣрныя мысли можно простить несовершенство цѣлаго». Если мы, дѣйствительно, съ полнымъ правомъ признаемъ, что въ статьяхъ Гоголя найдется немало справедливыхъ и вѣрныхъ мыслей, то всетаки такое нескромное заявленіе автора, что онъ высказываетъ «истины», очень характерно для Гоголя. Эта нескромность подмѣчена была современной критикой и только обострила ея отношеніе къ «Арабескамъ».

Статья
„Арабесокъ“
эстетическаго
содержанія.

Статьи Гоголя эстетическаго содержанія («Скульптура, живопись и музыка», «Объ архитектурѣ нынѣшняго времени», «Послѣдній день Помпей») представляютъ собою (особенно первая) скорѣе стихотворенія въ прозѣ, чѣмъ разсужденія. Стиль этихъ статей отличается пафосомъ: Гоголь расточаетъ метафоры, сравненія, восклицательные знаки,—и, въ результатъ, въ его этиадахъ больше поэзіи,—чувства, настроенія, чѣмъ мысли. Въ первой своей статьѣ Гоголь, слѣдуя за нѣмецкими романтиками, поетъ гимнъ музыкѣ, вышему изъ всѣхъ искусствъ, сильнѣе другихъ дѣйствующему на наши души. Онъ полагаетъ, что одна музыка можетъ прогнать эгоизмъ, овладѣвающій міромъ людей, что она нашъ «юный и дряхлый вѣкъ» вернетъ къ Богу. «Она вся—порывъ, писалъ онъ о музыкѣ, она вдругъ, за однимъ разомъ, отрываетъ человѣка отъ земли его, оглушаетъ его громомъ могучихъ звуковъ и разомъ погружаетъ его въ свой міръ; она обращаетъ его въ одинъ трепетъ. Онъ уже не наслаждается, онъ не страдаетъ—онъ самъ превращается въ страданіе, душа его не созерцаетъ непостижимаго явленія, но сама живетъ, живетъ порывно, сокрушительно, мятежно...» Въ статьѣ «объ архитектурѣ» онъ указываетъ на современное паденіе этого искусства и процвѣтаніе его въ прошломъ. Изъ всѣхъ архитектурныхъ стилей съ восхищеніемъ останавливаетъ онъ свое вниманіе на стилѣ готическомъ, средневѣковомъ.

«Нѣтъ величественнѣе, возвышеннѣе и приличнѣе архитектуры для зданія христіанскому Богу, какъ готическая»—писалъ онъ. «Но они прошли—тѣ вѣка, когда вѣра, пламенная, жаркая вѣра, устремляла всѣ умы, всѣ дѣйствія къ одному, когда художникъ выше и выше стремился вознести созданіе свое къ небу, къ нему одному рвался... Зданіе его летѣло къ небу, узкія окна, столпы, своды, тянулись нескончаемо въ вышину; прозрачный, почти кружевной шницъ, какъ дымъ, сквозилъ надъ ними, и величественный храмъ такъ бывалъ великъ передъ обыкновенными жилищами людей, какъ велики требованія души нашей передъ требованіями тѣла...»

Въ статьѣ «Послѣдній день Помпей» онъ превозноситъ извѣстную картину Брюллова, указывая его умѣніе пользоваться «эффектами»¹⁾,—умѣніе сочетать реальное съ идеальнымъ.

¹⁾ Н. А. Котляревскій совершенно справедливо отмѣчаетъ, что приемъ пользоваться «эффектами» присущъ въ значительной степени самому Гоголю, — поэтому онъ и обратилъ вниманіе на эту сторону творчества Брюллова.

Историческія статьи Гоголя («О средних вѣкахъ», «Жизнь», «Взглядъ на составленіе Малороссіи», «О малороссійскихъ пѣсняхъ», «Шлецеръ, Миллеръ и Гердеръ», «О движеніи народовъ въ концѣ V вѣка») явились, какъ результатъ его романтическихъ увлеченій средними вѣками ¹⁾, занятой исторією Малороссіи и университетскими лекціями. Не какъ ученый подошелъ Гоголь къ исторіи, а какъ поэтъ, художникъ, богато надѣленный лиризмомъ и яркой фантазіей, и патетическимъ цвѣстистымъ стилемъ... Онъ рисуетъ картины, набрасываетъ живые портреты,—онъ творитъ, но только тогда, когда сюжетъ возбуждаетъ его вдохновеніе. Съ истиннымъ увлеченіемъ поэтъ онъ гимнъ среднимъ вѣкамъ, бросаетъ нѣсколько пламенныхъ строкъ «крестовымъ походамъ», «средневѣковой женщинѣ», «страшнымъ тайнымъ судамъ», старому дому, въ которомъ живетъ алхимикъ, и пр.— все это сюжеты «интересные», на которыхъ столько разъ останавливалось и останавливается вниманіе поэта и живописца... Кромя такого эстетизма «романтическаго пошпаба» внесъ Гоголь въ свое пониманіе исторіи религіозное и консервативное мировоззрѣніе. Онъ стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что «не люди совершенно устанавливають правленіе, что его нечувствительно устанавливаетъ и развиваетъ самое положеніе земли ²⁾, отъ котораго зависитъ народный характеръ, что поэтому-то формы правленія и священны, и измѣненіе ихъ неминуемо должно навлечь несчастіе на народъ». Онъ и съ профессорской кафедры, и въ своихъ статьяхъ училъ, что всеобщая исторія есть осуществленіе плановъ Провидѣнія. Мудростію Промысла объяснялъ онъ переселеніе народовъ, освѣжившихъ старыя, увядающія цивилизаціи; Божественное Провидѣніе, по его словамъ, усилило власть римскаго первосвященника, и это усиленіе сплотило Европу, просвѣтило варваровъ.

Такимъ образомъ, въ свои статьи Гоголь много вносилъ субъективизма—своихъ увлеченій, своихъ взглядовъ... Въ статьѣ о калифѣ Ал-Мамунѣ онъ высказалъ интересный взглядъ на государственное значеніе «великаго поэта». «Они—великіе жрецы,—говоритъ Гоголь. Мудрые властители чествуютъ такихъ поэтовъ своею бесѣдою, берегутъ ихъ драгоценную жизнь и опасаются подавить ее многостороннею дѣятельностію правителя. Ихъ призываютъ только въ важныя государственныя совѣщанія, какъ вѣдателей глубины человѣческаго сердца». Изъ этихъ словъ видно, что Гоголь «поэту» придавалъ неизмѣримо больше значенія, чѣмъ Пушкинъ, который видѣлъ въ поэтѣ «личность», но никогда не смотрѣлъ на него, какъ на «государственнаго дѣятеля», совѣтника царей... Какія причудливыя картины рисовала Гоголю его блестящая фантазія, вдохновленная историческими видѣніями, лучше всего, видно изъ его «стихотворенія

Статьи
„Арабески“
историческаго
содержанія.

Взглядъ Гоголя
на значеніе
поэта.

1) Эпоха, излюбленная романтиками. Недаромъ ученики Нѣжинскаго лицея времени Гоголя интересовались, главнымъ образомъ, этой эпохой и даже задумали сочинить книгу, посвященную этой эпохѣ.

2) Оттого онъ такое значеніе придавалъ изученію „географіи“. Климатъ, почва,— конечно, большое значеніе имѣютъ на исторію народа въ первоначальный періодъ его жизни, когда онъ находился подъ властію природы, но всетаки не такое рѣшающее, какъ думали въ началѣ XIX в. нѣкоторые историки (напр. Кузенъ), которые брались по географіи известной земли говорить объ ея исторіи. Исторія культуры доказываетъ, что, съ теченіемъ времени, географическія вліянія все слабѣютъ: человѣкъ побѣждаетъ природу,

въ прозѣ»: «Жизнь». Въ нѣсколькихъ строкахъ ясно виденъ поэтъ-историкъ, сумѣвшій уловить характерныя черты міровоззрѣній древняго Египта, веселой Греціи, желѣзнаго Рима, — сумѣвшій сопоставить древнія цивилизаціи міра лицомъ къ лицу съ христіанствомъ. Отъ этого вдохновеннаго и красиваго произведенія, быть можетъ, ведутъ свое начало «Стихотворенія въ прозѣ» Тургенева.

Гоголь
о малороссій-
скихъ пѣсняхъ.

Въ статьѣ «о пѣсняхъ малороссійскихъ» онъ отмѣтилъ огромную историческую цѣнность этихъ народныхъ произведеній, въ которыхъ сохранились живыя лица борцовъ за родину, сохранились тѣ чувства, которыми жили эти борцы; и, въ то же время въ этихъ пѣсняхъ вырисовывается ясно поэтической образъ малороссійской женщины, — образъ, полный любви, ласки и красоты, осужденный суровой исторіей на разлуку, сиротство, вдовство... Гоголь отмѣчаетъ живой драматизмъ, какъ характерную черту этихъ пѣсень.

Гоголь
объ исторіи
Малороссіи.

Въ статьѣ «Взглядъ на составленіе Малороссіи» Гоголь даетъ сжатую исторію своей родины и особенно подробно останавливается на исторіи и характеристикѣ казачества. Идеи, имъ здѣсь выраженные сжато, нашли блестящее, художественное воплощеніе въ «Тарасѣ Бульбѣ». Въ этой статьѣ любопытенъ взглядъ Гоголя на древнерусскую исторію, — оказывается, послѣкиевскій періодъ совсѣмъ не затронулъ его поэтической восприимчивости. Гоголь находитъ XIII вѣкъ «ужасно ничтожнымъ» временемъ, и въ то же время жестокииъ: «народъ приобрѣлъ хладнокровное звѣрство, говоритъ онъ, потому что онъ рѣзалъ, самъ не зная, за что. Его не разжигало ни одно сильное чувство — ни фанатизмъ, ни суевѣріе, ни даже предрасудокъ».

Гоголь
о Пушкинѣ.

Изъ критическихъ статей очень цѣнно разсужденіе Гоголя о Пушкинѣ. «Нѣсколько словъ о Пушкинѣ». Въ этой статьѣ онъ впервые ясно и опредѣленно объясняетъ то понятіе «народность», которое русской критикой, въ примѣненіи къ Пушкину, толковалось вкривъ и вкось: одни критики смѣшивали это понятіе съ «простонародностью», другіе съ «націонализмомъ». «Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное и, можетъ быть, единственное явленіе русскаго духа, — писалъ Гоголь въ этой статьѣ. Это — русскій чело- вѣкъ въ конечномъ его развитіи, въ какомъ онъ, можетъ быть, явится черезъ двѣсти лѣтъ. Самая жизнь его совершенно русская. Тотъ же разгулъ и раздолье, къ которому иногда, позабывшись, стремится русскій, и которое всегда нравится свѣжей русской молодежи, отразились на его первобытныхъ годахъ вступленія въ свѣтъ. Онъ остался русскимъ всюду, куда его забрасывала судьба: и на Кавказѣ, и въ Крыму, т. е. тамъ, гдѣ имъ написаны тѣ изъ его произведеній, въ которыхъ хотятъ видѣть всего больше подражательнаго. Онъ, при самомъ началѣ своемъ, уже былъ націоналенъ, потому что истинная національность состоитъ не въ описаніи сарафана, но въ самомъ духѣ народа. Поэтъ даже можетъ быть и тогда націоналенъ, когда описываетъ совершенно сторонній міръ, но глядитъ на него глазами своей національной стихіи, глазами всего народа, когда чувствуетъ и говоритъ такъ, что соотечественникамъ его кажется, будто это чувствуютъ и говорятъ они сами...» Въ этой же статьѣ Гоголь превознесъ Пушкина за его художественный «реализмъ» и опредѣлилъ сущность этого направленія, осудивъ романтизмъ за наклон-

Гоголь
о реализмѣ.

ность изображать только эффектное. Обвинение любопытное въ устахъ Гоголя, который въ эту пору еще самъ не отдѣлался отъ указанной имъ романтической слабости. Онъ защищаетъ Пушкина отъ нападенія критики, которая привыкла восхищаться его романтическими поэмами изъ кавказской и крымской жизни—и не поняла той «поэзіи дѣйствительности», съ которою великій поэтъ выступилъ въ «Онѣгинѣ», «Годуновѣ»... «Масса народа,—писалъ по этому поводу Гоголь,—похожа на женщину, приказывающую художнику нарисовать съ себя совершенно похожій портретъ; но горе ему, если онъ не сумѣлъ скрыть всѣхъ ея недостатковъ! Никто не станетъ спорить, что дикій горецъ, въ своемъ воинственномъ костюмѣ, вольный, какъ воля, гораздо ярче какаго-нибудь застѣдателя, и, несмотря на то, что онъ зарѣзалъ своего врага, притаась въ ущельѣ, или выжегъ дѣлную деревню, однако же онъ болѣе поражаетъ, сильнѣе возбуждаетъ въ насъ участіе, нежели нашъ судья, въ истергомъ фракѣ, зазначканномъ табакомъ, который невиннымъ образомъ, посредствомъ справокъ и выправокъ, нустилъ по міру множество крѣпостныхъ и свободныхъ душъ. Но и тотъ, и другой, они оба—явленія, принадлежація къ нашему міру: они оба должны имѣть право на наше вниманіе».

Изъ этихъ знаменательныхъ словъ видно, что пока Гоголь, защищая Пушкина-реалиста, признавалъ равноправіе за обоими художественными направленіями,—недалеко было уже то время, когда онъ, вслѣдъ за Пушкинымъ, дѣликомъ перейдетъ на сторону реализма.

Къ «беллетристическимъ» статьямъ, вошедшимъ въ составъ «Арабесокъ», принадлежатъ три: «Портретъ» (въ первой редакціи), «Невскій проспектъ» и «Записки сумасшедшаго». Изъ перечисленныхъ первыхъ двѣ повѣсти тенденціозны; онѣ представляютъ собою конкретное изложеніе взглядовъ Гоголя на жизнь и психическій міръ художника ¹⁾.

Исходя изъ своего возвышеннаго взгляда на значеніе поэта-художника ²⁾, полагая, что «всякій геній — благословеніе Божіе человѣчеству», онъ естественно интересовался тѣмъ, какія обязанности ждуть «генія» на землѣ, какія радости и печали встрѣтитъ онъ въ обществѣ простыхъ людей. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ этотъ вопросъ о призваніи поэта, о борьбѣ поэта съ прозой жизни былъ жгучимъ и интересовалъ не одного Гоголя. Художникъ, музыкантъ, поэтъ—словомъ геній, стоящій выше людей, былъ любимымъ героемъ многихъ повѣстей и романовъ того времени, не только русскихъ, но и иностранныхъ (Гофманъ). Обыкновенно, этотъ «геній» былъ несчастливъ въ жизни; его оскорбляла «чернь», не понимавшая генія, и жизнь его кончалась почти всегда трагически ³⁾.

Беллетристическія статьи въ «Арабескахъ».

¹⁾ Гоголь по приѣздѣ своему въ Петербургъ сблизился съ нѣкоторыми художниками; въслѣдствіи въ Римѣ онъ постоянно вращался въ кругу художниковъ; онъ любилъ музыку, изучалъ исторію искусствъ, много работалъ надъ развитіемъ своего эстетическаго вкуса. Изъ этихъ интересовъ его къ искусствамъ и развились его теоретическіе взгляды на искусство.

²⁾ Взглядъ, быть можетъ, развившійся у Гоголя подъ вліяніемъ философіи Шеллинга, хотя не сохранилось никакихъ доказательствъ знакомства Гоголя непосредственно съ ученіемъ этого философа.

³⁾ Къ псалтеямъ, охотно развивавшимъ подобныя темы, относится шеллингианецъ Одоевскій; онъ любилъ вывать къ «чувству возвышеннаго» и громилъ пошлость жизни. Въ повѣстяхъ «Послѣдній квартетъ Бетховена», «Импровизаторъ», «Себастьян Вахъ»

„Портреть“.

„Чистое искусство“.

Изъ повѣстей Гоголя особенно интересна «Портреть»; надъ нею онъ много трудился и ее перазъ передѣлываль. Въ повѣсти разработаны двѣ темы—1) о гибели художника Черткова и 2) о страшномъ ростовщикѣ. Въ первой темѣ развита мысль о томъ, что нельзя служить заразы користи и чистому искусству, практическимъ выгодамъ и идеалу. Злой геній убѣдилъ талантливаго художника, что «все дѣлается на свѣтѣ для пользы», что глушо голодать, уйдя отъ людей въ миръ чистыхъ грезъ. И художникъ послушался этого голоса,—прельстился благами міра, сталъ смотрѣть на искусство, какъ средство наживы, и сдѣлался ремесленникомъ, но разбогатѣлъ, потому что научился подлаживаться подъ вкусы «черни». Когда ему однажды удалось увидѣть произведеніе, написанное художникомъ-идеалистомъ, онъ понялъ, какому великому божеству измѣнилъ, но вернуться къ нему уже не могъ.

Взглядъ Гоголя на сущность и предѣлы художественнаго реализма.

Кромѣ этого возвышеннаго взгляда на искусство, которое должно быть чисто и свято, Гоголь высказалъ въ этой повѣсти еще интересную мысль о томъ, что «реализмъ», какъ художественный пріемъ, долженъ знать границы, что не все въ окружающей насъ дѣйствительности можетъ быть предметомъ художественнаго изображенія. Отвратительное лицо ростовщика, особенно его ужасныя глаза, были такъ художественно написаны на портретѣ, что ужасъ овладѣваль всѣми, кто только его видѣлъ. Гоголь спрашиваетъ: «Или для человѣка есть такая черта, до которой доводить высшее познаніе искусства и, черезъ которую шагнувъ, онъ уже похищаетъ несоздаваемое трудомъ человѣка,—онъ вырываетъ что-то живое изъ жизни, одушевляющей оригиналъ. Отчего же этотъ переходъ за черту, положенную границею для воображенія, такъ ужасенъ? Или за воображеніемъ, за порывомъ слѣдуетъ, наконецъ, дѣйствительность,—та, ужасная дѣйствительность, на которую соскакиваетъ воображеніе съ своей оси какимъ-то постороннимъ толчкомъ,—та ужасная дѣйствительность, которая представляется жаждущему ее тогда, когда онъ, желая постигнуть прекраснаго человѣка, вооружается анатомическимъ ножомъ, раскрываетъ его внутренность и видитъ отвратительнаго человѣка?»

Эти мысли художника Черткова были, на самомъ дѣлѣ, мыслями самого Гоголя въ этотъ періодъ его творчества, когда онъ отъ романтизма переходилъ къ реализму и старался самъ для себя опредѣлить сущность этого художественнаго направленія.

Религіозное значеніе искусства.

Наконецъ, въ этой же повѣсти встрѣчаемъ мы идею о религіозномъ значеніи искусства. Художникъ, изобразившій ростовщика, изобразилъ, самъ того не подозрѣвая, дьявола. Когда онъ это узналъ, онъ ушелъ въ монастырь, постомъ и молитвой искушалъ свой грѣхъ, грѣхъ артиста, изображавшаго воплощеніе грѣха и зла—сатану. Съ тѣхъ поръ свое искусство онъ посвятилъ иконописанію, но долго не могъ отдѣлаться отъ вліянія сатаны. Наконецъ, онъ былъ прощенъ.

онъ говорить о тайнѣ творчества. Пушкинъ въ „Египетскихъ ночахъ“ вывелъ гениальнаго поэта въ лицѣ импровизатора. Кукольникъ въ „Торквато Тассо“ развиваль мысль о ровни между гениемъ и средой. Тимофѣевъ въ драматической фантази „Поэтъ“, Полевой въ повѣсти „Живописецъ“ и романѣ „Аббадонна“, Павловъ въ повѣсти „Именины“ и многіе другіе современные писатели въ беллетристической формѣ съ особымъ рвеніемъ разрабатывали въ это время подобныя темы.

Такимъ образомъ, въ этой повѣсти Гоголь осудилъ то искусство, которое слишкомъ близко подходитъ къ жизни, не разбирается въ явленіяхъ дѣйствительности ¹⁾. Конечную цѣль искусства усмотрѣлъ онъ въ религиозно-нравственной миссіи.

Повѣсть эта, какъ было уже сказано, явилась, какъ отвѣтъ на вопросы и сомнѣнія, волновавшіе самого Гоголя; кромѣ того, она опиралась на цѣлый рядъ перечисленныхъ уже выше русскихъ произведеній, трактовавшихъ подобныя же темы, которыя были популярны также и въ нѣмецкой романтической литературѣ (ср. Гофмана «Эликсиръ дьявола»). Фантастическій элементъ повѣсти—исторія ростовщика-дьявола—тоже обыченъ въ нѣмецкой романтической литературѣ; сравнительно съ неудержимой фантастикой Гофмана, Гоголь еще является писателемъ очень умѣреннымъ: чутье художника-реалиста помогло ему удержаться въ границахъ.

Трагическая участь непримиреннаго съ жизнью идеалиста-художника представлена въ повѣсти «Невскій проспектъ». Пискаревъ, юный художникъ, съ пылкой прекрасной душой, погибаетъ потому, что не могъ примириться съ тѣмъ, что его вѣра въ неразрывную связь прекраснаго съ добрымъ и истиннымъ оказывается поруганной и осмѣянной. Такимъ образомъ, основой повѣсти является мысль о разладѣ мечты и дѣйствительности ¹⁾, мысль о борьбѣ художника съ прозой жизни.

Повѣсть «Невскій проспектъ» представляетъ собой сочетаніе лирическихъ, патетическихъ мѣстъ съ удивительными реалистическими картинками. Гоголь описываетъ главную улицу столицы въ различные часы дня, описываетъ бытъ ремесленниковъ, офицеровъ, чиновниковъ, художниковъ...

Въ повѣсти «Записки сумасшедшаго» представленъ разладъ мечты и дѣйствительности, доводящій до безумія несчастнаго титулярнаго совѣтника Поприщина...

«У Гоголя нѣтъ болѣе трагичной повѣсти—говоритъ Н. А. Котляревскій,—чѣмъ эти «Записки», читая которыя нельзя, однако, удержаться отъ смѣха. Самая грустная и романтическая мысль развита въ нихъ съ такимъ юморомъ и такъ реально, съ такимъ безпощаднымъ глумленіемъ надъ человѣческимъ разсудкомъ, что, за этимъ сарказмомъ, на первыхъ порахъ можно просмотрѣть трагической паеосъ разсказа».

Титулярный совѣтникъ Поприщинъ, очевидно, имѣлъ больше претензій, чѣмъ дѣйствительныхъ основаній для того, чтобы занимать видное мѣсто въ современномъ ему обществѣ. Это былъ самолюбивый, даже честолюбивый муравей, котораго тяготила и мучила его ничтожность. И чѣмъ острѣе дѣлалась его мученія, тѣмъ свободнѣе отъ власти разума становилась его мечта. Этотъ процессъ постепенной побѣды надъ разумомъ фантазіи, переродившей мечту въ галлюцинацію,—исторія постепеннаго помирания разсудка—изображенъ Гоголемъ съ поразительной психологической вѣрностью.

¹⁾ Гоголь словно предчувствовалъ возникновеніе въ литературѣ «натуралистической школы», главными представителями которой являются Зола, Мопассанъ.

²⁾ «О! Какъ отвратительна дѣйствительность! что она противъ мечты!»—восклицаетъ Гоголь «Боже! что за жизнь наша!—вѣчный раздоръ мечты съ существованностью!»—Восклицаніемъ: «какъ странно играетъ нами судьба наша!»—оканчивается эта повѣсть.

Литературная
исторія
повѣсти.

«Невскій
проспектъ».

«Записки су-
масшедшаго».

Поприщинъ.

„Портретъ“.

Изъ повѣстей Гоголя особенно интересна «Портретъ»; надъ нею онъ много трудился и ее неразъ передѣлывалъ. Въ повѣсти разработаны двѣ темы—1) о гибели художника Черткова и 2) о страшномъ ростовщикѣ. Въ первой темѣ развита мысль о томъ, что нельзя служить заразу корысти и чистому искусству, практическимъ выгодамъ и идеалу. Злой гений убѣдилъ талантливаго художника, что «все дѣлается на свѣтѣ для пользы», что глупо голодать, уйдя отъ людей въ мѣръ чистыхъ грезъ. И художникъ послушался этого голоса,—прельстился благами міра, сталъ смотрѣть на искусство, какъ средство наживы, и сдѣлался ремесленникомъ, но разбогатѣлъ, потому что научился подлаживаться подъ вкусы «черни». Когда ему однажды удалось увидѣть произведеніе, написанное художникомъ-идеалистомъ, онъ понялъ, какому великому божеству измѣнилъ, но вернуться къ нему уже не могъ.

„Чистое искусство“.

Взглядъ Гоголя на сущность и предѣлы художественнаго реализма.

Кромѣ этого возвышеннаго взгляда на искусство, которое должно быть чисто и свято, Гоголь высказалъ въ этой повѣсти еще интересную мысль о томъ, что «реализмъ», какъ художественный приемъ, долженъ знать границы, что не все въ окружающей насъ дѣйствительности можетъ быть предметомъ художественнаго изображенія. Отвратительное лицо ростовщика, особенно его ужасные глаза, были такъ художественно написаны на портретѣ, что ужасъ овладѣвалъ всѣми, кто только его видѣлъ. Гоголь спрашиваетъ: «Или для человѣка есть такая черта, до которой доводитъ высшее познаніе искусства и, черезъ которую шагнувъ, онъ уже похищаетъ несоздаваемое трудомъ человѣка,—онъ вырываетъ что-то живое изъ жизни, одушевляющей оригиналъ. Отчего же этотъ переходъ за черту, положенную границею для воображенія, такъ ужасенъ? Или за воображеніемъ, за порывомъ слѣдуетъ, наконецъ, дѣйствительность,—та ужасная дѣйствительность, на которую соскакиваетъ воображеніе съ своей оси какимъ-то постороннимъ толчкомъ,—та ужасная дѣйствительность, которая представляется жаждущему ее тогда, когда онъ, желая постигнуть прекраснаго человѣка, вооружается анатомическимъ ножомъ, раскрываетъ его внутренность и видитъ отвратительнаго человѣка?»

Эти мысли художника Черткова были, на самомъ дѣлѣ, мыслями самого Гоголя въ этотъ періодъ его творчества, когда онъ отъ романтизма переходилъ къ реализму и старался самъ для себя опредѣлить сущность этого художественнаго направленія.

Наконецъ, въ этой же повѣсти встрѣчаемъ мы идею о религіозномъ значеніи искусства. Художникъ, изобразившій ростовщика, изобразилъ, самъ того не подозревая, дьявола. Когда онъ это узналъ, онъ ушелъ въ монастырь, постомъ и молитвой искупалъ свой грѣхъ, грѣхъ артиста, изображавшаго воплощеніе грѣха и зла—сатану. Съ тѣхъ поръ свое искусство онъ посвятилъ иконописанію, но долго не могъ отдѣлаться отъ вліянія сатаны. Наконецъ, онъ былъ прощенъ.

Религіозное значеніе искусства.

онъ говорить о тайнѣ творчества. Пушкинъ въ „Египетскихъ ночахъ“ вывелъ гениальнаго поэта въ лицѣ импровизатора. Кукольникъ въ „Торквато Тассо“ развивалъ мысль о ровни между гениемъ и средой. Тимофѣевъ въ драматической фантазіи „Поэтъ“, Полевой въ повѣсти „Живописецъ“ и романѣ „Аббадонна“, Павловъ въ повѣсти „Именины“ и многіе другіе современные писатели въ беллетристической формѣ съ особымъ рвеніемъ разрабатывали въ это время подобныя темы.

Такимъ образомъ, въ этой повѣсти Гоголь осудилъ то искусство, которое слишкомъ близко подходитъ къ жизни, не разбирается въ явленіяхъ дѣйствительности ¹⁾. Конечную цѣль искусства усмотрѣлъ онъ въ религиозно-нравственной миссіи.

Повѣсть эта, какъ было уже сказано, явилась, какъ отвѣтъ на вопросы и соннія, волновавшіе самого Гоголя; кромѣ того, она опиралась на цѣлый рядъ перечисленныхъ уже выше русскихъ произведеній, трактованныхъ подобныя же темы, которыя были популярны также и въ нѣмецкой романтической литературѣ (ср. Гофмана «Элексиръ дьявола»). Фантастическій элементъ повѣсти—исторія ростовщика-дьявола—тоже обыченъ въ нѣмецкой романтической литературѣ; сравнительно съ неудержимой фантастикой Гофмана, Гоголь еще является писателемъ очень умѣреннымъ: чутье художника-реалиста помогло ему удержаться въ границахъ.

Трагическая участь непримиреннаго съ жизнью идеалиста-художника представлена въ повѣсти «Невскій проспектъ». Пискаревъ, юный художникъ, съ пылкой прекрасной душой, погибаетъ потому, что не могъ примириться съ тѣмъ, что его вѣра въ неразрывную связь прекраснаго съ добрымъ и истиннымъ оказывается поруганной и осмѣянной. Такимъ образомъ, основой повѣсти является мысль о разладѣ мечты и дѣйствительности ¹⁾, мысль о борьбѣ художника съ прозой жизни.

Повѣсть «Невскій проспектъ» представляетъ собой сочетаніе лирическихъ, патетическихъ мѣстъ съ удивительными реалистическими картинками. Гоголь описываетъ главную улицу столицы въ различные часы дня, описываетъ бытъ ремесленниковъ, офицеровъ, чиновниковъ, художниковъ...

Въ повѣсти «Записки сумасшедшаго» представленъ разладъ мечты и дѣйствительности, доводящій до безумія несчастнаго титулярнаго совѣтника Поприщина...

«У Гоголя нѣтъ болѣе трагичной повѣсти—говоритъ Н. А. Когларевскій,—чѣмъ эти «Записки», читая которыя нельзя, однако, удержаться отъ смѣха. Самая грустная и романтическая мысль развита въ нихъ съ такимъ юморомъ и такъ реально, съ такимъ безопаднымъ глумленіемъ надъ человѣческимъ разсудкомъ, что, за этимъ сарказмомъ, на первыхъ порахъ можно просмотрѣть трагическій паеосъ сарказма».

Титулярный совѣтникъ Поприщинъ, очевидно, имѣлъ больше претензій, чѣмъ дѣйствительныхъ основаній для того, чтобы занимать видное мѣсто въ современномъ ему обществѣ. Это былъ самолюбивый, даже честолюбивый муравей, котораго тяготила и мучила его ничтожность. И чѣмъ острѣе дѣлались его мученія, тѣмъ свободнѣе отъ власти разума становилась его мечта. Этотъ процессъ постепенной побѣды надъ разумомъ фантазіи, переродившей мечту въ галлюцинацію,—исторія постепеннаго помраченія разсудка—изображенъ Гоголемъ съ поразительной психологической вѣрностью.

¹⁾ Гоголь словно предчувствовалъ возникновеніе въ литературѣ „натуралистической школы“, главными представителями которой являются Зола, Мопассанъ.

²⁾ „О! Какъ отвратительна дѣйствительность! что она противъ мечты!“—восклицаетъ Гоголь „Боже! что за жизньъ наша!—вѣчный раздоръ мечты съ существованіемъ!“—Восклицаніемъ: „какъ странно играетъ нами судьба наша!“—оканчивается эта повѣсть.

Литературная
исторія
повѣсти.

„Невскій
проспектъ“.

„Записки сумасшедшаго“.

Поприщинъ.

Проблески общественной сатиры въ «Записках».

Въ «Записках сумасшедшаго» встрѣчаются проблески общественной сатиры, чего раньше мы не встрѣчали въ гоголевскихъ произведеніяхъ: разсужденія чиновника о начальствѣ, мысли о томъ, какое мѣсто въ свѣтѣ принадлежитъ генераламъ и камеръ-юнкерамъ,—все это для того времени мысли смѣлыя, —недаромъ тогдашняя цензура всё эти мѣста вычеркнула изъ «Записокъ».

Глубоко трогательнымъ воззваніемъ къ матери кончается этотъ смѣшной и патетическій разсказъ.

Сопоставленіе Поприщина съ Евгеніемъ («Мѣдный всадникъ»).

Произведеніе это можно сблизить съ «Мѣднымъ всадникомъ» Пушкина. Въ обоихъ произведеніяхъ выведены «маленькіе люди» съ большими претензіями. Въ обоихъ произведеніяхъ судьба зло смѣется надъ ними, и у обоихъ героевъ высокое о себѣ мнѣніе и неудовлетворенность жизнью доводитъ ихъ до безумія. У Пушкина эта идея развита сплошь въ трагическомъ освѣщеніи,—у Гоголя—въ комическомъ.

Отношеніе критики къ «Миргороду» и «Арабескамъ» Булгаринъ.

И «Арабески», и «Миргородъ» появились въ печати приблизительно въ одно время. Тонъ гоголевскаго предисловія задѣлъ нѣкоторыхъ критиковъ, и они (Сенюковскій, Булгаринъ) высмѣяли философскіе и историческіе взгляды Гоголя, в беллетристическихъ повѣстяхъ отозвались вскользь, хотя и одобрительно. «Повѣсть о сорорѣ Ивана Ивановича» не понравилась обоимъ критикамъ. «Какая цѣль этихъ сценъ?—спрашивалъ Булгаринъ—сценъ, не возбуждающихъ въ душѣ читателя ничего, кромѣ жалости и отвращенія? Въ нихъ нѣтъ ни забавнаго, ни трогательнаго, ни смѣшнаго. Зачѣмъ же показывать намъ эти рубища, эти грязные лохмотья, какъ бы ни были они искусно представлены? Зачѣмъ рисовать непріятную картину задняго двора жизни и человѣчества, безъ всякой видимой цѣли?»—Изъ этихъ вопросовъ лучше всего видно, какъ мало въ то время понимали художественный реализмъ даже видные тогда литераторы, и какъ безпомощны были они въ критической оцѣнкѣ литературныхъ произведеній. Впрочемъ—«Тарасъ Бульба» у обоихъ строгихъ критиковъ вызвалъ одобреніе. Съ большимъ сочувствіемъ о новыхъ произведеніяхъ Гоголя отозвался Шевыревъ; онъ поставилъ его среди первыхъ юмористовъ міра, назвавъ представителемъ славянскаго простодушнаго юмора. Многіе критики хвалили Гоголя и за его реализмъ. Самой значительной и содержательной была критика Вѣлинскаго. Правда, онъ посмѣялся надъ «учеными» статьями Гоголя, но за то съ восторгомъ отозвался о немъ, какъ художникѣ, который бессознательно создаетъ «изъ ничего» «великое». Онъ превознесъ его за простоту вымысла, за реализмъ, умѣнье найти поэзію дѣйствительной жизни.

Шевыревъ.

Вѣлинскій.

«Каждая его повѣсть—смѣшная комедія, говорилъ онъ,—комедія, которая начинается глупостями и оканчивается слезами, и которая, наконецъ, называется жизнію. И таковы всё его повѣсти: сначала смѣшно, потомъ грустно! И такова жизнь наша: сначала смѣшно, потомъ грустно! Сколько тутъ поэзіи, сколько философіи, сколько истины!»—Онъ отмѣтилъ «народность» гоголевскихъ повѣстей, отсутствие въ нихъ сентенціи и нравоученій. Гоголя онъ называетъ талантомъ «необыкновеннымъ, сильнымъ и высокимъ»... Онъ считаетъ его «главою русской литературы, занявшимъ мѣсто, оставленное Пушкинымъ, начинателемъ новой эпохи въ исторіи русской литературы». «Если бы насъ спросили, писалъ онъ, въ чемъ состоитъ существенная заслуга новой литературной школы, мы отвѣчали бы: въ томъ

именно, что отъ высшихъ идеаловъ человѣческой природы и жизни она обратилась къ такъ называемой «толпѣ»,—исключительно избрала ее своимъ героемъ, изучаетъ ее съ глубокимъ вниманіемъ и знакомитъ ее съ нею же самою. Это значило сдѣлать литературу выраженіемъ и зеркаломъ русскаго общества, одушевить ее живымъ національнымъ интересомъ. Уничтоженіе всего фальшиваго, ложнаго, неестественнаго должно было быть необходимымъ результатомъ этого новаго направленія нашей литературы, которое исполнѣ обнаружилось съ 1836 года, когда публика наша прочла «Миргородъ» и «Ревизора».

Изъ всѣхъ критическихъ отзывовъ того времени, несомнѣнно, отзывы Бѣлинскаго обращали на себя больше всего вниманіе Гоголя. Къ тому же Бѣлинскій указывалъ Гоголю ту же дорогу, на которую его толкалъ великій Пушкинъ. Вотъ почему мнѣніе Бѣлинскаго о повѣстяхъ «Миргорода» въ исторіи развитія гоголевскаго художественнаго творчества сыграло большую роль. Оба величайшія произведенія Гоголя—«Ревизоръ» и «Мертвыя души»—вдохновенныя Пушкинымъ, совершенно отвѣчали тѣмъ требованіямъ, которыя предъявилъ Гоголю и Бѣлинскій, называя его «главой» новаго періода въ исторіи русской литературы.

б) *Второй періодъ дѣятельности Гоголя.* Гоголь съ дѣтства интересовался театромъ; еще ребенкомъ онъ полюбилъ сцену, посѣщая представленія въ домѣ Трошинскаго; въ лицѣ онъ сорганизовалъ изъ товарищей труппу, и самъ съ большимъ увлеченіемъ и успѣхомъ принималъ участіе въ представленіяхъ, причѣмъ особенно удачно игралъ роли старухъ (роль Простаковой была его лучшей). По пріѣздѣ въ Петербургъ онъ даже пытался, было, поступить на сцену, но его декламация, простая и естественная, была въ то время до такой степени необычна, что театральные судьи, привыкшіе къ высокопарному, ходульному чтенію, на испытаніи забраковали его. Объ удивительной манерѣ Гоголя читать просто и живо сохранилось немало самыхъ лестныхъ отзывовъ его друзей и знакомыхъ. Кромѣ того, онъ обладалъ талантомъ имитированья: могъ представить чужую манеру держать себя и говорить. Вотъ почему такимъ успѣхомъ онъ пользовался, когда читалъ (вѣрнѣе: „представлялъ въ лицахъ“) въ кругу друзей свои комедіи и повѣсти¹⁾. Всѣ эти „сценическія наклонности“ и драматическія способности объясняютъ, до нѣкоторой степени, то обстоятельство, что Гоголь много и серьезно поработалъ для русской сцены въ качествѣ писателя. Его талантъ художника-реалиста, его любовь и знаніе „сцены“ сдѣлали то, что въ исторіи

Значеніе критики Бѣлинскаго для Гоголя.

б) Второй періодъ дѣятельности Гоголя. Интересъ Гоголя къ театральному дѣлу.

¹⁾ „Гоголь, рассказываетъ С. Т. Аксаковъ, до того мастерски читалъ или, лучше сказать, игралъ свою пьесу („Женитьба“), что многіе, понимающіе это дѣло, люди до сихъ поръ говорятъ, что на сценѣ, несмотря на хорошую игру актеровъ, эта комедія не такъ смѣшна, какъ въ чтеніи самого автора. Слушатели до того смѣялись, что нѣкоторымъ сдѣлалось почти дурно“.

Значеніе Го-
года въ исторіи
русскаго
театра.

русской драмы онъ занялъ почетное мѣсто „отца“ новой реали- стической бытовой комедіи. Въ его пьесахъ впервые правда жизни сочеталась съ художественной правдой въ искусствѣ. Послѣ него сцена стала отраженіемъ жизни: общіе типы, типы заимствованные, условности въ интригахъ, моральная тенденція—все исчезло: худ- ожникъ-драматургъ и бытописатель стали однимъ лицомъ. У своихъ предшественниковъ онъ немногому могъ научиться и на его долю выпало созданіе настоящей русской комедіи, т. е. такой, которая удовлетворяла одновременно двумъ требованіямъ, — и художественнымъ, какъ извѣстное литературное произведеніе, и требованіямъ идейнымъ, какъ вѣрное изображеніе переживаемой дѣйствительности. Такая гармонія формы и содержанія была достигнута у насъ только Гоголемъ и притомъ самостоятельно и сразу. Были, конечно, недостатки и въ его комедіяхъ, но, тѣмъ не менѣе, съ момента ихъ созданія должны мы начинать исторію нашего самобытнаго „національнаго“ театра. Если это значеніе получилъ Гоголь, благодаря своей безсмертной комедіи „Ревизоръ“, то для историка литературы любопытны и пер- вые опыты его въ области драматургіи. Къ такимъ ближай- шимъ предшественникамъ „Ревизора“ относятся комедіи: „Игро- ки“, „Женитьба“ и разрозненные сцены комедіи: „Владиміръ 3-ей степени“.

„Игроки“.

«Въ комедіи «Игроки» представлены шуллера, картежные игроки, которые, сами того не подозрѣвая, вступаютъ въ состязаніе. Типъ «шуллера» въ русской до-гоголевской комедіи и сатирѣ встрѣчался довольно часто. Обы- кновенно, этотъ преступный герой обыгрывалъ какого-нибудь «добродѣ- тельнаго», но, въ концѣ концовъ, добродѣтель обязательно торжествовала, и порокъ оказывался наказаннымъ. Такимъ образомъ, шуллеръ въ старой комедіи и сатирѣ оказывался безжизненнымъ «общимъ мѣстомъ», — служилъ автору лишь темой для морализаціи. Гоголь избѣгъ всякой морали и сумѣлъ жизненно, въ нѣсколькихъ различныхъ лицахъ, представить разновидности этого типа. Угнетенной добродѣтели въ комедіи тоже нѣтъ, — по- страдалъ изъ мошенниковъ тотъ, который сплеховалъ. Такимъ образомъ, «въ «Игрокахъ» описано не состязаніе хитрости и слабодушной простоты, порока и добродѣтели, а состязаніе семи жуликовъ-артистовъ, состязаніе, которое кончается самоубиженіемъ одного изъ самыхъ опасныхъ, по мнѣнію Гоголя, пороковъ, — именно — плутовства». (Котляревскій).

„Женитьба“.

Вторая, по времени, комедія «Женитьба» представляетъ больше ин- тереса, — она глубже и шире захватываетъ русскую жизнь. Вотъ почему, по справедливости, этой комедіи можетъ быть присвоено почетное назва- ніе — «первой бытовой русской комедіи»: въ ней каждое дѣйствующее лицо является представителемъ извѣстнаго сословія, — здѣсь выведены и купцы, и чиновники, и военные. Всѣ они очерчены ярко, характерно,

ничего общаго не имѣютъ съ безжизненными образами старой комедіи. Яичница, Анучкинъ, Жевакинъ, Агафья Тихонова, Устинья Наумовна, — все это, быть можетъ, нѣсколько карикатурные, слишкомъ яркіе образы, но, тѣмъ не менѣе, образы живые, облеченные въ плоть и кровь. «И всѣми этими людьми вертеть и крутить Кочкаревъ—натура, безспорно, энергическая, но съ однимъ, очень часто встрѣчающимся, недостаткомъ, — съ отсутствіемъ мысли о томъ, «что изъ всего этого выйдетъ». Ему лишь бы дѣйствовать и суетиться, а какъ на другихъ его суета отзовется, — до этого ему дѣла мало: онъ доволенъ, что вмѣшался, что самъ на виду, и въ этой суетѣ, безъ расчѣта и плана, все его самоудовлетвореніе. И, рядомъ съ нимъ, его —застѣчивый слугникъ Подколесинъ,—этотъ родной братъ Обломова, безъ стремленій, безъ желаній, — съ одной лишь мыслью, чтобы скорѣе прошелъ день, который безконечно тянется. Этого человѣка ничѣмъ не пробудишь къ дѣйствию: онъ, со своей флегмой и пассивностью, устоитъ противъ всякихъ доводовъ разума, или обольщеній мечты; жизнь для него — дремота въ сумерки, и никто, и ничто его отъ этого полусна не пробудитъ. Вскипѣть и заторопиться на мгновеніе онъ можетъ, но лишь затѣмъ, чтобы сейчасъ же впасть въ отчаянне страха передъ постукомъ» (Котляревскій). Комедія смѣшная, но безотрадная, — передъ нами выведена цѣлая галлерей лицъ «сѣрыхъ, томительно-скучныхъ и глухихъ»; жизнь ихъ безсодержательна, бессмысленна, а они этого не замѣчаютъ, не сознаютъ своего духовнаго убожества. Въ лицѣ Агафьи Тихоновны онъ высмѣялъ отклоненіе отъ старины, измѣну добрымъ старымъ традиціямъ жизни, бессмысленное тяготѣніе къ «новшествамъ». Въ лицѣ Арины Пантелѣвны, а особенно купца Старикова, Гоголь вывелъ положительные типы; его націоналистическія наклонности и стремленіе идеализировать патриархальныя «добрыя времена» сказались въ созданіи этихъ двухъ типовъ.

Кочкаревъ.

Подколесинъ.

Агафья Тихонова. Положительныя лица комедіи.

Отношеніе критики.

Современники невѣрно поняли эту комедію, назвавъ ее веселымъ «фарсомъ»¹⁾. Они обратили все вниманіе на интригу комедіи, дѣйствительно, довольно запутанную и искусственную — и просмотрѣли то обстоятельство, что юморизмъ комедіи основывался не только на «положеніяхъ» героевъ, но и на ихъ «характерахъ». «Присматриваясь къ любому типу, тамъ выведенному, мы видимъ, что онъ самъ по себѣ законченъ и комиченъ. Его можно взять изъ той обстановки, въ которой онъ показанъ, взять его порознь, въѣ его столкновенія съ другими типами, — и онъ возбудитъ ту же улыбку, тотъ же смѣхъ, какъ рѣдкій оригиналъ и типичный продуктъ нашей жизни. Этотъ гоголевскій типъ возвышается и до «типа общечеловѣческаго», которымъ мы такъ удивляемся въ комедіяхъ Мольера. Хотя бы тѣ же Подколесинъ и Кочкаревъ. Ихъ можно встрѣтить въ любомъ мѣстѣ, и въ любое время: здѣсь они передъ нами въ роли мелкихъ обывателей Петербурга, а сколько такихъ лицъ, — лицъ, прыгающихъ въ окно въ рѣшительную минуту, и лицъ, вносящихъ въ жизнь сумбуръ и суматоху, сколько ихъ дѣйствовало и дѣйствуетъ на широкой аренѣ, общественной и политической?»

Н. А. Котляревскій объ «общечеловѣчности» типовъ этой комедіи.

¹⁾ «Фарсомъ» называется комедія, построенная исключительно на смѣшныхъ «положеніяхъ», на неожиданностяхъ, на курьезныхъ *qui pro quo*.

Отношеніе
Гоголя къ
комедіи.

Самъ Гоголь придавалъ комедіи большое значеніе: онъ ее передѣлывалъ нѣсколько разъ съ 1837 года до 1842 года, кореннымъ образомъ мѣнялъ содержаніе и дѣйствующихъ лицъ. Въ началѣ эта комедія напоминала собою сюжетъ «Сорочинской Ярмарки» и «Ночи передъ Рождествомъ». Дѣйствіе комедіи происходило въ Малороссіи, и пьеса называлась «Женхи».

Значеніе
этой комедіи.

Значеніе комедіи въ исторіи русской литературы громадно: начать съ того, что многія комедіи Островскаго изъ купеческаго быта (купеческая дѣвица, жаждущая жениховъ некупецкаго званія, типъ свахи, идеальный купецъ Стариковъ, старая тетка) развиваютъ и дополняютъ то, что гениально намѣчено Гоголемъ въ его первой «бытовой» комедіи. Затѣмъ замѣтное вліяніе оказала комедія и на романъ Гончарова «Обломовъ» (сцена разговора Подколесина съ Степаномъ, типъ Подколесина, Кочкаревъ).

Попытка
создать
обличительную
комедію съ
обществен-
нымъ содержа-
ніемъ.

Поощряемый друзьями-писателями, толкавшими его на путь «обличителя» русской дѣйствительности, Гоголь—чуть-было—не выступилъ съ комедіей, въ которой, по его словамъ, «правдиво и зло» осмѣивалась высшая русская бюрократія того времени. Обличеніе чиновничества въ русской сатирѣ до Гоголя было предметомъ многихъ смѣлыхъ сатиръ. Очевидно, эти отрицательныя стороны бюрократическаго строя слишкомъ били въ глаза всѣмъ, если даже Гоголь, консерваторъ въ душѣ, всегда охотно и искренне восхваляющій строй русской государственной жизни, считалъ необходимымъ обличать «чиновничество». «Онъ не допускалъ даже мысли о томъ, что сама правительственная система могла быть виновата въ томъ бюрократическомъ злѣ, которое онъ такъ вѣрно подмѣтилъ и оцѣнилъ; въ его глазахъ, вся вина падала не на укладъ правительственной власти, ставящій чиновника въ такое положеніе, при которомъ превышеніе власти и злоупотребленіе ею сами собою напрашивались, а на самого чиновника, какъ на отдѣльную нравственную единицу, какъ на личность, съ извѣстнымъ нравственнымъ содержаніемъ. Такимъ образомъ, вопросъ съ почвы общественной переводился Гоголемъ прямо на почву нравственную, а поздиѣ на религіозную. Все зло проистекало, по мнѣнію автора, изъ природы самого человѣка, а не изъ тѣхъ условій, въ какія онъ былъ поставленъ. Чтобы излечить его, не было нужды мѣнять обстановку, въ которой онъ выросталъ и которая пріучала его къ гордынѣ, своеволію, самопоклоненію, хитростямъ, обманамъ, лѣни и отсутствію понятія о гражданскомъ долгѣ—лечить его нужно было или нравственнымъ воздѣйствіемъ на его душу, или силою кары—силою падающаго на него несчастія» (Котляревскій). Съ такой точки зрѣнія, смотрѣлъ онъ всегда на чиновничество своего времени: въ эпоху централизаціи оно играло особенно большую роль, —недаромъ Гоголююна мечталъ о чиновничьей карьерѣ, въ которой онъ видѣлъ истинное служеніе родинѣ. Недаромъ, возмужавъ и присмотрѣвшись къ русской дѣйствительности, Гоголь съ особою страстностью напалъ на бюрократію, или вѣрнѣе на тѣхъ недостойныхъ ея представителей, которые не понимали всей высоты и отвѣтственности своего положенія. Чиновный міръ отъ губернатора до квартальнаго—любимая мишень его сатиры. Въ комедіи «Владиміръ 3-ей степени» Гоголь хотѣлъ вывести на сцену представителей высшей бюрократіи; но потомъ онъ самъ съелъ это дерзостью,

„Владиміръ
3-ей степени“.

которой тогдашняя цензура не пропустила, и отказался отъ мысли сочинить комедію.

Въ 1842 году онъ писалъ Погодину, что принялся, было, за ея сочиненіе; въ ней было много «злости, смѣха, и соли». «Но вдругъ остановился, писалъ онъ, увидѣвъ, что перо такъ и толкается объ такія мѣста, которыхъ цензура ни за что не пропуститъ. А что изъ того, когда пьеса не будетъ играть: драма живетъ только на сценѣ. Безъ нея она, какъ душа безъ тѣла. Отъ этой начатой комедіи остались только сцены: «Тяжба», «Утро дѣловаго человѣка», «Лакейская» и «Отрывокъ». Обличеніе «бюрократіи», но мелкой, захолустной Гоголь сдѣлалъ въ позднѣйшей своей комедіи «Ревизоръ».

Всѣ перечисленные драматическіе «опыты» настолько серьезны, такъ много объясняютъ въ содержаніи и характерныхъ особенностяхъ «Ревизора», что на нихъ стоило остановиться. Уже въ нихъ вполне опредѣленно выразилось отношеніе Гоголя къ русской жизни, пониманіе имъ «комедіи» и опредѣлилось то новое, что вносилъ онъ въ исторію русской драмы. «Ревизоръ» былъ лишь полнымъ и самымъ совершеннымъ выраженіемъ идей и понятій Гоголя.

«Итакъ, въ своихъ комедіяхъ Гоголь выступилъ съ обличеніемъ русской жизни,—онъ обличалъ даже чиновничество только съ *этической* точки зрѣнія, что, прежде всего, должно было быть осуждено съ *общественной*, гражданской—такой судъ, вмѣсто автора, на *основаніи его комедій*, произнесло русское общество надъ жизнью своего времени. Мало того, Гоголь научилъ и другихъ писателей ярко и живо рисовать безотрадные стороны русской жизни. Вотъ почему, *вопреки самому Гоголю*, его придется признать однимъ изъ отцовъ русскаго либерализма, или, вѣрнѣе, русской прогрессивной общественной мысли, которая, покинувъ общеправственныя точки зрѣнія, переходила къ критикѣ существующаго общественнаго и государственнаго порядка» (Котляревскій).

О «комедіи» и вообще о сущности и значеніи «смѣха» Гоголь думалъ много и серьезно. Наканунѣ перваго представленія «Ревизора» въ 1836 году онъ напечаталъ замѣчательную статью, въ которой выяснилъ свои взгляды на «смѣшное». Онъ жаловался, что балетъ и опера завладѣли русской сценой, что отсутствуетъ на русской сценѣ «высокая комедія»—«вѣрный сколокъ съ общества,—комедія, производящая смѣхъ глубиной своей проиіи,—не тотъ смѣхъ, который производитъ на насъ легкія впечатлѣнія, который рождается бѣглой остроотой, мгновеннымъ каламбуромъ, не тотъ пошлый смѣхъ, который движетъ грубою толпою общества, для произведенія котораго нужны конвульси, гримасы природы, но тотъ электрической, живительной смѣхъ, который исторгается невольно и свободно, который разноситъ по всѣмъ нервамъ освѣжающее наслажденіе, рождается изъ высокаго наслажденія души и производится высокимъ и тонкимъ умомъ». Онъ указывалъ на то, что русскіе писатели гоняются только за интересной искусственной фавулой, не замѣчая того, что въ самой жизни много интереснаго, достойнаго комедіи. Онъ нападалъ на отсутствіе національнаго элемента на нашей сценѣ: это происходило потому, что большинство пьесъ были переводными, или передѣланными съ иностраннаго «Кого играютъ наши актеры?»—спрашиваетъ онъ. «Какихъ-то нехристей,

Значеніе первыхъ драматическихъ опытовъ Гоголя.

Общественное значеніе комедіи Гоголя.

Гоголь о русской народной комедіи.

людей—не французовъ и не нѣмцевъ, но Богъ знаетъ кого, какихъ-то взбалмошныхъ людей—иначе трудно назвать героевъ мелодрамы, не имѣющихъ рѣшительно никакой страсти, а, тѣмъ болѣе, видной физиономіи! Не странно-ли? Тогда какъ мы больше всего говоримъ теперь объ ответственности, намъ, какъ нарочно, подносятъ подъ носъ верхъ уродливости! Русскаго мы просимъ! *Своего* давайте намъ! Чтò намъ французы и весь заморскій людъ? Развѣ мало у насъ своего народа? русскихъ характеровъ! своихъ характеровъ! Давайте насъ самихъ! ¹⁾ Давайте намъ нашихъ плутовъ, которые тихомолкомъ употребляютъ во зло благо, изливаемое на насъ правительствомъ нашимъ, которые превратно толкуютъ наши законы». Въ этой же статьѣ говоритъ Гоголь и о великой нравственной силѣ «смѣха». «О, смѣхъ—великое дѣло! Ничего болѣе не боится человѣкъ такъ, какъ смѣхъ. Онъ не отнимаетъ ни жизни, ни имѣнія у виновнаго, но онъ ему силы связываетъ, и, боясь смѣха, человѣкъ удержится отъ того, отъ чего бы не удержала его никакая сила. Благоклонно склонится око монарха къ тому писателю, который, подвижимый чистымъ желаніемъ добра, предприметъ уличить низкій порокъ, недостойныя слабости и привычки въ слояхъ нашего общества и этимъ подастъ отъ себя помощь и крылья его правдивому закону. Театръ—великая школа,—глубоко его назначеніе: онъ цѣлой толпѣ, цѣлой тысячѣ народа, за однимъ разомъ читаетъ живой, полезный урокъ и, при блескѣ торжественнаго освѣщенія, при громѣ музыки, показываетъ смѣшное привычекъ и пороковъ, или высокотрогательное достоинство «возвышенныхъ чувствъ человѣка». Съ такимъ высокимъ пониманіемъ того значенія, которое должна имѣть его комедія для современниковъ и для исторіи русскаго театра, выступилъ Гоголь передъ русскою публикой съ «Ревизоромъ».

Гоголь о смѣхѣ.

Основная
идея комедіи
„Ревизоръ“,
какъ ее пони-
малъ Гоголь.

Основная идея комедіи „Ревизоръ“ — чисто этическая: авторъ хотѣлъ показать зрителямъ своей пьесы и ея читателямъ всю низость порочнаго человѣка, не исполняющаго того дѣла, къ которому онъ призванъ своимъ официальнымъ положеніемъ. Говоря языкомъ Гегеля, нашъ писатель доказывалъ, что „недѣйствительное (т. е. отклоненіе отъ правильнаго исполненія своей жизненной задачи, въ данномъ случаѣ — службы) — неразумно ²⁾“. Своихъ героевъ Гоголь судилъ съ точки зрѣнія своего высокаго пониманія значенія государственной службы, и судъ оказался строгимъ. Но было уже указано, что онъ интересовался только

¹⁾ Что такіа слова—не пустыя „общія мѣста“, видно, хотя бы, изъ того, что С. Т. Аксаковъ, до появленія въ свѣтъ комедіи Гоголя какъ-то сказалъ ему, что въ русской жизни нѣтъ ничего интереснаго для комедіи,—все такъ однообразно, гладко, прилично и пусто, „даже глупости смѣшной не встрѣтишь, — свѣтъ пустой“. Если такъ смотрѣли на русскую жизнь многіе даже интеллигентные люди,—тѣмъ громаднѣе заслуга Гоголя, открывшаго „смѣшное въ русской жизни“. Понятно почему Гоголь страстно сталъ оспаривать С. Т. Аксакова. Онъ сказалъ, что комизмъ кроется вездѣ, что, жывая посреди него, мы его не видимъ; но что, если художникъ перенесетъ его въ искусство на сцену, то мы уже сами надъ собой будемъ ваяться со смѣху и будемъ дивиться, что прежде не замѣчали его“.

²⁾ См. выше, главу о философіи Гегеля.

человѣкомъ, сословіемъ, группой людей и никогда не становился на общественную точку зрѣнія, которая подсказала бы ему болѣе широкое и глубокое пониманіе причинъ и слѣдствій того зла, которое внесли въ жизнь его герои. Онъ не судилъ въ нихъ гражданъ, т. е. людей, связанныхъ извѣстными отношеніями съ другими людьми того же государства, — онъ оторвалъ своихъ героевъ отъ общества людей и судилъ ихъ только за то, что они угасили въ своей душѣ „искру божію“ — утратили сознание своего достоинства, пониманіе смысла и цѣли жизни. Общественная точка зрѣнія объяснила бы ему, что въ тогдашней средѣ русскаго захолустья неоткуда было ему и взять этого свѣта.

Въ „Развязкѣ Ревизора“ Гоголь придалъ своей комедіи еще аллегорическій смыслъ. Городъ, въ который ждуть ревизора — это наша грѣшная душа, которая боится голоса совѣсти. Ревизоръ — это сама совѣсть, „которая заставитъ насъ вдругъ и разомъ взглянуть во всѣ глаза на самихъ себя. Передъ этимъ ревизоромъ ничто не укроется, потому что по Именному Высшему Повелѣнію онъ посланъ“, — говоритъ Гоголь. „Въ нашемъ душевномъ городѣ, продолжаетъ Гоголь, безчинствуютъ страсти, какъ безобразные чиновники, воруя казну собственной души нашей“. Хлестаковъ — это не настоящій ревизоръ, — это продажная „свѣтская совѣсть, которую легко подкупаютъ наши же страсти“. Такъ искусственно — тонко толковалъ свое произведеніе Гоголь въ то время, когда всѣ просмотрѣли его моральныя тенденціи и опредѣляли его комедію, какъ злую сатиру на безотрадную русскую дѣйствительность. Никто не понялъ его наивнаго желанія своей комедіей воздѣйствовать на возрожденіе „чиновничьей совѣсти“, — всѣ увидѣли въ пьесѣ желаніе автора высмѣять слабыя стороны русской правительственной системы. Вотъ почему тѣ, кому были дороги реформы, обновленіе русской жизни, радостно встрѣтили „благородное“ произведеніе Гоголя, — кому выгоденъ былъ старый режимъ, тѣ негодовали... Гоголь-консерваторъ оказался въ рядахъ тѣхъ, кому онъ не сочувствовалъ. Эта странная случайность ставитъ критика въ затруднительное положеніе, — какова же идея пьесы: та ли, которую навязывалъ ей Гоголь, или та, которую усмотрѣли въ пьесѣ его современники? Исторія литературы даетъ неразъ указанія на то, что даже великіе писатели не всегда вѣрно понимали свои творенія. Геній творить часто безсознательно, но его твореніе оказывается настолько содержательнымъ, что люди иногда нѣсколько вѣковъ думаютъ надъ его творчествомъ, каждая эпоха открываетъ въ его произведе-

Аллегорическое значеніе комедіи.

Затруднительное положеніе критика при опредѣленіи идеи комедіи

деніяхъ такія идеи, которыхъ не подозрѣвалъ, быть можетъ, самъ ихъ творецъ. Сервантесъ, творя своего „Донъ-Кихота“, хотѣлъ только высмѣять страсть своихъ современниковъ читать старыя рыцарскіе романы, — и онъ нарисовалъ своего смѣшного Донъ-Кихота, котораго позднѣйшая критика превознесла, какъ одного изъ самыхъ чистыхъ идеальныхъ героевъ, созданныхъ человѣкомъ. Вотъ почему, мнѣніе автора о своемъ произведеніи очень цѣнно, но, главнымъ образомъ, для пониманія авторской души, нѣкоторыхъ особенностей произведенія, — но оно необязательно для критика и историка литературы. Оттого мы, въ концѣ концовъ, оставивъ толкованія Гоголя, должны будемъ признать, что, служа одной идеѣ, онъ безсознательно послужилъ другой. Тогда мы признаемъ за комедіей великое общественное значеніе: она изобличаетъ недостатки тогдашней чиновничьей Россіи, она нападаетъ на весь тогдашній бюрократическій строй, раскрывая всѣ его послѣдствія.

„Темное царство“ въ комедіи.

Герои комедіи.

Захолустный городокъ, въ которомъ развертывается дѣйствіе комедіи, представляетъ собой, въ подномъ смыслѣ слова, „темное царство“. Только „смѣхъ“ Гоголя яркимъ лучомъ прорѣзаетъ тотъ мракъ, въ которомъ пресмыкаются герои комедіи. Все это люди мелкіе, пошлые, ничтожные; ни у одного даже не теплится въ душѣ „искра божія“, — всѣ они живутъ безсознательной, животною жизнью. Гоголь обрисовалъ ихъ и какъ государственныхъ дѣятелей, и какъ людей частныхъ, — въ ихъ семейномъ быту, въ кругу друзей и знакомыхъ. Это не крупные преступники, не злодѣи, а мелкіе плуты, трусливые хищники, которые живутъ вѣчной тревогой, что придетъ день расплаты...

Городничій.

Чиновникъ-хищникъ.

Въ лицѣ городничаго Гоголь вывелъ чиновника, живущаго лихоимствомъ и казнокрадствомъ. Изъ всѣхъ своихъ товарищей-чиновниковъ, тоже живущихъ взятками и вымогательствомъ, онъ — хищникъ самый безпощадный. «Такого городничаго, жалуются купцы Хлестакову, никогда еще государь, не было». Требуя подарковъ для себя и семьи, онъ даже именины свои справляетъ въ годъ дважды. Но онъ не только пользуется обывателями, злоупотребляя традиціонными «порядками» жизни ¹⁾, — онъ обращаетъ и казну, входя въ мошенническія сдѣлки съ подрядчиками, присваивая себѣ деньги, ассигнованныя на постройку церкви. Смягчающимъ его вину обстоятельствомъ является то, что онъ очень смутно понимаетъ безобразіе своего лихоимства и казнокрадства: онъ оправдываетъ себя — 1) наивнымъ восклицаніемъ: «если что я и взялъ, то уже безъ всякой злобы, 2) очень употребительнымъ аргументомъ: «всѣ такъ дѣлаютъ».

¹⁾ Купцы, жалуются Хлестакову, говорятъ, что не прочь дѣлать подношенія городничему; «мы ужъ всегда порядокъ исполняемъ», говорятъ они.

«Нѣтъ человѣка, говорить онъ, который бы за собой не имѣлъ грѣховъ. Это ужъ такъ самимъ Богомъ устроено, — и волтерьянцы напрасно противъ этого говорятъ!»

По отношенію къ обывателямъ онъ проявляетъ безпредѣльное самовластіе и произволъ: отдастъ въ солдаты не того, кого слѣдуетъ, подвергаетъ сѣченію невинныхъ людей.

Его самовластіе.

Необразованный и грубый въ обращеніи (разговоръ съ купцами), онъ въ то же время отличается большой практической сметкой — и это его гордость. Онъ самъ говоритъ, что ни одинъ мошенникъ его провести не могъ, что онъ самъ ихъ «поддѣвалъ на уду». Онъ яснѣе всѣхъ другихъ чиновниковъ понимаетъ положеніе вещей, и когда тѣ, объясняя причины присылки къ нимъ ревизора, заносятся, Богъ знаетъ куда, онъ, какъ человѣкъ практической, говоритъ не о *причинахъ*, а о *грядущихъ последствияхъ*. Онъ лучше всѣхъ другихъ чиновниковъ города умѣетъ обдѣлывать свои дѣлшки, потому что прекрасно понимаетъ душу человѣческую, потому что находчивъ, умѣетъ играть на человѣческихъ слабостяхъ, — вотъ почему онъ долго и безнаказанно лавируетъ среди различныхъ добродѣтельныхъ губернаторовъ и ревизоровъ.

Его практическая сметка.

Его необразованность сказывается не только въ отсутствіи доска въ манерахъ, но выражается еще очевиднѣе въ его суевѣрїи, — онъ очень наивно, по-язычески, понимаетъ свои отношенія къ Богу, считая себя настоящимъ христіаниномъ и человѣкомъ образцовой набожности («я въ вѣрѣ твердъ» — говоритъ онъ), подъ религіей понимая только обрядность, выражающуюся въ посѣщеніи церкви по праздникамъ, въ соблюденіи постовъ. Онъ стоитъ еще на той «двоевѣрной» точкѣ зрѣнія, которая допускаетъ возможность «подкупать» своего Бога жертвоприношеніями въ родѣ пудовой свѣчи ¹⁾.

Его двоевѣріе.

Свѣтлой чертой городничаго надо признать его добродушіе. Считая себя, благодаря сватовству Хлестакова, безконечно выше всѣхъ въ городѣ, онъ не заботится такъ, какъ его пустая супруга, — остается тѣмъ же простымъ человѣкомъ, — грубовато-радушнымъ и просто-гостеприимнымъ.

Добродушіе.

Жена его, глупая и ничтожная женщина, до старости сохранившая манеры молодой кокетки-щеголики, поражаетъ безконечной пустотой своей души. Она помѣшана на «свѣтской жизни», на нарядахъ, — она воображаетъ себѣ, что еще можетъ нравиться мужчинамъ, и соперничаетъ со своей дочерью въ дѣлѣ пріобрѣтенія поклонниковъ и ухаживателей. Живетъ она сплетнями и интригами уѣзднаго города. Женщина легкомысленная, она легко всему вѣритъ. Когда она рѣшила, что переѣдетъ въ Петербургъ и будетъ тамъ играть роль свѣтской львицы, она не скрываетъ своего презрѣнія ко всѣмъ своимъ недавнимъ друзьямъ и знакомымъ. Эта черта, свидѣтельствующая объ ея душевной низости, ставитъ ее еще ниже ея супруга.

Жена городничаго.

Дочь городничаго идетъ по стопамъ матери, — она тоже любитъ наряжаться, тоже любитъ кокетничать, но она еще не испорчена такъ, какъ мать, ложью и пустотой этой провинціальной жизни и не научилась еще такъ лопататься, какъ мать.

Дочь.

¹⁾ «Поставлю такую свѣчу, какой еще никто не ставилъ: на каждого бестію-куцда малому доставить по три пуда воску», — говоритъ онъ.

- Хлестаковъ.** Болѣе сложнымъ является образъ Хлестакова. Это—пустой бездѣльникъ, ничтожный маленькій чиновникъ, весь смыслъ жизни котораго заключается въ томъ, чтобы «пустить кому-нибудь пыль въ глаза»—своими манерами, сигарами, моднымъ костюмомъ, отдѣльными словечками... Онъ хвастается постоянно передъ всѣми и даже передъ самимъ собой. Его ничтожная, бессмысленная жизнь жалка, но онъ этого не замѣчаетъ,— онъ всегда доволенъ собой, всегда счастливъ. Особенно ему помогаетъ забывать неудачи его фантазія, которая легко уноситъ его изъ предѣловъ дѣйствительности. Въ немъ нѣтъ горечи угнетеннаго самолюбія, какъ у Поприщина,—у него есть тщеславіе, и онъ лжетъ съ увлеченіемъ, потому что это лганье помогаетъ ему забыть свою ничтожность. Большое самолюбіе свело Поприщина съ ума, а тщеславіе пустого, легкомысленнаго человѣка до этого не доведетъ. Онъ не воображаетъ себя «испанскимъ королемъ» и потому въ сумасшедшій домъ не попадетъ,—въ лучшемъ случаѣ его поколотятъ за вранье, или посадятъ въ долговое отдѣленіе за долги. Въ Хлестаковѣ Гоголь вывелъ бесполезнаго, ненужнаго человѣка, который даже своими мыслями и языкомъ управлять не можетъ: некор- ный рабъ своей фантазіи, богато надѣленный «необыкновенною легкостью въ мысляхъ», онъ живетъ день за днемъ, не отдавая себѣ отчета, чтѣ и зачѣмъ онъ дѣлаетъ. Вотъ почему онъ можетъ одинаково легко сдѣ- лать зло и добро, и сознательнымъ плутомъ никогда не будетъ: онъ не выдумываетъ никакихъ плановъ, а говоритъ и дѣлаетъ то, чтѣ подка- жетъ ему его легкомысленная фантазія. Оттого онъ можетъ заразъ сдѣлать предложеніе и женѣ городничаго, и дочери, съ полной готовностью на обѣихъ жениться,—можетъ забрать въ долгъ деньги у чиновниковъ, убѣжденный, что имъ отдастъ, можетъ разолгаться до того глушо, что тутъ же и проговаривается, и заговаривается до чепухи.
- Психологиче- ская ошибка чиновниковъ города.** Напуганное воображеніе трусящихся чиновниковъ, ожидавшихъ ревизора, создало изъ этой «сосульки» ожидаемаго ревизора. Психологически эта ошибка вполне понятна—она выражается пословицами: «пуганая ворона и куста боится», «у страха глаза велики». Этоть «испугъ» и «тревога совѣсти» увлекли даже ловкаго и неглупаго плута-городничаго въ роковую для него ошибку.
- Судья.** Другіе чиновники города представляютъ собою мелкія разновидности типа городничаго. Судья—человѣкъ тоже нечистый на руку, чего онъ совершенно искренне самъ не замѣчаетъ ¹⁾,—дѣла не дѣлаетъ, до нелѣ- пости глупъ и, въ то же время, полонъ самомиѣнія только потому, что обладаетъ смѣлостью говорить о вопросахъ религіозныхъ съ такою свободой, что у вѣрующихъ «волосы дыбомъ встають». Но въ вопросахъ практическихъ онъ поражаетъ своею наивностью. Въ лицѣ Земляники Гоголь вывелъ не только казнокрада, но еще мелкаго и подлаго интри- гана, который хочетъ товарищамъ по бѣдѣ подставить ножку.
- Попечитель богоугодныхъ заведеній.** Добчинскій и Бобчинскій—олицетвореніе самой безпросвѣтной пошло- сти. Они дѣломъ никакимъ рѣшительно не занимаются, никакими вопро-

¹⁾ Онъ оправдываетъ себя очень распространеннымъ аргументомъ, указывающимъ на количественную сторону вѣла, „грѣхи грѣхамъ равны!“—говоритъ онъ. Брать вятки борвыми щенками—это пустякъ, по его миѣнію; брать же крупныя вятки—это преступленіе — думаетъ онъ.

сами религиозными, философскими, политическими даже въ той мѣрѣ, которая доступна другимъ дѣйствующимъ лицамъ комедіи, не интересуются, — они собираютъ и разносятъ только маленькія мѣстные билетны, ими питаютъ свое убогое любопытство, ими наполняютъ свою праздную, никому ненужную жизнь...

Въ лицѣ Осипа Гоголь вывелъ типъ стараго крѣпостного слуги, испорченнаго бездѣльемъ лакейской жизни. Онъ вкусилъ плодовъ цивилизаціи петербургской жизни, — научился ѣздить на извозчикахъ бесплатно, благодаря сквознымъ воротамъ; онъ цѣнить «галантерейное обращеніе» столичныхъ мелочныхъ лавокъ и Апраксина двора. Своего легкомысленнаго и пустого барина онъ презираетъ отъ всей своей души, потому что чувствуетъ себя неизмѣримо умнѣ его. Къ сожалѣнію, умъ его исключительно-плутоватый. Если его баринъ мошенничаетъ по наивности, то онъ вполне сознательно.

Осипъ.

Русская комедія до пьесъ Гоголя была псевдоклассической по формѣ и обличительной по идее. Выше ¹⁾ были уже выяснены всѣ формальныя особенности этой комедіи (соблюденіе трехъ „единствъ“, особое стремленіе къ запутанности интриги пьесы, симметрическое дѣленіе дѣйствующихъ лицъ на типы „положительные“ и „отрицательные“, любовная интрига, дидактизмъ). Мы видѣли уже, что даже лучшія пьесы XVIII в. и начала XIX (даже Фонвизина и Грибоѣдова), въ формальномъ отношеніи, точно придерживались псевдоклассическихъ традицій. Только выдающійся талантъ обоихъ названныхъ писателей оживилъ сухое схематическое построеніе пьесъ живымъ изображеніемъ дѣйствительности. Гораздо хуже дѣло обстояло съ писателями, менѣе талантливыми, — дѣйствующія лица ихъ пьесъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, безжизненны, шаблонны, являются односторонними носителями какихъ-нибудь опредѣленныхъ пороковъ (скудость, хитрость, лицемеріе и пр.). Вотъ почему „обличеніе“ въ этихъ пьесахъ не шло дальше критики „общечеловѣческихъ“ пороковъ. Правда, въ комедіяхъ „бытовыхъ“ обличались недостатки русской дѣйствительности (щеголи и щеголихи, французоманія, невѣжество, дворянская спесь, педанство мнимыхъ ученыхъ и пр.), но герои, представители этихъ русскихъ пороковъ, были все такъ же безжизненны, потому что авторы, слѣдуя рецепту псевдоклассицизма ²⁾, рисовали ихъ характеръ только съ одной стороны — со стороны обличаемаго порока. И въ идейномъ отношеніи комедіи Фонвизина и Грибоѣдова представляютъ счастливое исключеніе

Русская
комедія до
Гоголя.

¹⁾ См. во II-ой части моей „Исторіи русской словесности“ главу о псевдоклассической комедіи.

²⁾ См. I-ую часть II-го вып. моей „Исторіи русской словесности“, стр. 192.

въ ряду произведеній XVIII—XIX в. Въ нихъ зло русской жизни (крѣпостное право, злоупотребленія чиновничества) захватывалось глубоко, казнилось сознательно и безпощадно.

Комедіи Гоголя въ формальномъ отношеніи.

Если сравнить комедіи Гоголя съ лучшими образцами русской комической драматургіи XVIII и XIX в., то мы увидимъ, что, въ формальномъ отношеніи, онѣ далеко оставляютъ за собой даже пьесы Фонвизина и Грибоѣдова. И „Женитьба“, и „Ревизоръ“ — первыя русскія реалистическія комедіи, почти свободныя отъ узъ псевдоклассическихъ правилъ ¹⁾. Подобно тому, какъ Пушкинъ далъ въ „Борисѣ Годуновѣ“ первый образецъ драмы въ „шекспировскомъ“ вкусѣ, — Гоголь то же самое сдѣлалъ въ области русской комедіи. Онъ первый у насъ далъ въ обѣихъ своихъ комедіяхъ — пьесы безъ положительныхъ героевъ. Этимъ нарушалась та шаблонная симметрія, которая соблюдается даже Фонвизинимъ и Грибоѣдовымъ; онъ обогатился безъ любовной интриги, которая въ пьесахъ его предшественниковъ обыкновенно связывала идеальнаго героя съ героиней. Онъ первый у насъ ввелъ *массу* въ дѣйствіе комедіи. Въ пьесахъ псевдоклассическихъ все вниманіе устремлялось, главнымъ образомъ, на *одного* героя и героиню, — остальные немногочисленныя дѣйствующія лица оставались въ тѣни, — они нужны были только для того, чтобы подавать реплики главнымъ дѣйствующимъ лицамъ. У Гоголя всѣ дѣйствующія лица, существеннымъ образомъ, вовлечены въ дѣйствіе пьесы.

Отсутствие положительныхъ героевъ.

Отсутствие любовной интриги.

Введеніе массы въ дѣйствіе.

По этому поводу Гоголь говоритъ въ «Театральномъ развѣдѣ» слѣдующее: «Комедія должна вязаться сама собой, всей своей массою, въ одинъ большой, общій узелъ. Завязка должна обнимать всѣ лица, а не одно или два, коснуться того, что волнуетъ, болѣе или менѣе, всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. Тутъ — всякій герой; теченіе и ходъ пьесы производятъ потрясеніе всей машины».

И, дѣйствительно, въ обѣихъ своихъ пьесахъ Гоголю удалось такъ завязать интригу, что въ развертываньи ея должны были принять участіе *многія* дѣйствующія лица. Наконецъ, подобно Шекспиру и Пушкину, Гоголь въ своихъ пьесахъ далъ комедіи „характеровъ“, — т. е. нарисовалъ живыхъ людей, со всѣми своеобразностями ихъ сложныхъ характеровъ. Псевдоклассики въ своихъ комедіяхъ, слѣдуя примѣру древнихъ коми-

Комедія „характеровъ“.

¹⁾ Въ обѣихъ пьесахъ соблюдено только единство времени: дѣйствіе пьесы совершается въ одинъ день.

ковъ, выдвигали готовые „типы“, дѣлая ихъ носителями опредѣленныхъ страстей ¹⁾).

Но если, въ „формальномъ“ отношеніи, обѣ комедіи Гоголя были „новымъ“ и очень смѣлымъ словомъ, то, въ „идейномъ“ отношеніи, даже „Ревизоръ“ стоитъ гораздо ниже многихъ предшествовавшихъ русскихъ пьесъ. Не только въ комедіяхъ Фонвизина, Грибоѣдова, но даже въ произведеніяхъ менѣе выдающихся, — напр. въ „Ябедѣ“ Капниста, встрѣтимъ мы больше сознательнаго отношенія къ русской жизни, больше смѣлости въ ея обличеніи, глубины и ширины въ ея пониманіи.

Комедія Гоголя въ идейномъ отношеніи.

Лучше всего выясняются размѣры реформы, произведенной Гоголемъ въ области русской драматургіи изъ сравненія съ современными ему пьесами Хмельницкаго, кн. Шаховскаго, Загоскина и, особенно, Квитки-Основьяненко. Произведенія ихъ — пустыя фарсы, карикатурно разыгрывающіе анекдоты изъ какой-то интернаціональной жизни съ героями, типическія черты которыхъ давно всѣмъ извѣстны. Если въ этихъ комедіяхъ авторы брались за изображеніе русской жизни, они скользили, обыкновенно, по поверхности этой жизни, не заглядывая въ глубь ея.

Сравненіе комедій Гоголя съ современными ей пьесами.

Изъ названныхъ драматурговъ особенное значеніе для исторіи «Ревизора» имѣетъ Квитка-Основьяненко; среди его пьесъ есть одна, несомнѣнно, большое значеніе имѣвшая для «Ревизора». Эта пьеса называется: «Пріѣзжій изъ столицы, или суматоха въ уѣздномъ городѣ», — пьеса, по содержанию своему, очень близкая къ «Ревизору».

„Пріѣзжій изъ столицы“, комедія Основьяненко, и значеніе этой пьесы для „Ревизора“.

Самъ Гоголь говорилъ, что сюжетъ «Ревизора» уступленъ ему Пушкинымъ, который передалъ ему рассказъ о дѣйствительномъ случаѣ, имѣвшемъ мѣсто въ одномъ изъ русскихъ городовъ ²⁾. Но содержаніе комедіи Квитки доказываетъ, что если у Пушкина Гоголь и позаимствовался «идеей», то многія детали онъ взялъ у Квитки, по своему разработавъ заимствованное. Содержаніе названной пьесы Квитки состоитъ въ слѣдующемъ.

Городничій уѣзднаго города Трусилкинъ получаетъ извѣстіе, что черезъ городъ поѣдетъ одна важная особа. Всѣ въ городѣ и семья городничаго, и знакомые, и чиновники, встревожены этимъ извѣстіемъ, такъ какъ предполагаютъ въ ожидаемой «особѣ» — ревизора. Дамы городскія, со своей женской точки зрѣнія, интересуются будущимъ «гостемъ изъ столицы». Особенно взволнована сестра городничаго, старая дѣва сорока лѣтъ, и жена одного чиновника, разбитная и глупая дама, мать дочери-вертушки, Ейжени (по-русски «Евгаша»), получившей воспитаніе въ трехъ французскихъ пансіонахъ.

Содержаніе.

¹⁾ Напр. въ древней комедіи: „Хвастливый воинъ“, „Паразитъ“, „Матрона“ и пр. въ псевдоклассической „Петиметръ“, „Субретка“, „Лицемеръ“, „Хвастунъ“. Самое названіе ролей, до сихъ поръ удержавшееся въ театрѣ („первый любовникъ“, „комическая старуха“, „ревоперъ“, „ingénue“, „благородный отецъ“ и пр.) — наслѣдіе псевдоклассической эпохи.

²⁾ Въ г. Устюжну пріѣхалъ какой-то авантюристъ, выдалъ себя за ревизора и обобралъ чиновниковъ.

Чиновники опасаются воображаемаго ревизора и, каждый по своему, толкуют объ его прїѣздѣ. Изъ чиновниковъ въ пьесѣ большую роль играютъ Спалкинъ, уѣздный судья, Печаталинъ, почтовый экспедиторъ, и Ученосвѣтовъ, смотритель училищъ. Въ ожиданїи «ревизора», перетрусившій городничїй принимаетъ рядъ экстренныхъ мѣръ: приказываетъ снять заборы на нижней улицѣ, положить доски тамъ, гдѣ проѣдетъ «особа», сажей подмазать на улицѣ фонари, и, наконецъ, чтобы не произошло пожара во время пребыванїя «ревизора», запечатать печи въ домахъ у бѣдныхъ, и пр. Приставъ предлагаетъ набрать кое-кого и посадить въ острогъ, такъ какъ тамъ арестантовъ очень мало. Прїѣзжаетъ незначительный чиновникъ Пустолобовъ, который сознательно плутуетъ, выдавая себя за «особу», — на самомъ дѣлѣ, ему хочется жениться на богатой невѣстѣ, и онъ, пользуясь растерянностью городничаго и чиновниковъ, совершаетъ рядъ очень хитро и искусно-сочиненныхъ мошенничествъ, по ошибкѣ вѣнчается на старой дѣвѣ сестрѣ городничаго, но дальше заставы не уѣзжаетъ. Его обманъ раскрывается. Его задерживаютъ, отнимаютъ деньги. Комизмъ пьесы очень неглубокъ, и психологїя дѣйствующихъ лицъ авторомъ слабо разработана. Кромя того, есть тутъ и неизбѣжный «идеальный любовникъ», — майоръ Миловъ и «добродѣтельная дѣвица» его любящая — племянница городничаго. Сличеніе этой пьесы съ «Ревизоромъ» доказываетъ, что Гоголь взялъ отсюда нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ, взялъ нѣсколько сценъ, — но все это разработалъ совершенно самостоятельно.

Отношенїе
русской
критики къ
«Ревизору»
Вулгаринъ.

Критика отнеслась къ «Ревизору» очень разнообразно: противъ комедїи высказаны были обвиненїя, — ей пропѣты были и дифирамбы. Вулгаринъ разругалъ пьесу, назвавъ ее не комедїей, а «фарсомъ», давъ автору совѣтъ «почувиться драматическому искусству», такъ какъ онъ не имѣетъ достаточныхъ для драматурга знанїй. Критикъ находилъ въ пьесѣ «много цинизма и грязныхъ двусмысленностей»; онъ говорилъ, что «Ревизоръ» — клевета на русскую жизнь: «Ревизоръ» производитъ непрїятное впечатлѣнїе, говорилъ онъ, — не слышишь ни одного умнаго слова, не видишь ни одной благородной черты сердца человѣческаго. Еслибъ зло перемѣшано было съ добромъ, то, послѣ справедливаго негодованїя, сердце зрителя могло бы, по крайней мѣрѣ, освѣжиться, а въ Ревизорѣ нѣтъ ни пицци ни уму, ни сердцу, нѣтъ ни мыслей, ни ощущенїй!» Сенковскїй тоже называлъ комедїю Гоголя «непристойнымъ фарсомъ», въ которомъ нѣтъ идеи, нѣтъ правды общества. Онъ говорилъ, что злоупотребленїя бывають въ цѣломъ мїрѣ и изъ злоупотребленїй нельзя писать комедїй, потому что это не нравы народа, не характеристика общества, но преступленїя отдѣльныхъ лицъ. Упрекалъ Сенковскїй Гоголя и за отсутствїе любовной интриги.

Сенковскїй.

Оба эти отзыва раздались изъ «консервативной» журналистики, — оба критика стояли на старой псевдоклассической точкѣ зрѣнїя.

Кн. Вяземскїй
о «Ревизорѣ».

Многіе критики выступили въ защиту «Ревизора». Кн. Вяземскїй въ очень умной статьѣ превознесъ комедїю Гоголя, поставилъ ее наряду съ «Недорослемъ» и «Горемъ отъ ума». Критикъ разбиваетъ старое псевдоклассическое дѣленїе явленїй природы на «низкія», недопустимыя искусство, — и «возвышенныя». «Для художника, говоритъ Вяземскїй, нѣтъ въ природѣ низаго, а есть только истинное». Гоголю онъ превознесъ,

как художника-реалиста. Защищает он пьесу Гоголя и противъ тѣхъ критиковъ, которые нападали на нее за отсутствие морали, отсутствие положительныхъ типовъ. «Литература не для малолѣтнихъ», говорилъ онъ, и авторъ былъ правъ, что нарисовалъ лица въ томъ видѣ, съ тѣми оттѣнками свѣта и безобразиями, какими они представлялись его взору. Пусть безнравственны лица—нравственно само впечатлѣніе, произведенное комедіей—и въ этомъ ея общественный смыслъ. Но надо быть справедливымъ и не преувеличивать самой безнравственности героевъ комедіи. Зачѣмъ клепать на нихъ,—они болѣе смѣшны, нежели гнусны: въ нихъ болѣе невѣжества, необразованности, нежели порочности... Говорятъ, что въ комедіи Гоголя не видно ни одного умнаго человѣка; неправда. Умень авторъ. Говорятъ, что въ комедіи Гоголя не видно ни одного честнаго и благомыслящаго лица,—неправда—честное и благомыслящее лицо есть правительство, которое, силою закона поражая злоупотребленія, позволяетъ и таланту исправлять ихъ оружіемъ насмѣшки». Съ большимъ сочувствіемъ отнесся къ комедіи журналъ Надеждина. Гоголя здѣсь похвалили за «умѣніе схватывать черты характеровъ»; его превознесли за то, что пьеса его отличается «народностью»: «театръ нашъ скоро воскреснетъ», говорилъ критикъ,—«скажемъ больше, что мы скоро будемъ имѣть нашъ національный театръ, который будетъ насъ угощать не насильственными кривляньями на чужой манеръ, не заемнымъ остроуміемъ, не уродливыми передѣлками, а художественнымъ представленіемъ нашей общественной жизни». Критикъ указывалъ, что успѣхъ пьесы объясняется не только тѣмъ, что она «смѣшна»,—«талантъ автора и современность произведенія»—вотъ, по его словамъ, главные причины успѣха. «Да, она смѣшна, продолжаетъ авторъ, такъ сказать,—снаружи; но внутри—это горе-горевашце, лыкомъ подпоясано, мочалами испутано».

Надеждинъ.

Въ 1840-омъ году отозвался о «Ревизорѣ» и Бѣлинскій. Онъ оцѣнилъ пьесу съ эстетической точки зрѣнія, признавъ, что строеніе, композиція пьесы образцовыя, что «Ревизоръ» — единственная русская комедія, которая вполне удовлетворяетъ требованьямъ художественности. Критикъ ставилъ Гоголя выше Мольера, «для котораго поэзія никогда не была сама по себѣ цѣль, но средство исправлять общество осмѣяніемъ пороковъ». «Комедія, говорилъ Бѣлинскій, должна представлять собой особый, замкнутый въ самомъ себѣ міръ, т. е. должна имѣть единство дѣйствія, выходящее не изъ вѣншей формы, но изъ идеи, лежащей въ ея основаніи».

Бѣлинскій
о «Ревизорѣ».

Всѣ эти «похвалы» и «обвиненія», очевидно, не удовлетворяли Гоголя: онъ видѣлъ, что и хвалить его, и бранить многіе потому, что не понимаютъ тѣхъ цѣлей, которыя преслѣдовалъ онъ самъ, сочиняя свое произведеніе. Желая выяснить истинный смыслъ его, Гоголь написалъ нѣсколько разъясненій «Ревизора»: «Развязка Ревизора», «Дополненіе къ «Развязкѣ Ревизора», «Театральный развѣздъ послѣ представленія новой комедіи».

Гоголь
о «Ревизорѣ».

Въ первомъ очеркѣ Гоголь постарался выяснить истинный смыслъ комедіи, раскрывъ ту аллегорію, которую она, яко бы, собою представляетъ. Выше (стр. 131) было пересказано это толкованіе и отмѣчена была его искусственность, даже фальшь, дѣлающая мнѣніе Гоголя объ его пьесѣ для

«Развязка Ревизора».

„Театральный
развѣдъ“.

насть необязательнымъ. Въ «Театральномъ развѣдѣ» Гоголь отвѣчаетъ своимъ критикамъ, разбирая ихъ обвиненія, отчасти похвалы. Мы видѣли уже, что обвиненія противъ пьесы сводились къ слѣдующему: 1) пьеса не комедія, а фарсъ; 2) построена она не по правиламъ: нѣтъ завязки и развязки, 3) нѣтъ добродѣтельныхъ героевъ. 4) комедія есть насмѣшка надъ Россіей,—она опасна въ политическомъ отношеніи, такъ какъ она подрываетъ «основы» русской жизни. Эти обвиненія высказываются зрителями, которые, спускаясь послѣ окончанія представленія по театральной лѣстницѣ, дѣлятся впечатлѣніями, вынесенными изъ театра. На всѣ обвиненія, тутъ же изъ толпы слышатся и отвѣты, оправдывающіе автора и его произведение. Одинъ изъ зрителей говоритъ о правильности построенія пьесы, о великомъ общественномъ значеніи серьезнаго комическаго сочиненія. Другой зритель опровергаетъ мнѣніе, будто комедія опасна въ политическомъ отношеніи, ссылаясь на слова одного мужичка; сказавшаго по поводу комедіи: «небось прытки были воеводы, а всѣ побѣдѣли—какъ пришла царская расправа». Изъ этого восклицанія онъ выводитъ заключеніе, что «основъ» государственной жизни пьеса не затрагиваетъ,—теряется уваженіе только къ порочнымъ слугамъ государства. Тотъ же зритель говоритъ о великомъ нравственномъ значеніи комедіи, приглашая слушателей внимательнѣе заглянуть въ свои сердца,—поискать тамъ тѣхъ чувствъ и мыслей, которыя высѣяны авторомъ въ его комедіи. Въ концѣ концовъ, въ уста «автора» Гоголь влагаетъ свои мысли о великомъ очищающемъ значеніи «смѣха». Онъ указываетъ, какая громадная духовная сила сокрыта въ смѣхѣ—его боятся всѣ,—даже тѣ, «кто уже ничего не боится на свѣтѣ». Серьезный смѣхъ не есть пустозвонство. «Онъ углубляетъ предметъ, заставляя выступить ярко то, что проскользнуло бы, безъ проникающей силы, котораго мелочь и пустота жизни не испугали бы такъ человѣка; ничтожное и презрѣнное, мимо чего человѣкъ проходитъ равнодушно всякій день»—проясняется и дѣлается понятнымъ, благодаря указанію писателя-юмориста. Его и задача поэтому сводится къ тому, чтобы поучать отрицательными образами, подчеркивая и отдавая на смѣхъ безобразіе зла. Осмѣивая зло, онъ, тѣмъ самымъ, возвышаетъ идеалъ добра. Вотъ почему юмористъ—не герой, не балаганный шутъ-зубоскаль, а врачъ, который врачуетъ человѣческіе недуги, скорбя въ то же время надъ надшимъ человекомъ. «Въ глубинѣ холоднаго смѣха, говоритъ «авторъ», могутъ отыскаться горячія искры вѣчной, могучей любви, и кто льетъ часто душевные, глубокія слезы,—тотъ, кажется, болѣе всѣхъ смѣется на свѣтѣ».

Гоголь о
„смѣхѣ“.

Историко-
литературное
значеніе
„Ревизора“.

Комедія „Ревизоръ“ имѣетъ большое значеніе не только художественное и общественное (вопреки желанію автора), но и историко-литературное. Гоголь, благодаря своимъ комедіямъ, сталъ во главѣ новой школы драматурговъ-реалистовъ, которые навсегда освободились отъ узъ псевдоклассицизма и взялись за правдивое изображеніе русской жизни. Гоголь создалъ „національный“ русский театръ и, подъ его вліяніемъ, создалась цѣлая школа писателей, среди которыхъ самое видное мѣсто занимаетъ Островскій. Какъ въ „Женитьбѣ“, такъ и въ „Ревизорѣ“ Гоголь далъ нѣсколько

удачныхъ портретовъ изъ русской дѣйствительности, — и въ произведеніяхъ Гончарова, Тургенева, Островскаго, Потѣхина, Сухово-Кобылина и мн. др. мы встрѣтимъ не разъ развитіе, усложненіе тѣхъ русскихъ образовъ, которые впервые найдены и художественно отмѣчены еще Гоголемъ.

Изъ повѣстей Гоголя послѣдняго періода, написанныхъ въ Италіи, особенно цѣнны двѣ: „Шинель“ и „Мертвыя Души“.

Основная идея повѣсти „Шинель“ очень возвышенна. Положительно можно сказать, что это маленькое произведеніе, по глубинѣ идеи, стоитъ выше всего написаннаго Гоголемъ. Въ этой повѣсти онъ не избочиваетъ никого, — онъ выступаетъ съ евангельской проповѣдью любви къ ближнимъ; онъ въ образѣ героя рисуетъ „нищаго духомъ“, человѣка „маленькаго“, „ничтожнаго“, мало-замѣтнаго и утверждаетъ, что это существо достойно и человѣческой любви и даже уваженія. Трудно было доказать такую „смѣлую“ идею въ то время, когда средняя публика находилась еще подъ вліяніемъ эффектныхъ героевъ Марлинскаго и его подражателей, — и тѣмъ болѣе чести Гоголю, что онъ рѣшился сказать свое слово въ защиту героя „униженнаго и оскорбленнаго“, не побоявшись даже поставить его на пьедесталь.

Акакій Акакіевичъ Башмачкинъ — маленький чиновникъ, обиженный судьбою и людьми, не надѣленный никакими способностями, кромѣ умѣнія красиво переписывать бумаги, представленъ человѣкомъ, который не только добросовѣстно, но даже съ любовью занимается своимъ дѣломъ. Это дѣло, переписыванье бумагъ, — весь смыслъ и единственная радость его одинокой, полуголодной жизни, — ни о чемъ другомъ онъ не мечтаетъ, ни къ чему не стремится и ни на что другое онъ не способенъ. Когда ему, въ видѣ повышенія, дали самостоятельную работу, онъ оказался не въ состояніи ея исполнить и просилъ оставить его при перепискѣ. Это сознаніе своего духовнаго безсилія подкупаетъ зрителя, располагаетъ его сразу въ пользу скромнаго Башмачкина.

Но Гоголь въ своей повѣсти требуетъ уваженія къ этому человѣку, которому, говоря словами евангельской притчи, былъ данъ «одинъ талантъ», и этотъ «талантъ» не былъ имъ зарытъ въ землю. Башмачкинъ, по мнѣнію Гоголя, стоитъ выше даровитыхъ чиновниковъ, занимающихъ видныя мѣста, но небрежно отправляющихъ свои обязанности.

Но не только уваженія къ Башмачкину, какъ къ скромному и честному работнику, требуетъ Гоголь въ своей повѣсти, — онъ требуетъ любви къ нему, какъ къ «человѣку». Въ этомъ высокая моральная идея произведенія.

Не надѣясь на то, что современные читатели въ состояніи будутъ сами разобраться въ этомъ произведеніи и понять „идею“ Гоголя, онъ, Гоголь самъ раскрываетъ ее, изображая состояніе души

Повѣсти послѣдняго періода: „Шинель“.

Основная идея повѣсти „Шинель“.

Характеристика героя повѣсти.

одного чуткаго юноши, который понялъ благодаря встрѣчѣ съ Вашмачкинымъ великое чувство христіанской любви къ ближнимъ. Эгоистическая и легкомысленная молодежь, въ чиновничьихъ вицъ-мундирахъ, любила потѣшаться надъ смѣшнымъ и безотвѣтнымъ старикомъ, — онъ покорно все переносилъ, лишь изрѣдка жалкимъ голосомъ повторяя: „Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?“ И Гоголь продолжаетъ:

«И что-то странное заключалось въ словахъ и голосѣ, съ какими они были произнесены. Въ немъ слышалось что-то такое, преклоняющее на жалость, что одинъ молодой человѣкъ, который, по призыву другихъ, позволилъ-было себѣ посмѣяться надъ нимъ, вдругъ остановился, какъ будто пронзенный, и съ тѣхъ поръ, какъ будто, все переѣнилось передъ нимъ и показалось въ другомъ видѣ. Какая-то неестественная сила оттолкнула его отъ товарищей, съ которыми онъ познакомился, принявъ ихъ за приличныхъ, свѣтскихъ людей. И долго потомъ, среди самыхъ веселыхъ минутъ, представлялся ему низенькій чиновникъ, съ лысиною на лбу, съ своими проникающими словами: «Оставьте меня! Зачѣмъ вы меня обижаете?» И въ этихъ проникающихъ словахъ звенѣли другія слова: «Я—братъ твой!» И закрывалъ себя рукою бѣдный молодой человѣкъ и много разъ содрогался онъ потомъ на вѣку своею, видя, какъ много въ человѣкѣ безчеловѣчья, какъ много скрыто свирѣпой грубости въ утонченной, образованной свѣтскости—и, Боже! даже въ томъ человѣкѣ, котораго свѣтъ признаетъ благороднымъ и честнымъ!»

Вашмачкинъ жилъ незамѣтнымъ и умеръ такимъ же невѣдомымъ, забытымъ... Его жизнь не обильна впечатлѣніями, вотъ почему самыми крупными событіями въ ней было ужаснувшее его сознаніе, что надо купить новую шинель, радостныя мечты объ этой шинели, восторгъ его, когда шинель была у него на плечахъ, и, наконецъ, мученія его, когда эта шинель была у него украдена и когда найти ее оказалось невозможнымъ... Всѣ эти разнообразныя чувства, связанныя съ шинелью, ураганомъ ворвались въ его существованіе и смяли его въ короткое время! Вашмачкинъ умеръ отъ такой же ничтожной причины, какъ старосвѣтскіе помѣщики, и произошло это по той же причинѣ: слишкомъ безсодержательна была его жизнь, и оттого до гигантскихъ размѣровъ выросла въ этой пустой жизни всякая случайность. Что для другого человѣка, живущаго полной жизнью было бы неприятнымъ, но побочнымъ обстоятельствомъ, то для Вашмачкина сдѣлалось единственнымъ содержаниемъ жизни.

Художественная цѣнность повѣсти.

Въ художественномъ отношеніи, произведеніе это стоитъ очень высоко. Авторъ задалъ себѣ трудную задачу, — окружить сочувствіемъ читателя ничтожный и смѣшной образъ Вашмачкина, не впадая въ карикатурность и слащавую сентиментальность. Какъ тонко и трогательно изобразилъ Гоголь маленькую, „муравьиную“ душу своего героя, видно, хотя бы, изъ разсказа о тѣхъ мысляхъ

и чувствахъ, которыя овладѣли имъ, когда онъ примирился, наконецъ, съ мыслью о необходимости купить новую шинель. У него не хватало сорока рублей—

«Акакій Акакіевичъ думаль-думаль и рѣшилъ, что нужно будетъ уменьшить обыкновенныя издержки, хотя бы, по крайней мѣрѣ, въ продолженіе одного года: изгнать употребленіе чая по вечерамъ и не зажигать по вечерамъ свѣчи, а, если что понадобится дѣлать, идти въ комнату къ хозяйкѣ и работать при ея свѣчкѣ; ходя по улицамъ, ступать, какъ можно легче и осторожнѣе по камнямъ и плитамъ почти на цыпочкахъ, чтобы, такимъ образомъ, не истереть скоровременно подметокъ; какъ можно рѣже отдавать прачкѣ мыть бѣлье, а чтобы не занасивалось, то всякій разъ, приходя домой, скидать его и оставаться въ одномъ только демикотоновомъ халатѣ,—очень давнемъ и щадимомъ даже самимъ временемъ.

Надобно сказать правду, что сначала ему было нѣсколько трудно привыкать къ такимъ ограниченіямъ, но потомъ какъ-то привыкло и пошло на ладъ,—даже онъ совершенно пріучился голодать по вечерамъ; но зато онъ питался духовно,нося въ мысляхъ своихъ вѣчную идею будущей шинели. Съ этихъ поръ, какъ будто, самое существованіе его сдѣлалось какъ-то полнѣе, какъ будто онъ женился, какъ будто какой-то другой человѣкъ присутствовалъ съ нимъ,—какъ будто, онъ былъ не одинъ, а какая-то приятная подруга жизни согласилась съ нимъ проходить вмѣстѣ жизненную дорожку,—и подруга эта была не кто другая, какъ та же шинель, на толстой ватѣ, на крѣпкой подкладкѣ безъ износу... Онъ сдѣлался какъ-то живѣе, даже тверже характеромъ, какъ человѣкъ, который уже опредѣлил и поставилъ себѣ цѣль. Съ лица и съ поступковъ его исчезло само собою сомнѣніе, нерѣшительность, словомъ—всѣ колеблющіяся и неопредѣленныя черты... Огонь порой показывался въ глазахъ его, въ головѣ даже мелькали самыя дерзкія и отважныя мысли: «не положить ли, точно, куницу на воротникъ!»

Такъ, балансируя между насмѣшкой и сожалѣніемъ, смѣхомъ и слезами, Гоголь тонко рисуетъ этотъ образъ, въ которомъ заразъ мы чувствуемъ сатиру и элегію.

Изъ приведеннаго обрывка мы узнаемъ о томъ, что маленькій ничтожный Акакій Акакіевичъ былъ надѣленъ такой силой воли, которой, быть можетъ, не сыскать у многихъ людей съ характеромъ. Изъ этого же обрывка мы узнаемъ, что существо человѣка, даже стоящаго на самой низкой ступени умственной развитія, доступно стремленіямъ къ «идеалу». Этотъ идеаломъ въ жизни Башмачкина была хорошая ватная шинель. Мечта о шинели освѣтила его жизнь, показала ему цѣль въ жизни—накопить денегъ для ея покупки. Эта мечта даже облагородила его, поднявъ его въ собственныхъ глазахъ...

Кромѣ Башмачкина, Гоголь вывелъ въ этой повѣсти чиновниковъ, находящихся на различныхъ ступеняхъ чиновничьей іерархіи. Легкомысленные молодые чиновники, между которыми есть и богачи, и знатные—это толпа, въ которой авторъ воплотилъ тотъ эгоизмъ, ту «свирѣпую грубость», которой, по его словамъ, онъ много видѣлъ въ самой утонченной,

Другія дѣя-
ствующія ас-
въ повѣсти

образованной свѣтскости. Въ «значительномъ лицѣ» повѣсти Гоголь вывелъ человѣка добродушнаго, но тщеславнаго и пустого; генеральскій чинъ ему вскружилъ голову,—къ своимъ подчиненнымъ и вообще людямъ, ниже его стоящимъ по службѣ, онъ считаетъ необходимымъ относиться «строго, распекаетъ ихъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ». И вотъ, человѣкъ добрый въ душѣ, одурманенный тщеславіемъ, онъ совершаетъ поступки, въ которыхъ тоже оказывается много самой «свирѣпой грубости». «Человѣческія», гуманныя отношенія къ людямъ вычеркнуты изъ программы его дѣйствій, — онъ не желаетъ унижать свое званіе внимательнымъ отношеніемъ къ людямъ, низшимъ по своему положенію!

Литературная
исторія
повѣсти.

Литературная исторія повѣсти выяснена историками литературы. Въ основѣ ея лежитъ дѣйствительный случай, происшедшій съ однимъ маленькимъ чиновникомъ, который долго конилъ деньги, чтобы купить ружье. Добившись, наконецъ, того, чего желалъ, онъ отправился на охоту и нечаянно уронилъ ружье въ рѣку и не могъ его достать. Съ гора онъ чуть не умеръ и спасли его товарищи, въ складчину купившіе ему новое ружье. Но, кромѣ этого случая, давашаго для повѣсти сюжетъ, нельзя не отмѣтить и то обстоятельство, что повѣсть Гоголя органически связана съ русскимъ романомъ XVIII и начала XIX в.

Предшествен-
ники Гоголя въ
изображеніи
маленькихъ
людей.

Среди произведеній Чулкова мы указали уже выше на повѣсть «Горькая участь», въ которой выведенъ чиновникъ—прообразъ Вашмачкина. То же ничтожное мелкое существованіе героя, то же сочувственное, гуманное отношеніе къ нему автора. Сентиментализмъ принесъ съ собой проповѣдь любви къ людямъ «малымъ»,—и, вотъ, Карамзинъ сдѣлалъ, въ своей «Бѣдной Лизѣ» великое открытіе: «и крестьянки чувствовать умѣютъ»; за его «Флоромъ Силинымъ, добродѣтельнымъ крестьяниномъ», въ нашей литературѣ излюбленными сдѣлались образы разныхъ маленькихъ людей, въ сердцахъ которыхъ авторы раскрывали высокія чувства любви къ людямъ, къ родитѣ, къ своему долгу. Пушкинъ въ Машѣ Мирновой и ея родителяхъ раскрылъ въ сердцахъ простоватыхъ русскихъ людей цѣлый міръ возвышенныхъ чувствъ. Словомъ, это гуманное, благородное вниманіе къ тѣмъ людямъ, мимо которыхъ равнодушно проходитъ толпа, сдѣлалось традиціей русской литературы, и повѣсть Гоголя поэтому органически связана со всей предшествующей литературой. Гоголь сказалъ «новое слово» въ этой повѣсти только въ томъ отношеніи, что онъ въ «смѣшномъ», «жалкомъ» нашелъ возвышенное и сужѣлъ свою идею воплотить такъ художественно, какъ это не удалось его предшественнику въ XVIII в.—Чулкову.

Значеніе
повѣсти для
последующей
русской
литературы.

Повѣсть Гоголя имѣетъ большое значеніе и для послѣдующей русской литературы. „Мы всѣ явились изъ-подъ „Шинели“ Гоголя!“ сказалъ Достоевскій—и, дѣйствительно, многія повѣсти его, — повѣсти, самыя гуманныя по настроенію, отзываются вліяніемъ Гоголя. Всѣ первыя произведенія Достоевскаго („Бѣдные люди“, „Униженные и оскорбленные“), — все это развитіе гуманныхъ идей Гоголя, воплощенныхъ въ его „Шинели“. Иностранная критика отмѣчаетъ, что одной изъ самыхъ характерныхъ чертъ

русской литературы надо признать тенденцію проповѣдывать страданіе къ падшему брату, или вообще къ несчастному, обиженному судьбой и людьми. Дѣйствительно, это наша литературная традиція, и въ исторіи ея укрѣпленія и развитія самое видное мѣсто занимаетъ Гоголь, съ его трогательною повѣстью „Шинель“.

Опредѣлить основную идею поэмы „Мертвыя Души“ не совсѣмъ просто. Объясняется это, прежде всего, тѣмъ, что мы имѣемъ лишь небольшую часть этого произведенія, — лишь *первую* часть, да отдѣльные разрозненные куски *второй*. Такимъ образомъ, судить обо *всехъ* произведеніи мы не имѣемъ возможности. А затѣмъ положеніе критика затрудняется тѣмъ, что въ его распоряженіи есть толкованія, которыя далъ своему произведенію самъ авторъ, и общанія, которыя онъ хотѣлъ выполнить при окончаніи поэмы, но не успѣлъ. По собственному признанію Гоголя, онъ самъ сначала писалъ безъ всякихъ серьезныхъ цѣлей. Пушкинъ далъ ему сюжетъ, благодарный для его таланта; Гоголь увлекся комизмомъ тѣхъ положеній, которыя легко влетались въ этотъ сюжетъ, — и сталъ писать „карикатуру,“ „не опредѣливши себѣ обстоятельнаго плана, не давши себѣ отчета, что такое долженъ быть самъ герой. Я думалъ просто, говорить Гоголь, что смѣшной проектъ, исполненіемъ котораго занять Чичиковъ, наведетъ меня на разнообразныя лица и характеры“. Это свободное, чисто-художественное творчество и помогло Гоголю создать лучшія страницы первой части — тѣ страницы, которыя вызвали у Пушкина восклицаніе: „Господи! какъ грустна Русь“. Восклицаніе это поразило Гоголя — онъ увидалъ, что изъ „шалости“ его пера, изъ его шутивлаго, несерьезнаго, произведенія можетъ выйти нѣчто крупное. И вотъ, поощренный Пушкинымъ, онъ задумалъ въ своемъ произведеніи показать „съ одного боку Россію“, т. е. полнѣе, чѣмъ въ „Ревизорѣ“¹⁾, изобразить отрицательныя стороны русской жизни.

Чѣмъ болѣе углублялся Гоголь въ свое произведеніе, — тѣмъ слабѣе дѣлалось вліяніе Пушкина; чѣмъ самостоятельнѣе дѣлалось отношеніе Гоголя къ его работѣ, — тѣмъ сложнѣе, искусственинѣе, тенденціознѣе дѣлались его замыслы. Прежде всего, онъ задумалъ расширить предѣлы изображаемаго, — захотѣлъ показать Россію уже не „съ одного бока“, а всю цѣликомъ — зло и добро,

Основная идея „Мертвыхъ Душъ“ — а) съ точки зрѣнія Гоголя.

¹⁾ Тамъ представленъ былъ, по мнѣнію Гоголя, „уголокъ“ Россіи, — здѣсь вся Россія, хотя и „съ одного бока“.

въ ея жизни заключенное; потомъ онъ сталъ думать о „планѣ“ для своего уже начатаго произведенія, — онъ задавалъ себѣ „тревожные вопросы о „цѣли“ и „смыслѣ“ своего труда. И тогда поэма, въ его воображеніи, разрослась въ три части. Вѣроятно, позднѣе онъ усмотрѣлъ въ ней тотъ аллегорическій смыслъ, о которомъ было уже сказано выше ¹⁾. Три части „Мертвыхъ Душъ“ должны были, въ законченномъ видѣ, соответствовать тремъ частямъ дантовской „Божественной Комедіи“: первая часть, посвященная изображенію только зла — должна была соответствовать „Аду“; вторая часть, гдѣ зло не было такъ отвратительно, гдѣ начинается просвѣтъ въ душѣ героя, гдѣ выводятся уже нѣкоторые положительные типы — отвѣчала бы „Чистилищу“, — и, наконецъ, въ заключительной третьей части, Гоголь хотѣлъ представить въ апоѳеозѣ все то добро, которое заключалось въ душѣ „русскаго человѣка“, — эта часть должна была соответствовать „Раю“. Такимъ образомъ, явилось то искусственное громоздкое настроеніе, та хитрая систематизація матеріала, съ которымъ не справился Гоголь.

Но, вромѣ этой надуманности композиціи, еще моральная тенденція помѣшала Гоголю свободно творить. Все выраставшія заботы о своемъ „душевномъ дѣлѣ“, объ очищеніи своего сердца, пагубнымъ образомъ отразились на его творчествѣ. И вотъ, его поэма понемногу обратилась въ какую-то „сточную трубу“, куда онъ сливалъ свои воображаемые и дѣйствительные „пороки“ ²⁾. „Герои мои потому близки душѣ, говоритъ онъ, что они изъ души, — всѣ мои послѣднія сочиненія — исторія моей собственной души“. Онъ самъ сознавался, что, когда въ немъ усиливалось желаніе избавиться отъ разныхъ душевныхъ пороковъ, онъ „сталъ надѣлать своихъ героевъ, сверхъ ихъ собственныхъ „гадостей“ — своими собственными. И, по его словамъ, это помогло ему самому сдѣлаться лучше...

Итакъ, самъ Гоголь даетъ намъ три толкованія своей поэмы — 1) начало ея (первая часть) — безхитростное изображеніе своеобразныхъ лицъ и характеровъ, взятыхъ изъ русской жизни. Характерная черта, объединяющая почти всѣхъ героевъ первой части — безотрадная пошлость, полная бессознательность жизни, непониманіе ея цѣлей и смысла: съ „этого боку“ представилъ онъ

¹⁾ См. стр. 131.

²⁾ Вѣроятно, это сильнѣе всего замѣчалось въ сожженной части „Мертвыхъ Душъ“, о которой самъ Гоголь говорилъ, какъ о неудачной вещи.

„русское общество“, 2) это произведение должно было охватить всю Россію,—все зло и добро, въ ней заключенное. Въ такомъ широкомъ толкованіи русской дѣйствительности видѣлъ Гоголь „службу“ передъ родиной—и 3) произведение это должно было служить ему лично, въ дѣлѣ его духовнаго самосовершенствованія. На себя онъ смотрѣлъ, какъ на „моралиста“, который не только укажетъ согражданамъ на то зло, которое вносятъ въ жизнь отдѣльные порочные дѣятели, но нарисуетъ и тѣ идеалы, которые спасутъ родину.

Нетрудно понять, что для читателя „Мертвыхъ Душъ“ необязательно это толкованіе: онъ имѣетъ передъ глазами только *первую* часть поэмы, въ которой мелькаютъ лишь случайныя обѣщанія на то, что въ будущемъ рассказъ приметъ иной характеръ,—до личнаго „душевнаго дѣла“ писателя читателю нѣтъ дѣла. Поэтому приходилось судить произведение, оставивъ замыслы автора, не копаясь въ его душѣ. И вотъ, современная и послѣдующая критика, вопреки Гоголю, опредѣлила сама идею произведенія. Какъ раньше въ „Ревизорѣ“, такъ и въ „Мертвыхъ Душахъ“ усмотрѣно было желаніе автора указать на безобразіе русской жизни, которое, съ одной стороны, зависѣло отъ крѣпостного права, съ другой стороны,—отъ системы управленія Россіей. Такимъ образомъ, „идея“ „Мертвыхъ Душъ“ большинствомъ была признана обличительной, авторъ—причисленъ къ благороднымъ сатирикамъ, смѣло бичующимъ зло современной дѣйствительности. Словомъ, произошло то же, что раньше было съ „Ревизоромъ“: 1) желаніе автора было одно, а результаты его творчества привели къ выводамъ, которыхъ онъ совсѣмъ не ждалъ, не ожидалъ... 2) какъ относительно „Ревизора“, такъ и относительно „Мертвыхъ Душъ“ намъ приходится устанавливать идею произведенія, обходясь не только безъ помощи автора, но даже вопреки его желаніямъ: мы должны видѣть въ этомъ произведеніи картину отрицательныхъ сторонъ русской жизни, и въ этой картинѣ, въ обобщеніи, усмотрѣть великій общественный смыслъ произведенія.

Центральную фигуру въ «поэмѣ» представляетъ собою Чичиковъ. Гоголь особенно обстоятельно очертилъ этотъ образъ, который, какъ говорится, долженъ былъ занимать видную роль во всѣхъ трехъ частяхъ «Мертвыхъ душъ». Обрисовывая своихъ героев, Гоголь почти всегда даетъ больше или менѣе, обстоятельную *исторію* ихъ душъ ¹⁾. Эта исторія,

b) съ точки
зрѣнія
критики.

Характеристика Чичикова. Исторія его души и идеаловъ.

¹⁾ Исторія Плюшкина, Тентетникова, которія жизни русскихъ мужиковъ (см. въ концѣ книги) и исторія купленныхъ имъ крестьянъ. Въ уста Мурашова

въ его глазахъ, много объясняетъ въ характерѣ героя, ко многому заставляетъ относиться снисходительнѣе ¹⁾. Вотъ почему обстоятельно разсказываетъ онъ о дѣтствѣ и воспитаніи своего героя. Безпросвѣтно, безотрадно было это дѣтство: бѣдность, отсутствіе любви и ласки, безнравственность черстаго, нелюбящаго отца, грязь вѣшная и внутренняя, — вотъ, та обстановка, въ которой онъ выросъ, никѣмъ не любимый, никому не нужный. Но судьба надѣлила его желѣзной энергіей и стремленіемъ устроить свою жизнь „порядочнѣе“, чѣмъ отецъ-неудачникъ, нечистоплотный и въ нравственномъ, и въ физическомъ смыслѣ. Эта «неудовлетворенность дѣйствительностью» окрылила энергію маленькаго Чичикова. Изъ раннихъ столкновеній съ нищетою и голодомъ, изъ жалобъ отца на безденежье, изъ наставленія его: «копить деньги», такъ какъ только на одну «деньгу» въ жизни и можно положиться, — вынесъ мальчикъ убѣжденіе, что деньги — основа земного счастья. Оттого благополучіями жизни стало представляться ему то, что можно достать деньгами — сытая, роскошная жизнь, комфортъ... Такіе «идеалы» стали рисоваться ему... И вотъ онъ началъ «изобрѣтать» и «приобрѣтать»: грошъ за грошемъ копилъ онъ деньги, изворачиваясь всячески въ обществѣ товарищей, обнаруживая настойчивость необыкновенную. Еще въ школѣ сталъ онъ «дѣлать карьеру», поддѣлываясь подъ вкусъ учителя. Еще на школьной скамьѣ развилъ онъ въ себѣ талантъ всматриваться въ человѣческія слабости, умѣло играть на нихъ, медленно, упорно созидая свою муравьиную работу. Умѣніе подладиться подъ человѣка помогло ему на службѣ, но оно же развило въ немъ стремленіе разбирать «нужныхъ» людей отъ «ненужныхъ». Вотъ почему холодно отнесся онъ къ печальной участи своего бывшаго учителя, вотъ почему онъ никакихъ чувствъ благодарности не питалъ къ старому откупщику, который помогъ ему получить мѣсто. Чувство благодарности убыточно, — оно требуетъ «отъ чего-то» отказаться, «чѣмъ-то» поступиться, а это не входило въ расчеты «приобрѣтателя»-Чичикова. Деньги, какъ единственная и главная цѣль жизни, — цѣль нечистая, и пути къ ней нечисты, и Чичиковъ пошелъ къ этой цѣли дорогой мошенничества и обмановъ, не падая духомъ, берясь съ неудачами... Между тѣмъ, выйдя на широкой просторъ жизни, онъ расширилъ и углубилъ свой идеалъ. Картина сытой, роскошной жизни смѣнилась другою, — онъ сталъ мечтать о спокойной, чистой семейной жизни, въ обществѣ жены и дѣтей. Тепло, уютно и чисто было ему, когда онъ отдавался этой

Дѣтство
Чичикова.

Недовольство
дѣйствитель-
ностью.

„Деньги“ въ
жизни.

„Карьера“.

Отношеніе
къ людямъ.

Постепенное
расширеніе
идеаловъ
Чичикова.

онъ вкладываетъ объясненіе, почему интересна исторія человѣка. Строгому генералъ-губернатору Муравовъ говоритъ: „...Если не примешь во вниманіе и прежнюю жизнь человѣка, если не распросишь обо всемъ хладнокровно, а накричишь съ перваго раза, запугаешь только его, — да и признанія настоящаго не добьешься; а какъ съ участвіемъ его распросишь, какъ братъ брата, — самъ съ все и выскажетъ... Затруднительны положенія человѣка, ваше сіятельство, очень, очень затруднительны. Бываетъ такъ, что кажется кругомъ виноватъ человѣкъ... а какъ выйдешь, — даже и не онъ...“ Такое гуманное отношеніе къ каждому человѣку рекомендуетъ Гоголь въ письмѣ къ „занимающему важное мѣсто“ („Выбранныя Мѣста“). Отсутствіе этого гуманнаго вниманія осудилъ онъ въ „Шинели“ — въ той сценѣ, когда „значительное лицо“ накричало на Вашмачкина.

¹⁾ „Какъ же не защищать человѣка, когда знаю, что онъ половину водъ дѣлаетъ отъ грубости и невѣдѣнія?“ („Мертв. Души“, слова Муравова).

мечтѣ. Въ домѣ было полное довольство; онъ — примѣрный мужъ, уважаемый отецъ и почтенный гражданинъ родной земли. Ему казалось, что когда сбудутся его мечты, онъ забудетъ все прошлое, — свое грязное, безотрадное и голодное дѣтство и тернистую дорогу, обозначенную мошенничествами и плутовствомъ. Ему казалось, онъ броситъ тогда плутовство, «исправится» и оставитъ «честное имя» своимъ дѣтямъ. И вотъ, раньше, плутуя, онъ оправдывалъ себя сознаниемъ, что «всѣ такъ дѣлаютъ», теперь прибавилось новое оправданіе: «дѣль оправдываетъ средства».

Чище сдѣлались его идеалы, но пути къ нимъ оставались грязными, и Чичиковъ грязнился все больше и больше. И, въ концѣ концовъ, ему самому пришлось сознаться, что «плутоватость» сдѣлалась его привычкой, его второй натурой: «нѣтъ больше отвращенія отъ порока!» — жаловался онъ Муравову — «огрубѣла натура; нѣтъ любви къ добру, нѣтъ такой охоты подвигаться для добра, какова есть для полученія имущества!» Нѣсколько разъ удавалось Чичикову воздвигнуть шаткое зданіе своего благополучія на мошенническихъ продѣлкахъ всякаго рода; нѣсколько разъ былъ онъ близокъ къ осуществленію своихъ идеаловъ, — и всякій разъ все рушилось, приходилось все строить сначала.

Онъ отличается необыкновенной силой воли. «Назначеніе ваше — быть великимъ человѣкомъ», — говоритъ ему Муравовъ, упрекая его за то, что великая сила его души, его энергія, была всегда направлена къ нечистой дѣли. Объ его энергіи неразъ говорить и Гоголь, хотя бы, рассказывая его многотрудную «одиссею», когда сызнова приходилось устраивать свою жизнь. Кромѣ силы воли, Чичиковъ надѣленъ большимъ умомъ, не только практическимъ, — сметкой, изобрѣтательностью, лукавствомъ и изворотливостью, но и тѣмъ созерцательнымъ, «философскимъ» умомъ, который ставитъ его выше всѣхъ другихъ героевъ поэмы. Недаромъ Гоголь въ его голову вкладываетъ глубокія размышленія о судьбѣ русскаго человѣка (чтеніе списка купленныхъ мужиковъ). Кромѣ того, Чичиковъ здраво разсуждаетъ о пошлости жизни прокурора, о томъ воспитаніи, которое въ Россіи портитъ дѣвущку. Недаромъ онъ понимаетъ не только слабости человѣческія, но и достоинства людскія, недаромъ, сталкиваясь съ честными людьми (генераль-губернаторъ, Муравовъ), онъ оказывается способнымъ, именно въ моментъ своего униженія, нравственно подыматься. Не плутомъ изворотливымъ и лукавымъ рисуетъ онъ въ ихъ обществѣ, а павшимъ человѣкомъ, который понимаетъ глубину и позоръ своего паденія. «За умъ онъ не уважалъ еще ни одного человѣка», говоритъ Гоголь, пока судьба не свела его съ Костанжоголо, Муравовымъ и др. Не уважалъ потому, что самъ былъ неизмѣримо умнѣе всѣхъ.

Въ своемъ практическомъ героѣ-плутѣ Гоголь отмѣтилъ еще одну характерную черту — склонность къ поэзіи, къ мечтательности. Его минутное увлеченіе барышней, встрѣченной въ пути, чистое увлеченіе губернаторской дочкой, его настроеніе въ домѣ Платоновыхъ, наслажденіе вечеромъ въ ивнѣи Пѣтуха, весной — въ деревнѣ Тентетникова, самыя мечты его о тихомъ «благообразномъ» семейномъ счастьѣ полны дѣйствительной поэзіи...

Образъ Чичикова сразу пошлѣетъ, когда онъ попадаетъ въ общество пошляковъ. Это происходитъ потому, что онъ всегда подлаживается подъ

Пути къ этимъ идеаламъ.

Сила воли Чичикова.

Умъ Чичикова.

Склонности Чичикова къ поэзіи.

тѣхъ людей, съ которыми имѣетъ дѣло: онъ даже говоритъ ¹⁾ и ведетъ себя иначе въ обществѣ Манилова, Собакевича и Коробочки. Съ первымъ онъ сентиментализируется, мечтаетъ, втирается въ его чувствительное сердце; со вторымъ онъ дѣловитъ, и на недобѣре хозяина отвѣчаетъ такимъ же недобѣрнымъ (сцена съ деньгами и распиской); на безобидную, глупую Коробочку онъ кричитъ, сулитъ ей «чорта». Когда Чичиковъ оказывается въ «обществѣ», онъ поддѣливается подъ «тонъ» этого общества, усваиваетъ тѣ манеры, которыя здѣсь считаются «приличными»,—и потому для толпы онъ всегда будетъ «приличнымъ», «благонравнымъ», «приятнымъ»... Онъ не станетъ, какъ Чацкій, идти противъ цѣлой Москвы,—политика Молчалина ему удобнѣе и легче.

Чичиковъ понимаетъ людей и умѣетъ производить впечатлѣніе выгодное,—даже умнаго Костанжого онъ очаровываетъ, недобѣриваго брата Платонова располагаетъ въ свою пользу. Кромѣ того онъ остороженъ,—даже въ подвыпитіи онъ умѣетъ удержатъ свой языкъ отъ излишней болтливости: осторожности, очевидно, научила его жизнь. Впрочемъ, иногда и онъ ошибается: такъ ошибся онъ въ Поздревѣ, ошибся и съ Коробочкой. Но эта ошибка объясняется тѣмъ, что и у Поздрева, и у Коробочки такіе своеобразные характеры, которыхъ сразу даже Чичиковъ не постигъ.

Отношеніе
Чичикова къ
себѣ самому.

Чичиковъ очень высокаго мнѣнія о себѣ: онъ уважаетъ себя за свою энергію, за свой умъ, за свое умѣніе жить. Онъ любитъ себя за свои «чистыя мечты», которымъ ревностно служитъ; онъ любитъ себя за свое благообразіе, за свой нарядный костюмъ, за свои благородныя манеры,—словомъ, за то, что, выйдя изъ грязной норы, изъ грязнаго общества отца,—онъ сумѣлъ сдѣлаться, по его мнѣнію, «порядочнымъ человѣкомъ».

„Мелочность“
Чичикова.

Страсть къ «пріобрѣтенію» наложила на него нѣкоторую печать «мелочности»—онъ собираетъ въ свою шкатулку даже старыя афиши,—черта, достойная Плюшкина. Устройство его шкатулки, съ ящичками и секретными отдѣленіями, напоминаетъ комодъ Коробочки, съ его мѣшечками для гривенниковъ, двугривенныхъ. Въ школѣ Чичиковъ копилъ деньги по методу Коробочки. Мелочность Чичикова выражается и въ его любопытствѣ: онъ всегда выспрашиваетъ половыхъ, слугъ, собираетъ всевозможныя свѣдѣнія «на всякій случай»,—такъ, какъ Плюшкинъ собиралъ разные предметы въ своесѣ кабинетѣ.

„Сострадатель-
ность“.

Отмѣчаетъ Гоголь, правда, не безъ ироніи, вскользь, еще одну черту—его «сострадательность»,—онъ всегда подавалъ нищимъ гроши. Но

¹⁾ У него и стиль особенный выработанъ для того, чтобы разговаривать съ „толпой“. Этотъ стиль отличается кудрявой витіеватостью, заимствованною изъ старыхъ авантюрныхъ романовъ XVIII в.: тамъ, обыкновенно, выводятся добродѣтельные герои, гонимые судьбой. Когда Чичиковъ сравниваетъ себя съ „ладлей“, носимой по волнамъ житейскаго моря, говоритъ о томъ, что онъ „гонимъ за правду“, пострадалъ отъ людской злобы,—мы невольно представляемъ себѣ этихъ романтическихъ героевъ, и это впечатлѣніе, въ глазахъ провинціаловъ, которые еще въ началѣ вѣка (дѣйствіе романа происходитъ въ началѣ XIX вѣка, еще при жизни Наполеона I) дочитывали старыя романы,—очевидно, очень приятное. Людей болѣе образованныхъ, Тентетникова, Платонова, оно только изумило. Впрочемъ, въ разговорѣ съ Муравовымъ Чичиковъ не жрибѣгаетъ къ помощи этого „поэтическаго“ стиля, который такъ расположилъ въ его пользу Манилова и губернскихъ дамъ.

соотрадательность эта «гршовая», — она далека до способности самопожертвованія, отреченія отъ какихъ-нибудь благъ въ пользу ближняго. У Чичикова вообще нѣтъ любви къ ближнему. Онъ не возвысился дальше идеаловъ любви семейной, по существу своему, всетаки эгонистическихъ.

Если Гоголь, дѣйствительно, хотѣлъ на Чичиковѣ показать возрожденіе порочнаго человѣка къ добру, то надо сознаться, выборъ героя сдѣланъ былъ имъ удачно. Сложная натура Чичикова богата самыми разнообразными качествами. Изумительная энергія его сочеталась съ умомъ, здравымъ смысломъ, лукавствомъ, большою гибкостью и неутомимостью.

Но, кромѣ всего этого, Гоголь отмѣтилъ въ немъ «человѣка-изобрѣтателя», способнаго выдумать нѣчто «новое», сказать обществу, погрязшему въ косности, свое новое, хотя и преступное слово. У Чичикова нѣтъ косности, — его умъ свободенъ и фантазія крылата. Но все это качества, такъ сказать, «нейтральны» — они могутъ быть равно направлены на зло и добро. Но Гоголь отмѣтилъ въ душѣ своего героя наличность сознательности, — Чичиковъ знаетъ, что совершаетъ зло, но утѣшаетъ себя мыслью, что «дѣланіе зла» въ его жизни — лишь «переходный моментъ». Въ этомъ умѣннѣи отличить «добро» и «зло» — кроется источникъ возрожденія Чичикова. Оно тѣмъ для него легче, что, въ сущности, жизненные идеалы («чистое семейное счастье») его были если не особенно высоки, то, все же, безупречны. Къ тому же въ душѣ его есть мягкіе элементы поэзіи и мечтательности. Вѣроятно, на всѣхъ этихъ положительныхъ качествахъ Чичикова желалъ Гоголь построить его возрожденіе.

Въ первой части своей поэмы Гоголь, кромѣ Чичикова, вывелъ цѣлый рядъ помѣщиковъ и чиновниковъ. — между помѣщиками есть хозяйственные (Собакевичъ, Коробочка) и бездѣльные, разоряющіе свое хозяйство (Маниловъ, Поздревъ, Плюшкинъ); между чиновниками есть безобидные (губернаторъ, вышывающій по тюлю, почтмейстеръ, прокуроръ и др.), есть плуты и взяточники различныхъ отбѣнокъ, добродушные и зlostные, — но нѣтъ «человѣка» въ томъ высокомъ значеніи этого слова, которое связываетъ Гоголь съ этимъ понятіемъ, когда рисуетъ своихъ уродовъ въ первой части «Мертвыхъ душъ». Критикуя Плюшкина, Гоголь даетъ намъ понять, что съ словомъ «человѣкъ» онъ соединяетъ существо, полное благородныхъ движеній души, надѣленное яснымъ сознаніемъ того, что такое жизнь, каковы ея смыслъ и цѣль (размышленія Чичикова по случаю смерти прокурора), каковы обязанности человѣка къ семьѣ, обществу, государству. Ни у кого изъ этихъ перечисленныхъ лицъ нѣтъ сознанія «долга» ¹⁾ передъ родиною и людьми, — и, въ этомъ отношеніи, Чичиковъ головой стоитъ выше ихъ всѣхъ. Всѣ они ведутъ безсознательную, пошлую жизнь, день за днемъ; духовные интересы ихъ ничтожны. «Темный уголокъ» Руси, изображенный въ «Ревизорѣ», — въ «Мертвыхъ Душахъ» разросся въ обширное «темное царство».

Въ лицѣ Собакевича Гоголь вывелъ дворянина — «кулака», зачлустнаго медвѣдя, грубаго, плутоватаго (помѣстилъ въ списокъ мужиковъ бабу, поддѣлавъ имя). Духовныхъ интересовъ у него нѣтъ ника-

Сложность
его натуры.

Оригиналь-
ность ума
Чичикова.

Другія
дѣйствующія
лица въ поэмѣ.

Собакевичъ.

¹⁾ Ср. разсужденія Костанжого о «долгѣ» помѣщиковъ, рѣчь генералъ-губерна-
тора о долгѣ чиновниковъ, Муразова — о долгѣ человѣка.

кихъ,—его «душа» просить только ѣды, основательной, богатырской... Къ людямъ онъ относится съ недовѣріемъ (сцена съ расплатой Чичикова и распиской); онъ—большой пессимистъ и ругатель. Къ «просвѣщенію» онъ относится критически, понимая, впрочемъ, подъ «просвѣщеніемъ» только модную изысканность блюдъ во вкусѣ французской кухни. Человѣкъ онъ практический, хитрый,—разу понимаетъ, въ чемъ дѣло; ловко обдѣлываетъ свои дѣла. Но хозяинъ онъ хорошій,—и самъ онъ живетъ въ теплѣ и сытости, и крестьяне у него сыты и здоровы; онъ бережетъ ихъ съ эгоистической точки зрѣнія, какъ необходимый ему рабочій скотъ.

Коробочка.

Хорошей, домовитой хозяйкой представляется Коробочка; но это человѣкъ другого масштаба,—все въ ней мелко: и душа, и жизнь ея, и хозяйство... Глупая и темная старуха, суевѣрная, вѣрящая въ чорта, она ловко устраиваетъ свое существованіе, потому что, при всей своей глупости, она хитра, расчетлива, осторожна; къ людямъ она тоже относится подозрительно, недовѣрчиво; подобно Собакевичу, она всегда «на-сторожѣ», убѣжденная въ душѣ, что человѣкъ человѣку—врагъ (*homo homini lupus est*). Это черствое, суровое міросозерцаніе она хитро и умѣло прикрываетъ своею слезливостью, жалобами на вдовью безпомощность; она бѣдится изъ хитрости, а въ комодѣ ея, вѣстѣ со всякими старыми юбками, лежатъ и толстѣютъ мѣшечки съ гривенниками и двугривенными. Она—такая же скопидомка, какъ Собакевичъ, и такъ же жиловата, какъ онъ. Несмотря на все свое внѣшнее добродушіе, даже гостеприимство (впрочемъ, блинами она угощаетъ Чичикова въ расчетъ, что онъ будетъ закупать у нея разные товары). Ко всякимъ «новшествамъ» она, какъ и Собакевичъ, относится съ недовѣріемъ; у обоихъ слишкомъ узокъ даже хозяйственный кругозоръ, у обоихъ полное отсутствіе фантазіи, ширины и свободы замысловъ.

Плюшкинъ.

Въ лицѣ Плюшкина вывелъ Гоголь скрягу-психопата; онъ указалъ въ этомъ жалкомъ старикѣ ужасныя слѣдствія страсти «приобрѣтать» *безъ цѣли*,—когда само приобретеніе дѣлается цѣлью, когда теряется смыслъ жизни. Гоголь подробно рассказываетъ намъ, какъ изъ разумнаго практическаго человѣка, нужнаго для государства и семьи, Плюшкинъ обращается въ «наростъ» на человѣчествѣ, въ какую-то отрицательную величину, въ «прорѣху»... Для этого ему нужно было только утратить смыслъ жизни. Прежде онъ работалъ для семьи. Его идеалъ жизни былъ тотъ же, что и у Чичикова,—и онъ былъ счастливъ, когда шумная, радостная семья встрѣчала его, возвращающагося отдохнуть домой. Потомъ жизнь его обманула,—онъ остался одинокимъ, злобнымъ старикомъ, для котораго всѣ люди казались ворами, лгунами, разбойниками. Нѣкоторая склонность къ черствости съ годами увеличивалась, жестче дѣлалось сердце, тускнѣлъ прежде ясный хозяйственный глазъ,—и Плюшкинъ потерялъ способность различать крупное отъ мелкаго въ хозяйствѣ, нужное отъ ненужнаго,—все вниманіе, всю свою бдительность устремилъ онъ на домашнее хозяйство, на кладовыя, ледники... Тогда, какъ крупнымъ хлѣбнымъ хозяйствомъ пересталъ онъ заниматься,—и хлѣбъ, главное основаніе его богатства,—годами гнилъ въ сараяхъ, собиралъ онъ всякую рухлядь въ своей кабинетъ, даже у своихъ же мужиковъ кралъ ведра и другія вещи... Онъ терялъ сотни, тысячи, такъ какъ не хотѣлъ уступитъ копейки,

рубля. Онъ выжилъ совѣмъ изъ ума, и душа его, никогда не отличавшаяся величьемъ, совѣмъ измельчала и опошлѣла. Плюшкинъ сдѣлался рабомъ своей страсти, жалкимъ скрягой, ходящимъ въ лохмотьяхъ, живущимъ впроголодь. Нелюдимый, угрюмый, доживалъ онъ свою ненужную жизнь, вырвавъ изъ сердца даже родительскія чувства къ дѣтямъ.

Плюшкина можно сопоставить со «скупымъ рыцаремъ» Пушкина, съ тою только разницею, что у Пушкина «скупость» представлена въ трагическомъ освѣщеніи,—у Гоголя въ комическомъ. Пушкинъ показалъ, что сдѣлало золото съ человѣкомъ доблестнымъ, человѣкомъ крупнымъ,—Гоголь показалъ, какъ извратила «копейка» обыкновеннаго, «средняго человѣка»...

Впрочемъ, Гоголь, такъ гуманно относящійся ко всѣмъ людямъ, даже къ падшимъ, не удержался отъ того, чтобы не бросить одного луча свѣта въ деревянное сердце своего героя, — когда Плюшкинъ вспомнилъ свое дѣтство, школу, товарищей,—на минуту согрѣлось его сердце, теплѣе сдѣлался его потухшій взоръ. Такъ въ сердцѣ скупого барона воспоминаніе о бывшей дружбѣ съ умершимъ герцогомъ, о дняхъ боевой славы, тоже согрѣваетъ охладѣвшее сердце.

Интересный образъ представляетъ собою Маниловъ. Самъ Гоголь признавалъ, что рисовать такіе характеры очень трудно. Въ немъ не было ничего яркаго, рѣзкаго, бросающагося въ глаза. Такихъ распылчатыхъ, неопредѣленныхъ образовъ много въ свѣтѣ, говоритъ Гоголь; на первый взглядъ они похожи другъ на друга, но стоитъ взглянуть въ нихъ, и только тогда усмотришь «много самыхъ неудовимыхъ особенностей». «Одинъ Богъ развѣ могъ сказать, какой былъ характеръ Манилова»,—продолжаетъ Гоголь.—«Есть родъ людей, извѣстныхъ подъ именемъ: «люди такъ себѣ, ни то, ни се,—ни въ городѣ Богданъ, ни въ селѣ Селифанъ». Изъ этихъ словъ мы заключаемъ, что главное затрудненіе для Гоголя представляло не столько вѣшнее опредѣленіе характера, сколько внутренняя опѣнка его: хорошій человѣкъ Маниловъ, или нѣтъ? Неопредѣленность его и объясняется тѣмъ, что онъ ни добра, ни зла не дѣлаетъ, а мысли и чувства его безупречны. Онъ—мечтатель, сентименталистъ; онъ напоминаетъ собою безчисленныхъ героевъ различныхъ сентиментальныхъ, отчасти романтическихъ романовъ и повѣстей: тѣ же мечты о дружбѣ, о любви, та же идеализація жизни и человѣка, тѣ же высокія слова о добродѣтели, и «храмы уединеннаго размышленія», и «сладкая меланхолія», и слезы безпричинныя и сердечные вздохи... Приторнымъ, слащавымъ называетъ Гоголь Манилова; скучно съ нимъ всякому «живому» человѣку. Совершенно такое же впечатлѣніе производитъ на человѣка, избалованнаго художественной литературой XIX вѣка, чтеніе старыхъ сентиментальныхъ повѣстей, — та же приторность, та же слащавость и, наконецъ, скука.

Но сентиментализмъ у насъ захватилъ нѣсколько поколѣній, и потому Маниловъ—живой человѣкъ, отмѣченный не однимъ Гоголемъ. Гоголь только отмѣтилъ карикатурную сторону этой созерцательной природы,—онъ указалъ на бесплодность жизни сентиментальнаго человѣка, живущаго исключительно въ мірѣ своихъ тонкихъ настроеній. И вотъ, тотъ образъ, который для людей конца XVIII вѣка считался идеальнымъ, подъ перомъ

„Плюшкинъ“
и „Скупой
Рыцарь“.

Остатки свѣта
въ душѣ
Плюшкина.

Маниловъ;
историческое
значение
этого типа.

Гоголя предсталъ «пошлякомъ», коптителемъ неба, живущимъ безъ пользы родинѣ и людямъ, не понимающимъ смысла жизни... Маниловъ—карикатура на «прекраснодушнаго человѣка» (die schöne Seele), это изнанка Левскаго... Недаромъ самъ Пушкинъ, рисуя поэтической образъ юности, боялся, что если бы онъ остался въ живыхъ, подольше пожилъ впечатлѣніями русской дѣйствительности, то подъ старость, отяжелѣвъ отъ сытной, бездѣльной жизни въ деревнѣ, закутанный въ халатъ, онъ легко обратился бы въ «пошляка». И Гоголь нашель, во что онъ могъ бы обратиться—въ Манилова.

Цѣли жизни у Манилова нѣтъ,—нѣтъ никакой страсти—оттого нѣтъ въ немъ задора, нѣтъ жизни... Хозяйствомъ онъ не занимался, мягкій и гуманный въ обращеніи съ крестьянами, онъ ихъ подчинилъ полному произволу приказчика-плута, и имъ отъ этого было нелегко.

Чичиковъ легко понялъ Манилова и ловко разыгралъ съ нимъ роль такого же «прекраснодушнаго» мечтателя; онъ засыпалъ Манилова витѣватыми словами, очаровалъ нѣжностью своего сердца, разжалобилъ жалкими фразами о своей бѣдственной судьбѣ и, наконецъ, погрузилъ его въ мѣръ мечты, «паренія», «духовныхъ наслажденій»... «Магнетизмъ души», грезы о вѣчной дружбѣ, мечты о блаженствѣ вдвоемъ философствовать въ тѣни вяза,—вотъ, мысли, чувства и настроенія, которыя въ Маниловѣ сумѣлъ ловко расшевелить Чичиковъ...

Ноздревъ.

Полную противоположность Манилову представляетъ Ноздревъ. На сколько Маниловъ—натура въ себя углубленная, живущая въ своемъ собственномъ мѣрѣ, настолько Ноздревъ—натура общественная, человѣкъ, не имѣющій никакого собственного міра. Это—общественный паразитъ, который не можетъ существовать безъ людей. Хозяинъ онъ никуда не годный, семьянинъ—тоже: онъ—картежникъ-шуллеръ, барышникъ, собутыльникъ, словомъ, онъ живетъ только въ «обществѣ»,—чѣмъ больше народу, тѣмъ онъ чувствуетъ себя лучше, тѣмъ откровеннѣе раскрываетъ онъ себя. Это—лгуны и хвастуны по профессіи. крайняя степень Хлестакова, который вретъ только тогда, когда разыграется его фантазія. Въ противоположность ему, Ноздревъ вретъ всегда,—и пьяный, и трезвый, когда это ему нужно и когда не надо,—вретъ, не разбирая, вѣрятъ ему, или нѣтъ. Это—человѣкъ «изолгавшійся». Легкость въ мысляхъ у него необыкновенная, такая же, какъ у Хлестакова,—оттого мысль у него скачетъ непослѣдовательно, одна фраза часто логически не связывается съ другой (ср. рассказъ его объ ярмарочныхъ развлеченіяхъ). Жизнерадостный, суетливый, онъ всегда доволенъ жизнью. Самолюбія у него нѣтъ, оскорбленій онъ не боится, и поэтому, взыбаломшный и задорный, онъ легко наноситъ оскорбленія другимъ, не разбирая людей, не задумываясь о будущемъ; съ людьми онъ совершенно не считается, ни подъ кого не подлаживается и во всѣхъ видитъ только себя—то есть безшабашнаго гуляку, добродушнаго, беззаботнаго плута, для котораго суета и плутовство не есть средство удовлетворить корыстолюбіе, а просто возможность нанюхать чѣмъ-нибудь свою безпокойную жизнь,—средство занять чѣмъ-нибудь праздныя силы своей пошлой, но сильной натуры. Эта жажда жизни, дѣятельности, неразумно направленная, и создаетъ изъ него безпокойнаго человѣка, «историческаго человѣка»—

скандалиста, который готовъ «нагадить» всякому, не по злобѣ, а вслѣдствіе «неугомонной юркости и бойкости характера». Это—натура стихійная,— онъ не воленъ въ своихъ поступкахъ, въ своихъ словахъ. Его моральное безволие удивительно сочетается у него съ наличностью энергіи (онъ можетъ на недѣлю запереться въ домѣ для подбора кватъ), съ рѣшительностью и настойчивостью. Въ лицѣ его Гоголь вывелъ сильнаго, но пошлаго человѣка, въ жизни котораго нѣтъ никакой цѣли и смысла: онъ предприимчивъ, какъ Чичиковъ, но его предприимчивость безцѣльна, бессмысленна, а потому и все существованіе его—безнадежная глупость. Его Гоголь не выбралъ бы въ герои возрожденія.

с) *Третій періодъ дѣятельности Гоголя.* Гоголь съжегъ вторую часть своихъ „Мертвыхъ Душъ“, но сохранившіеся отрывки позволяютъ высказать предположеніе, что идея этой второй части уже была иная; въ первой части Гоголь судилъ русское общество съ точки зрѣнія содержательности его жизни и пришелъ къ печальному выводу: русская жизнь оказалась бессмысленной, пошлой,—почти всѣ герои (кромя Чичикова) оказались „мертвыми душами“,—ни одинъ не подошелъ сколько-нибудь подъ то идеальное пониманіе „человѣка“, которое выработалось у него. Въ отрывкахъ второй части чувствуется иное отношеніе къ русскому обществу: и герои здѣсь уже не животныя (кромя Пѣтуха, которому, собственно, мѣсто въ первой части), и отношеніе къ нимъ автора другое. Глубже, гуманнѣе относится теперь Гоголь къ павшему человѣку: горячей, мучительной любовью къ ближнему проникнуты тѣ страницы, гдѣ говорить у него Муразовъ, гдѣ авторъ рассказываетъ о Хлобуевѣ, объ униженіи Чичикова... Это „гуманное“ отношеніе къ людямъ—и есть „идея“ дошедшихъ отрывковъ второй части. И замѣчательно, что эти разрозненные главы, по настроенію своему, гораздо ближе къ лучшимъ произведеніямъ Достоевскаго, Тургенева, Гончарова, Островскаго, чѣмъ законченныя и отдѣльныя главы 1-ой части.

Гоголь хотѣлъ нарисовать „положительные“ русскіе типы, но, очевидно, онъ не сумѣлъ художественно выполнить своего замысла,—онъ лишь намѣтилъ его. Писатели-реалисты, его ученики, слѣдуя за нимъ, нарисовали намъ тѣ идеальныя лица изъ русской дѣйствительности, которыя не дали ему ¹⁾. Это реалистическое изображеніе „добра“ создало новую эру въ русской литературѣ. Оно неразрывно связалось съ проповѣдью гуманности, съ проповѣдью любви къ человѣку. Такъ незамѣтно, постепенно, благодаря Гоголю, русская литература, въ сущности, подошла къ

с) Третій періодъ „идеи“ второй части „Мертвыхъ Душъ“.

Значеніе второй части для истории русской литературы.

¹⁾ Его желаніе нарисовать идеальную русскую дѣвушку въ лицѣ Улькии не удалось,—но, вмѣсто него, эту задачу разрѣшили Тургеневъ, Островскій, Толстой и др.

проповѣди идеаловъ христіанства. Такимъ образомъ, самое значеніе писателя измѣнилось. Раньше писатель былъ мирнымъ „описателемъ-вишнеплетомъ“, былъ „гражданиномъ“, былъ „сатирикомъ“, былъ, какъ Пушкинъ — „человѣкомъ“, въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова, изображавшимъ добро и красоту, но никто до Гоголя не былъ „проповѣдникомъ слова Божія“, проповѣдникомъ *евангельской* любви. А послѣ него почти всѣ лучшіе наши писатели сдѣлались такими „проповѣдниками“ (Достоевскій, Л. Толстой и др.). Писательское слово у него и у его учениковъ вернуло себѣ то значеніе, которое имѣло въ древней Руси.

Идеалы общественной жизни во второй части.

Кромѣ того, въ этихъ главахъ второй части яснѣе вырисовываются идеалы общественной жизни, какъ они представлялись теперь Гоголю. Дворянинъ, по его убѣжденію, долженъ „сидѣть на землѣ“, быть отцомъ для крестьянъ, вѣрнымъ слугою отечеству. Служба его — въ заботѣ о процвѣтаніи своего имѣнія, въ довольствѣ его самого и крестьянъ, потому что, по мнѣнію Гоголя, процвѣтаніе родины зависѣло отъ процвѣтанія тѣхъ единицъ, которыя называются „граждане“. Такимъ образомъ, не на реформахъ и новшествахъ строилъ Гоголь это благополучіе, а на возстановленіи патріархальной, но „поисхатавшейся старины“¹⁾. Обязанность чиновника, купца, всякаго человѣка — выяснитъ свой „долгъ“ передъ людьми и Богомъ, и свято его исполнять, не гоняясь за большимъ, не выходя изъ тѣхъ предѣловъ, въ которые каждая забросила судьба. Обязанности начальствующихъ лицъ — относиться къ людямъ, ниже ихъ стоящимъ, такъ же патріархально-гуманно, какъ помѣщикъ долженъ былъ относиться къ ерѣвостнымъ.

Апофеозъ „труда“.

Въ апофеозѣ представилъ Гоголь въ этой части „трудъ“, — неустанный трудъ вездѣ, на всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности. Особенно рельефно подчеркнул онъ значеніе труда жизнью и рѣчами Костанжоголо. „Самъ возьми въ руку заступъ, — говоритъ этотъ герой Гоголя, — жену, дѣтей, дворню заставъ; умри на работѣ! Умрешь, по крайней мѣрѣ, исполняя долгъ“. Если мы этотъ „гимнъ труду“, даже физическому, сопоставимъ съ тѣмъ „тяготѣніемъ къ землѣ“, которое такъ явственно чувствуется во многихъ отрывкахъ второй части, мы убѣдимся, что Гоголь — предшественникъ Льва Толстого, тоже призывающаго и къ „землѣ“ и „труду“.

¹⁾ Ср. попытку Москвы XVI в. улучшить жизнь очищеніемъ жизни въ духѣ старины.

Въ своей поэмѣ Гоголь часто съ тревогой и любовью говоритъ „Исканіе“ Го- големъ русскаго человѣка. о „русскомъ человѣкѣ“, объ его душевныхъ качествахъ ¹⁾, — отмѣчаетъ онъ и недостатки русскаго характера, и достоинства; — во второй части онъ видимо старался эти отдѣльныя, подмѣченныя, разрозненныя черты воплотить въ живыхъ образахъ, — оттого типы первой части болѣе широки, болѣе общечеловѣчны, — типы второй, хотя и блѣднѣе очерченныя, болѣе типы русскіе, — оттого именно имъ суждено было произвести литературное потомство въ послѣдующей русской литературѣ.

Это упорное и сознательное стремленіе выяснить духовный міръ людей своей родины, опредѣлить „народность“ — характерная черта Гоголя.

Изъ типовъ второй части наибольшую обработкою отличается образъ Тентетникова. Это — человѣкъ съ хорошимъ сердцемъ, недюжиннымъ умомъ, человѣкъ съ честными принципами, съ тонкимъ чувствомъ чести и самолюбіемъ, но человѣкъ «недоудѣленный»; у него отъ природы нѣтъ огня въ сердцѣ, а извнѣ этотъ огонь къ нему не былъ привить, — такъ какъ рано умеръ его идеальный учитель Александръ Петровичъ. Онъ успѣлъ лишь развить въ душѣ юноши хорошія чувства, — оставалось только воспламенить его... Но этого не произошло, и «невосплащенный» вступилъ онъ въ жизнь. Мечталъ онъ служить родинѣ великую службу на поприщѣ чиновничьемъ, для этого даже поѣхалъ въ Петербургъ, но ничтожность работы легко погасила рвеніе молодого чиновника, мечтавшаго о широкомъ полѣ дѣятельности. Къ тому же онъ не сошелся съ начальствомъ, — безъ сожалѣнія бросилъ службу и уѣхалъ въ деревню, мечтая служить отечеству съ качествами дворянина-помѣщика. Но выдержки не хватило и здѣсь. Неумѣло взялся онъ за улучшение жизни крестьянъ, и изъ его благихъ начинаній ничего не вышло, и даже школа, имъ заведенная, не имѣла успѣха, а поведение крестьянъ сдѣлалось еще хуже.

Онъ легко изнемогъ и тоскующій, упрекающій себя, сдѣлался «байбакомъ», «лежебокою». Правда, онъ мечталъ порой принести пользу отечеству въ качествахъ писателя — и уже началъ обдумывать обширное сочиненіе, которое должно было объять всю Россію со всѣхъ точекъ зрѣнія — съ гражданской, политической, религиозной, философской, — но дальше «обдумыванья» онъ не шелъ, — и медленно, вяло и бездѣльно тянулась его молодая жизнь. Такъ съ даровитостью его природы, съ яснымъ пониманіемъ смысла жизни соединилось безволіе, отсутствіе выдержки. Чуть

¹⁾ Онъ отмѣтилъ беззаботность, способность не задумываться долго надъ затрудненіями, способность вѣрно угадывать инстинктомъ то, чего не хватаетъ вслѣдствіе невниманія, размахитость натуры и добродушіе, способность ругаться отъ всего сердца, нелюбовь сознаться въ своихъ грѣхахъ, способность сильно и мѣтко выразиться, гостеприимство русскаго человѣка, разгульность и способность съ грустью задуматься надъ жизнью, неспособность дѣлать дѣло путемъ общественной работы, способность жить вѣдливимъ умомъ, любовь къ широкимъ, захватывающимъ настроеніямъ (быстрая вѣда), донкихотство русскаго человѣка, способность увлекаться утопіей, потребность въ поточномъ побужденіи извнѣ.

было не женился онъ на прекрасной дѣвушкѣ, Улиникѣ, дочери генерала Бетрищева, да самолюбіе помѣшало,—помѣшала нетерпимость къ чужимъ слабостямъ: не могъ онъ допустить, чтобы добродушный старикъ-генералъ назвалъ его на «ты». И свадьба его разошлась. У него вообще высокое о себѣ мнѣніе,—какъ Онѣгинъ, онъ презираетъ деревенскихъ сосѣдей и потому со всѣми слѣшить раззнакомиться.

Платоновъ.

Подъ пару ему молодой Платоновъ, богатый, образованный юноша, надѣленный и умомъ, и хоронимъ сердцемъ, но рѣзительно ничего не дѣлающій и потому до болѣзни скучающій. Оба эти героя очень близки къ Онѣгину,—въ нихъ нѣтъ только холодности и жесткости озлобленнаго онѣгинскаго духа,—но ихъ всѣхъ соединяетъ одинаково безотрадное отношеніе къ жизни, смыслъ которой для нихъ утраченъ (Тентетниковъ), или никогда не былъ понятенъ (Онѣгинъ, Платоновъ).

Костанжогло.

Въ лицѣ Костанжогло изобразилъ Гоголь, собственно, Плюшкина въ пору его процвѣтанія: та же «мудрая скупость», то же знаніе жизни и хозяйства, которому пріѣзжали учиться у Плюшкина его сосѣди. Только идеалы Костанжогло шире. Плюшкинъ работалъ для себя, для семьи,—Костанжогло считаетъ, что работа—есть нравственный долгъ всякаго гражданина,—долгъ передъ родиной, передъ крестьянами. Онъ не корыстолюбивъ,—онъ даже щедръ: готовъ дать займы большую сумму денегъ почти незнакомому Чичикову,—онъ не «пріобрѣтатель»: не деньги—цѣль его жизни, а «трудъ»—вотъ, его жизненный идеалъ, а деньги льются къ нему со всѣхъ сторонъ, какъ непрощенная награда за его «идеализмъ». Онъ работаетъ, чтобы показать примѣръ крестьянамъ и сосѣдямъ,—онъ «пріобрѣтаетъ» потому, что, по его мнѣнію, процвѣтаніе родины зависитъ отъ богатства помѣщиковъ. Онъ—нервный, возбужденный человекъ, котораго возмущаютъ Хлобуевы, Платоновы, Тентетниковы... Онъ потому легко сближается съ Чичиковымъ, что чувствуетъ и въ немъ силу «созидающую», труженика. Костанжогло—фанатикъ идеи, оттого онъ одностороненъ:—онъ, на примѣръ, врагъ всякихъ новшествъ, не только тѣхъ глупыхъ, которыя завелъ у себя въ деревнѣ Кошкаревъ, но онъ даже врагъ школы, такъ какъ считаетъ землепашество «святымъ дѣломъ» и не считаетъ нужнымъ отъ сохи отрывать мужика къ книгѣ. «Дай Богъ, чтобы всѣ были хлѣбопашцами!»—говоритъ онъ.

Муравовъ.

Неудачную профессію выбралъ Гоголь для самаго идеальнаго героя второй части—Муравова. Онъ—откупщикъ, т. е. лицо, взявшее у казны въ аренду право торговли водкой. На этомъ занятіи нажилъ онъ большія деньги. И вотъ, въ уста этого «благообразнаго старца», торгующаго водкой, вложилъ Гоголь самыя гуманныя рѣчи о любви къ падшему человѣку, о необходимости кротко относиться къ людямъ; онъ чуть не договаривается до толстовской мысли, что человекъ не имѣетъ права судить другого. Этотъ старикъ не извѣрился въ жизнь и человекъ,—оттого его бодрое слово можетъ поднять упавшій духъ Хлобуева,—оттого ему уступаетъ законникъ-генералъ-убернаторъ,—оттого ему, кажется, было суждено возродить Чичикова.

Пѣтухъ.

Пѣтухъ—это комическій образъ обжоры, для котораго весь смыслъ жизни, вся радость жизни, вся поэзія, философія—въ ѣдѣ. Собакевичъ любить поѣсть съ аппетитомъ и осневательно, потому что ѣда—физиоло-

гическая потребность. Пѣтухъ ѣсть и ѣсть съ увлеченіемъ, потому что много смысла въ жизни у него нѣтъ.

Хлобуевъ—добрый, честный человекъ, помѣщикъ, разорившійся вслѣдствіе своей безалаберности, ширины своего характера и слабости воли. Человекъ религиозный, онъ, однако, находитъ утѣшеніе въ Богѣ и живетъ такимъ чудачкомъ, день за днемъ, махнувъ на все рукой, приближаясь быстро къ полному разоренію и нищетѣ.

Хлобуевъ.

Въ лицѣ Кошкарева осмѣялъ Гоголь то зло русской жизни, съ которымъ онъ до смерти не примирился,—бюрократическій ея строй, склонность къ централизаціи власти, къ «управленію бумажному, фантастическому управленію провинціями, отстоящими за тысячи верстъ, гдѣ не была никогда нога моя, и гдѣ могу надѣлать только кучи несообразностей и глупостей»—говоритъ Гоголь мыслями Тентетникова. Въ дѣятельности Кошкарева, который даже въ управленіе деревней ввелъ сложный бюрократическій режимъ, высмѣялъ Гоголь модный въ его время обычай плодить комиссіи и изводить кипы бумаги на «отношенія», «рапорты» и пр.

Кошкаревъ.

Было уже указано, что типы, выведенные Гоголемъ (особенно въ первой части), отличаются шириной художественнаго захвата. Въ самомъ дѣлѣ, Чичиковъ—не только типъ русской,—это типъ, имѣющій общечеловѣческое и вѣчное значеніе¹⁾. Это образъ дѣльца, предпринимателя-афериста, которыхъ немало у разныхъ народовъ и въ разные вѣка. Въ изображеніи Гоголя этотъ типъ принялъ только чисто-русскую окраску довольно отервеннаго плута, который, въ обществѣ помѣщиковъ-крѣпостниковъ, чиновниковъ-взяточниковъ, дѣйствуетъ не такъ тонко, какъ, быть можетъ, дѣйствовалъ бы въ наши дни русский, или западно-европейскій „приобрѣтатель“-аферистъ.

Ширина гоголевскихъ типовъ. Ихъ общечеловѣческое значеніе—Чичиковъ.

Такое же широкое значеніе имѣютъ и нѣкоторые другіе герои поэмы. Мы видѣли уже, что самъ Гоголь растолковалъ широкое значеніе Хлестакова. То же онъ дѣлаетъ относительно нѣкоторыхъ героевъ „Мертвыхъ Душъ“,—относительно Коробочки онъ говоритъ, что Коробочку можно найти въ аристократическомъ домѣ²⁾; по поводу Ноздрева онъ говоритъ, что Ноздревы еще долго не выведутся изъ міра³⁾; расширяетъ онъ и образъ Тентетникова,

б) Коробочка.

в) Ноздревъ;
Тентетниковъ.

1) Гоголь послѣ характеристики Чичикова задаетъ читателю вопросъ: „А кто изъ васъ, полный христіанскаго смиренія, не гласно, а въ тишинѣ, одинъ, въ минуты уединенныхъ бесѣдъ съ самимъ собою, углубить во внутрь собственной души сей таинственный вопросъ: „а нѣтъ ли и во мнѣ какой-нибудь части Чичикова?“

2) „Да полно, точно ли Коробочка стоитъ такъ низко на безконечной лѣстницѣ челоуѣческаго совершенствованія? Точно ли такъ велика пропасть, отдѣляющая ее отъ сестры ея, недосыгаемо огражденной стѣнами аристократическаго дома...“

3) „Онъ вездѣ между нами и, можетъ быть, только ходитъ въ другомъ кафтанѣ; но легкомысленно-непроницательны люди, и человекъ въ другомъ кафтанѣ кажется имъ другимъ человекомъ“.

сказавъ, что онъ принадлежитъ къ семейству тѣхъ людей, которые на Руси не переводятся; послѣгоголевская русская литература это доказала своими „лишними людьми“.

Такая ширина художественнаго обобщенія сдѣлала то, что почти всѣ герои Гоголя получили нарицательное значеніе, обратились въ клички, сразу опредѣляющія типическія черты человѣка. Стоить, на примѣръ, сказать слово „маниловщина“, — и ярко предстанетъ цѣлая жизнь человѣка.

Психологія
губернскаго
города.

Кромѣ психологіи отдѣльныхъ лицъ, Гоголь богато разработалъ и „психологію толпы“: губернской городъ, съ которымъ связано дѣйствіе поэмы, представленъ съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ: представленъ онъ мирнымъ и соннымъ въ началѣ, когда пріѣзжаетъ Чичиковъ, представленъ заинтересованнымъ личностью новопріѣзжавшаго, представленъ влюбленнымъ въ героя, когда онъ прослылъ „миллионщикомъ“ и „херсонскимъ помѣщикомъ“; представленъ этотъ городъ „за дѣломъ“, въ канцеляріи, — представленъ веселящимся во время бала, или за карточнымъ столомъ; наконецъ, онъ обрисованъ встревоженнымъ таинственными слухами о „мертвыхъ душахъ“, о генераль-губернаторѣ, — наконецъ, подавленнымъ и уничтоженнымъ суровой рѣчью генераль-губернатора. Чиновники, дамы, вообще обыватели, представляютъ эту толпу, которую наблюдаетъ авторъ: онъ рассказываетъ намъ мелькомъ о губернаторѣ, главная радость жизни котораго — вышивать по тюлю, о прокурорѣ, съ подмигивающимъ глазомъ и густыми бровями, о квартальномъ, „съ привлекательнымъ румянцемъ на щекахъ“, о дамахъ, — „просто пріятной“ и „пріятной во всѣхъ отношеніяхъ“, о трактирномъ половомъ, о мужикахъ, размышляющихъ вслухъ о судьбѣ колеса чичиковской брички, — и вся эта пестрая толпа живетъ передъ нами. Въ „обществѣ губернскаго города“ онъ рисуетъ міръ пошлости и сплетни, — міръ, въ которомъ добродушіе какъ-то сливается съ мелочной злобой и недоброжелательствомъ, — міръ безпросвѣтный, „темное царство“, которое освѣщается только громовой рѣчью генераль-губернатора. Съ этимъ темнымъ царствомъ мы познакомились уже въ „Повѣсти о томъ, какъ поссорились Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“, въ „Ревизорѣ“.

Психологія
животныхъ.

И въ предыдущихъ своихъ произведеніяхъ Гоголь касался міра животныхъ, — въ „Мертвыхъ Душахъ“ онъ неразъ изъ міра человѣческаго спускается въ міръ животныхъ, заглядываетъ въ ихъ психологію. Кони Чичикова, — почтенный „Гнѣдой“, „Засѣдатель“ и лукавецъ „Чубарый“, — какъ живые стоятъ передъ чи-

тателемъ,—благодаря Гоголю, онъ знаетъ ихъ темпераменты, ихъ привычки и характеры. Животныя и птицы во дворѣ Коробочки, красноногій мартынь, задумчиво глядящій на другого мартына,— всѣ очерчены, хотя и мелькомъ, но мастерски: человѣческія настроенія, ощущенія, міровоззрѣнія, открываетъ Гоголь въ этомъ низшемъ мірѣ, который окружаетъ человѣка. Онъ такъ сближаетъ этотъ міръ съ людьми, что, напримѣръ, полупьяннй вучерь Селифанъ, бесѣдующій съ конями, поощряющій и наказующій, кажется какою-то „переходною ступенью“ отъ лошадей къ тому, кого они везуть—къ самому герою поэмы.

Поэма богата самыми разнообразными описаніями: Гоголь даетъ много различныхъ картинъ природы ¹⁾, охотно рисуетъ онъ и картины бытовья, жанровья ²⁾, всегда обстоятельно описываетъ обстановку комнатъ, костюмъ героевъ, ихъ наружность. Детальность его письма, то, что въ XVIII вѣкѣ получило у нѣмцевъ названіе: „Kleinmalegei“ — достигаетъ у него высокой степени. Стоитъ прочесть начало поэмы,—въздъ Чичикова въ городъ, чтобы убѣдиться, до какихъ мелочей доходитъ письмо Гоголя. Но всѣ эти мелочи типичны, характерны, всѣ умѣстны, всѣ при- бавляютъ нѣчто цѣнное или къ характеру героевъ, или къ фи- зиономіи города, деревни, дома, человѣка, животнаго, или природы.

„Описанія“
въ „Мертвыхъ“
Душахъ“.

Въ своемъ произведеніи (особенно въ первой части) Гоголь далъ образ- цовое реалистическое произведеніе; въ немъ уже нѣтъ прежнихъ роман- тическихъ замашекъ. Онъ окончательно вступилъ на путь художественнаго реализма,—недаромъ онъ самъ въ своемъ произведеніи выступилъ на за- щиту этой художественной школы. Онъ отдаетъ должное писателямъ- идеалистамъ, которые изъ жизни берутъ только возвышенное, благородное и прекрасное. Они правы, если такъовъ ихъ гений, что жизнь пред- ставляется имъ съ прекрасной стороны,—велико ихъ значеніе и велика благо- дарность, которую слышать они отъ современниковъ—

„Реализмъ“
„Мертвыхъ“
Душъ“.

«...не такъовъ удѣлъ, и другая судьба писателя, дерзнувшаго вызвать наружу все, что ежеминутно предъ очами, и чего не зрять равнодуш- ныя очи,—всю страшную, потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубину холодныхъ, раздробленныхъ, повседневныхъ харак- теровъ, которыми кишитъ наша земная, подчасъ горькая и скучная дорога,— и, крѣпкою силою неумолимаго рѣзца, дерзнувшаго выставить ихъ выпукло и ярко на всенародныя очи! Ему не собрать народныхъ рукописекъ,

¹⁾ Напр. изъ *большахъ* описаній интересны: лѣсъ Пѣтуха, садъ Плюшкина, садъ Платонова, мѣстоположеніе усадьбы Тентетникова, деревни Манилова, Собакевича, Плюшкина, Тентетникова...

²⁾ Напр. трактиръ, въ которомъ остановился Чичиковъ, харчевня, гдѣ онъ встрѣ- тился съ Ноздревымъ, базаръ въ Москвѣ въ Щепномъ ряду, канцелярія, губерскій бл., игра чиновниковъ въ карты.

ему не зрѣтъ признательныхъ слезъ и единодушнаго восторга взволнованныхъ имъ душъ; къ нему не полетитъ навстрѣчу шестнадцати-лѣтняя дѣвушка, съ закружившеюся головою и геройскимъ увлеченьемъ; ему не позабыться въ сладкомъ обаяннѣ имъ же исторгнутыхъ звуковъ; ему не избѣжать, наконецъ, отъ современнаго суда, лицемерно-безчувственнаго современнаго суда, который назоветъ ничтожными и низкими имъ лѣтанныя созданія, отведетъ ему презрѣнный уголь въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество, придастъ ему качества имъ же изображенныхъ героевъ, отниметъ отъ него и сердце, и душу, и божественное пламя таланта. Ибо не признаетъ современный судъ, что равно чудны стекла, озвращающія солнца, и передающія движенья незамѣченныхъ насѣкомыхъ; ибо не признаетъ современный судъ, что много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую изъ презрѣнной жизни, и возвести ее въ перлъ созданія: ибо не признаетъ современный судъ, что высокій восторженный смѣхъ достоинъ стать рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеньемъ, и что дѣлая пропасть между ними и кривляньемъ балаганнаго комороха!»

Отношеніе
Гоголя
къ реализму.

Изъ этой цитаты видно, какъ труденъ былъ для Гоголя «кресть» — быть художникомъ-реалистомъ, удѣлъ котораго рисовать только пошлость жизни; видно, кромѣ того, до какой степени не приучена была къ правдивому реализму современная Гоголю публика, если самому писателю приходилось доказывать ей азбучныя истины. Въ другомъ мѣстѣ поэмы онъ говоритъ, что въ русской литературѣ типъ «добродѣтельнаго челоуѣка» избитъ, заношенъ, что пора взяться за изображеніе «подлеца». Онъ самъ на вопросъ, зачѣмъ изображать бѣдность, да бѣдность, да несовершенство нашей жизни, зачѣмъ выкапывать людей изъ глуши отдаленныхъ закоулковъ? отвѣчалъ: «что же дѣлать? если уже таковы свойства сочинителя и, заболѣвъ собственнымъ несовершенствомъ, уже не можетъ изображать онъ ничего другого».

„Лирическія
отступленія“
въ комѣіи.

Но Гоголь самъ опровергаетъ свои слова о своемъ «несовершенствѣ» не разъ въ первой части, общая ¹⁾ въ будущемъ дать другіе образы, болѣе чистые и высокіе; опровергаетъ онъ себя и обильными лирическими отступленіями, въ которыхъ чувствуется искренній паюсъ. Это — первая наша «стихотворенія въ прозѣ». Содержаніе ихъ различно, — въ нихъ отдается онъ мечтательнымъ воспоминаніямъ о своемъ дѣтствѣ (начало VI-ой главы первой части), то обращается къ молодежи съ просьбой дорожить тѣми благородными чувствами, которыя присущи юности; — не терять ихъ

¹⁾ „И долго еще опредѣлено мнѣ чудною властью идти объ руку съ моими странными героями, опирать всю громадно-несущуюся жизнь, опирать ее сквозь видный міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя слезы! И далеко еще то время, когда инымъ ключомъ гронная вьюга вдохновенья подымется изъ облеченной въ святой ужасъ и въ блистаніе главы, и почувютъ, въ смущенномъ трепетѣ, величавый громъ другихъ рѣчей!“ .. „Но... можетъ быть, въ сей же самой повѣсти почувтося иныя, еще доселѣ небранная струны, предстанетъ несмѣтное богатство русскаго духа, пройдетъ мужъ, одаренный божественными доблестями, или чудная русская дѣвица, какой не сыскать нигдѣ въ мірѣ, со всей дивной красотой женской души, — вся изъ великодушнаго стремленія и самоотверженія, и мертвыми покажутся предъ ними всѣ добродѣтельные люди другихъ комедій, какъ мертвая книга передъ живымъ словомъ! Подымутся русскія движенія!“

...Предстанутъ колоссальные образы, двинутся рычаги широкой повѣсти, раздастся далеко ей горизонтъ, и вся она приметъ величавое лирическое теченіе“.

на жизненномъ пути; то съ лирическимъ пафосомъ говорить онъ о счастливой участи писателя-идеалиста (начало VII-ой гл.), то восторженно взываетъ онъ къ Руси, говорить объ ея величїи, бѣдности, о непостижимой связи, которая его сердце привязываетъ къ ней (глава XI); — то быстрая русская ѣзда и «птица-тройка» переполняютъ его сердце восторгомъ и гордостью, и вѣрой, и любовью къ родинѣ, — то онъ мечтаетъ о появленїи на Руси могучаго человѣка, который сумѣетъ однимъ словомъ двинуть заснувшую громаду впередъ (ч. II гл. I)...

Этотъ «лиризмъ—характерный спутникъ «юмора», — того особеннаго смѣха, который соединяется съ мягкостью, чувствительностью души. Это смѣхъ, когда плачетъ сердце, — смѣхъ, который легко смѣняется слезами. Писатель-юмористъ — всегда субъективенъ, и произведенїя его всегда лироэпическія. Таковы же и «Мертвыя Души».

Лучше всего это выясняется изъ литературной исторїи поэмы. Если даже и Пушкинъ далъ Гоголю сюжетъ «Мертвыхъ душъ», то юмористическое освѣщенїе его, — тонъ самаго произведенїя, принадлежитъ исключительно Гоголю. И, въ этомъ отношенїи, онъ — ученикъ великаго юмориста XVIII-го вѣка Лаврентїя Стерна и писателя XIX в. Жана-Поля Рихтера. Въ «Исторїи Тристрама-Шанди» Стерна встрѣчаемъ мы ту детальность письма, которая такъ характерна для Гоголя, ту яркость въ обрисовкѣ души и внѣшности разныхъ чудаковъ, наконецъ, то же грустно-насмѣшливое отношенїе автора къ жизни. Въ «Сентиментальномъ путешествїи на Европѣ» того же Стерна смѣшное, даже циничное, прихотливо соединяется съ трогательнымъ: высмѣивая человѣческія слабости, онъ въ то же время страстно любитъ человѣка; самое опредѣленїе юмора, какъ «соединенїе видимаго смѣха съ невидимыми слезами», принадлежитъ Стерну. Писатель субъективный, онъ такъ же любилъ лирическія отступленїя, въ которыя вбрасываетъ весь пафосъ своей чувствительной, издерганной души. Жанъ-Поль-Рихтеръ вышелъ изъ его школы, и то же соединенїе смѣха и слезъ характерны для его творчества.

Но форма поэмы «Мертвыя Души» взята не у нихъ. Само названїе «поэмы», конечно не подходитъ къ гоголевскому произведенїю, — онъ называлъ ее такъ тогда, когда захотѣлъ представить въ своемъ произведенїи всю Русь, — написать нѣчто всеобъемлющее, напоминающее, по композиціи, «Божественную Комедїю» Данте. На самомъ дѣлѣ, передъ нами типичный «плутовской романъ» — романъ о приключенїяхъ плута. Такие романы очень были популярны у насъ въ XVIII вѣкѣ. Самый образцовый представитель этого жанра — романъ Лесажа «Приключенїя Фансваза»¹⁾. Было у насъ и въ XVIII, и въ XIX вѣкѣ много другихъ переводныхъ и оригинальныхъ произведенїй этого жанра, и во времена Гоголя большимъ оцѣ успѣхомъ у русской публики пользовался романъ Штернберга: «Пожожденїя Ивана Выжигина». Форма такого романа представляетъ большїя удобства для писателя-жанриста: герой романа встрѣчается съ самыми разными людьми, попадаетъ въ различныя обстоятельства, — это даетъ возможность писателю широко захватить жизнь

„Литературная исторїя“ поэмы а) „Юморъ“.

б) „Форма“.

¹⁾ Гоголь замечательно Гоголь идея повѣсти о капитанѣ Копѣйкинѣ.

и всесторонне освѣтить душу героя. Такая форма и для цѣлей Гоголя была самая удобная,—ею онъ и воспользовался.

с) „Реализм“ предшественниковъ и современниковъ Гоголя. Въ области реалистическаго творчества Гоголь въ свое время имѣлъ широко и глубоко не захватывалъ русской жизни, какъ это сдѣлалъ онъ въ своихъ «Мертвыхъ Душахъ»—это первый по времени «реальный романъ, который помогъ читателю уловить смыслъ переживаемаго имъ историческаго момента» (Котляревскій). Реализмъ Пушкина былъ чище, художественнѣе, такъ какъ былъ свободенъ отъ всякихъ тенденцій, кромѣ того, у Гоголя даже въ «Мертвыхъ Душахъ» замѣтной осталась романтическая замашка къ идеализаціи, къ лиризму, но Пушкинъ въ своихъ повѣстяхъ никогда не вдумывался въ смыслъ русской жизни, или жизни вообще. Если его Маша Миронова и старики Мироновы вышли образами глубокими, многоговорящими, то это не было результатомъ какихъ-нибудь тревожныхъ исканій авторомъ «русской души», сознательнаго желанія оправдать, возвеличить, или учить чему-нибудь русской народъ,—великія находки Пушкина были случайны, были результатами его непосредственнаго художественнаго чутья.

Марлиевскій. Другимъ ближайшимъ предшественникомъ Гоголя былъ Марлиевскій, большинство произведеній котораго имѣютъ автобіографическое значеніе; изъ современной жизни онъ выбралъ для изображенія, главнымъ образомъ, военную среду. По его слѣдамъ пошелъ Лермонтовъ въ «Героѣ нашего времени»; шире захватилъ жизнь Герценъ въ своемъ автобіографическомъ очеркѣ: «Записки одного молодого человѣка», но онъ представлялъ идейную жизнь русской интеллигенціи того времени. Писатели, представлявшіе русскую жизнь, брали, обыкновенно, отдѣльные уголки этой жизни: жизнь аристократіи обличалъ съ моральной точки зрѣнія Одоевскій, отчасти Марлинскій; безъ тенденціи «обличенія» живописалъ это же общество гр. Сологубъ; жизнь Москвы и московскихъ дворянъ изображалась въ повѣстункахъ Загоскина; бытовые сценки изъ жизни дворянской усадьбы встрѣчаются въ повѣстяхъ Даля; жизнь малороссійскихъ дворянъ живо и «колоритно» перазъ изображалась Гребенкой, и особенно Квиткой Основьяненко; изображенію солдатской жизни посвящены нѣкоторыя произведенія Даля; отношенія солдатчины къ крѣпостничеству смѣло изображены въ повѣстяхъ Н. Полевого, особенно Н. Павлова; типы мелкихъ чиновниковъ перазъ мелькаютъ въ бытовыхъ очеркахъ Булгарина и Сенковскаго; Гребенка тоже охотно изображалъ этотъ бытъ; жизнь мастеровыхъ, лавочниковъ и другихъ «сѣрыхъ людей» охотно и умѣло изображалась Далемъ, Погодинымъ; ему же принадлежатъ лучшія, по тому времени, изображенія престоляродья.

Такимъ образомъ, художественный реализмъ и до Гоголя уже овладѣлъ русской литературой; но если много цѣннаго въ русской жизни удалось освѣтить его свѣтомъ, если много серьезныхъ вопросовъ было заброшено въ русское самосознаніе благодаря этимъ попыткамъ правдиво изобразить русскую дѣйствительность, то, вѣстакъ, до Гоголя и его «Мертвыхъ Душъ» эти попытки были блѣдны, были безсильны, потому что ни у кого изъ названныхъ писателей (кромѣ, конечно, Пушкина) не было такого яркаго, могучаго таланта, какъ у Гоголя, не было того страстнаго, фа-

натического желанія узнать всю Русь, во всей ея ширинѣ, и ей «послужить». Только ученики его Тургеневъ, С. Аксаковъ, Л. Толстой, Гончаровъ и др. могутъ идти съ нимъ рядомъ по силѣ письма и по сознательности ¹⁾ отношенія къ жизни.

Талантъ Гоголя помогъ ему создать школу русскаго реалистическаго романа. Совершенно справедливо Н. А. Котларевскій характеризуетъ ширину и глубину этого таланта.

Гоголь, «какъ большой художникъ, творить людей словами, и они стоятъ, какъ живые, передъ нами, но, кромѣ этой жизненности и жизнеспособности, эти люди обладаютъ и еще однимъ качествомъ, которымъ они обязаны тому же таланту автора, но, главнымъ образомъ, его зоркому и серьезному взгляду на жизнь. Это качество—ихъ типичность. Они всѣ «типичны», т. е. ихъ умственный складъ, темпераментъ, ихъ привычки, образъ ихъ жизни не есть нѣчто случайное, или исключительное, нѣчто лично имъ принадлежащее,—весь ихъ внутренній міръ, и вся обстановка, которую они создаютъ вокругъ себя—художественный итогъ внутренней и внѣшней жизни цѣлыхъ группъ людей, цѣлыхъ круговъ, классовъ, воспитавшихся въ извѣстныхъ историческихъ условіяхъ; и эти условія не скрыты отъ насъ, а пояснены намъ именно благодаря «типичности» тѣхъ лицъ, которыхъ авторъ выставилъ, какъ художественный синтезъ всѣхъ своихъ наблюденій надъ жизнью.

«Возьмемъ ли мы помѣщичьи типы, и мы сразу увидимъ, что въ нихъ дана вся патологія дореформеннаго дворянства, съ его маниловщиной на чужомъ трудѣ, съ кулачествомъ Собакевича, не отличающаго одушевленнаго раба отъ неодушевленнаго, съ ноздревщиной, которая знаетъ, что, въ силу дворянскаго своего положенія, она всегда сумѣетъ вывернуться и не погибнуть, съ самодурствомъ Кожкарева, который учреждалъ министерства и департаменты въ своей усадьбѣ, мня себя самодержавнымъ, или, наконецъ, съ благомысліемъ и добродушіемъ Тентетникова, который прѣлъ на корню, избавленный отъ необходимости къ чему-либо приложить свою волю и энергію.

«Почти въ каждомъ изъ гоголевскихъ типовъ можно найти такую типичность. Всегда выведенное имъ лицо интересно и само по себѣ, какъ извѣстная разновидность человѣческой природы, и кромѣ того, какъ цѣльный образъ, по которому можно догадаться о культурныхъ условіяхъ, среди которыхъ онъ выросъ. Въ этомъ смыслѣ Гоголь для своей эпохи былъ единственный писатель: ничей взоръ не проникалъ такъ вглубь русской жизни, никто не умѣлъ придать такую типичность своимъ образамъ и, если въ оцѣнкѣ художественнаго разсказа выдвигать на первый планъ эту способность писателя обнаруживать тайныя пружины окружающей его жизни, показывать намъ, какими общими теченіями мысли, какими чувствами, стремленіями, среди какихъ привычекъ живетъ не одно какое нибудь лицо, а цѣлыя группы лицъ, изъ которыхъ складается общественный организмъ,—если эту способность цѣнить въ бытописатель-реалистѣ, то, бесспорно, исторію русскаго реальнаго романа придется начинать съ Гоголя».

¹⁾ Гоголь могъ ошибаться въ пониманіи русской жизни, но это не уничтожаетъ и не умаляетъ «сознательности» его отношеній.

Н. А. Котларевскій о реализмѣ „Мертвыхъ Душ“

Русская критика о „Мертвых Душах“.

Русская критика и въ оцѣнкѣ «Мертвыхъ Душъ» разошлась кореннымъ образомъ; впрочемъ, больше отзывовъ было восторженныхъ; тѣмъ не менѣе, русской критикой, какъ было уже указано (стр. 136 и др.), Гоголь былъ недоволенъ,—онъ желалъ обстоятельнаго разбора своей «поэмы», а услышалъ только ругань, или неумѣренныя восхваления.

Вулгаринъ.

Вулгаринъ призналъ многое въ произведеніи Гоголя забавнымъ и смѣшнымъ, призналъ наличность умныхъ замѣчаній, но заявилъ, что всѣ эти счастливыя частности тонуть въ странной смѣси вздора, пошлостей и пустяковъ. Въ общемъ, «поэма» показалась ему не совсѣмъ приличной и, во всякомъ случаѣ, произведеніемъ несерьезнымъ. Гоголя онъ сравнилъ съ Поль-де-Кокомъ. Таково же отношеніе къ «Мертвымъ Душамъ» Сенковского,—онъ не отрицаетъ присутствія въ «поэмѣ» легкаго остроумія, но не видитъ серьезной художнической наблюдательности: «стиль его грязенъ, картины зловонны»,—говоритъ придирчивый критикъ,—правды русской жизни онъ въ поэмѣ не нашелъ. Полевой, застарѣлый романтикъ, не могъ переварить гоголевскаго реализма и призналъ въ «Мертвыхъ Душахъ»—грубую карикатуру, которая перешла за предѣлы изящнаго. Произведеніе это онъ называетъ «неоправданной гостиницей», «клеветой на Россію». «Сколько грязи въ этой поэмѣ!—продолжаетъ Полевой.—И приходится согласиться, что Гоголь—родственникъ Поль-де-Кока. Онъ—въ близкомъ родствѣ и съ Диккенсомъ, но Диккенсу можно простить его грязь и уродливость за свѣтлыя черты, а ихъ не найти у Гоголя».

Сенковский.

Полевой.

Кромѣ такихъ немногихъ суровыхъ отзывовъ, большинство было восторженное; критики были поражены новизной явленія, поражены богатствомъ картинъ, типовъ и положеній, но никто изъ нихъ не рѣшается высказаться по существу и съ достаточной полнотой опредѣлить все значеніе «Мертвыхъ Душъ» для русской жизни; хотя каждый изъ нихъ и торопится сказать, что эта поэма въ общественномъ смыслѣ явленіе очень знаменательное (Котляревскій). Изъ серьезныхъ критикъ надо указать отзывъ Шевырева, который, впрочемъ, слишкомъ много говоритъ о будущихъ русскихъ идеальныхъ герояхъ, обѣщанныхъ Гоголемъ. Этотъ критикъ указалъ, между прочимъ, на торжество реализма въ нашемъ искусствѣ и на то значеніе, которое въ этой побѣдѣ сыграли «Мертвыя Души». К. Аксаковъ отъ произведенія Гоголя былъ въ такомъ восхищеніи, что поставилъ Гоголя рядомъ съ Гомеромъ и Шекспиромъ. Это вызвало даже рѣзкую отповѣдь Вѣлинскаго, въ защиту униженныхъ міровыхъ гениевъ. Самъ Вѣлинскій не посвятилъ «Мертвымъ Душамъ» нѣкой статьи, но нѣсколько разъ въ разныхъ работахъ отзывается о нихъ сочувственно. «Мертвыя Души», по его словамъ, «твореніе чисто-русское, національное, выхваченное изъ тайника народной жизни, столь же истинное, сколько и патриотическое, безпощадно сдергивающее покровъ съ дѣйствительности и дышащее страстною, нервистою, кровною любовью къ плодотворному зерну русской жизни; твореніе необъятно художественное по концепціи и выполненію, по характерамъ дѣйствующихъ лицъ и подробностямъ русскаго быта и, въ то же время, глубокое по мысли, социальное, общественное и историческое». Вѣлинскій былъ живо затронутъ также лиризмомъ Гоголя, романтическими порывами его души, его страстнымъ исканіемъ живой русской души; Вѣлинскаго заинтересовали и обѣщанія Гоголя дать продолженіе поэмы съ другими лицами, хотя,

Шевыревъ.

К. Аксаковъ.

Вѣлинскій о „Мертвыхъ Душахъ“.

послѣ «славянофильскихъ» восторговъ Шевырева и К. Аксакова по поводу этихъ будущихъ идеальныхъ русскихъ героевъ, онъ сталъ критически относиться къ общаніямъ Гоголя. Онъ даже въ этихъ общаніяхъ прозрѣлъ опасность, грозящую гоголевскому таланту, и сталъ печатно убѣждать его «не увлекаться такими замыслами, которые не отвѣчаютъ вполне опредѣлившемуся характеру его таланта». По адресу К. Аксакова, Вѣлинскій сказалъ: «истинная» критика «Мертвыхъ Душъ» должна состоять не въ восторженныхъ крикахъ о Гомерѣ и Шекспирѣ, объ актѣ творчества, о тройкѣ,—нѣтъ, истинная критика должна раскрыть паеосъ поэмы, который состоитъ въ *противорѣчии общественныхъ формъ жизни съ ея глубокимъ субстанціальнымъ началомъ*, доселѣ еще таинственнымъ, доселѣ не открывшимся собственному сознанию и неуловимымъ ни для какого опредѣленія. Увлеченный Гегелемъ, Вѣлинскій такъ же страстно, какъ и Гоголь, старался опредѣлить идеальныя стороны народности русской,—то положительное, что она должна внести въ сокровищницу человѣческой культуры, чтобы завоевать право на почетный титулъ «историческаго» народа. Ясное опредѣленіе русскихъ идеаловъ—и искаженіе этихъ идеаловъ въ изображенной Гоголемъ русской жизни,—вотъ, гдѣ основанія, ва которыя рекомендовалъ Вѣлинскій вступить серьезному критику «Мертвыхъ Душъ».

Вліаніе Гегеля на исканія у насъ русской народности*.

О причинахъ появленія въ свѣтъ «Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями» было уже говорено выше ¹⁾. Гоголь въ этомъ произведеніи поторопился «передъ смертю» договорить то, чего онъ не могъ,—не имѣлъ времени и таланта выговорить путемъ беллетристики—путемъ продолженія «Мертвыхъ Душъ». И вотъ, онъ обнародовалъ нѣкоторыя личныя письма свои къ ближайшимъ друзьямъ и знакомымъ,—въ результатѣ, получилась странная книга, въ которой торопливо, сбивчиво, мѣстами съ горячимъ воодушевленіемъ, мѣстами съ какимъ-то фальшиво-приподнятымъ паеосомъ говорить онъ о тѣхъ вопросахъ, которые мучили его передъ смертю. Это книга «больная», но это книга правдивая. И нельзя было тяжелѣе придумать оскорбленія умирающему человѣку, какъ сказать, что онъ «лгалъ» въ своей книгѣ. И это Гоголю сказали. Въ своей «Авторской исповѣди» онъ говоритъ по этому поводу слѣдующее: «...называть лжецомъ и обманщикомъ, надѣвшимъ личину набожности, приписывать подлая и низкія цѣли—это такого рода обвиненія, которыхъ я бы не въ силахъ былъ взвести даже на отъявленнаго мерзавца... Не мѣшало бы подумать прежде, чѣмъ произносить такое обвиненіе: «Не ошибаюсь ли я самъ? вѣдь я тоже человѣкъ. Дѣло тутъ душевное. Душа человѣка—кладезъ, не для всѣхъ доступная, и на видимомъ сходствѣ нѣкоторыхъ признаковъ нельзя основываться... Нѣтъ, въ книгѣ «Переписка съ друзьями», какъ ни много недостатковъ во всѣхъ отношеніяхъ, но есть также въ ней много того, что не скоро можетъ быть доступно всѣмъ... Для того, чтобы сколько-нибудь почувствовать эту книгу, нужно имѣть или очень простую и добрую душу, или быть слишкомъ многостороннимъ человѣкомъ, который, при умѣ, обнимающемъ со всѣхъ сторонъ, заключалъ бы высокій поэтический талантъ и душу, умѣющую любить полною и глубокою любовью».

„Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“.

¹⁾ См. выше стр. 188.

Гоголь былъ правъ, говоря, что мысли его не умрутъ—многое изъ того, что онъ высказалъ въ своей книгѣ, нашло развитіе въ наши дни въ литературной и публицистической дѣятельности Л. Толстого.

Содержаніе.

Слишкомъ пестро и разнохарактерно содержаніе «Выбранныхъ мѣстъ», чтобы можно было сколько-нибудь стройно и полно изложить «философію» Гоголя. Приходится довольствоваться лишь болѣе главнымъ. Во-первыхъ, въ этомъ произведеніи много чисто-автобіографическаго; боязнь смерти, горячая, фанатическая любовь къ Богу, заботы о строеніи своего «душевнаго дѣла», самобичеваніе, различныя признанія касательно своихъ сочиненій—все это не имѣетъ общественнаго значенія. Такое значеніе остается только за мыслями Гоголя о государствѣ, обществѣ, русскомъ народѣ и русской интеллигенціи, о значеніи литературы, ея содержаніи и дѣляхъ. Гоголь, въ юности идеализировавшій бюрократическій строй русской жизни, подъ конецъ, совершенно въ немъ разочаровался. И въ «Мертвыхъ Душахъ», и въ «Перепискѣ» найдемъ мы рѣзкія нападенія его на систему управлять страной при помощи «бумагъ изъ Петербурга», при помощи комиссій и іерархіи чиновниковъ. Въмѣсто этого строя, Гоголь мечталъ о какомъ-то «патріархальномъ устройствѣ» государства: во главѣ его стоитъ государь, который къ подданнымъ относится сердечно, какъ «отецъ», съ вѣрою и любовью. Такими-же государями «въ миниатюрѣ» должны были быть «генералъ-губернаторы» и «губернаторы»; гуманно, просто, безъ чиновчтанія должны были относиться другъ къ другу люди въ этомъ гоголевскомъ государствѣ. Прямой путь къ этому идеалу «очищеніе своей собственной души и сердца». Не реформы въ западномъ духѣ необходимы отечеству, говорилъ Гоголь, а моральное возрожденіе каждаго отдѣльнаго человѣка. То же приблизительно въ наши дни говоритъ Л. Толстой. Къ просвѣщенію въ западномъ духѣ онъ относился такъ же, какъ тотъ же Л. Толстой. Жизнь идеальнаго государства будетъ течь быстро и правильно, когда каждый опредѣлитъ свой «долгъ» и, довольствуясь малымъ жребіемъ, честно понесетъ его въ жизни: мужикъ пусть пахнетъ землю, пусть помѣщикъ патріархально къ нему относится, оберегаетъ его, наставляетъ, хвалитъ, наказываетъ, судитъ, и чиновникъ пусть честно исполняетъ свою работу, купецъ пусть честно работаетъ,—и тогда все процвѣтетъ безъ реформъ.

Патріархальный складъ государственной жизни.

Помѣщикъ-дворянинъ, его значеніе въ государствѣ.

Особенное вниманіе удѣлилъ Гоголь помѣщику-дворянину. Это, по его представленію,—маленькій государь въ своемъ помѣстькѣ: онъ передъ Богомъ отвѣчаетъ за своихъ крѣпостныхъ,—оттого «святой» называетъ онъ работу въ деревнѣ разумнаго, добродѣтельнаго помѣщика. Не освобожденіе крестьянъ нужно мужикамъ, училъ Гоголь, не школы и не книги, а разумное руководство и религиозное воспитаніе. Трудъ землепашца и дворянина-помѣщика, живущаго неотлучно въ деревнѣ,—основа процвѣтанія отечества.

Это тяготѣніе къ «землѣ», обожествленіе труда, особенно физическаго ¹⁾ опять сближаетъ Гоголя съ Л. Толстымъ.

Апогеевъ „труда“ и работы надъ „землей“.

Русскимъ обществомъ Гоголь недоволенъ въ своихъ письмахъ: онъ неразъ говоритъ о какой-то тревогѣ, которая растетъ въ русской

¹⁾ Онъ помѣщику рекомендуетъ косить вмѣстѣ съ крестьянами.

интеллигенціи, о растерянности, пустотѣ русской мысли, о какихъ-то исканіяхъ чего-то. Гоголь правъ былъ, отмѣтивъ переходный характеръ русскаго общественнаго самосознанія, но онъ ошибся, не угадавъ близости 60-хъ годовъ и всего переустройства русской жизни на новыхъ либеральныхъ началахъ. Въ своей книгѣ онъ повторилъ ту ошибку, въ которую впали многіе русскіе люди временъ Грознаго, которые мечтали исправить русскую жизнь, возстановивъ «поисхатавшуюся старину» тогда, когда въ русскомъ обществѣ уже назрѣвало предчувствіе реформы Петра. Вотъ почему и книга Гоголя нѣсколько смаживаетъ на «Домострой», съ его патриархальными взглядами на жизнь, съ его идеализаціей изжитыхъ формъ жизни.

Зато совсѣмъ не по старинному смотрѣлъ Гоголь на «женщину», — ее онъ боготворитъ, ей отводитъ первое мѣсто въ исторіи человѣческой жизни, общественной и семейной. Отзвуки юношескаго романтизма привели Гоголя къ такому преклоненію.

Съ историко-литературной точки зрѣнія любопытны нѣкоторые письма его о поэзіи русской. Онъ отмѣчаетъ органическую связь русской лирики съ поэзіей древне-русской, церковной. Онъ указываетъ, что русскіе поэты даже XVIII вѣка изъ Св. Писанія почерпали и образы, и настроенія. Ломоносовъ, Державинъ, Пушкинъ, Языковъ даютъ ему особенно много основаній для этого утвержденія. Восхваленіе Россіи, русскаго царя въ нашей поэзіи — есть отзвукъ того полурелигіознаго пафоса, съ которымъ о царяхъ и родинѣ говорится только въ Ветхомъ Завѣтѣ. И Гоголь лирическому поэту своего времени рекомендуетъ Ветхій Завѣтъ, говоря, что тамъ источникъ вѣчной и возвышенной, божественной поэзіи. Изъ христіанскихъ церквей онъ отдаетъ предпочтеніе православной: въ ней больше заботы о небесномъ, въ ней больше смиренія, больше любви къ людямъ, больше гуманности... И опять, въ его словахъ мы слышимъ словно указаніе русскому писателю, откуда брать ему идеалы — изъ Св. Писанія, изъ ученія Восточной Церкви: «Святые отцы» и «Златоустъ» — лучшія книги для народа, говоритъ Гоголь. И въ этихъ словахъ передъ нами воскресаетъ старая, допетровская Русь, когда, дѣйствительно, эти книги были настольными у русскаго грамотія.

Рѣшаетъ Гоголь неразъ вопросъ объ отношеніяхъ Европы и Россіи: онъ критически, даже съ юморомъ относится къ «кваснымъ патріотамъ», къ славянофиламъ, но критикуетъ и «западниковъ». Къ «Западу» онъ относится съ полнымъ недоумѣніемъ, — ему кажется, что западная культура изсякаетъ, и что скоро къ Россіи «за мудростью» обратятся заграничные люди. «Всѣ европейскія государства, говоритъ онъ, теперь болѣютъ необыкновенною сложностью всякихъ законовъ и постановленій», идеалы религіозные тамъ забыты, и «душевнымъ дѣломъ» никто не занимается. Не то онъ видѣлъ въ Россіи, по крайней мѣрѣ, въ томъ кругу, въ которомъ онъ вращался: очевидно, въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти губернаторши, помещици, «значительныя лица», поэты, которымъ онъ писалъ свои письма, думали больше о своей душѣ, о «своемъ внутреннемъ строеніи», чѣмъ о землѣ. И это утѣшало Гоголя. Онъ говоритъ, что русское общество его времени «все чего-то ищетъ, ищетъ уже не внѣ, а внутри себя. Вопросы нравственные взяли перевѣсъ надъ политическими и надъ учеными». Гоголь

„Русское общество“ въ пониманіи Гоголя.

Женщина.

Мысли Гоголя о значеніи церковной поэзіи для поэзіи новой русской.

Православная церковь.

Отношеніе Европы и Россіи.

не знали о других настроеніях русскаго общества, и это незнаніе сдѣлало для людей иныхъ убѣжденій его книгу непонятной, и глупой, и неприличной, и вредной...

Разнообразіе
тона и стила
писемъ".

Гоголь писалъ свои письма къ разнымъ лицамъ, къ умнымъ и глупымъ, къ восторженнымъ и спокойнымъ; онъ самъ говоритъ, что писалъ такъ, чтобы его всякій понималъ,—оттого въ его письмахъ много разнообразія даже въ манерѣ письма. Грубоватому и недалекому помѣщику онъ писалъ грубоватое письмо, говоря, очевидно, понятнымъ для него стилемъ. Это письмо особенно возмутило Бѣлинскаго. Гоголь совѣтуетъ помѣщику вѣдрять у крестьянъ уваженіе къ честнымъ и хорошимъ работникамъ; передъ образцовымъ «мужикомъ» обыкновенные должны были снимать шапки; если кто не сниметъ, то по адресу такого Гоголь рекомендовалъ помѣщику употребить «крѣпкое слово»: «ахъ, ты, невымытое рыло! Самъ весь зажилъ въ сажѣ, такъ что и глазъ не видать, да еще не хочетъ оказать и чести честному! Поклонись же ему въ ноги!» Это «невымытое рыло» — только «мужицкій стиль», которымъ, очевидно, Гоголь хотѣлъ указать лишь на моральную неочищенность мужика. «Мужика не бей, говоритъ онъ въ томъ же письмѣ. Съѣздить его въ рожу еще не большое искусство. Но умѣй проявить его хорошенько словами». Это «съѣздить по уху» — уже, очевидно, помѣщичій жаргонъ, подъ который поддѣлывается Гоголь, стараясь сдѣлаться вполне яснымъ своему простоватому и грубому корреспонденту.

Вообще многое изъ того, что указалъ Гоголь въ русской жизни, и умно, и вѣрно; его собственные взгляды часто возвышены и чисты, но когда онъ переходилъ на практическую почву, то совѣты его часто наивны, даже неумны... Такъ, въ этомъ же письмѣ къ помѣщику онъ рекомендуетъ помѣщику, для поднятія въ деревнѣ авторитета сельскаго батюшки, всюду брать съ собой этого батюшку на работу и каждый день сажать его за господскій столъ. Гоголь не пожелалъ заглянуть по-человѣчески въ душу этого несчастнаго священника, который даже пообѣдать въ кругу своей семьи не имѣетъ права! Наивны совѣты тому же помѣщику съечь передъ мужиками нѣсколько ассигнацій въ доказательство того, что онъ, помѣщикъ, не корыстолюбивъ!

Отношеніе
русскаго обще-
ства къ этому
произведенію.

Когда эти странныя письма сдѣлались достояніемъ публики, они и русскаго общества въ комъ, кромѣ интимныхъ друзей, не вызвали къ себѣ сочувствія. Особенно возмущены были люди либеральнаго склада мыслей, недавніе поклонники Гоголя. Они увидѣли въ книгѣ его измѣну его прежнимъ честнымъ убѣжденіямъ, увидѣли ложь и подлость. Всего энергичнѣе такое отношеніе выразилось въ письмѣ Бѣлинскаго къ Гоголю. Самъ фанатикъ по темпераменту, самъ больной и измученный жизненной борьбой, критикъ много злого и несправедливаго сказалъ Гоголю, уже стоявшему одной ногой въ могилѣ. Въ этомъ столкновеніи двухъ великихъ современниковъ сказалось все русское общество, съ различными полюсами его тогдашняго мировоззрѣнія.

Бѣлинскій написалъ Гоголю, что прежде «любилъ его со всею страстью», видя въ немъ надежду, честь, славу русской земли, «одного изъ великихъ вождей ея на пути сознанія, развитія, прогресса». Теперь отъ этой страсти осталось «презрѣніе и ненависть», такая же страстная... Книгу Гоголя онъ назвалъ «хитрой, но черзчуръ нецеремонной продѣлкой для до-

стиженія небеснымъ путемъ чисто-земной дѣли». Онъ съ негодованіемъ остановился на выраженіи: «ахъ, ты—невмытое рыло!»... Не вникая въ истинный смыслъ этой грубости, онъ назвалъ Гоголя «проповѣдникомъ кнута, апостоломъ невѣжества, поборникомъ обскурантизма и мракобѣсія»; онъ нападетъ на религію Гоголя: «не истиной христіанскаго ученія, говоритъ онъ, а болѣзненной боязнью смерти, чорта и ада вѣтъ изъ вашей книги»; онъ высмѣялъ стиль книги, онъ указалъ на слухи о томъ, что книга Гоголя написана была имъ для того, чтобы попасть въ наставники цесаревича...

Въ отвѣтъ на эту «критику», жестокую и незаслуженную, и на другія подобныя же написалъ Гоголь свою «Авторскую исповѣдь». Глубокою горестью, тоской проникнуто это, ясное по мысли, спокойное по изложенію сочиненіе. Гоголь умиралъ, непонятый современниками и потерявшій надежду, что они его поймутъ, что ему простятъ за промахи, что поблагодарятъ за то страстное желаніе принести пользу родинѣ, которое руководило имъ въ жизни и которое онъ перенесъ въ свои сочиненія. У грядущихъ поколѣній просить онъ въ своей трогательной «Авторской исповѣди» справедливости и милости...

Гоголь принадлежалъ къ характерной для Россіи семьѣ людей «алчущихъ правды»—«счастливаго» довольства собой ему не было дано въ удѣлъ. Въ этомъ заключается его личное «несчастіе». Несчастливъ былъ онъ и оттого, что натура его представляла собою причудливое соединеніе самыхъ противорѣчивыхъ качествъ: эгоизма и—способности самопожертвованія и смиренія,—смѣшенія земного и небеснаго заразы... Немного Хлестаковъ (по его собственному признанію) и Муразовъ,—онъ вѣчно боролся съ собою, вѣчно хлопоталъ надъ устройствомъ своей души и, окрыленный лучшими чувствами, игралъ не безъ самодовольства несвойственную ему роль «пророка!» Гоголь—«герой безвременья». Если бы онъ появился въ древней Руси, быть можетъ, онъ сыгралъ бы тогда великую роль именно въ той дѣятельности, которая такъ влекла его къ себѣ.

Въ этомъ отношеніи, онъ совершенно непохожъ на Пушкина,—у того душа была въ равновѣсіи, въ ней не было того раздвоенія, которое исковеркало Гоголя.

Если мы вглядимся въ Гоголя, какъ въ «писателя»,—мы и здѣсь увидимъ ту же раздвоенность: «художникъ-реалистъ» и «моралистъ-проповѣдникъ» не слились въ его лицѣ. Пушкинъ никогда не брался «учить» людей добру, и, тѣмъ не менѣе, училъ ихъ, пробуждая добрыя чувства. Онъ никогда не подчинялъ своего творчества морали и высоко держалъ свое знамя писателя,—Гоголь, наоборотъ, проповѣдникъ, по призванію съ дѣтскихъ лѣтъ, и великій художникъ—по таланту, хотѣлъ принести въ жертву морали свой прирожденный талантъ,—но оказался не въ состояніи «учить» людей такъ, какъ хотѣлось ему. Трагедія его литературной карьеры и заключается въ томъ, что, когда, подъ влияніемъ Пушкина, въ немъ «моралистъ» уступилъ «художнику», онъ написалъ свои безсмертныя произведенія,—онъ былъ ими недоволенъ. Когда же «моралистъ» въ немъ побѣдилъ «художника», онъ сталъ печатать такія вещи, которыя нравились ему, но перестали нравиться другимъ и встрѣчены были укоромъ. Эта двойная борьба со своей душой и своимъ талантомъ была причиной несчастья его жизни. Это былъ съ дѣтства

„Авторская исповѣдь“.

Гоголь, какъ личность; трагедія его жизни.

Трагедія Гоголя, какъ писателя.

«отравленный талант», который творилъ трудно,—кровью сердца и слезами очей своихъ.

Даже свѣтлую и свободную любовь Пушкина къ «землѣ» онъ до боли заострилъ своей проповѣдью состраданія къ ближнимъ. Эта любовь перестала быть свободной и радостной.

Проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовскій о характерныхъ особенностяхъ таланта Гоголя.

Въ цѣнной работѣ проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго: «Гоголь» мы найдемъ указаніе еще другихъ психологическихъ причинъ гоголевскихъ неудачъ, найдемъ и очень мѣткую характеристику особенностей его таланта и манеры письма.

Сравнивая приемы творчества Пушкина и Гоголя, проф. Овсяннико-Куликовскій отмѣчаетъ существенное различіе ихъ. Пушкинъ относится къ разряду писателей-наблюдателей, — рисующихъ жизнь полностью, какъ она есть; Гоголь относится къ разряду писателей-экспериментаторовъ—тѣхъ, которые дѣлаютъ надъ жизнью эксперименты, опыты; такіе писатели подходятъ къ жизни съ опредѣленной идеей, и изъ жизни выдѣляютъ только нѣкоторыя, интересующія ихъ черты ¹⁾. Художникъ-наблюдатель стремится дать правдивое и полное изображеніе жизни. Онъ «присматривается и прислушивается къ жизни, стараясь понять ее,—онъ стремится постичь *человѣка въ жизни*, взятой въ опредѣленныхъ предѣлахъ мѣста и времени, и въ своихъ созданіяхъ онъ не столько обнаруживаетъ и передаетъ *свою манеру видѣть и слышать жизнь и свой даръ чувствовать челоѣка*, сколько, открывая намъ широкую картину дѣйствительности, даетъ намъ возможность, при ея помощи, развивать и совершенствовать наше собственное пониманіе жизни, нашъ собственный даръ чувствовать челоѣка и все челоѣческое». У художниковъ-экспериментаторовъ нѣтъ такого безпристрастія въ творествѣ: онъ на фактахъ, взятыхъ изъ жизни, *доказываетъ свою идею*: въ силу нарочитаго подбора нужныхъ чертъ, нужныхъ типовъ, «изучаемая художникомъ сторона жизни выступаетъ такъ ярко, такъ отчетливо, что ея мысль, ея роль становятся понятны всѣмъ».

Пушкинъ и Гоголь.

Гоголь, и какъ челоѣкъ, былъ экспериментаторъ, — онъ постоянно дѣлалъ опыты надъ своей душой, не стѣснялся дѣлать опыты и надъ душой своихъ друзей. Вотъ почему онъ никогда не жилъ *просто* ²⁾. Въ этомъ отношеніи, онъ тоже противоположенъ Пушкину. «Душа, открытая всѣмъ впечатлѣніямъ и всѣмъ сочувствіямъ, любознательный и воспримчивый умъ, разносторонность натуры, живой интересъ къ дѣйствительности въ многообразныхъ ея проявленіяхъ—таковы тѣ особенности душевной организаціи, въ силу которыхъ Пушкинъ былъ въ искусствѣ «худож-

¹⁾ Эти два приема, „пушкинскій“ и „гоголевскій“, „явились“ отправными точками, отъ которыхъ пошли въ русской литературѣ XIX ст. два направленія, два теченія, двѣ школы, до сихъ поръ еще не сказавшія своего послѣдняго слова и продолжающія развиваться дальше. „Пушкинское“ и „гоголевское“ проходятъ, съ 30-хъ годовъ и доселѣ, по всей русской литературѣ, то сближаясь, то разлучаясь, дополняя другъ друга. Къ писателямъ „пушкинской“ школы относится, напримѣръ, въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ Тургеневъ; къ „гоголевской“—Гончаровъ, Достоевскій, Л. Толстой, Чеховъ...

²⁾ См. многочисленные факты, это подтверждающіе, въ книгѣ проф. Овсяннико-Куликовскаго.

никомъ—наблюдателемъ» и вмѣстѣ «мыслителемъ», а въ жизни—мыслящимъ «передовымъ человѣкомъ», откликавшимся на всѣ важнѣйшіе интересы и запросы времени. Онъ бодро и сочувственно, съ заинтересованнымъ вниманіемъ, смотрѣлъ на Божій міръ и, наблюдая людей и жизнь, почти не заглядывалъ, развѣ урывками и случайно, въ свою собственную душу. Онъ не думалъ о себѣ, какъ не думаетъ о себѣ естествоиспытатель, наблюдая природу. Не таковъ былъ Гоголь: сосредоточенный и замкнутый въ себѣ, склонный къ самоанализу и самобичеванію, предрасположенный къ меланхолии и мизантропіи, натура неуравновѣшенная, Гоголь смотрѣлъ на Божій міръ сквозь призму своихъ настроеній, большею частью, очень сложныхъ и психологически-темныхъ, и видѣлъ ярко и въ увеличенномъ масштабѣ преимущественно все темное, мелкое, пошлое, узкое въ человѣкѣ; кое-что отъ этого порядка онъ усматривалъ и въ себѣ самомъ,—и тѣмъ живѣе и болѣзненноѣ отъивался онъ на эти впечатлѣнія, идущія отъ другихъ, отъ окружающей среды... Онъ изучалъ ихъ одновременно и въ себѣ, и въ другихъ».

Вотъ почему, въ сравненіи со «свѣтлымъ», широкимъ пушкинскимъ умомъ, огромный, но узкій, односторонній, умъ гоголевскій былъ «темнымъ» (Овсанико-Куликовскій). Потому и умъ, и творчество его были несвободны. И, какъ это ни странно, — они оказались въ рабствѣ у давно пережитыхъ религіозныхъ и моральныхъ взглядовъ древней Руси¹⁾. Въ Гоголѣ русская старина, забытая въ XVII и XVIII вѣкѣ, опять воскресла, но, не будучи въ состояніи сродниться, слиться съ жизнью XIX столѣтія, изломала того великаго человѣка, которымъ овладѣла. Послѣ этой великой искупительной жертвы, въ дѣятельности Тургенева, Толстого, Достоевскаго и другихъ великихъ его учениковъ мы увидѣли уже органическое и мирное скрещеніе старыхъ русскихъ идеаловъ съ новой жизнью.

Изъ всего вышесказаннаго ясно великое историческое значеніе Гоголя:

1) Если Пушкинъ, какъ художникъ, открылъ *поэзію древней Руси*, — поэзію ея идейной жизни, то Гоголь, какъ человѣкъ и писатель, сдѣлался проводникомъ въ новую русскую жизнь нравственныхъ и религіозныхъ идеаловъ старины. Достоевскій и Л. Толстой—его ученики.

2) Ислѣдствіе этого онъ кореннымъ образомъ измѣнилъ у насъ пониманіе и роль «писателя»; онъ первый придалъ ему характеръ «пророка», «проповѣдника» христіанской морали; литературу онъ, *при помощи Бѣлинскаго*, объяснившаго истинный смыслъ его творчества, сдѣлалъ общественной силой (см. ниже стр. 255).

3) Гоголь органически связанъ съ реалистической литературой XVIII вѣка, — съ русскими сатириками и драматургами этой эпохи. Какъ Пушкинъ, онъ подвелъ *итогъ* всей предшествовавшей литературы, упорно раскрывавшей безотрадные стороны русской жизни.

Историческое
значеніе
Гоголя.

¹⁾ Быть можетъ, это объясняется тѣмъ, что Гоголь, по словамъ проф. Овсанико-Куликовскаго, по натурѣ своей былъ „мыслителемъ“, по плохимъ „ученикомъ“, т. е. своего умственного круговора не расширялъ „чтеніемъ“, какъ это дѣлалъ, напримѣръ, Пушкинъ. Вотъ почему домашнее религіозное воспитаніе Гоголя сдѣлалось основаніемъ его „философіи“. Онъ и не вышелъ изъ ея узкихъ предѣловъ, не расширилъ ее, а углубилъ.

4) Подобно Пушкину, онъ не только подвелъ итоги прошлой литературной жизни,—онъ *намѣтилъ и содержаніе послѣдующей*. Оттого самъ Бѣлинскій поставилъ его во главѣ *новаго періода* русской литературы. Въ этомъ новомъ періодѣ, впрочемъ, не умерли и пушкинскія традиціи. Въ русской литературѣ XIX в. мы должны различать двѣ литературныя школы—«пушкинскую» и «гоголевскую».

5) Въ исторіи русскаго реализма онъ потому играетъ большое значеніе, что первый заговорилъ о *теоріи реализма*, первый сознательно выработалъ приемы новаго творчества.

6) Гоголь страстно любилъ Россію и всюю душою хотѣлъ проникнуть въ «духъ» русскаго народа, опредѣлить его будущее. Вотъ почему въ исторіи русскаго «народничества» играетъ онъ большую роль.

Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій.

(1810—1848).

Биографія его. В. Г. Бѣлинскій родился въ бѣдной семьѣ военнаго врача въ Свеаборгѣ. Тяжелы были первыя впечатлѣнія ребенка. Отецъ его, «неудачникъ въ жизни», былъ человекъ умный и, для своего времени, образованный, но озлобленный; онъ плохо жилъ со своею женою, мало заботился о семьѣ и не уживался съ людьми. Страсть къ вину совсѣмъ погубила его.

Мать Бѣлинскаго тоже не отличалась уживчивостію и мягкостію, но она еще меньше могла имѣть вліянія на ребенка, чѣмъ отецъ, который всетаки импонировалъ ему своимъ умомъ, умѣніемъ критически относиться къ жизни и людямъ, знаніями и начитанностію.

Одинокій, замкнутый въ себѣ росъ Бѣлинскій въ родной семьѣ, рано научившись относиться сознательно къ окружающей его жизни. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ уѣздномъ училищѣ въ г. Чембарѣ (Пензенской губ.), гдѣ выдѣлился изъ среды товарищей своимъ развитіемъ и начитанностію. Въ семьѣ родной Бѣлинскій чувствовалъ себя тяжело: нищета, злоба, взаимные укоры и общее недовольство царилъ тамъ; ребенку приходилось выносить иногда даже незаслуженные побои отъ пьянаго отца; это возмущало его не по лѣтамъ развитое самолюбіе и отталкивало отъ семьи, гдѣ царилъ произволъ.

Продолжалъ онъ свое образованіе въ Пензенской гимназіи. Здѣсь онъ сблизился съ учителемъ естественной исторіи Поповымъ, который отнесся къ нему сердечно и давалъ ему книги изъ своей большой бібліотеки. Гимназіи Бѣлинскій не кончилъ: бросилъ ее посѣщать и, оставивъ ее, онъ держалъ экзаменъ прямо въ университетъ. Уже въ это время ранней юности увлекся онъ романтизмомъ — Жуковский, Марлинскій, Шиллеръ, Радклиффъ были его любимыми писателями, — вѣсть съ юными своими друзьями слѣдилъ онъ и за русской журналистикой: Полевой и Надеждинъ были тогда самыми популярными журналистами. Они особенно увлекали и юношу-Бѣлинскаго. Этотъ ранній періодъ своей сознательной жизни онъ самъ называлъ впоследствии «бурнымъ періодомъ» («Sturm und Drang»). Въ это время пробужденія критицизма и молодого задора онъ чувствовалъ себя большимъ либераломъ и безпощадно относился къ тогдашней русской дѣйствительности.

Биографія
Бѣлинскаго.
Отецъ его.

Мать.

Дѣтство
Бѣлинскаго.

Литературные
вкусъ
Бѣлинскаго
въ юности.

Вѣлинскій въ университетѣ.

Въ 1824 году, выдержавъ экзаменъ, Вѣлинскій поступилъ въ Московскій университетъ на словесный факультетъ. Здѣсь онъ увлекся только Надеждинымъ, который знакомилъ своихъ слушателей съ нѣмецкими философскими системами, особенно пропагандируя мирозсерпаніе Шеллинга. Въ университетѣ Вѣлинскій пробылъ только три года,—онъ не ужился съ тяжелымъ режимомъ, которымъ обставлена была тогда жизнь «казенно-коштныхъ» студентовъ въ Московскомъ университетѣ; кромѣ того, запутался онъ въ одной студенческой исторіи и, наконецъ, провинился тѣмъ, что сочинилъ драму «Дмитрій Калининъ», которая представляетъ собой очень рѣзкій протестъ противъ крѣпостного права ¹⁾. Драма, своимъ страстнымъ либерализмомъ, произвела на товарищей Вѣлинскаго сильное впечатлѣніе. Онъ имѣлъ наивность представить ее въ цензурный комитетъ, состоявшій тогда изъ профессоровъ университета. Когда открылось, что сочинитель драмы «казеннокоштный» студентъ Вѣлинскій, уже неоднократно навлекавшій на себя гнѣвъ ближайшаго начальства самостоятельностью своихъ мыслей и поведенія, онъ былъ исключенъ «за неаккуратное посѣщеніе лекцій» и «по ограниченности способностей». Ничего не далъ Вѣлинскому самъ университетъ, но зато тамъ Вѣлинскій сблизился съ кружкомъ Станкевича. Юноши-участники кружка чтеніемъ и бесѣдами усердно восполняли недостатки тогдашняго университетскаго образованія. Особенно увлекались они нѣмецкой философіей Шеллинга, потомъ Гегеля; изучали всемірныя литературы, разрабатывали вопросы эстетики и исторіи философіи. Вѣлинскій всей душой отдался этому кружковому самообразованію, и сразу выдѣлился въ обществѣ друзей своимъ умомъ, своей страстной жаждой знанія.

Драма «Дмитрій Калининъ».

Кружокъ Станкевича.

Вѣлинскій былъ сильно смущенъ своимъ изгнаніемъ изъ университета; онъ даже долго не рѣшался сообщить домой о своей неудачѣ. Крайняя нужда надвинулась на него: и вотъ недоучившійся студентъ, ради куска хлѣба, бѣгаетъ по грошовымъ урокамъ, берется за переводы бульварныхъ романовъ и пр.

Сближеніе съ Надеждинымъ приводитъ его къ журналистнкѣ; онъ дѣлается переводчикомъ съ французскаго въ журналахъ своего бывшаго профессора: «Телескопъ» и «Мольвъ»; переводилъ онъ всякую мелочь,—краткія газетныя сообщенія, анекдоты. Въ семьѣ дѣла шли все хуже и хуже, и Вѣлинскому приходилось постоянно вмѣшиваться въ жизнь родителей, заступаться за братьевъ, хлопотать объ ихъ судьбѣ. Его поддерживала только дружба съ Станкевичемъ и другими членами этого кружка,—людьми, «отборными по уму, образованности, талантамъ и благородству чувствъ»,—какъ онъ характеризовалъ ихъ въ одномъ письмѣ.

Отъ нихъ позимствовался Вѣлинскій своими знаніями нѣмецкой философіи, знаніемъ философскихъ теорій эстетики и исторіи. Мы видѣли уже, что всѣ эти теоріи и у Шеллинга, и у Гегеля отличались крайней отвлеченностью. Увѣровавъ въ нихъ, и Вѣлинскій, и его друзья стали мыслить отвлеченно,—отъ жизни русской они ушли въ идеальныя умо-

¹⁾ Все это время, до сближенія со Станкевичемъ, онъ былъ «либераломъ» и, по его словамъ, «былъ полонъ героическихъ стремленій, горячо ненавидѣлъ существовавшій общественный строй, въ то же время мучительно сознавалъ себя вулмъ».

Первые литературныя опыты.

Семейныя отношенія.

Значеніе кружка Станкевича въ жизни Вѣлинскаго.

зрительныя построения, — и вотъ юношескій либерализмъ Вѣблинскаго, только что навлекшій ему большую неурядность, сталъ безслѣдно вывѣтриваться. Недавно еще Шиллеръ, благородный защитникъ правъ угнетеннаго человѣчества, былъ для него «богомъ», — теперь Вѣблинскій отвернулся отъ него съ тою рѣшительностью и безповоротностью, на которую былъ способенъ только онъ. Теперь онъ превозносилъ Пушкина, Гёте, Шекспира за то, что тѣ, якобы, стояли внѣ мелочей будничной жизни, что они съ олимпійскимъ величіемъ созерцали вѣчную красоту, и только ей одной служили въ своихъ мировыхъ созданіяхъ.

«Пуще всего оставь политику и бойся всякаго политическаго вліянія на свой образъ мысли! Люби добро, — и тогда ты будешь необходимо поделенъ своему отечеству, не думая и не стараясь быть ему полезнымъ», — писалъ въ одномъ письмѣ юноша Вѣблинскій, покоренный идеалами отвлеченнаго прекраснотворія. «Если бы каждый изъ индивидовъ, составляющихъ Россію, путемъ любви дошелъ до совершенства, — тогда Россія, безъ всякой политики, сдѣлалась бы счастливѣйшею страной въ мірѣ. Просвѣщеніе — вотъ путь ея къ счастью». Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ, что политическія движенія французовъ для Россіи ненужны: каждый народъ имѣетъ свой смыслъ, свое значеніе, свой путь. Постепенность развитія — залогъ истиннаго прогресса: «правда, говоритъ онъ, мы еще не имѣемъ правъ, мы еще рабы, если угодно, но это оттого, что мы еще должны быть рабами. Россія еще — дитя, для котораго нужна нянька, въ груди которой билось бы сердце, полное любви къ своему питомцу, а въ рукѣ которой была бы лоза, готовая наказывать за шалости. Дать Россіи, въ теперешнемъ ея состояніи, конституцію — значитъ погубить Россію». Онъ теперь оправдывалъ правительство, которое «не позволяетъ писать противъ крѣпостнаго права, а, между тѣмъ, исподволь освобождаетъ крестьянъ». Приводя другіе подобныя факты, онъ восклицаетъ: «въ Россіи все идетъ къ лучшему». Онъ рекомендуетъ христіанскую любовь къ ближнему — какъ разумное основаніе общественной и государственной жизни. Онъ готовъ вѣрить, что эта «христіанская политика» есть особый удѣлъ русскаго народа: «быть апостолами просвѣщенія — вотъ наше назначеніе!» говоритъ онъ. «Итакъ будемъ подражать апостоламъ Христа, которые не дѣлали заговоровъ и не основывали ни явныхъ, ни тайныхъ политическихъ обществъ, распространяя ученіе своего божественнаго Учителя. Не суйся въ дѣла, которыя до тебя не касаются, но будь вѣренъ своему дѣлу, а твое дѣло — любовь къ истинѣ. Къ чорту политику, да здравствуетъ наука!.. Къ чорту французовъ!», которые занимаются политикой: «Германія — вотъ Иерусалимъ новѣйшаго человѣчества!» — съ такой страстностью впиталъ въ себя Вѣблинскій «умиротворяющія» идеи Шеллинга, особенно Гегеля.

Онъ самъ потомъ говорилъ, что отъ этихъ идей тогда «освирѣпѣлъ, ошанѣлъ», разсыпалъ «неистовыя проклятія» на благороднаго Шиллера за то, что тотъ призывалъ борьбой защищать права человѣчества: «я сорвался съ дѣви и побѣжалъ благимъ матомъ» — рассказываетъ Вѣблинскій. Когда онъ познакомился съ гегелевскою «философіей религіи» и «права», усвоилъ себѣ его историческое міросозерцаніе — онъ всѣ эти идеи принималъ открытой душой — по его словамъ: «новый міръ» ему открылся...

Вліяніе вѣмецкой философіи на убѣжденія Вѣблинскаго.

«Сила есть право—и право есть сила»,—писалъ онъ. «Нѣтъ, не могу описать тебѣ, съ какимъ чувствомъ услышалъ я эти слова—это было освобожденіе! Я понялъ идею паденія царствъ, законность завоевателей! я понялъ, что нѣтъ дикой матеріальной силы, нѣтъ владычества штыка и меча, нѣтъ произвола, нѣтъ случайности!—и кончилась моя опека надъ родомъ человѣческимъ, и значеніе моего отечества предстало мнѣ въ новомъ видѣ... Слово «дѣйствительность» сдѣлалось для меня равнозначительно слову «Богъ»... Это и былъ тотъ моментъ, когда Бѣлинскій увѣровалъ, что *все дѣйствительное разумно*. «Я гляжу на дѣйствительность, говоритъ онъ, столь презираемую прежде мною, и трепещу таинственнымъ восторгомъ, сознавая ея разумность». По его словамъ, онъ сближается теперь даже съ пошляками,—«мнѣ уже не душно въ ихъ кругу, они уже интересны для меня объективно»—«всякій правъ и никто не виноватъ; вѣтъ ошибочныхъ мнѣній, а есть моменты духа. Кто развѣивается, тотъ интересенъ каждую минуту, даже во всѣхъ своихъ уклоненіяхъ отъ истины»; «требуя отъ каждого именно только того, чего отъ него можно требовать, я получаю отъ него одно хорошее и ничего худого... Надо во внѣшности своей походить на всѣхъ!» говоритъ онъ, покоренный «фаталистическимъ» ученіемъ Гегеля, который личности, герою, единицѣ мало отводитъ мѣста въ исторіи, а массу, толпу—дѣлаетъ оснвою міровой эволюціи.

„Все дѣйстви-
тельное
разумно“.

„Чистое
искусство“.

Увлекается теперь Бѣлинскій «чистымъ искусствомъ». Одинъ изъ его друзей, Панаевъ, такъ характеризуетъ его: «Увлечшись толкованіями гегелевой философіи и знаменитою формулою, извлеченною изъ этой философіи, что все дѣйствительное разумно»,—Бѣлинскій проповѣдывалъ о примиреніи въ жизни и искусствѣ. Онъ дошелъ до того (крайности были въ его натурѣ!), что всякій общественный протестъ казался ему преступленіемъ, насиліемъ... Онъ съ презрѣніемъ отзывался о французскихъ энциклопедистахъ XVIII столѣтія, о критикахъ, не признававшихъ теоріи «искусства для искусства», о писателяхъ, стремившихся къ новой жизни, къ общественному обновленію; онъ съ особеннымъ негодованіемъ и ожесточеніемъ отзывался о Жоржъ-Зандѣ. Искусство составляло для него какой-то высшій, отдѣльный міръ, замкнутый въ самомъ себѣ, занимающийся только вѣчными истинами и не имѣвший никакой связи съ нашими житейскими дразгами и мелочами... Истинными художниками почиталъ онъ только тѣхъ, которые творили *безсознательно*. Къ такимъ причислялись Гомеръ, Шекспиръ и Гёте. Шиллеръ не подходилъ къ этому воззрѣнію, и Бѣлинскій, нѣкогда восторгавшійся имъ, охлаждался къ нему по мѣрѣ проникновенія своею новою теоріею».

Журнальная
дѣятельность
Бѣлинскаго.

Всѣ эти новыя знанія Бѣлинскій приложилъ скоро къ дѣлу. Въ это время его участіе въ журналахъ дѣлалось все болѣе серьезнымъ, и въ 1834 году, черезъ два года послѣ изгнанія изъ университета, печатаетъ онъ свою большую критическую статью «Литературныя мечтанія». Здѣсь онъ широко примѣняетъ и свои философскіе взгляды, и свои знанія русской литературы. Съ этой работы начинается серьезная литературная дѣятельность Бѣлинскаго. Этою дѣятельностью онъ добываетъ себѣ средства къ существованію, подвергая свою судьбу каждый день тѣмъ случайностямъ, которыя въ то суровое время мѣшали свободному существованію русской журналистики. Послѣ

напечатанія писемъ Чаадаева журналъ Надеждина «Телескопъ», которымъ жилъ Бѣлинскій, оказывается закрытымъ; юному критику приходилось искать новаго источника доходовъ. Но философъ, признавшій, что «все дѣйствительное разумно», еще не унывалъ, — онъ пожилъ въ деревнѣ своего друга Бакунина, побывалъ на Кавказѣ. Ненадолго онъ устроился, было, въ «Московскомъ Наблюдателѣ», но и этотъ журналъ оказался недолговѣчнымъ, и Бѣлинскому приходилось пользоваться поддержкой друзей—В. Боткина, К. Аксакова, Вфремова. «И именно въ эти тяжкіе годы Бѣлинскій жилъ стремленіями къ «абсолютной жизни», теоретически доказывалъ «разумную», «прекрасную» дѣйствительность» (Пышинъ).

Въ поискахъ денегъ, онъ сочинилъ даже грамматику, но она не пошла на книжномъ рынкѣ и не доставила денегъ. Бѣлинскій продолжаетъ жить «въ долгъ».

Въ 1837 году онъ встрѣтился съ Герценомъ, вернувшимся въ Москву изъ ссылки. Герценъ, жившій тогда горячими политическими интересами, былъ пораженъ происшедшей съ Бѣлинскимъ пережѣной, — они сразу разошлись послѣ первой же словесной стычки, но диспуты ихъ продолжались. Герценъ самъ изучилъ Гегеля и по своему сталъ толковать нѣкоторыя его «истины». Бѣлинскій, бредившій Гегелемъ, стоялъ за свой политическій «квѣтизмъ», за эстетическое пониманіе цѣлей поэзіи, за разумность дѣйствительности... Быть можетъ, горячія, возмущенныя рѣчи Герцена уже послѣ перваго свиданія заронили искру сомнѣнія въ душу Бѣлинскаго, такъ какъ, хотя онъ и долго, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, не уступалъ своему оппоненту, тѣмъ не менѣе, онъ понемногу сталъ охлаждать къ своей философіи и, «утомившись отвлеченностью», сталъ «жаждать сближенія съ дѣйствительностью».

Въ концѣ 1839 года онъ переселяется въ Петербургъ, чтобы вести критическій отдѣлъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» Краевского. Въ первые годы онъ проводитъ еще свои гегелианскіе взгляды («Очерки Бородинскаго сраженія», «Менцель, критикъ Гёте», «Горе отъ ума»), но уже съ конца 1839 года начинается въ жизни Бѣлинскаго періодъ сомнѣній въ истинѣ своихъ взглядовъ, готовится переворотъ, и въ серединѣ 1840 года онъ рѣзко мѣняетъ свои «примирительные» взгляды на «протестующіе». Въ письмахъ своихъ онъ пишетъ теперь слѣдующее: «Проклинаю мое гнусное стремленіе къ примиренію съ гнусною дѣйствительностью! Да здравствуетъ великій Шиллеръ, благородный адвокатъ челоуѣчества, яркая звѣзда спасенія, эманципаторъ общества отъ кровавыхъ предрасудковъ преданія!» Теперь всѣ «цѣнности», въ глазахъ Бѣлинскаго, сразу переоцѣниваются: Гёте оказывается «отвратительною личностью», Жоржъ-Зандъ сдѣлалась «апостоломъ», героиней. Больше всего достается теперь «дѣйствительности». Бѣлинскій называетъ ее «палачомъ», «пошлостью», «гнусностью»: борьба съ жизнью опять окрылила его: «въ душѣ чувствую больше жару и энергіи, больше готовности умереть и пострадать за свои убѣжденія», — пишетъ онъ въ одномъ письмѣ. Онъ говоритъ, что, сбросивъ яго нѣмецкой философіи, проснулся—«и страшно вспомнить мнѣ о моемъ снѣ»; теперь Германія для него—«надія абсолютная, но государство позорное»,—взамѣвъ того выросли теперь въ его глазахъ французы, еще недавно посылаемые «къ чорту»!.. Онъ зло издѣвается теперь

Вліаніе Герцена на міросозерцаніе Бѣлинскаго.

Бѣлинскій въ Петербургѣ.

Новые идеалы Бѣлинскаго.

надъ Гегелемъ, называетъ его «Егоръ Федорычемъ», кланяется его «философскому колпаку» и пр. «Что мнѣ въ томъ,—восклицаетъ онъ,—что я увѣренъ, что разумность восторжествуетъ, что въ будущемъ будетъ хорошо, если судьба велѣла мнѣ быть свидѣтелемъ торжества случайности, неразумія, животной силы? Что мнѣ въ томъ, что моимъ, или твоимъ дѣтямъ будетъ хорошо, если мнѣ скверно, и если не моя вина въ томъ, что мнѣ скверно? Не прикажешь ли уйти въ себя? Нѣтъ, лучше умереть!».

Бѣлинскій
о перемѣнахъ
своего миро-
созерцанія.

Удивляясь самъ рѣзкимъ переворотамъ своего мировоззрѣнія, оправдывалъ онъ себя тѣмъ, что они—результатъ его честнаго исканія истины¹⁾. «Теперь я весь въ идеѣ гражданской доблести, весь—въ паосѣ правды и чести,—восклицаетъ онъ,—и, мимо ихъ, мало замѣчаю какое бы то ни было величїе!.. Во мнѣ развилась какая-то фанатическая любовь къ свободѣ и независимости человѣческой личности, которая только возможна при обществѣ, основанномъ на правдѣ и доблести»; «борьба за понятія—дѣло святое, и горе тому, кто не боролся!»—говоритъ онъ.

Въ это время онъ очень сблизился съ Герценомъ и, подчинившись его влияніямъ, увлекся сенсимонизмомъ и политическими тревогами которыми наканунѣ 1848 года стали волноваться Западъ. «Ты знаешь мою натуру,—пишетъ онъ другу,—она вѣчно въ крайностяхъ. Я съ трудомъ и болѣу разстаюсъ съ старой идеей, отрицаю ее до нельзя, а въ новук перехожу со вѣсьмъ фанатизмомъ прозелита! Итакъ, я теперь въ новой крайности,—это идея сенсимонизма²⁾, которая стала для меня идеею идей, альфой и омегой вѣры и знанія. Она для меня поглотила и исторію, и религію, и философію». На семейную жизнь и положеніе женщины онъ смотрѣлъ теперь глазами сенсимонистовъ. Отъ своего философскаго эгоизма отвернулся. «Что мнѣ въ томъ, что живетъ общее,—восклицаетъ онъ,—когда страдаетъ личность! Что мнѣ въ томъ, что геній на землѣ живетъ въ небѣ, когда толпа валается въ грязи... Прочь же отъ меня блаженство, если оно—достояніе мнѣ одному изъ тысячъ!».

Требованія,
предъявляемыя
имъ теперь къ
литературѣ.

Теперь мѣняется у него и критическое мѣрило,—не красота, не литературныхъ достоинствъ требуетъ онъ, а только, чтобы она была *дальна*, служила жизни. «Ты—сибаритъ, сладствѣна,—пишетъ онъ другу,—тебѣ, вишь, давай поэзію, да художества—тогда ты будешь смаковать и чмокать губами! А мнѣ поэзія и художественности нужно не больше, какъ настолько, чтобы повѣсть была истинна, т. е. не впадала въ аллегорію, или не отзывалась аллегоріею. Главное—чтобы она вызвала вопросы...». Любопытенъ теперь отзывъ его о томъ стихотвореніи Пушкина («Поэтъ и Чернь»), которымъ онъ восхищался недавно. «Помню,—разсказываетъ Тургеневъ,—съ какою комическою яростью онъ однажды при мнѣ напалъ на отсутствующаго, разумѣется, Пушкина за его два стиха въ «Поэтъ и Чернь»—

«Печной горшокъ тебѣ дороже:
Ты пищу въ немъ себѣ варишь!»

1) „Тотъ не любитъ истины, кто не хочетъ для нея заблуждаться“,—говоритъ онъ.

2) См. выше, стр. 71—72.

Отношеніе
къ Пушкину.

«И конечно!—твердилъ Вѣлинскій, сверкая глазами и бѣгая изъ угла въ уголь,—конечно дороже. Я не для себя одного, я для своего семейства, я для другого бѣдняка въ немъ пищу варю—и прежде, чѣмъ любоваться красотой истукана, будь онъ распрефидіасовскій Аполлонъ—мое право, моя обязанность накормить своихъ и себя, на-злю всякимъ негодующимъ баричамъ и виршеплетамъ!» Вѣлинскій сознавалъ крайность, несправедливость своего пристрастнаго, непримиримаго отношенія къ тому, что противорѣчило его убѣжденіямъ, но фанатически стоялъ за свою «нетерпимость». «Если сдѣлаюсь терпимымъ,—писалъ онъ,—знай, что съ той минуты во мнѣ умерло то прекрасное-человѣческое, за которое столько хорошихъ людей любили меня больше, нежели сколько я стоилъ того». «Я знаю, что сижу въ односторонности,—пишетъ онъ въ другомъ письмѣ,—но не хочу выходить изъ нея—и жалѣю и болѣю о тѣхъ, кто не сидитъ въ ней!» Этотъ партійный «фанатизмъ» наложилъ тяжелую печать на литературную дѣятельность Вѣлинскаго въ послѣдній періодъ его творчества ¹⁾).

Фанатизмъ
Вѣлинскаго.

При строгостяхъ тогдашней цензуры, своихъ новыхъ «убѣждений» Вѣлинскій не могъ печатно проявлять,—свои «идеи»,—онъ могъ проводить ихъ лишь въ дружескихъ, интимныхъ бесѣдахъ да въ письмахъ. И вотъ, вмѣстѣ со своими друзьями-единомышленниками, онъ внимательно слѣдитъ за политической жизнью Европы, интересуется всѣми иностранными литературными новинками, главнымъ образомъ, по вопросамъ социологическимъ. Въ печати-же свой неизрасходованный пылъ «неистовый Виссаріонъ» тратилъ, главнымъ образомъ, на высмѣиваніе славянофиловъ, не стараясь особенно выкинуть въ ихъ философскіе взгляды, и съ легкою совѣстью путая ихъ взгляды со взглядами Погодина и Шевырева,—главными литературными застрѣльщиками «официальной народности». Между тѣмъ, съ славянофилами у него до конца жизни осталось нѣчто общее: да это и немудрено,—и онъ, и они—вышли всѣ изъ-подъ крыла Станкевича, воспитались на Гегелѣ ²⁾. Вѣлинскій, напримѣръ, съ меньшей страстностью, чѣмъ тѣ же славянофилы, чѣмъ Гоголь, всегда интересовался русскимъ народомъ, пытался себѣ опредѣлить его «духъ».

Вѣлинскій въ
интимномъ
кругу друзей.

Вѣлинскій и
славянофилы.

«Русская личность пока—эмбрионъ,—писалъ онъ въ одномъ письмѣ,—но сколько широты и силы въ натурѣ этого эмбриона! какъдушна и страшна ей всякая ограниченность и узкость! Она боится ихъ, не терпитъ ихъ больше всего—и хорошо, по моему мнѣнію, дѣлаетъ, довольствуясь пока ничѣмъ, вмѣсто того, чтобы закабалиться въ какую-нибудь дрянную односторонность! Русакъ пока еще, дѣйствительно, ничего, но космотри, какъ онъ требователенъ, не хочетъ того, не дивится этому, отрицаетъ все, а, между тѣмъ, чего-то хочетъ, къ чему-то стремится!». Такимъ образомъ, если славянофилы и Гоголь идеализировали положительные идеалы русскаго народа, воплотившіеся въ «народъ-богосцѣ», «народъ-пахарѣ», святомъ подвижникѣ древней Руси,—Вѣлинскій идеализировалъ силу «протеста» и «критицизма», дѣйствительно, имѣющуюся въ русскомъ народѣ: былинный образъ Василія Буслаева, многія пословицы русскаго народа, русскіе

Вѣлинскій
и «русская
народность».

¹⁾ Между тѣмъ, въ одномъ письмѣ онъ же рѣшительно осуждаетъ «гадость и пошлость духа партій», которыя требуютъ готовыхъ рѣшеній и затемняютъ истину.

²⁾ Даже социальными учеными славянофилы увлекались,—отсюда преклоненіе ихъ передъ русскою «общиною».

реформаторы, въ родѣ св. Владимира и Петра, еретики древней Руси—
вотъ, представители этого «протестующаго начала».

Вѣлинскій не прочь былъ идеализировать даже современное русское общество, только идеальныхъ героевъ онъ искалъ совсѣмъ не тамъ, гдѣ Гоголь. «Что хорошіе люди — говорилъ онъ — есть вездѣ, объ этомъ и говорить нечего, что ихъ на Руси, по сущности народа русскаго, должно быть гораздо больше, нежели какъ думаютъ сами славянофилы, и что, наконецъ, Русь есть по преимуществу страна крайностей и чудныхъ, странныхъ, непонятныхъ исключеній — все это для меня аксіома, какъ дважды два четыре», — но изображать этихъ героевъ въ литературѣ было нельзя, — ихъ, по словамъ Вѣлинскаго, не пропустила бы «цензурная таможня». «А почему? — продолжаетъ онъ, — потому именно, что въ нихъ челоуѣческое — въ прямомъ противорѣчій съ тою общественною средою, въ которой они живутъ. Мало того: хорошій челоуѣкъ на Руси можетъ быть иногда героемъ добра, въ полномъ смыслѣ слова, но это не мѣшаетъ ему быть, съ другихъ сторонъ, гоголевскимъ лицомъ: честенъ и правдивъ, готовъ за правду на пытку, на колесо, но — невѣжда, колотить жену, варваръ съ дѣтьми».

Успѣхъ
Вѣлинскаго
въ средѣ
читателей.

Долго работалъ Вѣлинскій въ «Отечественныхъ Запискахъ». Это была пора расцвѣта его таланта. Съ жадностью читались его статьи молодежи, заучивались наизусть, какъ стихи. Наконецъ, въ силу принципиальныхъ разногласій, онъ разошелся въ 1846 г. съ издателемъ. Опять подошли крутыя времена, — тѣмъ болѣе, что теперь Вѣлинскій былъ уже семейнымъ челоуѣкомъ и, къ тому же, обострилась его хроническая болѣзнь легкихъ. Въ пѣляхъ леченія ѣздилъ онъ и на югъ Россіи, но эта кратковременная поѣздка мало пользы принесла ему: плоть его замѣтно разрушалась, но духъ горѣлъ все тѣмъ же огнемъ.

„Современ-
никъ“.

Въ 1847 году основанъ былъ новый журналъ «Современникъ». Лучшіе писатели того времени были сотрудниками новаго органа: Герценъ, Гончаровъ, Тургеневъ, Григоровичъ, Дружининъ, Достоевскій, Некрасовъ въ эти начальные годы журнала помѣщали въ немъ свои повѣсти и романы ¹⁾. Привлечены были и такіе ученые, какъ Соловьевъ, Кавелинъ. Вѣлинскій въ юномъ журналѣ велъ отдѣлъ критики.

Вѣлинскій
заграницей.

Въ 1847 году ему, для поправленія легкихъ, пришлось ѣхать за границу. Но изъ леченія зальцбрунскими водами никакого серьезнаго толка не вышло: между тѣмъ, работать было нужно, чтобы не жить на счетъ друзей, чтобы не умереть съ голоду... И вотъ, почти умирающій, взбудораженный, съ разбитой грудью и издерганными нервами, Вѣлинскій продолжаетъ горѣть «огнемъ неугасимымъ», — пишетъ свои пламенные статьи, всѣмъ интересуется, попрежнему восхищается и возмущается, какъ юноша... Заграницей, подъ сердитую руку, написалъ онъ свое письмо Гоголю. Фанатизмомъ партійности внушено ему это письмо. Вѣдь, въ сущности, Гоголь говорилъ въ своихъ «Выбранныхъ мѣстахъ» многое такое, во что еще недавно самъ Вѣлинскій вѣрилъ, и о своей вѣрѣ заявлялъ даже въ

¹⁾ Почти все эти писатели составили „кружокъ“ Вѣлинскаго; его горячія рѣчи въ кругу этой избранной молодежи имѣли большое воспитательное значеніе для этихъ молодыхъ писателей.

печати (ср. стр. 239 съ 230 и др.),—и всетаки Бѣлинскій, почти умирающій, не простилъ умирающаго Гоголя и жестоко «распялъ» его!

Въ 1848 году болѣзнь его быстро приняла опасный характеръ, но онъ все работалъ съ тою же энергіей; наконецъ, работать стало не подъ силу... Онъ зналъ, что идетъ смерть, но ясность интересовъ оставалась та же. Неутомимый труженикъ умеръ бѣднякомъ, потому что никогда не былъ «приобрѣтателемъ», а только честнымъ слугою своей родины.

Бѣлинскій принадлежалъ къ той же семьѣ «алчущихъ правды», какъ и Гоголь, но онъ былъ счастливѣе великаго юмориста,—больше ясности и широты было въ его умѣ, отличался онъ болѣею вѣрою въ истину—и энергіею въ ея достиженіи. Къ служенію истинѣ не примѣшивалъ онъ личныхъ заботъ о себѣ, о своей душѣ, — онъ весь отдался русскому обществу, только ему служилъ.

Литературная дѣятельность Бѣлинскаго ясно распадается на три періода: первый періодъ захватываетъ время отъ начала его серьезной критической работы до увлеченія Гегелемъ (съ начала 30-ыхъ годовъ до ихъ конца). Это періодъ, когда онъ находился подъ влияніемъ Надеждина, „скептической школы“, и отчасти Шеллинга. Второй періодъ, съ конца 30-хъ годовъ, захватываетъ первые годы сороковыхъ. Въ этотъ періодъ времени Бѣлинскій находится подъ влияніемъ Гегеля. И, наконецъ, сороковые годы, до смерти, представляютъ третій періодъ, когда великій критикъ увлекся идеями общественными и политическими.

а) Первый періодъ дѣятельности Бѣлинскаго совпалъ съ участіемъ его въ журналахъ Надеждина. Надеждинъ былъ самъ знаменитый, въ свое время, критикъ, популярный профессоръ, поклонникъ и пропагандистъ „шеллингианства“ и, наконецъ, другъ Бѣлинскаго.

Надеждинъ былъ ученикомъ извѣстнаго профессора Московскаго университета Каченовскаго, основателя у насъ «скептической школы» въ наукѣ русской исторіи. Этотъ «скептицизмъ», какъ научный приемъ, имѣлъ въ свое время большое значеніе, такъ какъ помогъ русской исторической наукѣ отдѣлаться отъ многихъ фантастическихъ построеній, проверить подлинность источниковъ. За свой скептицизмъ Каченовскій былъ недобрымъ современниками, — его ругали тѣ, кому дорогъ былъ авторитетъ Карамзина, кто вѣрилъ всякимъ историческимъ утопіямъ ¹⁾, — но послѣдующія поколѣнія отдали ему за это должное.

Литературными выразителями этого скептицизма были Надеждинъ и сотрудникъ «Телескопа» — Чаадаевъ ²⁾. У Надеждина, какъ литературнаго критика, высказывается такое же отрицательное отношеніе къ русской исторической жизни, какъ у Чаадаева, и, въ то же время, основнымъ

¹⁾ Правда, со своимъ „скептицизмомъ“, Каченовскій иногда вдавался въ крайности: такъ онъ усумнился въ подлинности „Слова о полку Игоревѣ“.

²⁾ См. выше, стр. 64—66.

Болѣзнь и смерть.

Личность Бѣлинскаго.

Литературная дѣятельность Бѣлинскаго.

Первый періодъ литературной дѣятельности Бѣлинскаго.

Надеждинъ и скептическая школа въ московскомъ университетѣ.

Скептицизмъ въ литературѣ.

эстетическимъ требованіемъ его было требованіе «народности» въ художественномъ творчествѣ. Получалось противорѣчіе, изъ котораго никогда не вышелъ Надеждинъ: онъ отрицалъ существованіе у насъ литературы, отрицалъ смыслъ въ русской исторической жизни,—и требовалъ какой-то «народности» отъ литераторовъ, требовалъ отказаться отъ европеизма и искать *своего*.

Въ примѣненіи къ литературѣ, Надеждинъ свой скептицизмъ выразилъ тѣмъ, что отрицательно относился и къ псевдоклассикамъ, и къ современнымъ писателямъ, которыхъ называлъ «псевдоромантиками». Онъ требовалъ созданія такого направленія, въ которомъ соединился бы истинный классицизмъ (античный) съ истиннымъ романтизмомъ (поэзія среднихъ вѣковъ, къ которой онъ относилъ и Шекспира). Человѣкъ образованный, ловко владѣвшій перомъ, начитанный въ философію и умѣвшій обращаться съ терминами, Надеждинъ, въ свое время, производилъ впечатлѣніе своими статьями, въ которыхъ была и ѣдкость остроумія, и свобода сужденій. Онъ былъ одинъ изъ самыхъ строгихъ и несправедливыхъ критиковъ Пушкина.

Изъ школы Надеждина вынесъ Бѣлинскій рѣшительность и смѣлость сужденія, требованія народности отъ литературы, скептицизмъ въ русской исторіи, шеллингянское пониманіе поэзіи и, въ сожалѣнію, нѣкоторую несогласованность въ самыхъ основахъ своего міросозерцанія.

Всѣ эти особенности сказались въ первой большой статьѣ его „Литературныя мечтанія“.

„Литературныя мечтанія“.

Въ основѣ этой статьи положена мысль, что у насъ нѣтъ литературы, потому что нѣтъ еще общества, не выяснилась еще фizioномія народа, не опредѣлилась русская народность. Между прочимъ, онъ дѣлаетъ попытку опредѣлить самое понятіе «литература» и «народность».

Опредѣленія понятія „литература“.

Литература, это—«собраніе такого рода художественно-словесныхъ произведеній, которыя суть плодъ свободнаго вдохновенія и дружныхъ усилій людей, созданныхъ для искусства, дышащихъ для одного его и уничтожающихся внѣ его, вполне выражающихъ и воспроизводящихъ въ своихъ изысканіяхъ созданія духъ того народа, среди котораго они рождены и воспитаны». Итакъ, литература—зеркало жизни; поэтъ служить только красотѣ, но невольно, безсознательно, какъ эхо, отражаетъ всю жизнь. Искусство—высшее откровеніе божественнаго духа въ человѣкѣ, поэтъ—глашатай вѣчной истины, жрецъ, служитель «чистой красоты». «Духомъ» народа называетъ онъ ту сторону его бытія, въ которой онъ отражаетъ какую-нибудь сторону жизни цѣлаго человѣчества; если народъ не въ состояніи этого сдѣлать, «онъ не живетъ, а прозябаетъ», и цѣнности исторической не имѣетъ. Восторженныя строки посвящаетъ онъ красотѣ и стройности мірозданія. Для него природа—живой организмъ, конкретное воплощеніе міроваго духа. Всѣ эти идеи—отраженіе шеллингянства, на слѣдіе лекцій и бесѣдъ Надеждина.

Опредѣленіе „народности“.

Скептицизмъ Бѣлинскаго.

Надеждинскій скептицизмъ выразился въ строгомъ отношеніи къ русской литературѣ,—ея у насъ нѣтъ. есть лишь писатели, но нѣтъ между

ними той органической преемственности, которая говорила бы о развитии, об истории... Это рѣшительное сужденіе Вѣлинскаго совершенно ошибочно: онъ не зналъ русской литературы XVIII в. во всемъ ея объемѣ, зналъ лишь произведенія отдѣльных писателей, а потому не замѣтилъ тѣхъ звеньевъ, что соединяютъ ихъ крупныя произведенія, при помощи мелкихъ, въ нѣчто органически-цѣлое.

Съ небрежной развязностью критикуетъ Вѣлинскій писателей XVIII и XIX вѣка, безапелляціонно раздавая приговоры,—для ученика Надеждина не было авторитетовъ. Такъ же рѣшительнѣе его отзывъ о Пушкинѣ: творчество его изсякло,—«Ворисъ Годуновъ» былъ послѣднимъ его вдохновеніемъ». Съ такою же опредѣленностью говорилъ онъ и о мелкихъ писателяхъ своего времени. Онъ опредѣлялъ свое время, какъ «переходное», когда кончился одинъ періодъ, «пушкинскій», и когда всѣ старыя боги оказались упрядненными.

Манера письма.

Къ этому же періоду относится много другихъ статей Вѣлинскаго,—лучшія: „О русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя“, „О стихотвореніяхъ Баратынскаго, Кольцова, Бенедиктова“, „О романахъ Лажечникова“ и др.

Другія статьи этого періода.

Говоря о Гоголѣ, онъ написалъ цѣлую исторію русской повѣсти, сочинилъ разсужденіе объ идеальной и реальной поэзи. Въ Гоголѣ онъ призналъ художника, который вѣрно отражаетъ дѣйствительность, призналъ «народность» его повѣсти, ихъ художественныя красоты. Вѣрный себѣ, онъ превозноситъ «безсознательность» Гоголя, отсутствие моральныхъ и иныхъ тенденцій и еще разъ развиваетъ свои взгляды на творчество и творца. «Способность творчества, — говоритъ онъ, — есть великій даръ природы; актъ творчества, въ душѣ творящей, есть великое таинство, минута творчества есть минута великаго священнодѣйствія; творчество безцѣльно съ цѣлью, безсознательно съ сознаниемъ, свободно съ зависимостью». «Поэтъ—рабъ своего предмета, ибо не властенъ ни въ его выборѣ, ни въ его развитіи, ибо не можетъ творить ни по приказу, ни по заказу, ни по собственной волѣ, если не чувствуетъ вдохновенія, которое рѣшительно не зависитъ отъ него».

Вѣлинскій о Гоголѣ.

Понятно, что, придерживаясь такихъ взглядовъ, Вѣлинскій долженъ былъ это время восхищаться стихотвореніями Пушкина: „Поэтъ и Чернь“, „Поэту“, „Чернь“, „Эхо“.

Второй періодъ умственнаго развитія Вѣлинскаго далъ ему „систему“, которая сразу внесла порядокъ въ его міросозерцаніе. За эту „стройность“ системы, въ которой все такъ было ясно, все было рѣшено, все на мѣстѣ, Вѣлинскій и привязался къ Гегелю. Теперь въ его мысляхъ и статьяхъ нѣтъ уже тѣхъ неясностей, несогласованностей, даже противорѣчій, которыя были у него наслѣдіемъ надеждинской школы¹⁾. Въ своихъ критическихъ

Второй періодъ литературной дѣятельности Вѣлинскаго.

Гегель.

¹⁾ См. объ этихъ противорѣчіяхъ въ работѣ акад. Жданова: „Памяти В. Г. Вѣлинскаго“, стр. 22 и др.

статьяхъ сталъ онъ теперь настойчиво твердить о „разумности дѣйствительнаго“, о наличности развитія въ историческомъ ходѣ русской жизни; еще настойчивѣе сдѣлались теперь его попытки опредѣлить „духъ“ русскаго народа.

Наиболѣе типичными статьями этого періода были статьи: „Менцель, критикъ Гёте“, „Очерки Бородинскаго сраженія“, „Горе отъ ума“.

„Менцель,
критикъ Гёте“.

Въ первой изъ названныхъ статей онъ защищаетъ «дѣйствительность». «Все, что есть, необходимо,—говоритъ онъ,—разумно и дѣйствительно... Посмотрите на природу, прикиньте съ любовью къ ея материнской груди, прислушайтесь къ биенію ея сердца—и увидите, въ ея безконечномъ разнообразіи, удивительное единство; въ ея безконечномъ противорѣчій—удивительную гармонію. Кто можетъ найти хоть одну погрѣшность, хоть одинъ недостатокъ въ твореніи Предвѣчнаго Художника? Кто можетъ сказать, что вотъ эта былинка ненужна, это животное лишнее? Если же міръ природы, столь разнообразный,—столь, повидимому, противорѣчивый, такъ разумно дѣйствителенъ, то неужели высшій его—міръ исторіи—есть не такое же разумно-дѣйствительное развитіе божественной идеи, а какая-то сказка, полная случайныхъ и противорѣчащихъ столкновеній между обстоятельствами? И однако же есть люди, которые твердо убѣждены, что все идетъ въ мірѣ не такъ, какъ должно. Удивительно ли послѣ этого, что исторія у нихъ является то сумасшедшимъ, то смиреннымъ домою, то темницею, наполненною преступниками, а не пантеономъ славы и безсмертія, полнымъ ликомъ представителей человѣчества, выполнителемъ судьбы Божіихъ! Хороша исторія!.. Такіе кривые взгляды, иногда выдаваемые за высшіе, происходятъ отъ разсудочнаго пониманія дѣйствительности, необходимо соединеннаго съ отвлеченностью и односторонностью. «Разсудокъ» умѣетъ только отвлекать идею отъ явленія и видѣть одну какую-нибудь сторону предмета; только «разумъ» постигаетъ идею нераздѣльно съ явленіемъ и явленіе нераздѣльно съ идеею и схватываетъ предметъ со всѣхъ его сторонъ, повидимому, одна другой противорѣчащихъ и другъ съ другомъ несомѣстныхъ,—схватываетъ его во всей его полнотѣ и цѣльности. И потому разумъ не создаетъ дѣйствительности, а сознаетъ ее, предварительно взявъ за аксіому, что все, что есть, все то и необходимо, и законно, и разумно. Онъ не говоритъ, что такой-то народъ хорошъ, а всѣ другіе, непохожіе на него, дурны, что такая-то эпоха въ исторіи народа, или человѣка—хороша, а такая-то дурна, но для него всѣ народы и всѣ эпохи равно велики и важны, какъ выраженія абсолютной идеи, діалектически въ нихъ развивающейся.

Обращаясь къ «дѣйствительности» въ жизни, Вѣлинскій говоритъ: «Самыя преступленія, какъ бы они ни были ужасны, все это для него явленія одной и той же дѣйствительности, выражающія необходимые моменты духа, или уклоненія его отъ нормальности, вслѣдствіе внутреннихъ и внѣшнихъ причинъ». Онъ высмѣиваетъ тѣхъ историковъ, которые берутся говорить объ «ошибкахъ» великихъ историческихъ дѣятелей. Съ этой точки зрѣнія онъ осуждаетъ и Менцеля, критика Гёте.

Въ статьѣ объ „Очеркахъ бородинскаго сраженія“ Глинки, онъ, стоя на своей излюбленной точкѣ зрѣнія, обращается въ русской жизни и защищаетъ разумность монархической власти,—ея великое значеніе. „Царь есть намѣстникъ Божій,—говоритъ онъ,—а царская власть, замыкающая въ себѣ все частныя воли, есть преобразование единодержавія вѣчнаго и довременнаго разума“¹⁾. Все эти идеи, даже патріотическія настроенія, не чужды шовинизма, удивительно совпадаютъ съ мыслями Пушкина²⁾ и настроеніемъ его патріотическихъ одъ³⁾.

„Очерки бородинскаго сраженія“.

Въ статьѣ о „Горѣ отъ ума“ онъ напалъ на автора за его стремленіе бороться съ русскою „дѣйствительностью“. Поэтому онъ отрицательно отнесся къ Чацкому, назвалъ его „крикуномъ“, фразеромъ, идеальнымъ шутомъ“, призналъ его лицомъ комическимъ, и причину его „горя“ увидѣлъ не въ „умѣ“, а въ „умничаньи“⁴⁾... Гораздо выше комедій Грибоѣдова поставилъ онъ гоголевскаго „Ревизора“, въ которомъ видѣлъ объективное изображеніе дѣйствительности, безъ всякихъ попытокъ при помощи „резонеровъ“ „поучать“ зрителей.

„Горестъ ума“.

Въ этой статьѣ критикъ дѣлитъ поэзію на два вида: на «поэзію положенія», или «дѣйствительности»—и «поэзію отрицанія», или призрачности. Подъ словомъ *дѣйствительность* разумѣется все, что есть міръ видимый и міръ духовный,—міръ фактовъ и міръ идей—разумъ въ сознаніи и разумъ въ явленіи. Словожъ, открывающійся самому себѣ духъ есть дѣйствительность,—тогда все частное, все случайное, все неразумное есть призрачность, какъ противоположность дѣйствительности, какъ ея отрицаніе, какъ кажущееся, но не сущее... Человѣкъ служитъ царю и отечеству, вслѣдствіе возвышеннаго понятія о своихъ обязанностяхъ къ нимъ, вслѣдствіе желанія быть орудіемъ истины и блага, вслѣдствіе сознанія себя, какъ части общества, своего кровнаго и духовнаго родства съ нимъ—это міръ дѣйствительности. «Овому талантъ, овому два» и потому, какъ бы ни была ограничена сфера дѣятельности человѣка, какъ бы ни незначительно было мѣсто, занимаемое имъ не только въ человѣчествѣ, но и въ обществѣ, но если онъ, кромѣ своей конечной личности, кромѣ своей ограниченной инди-

Что такое „дѣйствительность“?

1) Въ этой статьѣ Бѣлинскій говоритъ о томъ, что престолъ долженъ быть наследственнымъ,—онъ говоритъ, что президентъ Соединенныхъ Штатовъ только „почтенная, но не священная особа“, да и сами Соединенные Штаты—не народъ.

2) Пушкинъ о монархіи говоритъ слѣдующее: „Зачѣмъ нужно, чтобы одинъ изъ насъ сталъ выше всѣхъ и даже выше самого закона? Зачѣмъ, что законъ—дерево; въ законѣ слышитъ человѣкъ что-то жесткое и небратское. Съ однимъ букввальнымъ исполненіемъ закона недалеко уйдешь!.. Государство безъ полномочнаго монарха—автоматъ: много-много, если оно достигнетъ того, до чего достигли Соединенные Штаты. А что такое Соединенные Штаты? Мертвечина. Человѣкъ въ нихъ вывѣтрисилъ до того, что и вѣденнаго ийда не стоитъ“.

3) См. выше, стр. 77—78.

4) Опять близкое совпаденіе съ мыслями Пушкина.

видуальности, видеть въ жизни нѣчто общее и, въ сознаниі этого общаго, по степени своего разумѣнія, находить и источникъ своего счастья,— *онъ живетъ въ действительности* и есть «дѣйствительный человѣкъ», а не призракъ, истинный, суицй, а не кажущійся только человѣкъ. Если человеку недоступны объективные интересы, каковы жизнь и развитіе отечества, ему могутъ быть доступны интересы своего сословія, своего города, своей деревни, такъ что онъ находитъ какое-то, часто странное и непонятное для самого себя, наслажденіе, для нихъ выгодъ лишаться собственныхъ; личныхъ выгодъ— *и тогда онъ живетъ въ действительности*. Если же онъ не возвышается и до такихъ интересовъ,— пусть будетъ онъ супругомъ, отцомъ, семьяниномъ, любовникомъ, но только не въ животномъ, а въ человѣческомъ значеніи, источникъ котораго есть любовь, какъ бы ни была она ограничена, лишь бы только была ограниченіемъ его личности— онъ *опять живетъ въ действительности*. На какой степени ни проявился духъ, онъ— дѣйствительность, потому что онъ любовь, или безсознательная разумность, а потомъ— разумъ, или любовь, сознавшая себя.. Когда его сознание, или его субъективно-объективное существованіе, заключено только въ смыслъ, или конечномъ разсудкѣ, наглухо заперто въ соображеніи своихъ личныхъ выгодъ, въ эгоистической дѣятельности, а не въ разумѣ, какъ въ сознаниі себя только чрезъ общее, какъ въ частномъ и переходящемъ выраженіи общаго и вѣчнаго — *онъ призракъ, ничто*, хотя и кажется чѣмъ-то». Съ такой точки зрѣнія осудилъ Бѣлинскій герою въ «Ревизора», вида въ нихъ извращеніе дѣйствительности.

Что такое
русская
народность?

Такъ же страстно продолжалъ онъ искать духъ русской народности: нашему гегелианцу нужно было опредѣлить „субстанцію“ духа русскаго народа, защитить его права на почетное званіе „историческаго народа“. „Народность“ опредѣлить ему, при его скептицизмѣ, было не легко— не могъ онъ применить къ „патріотамъ“, не выносить онъ и „космополитовъ“—

«Терпѣть не могу я,— писалъ онъ,— восторженныхъ патріотовъ, выѣзжающихъ вѣчно на междометіяхъ, или на квасу да кашѣ; ожесточенные скептики для меня въ 1000 разъ лучше, ибо ненависть иногда бываетъ только особенной формой любви; но, признаюсь, жалки и неприятны мнѣ спокойные скептики, абстрактные человѣки, безпаспортные бродяги въ челоуѣствѣ! Какъ бы ни увѣряли они себя, что живутъ интересами той или другой, по ихъ мнѣнію, представляющей челоуѣчество, страны,— не вѣрю я ихъ интересамъ».

Говоря о народности, Бѣлинскій скорѣе готовъ былъ применить къ своимъ постояннымъ литературнымъ противникамъ— славянофиламъ, чѣмъ оказаться въ одномъ лагерѣ съ противниками національной идеи.

«Что «личность» въ отношеніи къ идеѣ челоуѣка,— говоритъ онъ,— то «народность» въ отношеніи къ идеѣ челоуѣчества. Безъ национальностей челоуѣчество было бы мертвымъ логическимъ абстрактомъ,— словомъ безъ содержанія, звукомъ безъ значенія. Въ отношеніи къ этому вопросу, я

скорѣе готовъ перейти на сторону славянофиловъ, чѣмъ оставаться на сторонѣ тѣхъ гуманическихъ космополитовъ, потому что если первые и ошибаются, то какъ люди, какъ живыя существа, — а вторые и истину-то говорятъ, какъ такое-то изданіе такой-то логики».

Онъ вѣрилъ въ русскій народъ, въ его будущее: «Да, въ насъ есть національная жизнь, — говоритъ онъ, — мы призваны сказать міру свое слово, свою мысль, но какое это слово, какая мысль — объ этомъ пока еще рано намъ хлопотать!». «Мы вѣримъ и знаемъ, — писалъ онъ въ одной статьѣ, — что назначеніе Россіи есть всесторонность и универсальность: она должна принять въ себя всѣ элементы жизни духовной, внутренней, гражданской, политической, общественной и, принявши, должна сама быстро развить ихъ изъ себя»¹⁾.

Теперь, окрыленный Гегелемъ, онъ примиряется съ русской исторіей, признаетъ существованіе исторіи русской литературы. Но не изученіе фактовъ привело его къ этому вѣрному заключенію, а Гегель съ его системою „развитія“.

Взглядъ на русскую исторію и литературу.

«Важнѣе всего то, — пишетъ онъ въ 1842 г., — что наша юная, возникающая литература, какъ мы замѣтили выше, имѣетъ уже свою исторію, ибо всѣ ея явленія тѣсно сопряжены съ развитіемъ общественнаго образованія на Руси, и всѣ находятъ въ, болѣе или менѣе, живомъ, органически-последовательномъ соотношеніи между собой».

Теперь въ его глазахъ страшно выросъ Пушкинъ, какъ явленіе, органически связанное съ многовѣковой русской литературой, какъ результатъ ея развитія.

Взглядъ на Пушкина.

«Чѣмъ болѣе думали мы о Пушкинѣ, — говоритъ онъ, — тѣмъ глубже прозрѣвали въ живую связь его съ прошедшимъ и настоящимъ русской литературы, и убѣждались, что писать о Пушкинѣ — значитъ писать о пѣлѣ русской литературѣ; ибо какъ прежніе писатели русскіе объясняютъ Пушкина, такъ Пушкинъ объясняетъ последовавшихъ за нимъ писателей. Эта мысль сколько истина, столько и угѣшительна: она показываетъ, что, несмотря на бѣдность нашей литературы, въ ней есть жизненное движеніе и органическое развитіе, слѣдственно, у нея есть исторія».

Третій періодъ въ дѣятельности Бѣлинскаго. Наиболѣе цѣнной работой Бѣлинскаго въ этотъ періодъ было большое критическое изслѣдованіе дѣятельности Пушкина въ связи съ его предшественниками, начиная съ Ломоносова; цѣнны отдѣльныя статьи о Лермонтовѣ, Кольцовѣ и, наконецъ, рядъ годичныхъ „обозрѣній“ текущей русской литературы съ 1844 по 1847-ой годъ.

Третій періодъ въ дѣятельности Бѣлинскаго.

Цензурныя условія времени не позволяли Бѣлинскому быть откровеннымъ съ читателями, — приходилось отводить душу въ

¹⁾ Ср. мнѣніе Достоевскаго о „всемирной отзывчивости, какъ главнѣйшей способности нашей національности“.

интимныхъ бесѣдахъ, а печатно лишь говорить намеками и общими фразами.

Взглядъ Бѣлинскаго на смыслъ литературы.

Конечно, взглядъ его на значеніе литературы теперь мѣняется. „Въ наше время, — писалъ онъ въ 1843 г., — искусство и литература больше, чѣмъ когда-либо прежде, сдѣлались выраженіемъ общественныхъ вопросовъ, потому что въ наше время эти вопросы стали общіе, доступные всѣмъ, ясные, — сдѣлались для всѣхъ интересомъ первой степени, стали во главѣ всѣхъ другихъ вопросовъ“.

Значеніе писателя.

Въ 1848 году, незадолго до смерти, Бѣлинскій писалъ еще рѣшительнѣе: „Поэтъ — прежде всего, человекъ, потомъ гражданинъ своей земли, сынъ своего времени. Онъ и долженъ служить времени. Поэтъ долженъ выражать не частное и случайное, но общее и необходимое, которое даетъ колоритъ и смыслъ всей его эпохѣ“. Съ другой стороны, это заключеніе и критику ставить обязанность объяснять писателя „изъ его времени“. „Исключительно эстетическая критика, — продолжаетъ Бѣлинскій, — потеряла всякій кредитъ — на смѣну ей пришла критика историческая“.

Критика историческая.

Взглядъ на Пушкина.

Такимъ опытомъ «исторической критики» было его новое изслѣдованіе о Пушкинѣ. Теперь Пушкинъ, въ глазахъ Бѣлинскаго, нѣсколько опускается, для него теперь это только — великій поэтъ-художникъ, озаренный гуманными идеалами, надѣленный тонкимъ чувствомъ изящнаго. Онъ сдѣлалъ для русской поэзіи великое дѣло, облагородивъ ее истинной красотой, но этимъ и кончилась его миссія. Теперь Бѣлинскій «старается извинить» Пушкина за его стихотворенія «Поэту», «Поэтъ и Чернь», — ошибочно видя въ нихъ полное и единственное «profession de foi» Пушкина, его взглядъ на поэзію и значеніе поэта ¹⁾. Онъ «извиняетъ» поэта историческими причинами, условіями его жизни и т. д. По поводу «ревности» Алеко и жизни Татьяны онъ пишетъ прочувствованныя страницы о «правахъ любви», о предразсудкахъ общества, неправильномъ положеніи женщины въ культурномъ обществѣ. Взгляды сенсимонистовъ видны въ его пламенныхъ рѣчахъ ²⁾.

Взглядъ на народную поэзію.

Къ народной русской поэзіи Бѣлинскій всегда относился скептически, быть можетъ, отчасти въ пику славянофиламъ, которые превозносили народное творчество, откуда извлекали идеалы русскаго народа. Въ 1841 г. по поводу «Слова о полку Игоревѣ» онъ писалъ, что въ этомъ произведеніи нѣтъ никакой глубокой идеи. По его словамъ, это ничего больше, какъ простое и вѣрное повѣствованіе о томъ, какъ князь Игорь, съ удалымъ братомъ Всеволодомъ и со всею дружиной, пошелъ на половцевъ. О былинахъ онъ говоритъ слѣдующее: «Искать въ нихъ общей мысли — все равно, что ловить жемчужныя раковины въ Фонтанкѣ. Онъ ничѣмъ

¹⁾ См. выше, стр. 79—81.

²⁾ См. выше, стр. 71—72.

не связаны между собою; содержаніе всѣхъ ихъ одинаково, обильно словами, скудно дѣломъ, чуждо мысли. Поэзія въ прозѣ содержится въ нихъ, какъ ложка меду въ бочкѣ дегтя».

Пестро и разнообразно содержаніе работъ Бѣлинскаго. Онъ много писалъ относительно сочиненій Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Грибоедова; по выраженію Аполлона Григорьева, „имя Бѣлинскаго, какъ плющь, обросло четыре поэтическихъ вѣнца, — четыре великихъ и славныхъ имени сплелось съ ними такъ, что, говоря о нихъ, какъ объ источникахъ современнаго литературнаго движенія, постоянно бываешь въ необходимости говорить о немъ, — высокій удѣлъ, данный судьбой немногимъ изъ критиковъ, едва ли даже, за исключеніемъ Лессинга, данный не одному Бѣлинскому“. Но, кромѣ оцѣнки сочиненій названныхъ писателей, говорилъ Бѣлинскій о многихъ другихъ писателяхъ, старыхъ и современныхъ ему. Онъ перебралъ всѣхъ вожаковъ русской литературы XVIII и начала XIX вв.: говорилъ неразъ о Ломоносовѣ, Кантемирѣ, Державинѣ, Карамзинѣ, Крыловѣ, Жуковскомъ, Батюшковѣ, о старшихъ современникахъ своихъ — Варатынскомъ, Кольцовѣ, Языковѣ, Лажечниковѣ, Одоевскомъ, Марлинскомъ, — о младшихъ: Ап. Майковѣ, Достоевскомъ, Тургеневѣ, Некрасовѣ. Исполняя обязанности „присяжнаго“ критика, онъ слѣдилъ за всякой литературной новинкой своего времени, и среди авторовъ, имъ оцѣненныхъ, найдется много такихъ, имена которыхъ намъ теперь незнакомы. Въ своихъ всегда содержательныхъ статьяхъ онъ обстоятельно разработалъ много идей самаго различнаго характера: касался онъ и эстетики, и театра, и общественныхъ вопросовъ, и философіи, и науки...

Его статьи были всегда содержательны: это ихъ особенность; иногда по поводу пустой книжонки Бѣлинскій высказывалъ широкія, захватывающія мысли, которыя покоряли читателя, главнымъ образомъ, благодаря страстности ихъ тона и убѣжденія. Эта страстность — отличительная черта Бѣлинскаго. Онъ самъ говорилъ, что его лучшія работы — „импровизаціи“, что, отдавшись вдохновенію, онъ чувствовалъ себя, какъ будто на каедрѣ, въ роли горячаго оратора. Онъ самъ признаетъ, что онъ — прирожденный памфлетистъ, что полемика — его стихія. И, дѣйствительно, въ этой страстности, въ этой энергичной вѣрѣ въ истину своихъ словъ — сила Бѣлинскаго. Онъ многое повторилъ изъ того, что сказано было его ближайшими предшественниками, напр. Надеждинымъ, но никто не сумѣлъ такъ горячо, проникновенно говорить съ читателями, какъ Бѣлинскій. „Когда вы перечитываете Бѣлин-

Разнообразіе и пестрота содержанія сочиненій Бѣлинскаго.

Страстность статей Бѣлинскаго.

Акад. И. Н. Ждановъ о Бѣлинскомъ. скаго, говорить акад. Ждановъ, вы не всегда съ нимъ соглашаетесь, вы можете отыскать у него противорѣчія, обмолвки, даже фактическія неточности, — но всѣ эти наблюденія, весь вашъ критическій скептицизмъ не охраняютъ васъ отъ обаянія искреннаго таланта и горячаго убѣжденія, — чувствуешь, что кровью написана всякая строка“. Оттого такъ жизненны его статьи: „полѣвка тому назадъ умеръ писатель, а въ его сочиненіяхъ все чувствуется біеніе живого человѣческаго сердца“ (Ждановъ). До него не было у насъ критиковъ, писавшихъ „кровью и слезами“, слившихъ свою жизнь съ работой въ такой мѣрѣ, какъ Бѣлинскій.

Русская критика до Бѣлинскаго.

Псевдоклассики-романтики.

Полевой — романтикъ.

Историческое значеніе Бѣлинскаго.

Русская критика начала свое существованіе со временъ появленія Карамзина. Критическіе разборы Ломоносова, Тредиаковского, Сумарокова, — эти споры о словахъ, смѣшанные съ личными выходками, не играютъ никакого значенія въ исторіи нашей критики. Лишь когда литературный переворотъ совершенъ былъ Карамзинымъ, началась у насъ принципиальная критика. Враги Карамзина, старые «псевдоклассики», не успѣли еще печатно защитити себя отъ карамзинскаго сентиментализма, какъ народился у насъ романтизмъ Жуковскаго, потомъ Пушкина. Самая горячая борьба разгорѣлась, какъ разъ, около имени Пушкина. Его первая поэма «Русланъ и Людмила», особенно «Кавказскій Пѣвнникъ» и «Бахчисарайскій фонтанъ» (съ предисловіемъ Вяземскаго) вызвали у насъ оживленную полемику о «романтизмѣ». Врагами «романтизма» выступили «классики» Мерзляковъ, Каченовскій, Катенинъ, отчасти Надеждинъ. Защитниками — кн. Вяземскій, Бестужевъ, Веневитиновъ, Полевой. Споръ вышелъ довольно безтолковый, часто переходившій на личную почву, но всетаки много выяснившій. «Романтики» перекричали «классиковъ», — и романтизмъ, какъ художественная школа, не только получилъ у насъ права гражданства, но и окончательно задавилъ ложный классицизмъ. Особенно большую роль въ этой побѣдѣ сыгралъ талантливый публицистъ, широко-образованный Полевой. Онъ принесъ къ намъ «теорію романтизма» и сдѣлался его главнымъ застрѣльщикомъ. Но Пушкинъ, въ эти дни торжества романтизма, поднялся уже до художественнаго «реализма». На помощь ему явился Гоголь со своими повѣстями и комедіями, — и Полевой оказался старовѣромъ. Тогда явился Бѣлинскій.

Его главное значеніе и заключается въ томъ, что онъ:

1) разъяснилъ современникамъ высокую поэзію «реалистической» литературы, — этимъ онъ облегчилъ современникамъ пониманіе Пушкина и Гоголя. Живншихъ самъ, какъ литературное слѣдствіе дѣятельности обоихъ великихъ нашихъ писателей, онъ отплатилъ имъ тѣмъ, что объяснилъ ихъ величіе современникамъ. Благодаря ему, они выросли въ русскомъ самосознаніи, — ихъ вѣрнѣе поняли, оцѣнили ¹⁾. Этимъ облегчена была возможность болѣе глубокаго вліянія на послѣдующую русскую литературу, — этимъ ускоренъ былъ темпъ развитія русской литературы;

¹⁾ Впрочемъ, мы видѣли, что его оцѣнки далеко не всегда были вѣрны: такъ ширина пушкинскаго міросозерцанія не уместилась въ его одностороннемъ умѣ.

2) въ русскую критику онъ внесъ опредѣленные эстетическія, философскія и общественныя основы;

3) изъ критики, до того отличавшейся педантскимъ доктринерствомъ, сдѣлалъ онъ живую общественную силу, внеся жгучую струю отзывчивости къ общественной жизни. Благодаря этому, писатель у насъ сдѣлался «общественнымъ дѣятелемъ»;

4) онъ неизмѣримо расширилъ область критики, выведя ее изъ тѣсной рамки узко-эстетическихъ вопросовъ въ широкія области идейныхъ интересовъ эпохи;

5) «эстетическую» критику замѣнилъ «исторической».

6) Его значеніе велико и какъ личности. Не имѣя возможности въ печати высказывать свои убѣжденія, онъ сумѣлъ въ своемъ интимномъ кружкѣ вліять на литературную молодежь своимъ горячимъ словомъ: вотъ почему ученики Пушкина и Гоголя въ литературномъ отношеніи, такіе писатели, какъ Тургеневъ, Гончаровъ, Некрасовъ и многіе другіе, сдѣлались учениками Бѣлинскаго въ идейномъ отношеніи ¹⁾.

Гоголь, Бѣлинскій и Пушкинъ шли по разнымъ путямъ чело­вѣческаго самосознанія. Гоголь, въ своихъ исаніяхъ истины, шелъ узкимъ путемъ самоуглубленія, пытался исключительно „своими соками“, не освѣжая ихъ, не пополняя ихъ „вліяніями извнѣ“. Бѣлинскій совсѣмъ не занимался „душевнымъ дѣломъ“, — и жилъ только чужими вліяніями, широко и свободно черпая ихъ изъ жизни русской и западноевропейской интеллигенціи и мѣняя ихъ попережѣнно. Пушкинъ въ своей жизни соединилъ оба эти пути: его внутренняя работа органически слилась съ широкимъ и, въ то же время, осторожнымъ изученіемъ чужихъ мыслей, чужого ума. И Гоголь, и Бѣлинскій отразили двѣ крайнія стороны русской души — первый — тяготѣніе къ самоанализу, къ „внутреннему дѣянію“ (древняя Русь, русское сектантство, ученія Толстого) — и второй — легкость увлеченія „последнимъ словомъ“, пришедшимъ „извнѣ“, (XVII и особенно весь XVIII, начиная съ реформы Петра, философскія и политическія увлеченія XIX вѣка). Эти „увлеченія“ всегда легко отрывали русскихъ людей отъ однихъ „авторитетовъ“, чтобы безотчетно-рабски подчинить ихъ другимъ. Изъ „скрещенія“ всѣхъ этихъ „воздѣйствій“ Пушкина, Гоголя и Бѣлинскаго — воздѣйствій литературныхъ и идейныхъ сложилось все содержаніе, характеръ, особенности и идеалы русской литературы XIX-го столѣтія.

Гоголь,
Бѣлинскій
Пушкинъ.

¹⁾ Оттого на стр. 235, въ оцѣнкѣ Гоголя, сказано, что онъ при помощи Бѣлинскаго сдѣлалъ литературу общественною силой.